
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

- Геннадий БОРДЮГОВ   Руководитель
    Андрей МАКАРОВ   Генеральный директор
    Сергей ЩЕРБИНА   Арт-директор
- Карл АЙМЕРМАХЕР   Рурский университет в Бохуме
    Петр АКУЛЬШИН   Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
    Дмитрий АНДРЕЕВ   МГУ имени М.В. Ломоносова
    Дитрих БАЙРАУ   Тюбингенский университет
    Дьердь БЕБЕШИ   Печский университет
- Владимир БЕРЕЛОВИЧ   Высшая школа по социальным наукам, Париж
    Бернд БОНВЕЧ   Рурский университет в Бохуме
    Харуки ВАДА   Фонд японских историков
- Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ   Интернет-журнал «Гэфтер»
    Людмила ГАТАГОВА   Институт российской истории РАН
    Пол ГОБЛ   Фонд Потомак
    Габриэла ГОРЦКА   Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
    Андреа ГРАЦИОЗИ   Университет Неаполя
    Никита ДЕДКОВ   Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
    Роберт ДЭВИС   Бирмингемский университет
    Алан КАСАЕВ   РИА «Новости»
    Стивен КОЭН   Принстонский, Нью-Йоркский университеты
- Андрей КУЗНЕЦОВ   Нижегородский государственный университет
    им. Н.И. Лобачевского
    Джон МОРИСОН   Лидский университет
    Игорь НАРСКИЙ   Южно-Уральский государственный университет
- Норман НЕЙМАРК   Стэнфордский университет
    Дональд РЕЙЛИ   Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
    Борис СОКОЛОВ   Русский ПЕН-центр
    Такеси ТОМИТА   Сейкей университет, Токио
- Татьяна ФИЛИППОВА   Институт востоковедения РАН и Институт российской истории
    Марк ЮНГЕ   Рурский университет в Бохуме

ГРУЗИЯ В ПУТИ ТЕНИ СТАЛИНИЗМА

Составители

Марк Юнге, Бернд Бонвеч, Даниель Мюллер

Москва
2017

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Грузия в пути. Тени сталинизма; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч, Даниель Мюллер. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 512 с. – ISBN 978-5-91022-366-4.

Как в Грузии во время «Большого террора» обращались с греками, немцами, абхазами, осетинами, лазами, армянами, езидами, турками, тюрками, русскими, евреями? Есть ли у республики свои «скелеты в шкафу»? Дискуссия по этому вопросу была далека от академических канонов и распространялась подобно паводковой волне. Коллеги, пришедшие на помощь «жертвам стихии», сами включались в дискуссию, не щадя авторов сборника и подвергая их резкой критике. В целом в дискуссию оказались вовлечены 45 ученых, в том числе из отделившихся регионов Абхазии и Южной Осетии. Несмотря на различные проявления предвзятости, очевидно, что проблемы между грузинами, абхазами и осетинами глубоко укоренены в историческом сознании и никоим образом не являются лишь следствием «российских интриг». Остальные заключения принадлежат американским, британским, российским и немецким авторам. Важнейшая цель публикации – дать читателю возможность сформулировать свое собственное мнение.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Грузия в пути – куда? 9

БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ

1. История как оружие в политической борьбе 17
2. Непогрешимый авторитет против
научного плюрализма 19
3. Национальная консолидация против
национальной гомогенизации 46
4. Нравственное осуждение против обмена
аргументами 97
5. Дух времени против видимой объективности 111

ПОПЫТКА ДОСТИЖЕНИЯ КОНСЕНСУСА

1. Из стенограммы круглого стола в Академии
МВД Грузии 123
2. Государственное вмешательство
против автономии науки 158
3. Условная нейтральность 160
4. Импульс к дальнейшему изучению
этнического фактора репрессий 162
5. Идеологические злоупотребления
против свободы науки 172
6. Конспирация против прозрачности 178
7. Психотравматологическая перспектива 183

ДРУГИЕ ГРУЗИНСКИЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

1. Политические сети против этнического фактора 193
2. Уничтожение против лишения власти этнических меньшинств 199
3. Музей оккупации против музея государственного насилия..... 201
4. Общий «пул жертв»..... 206
5. Прошлое не проходит 230

АБХАЗСКИЕ И ЮЖНООСЕТИНСКИЕ РЕПЛИКИ

1. Дьявол кроется в деталях 259
2. На пути к истине 278
3. Проекция настоящего времени в прошлое 308
4. Гомогенизация грузинских историков 312
5. Создание абхазской нации и этнические меньшинства 323
6. Внутренняя и внешняя перспектива 337

ЗАКЛЮЧЕНИЯ ИЗ США, АНГЛИИ, РОССИИ

1. Скрытый расизм 381
2. Дихотомия против проницаемости 387
3. Апология советского строя против либерализма 405
4. Социальная чистка против этнической чистки..... 411
5. Навигатор 417

ГОЛОСА ИЗ ГЕРМАНИИ

1. Контекст против изменения угла зрения..... 431
2. Квоты против территориализации 443
3. Критика соавтора..... 454

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ 483

БЛАГОДАРНОСТЬ 495

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН..... 496

ВВЕДЕНИЕ

Поскольку Я, стремясь оставаться убедительным
для себя самого и других,
Утверждаю, ложно или верно, ориентируясь на критерии
правды, которые справедливы для других,
Даже если для убедительности нет никаких абсолютных
масштабов,
А лишь те, которые кажутся сегодня и здесь
достаточными как для Него, так и для других.
Тем самым плюрализм получает своё признание.

Курт Флаш. Почему я не христианин. 2013

Грузия в пути – куда?

1 июля 2016 г. министр иностранных дел Германии Франк-Вальтер Штайнмайер посетил Грузию по случаю вступления в силу соглашения об ассоциации между Грузией и Европейским Союзом. Он высоко оценил внутривластные шаги Грузии в направлении реформ и отметил, в частности, что введение безвизового режима с ЕС является лишь вопросом времени. Накануне этого события грузинское правительство в связи с визитом официальной делегации в Берлин и само похвалило себя в больших газетных материалах в Германии¹ за то, что все требования ЕС по реформам были выполнены. С марта 2017 года безвизовый въезд в ЕС для граждан Грузии стал реальностью. 2017 год объявлен годом немецко-грузинской дружбы, а в 2018-м Грузия будет страной-партнёром на Франкфуртской книжной ярмарке.

Следовательно, во внутри- и внешнеполитическом отношении Грузия, с западной точки зрения, находится на верном пути. И действительно, страна, несмотря на гражданскую войну, вспыхнувшую после распада Советского Союза, и дальнейшую политическую и социальную нестабильность, – с момента Революции роз в 2003 г. шла при президенте Саакашвили путём демократической, ориентированной на Запад республики, даже если применяемые при этом методы не всегда соответствовали западным нормам. С момента своего военного конфликта с Россией в 2008 г. вокруг отделившихся автономных регионов Абхазии и Южной Осетии Грузия больше не является членом Содружества Независимых Государств. Хотя в стране и существовала парламентская демократия, принуждение к изменениям политического курса и правления в результате массовых протестов длительное время были характерны для грузинской внутренней политики. С момента выборов 2012 г., принесших победу оппозиционной партии «Грузинская мечта», внутривластная ситуация успокоилась, а парламентская система обрела большую стабильность. Это, несмотря на призыв бывшего президента Саакашвили к бойкоту второго тура, подтвердили выборы, состоявшиеся в октябре 2016 г. Тем не менее Грузия всё ещё находится на пути к парламентской республике западного образца. Правда,

она положительно отличается в этом отношении от России и своих кавказских соседей – Армении и Азербайджана. Однако неустойчивое экономическое положение и националистические тенденции заставляют сомневаться в том, что этот путь приведёт в обозримом будущем к цели – претворению в жизнь западных ценностей, о которых так много говорится.

Именно упомянутые тревожные аспекты националистических тенденций побудили составителей вслед за публикацией исследования о Большом терроре 1937–1938 гг. в Грузии² подготовить ещё один том. В нем представлены позиции, сформулированные как в Грузии, так и за её пределами, касающиеся этнических проблем, поднятых в исследовании, и определённых особенностей культуры памяти в Грузии. Речь идёт, в частности, о практических и научных проблемах, с которыми составители столкнулись в ходе работы. И в первую очередь – о планировавшейся публикации названного исследования, с результатами которого их грузинский партнёр, Архив Министерства внутренних дел, был категорически не согласен. Более того, он уполномочил «рецензентов» доказать несостоятельность и ненаучность этих результатов, чтобы воспрепятствовать их публикации в Грузии.

По существу, камнем преткновения стала одна, хотя и центральная, глава исследования, «Этнос и террор». В ней рассматривался вопрос о роли этнического фактора в осуществлении в Грузии предписанного Москвой и контролировавшегося ею Большого террора, т.е. преследования и осуждения определённых категорий населения «внесудебными органами» – пресловутыми тройками. Ведь этнические проблемы в истории многонациональной республики Грузии существовали с момента её основания в 1918 г., в различных политических условиях, – и, хотя и в других формах, эти проблемы сохранились вплоть до наших дней. Чтобы констатировать это, нет необходимости солидаризироваться с какой-либо из участвовавших сторон или представителей этносов.

Разногласия между грузинской и немецкой сторонами оказались непреодолимыми. Поэтому планировавшаяся совместная публикация общих результатов исследования не была осуществлена. Вместо этого совместно с Архивом МВД Грузии было реализовано только одно издание результатов проекта без главы, вызвавшей разногласия. Но немецкие руководители проекта сдали в печать дополнительно и без участия Архива немецкое и русское издания результатов проекта, включив не только спорную главу

«Этнос и террор», но и части соответствующей полемики вокруг этой главы, и самостоятельное грузинское исследование именно этой главы. После публикации конфликт продолжался, так как Академия Министерства внутренних дел Грузии обратилась с жалобой на немецких составителей к ректору Рурского университета, Фонду Фольксвагена и другим немецким научным организациям, и ректор Рурского университета по согласованию с соответствующими организациями ответил на эту жалобу.

В самом опубликованном исследовании затрагиваются, выходя за рамки этнических аспектов Большого террора, также вопросы о том, в какой степени маленькая кавказская республика Грузия была в ходе этих акций преследования, втайне проводившихся НКВД и «вневедомственными органами», не только получателем приказов, исполнительным органом и сама к тому же жертвой, но ещё и действующим лицом, и как это, вероятно, воздействовало на осуществление преследований. Таким образом, мы сталкиваемся с вопросами отношения центра и периферии и функционирования сталинистской системы. В принципе, это вопросы, касающиеся всего Советского Союза. Грузия в данном случае не только пример функционирования сталинизма. Однако сам Сталин и ответственный за осуществление Большого террора 1937–1938 гг. в Грузии первый секретарь ЦК КП Грузии Л.П. Берия – по меньшей мере в ожесточённых дискуссиях вокруг главы «Этнос и террор», – были в значительной степени вынесены за скобки или «поощажены» грузинскими «рецензентами», а грузинские репрессивные органы представлены как чистые исполнители приказов. В узком научном смысле речь шла и идёт, разумеется, и о том, является ли адекватной оценка источников, предпринятая авторами, и лежащие в её основе статистические методы. Это оспаривалось в ходе дискуссий, и читатель увидит, что на этот вопрос нет единого ответа и в напечатанных высказываниях.

В воспроизведённой далее существенно расширенной дискуссии участвовали прежде всего «рецензенты», отобранные архивом Министерства внутренних дел Грузии. Все они как признанные историки занимают высокие посты в грузинской научной системе (Академия наук, Грузинский патриарший университет им. Святого Андрея Первозванного, Государственный университет им. Ильи Чавчавадзе). Среди рецензентов, отобранных архивом, был и член Верховного Совета Абхазской Автономной Республики в изгнании. Составители прилагали усилия для того, чтобы, кроме этих участников, дать слово и другим учёным,

живущим в Грузии, так как Архив с самого начала добивался подтверждения запланированного им результата. Напротив, авторам заключений, дополнительно запрашивавшихся составителями, никакие мнения не навязывались. Правда, следует принять во внимание, что большинство молодых авторов, не особенно высоко расположенных в научной иерархии, оказались ввиду значимых позиций «рецензентов», заказанных Архивом в грузинской научной системе, вероятно, в щекотливой ситуации. Тем не менее всё-таки следовало попытаться, не предвосхищая результата, выслушать и другие голоса из Грузии.

Особенно радует составителей то обстоятельство, что они сумели привлечь учёных из отделившихся регионов Абхазии и Южной Осетии, чтобы представить и их мнение. Ведь это совершенно обоснованно расширяет рамки участников дискуссии. Несмотря на проявления предвзятости, достаточно очевидно, что проблемы между грузинами и абхазцами и осетинами глубоко укоренены в историческом сознании и никоим образом не являются лишь следствием российских интриг. Остальные заключения принадлежат американским, британским, российским и немецким авторам. При этом следует подчеркнуть две особенности: одно из заключений написано соавтором главы обсуждаемой книги. Составители, тем не менее, решили его опубликовать, так как автор полагает, что его методические и содержательные возражения, высказанные в ходе работы над исследованием, не были учтены должным образом. Правда, соавторы соответствующей главы и составители считают, что они включили и по существу опровергли эти возражения. Не желая быть заподозренными в попытках цензуры, они предоставляют читателю возможность составить собственное мнение.

Кроме того, составители включили и высказывание, опубликованное в Интернете под псевдонимом³. Это совершенно не соответствует правилам научного сообщества. Однако приняв во внимание серьёзность критики, прозвучавшей в этом высказывании, и масштабы распространения информации, составители всё же решились на столь необычный шаг. В конце концов, они прилагали усилия для того, чтобы были отражены мнения авторов заключений разного возраста.

Составители книги даже принимали участие в дискуссии, обстоятельно комментируя рецензии на свою работу.

Авторами заголовков глав и разделов, как правило, являются составители. Чтобы подчеркнуть свойственную нам всем зависи-

мость от времени и пространства, материалы издания структурированы не по тематико-содержательному или этническому признакам, а в соответствии с национально-государственной и географической принадлежностью авторов. Специальное упоминание Абхазии и Южной Осетии – это не поддержка отделения, а призыв к диалогу на равных.

В заключение следует отметить, что дискуссия была далека от академических канонов и распространялась подобно паводковой волне. Коллеги, пришедшие на помощь «жертвам стихии», сами включались в дискуссию, не щадя авторов книги и подвергая их резкой критике. В целом в дискуссию оказались вовлечены 45 человек.

Возможность опубликовать такую книгу и в Грузии является, по нашему мнению, одним из обнадеживающих показателей того, что страна находится на пути становления демократического и плюралистического государства, в котором история более не является средством защиты государственных и идеологических интересов. Такова важнейшая цель публикации – дать читателю возможность сформировать своё собственное мнение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Georgien – Eine Bereicherung für Europa // Süddeutsche Zeitung. 15.06.2016. С. 9.

²Bolschewistische Ordnung in Georgien. Der Große Terror in einer kleinen kaukasischen Republik / Сост. М. Junge, В. Bonwetsch. – Berlin: De Gruyter-Oldenbourg, 2015; იუნგე, მარკ & ბონვეტი, ბერნდ & მიულერი, დანიელ: ეთნოსი და ტერორი საქართველოში, თბილისი: გამომცემლობა ინტელექტი, 2015; იუნგე, მარკ & თუშურაშვილი, ომარ & ბონვეტ, იბერნდ (შემდგენლები): ბოლშევიკური წესრიგი საქართველოში ორ ტომად. ტომი I: დიდი ტერორი კავკასიის პატარა რესპუბლიკაში; ტომი II: დოკუმენტები დიდი ტერორის შესახებ საქართველოში. – თბილისი, 2015; Большевицкий порядок в Грузии. В двух томах. Том 1: Большой террор в одной маленькой кавказской республике. Том 2: Документы и статистика / Сост. М. Юнге, В. Бонвеч. – М.: АИРО XXI, 2015.

³Автор, выступающий под псевдонимом Густы Даймхен (имя одного из персонажей романа Генриха Манна «Верноподанный»), регулярно пишет в Интернете рецензии на книги по истории СССР. Идентифицировать автора не удастся.

БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ

Индивидуумы, общественные институты и нации создают свои компактные образы прошлого. Самое прекрасное в этих образах – они поддаются критике и исправлению, если в руках оказываются необходимые документы.

Курт Флаш. В сторону правды. 2014

---

1. История как оружие в политической борьбе

Архив МВД Грузии¹: настоящим письмом мы решили подытожить наше мнение о нашей совместной книге. Во время переписки [...] мы неоднократно сообщали Вам наши взгляды касательно таких важных для нашей страны аспектов, как территориальная целостность и этническая разновидность (об этом мы сообщили господину Оливеру Райснеру, однако реакции не последовало). Ниже перечислены основные замечания, которые очень важно учесть для продолжения совместной работы.

1. Мы считаем, что глава «Этнос и террор» совершенно не отражает репрессий и большевистского порядка в Грузии и носит антигрузинско-шовинистический характер; её авторами могли бы без угрызания совести быть Дугин, Жириновский, Митрофанов и другие кремлевские политики и идеологи.

2. Цитируя учёных, Вы ссылаетесь только на т. н. труды абхазских «историков», враждебно настроенных по отношению к грузинской государственности. В главе всё рассматривается с позиции этнического конфликта между грузинами и другими национальностями и одновременно замалчивается роль инспиратора конфликтов – Российской империи и современной России.

3. По отношению к абхазам Вы употребляете термин «геноцид», хотя это не подтверждается имеющимися у нас документами. Более того, при внимательном изучении событий 1992–1993 и 2008 годов действительно можно усмотреть факты геноцида – только по отношению не к абхазам, а грузинам. Только с территории Абхазии было выслано свыше 300 000 грузин, небывалой жестокости подверглись местные грузины (осквернение трупов и другие преступления, осуществляемые русскими, абхазами и северокавказскими боевиками). Инспирированный Россией конфликт, имевший место в Цхинвальском регионе в 2008 году, привёл к полному разрушению десятков деревень в регионе, и десятки тысяч грузин стали беженцами на собственной земле.

Цитируя Шамбу касательно геноцида абхазцев, Вы умалчиваете о фактах геноцида грузин, детально описанных в работе Тамаза Надареишвили, которая направлена в Комитет по правам человека ООН.

4. В 1918 году более тридцати стран мирового сообщества, в том числе Германия, признали независимость Грузии. В то время осетины, подстрекаемые большевиками, проявили неповиновение, в связи с чем правительством Ное Жордании были приняты надлежащие меры. Да и какая страна смирилась бы с инспирацией террористических действий на собственной территории?

5. В разных главах Вы выделяете из грузин разные этносы (мегрелы, сваны, аджарцы и т. д.). Это та самая шовинистическая политика, которую проводила Россия по отношению к Грузии в течении XX века. В своё время подобную политику опротестовал и Лаврентий Берия, написавший об этом Сталину и просивший принять меры для пресечения таких действий (прилагаем письмо Берии к настоящему письму).

6. Вы стараетесь приписать все большевистские несчастья Берии и Сталину как этническим грузинам. Несомненно, их вина по отношению к грузинам огромна, однако им не уступает в свирепости партийная номенклатура, начиная с Ленина, который утопил в крови Россию (и до Ягоды, Ежова, Хрущёва, Молотова и др.). Мы считали, что в нашей книге планировалось выявить преступления разных политических деятелей и системы, однако, к сожалению, наша книга приняла другое направление и антигрузинский характер. Во время тбилисских событий 1956, 1989 годов, а также трагедий в городах Баку, Познани (Польша) и Вильнюсе (Литва), в Венгрии и Чехословакии не было в живых Сталина и Берии, однако тоталитарная система так же свирепо обошлась с мирными демонстрантами.

7. Термин «плюрализм», на который Вы так часто ссылаетесь, никак не может объяснить тот односторонний, тенденциозный подход, который в нашей книге – случайно или намеренно – применяется.

Даже наши такие уравновешенные сотрудники [...] не могли скрыть своего возмущения, читая Ваш текст.

В завершение мы ещё раз подтверждаем Вам наше уважение и надеемся, что наши замечания будут учтены для продолжения совместной работы.

2. Непогрешимый авторитет против научного плюрализма

Д. Гамахария²: Основная тема исследования является довольно интересной и актуальной, малоизученной в грузинской историографии. Однако параллельно авторы касаются вопросов этнополитического характера, грубейшим образом искажая историю Грузии и грузинского этноса.

Авторы: *Задача совместного грузино-немецкого проекта «Сталинские массовые репрессии 1937–1938 гг. Перспектива грузино-кавказской периферии» заключалась в том, чтобы изучить специфику сталинских репрессий во время Большого террора в Грузии, т. е. как именно функционировал здесь «большевистский порядок». Другими словами, мы стремились выяснить, как республиканские партийно-советские органы осуществляли в Грузии карательные акции Большого террора на фоне общесоветской репрессивной кампании. Главные вопросы заключаются в том, могли ли грузинские власти проводить свою собственную линию в репрессивной политике, и если да, то в какой степени. Какими интересами они руководствовались в этом случае, т. е. каков был их специфический вклад в репрессии? Само собой разумеется, мы также целенаправленно исследовали вопросы взаимодействия между Грузией и московским центром.*

Д. Гамахария: По всем параграфам, с первой страницы до последней, красной нитью проходит кремлевская идея расчленения грузинской нации. Авторы недовольны тем, что «бюрократия карательных органов, вопреки бытовавшей традиции, объединяла под рубрикой “грузины” не только этнографические или, соответственно, племенные подгруппы (субэтносы) грузин, такие как картлийцы, кахетинцы, тушинцы, пшавы, хевсуры, ингилойцы, месхетинцы, имеретинцы, гурийцы, рачинцы и лечхумцы, но и аджарцев, мингрелов, сванов и бацбийцев (цова-тушинов)» (см. параграф 3. Административное сращивание: аджарцы, мингрелы, сваны, бацбийцы). Спрашивается: какую или чью «традицию» имеют в виду авторы, где и когда она «бытовала»? Ясно, что они имеют в виду «традицию» Российской империи до 1917 года, подчиненную политике ассимиляции народов, в том числе грузин, когда имперская статистика к графе «грузины» относил

лишь картлийцев и кахетинцев. Авторы вопреки этой «традиции» несколько расширили понятие «грузины», но выступают против включения в него аджарцев, мегрелов, сванов и бацбийцев, наивно (если только наивно) полагая, что от каких-то граф в статистических сборниках зависит национальное самосознание той или иной этнографической группы.

Вызывает крайнее удивление тот факт, что авторы, которых непрофессионалами никак не назовешь, договариваются до глупостей, утверждая, что включение аджарцев в состав грузинского этноса предрешило письмо Лаврентия Берии на имя И. Сталина в связи с переписью населения в 1937 году (см. параграф 3). Письмо Л. Берии лишь положило конец имперской традиции деления грузинского этноса на отдельные «народы». Однако авторы не могут не знать, что нации, народы такими письмами не ликвидируются и не создаются. Задолго до этого письма и после него аджарцы были и остаются органической частью грузинской нации.

Авторы: *Мы особенно подробно анализировали письмо Берии Сталину 1937 г. и, в конечном итоге, оценили это письмо как яркую демонстрацию сталинской национальной политики второй половины 1930-х годов. Наш тезис гласит о том, что грузинская репрессивная бюрократия в интересах гомогенизации грузинской нации уже больше не говорила об абхазах, мегрелах, сванах и бацбийцах. При этом грузинские власти действовали с опорой на политику Центра. Данное письмо Берии Сталину будет опубликовано во втором томе нашего совместного издания.*

Здесь необходимо принципиально подчеркнуть, что мы историки, а не политики, и наша задача отнюдь не состоит в том, чтобы высказываться «за» или «против» какого-либо государства и его образа государственной нации.

Д. Гамахария: Остаётся только развести руками, когда читаешь: «Какие основания, в сравнении с аджарцами, привела грузинская карательная бюрократия для того, чтобы так же узаконить включение в состав грузин мингрелов, сванов и бацбийцев, имеющиеся в нашем распоряжении источники не сообщают» (см. параграф 3). Авторы не имеют представления об истории грузинского этноса – или же умышленно искажают её в угоду и ныне продолжающейся кремлёвской политике, направленной на расчленение грузинского этноса. Опять они ищут, видите ли, источники, документы о «ликвидации» таких «национальностей», как мегрелы, сваны, бацбийцы, и включении их в состав грузинской нации! Они, видимо, полагают, что на основании решения

бюрократов, даже карательных органов, можно ликвидировать национальности и включить их куда угодно. Это не наука, а политиканство и самый настоящий бред.

Авторы явно искажают и исторические факты, когда вспоминают о 80-х годах XIX века и пишут, что тогда «мингрельский язык был объявлен диалектом грузинского, и был поставлен заслон на пути попыток со стороны России ввести мингрельский в качестве языка преподавания в школе» (параграф 3). Интересно, кто мог в 80-х годах XIX века «поставить заслон на пути попыток России» так «осчастливить» мегрелов? Почему авторы об этом молчат? В 80-х годах XIX века, в ответ на рост национально-освободительного движения в Грузии, Россия ужесточила имперскую политику и в целях разобщения – и тем самым ослабления грузинской нации стала «заботиться» о мегрелах и сванах, создавая для них школьные учебники, переводя богослужебные книги. «Заслон на пути попыток России» расчленил грузинскую нацию поставили сами мегрелы и сваны, отказавшись от псевдоучебников и другой «литературы». Господа авторы должны знать, что в истории не существует такой даты, когда мегрелов и сванов отделили или включили в состав грузинской нации. Они совместно с картлийцами изначально составляли и ныне составляют ядро грузинского этноса, разрушить которое какими-то «источниками», постановлениями или письмами, разыскиваемыми авторами, невозможно.

Как известно, в Грузии проживали и ныне проживают представители десятков разных национальностей. Авторам, поставившим перед собой задачу «изучения этнического фактора в преследованиях 1937–1938 гг.», следовало основательнее изучить историю и судьбу этих национальностей, тем более что они обязались рассмотреть «репрессии не только в отношении национальных диаспор, но и в отношении возможно большего числа этносов, включая титульную нацию – грузин» (см. параграф 2. Контекстуализация этнической компоненты). Авторы, как мы увидим, только частично выполнили обещание, сосредоточив всё своё внимание на «созданных» имперским воображением «нациях» – аджарцах, мегрелах, сванах, бацбийцах, лазах.

Неслучайно самый объёмный параграф (параграф 4) авторы посвящают весьма малочисленным лазам, стремясь во что бы то ни было «доказать», что они не принадлежат к грузинскому этносу. Подчёркивается, что в СССР в определённый период лазы учитывались как отдельная нация, и советская власть «заботи-

лашь» о них, издавая газету, а также учебники на лазском говоре. Но те же авторы не смогли скрыть подлинные и общеизвестные мотивы, обусловившие «заботу» советской власти о лазах. Проявление «заботы» о лазах, объявление их отдельным этносом, издание литературы на лазском говоре преследовало одну-единственную цель – повлиять на жителей Лазистана, волею судеб оказавшихся в составе Турции, способствовать распространению среди турецких лазов идей коммунизма и советской власти. Когда настоящая политическая игра закончилась безрезультатно, прекратилась и «забота» о лазах. Авторы об этом знают, но их это мало волнует, у них другая цель: доказать, что родственные мегрелам лазы не принадлежат к грузинскому этносу. В данном случае авторы попутно «решают» и мегрельскую «проблему» в духе имперской идеологии. Этим и вызвано, если так можно выразиться, столь непропорциональное внимание к малочисленным лазам.

Со всей убедительностью можно сказать, что одной из реальных целей авторов является ещё большее обострение грузино-абхазских и грузино-осетинских взаимоотношений, историческое «обоснование» или оправдание их «независимости». Доказательством тому служит 5-й параграф – «Социальный статус и репрессии: абхазы и осетины». Авторы проявляют некомпетентность или сознательную тенденциозность при освещении истории Абхазии, руководствуясь лишь выдумками сепаратистской и имперской историографии.

Не соответствует действительности утверждение, что в конце XVI столетия абхазы подверглись широкой исламизации. При этом тщательно скрываются процессы, происходившие в Абхазском эриставстве (понятие «эриставство» сознательно не употребляется авторами), с середины того же XVI века. Авторы ничего не говорят и о границах Абхазского эриставства, пролежавших к северо-западу от современного Нового Афона.

Авторы: *История отдельных областей сегодняшней Абхазии до XIX–XX вв. является в историографии предметом дискуссии. Но этот период в истории Абхазии в любом случае не имеет большого значения для изучения репрессий в отношении абхазов в годы Большого террора, а также их этногенеза. Частичная исламизация абхазов начиная с XVI века (а не только в 16-м веке) вплоть до исхода абхазов в Турцию в 1864 г. (махаджирство) хорошо изучена и документирована. Исламизация была важной причиной эмиграции абхазов (и черкесов) в Османскую империю.*

Д. Гамахария: Выгораживая Россию, авторы неоднократно отмечают, что в 60-х и 70-х годах XIX века абхазов не насильно выгнали из Абхазии, а большинство из них просто покинуло страну и эмигрировало в Османскую империю.

Авторы: Ссылки в нашем тексте на восстания абхазов 1866–1867 и 1877–1878 годов уже сами по себе указывают на насильственный характер, свойственный противостоянию абхазов и российских властей. Утверждение о том, что покорение народов Северного Кавказа (абхазов и черкесов) проходило насильственным путём, является обоснованным и корректным. Этому процессу были свойственны аспекты насильственного изгнания и даже этнических чисток, а также беженства. Например, часть абхазов была не готова согласиться с требованиями российских властей и переселиться в долины, в результате эти абхазы предпочли эмигрировать в Османскую империю. В целом аспект насильственной аннексии и изгнания являлся, без сомнения, очень важным, о чём, повторимся, свидетельствует также сопротивление со стороны абхазов в виде восстаний. Авторы никоим образом не стремились преуменьшить серьёзность этих событий. Мы учли это справедливое замечание и внесли соответствующие дополнения/изменения в текст книги.

Д. Гамахария: Авторы повторяют выдумку сепаратистов о переселении части абхазов на Северный Кавказ, скрывая тем самым факт заселения исторической Абхазии апсуа-абазами.

Авторы: Насколько известно авторам, этот вопрос, скорее сомнительный с исторической точки зрения, приобрел сегодня весьма большое значение как в грузинской, так и в абхазской историографии. Такое значение этому вопросу придает проблема прецедента, которому обе партии отводят чрезмерную роль в споре вокруг Абхазии. Так кто же был первым? Это были абхазы, мигрировавшие в XVII–XVIII веках с территории Северного Кавказа в Абхазию (картвельский прецедент), или это были абазыны, которые в XVI–XVII веках мигрировали из Абхазии на Северо-Западный Кавказ (абхазский прецедент)? Сначала необходимо отметить, что сторонние наблюдатели (и мы в том числе) не придают этому вопросу такого важного значения³. Однако если речь идёт о фактической стороне дела, то в международных исследованиях доминирует точка зрения, согласно которой группы абхазоязычного населения («бескесек-абаза», абазыны) переселились на Северный Кавказ из Абхазии, а не наоборот⁴. Позиция, согласно которой абхазы являются переселенцами с Северного

Кавказа, причём очень поздними переселенцами, ограничивается, насколько нам известно, главным образом исследованиями в независимой Грузии и может рассматриваться как часть коммуникативной стратегии, направленной на то, чтобы лишить притязания со стороны Абхазии их легитимации. Мы дополнительно привели в постраничных сносках соответствующую ссылку, в которой приводится точка зрения грузинской стороны.

Д. Гамахария: Постоянно подчёркивая факт заселения Абхазии жителями западной Грузии, авторы ни словом не обмолвились о выселении грузин из Абхазии в конце XVII и в начале XVIII века.

Авторы: В рамках исследовательского проекта, посвящённого Большому террору 1937–1938 гг., не было как возможности, так и смысла представлять комплексные процессы иммиграции, эмиграции и ассимиляции отдельных групп населения Грузии вплоть до XVIII столетия включительно. Кроме этого, мы вновь указываем на весьма относительную актуальность такого рода вопросов для нашего исследования. Исторически, вне всякого сомнения, имели место процессы эмиграции и ассимиляции мегрелов, однако конкретное значение этих процессов для конфликтов конца XIX и всего XX века было незначительным, если только речь не идёт здесь вновь о вопросах прецедента и делегитимации, важность которых для нашего исследования мы уже оспорили. Напротив, массовое и хорошо организованное переселение групп картвельского населения в Абхазию в царское и советское время, факт которого, как правило, игнорируется или ожесточённо оспаривается в грузинской историографии (в результате чего мы – «постоянно подчёркивая факт» – расцениваем оправданным неоднократное указание на этот феномен), не только хорошо документировано, но и имеет большое значение для нашего исследования, поскольку процессы миграции и колонизации протекали непосредственно в изучаемый нами период, а также были составной частью межнационального конфликта.

Д. Гамахария: Отметив, что часть абхазов сражалась против грузинских меньшевиков, авторы ничего не сказали, на чей стороне выступало большинство абхазов в 1918–1920 годах; [также не упоминается,] что на демократических выборах в Народный Совет Абхазии победила Грузинская Социал-демократическая партия, состоявшая преимущественно из этнических абхазов.

Авторы: Здесь необходимо обратить внимание на ряд различных аспектов. Действительно, было бы слишком прямолинейно

свести все военное противостояние к конфликту между грузинами – сторонниками меньшевиков, и абхазами – противниками меньшевиков. Имелись также абхазы, выступавшие на стороне меньшевиков, о чём также свидетельствуют протоколы тройки.

Однако здесь, как и в вопросе с выборами в Народный Совет Абхазии, следует обратить внимание на то, что ещё в 1926 г. в «Большой советской энциклопедии» численность абхазов в Абхазии указывалась в размере более 80 тыс. человек, в то время как в конце 1926 г. их численность парадоксальным образом снизилась до 56 тыс. человек. Таким образом, здесь имел место процесс ассимиляции: христианское население Самурзакано (Гальский уезд) сначала учитывалось как абхазское, а потом – как мегрельское население. Следовательно, стоило бы задаться вопросом, всегда ли «абхаз» образца 1918–1921 гг. действительно принадлежал к абхазской национальности, «вычлененной» после 1926 г., или преимущественно относился к населению Гали, которое теперь рассматривалось как мегрельское.

То же самое справедливо в отношении выборов, причём дополнительно следует отметить, что характеристика этих выборов как «демократических» крайне сомнительна. В 1918–1921 гг. во многих регионах состоялись плебисциты и выборы в духе лозунга «самоопределения народов» Вудро Вильсона. Однако, как правило, эти выборы служили лишь для легитимации правящих режимов. Так, в Абхазии, оккупированной меньшевиками, выборы обеспечили поддержку меньшевистской партии, в то время как в Батуми, оккупированном турками, результаты плебисцита послужили для подкрепления территориальных притязаний Турции.

Д. Гамахария: Далеко от истины утверждение о том, что в 20-х годах XX века доля этнических абхазов составляла «только половину населения» Абхазии. На самом деле доля абхазов составляла примерно 25 %.

Авторы: Как уже упоминалось, численность абхазов составляла в Абхазии, согласно «Большой советской энциклопедии» 1926 г. (очевидно, цифры были заимствованы из материалов переписи населения Грузии 1922–1923 гг.), 83 794 человека, то есть около 48,1 % от общей численности населения Абхазии в размере 174 126 человек. В то же время численность грузин (включая мегрелов) указывалась в размере 32 000 человек. В ходе Всесоюзной переписи населения 1926 г. (т. е. по состоянию на 17 декабря 1926 г.) численность абхазов была установлена только в размере

55918 человек (с учётом 4 абхазов – иностранных граждан – 27,8 %, т. е. около четверти, как и указывается в справке рецензента), в то время как численность грузин в Абхазии (включая мегрелов) называлась в количестве 67494 (только советские подданные). В итоге численность абхазов уменьшилась на 28000 человек, численность грузин – увеличилась на 35000 человек. Таким образом, здесь статистически можно распознать «переоценку» этнической принадлежности примерно 30000 жителей Гальского уезда, христиан по вероисповеданию. Это подтверждают местные данные, а также данные так называемых «посемейных списков» 1886 г., согласно которым в Сухумском округе проживало 30640 самурзаканцев, представителей субэтноса абхазов, а также 28323 (прочих) абхаза, но только 3558 мегрелов. Мы добавили соответствующий пассаж в постраничные сноски.

Д. Гамахария: Прямым насилием над историей является утверждение о «мегрелизации» православных абхазов в районах, граничащих с Мингрелией – т. е. в Гальском районе.

Авторы: Вопрос о том, действительно ли жители Самурзакано (исторической области, которая в значительной степени, но не полностью вошла позднее в состав Гальского уезда) «изначально» были мегрелами, позднее ассимилированными абхазами, или были абхазами, ассимилированными мегрелами, может быть разрешен, если это вообще возможно, лишь в результате огромной работы над источниками. Это не входило в наши задачи, тем более что с точки зрения проблематики Большого террора настоящий вопрос имеет лишь второстепенное значение. В любом случае речь идёт о населении с амбивалентными этническими критериями и, по крайней мере для стороннего наблюдателя, с амбивалентной идентичностью. Так, в 1897 г. в Сухумском округе были учтены 58697 человек, назвавших абхазский своим родным языком, и 25873 человек, родными языками которых являлись картвельские языки (в подавляющем большинстве случаев – мегрельский). Зато в 1926 г. в Абхазии было учтено только 47307 человек, для которых родным языком был абхазский. Это обстоятельство, равно как и сокращение численности абхазов, согласно данным переписи 1926 г., с 84000 до 56000, являются признаком «мегрелизации»; такого рода процессы хорошо прослеживаются на основании статистических данных. В отличие от весьма вероятной «абхазизации» Самурзакано в начале XIX века, процессы «мегрелизации» был ещё относительно свежи в сознании населения, поскольку всё ещё были живы многие оче-

видцы: область, населенная преимущественно абхазами, в результате переселения и изгнания абхазов (в царское время), ассимиляции (в первую очередь в Самурзакано), а также поддерживаемой государством миграционной политики, приобрела главным образом мегрело-грузинские, а также мультиэтничные черты.

Что же касается нашего утверждения о том, что абхазы составляли «только половину населения» Абхазии, то оно полностью основывается на фактах. Абхазоязычное население, даже после эмиграции и восстаний, составляло в 1897 г. 58 697 человек (55,3 %) из 106 179 жителей Абхазии, и даже в 1922–1923 гг. – всё ещё 48,1 %. Только после того, как в 1926 г. население Гальского уезда перестали рассматривать как абхазов, доля абхазского населения сократилась до 27,8 %. С учётом Самурзакано численность абхазов составляла в 1886 г. даже 58 963 человека из общей численности в размере 68 773 человека. Эта утрата абхазами большинства в начале XX века хорошо документирована статистически, и она является важной для понимания и изучения этнических конфликтов и их роли в годы Большого террора.

Мы полагаем, что учёт жителей Самурзакано в качестве абхазов в ходе разного рода подсчетов, по крайней мере в 1886 г. и в 1922–1923 гг., в определённой мере также в 1897 г., был уже тогда проблематичным, поскольку амбивалентный характер этой группы подразумевал наличие у самурзаканцев многих мегрельских черт. Исходя из этого, решение, согласно которому самурзаканцев после 1926 г. стали расценивать как «мегрелов», выглядит вполне приемлемым. Однако эту оценку нельзя проецировать на прошлое, равно как нельзя забывать, что она касается только региона Самурзакано. Выводить территориальные притязания Грузии только лишь из факта такого рода причисления самурзаканцев к мингрелам вдвойне проблематично: во-первых, игнорируется тот факт, что жители Самурзакано фигурировали в источниках именно как абхазы, и их нельзя без оговорок рассматривать как мегрелов; во-вторых, на подавляющем большинстве территории Абхазии в 1886 г. ещё не было ни мегрелов, ни самурзаканцев.

В общем и целом чрезмерное внимание, уделяемое статистическим данным и, соответственно, историческому преобладанию численности того или иного народа, кажется нам не очень плодотворным, если только речь снова не идёт о попытке лишить легитимности претензии абхазской стороны. Такой подход уже был подвергнут нами критике. Точка зрения грузинской

стороны находит своё подтверждение только в специально отобранных источниках. В случае же привлечения широкого круга источников формируется более сложная, отчасти амбивалентная картина.

Что же касается рассмотрения Большого террора, прежде всего важным является то обстоятельство, что в 1930-е годы в сознании населения, в своём большинстве неграмотного, ещё была жива память о процессах конца XIX – начала XX века. Здесь речь идёт о региональных процессах ассимиляции, массовой эмиграции абхазов и миграции на территорию Абхазии мегрелов, а также представителей других национальностей (армян, греков). Таким образом, у обеих сторон формировалось осознание конфликта за господство в Абхазии, который развивался в тесном контакте с событиями Гражданской войны в 1918–1921 гг. и спором вокруг административно-территориального статуса Абхазии. Абхазы расценивали сложившуюся ситуацию как угрозу их ведущей роли в регионе, в свою очередь центральное правительство Грузии стремилось превратить Абхазию в неотъемлемую часть Грузии. Мы полагаем, что эти процессы, протекавшие параллельно, нашли своё отражение в массовых репрессиях Большого террора.

Д. Гамахария: Авторы умалчивают о том, что ССР Абхазия изначально была создана временно – до созыва съезда советов, а не на вечные времена. С подобным статусом по всей России существовало не одно образование (Донская Советская Республика, Черноморская Советская Республика, Кубанская Советская Республика, Кубано-Черноморская Советская Республика и т. д.), о которых сегодня никто не помнит. Следовательно, статус Абхазии не был уникальным.

Авторы: Здесь имеется двойное различие. Во-первых, в отличие от названных рецензентом эфемерных административных образований, прекративших своё существование сразу же после окончания Гражданской войны, Абхазия вплоть до 1931 г. фигурировала в официальных документах в качестве ССР. Во-вторых, такое особое положение, в том числе нашедшее своё выражение в кадровом составе республиканских органов власти, было тесно связано с этническим («национальным») характером Абхазии, в отличие от вышеназванных республик, в которых доминировали русские. Сохранение статуса ССР, на который Абхазия с её 200-тысячным населением, лишённая городов и индустрии, едва ли могла претендовать, неразрывно связано с опи-

сываемым нами конфликтом между абхазами и грузинами, важность которого для Большого террора мы здесь постулируем.

Д. Гамахария: Абхазия входила в состав Закавказской Федерации только через Грузию, а не непосредственно.

Авторы: Это совершенно верное утверждение, которое мы нигде и никоим образом не пытались оспорить. Дословно мы пишем следующее:

«Республика получила особый статус, после того как в 1921 г. она официально была объявлена Советской Социалистической республикой Абхазия, хотя фактически она не соответствовала этому статусу, входя в состав Грузинской ССР и являясь частью Закавказской Социалистической Федеративной Советской республики. Эта аномалия или амбивалентность – Советская Социалистическая республика как государство, входящее в состав другой Советской Социалистической республики – была частично скорректирована уже в конце всё того же 1925 г., когда произошло первое понижение статуса Абхазии – до уровня Договорной ССР, Абхазской ДССР. Это означало, что речь идёт о советской республике, имеющей особые отношения с Грузией, регулировавшиеся специальными договорами. Но и этот статус, как и предыдущий, был уникальным в своём роде, Абхазия была единственной “договорной” республикой в составе Советского Союза».

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что Абхазия по причине своей незначительной территории фактически ещё меньше подходила на роль Советской Социалистической Республики, чем Карело-Финская ССР 1940–1955 гг. Сохранение этого несоразмерно высокого статуса, как и в случае с Карелией, можно объяснить только политическими мотивами в рамках советской национальной политики. То, что Абхазия никогда не могла выступать в роли четвертой равноправной республики из числа республик, входивших в состав ЗСФСР, совершенно очевидно. Но и особый (уникальный) статус Абхазии (см. конституцию 1925 г.) также едва ли может быть оспорен.

Д. Гамахария: Авторы говорят о понижении статуса Абхазии в 1921 и 1931 годах, однако ни словом не обмолвились о том, что в Конституции СССР 1924 года она зафиксирована как автономная республика, которая в центральном законодательном органе СССР была представлена на уровне негосударственного образования – автономной области.

Авторы: В Конституции Грузинской ССР 1922 г. Абхазия именуется Абхазской ССР. Точно так же в Конституции Абхазии 1925 г. речь идёт об Абхазской ССР. Напротив, в Конституции СССР 1924 г. Абхазия именуется «автономной» республикой наравне с Аджарией. Такое положение вещей хорошо укладывается в нашу концепцию амбивалентного положения Абхазии. В результате мы не видим здесь какого-либо противоречия с нашей позицией, но мы охотно включили соответствующее упоминание в текст книги.

Д. Гамахария: Фантазией авторов является утверждение, что ССР Абхазия имела право непосредственного обращения в центральные органы СССР. Даже в 1921 году, до установления с Грузией договорных отношений, Абхазия не имела права обращения даже в правительство РСФСР.

Авторы: Здесь, очевидно, речь идёт о недоразумении. Мы нигде не писали о том, что Абхазия «имела право непосредственного обращения в центральные органы СССР», минуя промежуточные инстанции в лице Грузинской ССР или Закавказской СФСР. Мы лишь подчёркивали, что в результате личных контактов, в первую очередь Лакобы, имелись неофициальные возможности такого рода, как «напрямую апеллировать к Москве и вести политическую линию, независимую от Грузии». В 1978 г., в преддверии принятия «брежневской» конституции, Абхазия также не имела каких-либо «прав», позволявших ей непосредственно обратиться к руководству СССР, и, тем не менее, ей удалось добиться того, чтобы Москва отправила высокопоставленных функционеров, с целью достижения компромисса между интересами Грузии и Абхазии, невзирая на вопросы «формальной компетенции» (как и в 1988 г. в случае с Нагорным Карабахом).

Д. Гамахария: Необходимо тщательно перепроверить статистику репрессий, которой оперируют авторы, занимающие крайне тенденциозную позицию; они фальсифицируют историю, имея конечной целью оправдание «независимости» Абхазии.

Авторы: Мы решительно отклоняем любое обвинение в манипуляции данными в политических целях.

Д. Гамахария: Говоря о замене латинского алфавита грузинским, авторы умалчивают о том, что реформа алфавита проводилась по всему СССР в целях унификации письменностей «автономных национальностей» с письменностями государственных языков соответствующих союзных республик.

Авторы: Мы писали о том, что все языки народов СССР, письменность которых в советское время была переведена на латинский шрифт, около 1938 г. пережили очередную реформу, в результате которой латинский шрифт был заменен кириллицей. В Закавказье все латинизированные языки национальных меньшинств также получили алфавиты на основе кириллицы. Единственное исключение во всем СССР составляли абхазы и осетины, проживавшие в Грузии: их письменность была переведена на грузинский алфавит. Автономный статус, как пишет рецензент, не играл никакой роли в такой парадоксальной реформе письменности абхазов и осетин. Следуя этой логике, армянский язык в Нагорно-Карабахской автономной области должны были бы перевести на кириллицу, как и азербайджанский, государственный язык Азербайджанской ССР. Введение грузинского алфавита для абхазов и осетин в Грузии являлось, несомненно, частью политического плана, отделить эти группы от абазин и осетин, проживавших в РСФСР, письменность которых была переведена на кириллицу, а также подготовить их систематическую языковую ассимиляцию⁵.

Д. Гамахария: Переходя к «советским национальностям» — армянам и азербайджанцам, авторы рассматривают политические репрессии как орудие национальной или межнациональной мести, причём главными «мстителями» являются грузины. Особое внимание они уделяют армянам.

Сразу же бросается в глаза тенденциозность авторов, когда они говорят о войне между Арменией и Грузией в декабре 1918 года. Нигде не указывается, что в декабре 1918 года войну развязала Армения, что она потерпела поражение, и только англичане спасли её от полной катастрофы. Наши уважаемые авторы пытаются создать у читателя впечатление, что в этой войне победили армяне. Они пишут, что «ряд областей на юге бывшей Тифлисской губернии был завоёван армянскими войсками в 1918 году и присоединён к Армении» (параграф 6). С чем мы в данном случае имеем дело: с незнанием или фальсификацией истории? И то и другое, мягко говоря, недопустимо.

Авторы: Ответ на эту критику мы бы хотели начать со взгляда на географическую карту. Северная часть сегодняшней Армении (Лори, Степанаван) входила до 1918 г. в Тифлисскую, а не в Эриванскую губернию. Эти области были завоеваны армянами в декабре 1918 г., грузинские войска, которые понесли большие потери, вынуждены были отступить. Британцы дей-

ствительно вмешались в эти события, поскольку стремились к ликвидации вооружённого конфликта. Была создана нейтральная зона, позднее поделенная между Арменией и Грузией. Остается фактом, что эти области были завоеваны армянами. Таким образом, армяне сумели изменить в свою пользу положение, существовавшее перед началом вооружённого конфликта, а грузины потерпели военное поражение, даже с учётом того, что армянское наступление было остановлено в результате вмешательства британцев. Следовательно, как нам кажется, совершенно безосновательно говорить здесь о «полной катастрофе», якобы постигшей армян. Однако наш рецензент прав в том, что армяне фактически выступили в этом конфликте в роли агрессора. Соответствующую ссылку мы внесли в текст главы. Однако здесь также следует учитывать существовавшие на то время проблемы, связанные с неурегулированным вопросом о границе между обеими республиками. Грузия и Армения (как и Азербайджан с Турцией) не имели на тот момент общепризнанной линии границы. Согласно праву народов на самоопределение, которое главенствовало в тогдашней политике с момента объявления «14 пунктов» президента США Вильсона (1917), эта зона на юге Тифлисской губернии, в которой компактно проживали преимущественно армяне, должна была без каких-либо сомнений отойти Армении. Тем не менее Армения выступила в данном случае в качестве оккупанта, и значение этого факта преуменьшать не стоит. Речь здесь не идёт о том, чтобы делить нации на «плохие» и «хорошие».

Д. Гамахрия: Репрессии против армян в разных городах и деревнях рассматриваются «как пример нацеленных тенденций национальной гомогенизации на периферии» (параграф 6). Репрессии против армян в Абхазии «для карательной бюрократии, управлявшейся из Тифлиса», как говорят авторы, являлись карательной мерой против «потенциальных союзников абхазов против доминирования грузин и мегрелов» (параграф 6). На эту мысль их наводят события 1992–1993 гг. Однако авторы не знают, что в 1918–1921 гг. армянское население Абхазии занимало прогрузинскую, следовательно – антисепаратистскую позицию, а как оно поведет себя через полвека, вряд ли могла предположить карательная администрация.

Авторы: Наша аргументация в отношении армян в Абхазии опирается на документы и статистические материалы. Без всякого сомнения, было бы ошибкой выводить позицию армян

времен *Большого террора*, апеллируя к роли, которую армяне сыграли в абхазо-грузинской войне 1992–1993 гг. В этом отношении критика справедлива, соответствующее упоминание в тексте было нами переработано. Однако мы не можем согласиться с утверждением рецензента, согласно которому армяне в Абхазии в 1918–1921 гг. якобы занимали «прогрузинскую» позицию. Здесь стоит вспомнить хотя бы об упомянутом выше вооружённом конфликте между Арменией и Грузией в 1918 г. Как и в случае с абхазами и самурзаканцами, здесь очень трудно найти какие-либо достоверные документальные источники. В качестве примера мы вновь указываем на результаты плебисцита, проведённого турками в Батуми, достоверность которых крайне сомнительна. Факт остается фактом: хотя в 1937–1938 гг. абхазы составляли только около 20–25 % населения Абхазии, однако с учётом армян, греков и т. д. около половины населения Абхазской АССР составляли не картвелы. Таким образом, присутствие армян в Абхазии «по умолчанию» являлось препятствием на пути доминирования мегрелов/грузин. Именно об этом шла речь, когда мы писали об армянах как о «потенциальных союзниках» абхазов.

Д. Гамахария: Знакомство с окончательным выводом авторов может вызвать лишь горькую улыбку. Они пишут: «Итак, главной целью репрессий в отношении армян было нанесение удара по их укоренённой позиции в грузинском обществе» (параграф 6).

Авторы: Мы полагаем, что уже обосновали это утверждение в достаточной мере. Повторимся ещё раз – структурно сильная позиция, которую армяне занимали в грузинской провинции (Ахалцихе, Ахалкалаки, Абхазия) и которая зачастую недооценивается, сыграла весомую роль в репрессиях периода *Большого террора*.

Д. Гамахария: Установив, что азербайджанцев репрессировали ещё более сурово, чем армян, авторы делают вывод, что «в случае с азербайджанцами (так же, как и в случае с армянами) имел место скрытно тлеющий территориальный конфликт между ними и грузинами» (параграф 6). Всё это, конечно, весьма и весьма далеко от истины.

Авторы: Взаимные территориальные претензии Грузии и Азербайджана хорошо документированы (к примеру, материалами Парижской мирной конференции в виде географических карт). На чем, в свою очередь, основывается рецензент, когда подвергает эти территориальные претензии сомнению? Мы бы хотели здесь увидеть контраргументы в отношении приведённо-

го нами мотива репрессий азербайджанцев, которые, несмотря на свой низкий социальный статус в грузинском обществе, преследовались сверхпропорционально. В качестве объяснения, как мы считаем, в том числе могут послужить имевшие место территориальные споры между Грузией и Азербайджаном. Поскольку в документах, имеющихся в нашем распоряжении, нет прямых доказательств этого, то речь здесь, как и в ряде других случаев, идёт об убедительной научной гипотезе.

Д. Гамахария: Седьмой параграф посвящается т. н. «высоко-статусным советским» национальностям – русским, украинцам и евреям. Обнаружив, что интенсивность применения высшей меры наказания в отношении русских и украинцев была выше, чем в отношении грузин, авторы делают «оригинальный» вывод, что эти «высокостатусные» нации «не имели в Грузии какого-либо особого статуса» (параграф 7). Вот так легко вывернулись: русские и украинцы – «высокостатусные» нации, а в Грузии, видите ли, они никакого статуса не имели?!

Авторы: Здесь необходимо подчеркнуть, что интенсивность преследований в отношении русских и украинцев практически не отличалась от соответствующих репрессивных показателей в отношении грузин. Это, в свою очередь, могло означать, что, с одной стороны, у грузинских властей не было особенных, этнически мотивированных, причин репрессий в отношении русских и украинцев. С другой стороны, высокий общесоюзный статус «привилегированного» этноса не являлся дополнительной защитой от преследований. Однако здесь мы также указываем на значительную долю т. н. сектантов (духоборцев, молокан) среди восточнославянского населения Грузии. Возможно, в данном случае имела место взаимная компенсация различных аспектов (высокостатусные русские элиты, проживавшие в городах, – низкий уровень репрессий и «сектанты», преимущественно проживавшие в сельской местности, – высокий уровень репрессий). Мы внесли в текст соответствующее дополнение.

Д. Гамахария: В случае евреев авторы утверждают, что репрессии против них, особенно евреев-иммигрантов (ашкенази), связаны – к тому же «без всякого сомнения» – с чисткой «партийных и государственных органов от евреев-ашкенази в духе формирования гомогенных политических и административных структур власти из представителей титульной нации» (параграф 7).

Авторы: Также и здесь мы привели достаточные доказательства нашей точки зрения.

Д. Гамахария: Таким образом, если верить авторам, армян, азербайджанцев, евреев в Грузии убивали в 1937–1938 гг. в интересах Грузии и грузин. Зная, что это абсурд, авторы решили этот «вывод» не распространять на русских и украинцев, поскольку никто этому не поверил бы.

Авторы: Мы полагаем, что полемика такого рода не является продуктивной, поскольку не содержит аргументов, достойных обсуждения.

Д. Гамахария: 8-й параграф посвящается «иностранным» национальностям – курдам, езидам, грекам и иранцам. И здесь авторы стремятся «не упустить из виду потенциальные внутренние “грузинские” мотивы репрессий» (параграф 8). Абсолютно неприемлемо утверждение, что «район происхождения и основного расселения» курдов, «так же как и у лазов, находился за пределами Грузии (и советских границ в целом)» (параграф 8). Авторы не знают или умалчивают о том, что Лазикой византийских источников является исторический Эгриси – Западная Грузия. Поэтому сравнение лазов с курдами, мягко говоря, глубоко ошибочно.

Авторы: Основной район поселения лазов находится в Турции. Здесь в 1937–1938 гг. проживало более чем 90 % лазов, для которых лазский язык был родным. Что же касается СССР, то единственным компактным поселением лазов на его территории в 1937–1938 гг. (как и в 1918 г.) была деревня Сарпи (фактически половина деревни), располагавшаяся в Аджарии. Прочие лазы проживали дисперсно на территории Аджарии, а также – в качестве беженцев из Османской империи – в Абхазии. Что же касается такого древнего государственного образования, как Лазика (Эгриси), история которого имеет весьма и весьма опосредованное отношение к Большому террору, то Лазика (Эгриси) очевидно не была заселена преимущественно лазами, в противном случае вся Западная Грузия, все области, ставшие позднее местом проживания не только лазов, но и сванов, мегрелов, имеретинцев и т.д., должны расцениваться как исключительно лазские. Правильно ли мы поняли, что рецензент допускает такое расширение района расселения лазов во времена Византии? В общем и целом рецензент, как мы считаем, снова и снова совершает ошибку, когда расценивает государственные образования античности, средневековья и Нового времени как национальные государства в современном смысле (например, как это было в случае со средневековым Абхазским княжеством). Скорее всего, это государство – Лазика – было обязано своим

именем только одной (западной) части его населения. Но и после 1918 г. эта западная часть населения почти полностью проживает в Турции. Этимологические идентификации такого рода (Лазика (Эгриси) = лазы) редко бывают уместными. Таким образом, мы продолжаем настаивать: исконные области расселения как курдов, так и лазов (за исключением Сарпи) располагались в 1937–1938 гг. за пределами Грузии и СССР в целом.

Д. Гамахария: Уважаемые авторы, имея на руках приказ комиссара внутренних дел СССР Николая Ежова от 11 августа 1937 года № 50215 о преследовании греков, пишут о «преимущественно местных внутривластных мотивах их преследований». Без приведения каких-либо аргументов авторы утверждают: «кажется вполне возможным, что грузинская карательная бюрократия» приказ Н. Ежова использовала в своих целях и интересах. Авторы имеют в виду существование многочисленной греческой диаспоры в Абхазии и Аджарии, которая в случае интервенции британцев через Чёрное море могла исполнять роль «пятой колонны» (параграф 8). Такие предположения властей, по мнению авторов, «вытекали из событий Крымской войны и других попыток иностранного вторжения через Чёрное море в 1877–1878 гг., 1914–1915 гг. и, в первую очередь, в 1918–1921 гг.» (параграф 8-й). Здесь имеем дело если не с сознательной провокацией, то с большим недоразумением. Приведённые исторические примеры свидетельствуют лишь о том, что в ходе репрессий против греков имелись не какие-то особые грузинские, а только имперские интересы России. Греки, живущие в Грузии, в том числе в Абхазии, Аджарии, никогда против Грузии не выступали. Более того, в 1918–1921 гг., когда существовала независимая Грузинская Демократическая Республика, греки Абхазии являлись твёрдой опорой грузинского государства в борьбе против Турции, а также с большевиками и белогвардейцами, перекликавшейся с борьбой против сепаратизма. Так что в данном случае исключительно имперские интересы преследования греков выдаются за «внутриполитические», т. е. за грузинские интересы. Достаточно поставить вопрос: в 30-х годах XX века греки Абхазии считались потенциальной «пятой колонной» в отношении Грузии или поработившей её советской империи? Ответ однозначен, но не для авторов «Этноса и террора».

Авторы: Оперативные приказы НКВД СССР о проведении Большого террора хорошо известны. Однако специфика массовых операций Большого террора как раз и заключалась в том,

что карательные полномочия и фактическое проведение репрессий были в значительной мере отданы на откуп местным (республиканским, краевым и областным) карательным органам. Именно поэтому мы придаем такое особое значение именно региональным интересам, которые так часто игнорируются в историографии.

Д. Гамахария: Ту же линию, если так можно выразиться, продолжают авторы и в отношении иранцев. Они знают о директиве НКВД № 202 от 29 января 1938 г. о проведении «иранской» операции (параграф 8), тем не менее без всяких аргументов и фактических данных делают вывод, что «репрессии в отношении иранцев означали реализацию региональных грузинских интересов, заключавшихся в проведении ряда мероприятий демографического и политического свойства, нацеленных на дисциплинирование групп населения» (параграф 8) и т. д.

Авторы: См. наш предыдущий ответ.

Д. Гамахария: 9-й параграф посвящается туркам. Опять-таки без всяких оснований авторы пишут, что «желательным побочным эффектом репрессий было вытеснение турок (и “тюрок””) с политической и общественной арены Грузии. Выиграть от этого могли, хотя и не по своей воле, этнические грузины» (параграф 9). Но авторы на этом не останавливаются. Как известно, московский центр репрессировал турок под предлогом обеспечения безопасности границ. Оказывается, Грузия всё это использовала в своих интересах: «Грузия с избыточным рвением отстаивала свои интересы, турецкое меньшинство было ослаблено. Преследование турок сводилось в 1937–1938 годах к ослаблению возможностей этой национальной группы выражать свои интересы и принимать участие в общественной жизни Грузии» (параграф 9).

Авторы: См. наш ответ на критику выше. В целом мы сформулировали здесь наш вывод гораздо более чётко – не как фактическое утверждение, а как гипотезу: «турецкое меньшинство было ослаблено, а граница запечатана с чрезмерным усердием – признак того, что многовековое военное противостояние с Османской империей, включая русско-турецкие войны, также могло определять действия карательных органов».

Д. Гамахария: Следующий 10-й параграф – о «враждебной» нации, т. е. о немцах. Известно, что в отношении немцев существовал приказ НКВД СССР от 25 июля 1937 г. Он касался граждан Германии, но репрессии подвергались и советские немцы. Проанализировав статистические материалы о репрессиях немцев,

авторы высказывают предположение (не вывод), что в отношении немцев в Грузии сочетались интересы «периферии и центра» (первое – периферия?!). По мнению авторов, немцы со своим высоким уровнем образования, участием в местных органах власти, представительством в партийном и государственном аппарате, промышленности и кустарном производстве «составляли самую настоящую конкуренцию титульной нации Грузии». Поэтому, используя ярлык «вражеской национальности», немцев подвергли дискриминации в Грузии. Авторы сами вынуждены сквозь зубы процедить, что существовало «традиционное расположение, которым немцы пользовались в Грузии», которое потом, якобы, «сменилось дискриминацией и изоляцией». И всё это в интересах периферии?! Всё это ложно, а со стороны немца – ещё и нечестно рассказывать подобные сказки.

Авторы: *С нашей точки зрения, в случае с немцами имело место сочетание интересов центра и периферии, что привело к особенно интенсивным и жестоким репрессиям.*

Д. Гамахария: Верхом, в лучшем случае, некомпетентности, а в худшем – преднамеренной фальсификации истории Грузии и грузинского народа являются заключительные параграфы, преследующие далеко идущие политические цели. В любом демократическом государстве подобные «труды» стали бы предметом обсуждения более компетентных в этих вопросах органов, чем научные организации. Авторы перешагнули все грани дозволенного, утверждая: «Репрессивная статистика, упорядоченная по национальному признаку, отображает не только административные аспекты политики “грузинской” периферии, но и её неприглядную кровавую сторону, особенно в отношении этносов, которые сопротивляясь унификации, выступали против своего «включения» в грузинскую нацию» (параграф 11). Кто эти этносы, сопротивлявшиеся включению в грузинскую нацию? Это – мегрелы, лазы, сваны, аджарцы, тушинцы и так далее. До такого абсурда не договаривались даже самые отъявленные враги Грузии.

Авторы: *Эта критика основывается на очевидном недоразумении. Там, где в рукописи книги речь идёт о «кровавой стороне» политики местных властей Грузии в контексте Большого террора, мы действительно пишем о группах, чьё сопротивление включению в состав грузинской нации власти пытались сломить с помощью насилия. Однако непосредственно в тексте в качестве важнейшего примера мы приводим лишь абхазов. Группы, перечисленные рецензентом, мы не упоминали в этом контексте.*

Но факт остается фактом: имели место насильственные действия в отношении мегрелов, лазов (пример Циташи), аджарцев, а также месхетинцев, если они сопротивлялись этой политике «включения», что, в свою очередь, было вполне закономерно, поскольку мегрелы, лазы, аджарцы и месхетинцы далеко не полностью соответствовали идеалу грузинской нации (особенно лазы, аджарцы и месхетинцы в качестве правоверных мусульман). Перечисление в одном ряду с ними тушинцев (рецензент выше пишет: «Кто [же] эти этносы, сопротивлявшиеся включению в грузинскую нацию? Это – мегрелы, лазы, сваны, аджарцы, тушинцы и так далее»), о которых у нас нигде не идёт речь в контексте оказания сопротивления «включению», наглядно показывает, что рецензент не видит качественной разницы между православными грузиноязычными группами (тушинцы, пшавы, хевсуры, картлийцы, кахетинцы, имеретинцы, гурийцы и т. д. и т. п.), с одной стороны, и неправославными (лазы, аджарцы, месхетинцы, ингилойцы), а также негрузиноязычными группами (мегрелы, сваны и снова лазы) – с другой стороны.

Необходимо коротко также высказать отношение по поводу заявления рецензента о том, что в «любом демократическом государстве подобные “труды” стали бы предметом обсуждения более компетентных в этих вопросах органов, чем научные организации”. Широко известно, что в своё время в Российской Федерации была учреждена соответствующая «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» при Президенте Российской Федерации. Задача этой комиссии заключалась в том, чтобы осуществлять государственный контроль за историографией (в начале 2012 г. эта комиссия была ликвидирована). Однако в демократических государствах, в противоположность такого рода попыткам, существует традиция научного, а также широкого общественного обсуждения, в ходе которых публика может беспрепятственно ознакомиться со спорными точками зрения. При этом все участники дискуссии исходят из того, что не может существовать раз и навсегда установленной истины. Мы приветствуем очевидные усилия грузинских научных учреждений, гражданского общества Грузии и отдельных граждан, которые стремятся освободиться от доминирования авторитарно-советской модели истории. Однако в то же время мы констатируем, что эта модель продолжает оказывать своё действие в Грузии так же, как и в России.

Д. Гамахария: В параграфах 11–12 авторы пишут «о попытке подчинения себе территории Абхазии (и Аджарии) в интересах формирования грузинской нации». В этих целях, оказывается, репрессировали даже греков в Абхазии (параграф 11). По мнению авторов, репрессии против представителей и других национальностей происходили в интересах Грузии и грузинского этноса; ради грузинской нации убивали абхазов, осетин, греков, турок, немцев, евреев, армян, азербайджанцев, даже объявленных негритинами мегрелов, сванов, аджарцев и т. д.

Авторы: *Рецензент вновь не привёл здесь серьёзные аргументы, которые можно было бы обсуждать.*

Что же касается мегрелов, сванов, аджарцев и т. п., по-видимому, имеет смысл снова указать на амбивалентный характер их групповой идентичности. Наша задача не заключалась в том, чтобы доказать «негрузинский» характер этих групп и на этом основании потребовать их государственной независимости или чего-то подобного. Для нас речь шла о том, чтобы продемонстрировать, что эти субэтносы/группы, в отличие от других (имеретинцы, тушинцы, кахетинцы и т. д.), отделяла от ядра грузинской нации более длинная этнографическая и культурная дистанция, поэтому их включение в состав грузинской нации было более проблематичным. Но мы ни в коем случае никогда не оспаривали тот факт, что эти группы в то же время имели много общего с грузинами; в случае с мегрелами, например, общий язык церковного обряда и грузинскую высокоразвитую культуру в целом, в случае с аджарцами – разговорный грузинский язык и т. д. Результат снова амбивалентен: эти группы имели много общего с остальными грузинами (что давало основания для их успешного включения), но в то же время демонстрировали и серьёзные отличия (что осложняло их включение). Приравнивание, например, аджарцев к тушинцам игнорирует эту амбивалентность. Обработка протоколов заседания троек под соответствующим ракурсом была связана с большими трудностями, поскольку этническая принадлежность к вышеназванным группам в них не указывалась, и установить её было возможно только на основании данных о месте рождения и проживания, а также имен и профессии осужденных.

Д. Гамахария: Всё же одно «одолжение» авторы делают Грузии, исключив во всех этих репрессиях признаки политики расизма и ксенофобии (параграф 13). Кроме того, они «освободили» Грузию и от другой ответственности – за депортации

народов. Местные интересы в этих депортациях, оказывается, играли подчинённую роль (параграф 14).

В заключительном 15-м параграфе авторы ещё раз подчёркивают, что репрессии 1937–1938 гг. происходили в интересах Грузии и грузин. «Таким образом, – пишут они, – национальную компоненту массовых репрессий 1937–1938 гг. следует рассматривать как радикальную составляющую долговременной политики этнической гомогенизации, осуществлявшейся партийными и государственными элитами грузинского государства... В Грузии Большой террор в значительной мере придал толчок процессу формирования грузинской нации и парадоксальным образом способствовал усилению грузинского национализма» (параграф 15). Вот вам «открытие»: грузинская нация, оказывается, сформировалась в 30-е годы XX века благодаря Большому террору?! Всекие комментарии здесь излишни.

Авторы: Мы отнюдь не говорим о том, что грузинская нация была «создана» в 1930-е годы. Однако, и это само собой разумеется, процессы формирования современных наций протекали вплоть до XX века включительно. Это утверждение справедливо, например, и в отношении Германии. В случае с Грузией мы можем говорить о формировании современной национальной государственности только начиная с 1918 г. – более старые грузинские государственные формации стоит трактовать, как и в случае с Россией, Арменией, Азербайджаном или Германией, только условно как предшественников современного национального государства. В случае с грузинской нацией этот процесс национального строительства временно завершился в 1930-е годы, причём сталинизм наложил на него свой глубокий отпечаток. В этом состоянии грузинская нация просуществовала в «законсервированном» состоянии вплоть до эпохи Брежнева.

Возмущение рецензента (один вопросительный и три восклицательных знака) наглядно свидетельствует о том, что он считает чудовищным наше утверждение о формировании грузинской нации только в 1930-е. Другие пункты критики также дают основание предполагать, что рецензент является сторонником трактовки истории, которая проецирует современные нации и их (национальные) государства на прошлое и, соответственно, постулирует существование вечных или очень древних наций.

Д. Гамахария: Удивительно, но факт: уважаемые немецкие авторы очень сожалуют о развале СССР. Неминуемый и закономер-

ный крах советской империи они объясняют лишь субъективным фактором, «национализмом» в Грузии и других республиках. По их мнению, благодаря близорукой политике московского руководства ещё с 30-х годов «усилился» национализм в Грузии, в периферии вообще, где «непоправимым образом были заложены структуры медленного развала советской империи» (параграф 15).

Авторы: *Наша задача как историков состоит не в том, чтобы приветствовать или порицать то или иное развитие, а в том, чтобы описывать его. Именно политика московского центра способствовала усилению периферии на уровне союзных республик, которые в свою очередь обладали потенциальной возможностью взорвать СССР. Это им удалось в 1991 г., однако, разумеется, в процессе развала советской империи был задействован целый комплекс факторов, из которых национализм был только одной из составляющих. Однако если задаться вопросом о конкретной оценке процесса, то ответ должен быть амбивалентным: для грузинской нации независимость выступала как освобождение, для национальных меньшинств в составе независимой Грузии – зачастую как угроза. Опыт национальных движений в Европе подтверждает: стремление к национальному самоопределению одних означает также отказ в праве на самоопределение для других, т. е. для национальных меньшинств. Именно эти национальные меньшинства являются адресатами наших симпатий, а не Россия.*

Д. Гамахария: Совершенно ясны настоящие цели и задачи авторов. Нет сомнения, что они выражают враждебные политические, имперские интересы, но оказались настолько «честными», что о некоторых главных задачах настоящей работы поведали сами. Без зазрения совести они пишут, что последствия проводимой в Грузии кровавыми методами политики ассимиляции национальных меньшинств были драматическими. «Именно в 30-е годы, – говорят авторы, – с опорой на старые традиции грузинского национализма образца XIX века, а возможно, и ещё более раннего времени, были заложены основания не только для отделения абхазов и осетин, но и для этнокультурного определения грузинской нации», что, якобы, наносит урон «единству и благосостоянию страны». Что имеют в виду уважаемые авторы? По их мнению, надо отказаться от представления «Картвелоба», от грузинского духа, согласно которому грузины, мегрелы, сваны, лазы все принадлежат к грузинской нации, и вместо этого отдать предпочтение гражданству Грузии. Поскольку мы сохраняем

национальное единство, это можно охарактеризовать, учат нас авторы, «как латентный расизм» (параграф 15).

Авторы: *Эта критика основывается на недоразумении. Речь для нас идёт не о единстве грузинской нации, а о том, каким способом это единство было достигнуто и достигается в настоящий момент. Мы пишем в данном случае отчасти об исторически уже закончившихся процессах. Специфические особенности сванов, лазов и аджарцев существенно сгладились после почти столетнего пребывания в составе грузинской государственности, и те различия, которые их (всё ещё) отличали в 1937–1938 гг., сегодня уже не наблюдаются. Именно историческая наука несет ответственность за то, чтобы история сегодняшней Грузии была написана не как история вымышленной вечно единой однородной грузинской нации (в духе *Imagined Communities* Андерсона (Anderson, 1983)), но как история, которая соответствует всей сложности и неоднозначности пройденного пути. Это, с нашей точки зрения, только усилило бы единство Грузии, а не ослабило его. США даже выводят из этнического многообразия своего населения государственную идеологию, где официальный девиз гласит «e pluribus unum» – «Из многих – единое».*

Д. Гамахрия: Таким образом, основными реальными задачами авторов «Этноса и террора» являются «обоснование» закономерности и неизбежности отделения Абхазии и Цхинвальского региона, необходимости раздробления грузинской нации на «граждан» Грузии – разумеется, «во благо» Грузии. У авторов есть и другие «благородные» цели и задачи, распознать которые не представляет особой трудности. Прямо бросается в глаза стремление авторов смягчить ответственность имперского центра за масштабы и методы преступных репрессий 1937–1938 гг. и переложить её на периферию, в данном случае на Грузию. Одной из задач авторов является также создание «научной» основы для провоцирования и обострения межнациональных конфликтов в Грузии. Самым бессовестным образом предпринимается попытка дискредитации грузинского народа в глазах мировой общественности, поддерживающей его справедливую борьбу за деоккупацию своих исконных земель, за искоренение последствий этнической чистки. Древнейший народ, гордящийся своей – даже чрезмерной – толерантностью, в настоящей «работе» представлен палачом всех без исключения народов, веками живущих в Грузии, – стране, многовековая история которой не знает, что такое межэтнические конфликты. Ещё одной задачей авторов, без сомнения, является противопоставление Грузии всем её соседям.

Авторы: Мы констатируем, что *de facto* отделение Абхазии и Южной Осетии от Грузии имеет разнообразные исторические причины. Свою роль сыграли как собственные интересы национальных меньшинств, которые в случае с Абхазией также носили политический характер, так и, без сомнения, причины, обусловленные долгосрочной грузинской политикой национальной гомогенизации, которые в свою очередь оказали в 1937–1938 гг. воздействие на проведение здесь Большого террора, развязанного Москвой. Эти причины, в ряду прочих, сыграли свою роль в выработке грузинской политики в отношении абхазов и осетин в период Большого террора. Здесь налицо разногласия, в которых также задействована историческая наука, которой зачастую не удается оставаться беспристрастной. Так, и грузинская историография несет свою долю ответственности за такое развитие событий, поскольку она внесла вклад в делегитимацию притязаний абхазов и осетин. Результат вооружённых конфликтов, разразившихся с 1992 г., мы рассматриваем как ужасную трагедию как для грузин, так и для абхазов и осетин, для всех остальных этносов и граждан республики. Идеалом для нас является Грузия, которая была бы столь привлекательной и терпимой, что стало бы возможным решение конфликта в форме создания федерации и возвращения «автономистов». Открытая многонациональная Грузия, в том числе гордая своим мультиэтническим прошлым, могла бы и в мире претендовать на более сильную позицию. Такой выбор выглядит сегодня утопическим, но ещё более утопическим нам кажется, принимая во внимание геополитические реалии (в том числе интересы России), военный путь возврата территорий, утраченных Грузией.

Д. Гамахария: В целом работа «Этнос и террор», выполненная Марком Юнге, Даниелем Мюллером, Вольфгангом Фойерштайном и Иваном Джуха, не выдерживает никакой критики, особенно в той части, где речь идёт об истории Грузии, грузинского этноса, Абхазии и абхазов. Интересная тема исследования явно подменена совершенно другой темой, которую можно сформулировать следующим образом: «Разжигание террора против Грузии и грузин». Работа не имеет ничего общего с действительной историей, наукой. Авторы явно исповедуют сепаратистскую и кремлёвскую идеологию, направленную против целостности грузинского государства и грузинского этноса, на подрыв традиционного межнационального мира в Грузии, на разжигание межнациональной розни.

Вывод Д. Гамахарии: Несмотря на довольно грамотное освещение отдельных аспектов Большого террора 1937–1938 годов, в представленном виде публикация работы «Этнос и террор» недопустима.

Резюме авторов: Из приведённых выше замечаний следует, что Д. Гамахария фактически не в состоянии аргументировано возразить нам в области нашего непосредственно предмета исследования, то есть Большого террора в Грузии. В результате рецензент пытается обвинить авторов в некомпетентности главным образом на поле истории Грузии в Новое время.

В то же время авторы хотели бы отметить, что замечания Д. Гамахарии были в целом весьма полезными. Нами были приняты многочисленные изменения и дополнения как непосредственно в самом тексте главы «Этнос и террор», так и в постраничных сносках. Тем не менее мы также продемонстрировали, что многие утверждения Д. Гамахарии являются спорными, и он ни в коем случае не может претендовать здесь на роль непогрешимого авторитета. Те из его замечаний, которые мы расценили неконструктивными, высокомерными и без необходимости полемичными, мы были вынуждены отчасти проигнорировать, поскольку они не нуждаются в комментариях. В этом смысле мы хотели бы просить о том, чтобы уже начатая плодотворная дискуссия не была на этом прервана. Напротив, мы выступаем за то, чтобы существенно расширить её в результате полной, без изъятий, публикации нашей книги. При этом мы полностью открыты для убедительных контраргументов.

Мы глубоко уверены в том, что новое грузинское общество обладает достаточной силой и зрелостью для того, чтобы адекватно воспринимать такого рода плюралистические и демократические вызовы, даже если критическое осмысление советского прошлого является болезненным процессом.

Перевод с немецкого: Андрей Савин

Перевод с грузинского: Тато Луарсабшвили

3. Национальная консолидация против национальной гомогенизации

А. Даушвили⁶: Сегодня Федеративная Республика Германия – стратегический партнер Грузии. Велика заслуга Германии в строительстве новой Грузии, её закреплении в европейских международных структурах, в экономическом и социальном прогрессе Грузии. Начиная с 1992 года, когда вице-канцлер Германии и министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер от имени своей страны подтвердил дружественное и уважительное отношение к грузинам, грузино-германские отношения развиваются, укрепляются и наполняются новым содержанием. Эта дружба, эти партнерские взаимоотношения некоторым не нравятся, и эти люди делают всё, чтобы эти отношения ослабить и ухудшить. Твердо верю, что у них ничего не получится.

Грузино-германские взаимоотношения развиваются и в сфере науки и образования: грузинские и немецкие археологи совместно выявили и изучили не один интересный памятник, очень интенсивны связи германских этнологов с грузинскими коллегами, что нашло своё отражение в совместных этнографических экспедициях, международных конференциях и дискуссиях, монографиях.

Сегодня рассматривается творческий итог совместной многолетней работы германских и грузинских историков. Тема не только интересна, но и весьма трагична, она касается самого драматического советского периода – 1937–1938 годов, периода репрессий, на изучение которого десятилетиями было наложено табу.

После распада СССР изучение этих процессов началось и в самой Грузии. Опубликованы мемуары (например, дочери великого грузинского писателя Михаила Джавахишвили), написаны монографии (Г. Цицишвили, М. Хомерики, А. Даушвили и др.). Следует подчеркнуть, что всё это происходило в условиях тотального невнимания к исторической науке со стороны государства, в условиях экономической нищеты, стагнации, исключительно благодаря энтузиазму, на собственные средства.

Конечно, профинансированное Фондом Фольксвагена исследование, которое немецкие учёные и их грузинские коллеги выполняли на протяжении нескольких лет, отраженные в двух томах

общественные явления, факты и выводы вызвали большой интерес. Начну с позитивных сторон обсуждаемой работы.

1. Перед нами, несомненно, колоссальный труд, подготовка которого – тематическая группировка вопросов, их осмысление и анализ в соответствии с предварительно разработанными параметрами – требовали огромного времени и усилий. Чувствуется сложность и многогранность проведённой подготовительной работы. Ясно, что накопленный в России и на Украине опыт исследований помог группе в изучении материалов из архивов Грузии. Со всей ответственностью могу заявить, что такая масштабная работа в этой области в Грузии не проводилась, и авторам удалось всесторонне рассмотреть проблему.

2. Нельзя не отметить тот факт, что наши немецкие коллеги являются представителями другой исторической школы, у них другая методология и методика. Поэтому их подход чрезвычайно интересен для нас, важен взгляд со стороны, оценки и выводы с непривычных для нас позиций. Этот труд станет для грузинских историков (и уже стал) значительным явлением – предметом плодотворных дискуссий, обмена мнениями, споров. Всё это значительный шаг вперёд в изучении этой темы в Грузии.

3. Авторы демонстрируют определённую степень знакомства с грузинской историографией по этому вопросу. Их критику некоторых трудов грузинских авторов можно считать слишком строгой, но эта критика терпима, не переходит границ корректности. Они ведь не знают, в каких ужасных условиях приходилось работать грузинским историкам в 90-е годы прошлого века. Необходимо отметить, что авторы рецензируемого труда упустили из виду и не упомянули в историографической части двух авторов, исследующих интересующую нас проблему: Георгия Цицишвили («Чекистские обвинения в адрес Шалвы Нуцубидзе и их документально-аналитические комментарии») и Манану Хомерики («Михаил Джавахишвили на фоне уникальных документов» и др.).

Хотелось бы выразить благодарность авторам за то, что в рецензируемом исследовании рассмотрены и оценены три труда, принадлежащих мне.

4. Для грузинской историографии представляют большую ценность приведённые в работе немецких авторов высказывания европейских и мировых учёных (Т. Мартенса, Н. Неймарка, Ф. Хоршиса и других), их замечания и выводы о трагическом периоде истории Грузии. Мы видим, что в разных уголках мира ведутся дискуссии о репрессиях 1937 года в Грузии (к сожалению, без

грузинских историков), разрабатываются научные концепции, издаются книги. Приятно констатировать, что авторы критически относятся к некоторым, весьма сомнительным взглядам некоторых зарубежных историков.

5. Большое приобретение для грузинской историографии – составленные и опубликованные авторами таблицы, схемы, а также собранный документальный материал, отображающие 1937–1938 годы, – это даёт новую возможность для дальнейшей работы над этими проблемами в будущем.

6. Нельзя не отметить отличную работу русского переводчика, несомненно, потребовавшую колоссальных усилий: исследование легко читается и не воспринимается как переводной текст.

Прежде чем перейти к критической части рецензии, хочу подчеркнуть, что, насколько мне известно, итоги Второй мировой войны официально никто не отменял, решение Нюрнбергского трибунала никто не аннулировал, никто не объявлял исторической ошибкой достигнутую в мае 1945 года победу над странами «оси» (Германия, Италия, Япония).

Исходя из этого, имеем несколько серьёзных критических замечаний к авторам труда.

1. Любой труд, тем более такой монументальный – и по объёму, и, что главное, – по содержанию и поставленной цели, – подразумевает специальное вступление, которое ознакомит читателя, с каким государством имеем дело, чем дышало это государство, какие имело цели, задачи, в чём заключалось своеобразие его исторического развития, в контексте которого должна рассматриваться проблема.

Авторы начинают рассуждение без вступления, что противоречит логике, а главное – обязательствам, которые должен брать на себя объективный историк. Ничего не сказано о фундаменте и движущей силе развития советского государства – насилии.

Социал-демократы традиционно отводили насилию чрезвычайно важное место (вспомним признанный труд Ф. Энгельса «Роль насилия в истории», на котором воспитывалось целое поколение русских марксистов). Советское государство было создано на основе насилия (Октябрьский переворот), на протяжении длительного времени осуществляло насилие по отношению к соседним государствам в форме «экспорта социалистической революции» (советизация Украины, Грузии, Азербайджана, Армении, Средней Азии и т. д.). Для насильственного экспорта социалистической революции в зарубежные страны был образован III Ком-

мунистический Интернационал – центр создания мировой пролетарской республики.

Ничего не сказано о том, что идеологической основой государства было марксистско-ленинское учение о классовом противостоянии, и из-за непреодолимых противоречий между классами, классовой войны (т. е. насилия) указанная теория подразумевала насильственное сохранение насильственно завоеванной власти, насильственную нейтрализацию ещё не до конца уничтоженных феодального и буржуазного классов, их физическую нейтрализацию как социальных классов (именно это и является «диктатурой пролетариата» в действии).

Известный русский большевик, член политбюро ЦК РКП(б) Г. Зиновьев (также репрессированный) заявлял: «Вы, буржуазия, хороните отдельных личностей, мы хороним целые классы»⁷.

Известный грузинский большевик, секретарь Закавказского краевого комитета М. Орахелашвили публично заявлял: «С каких пор стало насилие позорным элементом для большевиков?»⁸ (он был пламенным последователем Сталина, однако впоследствии сам стал жертвой репрессий). Таким образом, насилие было основой основ коммунистического общества.

Партийные документы 1920–1930-х годов полны примеров беспощадности к «свергнутым, но не до конца уничтоженным» классовым врагам. Они пестрят фразами «самым жестоким образом», «беспощадно», «безжалостно» «уничтожим классовых врагов», «нарушителей единства партии», «расхитителей социалистического имущества», «осквернителей законов коммунистического образа жизни»⁹ и т. д. и т. п.

Нельзя не отметить, что коммунисты стремились построить невиданное в истории общество, внеклассовое общество, где не было бы частной собственности на средства производства, эксплуатации человека человеком, где отсутствовали бы буржуазные предрассудки, где люди могли бы жить с коммунистическим энтузиазмом, больше думали об обществе, чем о личном и семейном счастье. Нельзя не учитывать и того, что первое поколение большевиков отличалось высокой степенью фанатизма – они слепо верили коммунистическим идеалам Маркса и Энгельса. «Принципы коммунизма» Энгельса (написанные в 1847 году) – их настольная книга, и результаты своей деятельности эти большевики сравнивали с изложенными в этой работе установками. Именно под влиянием этого труда был заложен фундамент: коммунальных домов, коммунистических проектов разрушения

семей, совершенно новой системы государственного воспитания детей и т. д.

Нельзя не остановиться на «синдроме коммунистической прямоты», который наблюдался в Грузии уже с 1921 года и активно действовал в трудовых коллективах. Именно коммунистический фанатизм создал ситуацию, когда коммунист был обязан выносить на общественное обсуждение частную жизнь своих коллег, обличать их за нарушение правил коммунистического общежития, за безнравственность, житейские проступки. Это правило было законом коммунистической жизни и, как вероисповедание в царской России, оно давало прекрасный материал для оценки личности, установления степени лояльности к государству. Благодаря действию «принципа коммунистической прямоты» местные партийные организации имели богатую информацию о своих членах, кандидатах в члены, сочувствующих, что было использовано в дальнейшем, во время репрессий 1937 года против некоторых из них.

Этот вопрос мы специально изучили в нашей монографии «Тбилиси-1937». Считаем, что общие трагические явления 1937 года не были подготовлены за один год, за два-три месяца – их предопределил весь магистральный путь развития советского государства. Поэтому для соблюдения максимальной объективности историки должны предварительно изучить именно этот трагический путь, чтобы не сделать поспешных выводов.

К сожалению, авторы труда спешат и ограничиваются только изучением материала за два года.

Авторы: *Замечание рецензента о том, что описываемые в монографии процессы не помещены в широкий контекст истории советского государства в целом и Грузии в частности, в определённой мере обоснованно. Само собой разумеется, что было бы желательно уделить контексту несколько больше внимания. Однако, принимая во внимание обширную литературу, посвящённую советской истории, мы сочли целесообразным полностью сконцентрироваться на Большом терроре в Грузии. Помимо этого, иерархический ракурс исследования – в направлении из Москвы в Грузию – совершенно сознательно дополнен авторами встречным ракурсом, то есть исторические процессы рассматриваются также с точки зрения периферии. Это, в свою очередь, даёт возможность повторно изучить политику центра, но уже в новом свете.*

А. Даушвили: Вызывает удивление глава, посвящённая якобы принудительному объединению мегрелов, сванов и бацбийцев в грузинском народе (глава «Административное сращивание: аджарцы, мегрелы, сваны и бацбийцы»). Это уже настолько избитая тема, что, пожалуй, даже не стоит на ней останавливаться. Новизна у авторов в этом случае лишь в том, что наряду с аджарцами, мегрелами и сванами они упоминают и цова-тушинов (бацбийцев). Авторы пишут, что личными стараниями Берии аджарцы были приписаны к грузинам, как и сваны, мегрелы и бацбийцы – при этом было проигнорировано заключение московской академической комиссии.

Начнем с терминов: предлагаемому авторами термину «административное сращивание» мы противопоставим принятый среди историков термин «национальная консолидация».

Грузия, как и Германия, длительное время была раздроблена, хотя во времена единства X–XIV веков феодальная монархия Грузии полностью охватывала территории, которые занимали и занимают эти этнографические группы Грузии. К сожалению, авторы не углубляются в прошлое и предлагают читателям «новую» историю Грузии, согласно которой Россия во время войн 1829-го и 1877–1879 годов присоединила к своей империи земли Ахалкалаки-Ахалцихе и Аджарии, которые впоследствии грузины приписали себе, а население объявили грузинами. Авторы не знают, что в ранние средние века, когда Турции вообще не существовало и с Грузией соседствовала Византия, эти территории входили в состав Грузии, и здесь была ключом грузинская культурно-религиозная жизнь. Об этом свидетельствует множество сохранившихся до сегодняшнего дня на этих землях исторических памятников, храмов, монастырей.

Уже в позднее средневековье захваченное Турцией и омульманенное население юго-запада Грузии всегда стремилось в Грузию. Прекрасный пример тому – деятельность бегларбега Аджарии Селима Химшиашвили, его взаимоотношения с Ираклием II и т. д.

Россия прекрасно знала, что территории Юго-Западной Грузии представляли историческую Грузию. Секретными пунктами Георгиевского трактата (1783 г.) российский император взял на себя обязательство вернуть Грузии указанные территории. Известно обращение русского генерала Оклобжио к солдатам перед решающим сражением в 1877 г.: «Помните, что перед вами раскинуты поля и горы древней христианской Грузии, тысячи пред-

ставителей которой сейчас стоят в наших рядах и воюют с общим врагом»¹⁰.

Если бы Грузия собственными силами присоединила исторические территории, как это сделала Германия, то грузинское общество само осуществило бы все необходимые мероприятия для национальной консолидации, – но имперская Россия не желала видеть Грузию единой. Вот что писал чиновник Синода Русской Церкви коллеге из Грузии: «Что касается старания грузин, чтоб в этом краю господствующим стало православие, это для нас неприемлемо, поскольку грузины националисты и начнут проповедовать националистическую идеологию в этом присоединенном крае, а это для нас опасно»¹¹.

Юго-западная Грузия – колыбель грузинской цивилизации: Месхетия, Тао-Кларджети, Кола-Артаани, Аджария с VIII века были одними из основных очагов грузинской культуры, являясь мощным импульсом усиления и углубления грузинского сознания. Естественно, развитые в позднем Средневековье явления – насильственная исламизация, отрыв от единого грузинского тела – изменили быт этого населения, распространили законы шариата, внесли в быт турецкий язык, медресе, молы и моральное превосходство ходжа. Но всегда были достойные сыны Грузии, которые боролись за единство страны и народа. Пример тому – деятельность Мемед-бега Абашидзе и его прогрузински настроенной группы в Аджарии в начале XX века (об этом см. труды Е. Месхиа, А. Даушвили и др.).

Естественно, в советский период имелись определённые трудности в связи с Аджарией, вызванные атеистической политикой советской власти, проявившиеся в 1925 и 1928 годах. Местному населению было трудно примириться с отменой законов шариата. Но в этом случае мы имеем дело не с капризами и мелкими желаниями советской власти, а с её центральной идеей и целью – установить единую идеологию, марксизм-ленинизм, для которого не приемлемы ни христианство, ни мусульманство, ни буддизм, ни иудаизм и т. д.

Что касается Мегрелии, то это органическая часть Грузии уже с эпохи Парнаваза (3-й в. до н. э.), составляющая единого грузинского государства, часть его фундамента. Чего стоит подвиг владетельного князя Мегрелии Цотнэ Дадиани, который доказывает, каким было национальное единство уже в то время. Проявленное ради единства Грузии, геройство князя удивило даже монгольских захватчиков в XIII веке.

И, наконец, известный грузинский общественный деятель XIX века в любимом стихотворении всех грузин писал о том, что Картли, Кахетия, Имеретия, Гурия и Мегрелия – его Родина, любимая Грузия.

Россия всячески старалась разъединить единый грузинский народ ещё в XIX веке, ещё тогда, когда во главе России не было ни грузина Сталина, ни грузина Берии, пыталась создать мегрельский и сванский алфавит, в церковном богослужении заменить грузинский язык мегрельским, но против этого восстали широкие массы населения, и осуществить этот замысел так и не удалось.

Что касается XX столетия, то значительная часть грузинских культурных, научных и экономических достижений являются заслугой именно интеллигенции, вышедшей из Мегрелии, Аджарии и Сванетии.

Неверную информацию распространяют авторы рецензируемой книги об Исаке Жвании. В труде он представлен лидером «национально-освободительного движения» мегрелов, интеллигентом, который из-за своих взглядов в 1937 г. был арестован и через несколько дней расстрелян.

Это ложь. Исаак Жвания был типичным советским большевиком, одним из активных деятелей установления советской власти в Грузии, членом революционного комитета Сухуми, председателем Зугдидского уездного комитета партии, он занимал партийные и государственные должности. Скончался в 1946 году (а не в 1937 году, как утверждают авторы)¹². Его попытки создания мегрельского алфавита и печатания книг и газет на мегрельском языке были встречены крайне негативно местным населением, интеллигентами – выходцами из Мегрелии (об этом см. труды А. Асланишвили, А. Даушвили, Г. Цицишвили).

Авторы: Наши данные о судьбе Исаака (Исаака) Жвании основываются на протоколе № 76 заседания тройки при НКВД Грузинской ССР от 28 декабря 1937 г. (см. Архив МВД Грузии. Первый отдел. Фонд 8. Дело 37433. Л. 29). Исаак Ефтимович Жвания также проходит по «сталинским спискам» от 22 ноября 1937 г. по первой категории (хотя в базе данных репрессированных «Мемориала» сведений о нём нет). Мы не оспариваем, что Жвания был типичным большевиком, и всё же его действия в поддержку мингрелов свидетельствуют, что наряду с различными групповыми и клановыми интересами (о чём убедительно пишет Тим Блауельт) свою роль в Грузии также играли территори-

*ально-этнические вопросы, которые одновременно также были вопросами о власти*¹³.

А. Даушвили: Что касается Сванетии и сванов – этих боевых и пламенных людей, то у них всегда была особая историческая миссия: единая Грузия в Сванетии хранила своё нерукотворное сокровище – церковные святыни во времена исторических невзгод. О том, что сваны – древнейшие грузины, говорит и маленькая надпись на рядовом сванском сельском храме, датированная XIII веком: «Святой Архангел... прославляя царей Багратиони, Дадзиани, князей, Грузию, сванов...»¹⁴.

Что касается бацбийцев (тушин), которых, по утверждению авторов, якобы также против их воли насильственно присоединил к грузинам Берия, приведу один заслуживающий внимания факт, обойденный вниманием в грузинской историографии: в 1888 году российский император Александр III вместе с семьей находился в Грузии и посетил Тианети. Здесь царскую семью встретили представители населения горного региона Грузии, в том числе цоватушины (бацбийцы). Царица Мария Федоровна была восхищена одеждой тушинок, подошла к ним, стала расспрашивать о происхождении. «Мы тушинки, живущие в горах грузинки», – ответили они¹⁵.

То, что тушины очень хорошо знали в 80-х годах XIX столетия, наши германские коллеги представили спорным и, более того, основанием возможных репрессий. Неужели они ничего не помнят из истории Германии о шагах национальной консолидации?..

Во времена «Культуркампа» великого Бисмарка заработали драконовские законы против католической церкви, которая идеологически властвовала в Баварии и других католических княжествах; центральная власть посчитала, что для немецкого единства было бы плохо (это на самом деле так), если нация разделится по религиозному признаку на католиков и протестантов. К тому же в этот период на арену выходила и новая «религия» – социал-демократическое учение. Поэтому была запрещена гегемония католической церкви, из-за сопротивления этому процессу некоторые епископы и даже архиепископы попадали в заключение. Был запрещен и изгнан из страны католический орден иезуитов. Справедливым считался лозунг «Германия – прежде всего!». Когда это стало нужно Германии, Бисмарк без разговоров отнял у Дании Шлезвиг-Гольштейн. Резко усилился процесс германизации в недавно присоединенной Эльзас-Лотарингии – здесь всячески старались вместо французской культуры внедрить немецкие

ценности, такая же политика проводилась на захваченных Германией польских землях.

Национальная консолидация не достигается одними аплодисментами и криками «Ура!», национальная консолидация достигается потом и совместными усилиями.

Несмотря на старания Бисмарка, во время кризиса ноября 1918 года в Германии социал-демократы явно использовали противостояние между баварцами и пруссаками (у меня есть такая информация), т.е. различия ещё сохранялись. Процесс национальной консолидации и в Германии был связан с определёнными проблемами. Естественно, аналогичные проблемы были и у Грузии. Если бы Грузия была независимой и сильной страной, как Германия, она урегулировала бы эти проблемы уже в период позднего Средневековья, но дело в том, что в нашем случае влияние более сильных стран растерзало единую Грузию, разобщило территории, воздвигло психологические, религиозные и культурные барьеры, и требовалось много времени, терпения и сил, чтобы восстановить то единство, которое ранее существовало на протяжении веков.

В связи с этой темой можно провести много параллелей: вспомним испанскую реконкисту – руководители государств Арагона и Кастилии полностью уничтожили, изгнали и переселили мавров (Кордовский эмират), заставили испанских евреев принять христианство. Католическая церковь объявила святыми организаторов этого террора королеву Изабеллу и короля Фердинанда.

Англия тотально навязала свою языковую политику Шотландии, Уэльсу, Ирландии; Франция – Нормандии, Эльзас-Лотарингии, Бретани. В этих регионах английский и французский языки полностью вытеснили местные национальные языки (шотландский, ирландский, бретонский, нормандский и т. д.).

Каждый историк хорошо знает, что происходило в Соединенных Штатах Америки при решении задач национальной консолидации: всего за одно поколение Америка полностью ассимилировала недавно присоединенные испаноязычные штаты. А какой гнев навлекли на себя франкоговорящие штаты во время Гражданской войны – об этом хорошо сказано в романе Маргарет Митчелл.

Так что и грузины имели право принять энергичные меры для национальной консолидации, однако к концу 30-х годов эти процессы уже давно были завершены, так что не требовался «массовый террор», как пытаются доказать это уважаемые авторы.

Авторы: *Грузинские авторы, как нам кажется, уделяют неоправданно много внимания истории раннего Нового времени, Средневековья и ещё более древней истории, расценивая её как решающее доказательство в дискуссиях вокруг современных процессов формирования нации. Поскольку немецкие авторы не последовали по этому пути и практически оставили «за бортом» историю Грузии до XVIII столетия, в наш адрес высказываются упреки в незнании, неосведомленности или даже в утаивании существенных аргументов. Однако наша точка зрения заключается в том, что отождествление территорий и персоналий древней и новой истории с новейшей историей, в особенности в смысле прецедента, не является релевантным для межнациональных отношений в XIX, XX и XXI веках. Приведённый рецензентом пример территорий Грузинского царства, захваченных Турцией, не имеет большого значения для современных жителей Турции. Им не так уж важно, с какого времени – с XVI или с VI века места их проживания стали принадлежать Турции. Зато национальная гомогенизация грузин и её последствия серьёзно затрагивают это турецкое население, поскольку с грузинской точки зрения речь идёт о «возвращении исторических территорий». Разумеется, то же самое было бы справедливым для названных рецензентом немецких областей и границ. Речь идёт о возможных немецких притязаниях на территории, до 1945 г. населённые исключительно немцами, такие, как части сегодняшней Польши и Чехии. Если бы Германия пожелала сегодня «возвратить» себе эти территории, прикрываясь историей, то это было бы для польских или чешских жителей не менее драматично, чем для польского или чешского населения других областей, которые никогда (или уже продолжительное время) не были заселены немцами.*

Что же касается исторических параллелей с Германией, то хотелось бы отметить, что объединение немецкой нации в рамках рейха в результате войн с 1864 по 1871 гг., которое всячески превозносилось в «старой» немецкой историографии с националистической точки зрения, сегодня оценивается иначе, в том числе в отношении исконно «немецких» территорий, вошедших тогда в Германский рейх. В результате насильственного включения в рейх Шлезвиг-Гольштейна, Эльзаса и Лотарингии, а также вследствие продолжительного господства над польскими католиками и католиками в целом, которые расценивались как граждане второго сорта и «враги рейха», – отношения Германии

с Францией, Данией и славянами были отравлены на продолжительное время. Тем самым также была сформирована одна из причин Первой мировой войны (а косвенно – и Второй). Внутриполитически были созданы «фронты» против этнических и политических «врагов рейха» (французов, датчан, поляков и, главным образом, славян, католиков, евреев и социалистов), что, в свою очередь, сыграло решающую роль в недостаточности политической и социальной модернизации. Эти дефициты модернизации сделали невозможным развитие Германии в направлении к реальному парламентаризму, как во Франции и Великобритании, а также способствовали возникновению национал-социализма.

Кроме того, методически очень трудно установить, что на самом деле думали о своей «инкорпорации» или «объединении» с титульной нацией народы или национальные меньшинства. Так, советская историография убедительно доказывала, что столетиями все ведущие силы грузинского, а также узбекского и других народов стремились к объединению с Россией, тем более что не было недостатка в соответствующих документах. Однако эти документы были подобраны тенденциозно. Точно так же немецкая историография была в состоянии доказать, что эльзасцы всегда чувствовали себя этническими немцами и стремились стать составной частью Германского рейха. Турецкие историки доказывали, что мусульмане – жители Батуми, Карса, Ардагана, Артвина и т. п. – начиная с 1828 г. или с 1878 г. никогда не оставляли надежду на объединение с османами или турками, и эти доказательства также были тенденциозны. Реальность в отношении областей, когда-то исторически бывших грузинскими, гораздо сложнее, чем это пытается представить как грузинская, так и турецкая историографии. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой народы таких областей имели амбивалентную этническую идентичность, где, например, ислам служил основой для общности с турками, а грузинская культура – для единства с грузинами. Одностороннее акцентирование одной или другой стороны этих «многослойных» идентичностей, даже с опорой на соответствующие источники, не отвечает действительности.

Когда после Второй мировой войны впервые за долгое время католики перестали рассматриваться как немцы «второго сорта», это стало для Германии настоящим прорывом. Только в результате толерантного отношения к противоречиям такого рода и полноценной интеграции меньшинств, без их принуди-

тельной унификации, стала возможной стабилизация немецкой демократии. Угнетение меньшинств в интересах национальной гомогенизации соответствует исторической фазе слабости немецкой политики, которая расценивается сегодня как крайне неудачная.

А. Даушвили: По нашему мнению, в труде излишне много внимания уделяется проблеме лазов и представлению этого вопроса в крайне отрицательном для грузин свете. Поэтому хочу остановиться на этой теме более детально. По-моему, интерес авторов к этой теме вызвало письмо лазского интеллигента Искандера Циташи, направленное в Москву председателю Коминтерна Георгию Димитрову, на основании которого авторы утверждают, что лазы подвергались преследованиям грузинскими властями. Они доказывают, что «лазы не случайно были самой проблемной среди всех южно-кавказских или, соответственно картвельских групп, поскольку разделительные линии между ними и грузинами пролегли очень глубоко». «Выделение лазов в отдельную этническую группу... может также объясняться той энергичной борьбой за отстаивание культурного своеобразия, которую вела небольшая группа единомышленников», а также против того, что их «заставляли влиться в грузинскую нацию»; и, раз их «посчитали возможными сторонниками Нестора Лакобы в антигрузинской деятельности», осуществили невообразимые репрессии против них.

Следует отметить, что вопросам лазов авторы уделяют 20 страниц, приблизительно 20 процентов, почти пятую часть главы «Этнос и террор», тогда как сами лазы занимали среди населения Грузии только 0,02 процента (639 человек) согласно переписи 1926 года¹⁶.

По утверждению авторов, после демаркации границы с Турцией со стороны Советского Союза основная масса лазов, 150 тыс. человек, осталась в Турции, в Грузии лазам принадлежало только одно село у границы. Как выясняется, Кемаль Ататюрк в 1929 году вообще запретил лазам проявление культурно-языковой идентичности, их всех записали турками, т. е. по отношению к большинству лазов (наверное, 95 %) были осуществлены массовые репрессии. Но из книги не видно, что вслед за этим последовали массовые выступления, восстания, письма в Лигу Наций или Георгию Димитрову. Большинство лазов, живших в Турции, стало турками и сегодня гордо носит это имя. Это их выбор.

Но, оказывается, оставшееся в Грузии одно село – Сарпи и группу поселенных когда-то в Абхазию лазов угнетают грузины,

им не дают возможностей для развития культуры, отнимают родной язык, не способствуют «энергичной борьбе за отстаивание культурного своеобразия». Авторы не удивляет несоответствие в труде Циташи: он пишет о проживающих в Грузии лазах, оценивая их количество в 4 тыс. человек, из которых в 1937 году переселились в Турцию 7 тысяч.

Конечно, авторы выводят огромные процентные цифры репрессий лазов, которые, по их мнению, подтверждают якобы беспрецедентное угнетение лазов грузинами.

Обидно, что наши немецкие коллеги не знают (или знают, но не упоминают здесь), что до письма Димитрову такое же письмо Искандер Циташи направил в 1935 году Иосифу Сталину, за которым последовало реагирование. Это письмо руководство КП(б) Грузии рассмотрело на заседании бюро в 1935 году.

Из письма видно, что ещё раньше Искандер Циташи обращался с письмами к Филиппу Махарадзе (Председатель ЦИК) и самому Лаврентию Берию. В этих письмах Циташи в основном заостряет внимание на вопросах социальных взаимоотношений и просит для лазов урегулировать вопросы землеустройства, более активно вовлечь лазов в кустарные и промышленные артели, проявляет заботу о бытовых особенностях лазов и, что самое главное, просит «провести партийную и советскую работу на понятном для них языке». В противном случае Циташи угрожает их массовым переселением в Турцию. При этом автор сообщает властям Грузии, что в Абхазии в этом плане уже давно ведут пропаганду агенты кемалистов¹⁷.

Власти Грузии изучили положение лазов: выяснилось, что проживающие в Абхазии лазы работали у абхазских и мегрельских кулаков (состоятельных крестьян). Когда истребили местных кулаков, лазы остались без средств к существованию. Они обратились в ЦИК Абхазии с просьбой, чтобы им выделили землю для создания кооператива «Красный Лазистан», но решение Абхазского ЦИК не было выполнено абхазским правительством. Как выясняется, ЦК КП(б) Грузии создал специальную комиссию для изучения условий жизни и пожеланий лазов. Приняли стандартное в таком случае постановление, которое предусматривало принятие определённых мер для упорядочения культурно-бытового и экономического положения лазского населения. Трудно сказать, насколько сработало это постановление.

Однако справедливости ради отметим, что для диаспоры в количестве 600 человек, из которых на родном языке говорили

только 137 (никто не знал грузинского языка, а остальные знали другие языки – вероятно, турецкий), ни в одной стране не создают и не смогут создать особые условия для национально-культурного развития. Для 600 человек нигде не печатают газет и книг, не открывают школ и вузов, и, наконец, 600 человек не могут быть действенными сторонниками Нестора Лакобы в антигрузинской деятельности.

Как правило, такое малочисленное население имеет три выбора: если оно очень дорожит своими этническими и культурно-религиозными особенностями и желает их сохранить, может вернуться на родину, или получить образование в той школе, которая наиболее приемлема для него по культурно-религиозным соображениям, или же полностью включиться в образовательную систему титульной нации – получить то, что предлагает правительство. Так делают все.

Следует отметить, что Искандер Циташи не очень нравится и самим авторам книги, которые излишне глубоко вникают в детали его биографии, сообщая, что он не владел лазским языком, что его мать была русская казачка, что он систематически наведывался в Москву, Ленинград, Тбилиси и Баку. К этой информации мы добавим, что этот человек, но под фамилией Цитаишвили, выступил на II Республиканской конференции национальных меньшинств в 1929 г. Использование фамилии в грузинской форме явно указывает на сложный, неординарный, карьеристский характер этой личности. Одним словом, перед нами типичный графоман, для которого рассылать письма во всевозможные органы власти и учреждения – в порядке вещей. К письмам таких личностей историку следует проявлять особую осторожность и сдержанность. Недопустимо принимать все материалы этих писем без критики.

Авторы: *Что касается лазов, то принципиально надо указать на то, что численность лазов, установленная в результате Всесоюзной переписи 1926 г., согласно общепринятой оценке, которую мы привели в тексте рукописи, существенно занижена; напротив, стоит исходить из численности лазов около 4000 человек. Независимо от этого лазы, именно в силу своей амбивалентной этнической и территориальной идентичности, являются особенно показательным примером функционирования грузинской и советской национальной политики. Кроме того, ситуация с лазами в качестве исключения хорошо документирована благодаря письмам Циташи, которые чудом сохранились до*

наших дней. В то же время для других этнических групп документы такого рода отсутствуют. Что же касается письма Циташи Сталину 1935 г., которое упоминает рецензент, то оно не только упоминается в тексте нашей рукописи, но речь идёт также о его публикации в документальном томе нашего издания. В этом письме, датированном 11 февраля 1935 г., речь отнюдь не идёт об эмиграции 7000 лазов. Напротив, в нем говорится о том, что после выезда из автономной республики 4500 лазов в период 1921–1928 гг. там ещё оставалось на 1928–1929 гг. около 5000 лазов. Цифры могут быть завышены, однако очевидного противоречия не наблюдается. Авторы, к сожалению, не располагают письмами Циташи Ф. Махарадзе и Л.П. Берии, также заслуживающими публикации. Персональную диффамацию Циташи мы считаем неуместной, даже при условии критического отношения к его взглядам, особенно учитывая факт его расстрела.

Авторы, конечно же, полностью осознают, что абсолютные цифры репрессированных лазов являются низкими, но они демонстрируют тенденцию, которая коррелирует с другими документальными источниками.

Что же касается невозможности создания культурной автономии для лазов, то в этом отношении необходимо привести ряд соображений. Во-первых, численность лазов, как уже говорилось, была выше. Во-вторых, имелись случаи, когда для других этнических групп, сравнимых по численности, власти создавали, пусть скромные, культурные автономии. В-третьих, самое позднее с момента публикации диссертации Терри Мартина исследовательский фокус направлен на роль диаспор такого рода во внешней политике СССР. Согласно этой логике (Пьемонтский принцип) лазская культурная автономия могла сыграть важную роль в советской внешней политике. Также и огульное обозначение в этом контексте устремлений Лакобы как «антигрузинских» (вместо пролазских) кажется нам проблематичным.

О политике ассимиляции («Так делают все»): мы уже отметили, что здесь нет какого-либо автоматизма, и, например, в Германии периоды осуществления такого рода политики оцениваются сейчас крайне негативно.

А. Даушвили: Явно бросается в глаза, что авторы не рассматривают в специальной главе грузин, довольствуясь лишь общей констатацией, что грузины «были репрессированы больше всех», что из арестованных 13156 человек 47 % были расстреляны.

Подтверждают, что в ходе «кулацкой операции» количество репрессированных грузин составило 65 %, что соотношения численности грузин, приговоренных «кулацкой» тройкой к ВМН, с общей численностью грузинского населения в республике составляет 0,30 %, а у представителей других народов этот показатель составляет 0,31 % и т. д.

Но авторы не стараются конкретизировать, углубиться (как это делают в отношении репрессированных других этнических групп Грузии): по каким причинам, по каким категориям наказаны грузины из этих 13 156 человек. Их не интересуют эти вопросы, или же, наоборот, если они это покажут, то полностью разрушится их концепция – будет невозможно подтвердить авторский взгляд на репрессии многонационального населения Грузии гегемонистскими стремлениями грузин.

Если бы в Грузии вообще не имели места репрессии грузин, тогда ещё можно было принять предложенные авторами взгляды. Но как быть с 13 247 грузинами, в то время как репрессиям подверглись только 1384 азербайджанцев, 572 абхазов, 1722 армян и т. д.

Авторы забывают об одном основополагающем факторе: основные этносы проживающих в Грузии диаспор за пределами Грузии, на других территориях, на своей исторической родине нормально развивались и социально, и экономически, и религиозно, и культурно. Если бы проживающих в Грузии представителей диаспор грузины даже истребили, наподобие тасманийцев (что так мастерски осуществили англичане в XIX веке), их генофонд всё равно не пострадал бы существенно. Разве причинило бы вред 77-миллионному генофонду немцев тотальное истребление живущих в Грузии 21 тыс. немцев? Ведь в действительности в 1937–1938 годах был репрессирован лишь 1 % живущих в Грузии немцев. Если этот процент сопоставить (что так любят наши коллеги) с общим числом живущих в то время в мире немцев, результат будет таким мизерным, что им самим будет стыдно говорить на эту тему.

То же можно сказать о других этносах: основная масса греков жила в Греции, армян – в Армении, турок – в Турции и т. д.

А грузины в то время в основном жили в Грузии (это сегодня они разбросаны по миру), у них никогда не было больших диаспор, и 13 156 человек – это страшный удар именно для грузинского генофонда. Среди репрессированных были выдающиеся представители грузинской экономической мысли, культуры и искусства: Михаил Джавахишвили, Тициан Табидзе, Евгений Микеладзе,

Вахтанг Котетишвили и многие другие. Считаем необходимым, чтобы авторы так же усердно изучили проблему репрессий грузин, как это делают по отношению к другим этносам, проживающим в Грузии – иначе это просто несправедливо.

Авторы: *Массовые репрессии, которые мы изучали в контексте реализации советской национальной политики в Грузии, логично сфокусированы на этнических меньшинствах. В случае, если бы не Грузия, а другая союзная республика выступала бы объектом аналогичного исследования, то фокус исследования был бы таким же. Репрессии в отношении этнических грузин служили нам в качестве отправной точки, некоей матрицы. Под политикой гомогенизации мы понимаем политику руководства Грузинской ССР, а не осуществление этнической грузинской идеи.*

При рассмотрении репрессий в Грузии в годы Большого террора только проживавшие в Грузии люди могут служить в качестве базовых величин. Логика рецензента, согласно которой мы неправомерно отдаем предпочтение диаспорам, нам не совсем понятна. Согласно этой логике, другие народы должны были жить и развиваться где-либо в другом месте помимо Грузии, что ошибочно не только дескриптивно, но и нормативно. Наше основополагающее убеждение заключается в том, что представители национальных меньшинств, в том числе аллохтонных, должны иметь те же права, что и титульные нации, будь это в Грузии или в Германии.

В историографии начиная с советских времен существует четко выраженная традиция (это касается всех бывших советских республик) замалчивать или зачислять на счёт титульной нации ту положительную роль, которую сыграли меньшинства. Так, например, жертвы Великой Отечественной войны из Грузии расцениваются исключительно как (этнические) потери Грузии¹⁸. Поэтому нам особенно важно обратить внимание именно на национальные меньшинства.

А. Даушвили: Вызывает возмущение невообразимая тенденциозность и несправедливость авторов. Несправедливость чувствуется во всём. Если допустить, что представленная авторами аргументация полностью справедлива и объективна, получается, что в Грузии было репрессировано 25 000 человек (они приводят и другие данные, но предпочитают эту искусственно вымученную и раздутую цифру) – даже в этом случае этот показатель равен приблизительно 0,7 % населения Грузии в 1937 году (3 542,3 тыс. человек).

Исходя из этого, 99,03 % населения не подверглось репрессиям, т. е. 99 % лавов, 99,43 % абхазцев, 99,74 % осетин, 99,58 % армян, 99,56 % азербайджанцев, 99,31 % русских, 99,29 % украинцев, 99,40 % евреев, 99,75 % курдов-суннитов, 99,27 % езидов, 99,82 % греков и представители других этносов продолжали жить в Грузии.

Немецкие авторы забыли диалектику великого немецкого философа Гегеля, который утверждал, что только значительные количественные изменения вызывают качественные изменения (универсальный закон диалектики – о переходе количества в качество). С учётом этого закона, такие незначительные репрессии, которые имели место в Грузии, не дадут того «критического рубежа», который сменил бы одно свойство другим, радикально. Действие этого закона хорошо знали реализаторы Холокоста, которых не удовлетворило истребление одного процента евреев, и в газовых камерах уничтожили 6 000 000 евреев (действительно страшно большой «критический рубеж»), а постоянные союзники Германии турки уничтожили 1 500 000 армян-соотечественников – вот как действуют «профессионалы», когда стремятся к качественным изменениям.

Таким образом, осуществленные в Грузии репрессии не могли повлиять на свойства диаспор, их политическую или этническую ориентацию именно по причине чрезвычайно малого процента репрессированных.

Кроме того, авторы должны были установить, как сложилась дальнейшая судьба спасенной части диаспор. Какую судьбу уготовили им «подлые» грузины: загнали в резервации (американский опыт в отношении индейцев), сожгли в крематориях (немецкий опыт по отношению к евреям), создали организации наподобие Ку-клукс-клана и устроили суд Линча (американский опыт по отношению к неграм), приучили к алкоголю и тотально одурманили (опыт англичан в Австралии и Новой Зеландии), полностью истребили физически (опыт англичан в Тасмании), отняли родной язык (опыт англичан и французов по отношению к шотландцам, валлийцам, ирландцам, бретонцам, корсиканцам и т. д.).

Их не волнует эта проблема. Сотни тысяч людей других национальностей в конце 30-х годов жили так же, как рядовые грузины: справляли свадьбы, создавали семьи, рожали детей, трудились, пели и танцевали во множестве домов и дворцов культуры, ходили в кино, театры, в цирк (да, и в цирк!).

Опережу события и скажу, что на фронтах Второй мировой войны представители диаспор Грузии сражались бок о бок с грузинами в грузинских батальонах и дивизиях, многие из них награждены орденами и медалями. И после войны Грузия осталась многонациональной страной.

Настоятельно требую от немецких учёных, чтобы они добились согласия Фонда Фольксвагена изучить проблему межнациональных отношений 20–30-х годов (я лично эту проблему изучил и изложил в своей докторской диссертации: см. А. Даушвили, Межнациональные отношения в Грузии 1921–1985 гг. (по материалам промышленных предприятий)). Результаты моих исследований радикально противоположны тому, что предлагают авторы труда.

Из всего вышеизложенного следует, что название труда явно не отвечает результатам исследований авторов, и оно обязательно должно быть изменено.

Авторы: Мы придерживаемся той точки зрения, что положение этнических меньшинств в Грузии здесь экстремальным образом идеализируется, в то время как многочисленные реальные проблемы, продолжавшие существовать и после 1938 г., сильно преуменьшаются.

Что же касается апологетического духа рецензента, который особенно явно выражается в приведённом им парафразе Гегеля («что только значительные количественные изменения вызывают качественные изменения»), мы хотели бы сослаться на главу «Количественный анализ массовых операций НКВД» из первого тома нашей публикации, в которой демонстрируется, что доля жертв репрессий в Грузии от численности активного трудоспособного мужского населения является в целом весьма высокой, и это утверждение относится также к меньшинствам. Кроме того, необходимо всё время помнить о том, что речь идёт о преступлении, бюрократически организованном государством. Люди были репрессированы не в результате борьбы с преступностью, не в условиях, близких к гражданской войне, или во времена слабого, распадающегося государства. Нет, их репрессировали по приказу сверху, в течение короткого времени и с помощью внесудебных органов. При этом рецензент весьма характерно расставляет акценты: в то время как в случае с репрессированными грузинами он говорит о «страшном ударе именно для грузинского генофонда», то в случае с другими этносами, которые в процентном отношении понесли примерно такие

же потери, он объявляет эти жертвы практически несущественными: ведь террор пережили более 99 %!

А. Даушвили: Слабой стороной труда является то, что в нем не видно обвинителя (палача). Авторы в основном опираются на конечный документ процесса репрессий – обвинительные заключения «троек». Но не видно, кто их составлял, какова была обоснованность выдвигавшихся обвинений. Я надеялся, что авторы попытаются перепроверить факты, связанные с обвинением в шпионаже в пользу Германии, чтобы читатели смогли убедиться – был ли тот или иной обвиняемый в действительности агентом Германии, разведчиком. Наверное, никто не допустит мысли, что в преддверии страшной войны в Советском Союзе, в том числе в Грузии, не было агентов Германии, Франции, Польши, Британии и США. Но таких исследований в рецензируемом труде мы не нашли.

Не видно даже конкретного обвинителя: например, кто наказал абхазского «врага народа» – этнические грузины или абхазы, каким был национальный состав этой *тройки* – мононациональным или интернациональным. Это имеет большое значение.

Авторы часто используют термин «грузинская карательная бюрократия», что не соответствует действительности. Это была советская карательная бюрократия. Ни одна организация в Советском Союзе не была так централизована, как силовые структуры. Сразу после советизации Комиссариат внутренних дел, служба безопасности (ЧК, ОГПУ и т. д.) полностью подчинялись Москве и исполняли её приказы и распоряжения. Именно поэтому авторы постоянно опираются на полученные из Москвы циркуляры – их исполнение было обязательно.

Мы здесь приведем данные о национальном составе лиц, находящихся на руководящих должностях Комитета госбезопасности Грузии: из 97 человек русских было 10, армян – 10, азербайджанцев – 2, украинцев – 3, евреев – 2, осетин – 1, остальные – грузины¹⁹.

Система советской безопасности и, вообще, система силовых структур к концу 30-х годов уже полностью была централизована и подчинялась Москве. В этих органах очень частой была ротация кадров: часто под грузинской, армянской, абхазской фамилией скрывалась обрусевшая и проводившая московскую политику личность.

Многонациональными были и низовые звенья служб безопасности: областные и районные организации. Поэтому большое

значение имеет то, кем были «обвинители». Это дало бы возможность чётко установить, был ли определяющим при репрессиях этнический фактор.

Мы можем принять попытку авторов доказать этническое содержание проведённых в Грузии репрессий и какие-то тайные замыслы руководства Грузии только в том случае, если будет представлен специальный циркуляр ЦК КП(б) Грузии, ЦИК Грузии, Наркомата внутренних дел Грузии, который указывал бы на специальное внимание карательных органов к этническому фактору. Авторы хотят, чтобы мы поверили: эту задачу карательные органы выполняли импровизированно, по каким-то своим скрытым соображениям. Они должны знать, что допустить это в условиях тотального режима было невозможно, ибо такая «самодеятельность» каралась сурово.

Предположения авторов, что центр (Сталин и Берия) давали какую-то автономию местным карательным органам для осуществления своих тайных идей – угнетать живущих в Грузии представителей других национальностей, чтобы те безоговорочно признали гегемонию грузин, ими документально не доказываются, а жонглирование процентами это не подтверждает.

К тому же советские карательные органы не были мононациональными, там очень активными были евреи, армяне, греки. Каждая автономная единица и каждый район имел свой местный карательный механизм, где в основном были местные кадры. Т.е. необходимо знать, кто изучал дела репрессированных: разве исключено, что грузина наказывал грузин, русского – русский, осетина – осетин и абхаза – абхаз?

Авторы должны были глубже изучить дела, а не довольствоваться поверхностной интерпретацией некоторых выбранных дел.

Вместе с тем, как убеждают проведённые нами исследования, проводившиеся в трудовых коллективах политические процессы, активность людей на этих процессах, высказанные ими обвинения были вполне достаточны для предъявления «виновнику» серьёзных обвинений. Для иллюстрации приведу лишь один пример: на тбилисском заводе им. Кирова работала маленькая группа немецких рабочих. 13 июня 1937 года на предприятии рассматривался вопрос об искоренении вредительства. На заседании один из выступающих публично обвинил во вредительстве немецких рабочих²⁰. На предприятии работали Курт, Фрей, Книпенберг, Приле, Илле и др. Они отрицали обвинение. Коллектив создал специальную комиссию, которой было поручено изучение

их деятельности. Затем на собрании рассмотрели дело сочувствующего ВКП(б). Во время рассмотрения обвиняемый даже не отрицал некоторые пункты обвинения: связь с «врагами народа», связь с Германией. Книпенберга обвиняли и в том, что его близкий друг – брат Илле в Германии был членом фашистской партии, он это знал, но не сообщил организации. Знал и о том, что немецкие рабочие собирались в разных местах города, посещали немецкое консульство. Партийная организация это дело направила в НКВД для дополнительного расследования²¹. Таких примеров очень много.

Такая активность трудового коллектива в советской действительности, особенно в 1920–1930-е годы, была естественной. Активно работал лозунг «Все коммунисты чекисты!». Партийные и комсомольские организации промышленных предприятий были частью механизма предварительного изучения и обвинения любого человека, ибо владели полной информацией о личности. Приведу пример из истории Тбилисской обувной фабрики № 1: здесь рассмотрели 13 политических дел, решили судьбу 23 человек. Выступившие армяне (52 человека), грузины (18 человек), русские (36 человек), евреи (9 человек) представили аргументы, на которые впоследствии опирался состав *специальной «тройки»*²². Таких примеров очень много, и следовало учесть и такой материал.

Авторы: *Реальные успехи разведывательной деятельности иностранных государств в советской Грузии, насколько позволяют судить источники, были крайне скромными. Немногие настоящие шпионы были выявлены и наказаны совершенно отдельно, отнюдь не в результате массовых репрессий.*

Массовые репрессивные операции отличались именно тем, что центр делегировал периферии значительные карательные полномочия (см. главу «Регионализация карательных полномочий» в настоящей книге), поэтому мы продолжаем придерживаться термина «грузинская карательная бюрократия». Это ни в коем случае не означает, что карательные органы Грузии состояли исключительно из этнических грузин. И всё же рассмотрение Грузии лишь как жертвы политики московского центра не отвечает фактам.

Наш ответ по поводу источников связан с главным тезисом главы «Этнос и террор» в настоящем томе, согласно которому зачистка политических, социальных и экономических пространств была одновременно использована в Грузии для того, чтобы под-

стегнуть процесс формирования гомогенной титульной нации (см. также раздел «Заключение» в этом томе).

А. Даушвили: Несмотря на то, что труд производит впечатление очень скрупулезной монографии, авторы всё же упустили два разных этапа в процессе репрессий 1937–1938 годов. Это мы подчёркиваем в нашей книге (А. Даушвили. Тбилиси-1937. Тбилиси, 1997). Речь идёт о новой волне репрессий в ноябре-декабре 1937 года, которая предусматривала осуждение тех лиц, которые фактически осуществили репрессии 1937 года. После ареста «железного наркома» Ежова стали известны факты серьёзных нарушений и злоупотреблений служебным положением. Началась охота на «новых ведьм». На примере промышленных предприятий этот перелом явно виден²³. Авторы рецензируемой книги этого не замечают, хотя фиксируют, что в 1938 году особо возросло число расстрелянных.

По нашему мнению, этот рост произошёл как раз потому, что наказание Ежова и его группировки в Наркомате внутренних дел на местах вызвало скептическое отношение к уже осуществленным репрессиям, и началось наказание руководителей партийных организаций, излишне активных людей, безответственных коллег, рассмотрение их дел. Эти процессы весьма интересны. Авторы рецензируемой книги вообще упустили из виду эти процессы.

Авторы: *Как правило, сотрудники НКВД, арестованные в ноябре-декабре 1937 г., были осуждены по обвинениям в принадлежности к вымышленным политическим группировкам, якобы существовавшим внутри ВКП(б), а также как участники левого (троцкисты) и правого (Бухарин, Рыков) уклонов. Служебные проступки практически отсутствовали в их обвинениях. Таким образом, из архивно-следственных дел этой категории чекистов мало что можно узнать о проведении массовых операций НКВД. Ситуация в этом отношении изменилась в масштабах всего Советского Союза только начиная с лета 1938 г. С этого времени арестованных сотрудников НКВД стали преимущественно приговаривать к длительным срокам заключения, а также к смертной казни по обвинению в «нарушении социалистической законности», то есть в должностных преступлениях по ст. УК 206-17, пункты «а» или «б». Однако Грузия стала здесь исключением. Благодаря протекции со стороны Берии большинство расследований в отношении грузинских чекистов было прекращено. Но даже те немногие незаконченные следственные дела, которые сохранились до нашего времени, дают уже некоторое представ-*

ление о фальсификациях, подлогах и пытках, практиковавшихся «органами» в годы Большого террора. Только после смещения Берии в Грузии, начиная с 1955 г., был организован целый ряд сенсационных, как полуоткрытых, так и тайных судебных процессов, на которых в качестве подсудимых предстали сотрудники НКВД Грузинской ССР. Изучению такого рода дел будет посвящен отдельный проект, завершающий наши исследования о Большом терроре, поскольку эти дела содержат сведения не столько о репрессиях 1937–1938 гг., сколько о политике в отношении деятелей массовых операций после падения Берии. Таким образом, здесь необходимы основательные дальнейшие разыскания. В документальный том, подготовленный нами в рамках настоящего проекта, мы включили лишь несколько документов из следственных дел чекистов (см. том 2, в особенности документы из следственного дела бывшего начальника 4-го отдела НКВД Грузинской ССР С.С. Давлианидзе). Также нами использованы недавно вышедшие в свет публикации, посвященные полуоткрытым судебным процессам 1950-х годов, в том числе процессу, состоявшемуся в 1955 г. в Тбилиси²⁴. Многочисленные документальные материалы процесса над Берией дополняют наш анализ в той степени, в какой речь в них идет о массовых операциях и «социалистической законности»²⁵.

А. Даушвили: Авторы рецензируемой книги придают особую значимость «элитам» имеющихся в Грузии диаспор. «Элиты» этнических групп они считают некими demiургами «национально-освободительного движения» и обвиняют грузинскую сторону в их целенаправленном преследовании, применении особых репрессивных мер по отношению к ним.

Какими были эти «элиты» в Грузии? Ещё в 1921 году в Москве располагали следующей информацией о руководителях Абхазии:

«Эшба – очень гуманная личность, поэтому легко попадает под влияния. К вопросам советского строительства тов. Эшба относится не совсем по-коммунистически. Сам он не князь и не бюрократ, но не ведет борьбу против них, и скоро сам станет князем и бюрократом. Лакоба – узкий дуалист, своеобразный коммунист. Своим действием он противится интересам III конгресса Коминтерна – разговаривает с меньшевиками (арестованными), здоровается с ними за руку и ведет дружеские разговоры. Во времена меньшевиков он был комиссаром в Очамчире. Я не могу считать его коммунистом. Цагурия – занимает четвертое место в советском руководстве. Он узкий национал-шовинист, в ладах

с буржуазией, князьями, старается назначить на ответственные должности контрреволюционеров, социалистов... Начальник ЧК Абхазии Дамения слаб из-за необученности, он нуждается в ежедневном курировании»²⁶. Эта информация датируется 1921 годом.

Авторы: *Следует задаться вопросом, в какой степени в этом цитируемом докладе, предназначенном для Москвы, критика, высказанная в адрес партийно-советской абхазской элиты, которую скорее следует характеризовать как донос, основывалась на четких общепринятых критериях, которые, в свою очередь, могли бы быть использованы для оценки грузинских, русских или украинских кадров. В самой Грузии нередки были случаи, когда многочисленные высокопоставленные функционеры снова и снова характеризовались или «разоблачались» как меньшевики и/или алкоголики.*

В этой связи сразу возникают ещё три вопроса:

1) *Имелось ли качественное абсолютное различие, к примеру, между грузинскими и абхазскими советскими элитами? Если да, то в чём оно заключалось и где это подтверждено документально, например, в документах комиссий партийного контроля, занимавшихся проверкой кадров, или в каких-либо других подобных документах?*

2) *Существовала ли относительная разница между элитами? Поясним, о чём идёт речь: абхазы, как и осетины и многие другие меньшинства, располагали в целом менее качественной социальной структурой, чем грузины, русские, евреи или немцы. В результате среднестатистический представитель абхазской элиты располагал более низким образованием, чем такой же представитель немецкой, грузинской или русской элиты, однако на фоне общей массы абхазских крестьян он действительно занимал элитарное положение. Таким образом, решающее значение имела не абсолютная высота элитного статуса, а амплитуда, дистанция, которая отделяла элиту от основной массы населения данной национальности. В таком регионе, как Адигенский или Аспиндзский районы, где большинство жителей были неграмотными, лицо, обладавшее незаконченным средним образованием, принадлежало к числу безоговорочной образованной элиты и могло исполнять функцию (неформального) лидера.*

3) *Авторы в дальнейшем ожидают от рецензента, что он, цитируя источники, будет также называть и авторов цитат. Иначе возникает закономерный вопрос: кто был автором характеристики, данной элитам Абхазии? Кроме того, необходимо*

учитывать возможность того, что речь здесь шла о банальном доносе или внутривнутрипартийных интригах.

А. Даушвили: В материалах Тбилисского партийного архива указывается главное свойство осетинской партийной элиты – пьянство, взаимная неприязнь, склоки между кланами (т. н. синдром «батрака, который выбился в князья»), что привело организацию к серьёзному кризису, в связи с чем ЦК КП(б) Грузии рекомендовал секретарём Юго-Осетинского обкома представителя другой этнической группы²⁷.

Авторы: *Область поселения осетин относилась к особо отсталым и экономически слабо развитым областям Грузии. Таким образом, необходимо задаться вопросом, уже обозначенным выше, а именно, насколько иначе выглядят абсолютные данные, характеризующие элиты и/или партийно-советских функционеров грузинских горных племен, проживавших в непосредственном соседстве с осетинами в самой Южной Осетии, а также вокруг неё.*

А. Даушвили: Что касается «элиты» лазов, выше мы достаточно говорили об Искандере Циташи и ограничимся этим.

«Элита» – весьма сложная социальная категория, элиты могут быть лояльно настроены к власти, а могут в кризисные моменты сыграть роль руководителя «пятой колонны». Как показывает исторический опыт, такие «элиты» случайно не появляются. Неслучайно появился Конрад Генлейн (лидер судетских немцев), угробивший чехословацкое демократическое государство в 1938 году.

Неслучайно появился Владислав Ардзинба – представитель абхазской «элиты», а что касается Алана Чочиева – лидера «национально-освободительного движения» Южной Осетии, то известный советский поэт Евгений Евтушенко утверждал, что тот сотрудничал с органами советской безопасности.

Чтобы далеко не ходить: происходящие сегодня на Украине процессы явно свидетельствуют, что «элиты» – сложная категория. Разве случайно появились «премьер-министры», «министры обороны», «министры иностранных дел», «генералы армий» и «военачальники» Крыма, Луганска, Донбасса? Ведь все они – скрытые или явные сотрудники российских спецслужб.

Знают ли сегодня в Федеративной Республике Германии, о чём думают, чего хотят и как будут действовать при политических катаклизмах живущие в их стране турки, греки, югославские «элиты»?

Поэтому не будет большой ошибкой установить над «элитами» диаспор контроль и в кризисных ситуациях осуществить их

нейтрализацию, чтобы они не принесли такие же несчастья, как Генлейн – чехам, Ардзинба – грузинам, «элиты» Крыма и Донбасса – Украине.

Авторы: Действительно, категория «элиты» – весьма расплывчатое определение, однако, с нашей точки зрения, здесь достаточно «рабочего» термина, согласно которому в качестве «элиты» следует рассматривать группу особенно квалифицированных и трудоспособных представителей той или иной национальности, даже если их абсолютная квалификация была не очень высокой. Так, например, Конрад Генлейн был «только» учителем физкультуры. В этом смысле абсолютный уровень образования или глубина коммунистических убеждений абхазских функционеров не играли решающей роли. Главным здесь было то, что по этим критериям Эшба и Лакоба относились к абхазской элите.

Согласно логике рецензента, все без исключения подобные элиты национальных меньшинств в случае внутривнутриполитического конфликта призваны выступить в качестве «пятой колонны» и разрушить при поддержке внешних врагов государственное единство титульной нации. Соответственно, долг титульной нации заключается в том, чтобы ни в коем случае не допустить элиты национальных меньшинств к рулю государственной власти.

Все вышеприведённые примеры отличает практически сталинистская дихотомия: хорошие, демократические титульные нации были преданы «сомнительными» элитами национальных меньшинств. Само собой разумеется, история знает такие случаи. Однако корректная типологическая постановка вопроса требует, чтобы были также приведены совершенно другие примеры, например такие, когда демократическая элита национальных меньшинств в идеале борется против авторитарного угнетения со стороны элит большинства. Но ещё больше нам хотелось бы услышать примеры, в которых в принципе отсутствует такое «чёрно-белое» мышление. Что же, элиты Каталонии, требующие отделения от Испании, находятся на содержании Франции или даже России? Являются ли каталонцы или баски, которые в своё время сражались ещё против соратника Гитлера Франко, автоматически менее демократичными, чем центральное правительство Испании?

На самом деле ситуация зачастую является гораздо более сложной, «многоцветной», а политика в духе рецензента, нацеленная на целенаправленное отстранение меньшинств от власти,

таит в себе опасность невольно оказать поддержку центробежным силам. Так, например, чехословацкие власти, как сегодня самокритично отмечают чешские историки, упустили в период 1918–1938 гг., а особенно до 1933 г., возможность прийти к соглашению с готовыми к компромиссу – самое позднее начиная с 1925 г. – партиями немецкого меньшинства, такими как DSAP (Deutsche Sozialdemokratische Arbeiterpartei), BdL (Bund der Landwirte), CSV (Christlich-Soziale Volkspartei). Тем самым они смогли бы лишить социальной базы Немецкую национальную партию (DNP, Deutsche Nationalpartei) и Немецкую национал-социалистическую рабочую партию (DNSAP Deutsche Nationalsozialistische Arbeiterpartei) – предшественниц созданного К. Генлейном «Судетского народного фронта / Партии судетских немцев» (SHF/SdP). Если бы правительство Чехословакии ещё до 1933 г. сделало элитам судетских немцев часть тех уступок, которые оно позднее было вынуждено сделать Генлейну и Гитлеру, то не было бы никакой «пятой колонны» во главе с Генлейном. Впрочем, большая часть этих немецких элит образца 1925–1933 гг. бежала в 1938 г. из страха перед Гитлером и не сотрудничала с нацистами, что по логике рецензента должно было быть почти повсеместным явлением.

А. Даушвили: «Цифровая пропорциональная галиматья» – один из основных недостатков труда. Авторы бесконечно, с надоедливой скрупулезностью считают и пересчитывают проценты, их десятые, сотые доли, сравнивают процент репрессий одной этнической группы с другой, вторую с пятой и так бесконечно. При чтении этого материала невольно приходит мысль, что дело имеем с полным мешком риса, и авторы с немецкой пунктуальностью берут этот рис, взвешивают на медицинских весах, добавляют или убавляют ещё какой-то объём. К чему всё это?

Это делается потому, что жонглирование процентами даёт большой психологический эффект. В труде постоянно фигурируют 29 %, 70 %, 58 %, 80 % – и так бесконечно. Вот, например, разговор идёт о 64 % расстрелянных, это наводит страх, а в действительности это 25 человек приблизительно из десяти тысячной диаспоры. Речь идёт о 42 % жертв, а на самом деле репрессировано только 24 человека, 82 % репрессированных подразумевает 27 человек из 33. Подобных примеров можно привести много. Иногда авторы так увлекаются игрой с цифрами, сравнениями, прибавлениями и вычитаниями, что при переводе в реальные цифры процент уже подразумевает полтора человека, три человека с четвертинкой и т. д.

По нашему мнению, этот метод неверный, и он не позволяет проникнуть в глубину вопроса. Он меняет характер труда и создаёт впечатление статистического сборника.

Авторы: *Эти критические замечания мы считаем действительно важными и приводим теперь в рукописи в таких случаях (хотя процентные числа подсчитаны корректно) только сжатые абсолютные данные.*

А. Даушвили: Нельзя оставить без внимания главу «Кандидаты включения: абхазцы и осетины». Авторы касаются весьма болезненной сегодня для грузин проблемы и явно обвиняют нас в гонении абхазов и осетин, утверждают, что грузины использовали 1937 год для притеснения этих этносов, нивелирования их культурной идентичности, гегемонии грузинского этноса.

Это недоказанное обвинение!

Авторы в труде проявляют определённое знание истории Грузии, но это знание часто неточное, одностороннее, в основном зиждется на данных сепаратистской историографии. Их мысли во многих случаях обрадуют представителей абхазского и осетинского сепаратизма, но не всех.

Многим не понравится утверждение авторов, что абхазы являются диаспорой.

Авторы или не знают, или не показывают, что Абхазия – древнейшая грузинская земля, что топонимика на её территории во многом грузинская (мегрельская или сванская, например Сухуми – Цхуми – рцхила, Бичвинта – пичви и т. д.). Даже сам популярный курорт Сочи – грузинский топоним, на этой территории с незапамятных времен жили грузины вместе с абхазами.

Что касается Средневековья, то Абхазия была одной из основ грузинской феодальной монархии. Ведь неслучайно титул царей единой Грузии начинался так: «Царь абхазов, грузин, ранцев, кахетинцев...». В эпоху Средневековья Абхазия была таким же грузинским регионом, как Картли, Кахетия и т. д.

На тесное единство с грузинами указывает и династия абхазских князей – Шервашидзе, Анчабадзе и др. В Абхазии всегда жили грузины (мегрелы, сваны). Религиозно-культурная жизнь Абхазии основывалась на грузинском языке и грузинском направлении православия.

То, что феодальная разобщённость не является положительным историческим процессом, немцы знают не хуже нас – раздробленная на 30 государств Германия долго пожинала политические и экономические плоды этого разделения.

В отношении Абхазии произошел исторический факт – ослабление единого центра и переселение с Северного Кавказа родственных абхазам адыгейских племен, их смешивание с местным абхазским этносом (ассимиляция) вызвало ослабление культурно-религиозных связей с Грузией. В этом нет ничего удивительного: когда Германия ослабла, Франция легко присоединила Эльзас-Лотарингию с центром Страсбургом, офранцузила и превратила в неотделимую часть своего политического и культурного ареала. Дания присоединила Шлезвиг-Гольштейн, возвращение которого потребовало много крови (это уже в эпоху Бисмарка).

Авторы: Сначала необходимо констатировать: речь идёт не об «обвинениях», а об интерпретации установленных фактов. Что же касается остальных пунктов критики рецензента, то авторы уже дали свой ответ в дискуссии с Д. Гамахарией. Очень коротко авторы вновь хотели бы отметить, что, например, спор о территориальных правах, обусловленных историческим первенством заселения той или иной местности, расценивается ими как праздный и бессмысленный, в том числе в отношении Абхазии, поскольку ко времени русской аннексии в XIX столетии в Абхазии проживали исключительно абхазы, за исключением Самурзакана. Даже если в Абхазии исторически были картвельские поселения, непрерывная линия преемственности не сохранилась. В качестве сравнения здесь можно указать на претензии Израиля к Палестине, которые израильтяне пытаются обосновать исторически, хотя после изгнания евреев римлянами в 132–135 гг. на нынешней территории Палестины не имелось непрерывно существовавших еврейских поселений. Территориальные претензии, имеющие такого рода обоснования, выглядят для нас в высшей степени проблематичными.

Рецензент ставит в вину авторам, что они следуют «историографии сепаратистов», но это не соответствует действительности. У нас сложилось впечатление, что всё из написанного нами, что не отвечает толкованию грузинских коллег, таких как А. Даушвили и Д. Гамахария, квалифицируется как «сепаратистское» и «неудовлетворительное».

А. Даушвили: В Абхазии имело место известное историческое явление – с новым этносом осталось старое название, а сама страна уже радикально отличалась от той, которой была в прошлом (прекрасный пример – Египет: его арабское население мир именуется египтянами и считает их наследниками египетской культуры, хотя арабы этнически радикально отличаются от создателей

египетской цивилизации. То же самое можно сказать о современном населении Македонии – страна сохранила название, хотя населяют её этнические славяне).

Сами себя большинство сегодняшних абхазов именуют «апсуа» и стараются отдалиться от сегодняшних грузин, хотя официально заявляют серьёзную претензию на культурное наследие Средневековья (см. сайт т. н. президента Абхазии) и даже не хотят понять, что та цивилизация была генетически грузинской.

Авторы книги, по нашему мнению, сознательно не обращаются ко всей истории Абхазии, чтобы упрекнуть грузин в политическом давлении на абхазцев, хотя это не соответствует действительности.

В связи с Абхазией произошло удивительное: абхазцев угнетали, притесняли русские, которые выселили их из родных мест (махаджирство); русские потопили в крови не одно восстание, называли их «предательской нацией» (этот эпитет официально снял с абхазцев Николай II лишь в 1912 году), запретили жить в городах, пытались сделать их христианами (в Средневековье абхазцы были христианами и подчинялись Мцхетскому Католикусу), но тщетно.

Авторы: *Все эти вопросы бесчисленное количество раз становились предметом обсуждения в ходе грузино-абхазского спора историков. Мы рассматриваем эту дискуссию как контрпродуктивную. Однако «македонский» пример рецензента нам понравился: оценивая сегодняшнюю политику и актуальное отношение Македонии к Болгарии, Албании и Сербии, но в первую очередь – к Греции, необходимо исходить из того факта, что македонцы сегодня являются славянами. Это значит не что иное, как исходить из реальности. Фиксация греков на логике, согласно которой имя «Македония» принадлежит им, является бессмысленной. Должны ли греки выдвинуть теперь территориальные претензии, основываясь на том, что две с половиной тысячи лет назад Македония была заселена греками? Такого рода притязания авторы охарактеризовали бы как полностью абсурдные. Но если таких притязаний не существует, то почему споры вокруг мнимого права собственности на имя должны снова и снова отравлять отношения между двумя народами и государствами – Македонией и Грецией? В Германии имеется масса восточнославянских топонимов. Должны ли на этом основании Польша, Чехия и Словакия запретить Германии использование этих имен собственных, и, ссылаясь на право собственности,*

вплоть до момента изменения топонимов отказать Германии в нормализации отношений? Эта (в данном случае греческая) одержимость древней историей, а также именами и символами, как нам кажется, является и в Грузии одним из препятствий на пути разрешения конфликта.

А. Даушвили: Несмотря на всё это, у абхазцев сумели развить синдром отчуждения от грузин. В этом виновна не только диверсионная деятельность России, есть и другие обстоятельства, но разговор об этом может завести далеко. Реальность же такова, что в начале XX века значительная часть абхазов отличалась про-русскими настроениями.

Видимо, авторы труда слишком поверхностно знакомы с литературой на эту тему (М. Лордкипанидзе, Д. Мухелишвили, Д. Гамахария, Г. Гогия, Е. Хоштария-Броссе, З. Папаскири, А. Даушвили и др.), в которой даны ответы на многие вопросы. Без знания этого материала невозможно разобраться в происходивших в Абхазии в 30-х годах процессах.

Что касается экспедиции генерала Мазниашвили в Абхазию в 1918 году, этот факт сегодня следует оценить иначе. Когда коммунизм был объявлен благом для мирового развития, а коммунистическое движение – прогрессом, тогда эта операция была объявлена контрреволюционной, карательной, и действия абхазов в этой операции весьма хвалили за явное сотрудничество с большевиками.

Сегодня, когда коммунизм потерпел поражение и объявлен иллюзорной фантазмагорией, можно ли считать отрицательным явлением деятельность грузинского демократического государства, его генерала, направленную на ликвидацию бациллы большевистского, недемократического и неприемлемого для мира политико-экономического режима? Конечно, нет! Во время такой борьбы есть человеческие жертвы, но с современной прогрессивной позиции антибольшевистский поход следует оценить положительно.

Жаль, что авторы книги знакомы с историей Абхазии в основном по обвинительным заключениям и даже не стараются изучить её более глубоко. Советизация Грузии, в том числе Абхазии, происходила на основе явной агрессии и интервенции со стороны России, естественно, при содействии грузинских большевиков.

Авторы: *Что касается отношения абхазов к русским, то, с нашей точки зрения, необходимо прежде всего задать вопрос, почему рецензент не замечает и не объясняет парадокса,*

возникающего в результате сопоставления двух сделанных им корректных утверждений: 1) об изгнании абхазов русскими и крайне враждебном отношении царских органов власти к абхазам и 2) о том, что в это же время, в начале XX века, абхазы были настроены прорусски. Это упущение со стороны рецензента объясняется тем, что в результате массового поселения в Абхазии мингрелов, грузин и сванов, начиная с конца XIX века, абхазы чувствовали себя в большей опасности перед лицом грузинского национализма, а не русского. История этого колониационного движения, учитывая отсутствующую преимственность на уровне поселений, по вышеназванным причинам, очевидно, до сих пор является в Грузии табу.

А. Даушвили: Для авторов должна быть интересной информация о том, что в Компартии Грузии, органической составляющей которой был Абхазский обком, было всего три абхаза с партийным стажем до 1917 года. Т. е. ясно, что абхазы не интересовались большевистским движением до Октябрьской революции²⁸. Не интересовались коммунистическим движением и после советизации – в 1926 году в партийной организации Грузии, насчитывающей 14 441 человека, было всего 77 абхазов²⁹.

Зато абхазы имели особый политический статус – Абхазскую Советскую Социалистическую Республику, которая была связана с Грузией союзным договором. Авторы труда постоянно подчёркивают этот статус Абхазии, и его ликвидацию в 1931 году считают большой трагедией и этническим гонением со стороны грузин.

Жаль, что у авторов труда не возникает вопрос: почему абхазам была оказана такая особая честь, а огромная Средняя Азия с населением в несколько миллионов человек (казахи, туркмены, узбеки, киргизы, таджики) со статусом автономной республики входила в состав Российской Федерации без какого-либо союзного договора. В таком же положении – в составе РСФСР были Татарская, Чувашская, Калмыцкая, Удмуртская АССР. Фактически в 1921 году для абхазов было сделано неординарное исключение, которое не отвечало коммунистическим законам.

Авторы: *О республиканском статусе Абхазии было уже достаточно много сказано в нашем ответе на критику Д. Гамахарии. Там же мы обсудили исключительный характер присвоения Абхазии статуса советской социалистической республики, который не отвечал реальности. Однако сделанные нами выводы отличаются от выводов рецензента. Этот исключительный статус демонстрирует сильнейшее нежелание абхазов быть*

«зачисленными» в состав Грузинской ССР. Это нежелание хорошо подтверждается документально. Таким образом, речь шла о бюрократическом компромиссе, в результате чего Абхазия фактически являлась АССР внутри Грузии, но со своими особыми правами, формально же Абхазия обладала несколько неопределенным, но более высоким статусом.

Экстремальный контраст между Абхазией и Средней Азией, который рисует рецензент, затушевывает тот факт, что, например, армяне и азербайджанцы, а также и грузины получили для своих республик статус союзных и тем самым также ранжировались гораздо выше, чем те миллионы жителей Средней Азии, которых он называет. «Статусные» вопросы в общем и целом очень сложны, а отдельные примеры, которые приводит рецензент, являются спорными. Так, Калмыкия получила статус автономной республики только в 1935 г., до этого, начиная с 1920 г., она была автономной областью (АО).

А. Даушвили: Сами абхазские коммунистические лидеры на съездах Компартии Грузии публично заявляли, что это было только временное «название» – без реального политического значения³⁰. О какой независимости можно было говорить в 1921 году, когда большевики готовились к «мировой пролетарской революции», когда весь мир должен был объединиться в одну пролетарскую республику.

Уважаемые авторы должны знать, что в советской системе Коммунистическая партия полностью узурпировала власть и владела ею безраздельно. Независимость советских союзных республик (не говоря об автономных республиках и областях) была фикцией, не имела реального содержания. Всё зависело от верховных решений и циркуляров руководящих партийных органов. Коммунисты это и не скрывали. Вот какое постановление принял один из их съездов: «Все решения Российской коммунистической партии и её руководящих учреждений обязательны для выполнения всех частей партий, несмотря на их национальный состав. Центральные комитеты украинских, литовских коммунистов пользуются правами обкомов партии и полностью подчиняются ЦК партии»³¹.

Совершенно ясно, что независимость не только Абхазии, но и всех союзных республик была фикцией, а в отношении Абхазии следует отметить и то, что абхазская партийная организация изначально входила в состав Компартии Грузии как её региональная организация и называлась обкомом (а не Компартией Абха-

зии). Поэтому правы те грузинские историки, которые утверждают, что Абхазия с самого начала фактически владела статусом автономной республики, что формально было закреплено в 1931 году.

Что было проблемой в Абхазии? Наши коллеги не знакомись глубоко с историей Абхазии 20–30-х годов, архивными документами, стенограммами партийных съездов и конференций. В те годы главной проблемой в Абхазии было равноправие. На партийных собраниях, съездах постоянно рассуждали о том, что абхазы всегда старались установить национальное правление и мешали представителям других народов, живущим в регионе, занять руководящие должности. Весь указанный период характеризуется интенсивными внутрипартийными прениями между «компромиссным» и «справедливым» направлениями. Первые требовали компромиссов, уступок для абхазов, вторые – равенства и справедливости³².

Авторы: *В условиях терпимого отношения или даже при поддержке царских властей, а начиная с 1937 г. – органов советской власти, осуществлялось массовое переселение грузин в Абхазию, которые в результате этого, а также благодаря ассимиляционным процессам стали, уже начиная с 1920-х годов, самой многочисленной группой в республике, гораздо более многочисленной, чем сами абхазы. Похожие переселенческие колонизационные процессы наблюдались во многих регионах Советского Союза, прежде всего в РСФСР, где русские в 1920-е годы стали составлять большинство, или даже подавляющее большинство. Речь в первую очередь идёт об областях, в которых ранее доминировали финны или другие этнические группы (угорские народы, тюрки, народы Крайнего Севера, а также палеоазиаты). Тем не менее все эти группы были признаны советской властью автономным «коренным» населением и пользовались определёнными привилегиями. Канадский историк Терри Мартин по причине такого предоставления квотированных привилегий характеризовал Советский Союз этого времени как affirmative action empire, что можно перевести как «империя позитивной дискриминации» национальных меньшинств. Таким образом, эта политика «позитивной дискриминации» не ограничивалась только абхазами.*

Если бы в Латвии и Эстонии после 1991 г. в течение ещё 20 или 30 лет сохранялась имевшая место демографическая динамика и Советский Союз распался бы только в 2021 г., то, без сомнения, русские составляли бы тогда большинство населения Латвии и Эстонии. Тогда бы русская историография смогла бы,

как и наш рецензент, потребовать «равноправия». Этности, которые стали доминирующими на «чужой» территории в результате миграционной колонизационной политики, управляемой государством, обладают, с нашей точки зрения, лишь ограниченной легитимностью. США, Канада, Австралия и Новая Зеландия отдают должное этому ограничению легитимности, предоставляя коренным жителям серьезные привилегии во многих сферах, в том числе территориальные.

А. Даушвили: Откуда шло чувство недостатка справедливости? Это ясно видно из некоторых статистических данных. В 1923 году в абхазской коммунистической организации было только 39 коммунистов-абхазов, грузин было 157, русских – 136, армян – 18³³.

В составе рабочего класса Абхазии было всего 165 абхазов (2,6 %), 1382 грузин (21,5 %) и представителей всех остальных национальностей. В кустарно-ремесленном производстве абхазское представительство составили 2 человека (0,03 %), на железнодорожном транспорте не работал ни один абхаз и т. д.³⁴ Таким образом, материальные блага в этих сферах абхазы не создавали, здесь работали только представители других народов.

Зато в органах управления они занимали все руководящие должности: они были в руководстве областных и районных учреждений, руководили складами и крупными магазинами, управляли финансовыми организациями, курортной инфраструктурой и т. д. А «кому многое дано, с того и спрос большой!» Именно поэтому сравнительно высокий процент абхазов среди репрессированных. Разобраться в этом можно лишь при скрупулезном изучении дел репрессированных, а процентно-арифметические упражнения авторов труда не проясняют этого вопроса.

Авторы: Если мы правильно поняли, аргументация рецензента сводится к тому, что абхазы (по причине своего привилегированного положения) были в большом числе представлены в составе элиты и соответствующим образом оказались подвержены сверхпропорциональным репрессиям. Однако, согласно нашим данным, массовые репрессии затронули не столько абхазские элиты, сколько простое абхазское население, в первую очередь крестьян.

А. Даушвили: Ситуация, сложившаяся в Абхазии, раздражала как грузин, так и русских, армян. Они требовали равноправия. Об этом много раз спорили на партийных съездах и пленумах³⁵. Но положение не менялось. При попустительстве центральной власти Грузии в Абхазии постепенно усиливалась этнократия, что

имело отрицательные последствия – местное абхазское население, стремясь получить привилегии, льготы, кредиты, должности, записывались абхазами. Об этом тоже неоднократно шёл разговор на партийных форумах.

Поэтому авторы, говоря об «особом прогрессе абхазов» в деле «формирования нации», что якобы вызвало раздражение грузин, должны знать, что в социально-культурное развитие Абхазии грузины, русские и армяне вносили больший вклад, чем этнические абхазы. А что касается культурной жизни, то тут была значительной и решающей помощью центральной власти Грузии – Абхазия финансировалась из бюджета Грузии.

Авторам неизвестно и то, что в соответствии с советскими идеологическими догмами абхазы, осетины и этносы этой категории были не «нациями», а «национальностями», т. е. по советской табели о рангах стояли на ступеньку ниже и, исходя из этого, должны были иметь меньше претензий. Их необоснованные претензии не понравились бы центральной власти Москвы, которая в своей федерации объединила под статусом «национальность» гораздо более крупные и сильные, чем абхазы, этносы – удмуртов, башкир, татар.

Авторы: *И здесь ситуация с абхазами совершенно не отличается от ситуации с национальными меньшинствами Ленинградской области, Карелии, Волги, Урала, Сибири и Крайнего Севера, равно как и Северного Кавказа. Эти крайне отсталые национальные меньшинства, вдвойне угнетаемые в Российской империи, обладали слабыми элитами, которые после 1917 г. в качестве компенсации особенно поддерживались Москвой.*

А. Даушвили: Именно о будущем Российской Федерации думала Москва, когда в 1931 году статус Абхазии сделала реальным и определила на уровне других аналогичных автономных республик в составе РСФСР. Историки-сепаратисты не смогут привести ни одного аргумента, объяснявшего бы то, почему малочисленный, не очень трудолюбивый, ничего не сделавший на протяжении целого позднего Средневековья малоцивилизованный народ (который не вёл городского образа жизни, у которого уже почти отсутствовала религиозная жизнь, без образования, художественной литературы – имелся лишь фольклор), получил такую особую привилегию.

Авторы: *Стереотипы такого рода являются расхожим местом расистской литературы. Так, в южных штатах США многочисленные авторы охотно рассуждали на тему того, что*

афроамериканцы малообразованны, однако одновременно умалчивалось о том, что власти выделяли на образование отдельно взятого черного школьника мизерную долю от тех средств, что шли на воспитание белого ребенка. В целом же указание на мнимое бескультурье и само собой разумеющуюся отсталость этнических групп является весьма проблематичным. Равные права в смысле предоставления равных шансов сегодня во всех западных государствах заключаются в том, чтобы предоставить все возможности участия в жизни общества исторически дискриминируемым группам, в том числе даже путём выделения квот.

А. Даушвили: Изменение статуса, конечно, с подачи националистически настроенной бюрократии, вызвало выступление крестьян в Гудауте в 1931 году. Во время этих выступлений прозвучала проблема переселения в Турцию и налаживания связей с Турцией, что не осталось без внимания советских спецслужб. Они вспомнили действия абхазов во время российско-турецких войн в XIX веке и решили поселить в этой части черноморского побережья представителей более лояльных этносов (что было осуществлено с учётом интересов Москвы).

Авторы: *Здесь, как и ранее, демонстрируется амбивалентность российско-абхазских отношений. Если абхазы якобы играли в Грузии роль «пятой колонны» Москвы, то почему они вдруг стали менее лояльными в отношении Москвы, чем, например, сами грузины? Как и выше, в отношении «поздней» Российской империи, наблюдение рецензента является правильным, но его выводы представляются весьма спорными.*

А. Даушвили: Что касается вопроса предложения абхамам грузинского алфавита, об этом в Грузии имеется много работ, и авторы не знакомы ни с одной из них (см. исследования проф. Т. Гванцеладзе).

Если абхазы являются потомками тех старых абхазов (что так рьяно утверждают историки-сепаратисты), которые в Средневековья использовали грузинский алфавит, почему не должны использовать тот же алфавит в XIX веке, ведь грузинский алфавит лучше отражает абхазский языковой феномен, чем славянская кириллица?

Авторы: *Грузинский шрифт действительно гораздо лучше подходит для абхазской письменности, чем кириллица. Если абхазское население отклонило его, то из оправданной боязни перед связанной с этим тенденцией грузинизации, которая позднее нашла своё явное выражение в закрытии абхазских школ. В общем*

и целом здесь, как и в вопросах о расселении и о «равноправии», рецензентом игнорируется колониальный аспект грузино-абхазских отношений. Объективные лингвистические критерии играли в вопросе о выборе письменности второстепенную роль.

А. Даушвили: К сожалению, такими же ошибочными являются выводы авторов о проживающих в Грузии осетинах и о грузино-осетинских взаимоотношениях. Разговор об осетинах и других этносах заводит очень далеко. Мы можем предложить вполне убедительные контраргументы в отношении выводов обо всех этносах, отдельно рассмотренных авторами рецензируемой книги, но формат рецензии не даёт такой возможности. Авторам советуем внимательно ознакомиться с совместным коллективным трудом грузинских историков, антропологов, социологов и демографов «Некоторые вопросы истории осетин Шида Картли» (Тбилиси, 2010); «Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии», «Некоторые вопросы грузино-русских взаимоотношений в современной историографии».

Авторы: Несмотря на все различия – осетины, в отличие от абхазов, действительно являются переселенцами с Северного Кавказа – ситуация с осетинами была примерно такой же, как и в случае с абхазами. Рецензент прав в том отношении, что авторам действительно в недостаточной степени известна литература грузинских авторов по данному вопросу. Но хотелось бы также отметить, что «произведённая» в Грузии литература – например А. Totadze – носит зачастую отчетливо выраженный апологетический характер³⁶. Речь в ней идёт о том, чтобы поставить под вопрос легитимность осетин в Грузии, и в этом смысле подбираются и интерпретируются все документальные источники. Соответственно, международная историография в малой степени уделяет внимание этой литературе. Конечно же, упоминая об этом, мы не оспариваем огульно качество и значение всей грузинской историографии. Так, например, в Грузии на очень высоком уровне находится социальная история. Однако у нас сложилось впечатление, что именно некоторые грузинские учёные, занимающиеся национальными меньшинствами, никак не могут выбраться из политического руслу.

А. Даушвили: Авторы рецензируемой книги при рассмотрении межнациональных отношений в Грузии впадают в недопустимый субъективизм. Мы уже выше отмечали, что авторов не интересуют межнациональные отношения. Из их труда следует, что один этнос в Грузии охотился за другим, они ненавидели друг друга, ставили ловушки.

У авторов не возникает вопроса: почему в Грузии жили представители 119 этносов? Их приход, поселение, адаптация происходили по желанию грузин, исходя из интересов грузин? Есть ещё страна, где жили бы представители стольких этносов на такой малой территории?

Авторы: *Здесь надо ответить двояким образом. Во-первых, дать следующий ответ на последний вопрос рецензента, который тот задал риторически: «Да, конечно же, таких стран много». Так, например, все бывшие советские республики имеют в составе своего народонаселения похожее число национальных меньшинств. Кстати, каково происхождение числа «119»? Насколько многочисленной была/является последняя по счету, 119-я этническая группа? Очевидно, что группы такого размера имеются также и в других постсоветских республиках, в том числе очень маленьких – например, в Эстонии, Латвии, Киргизии и Туркмении, как свидетельствуют материалы Всесоюзной переписи 1989 г. Даже отдельные области России имеют схожее этническое многообразие, не говоря уже обо всех современных мегаполисах – Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Берлине, – которые демонстрируют ещё большую этническую пестроту, чем было здесь указано.*

Во-вторых, следует поставить вопрос, насколько важен такой чисто статистический ракурс рассмотрения этнического многообразия для фактического обустройства жизнедеятельности национальных меньшинств. Критерием мультинационального государства является не столько количество национальных меньшинств, и даже не общая численность их представителей, сколько обращение государства с этими меньшинствами, их адаптация к структурам общества и государства.

А. Даушвили: *Здесь проявляется поверхностное знание авторами истории Грузии. С позднего Средневековья Грузия боролась за сохранение своей территории и своего народа, что оказалась весьма трудной задачей в условиях феодальной разобщенности. Были потеряны территории, была физически уничтожена значительная часть населения, многие сменили религию.*

Грузия входила в состав империи. И правительство империи, исходя из своих желаний и интересов, в Квемо-Картли поселило немцев, в Абхазию – эстонцев, в Ахалкалаки – армян, в Цалку – греков, по всей стране – русских. Например, в 1801 году в Тбилиси проживала лишь одна русская семья, а к концу века количество русских составило 31 процент населения (приблизительно до 45 тысяч)³⁷. Ведь это явная демографическая диверсия.

Здесь же замечу, что авторы Тбилиси называют армянским городом и уверяют, что в нем армяне составляли 70 % населения.

Это неверно, это обман читателя; к концу XIX века доля армян в населении Тбилиси составила 31,1 %, а грузин – 26 %³⁸. Низкая доля грузин объясняется двумя обстоятельствами: в 1795 году после сокрушительного вторжения Ага Махмад Хана грузинское население Тбилиси было либо физически уничтожено, либо ушло из города. После этого имперская власть России сделала Тбилиси столицей Кавказского наместника и способствовала поселению в Тбилиси представителей преданной ей армянской буржуазии.

Авторы: *Здесь действительно авторы допустили в подсчетах досадную ошибку, которая была устранена. Доля армян в составе населения Тифлиса (Тбилиси) составляла 74,3 % в 1801 г., в 1865 г. она снизилась до 40,1 % (для сравнения – доля грузин составляла 20,9 %), в 1876 возросла до 36,2 %. В 1897 г. доля армян все ещё составляла высокие 29,5 % (для сравнения: доля грузин, то есть всех картвелов, составляла 25,8 %). Здесь также стоит отметить, что в ходе переписи 1897 г. учитывался язык, а не национальность. В результате 3798 человек «армяно-григориан» и 44 человека «армяно-католиков», у которых родным языком был грузинский, необходимо однозначно отнести к армянам. Таким образом, цифры следовало бы корректировать: армяне – 50975 человек (31,9 %) и грузины – 37309 человек (23,4 %).*

Этот пример ещё раз наглядно показывает, что непропорционально выдвигать претензии, обусловленные только историческими прецедентами. Конечно же, исторически Тбилиси был городом, населенным грузинами, и не может быть и речи о территориальных притязаниях армян на Тбилиси. Тем не менее весь 19-й век армяне доминировали в демографической сфере мультинационального Тбилиси, не говоря уже о социально-экономической области, и это доминирование, хотя и в сокращающихся масштабах, продолжалось также в XX веке. Как в своё время присутствие армянских купцов пошло на пользу царям Картли-Кахетии, так и для Тбилиси армянская «буржуазия» стала продуктивным фактором.

А. Даушвили: Нельзя без возмущения отметить, что авторы проявляют полное незнание грузино-еврейских отношений, видят какой-то след антисемитизма в репрессиях против евреев. Объявление грузин антисемитами – это самое несправедливое обвинение в упомянутой книге. 2600-летняя история грузино-еврейских

отношений не знает ни одного факта погрома евреев. Об этом было особо сказано на Первом мировом конгрессе евреев в XIX веке. Это великое завоевание грузинского народа.

Авторы: Речь здесь идёт не о погроме, а о репрессиях, пре-восходящих средний уровень. При всей высокой оценке многолетней совместной жизни грузин и евреев необходимо остерегаться её идеализации. Так, в Грузии имелись и серьёзные проблемы, которые нельзя свести только к директивам Москвы или антисемитизму мигрантов из числа восточных славян³⁹. Речь здесь идёт не о том, чтобы обвинять грузинскую сторону в антисемитизме, а о том, чтобы охарактеризовать как вредное огульное исключение самой возможности антисемитизма в Грузии в качестве научной истины.

А. Даушвили: Авторы должны знать, что власти России искусственно «запестрили» Грузию. Грузинские историки это назвали «демографической экспансией». Новые поселенцы считали себя в долгу не перед грузинами, на земле которых поселились, а перед русскими. Отсюда шло полное игнорирование грузинской культуры, письменности. Известно, что приехавшие в Грузию русские, которые поколениями жили рядом с грузинами, не владели грузинским языком даже на элементарном бытовом уровне.

Авторы употребляют выражение «обделенные нации». Эта фраза ещё раз указывает, что авторы глубоко не знают эпоху. Если бы они изучили протоколы заседания и постановления бюро ЦК КП Грузии, удивились бы количеству рассмотренных в течение года проблем осетин, абхазов, ахалцихских татар, греков, евреев, лазов и других⁴⁰.

В 20-х годах XX века были открыты школы: армянские – 189, турецкие – 90, русские – 89, осетинские – 116 (во времена Российской империи в Грузии не было ни одной осетинской школы), греческие – 166, абхазские – 57, еврейские – 5, ассирийские – 2, немецкие – 13, курдская – 1.

Представители разных этносов были активно вовлечены в народное хозяйство республики, на фабриках и заводах создавали интернациональные бригады, формировались интернациональные семьи, крепла дружба между народами как до 1937 года, так и после.

Должен подчеркнуть: по конституции советской Грузии грузинский язык провозглашался государственным языком, его пытались внедрить повсеместно, но тщетно. Существование Советского Союза, господствующее положение русского языка не позволяли осуществлять одно из основных требований конституции.

В мире нет ни одного уважающего себя государства, в котором жили бы представители другого этноса, не владеющие государственным языком, не знающие его истории – основного культурного достижения страны-хозяина. Это необходимо не только государству, но и самим представителям этноса, чтобы активно включиться в политические, социальные, экономические и культурные процессы. Идеалом межнациональных отношений для социал-демократии всегда была Америка, где законы экономического развития крепко сплотили общество, сделали его монолитным. В Америке итальянец, поляк, немец, француз, мексиканец, грек и африканский негр может достичь социального успеха лишь на основе американской школы. Без этого успех невозможен. Несмотря на это до 60-х годов XX века у них были серьёзные проблемы с неграми (деятельность Мартина Лютера Кинга).

Мы далеки от мысли, что в 30-е годы XX века в Грузии всё было замечательно в сфере межнациональных отношений. Но разве всё было хорошо для самих грузин? Кто считался с их пожеланиями и интересами? Ведь всё делалось в соответствии с принципами международного пролетарского интернационализма, и попытки воспротивиться этому карались сурово.

Таким образом, межнациональные отношения относятся к сложнейшей сфере, а авторы этот процесс представляют весьма односторонне и просто.

Авторы: *Авторы согласны с рецензентом в том, что желания и интересы грузинского населения также не учитывались в политике 1930-х годов. Мы поддерживаем и его утверждение о том, что межнациональные отношения являются сложной комплексной темой. И всё же авторы и здесь видят двоякую тенденцию: во-первых, управлявшаяся «русскими» (читай – «центром») миграционная политика, нацеленная на переселение русских в Грузию, была слабой и непоследовательной как в царское, так и в советское время. Помимо этого, миграции преимущественно затрагивали пограничные области Грузии, такие как Абхазия, и переселялись непривилегированные группы населения, причём переселение служило мерой наказания, как показывает история переселения т. н. «сектантов» при Николае I. В советское же время миграция сводилась к переселению русских, украинцев и т. д. в Тбилиси и другие большие города, где они были лишены возможности выступить с какими-либо территориальными претензиями или служить в качестве «пятой колонны» для такого рода притязаний.*

Во-вторых, рецензент сам указал на то, что межнациональные отношения в Грузии в 1930-е годы ни в коем случае не были безоблачными. Его перечисление школ, открытых для национальных меньшинств, тенденциозно скрывает тот факт, что эти школы появились в результате политики московского центра, которая саботировалась Тбилиси, если предоставлялась такая возможность.

А. Даушвили: Не считаю методически оправданным изучение репрессий 1937–1938 годов по республикам. Этим процессом полностью управляли московские спецслужбы, руководили московские бюрократы, циркуляры направлялись из Москвы. «*сталинские списки*» посылали из Москвы, итогов ждали в Москве, большая часть репрессированных (спецконтингент – дешевая рабочая сила) направлялась в российскую тайгу, на Дальний Восток и Колыму – для создания новых индустриальных центров. Республиканские организации были слепыми исполнителями московской воли.

Авторы: *В масштабах всего Советского Союза нельзя огульно отождествлять массовые репрессии с репрессиями согласно «сталинским спискам». Репрессии по «сталинским спискам» были направлены против партийно-советских элит, которые осуждались, как правило, на выездных сессиях Военной коллегии Верховного Суда СССР, то есть органа центральной союзной власти. В свою очередь массовые репрессии, когда жертвы осуждались тройками и двойками, осуществлялись в условиях передачи значительной части карательных полномочий от центра периферии (республикам, краям, областям). Такой трансфер власти был необходим, учитывая систематический способ функционирования внесудебных органов и большие количества репрессируемых. Однако именно в этом отношении Грузия представляла собой абсолютное исключение, поскольку начиная с октября 1937 г. даже жертвы «сталинских списков» осуждались здесь «кулацкой» тройкой, классическим внесудебным карательным органом реализации массовых репрессий (см. главу «Регионализация карательных полномочий» в настоящей книге).*

А. Даушвили: Не можем согласиться с мнением авторов, изложенным в заключительных частях. В конце 30-х годов в Грузии не было «гробовой тишины». Страна, несмотря на трагические явления, жила творческой жизнью: были написаны прекрасные книги, развивалась профессиональная музыка, работали театры (функционировало 48 профессиональных театров, а сегодня их

можно по пальцам сосчитать), кинотеатры были наполнены зрителями (тогда были сотни кинотеатров, сейчас их в Тбилиси только 3 или 4); многонациональное население Грузии активно трудилось (в 1940 г. Грузия впервые выполнила государственный план по всем параметрам); люди отдыхали на курортах (Грузия к этому времени уже стала одним из главных всесоюзных центров отдыха); для детей работали Дворцы пионеров и школьников, почти при всех заводах и фабриках были дворцы культуры со многими самодеятельными кружками. Угнетённый, находящийся в «гробовой тишине» народ не смог бы одержать победу мирового исторического значения (9 мая 1945 г.). Грузины и многонациональное население Грузии внесли в это весомый вклад, что было бы совершенно невозможным, если бы в Грузии сложилась та социально-политическая и межнациональная ситуация, о которой так упорно твердят нам немецкие историки.

Что касается заключительной главы – «Конец национального цирка», то она не вытекает из того материала, который пытаются подытожить авторы. Грузия не представляла собой «национальный цирк» – был накоплен уникальный опыт взаимоотношений между народами – традиционная толерантность, выдержавшая столетия.

То, что в стране способны совместно жить представители 119 национальностей, это «цирк» или высшее проявление толерантности? Мы предлагаем немецким коллегам совместное изучение именно этой толерантности.

Авторы: *Здесь действительно имеются точки соприкосновения наших позиций. Исторически в Грузии, как и в остальной Восточной и Центральной Европе, как правило, имела место толерантная, частично основанная на разделении труда, симбиотическая совместная жизнь различных наций. Грузия во многих отношениях может выступать в качестве общепризнанного примера такого мирного сосуществования народов. Сталинская политика в том виде, в каком она централизованно претворялась в жизнь кланом Берии, была в своей значительной мере нацелена как раз на ограничение, даже на разрушение имевшейся межэтнической толерантности и солидарности, и на самом деле нанесла тяжёлый урон этой, хотя и не абсолютной, но относительной гармонии (имелись также негативные аспекты).*

А. Даушвили: Авторы труда должны глубоко изучить историю Грузии, прежде чем высказывать мнение о драматическом периоде её прошлого. Допустим, что всё то, что уважаемые авторы

ставят в вину правительству Грузии, является правдой, и грузины действительно применяли репрессии для укрепления грузинского этноса, усиления процесса национальной консолидации, насильственной ассимиляции других этносов, их порабощения – где же итог? Где конкретный итог таких трагических явлений – разве в Грузии завершился процесс национальной консолидации? Хотя чуть-чуть продвинулся процесс национальной консолидации в Грузии? Искоренились сепаратистские тенденции?

Ясно, что ни одна волна репрессий (ни первая, ни вторая) не решила эти вопросы. Причиной является то, что репрессии были осуществлены не против диаспор (как это утверждают уважаемые авторы), а против отдельных представителей диаспор (что утверждаю я), и это явление не перешло «критический рубеж» и не повлекло качественных изменений.

Именно поэтому потеряно 20 % территории Грузии, и именно поэтому новое правительство Грузии пытается (хотя весьма слабо) сделать так, чтобы произошла социально-экономическая и культурная активизация многонационального населения Грузии, чтобы достижения прогресса были одинаково доступны всем живущим в Грузии этносам. Надеемся, что эти мечты сбудутся.

Авторы: *Авторы могут только разделить эти надежды рецензента. И авторы хотели бы здесь ещё раз настоятельно подчеркнуть, что они не рассматривают массовые репрессии в Грузии как карательные акции, направленные этническими грузинами против абхазов и прочих национальных меньшинств. Нет, авторы полагают, что им удалось доказать, что в рамках Большого террора в Грузии разные национальные меньшинства преследовались с разной степенью интенсивности. В результате они пытаются найти адекватные причины этого явления.*

А. Даушвили: Что касается других частей двухтомника, то в их адрес критики меньше. Какие могут быть замечания к документам и таблицам? Хотя общее стремление авторов, тон пояснительных записок и замечаний явно указывают: целью авторов является доказать всему миру, что весной 1945 года авторы и англичане должны были бомбить не Берлин и Дрезден, а города мирового шовинизма, нацизма, угнетателей 119 этносов – города грузин, Тбилиси и Кутаиси, чтобы больше никогда не было слышно имени нации, так бессовестно угнетавшей маленькие беспомощные диаспоры...

Авторы: *Такое болезненное восприятие якобы присутствующей в тексте идентификации грузинского народа с национал-социалистическим режимом лишено каких-либо оснований.*

А. Даушвили: Хотя всё же желательно, чтобы во время публикаций авторы представляли материал не о случайных, незначительных людях (некие Бериашвили, Скобелев и т. д.), а о более достойных и заслуженных деятелях: об известном дирижере Евгении Микеладзе, великом писателе Тициане Табидзе, известном партийном деятеле Мамии Орахелашвили и многих других.

Авторы: *Замысел авторов как раз и заключался в том, чтобы сконцентрировать внимание именно на «маленьких», «незначительных» людях. Речь в нашей книге идёт не столько о сравнительно хорошо изученных репрессиях в отношении элит, сколько о типичных жертвах массовых операций НКВД.*

А. Даушвили: Что касается документа № 298, секретного письма Л. Берии Сталину, этот документ я обнаружил ещё в 90-х годах XX века, опубликовал его содержание в моей монографии «Тбилиси-1937» (Тбилиси, 1997), а полностью документ с соответствующим анализом опубликовал в 2001 году в журнале «Анналы», № 1, с. 96. Там же и резюме на русском и английском языках. Материалы этого документа использованы в грузинской (2012 г.) и английской (Нью-Йорк, издательство «Нова», 2012 г.) публикациях одноименника «История Грузии», там же воспроизведен титульный лист письма. Авторы фактически игнорируют моё открытие и мою публикацию, что не коллегиально.

Авторы: *Авторы благодарят рецензента за эту информацию и вносят соответствующие исправления в текст монографии.*

Заключение А. Даушвили: Исходя из всего вышеизложенного, можно заключить, что:

1. Перед нами довольно объёмная работа, проведённая поспешно и весьма тенденциозно.

2. Авторы могли бы избежать досадных ошибок, если бы с самого начала обратились в соответствующие структуры Академии наук Грузии, к тем грузинским учёным, которые работают над этими проблемами уже много лет.

3. Заключительные главы не подтверждают тех идей, которые авторы пытаются навязать читателям. Никаких массовых репрессий, террора и геноцида в отношении диаспор в Грузии не было, осуществленные в отношении всего населения Грузии репрессии не превышают (по расчётам самих же авторов) 1–2 процентов, что исключает их массовый характер. Поэтому надо изменить название труда (если он вообще будет издан в печатном виде) – «Маленькие репрессии в маленькой кавказской республике».

4. Из труда видно, что циркуляры для осуществленных в Грузии репрессий полностью поступали из Москвы (Наркомат внутренних дел, за подписью Ежова) и полностью соответствовали интересам центра (выявление и нейтрализация «пятой колонны» в элитах диаспор и обеспечение дешевой рабочей силы для гигантских строителств Дальнего Востока). Местные карательные органы («советская карательная бюрократия», а не «грузинская карательная бюрократия») не проявляли частную инициативу, не придавали репрессиям какой-либо этнический оттенок – авторы не смогли обосновать это, не привели в доказательство постановления ЦК КП(б) Грузии, решения ЦИК Грузии или циркуляры.

5. Из труда следует, что репрессии проведены по принципу «от всех понемножку». Репрессии в Грузии, как и в союзном масштабе, выполнили основную задачу – добиться лояльности и единства общества и обеспечить советскую индустрию дешевой рабочей силой для Дальнего Востока (Колыма, Норильск, Сибирь и т. д.). Это в значительной мере обеспечило быстрое социально-экономическое развитие весьма важных регионов.

6. Труд создан не на основе объективных архивных материалов, а является плодом фантомно-априорного мышления авторов, к которому подобраны (в подтверждение) добытые в архивах примеры.

7. Следует вообще изъять из расчётов данные «милицейской» тройки (бездомные, проститутки, деклассированные элементы и т. д.), поскольку они не имеют отношения к теме и представляют простую манипуляцию в руках недобросовестных авторов («криминал не знает национальности»).

8. По нашему мнению, также следует изъять данные о членах и кандидатах в члены партии, комсомольцах. Они сами были членами той партии, устав которой, писанные и неписанные законы которой требовали от них «революционной бдительности», выявления «врагов народа», разоблачения зарубежной агентурной сети. Они по своему желанию становились членами этой партии и этим расписывались под приговором в свой адрес. Они боролись с «другими», против них боролись «другие» – разоблачали, доносили, критиковали (мы это хорошо видели на примере немецких рабочих).

9. Труд явно пропитан духом тенденциозности, что продиктовано неонацистско-реваншистской идеологией.

10. Публикация труда в представленном виде и его массовое распространение нецелесообразно, поскольку несомненно вызовет волнения среди населения Грузии.

11. Труд не может содействовать дальнейшему развитию и укреплению прекрасных до сегодняшнего дня грузино-немецких отношений.

12. Публикация труда не отвечает интересам немецкого народа – ему достаточно своего опыта; публикация труда не отвечает интересам грузинского народа – труд является ошибочным и необъективным. В публикации труда может быть заинтересован лишь один человек с Севера и его политическая команда, всеми средствами пытающаяся воспрепятствовать стремлению к Западу – свободному миру для постсоветских государств, в том числе Грузии.

Резюме авторов: *Авторы не могут всерьез обсуждать выдвинутое в их адрес обвинение в пропаганде неонацистско-реваншистской идеологии. Это обвинение, которое не подкреплено какими-либо разумными аргументами, местами присутствует в тексте дискуссии в завуалированном виде и вдруг совершенно неожиданно и открыто высказывается рецензентом в её конце. Напротив, немецкие авторы настаивают на своей, как они полагают, вполне обоснованной точке зрения, согласно которой влиятельные представители грузинской историографии, такие как Александр Даушвили, несмотря на обнадеживающие признаки, продолжают в своём отношении к национальным меньшинствам оставаться в плену шаблонов национализма и даже расизма, имеющих частично как досоветские, но также и советские корни. Грузинский национализм, без сомнения, заслуживает тщательного анализа. Его отождествление с тем фанатичным национализмом, который исторически, шаг за шагом, охватил в своё время европейские страны и, не в последнюю очередь, Германию, едва ли уместно. Однако также вне всякого сомнения остается тот факт, что национализм был и остается, хотя и не единственной, но крайне важной причиной как политических, так и кровавых этнических конфликтов на постсоветском Кавказе, а также непосредственно в Грузии⁴¹. Длившееся десятилетиями мирное сосуществование и даже межнациональное сотрудничество, на которое ссылается рецензент, не исключает самых бурных проявлений национализма, которые тяжело поддаются рациональному объяснению. Это правило действует не только применительно к Грузии. Наглядным подтверждением является история бывшей Югославии. Не все, в том числе грузины, обречены быть националистами, даже если*

национализм является доминирующим политическим течением. Влияние доморощенного национализма зависит от разных факторов, не в последнюю очередь от национализма других народов, от политической конъюнктуры и от внешних влияний, как это было с влиянием России в случае абхазо-грузинского конфликта. И даже если национальные устремления в конечном итоге получают своё удовлетворение, это ещё не означает, что тем самым будут устранены социальные, экономические и прочие причины, лежащие в их основании. Авторы ни в коем случае не рассматривают грузинский случай как безнадежный⁴². Однако идеализация собственного прошлого является несомненной приметой национализма, и даже если аргументация рецензента рисует нам в некоторой степени симпатичный облик грузинского национализма, такой подход не помогает его изжить и не облагораживает его политические последствия. Парадная картина культурного расцвета наций в советское время в Грузии, которую рисует рецензент, мешает трезвому анализу прошлого. Поражительно амбивалентная и отчасти противоречивая оценка советского периода в истории Грузии возможно объясняется также спецификой персональной социализации рецензента. По меньшей мере удивляет и даже поражает та непринужденность, с которой он оценивает вполне допустимым внесудебное осуждение 1–2 % грузинского населения в течение 16 месяцев. Ведь в конце концов, «нормальные» по советским меркам кампании по борьбе с преступностью, а также с «врагами народа» и т. п. собирали куда как более обильный «урожай» жертв.

Что же касается исторически обусловленной аргументации, к которой особенно охотно прибегает А. Даушвили, ссылаясь порой на очень старые исторические прецеденты (истинные или ложные), то для нас такого рода аргументация не может послужить базисом для взаимопонимания. Как мы уже неоднократно подчёркивали, для нас речь идёт не о том, чтобы принять ту или иную сторону в актуальном конфликте. Тем не менее именно критическое отношение к истории, а не её идеализация кажется нам весьма эффективным инструментом, содействующим упрочению грузинского государства и грузинского общества. Сила Запада, частью которого чувствуют себя очень многие жители Грузии, равно как и его контраст с сегодняшней Россией, заключается, в частности, также в том, что государство и гражданское общество предоставляют национальным меньшинствам возможность участия не только в духе пассив-

ной толерантности, как это было в предыдущие десятилетия, но и в духе активного поощрения и уважения. Грузия, с нашей точки зрения, сравнительно далеко продвинулась в этом же направлении, как и в целом в области демократии, плюрализма и развития структур гражданского общества. Но усилия в этом направлении необходимо прилагать снова и снова.

Перевод с немецкого: Андрей Савин

Перевод с грузинского: Тато Луарсабшвили

4. Нравственное осуждение против обмена аргументами

Группа Р. Метревели⁴³: Руководством Архива Министерства внутренних дел Грузии в начале сентября 2014 года передана Грузинскому университету им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии для рецензирования работа немецких авторов – М. Юнге, Д. Мюллера, В. Фойерштайна и И. Джуха, которая называется «Этнос и террор». Согласно с проведённой в ней мыслью, большевистские, либо коммунистические, репрессии в Грузии осуществлялись по этническому признаку; изложено мнение, что от грузин целенаправленно пострадали этнические меньшинства Грузии... Названные авторы также стараются фальсифицировать языково-этническую историю грузин и не считают грузинами аджарцев, мегрелов, лазов, сванов... Тем самым немецкие авторы продолжают идеологическую схему царской России и советской империи, целью которой было «разделяй и властвуй».

Авторы: *С нашей точки зрения, должно быть ясно, что мы ни в коем случае не исключаем целиком аджарцев, мегрелов, лазов и сванов (а также другие группы) из состава грузинской нации / грузинского народа. В гораздо большей степени мы хотели бы указать только на то, что в конце XIX – начале XX века, в силу этнических признаков (главным образом – языка и религии) они демонстрировали амбивалентную идентичность и не полностью были интегрированы в состав грузинской нации. Очевидно, постулирование этой в сущности неоспоримой амбивалентности и неоднозначности уже рассматривается рецензентами как нападение на единство нации. В целом следует констатировать,*

что национализмы имеют большие сложности с амбивалентностью, неоднозначностью и множественной принадлежностью, а также пересекающимися разделительными линиями и границами, и в данном случае стремятся к ошибочной уверенности в предполагаемой однозначности, которая, в конечном счёте, не соответствует исторической реальности.

Группа Р. Метревели: Историческая реальность совершенно другая: от большевистско-коммунистического террора одинаково пострадало население всех уголков Грузии; также для осведомленного в вопросе человека ясно, что аджарцы, мегрелы, лазы, сваны... представляют такую же часть грузинской нации, как и другие картвельские этнографические группы: карталинцы, имеретинцы, гурийцы, кахетинцы, тушинцы и др.

Авторы: *Как уже было указано, разница между аджарцами, мегрелами, лазами, сванами и остальными грузинами заметно больше, чем различие между, например, имеретинцами и карталинцами. Аджарцы и лазы исторически являются мусульманами, что имеет дальнейшие политические последствия – к примеру, частичное отождествление с мусульманами в Османской империи / Турции; мегрелы, лазы и сваны изначально разговаривают на собственных языках, а не используют диалекты грузинского (как имеретинский). Оба этих различия (религия и язык) наилучшим образом доказаны в этнографической и лингвистической литературе; попытка сопоставить эти большие различия (которые мы не придаем абсолютный характер) со значительно меньшими земляческими различиями между группами христианских грузин не является конструктивной. Показательно, что, в отличие от остальных групп, аджарцы, мегрелы, лазы и сваны учитывались отдельно и статистикой советского государства (перепись населения 1926 г., аджарцы даже в 1937 г.).*

Группа Р. Метревели: Ниже вкратце коснемся некоторых взглядов, представленных немецкими авторами, а более развернуто изложим историю попытки языково-этнического раздробления грузин.

Серьёзного исследования требует история широкомасштабных кровавых репрессий, осуществленных политическим руководством Советского Союза в 20–30-х годах, особенно в середине 30-х годов XX века. Эти репрессии коснулись и Грузии – много грузин было репрессировано по сфабрикованным обвинениям. Как бы ни было тяжело исследование этой эпохи истории Грузии, оно необходимо как с научной, так и с политической точки зре-

ния. Именно поэтому мы внимательно ознакомились с работой М. Юнге, Д. Мюллера, В. Фойерштайна и И. Джуха «Этнос и террор». К сожалению, вместо серьёзного научного исследования мы увидели труд весьма низкого качества, который нельзя назвать научным исследованием. Труд имеет лишь форму научного исследования, а содержание его не соответствует научному исследованию. Работа до того слабая, а её выводы до того несостоятельны, что даже не заслуживает серьёзного внимания. Несмотря на это, мы всё же решили оценить труд «Этнос и террор». Это решение приняли лишь потому, что работа будет широко распространена во многих странах мира. Зарубежные учёные должны знать мнение грузинских коллег о работе М. Юнге, Д. Мюллера, В. Фойерштайна и И. Джуха «Этнос и террор».

Авторы: *Тот факт, что грузины также являлись жертвами репрессий, нами не оспаривается. Скорее, нам кажется, что в историографии Большого террора и сталинской эпохи в целом многократно имеет место отождествление населения Грузии (включая меньшинства) и этнических грузин, так что в результате преследование меньшинств полностью игнорируется или оказывается только на периферии рассмотрения. Наш подход, напротив, нацелен на установление связи между национальной политикой и репрессиями.*

Группа Р. Мегревели: Сразу надо отметить, что авторам не стоила большого труда фальсификация истории Грузии. Они использовали готовые положения из историографии Российской империи и Советского Союза, добавили к ним «плоды» современной российской, абхазской и осетинской историографии и на основании всего этого основательно фальсифицировали не только историю репрессий 30-х годов XX века в Грузии, но и предыдущих эпох истории Грузии, новой истории Грузии (19-й в.) и истории Демократической республики Грузии (1918–1921 гг.).

Фальсификация истории – сама по себе позорное дело, но ещё позорнее, когда она сопровождается цинизмом по отношению к конкретному народу и государству; упомянутый труд предельно циничен и характеризуется стремлением всё представить в отрицательном свете.

Из замечаний общего характера можно остановиться ещё на двух значительных вопросах. Авторы не знакомы с трудами грузинских историков – или же знают их, но должного внимания не уделяют тем из них, которые посвящены репрессиям 30-х годов XX века. Источниковая база труда слабая, архивные документы

и материалы подобраны тенденциозно. Авторы вводят в научный обиход только те материалы, которые могут подкрепить заранее определённые выводы. Архивные материалы изучены поверхностно и поспешно.

Авторы: *Рецензенты приводят длинный ряд утверждений общего характера, не конкретизируя и не доказывая их, вследствие чего их обсуждение не представляется возможным.*

Группа Р. Метревели: От этого общего вступления перейдем к конкретным замечаниям. Наши замечания представлены в той последовательности, в какой изложены материалы в работе М. Юнге, Д. Мюллера, В. Фойерштайна и И. Джуха «Этнос и террор».

1. На первой же странице труда встречаем совершенно неприемлемый для серьезного научного исследования факт. Авторы, опираясь на заявление одного из лидеров абхазских сепаратистов Сергея Шамбы, утверждают, что в Грузии 1937–1938 годов во время репрессий больше всех пострадала Абхазия. Авторы мало интересуются, каким авторитетом может быть в этом случае Шамба. Нельзя делать такой категоричный вывод, опираясь на заявление Сергея Шамбы, для этого требуется проработка тысяч документов.

Авторы: *Мы действительно не приписываем высказыванию Шамбы никакого «авторитета» и не присваиваем его себе, а характеризуем его как политически инструментализированное мнение, требующее проверки исторической достоверности. Это значит, что мы рассматриваем высказывание Шамбы лишь как один из множества возможных поводов для обоснования необходимости документальной проверки той оценки понесенных жертв, о которой заявляют обе стороны.*

Группа Р. Метревели: Авторы труда также без ссылки на соответствующий материал утверждают, что в 1937–1938 годах в т. н. Южной Осетии гораздо больше осетин стали жертвами репрессий, чем грузин. И в этом случае авторы не приводят какой-нибудь материал, свидетельствующий об указанном.

Авторы: *Напротив, мы пишем о том, что осетины преследовались гораздо меньше (более чем наполовину меньше), чем этнические грузины.*

Группа Р. Метревели: Ещё дальше идут авторы труда, когда без ссылки на необходимый материал сообщают, что в период существования Демократической республики Грузии (1918–1921 гг.) грузины осуществили этническую чистку абхазцев и осетин.

Авторы: *Мы уделяем особое внимание тому факту, что в 1918–1921 гг. грузинское центральное руководство осуществляло*

политику, направленную против абхазов и осетин, а также что правительственные войска воспринимались в Абхазии и осетинских областях преимущественно как оккупанты. Речь шла о совместном действии и пересечении этнических и (партийно-)политических, а также экономических факторов. Влияние этнического фактора во время Большого террора мы даже оцениваем как менее значимое.

Группа Р. Метревели: Осуществленные политическим руководством советской Грузии в 1937–1938 гг. репрессии авторы именуют «систематическими» и почему-то забывают, что большевистские репрессии происходили во всей Грузии: в этом случае Абхазия не была исключением.

Авторы: *То, что Большой террор охватил всю Грузию (и весь Советский Союз), нам известно. Мы пытаемся установить масштаб той роли, которую при этом играла этничность.*

Группа Р. Метревели: Антигрузинские цели авторов труда хорошо прослеживаются, когда они, наряду с абхазцами и осетинами, отдельными «нациями» считают аджарцев, сванов, лазов, мегрелов. В этом случае дело имеем с реанимацией взглядов историков, этнографов и языковедов Российской империи. Авторов даже не интересует мнение корифеев грузинского языковедения и грузинской историографии по этому вопросу.

Авторы: *Как уже было упомянуто, мы не утверждаем, что речь идёт об отдельных нациях. Точку зрения, согласно которой грузинские «корифеи» выражают действительные мнения, а авторы царской России и Советского Союза, напротив, исключительно недействительные, мы не разделяем. Характерно, что зарубежные историки скорее поддерживают результаты исследований царского и советского периода; грузинская позиция в данном случае выглядит изолированной и политически мотивированной. Применение особого права на толкование происходящего на собственной территории с помощью национальной историографии не является полезным для научного анализа.*

Группа Р. Метревели: Авторы труда обвиняют политического лидера Советской Грузии Лаврентия Берия в целенаправленных репрессиях не только абхазцев, но и армян. Странно, что авторы ни разу не задумались о том, насколько больше жизней грузин было принесено в жертву репрессиям вместе с абхазцами, осетинами, армянами. Тот, кто более или менее знаком с историей репрессий 30-х годов XX века в Грузии, согласится, что репрессии преследовали политическую цель, поэтому не могли

иметь национальную окраску. Жертвами становились все, кто сопротивлялся курсу политического руководства Советского Союза: русские, украинцы, евреи, армяне, абхазцы...

Авторы: *Следует снова внести принципиальную ясность – преследовались все группы. Однако необходимо также изучить, были ли определённые этнические группы подвергнуты преследованиям в особой – большей или меньшей – степени для достижения целей центрального руководства (титულიной гомогенизации) Грузии. Кроме того, репрессии затронули в подавляющем большинстве тех лиц, которые не являлись противниками политического руководства Советского Союза.*

Группа Р. Метревели: Для придания большей убедительности репрессиям абхазцев по национальному признаку авторы труда стараются обосновать ещё одну ложь. По их мнению, в Грузии целенаправленно репрессировали представителей разных диаспор (немцев, поляков, турок, греков, иранцев). Как и во всех других случаях, авторы и в этот раз не приводят соответствующий документальный материал для подтверждения этого обвинения.

Авторы: *Мы полагаем, что предоставили достаточное количество подтверждений статистического характера.*

Группа Р. Метревели: О 30-х годах XX века как в масштабе Советского Союза, так и Грузии опубликовано множество документов, написаны исследования. Авторы труда вынуждены хотя бы частично принять во внимание историографическое наследие, однако целенаправленно распространяют ложные идеи. Они поддерживают ошибочный взгляд, согласно которому репрессии в 1937 году имели характер социальной, а в 1938 году – этнической чистки. Для тех, кто хорошо знаком с историей репрессий, совершенно ясно, что с декабря 1934 года до весны 1938 года репрессии в Советском Союзе, в том числе в Грузии, имели только социальный, а не этнический характер.

Авторы: *Это ни в коем случае не так ясно, как утверждают рецензенты. Напротив, международные исследователи видят в действительности увеличивающееся, частично даже тотальное влияние этнического фактора. Вопреки указанным международным исследовательским тенденциям авторы ставят это под сомнение и констатируют наличие взаимодействия между социальными, экономическими, политическими, территориальными и этническими аспектами, которые составили основу убийственной смеси Большого террора в Грузии.*

Группа Р. Метревели: Авторы труда явно чувствовали, что им трудно будет обосновать выдвинутый ими ошибочный вывод (этнический характер террора, цель террора – уничтожение отдельных этносов). Поэтому и пишут: «эмпирическая перепроверка» этнического характера террора весьма затруднительна. Это значит, что авторы труда не смогли бы предложить читателю какой-нибудь документальный материал для подтверждения выдвинутого ими положения. Так оно и вышло.

Авторы: *Авторы осознают присутствие методических сложностей. Наши источники, а именно – статистические данные и источники по национальной политике, были эксплицитно нами указаны. Мы не утверждаем о наличии настоящей политики уничтожения отдельных этносов, как здесь приписывается. Речь идёт об установлении порядка, подчинении и централизации.*

Группа Р. Метревели: Несмотря на то, что авторы признаются в отсутствии желанного для них документального материала, со всей категоричностью продолжают выдвигание ложных выводов. Они разделяют ранее высказанные взгляды, углубляют и расширяют начатое позорное дело фальсификации истории. По их мнению, население Советской Грузии подразделяется на следующие категории:

- «титульная нация» (грузины);
- «титульные нации второго ранга», которые на территории Грузии имели автономии (абхазцы, осетины).

Авторы труда весьма сожалют, что не получается отдельное выделение аджарцев – «титульной нации третьего ранга», поскольку в материалах репрессий, к удивлению авторов, аджарцы признаны грузинами, и лишь в некоторых документах они упоминаются не как грузины, а как аджарцы.

Авторы: *Мы констатируем, что во многих (а не только «в некоторых») документах 1937–1938 гг. жертвы названы аджарцами (а не грузинами). До 1937 года аджарцы также рассматриваются в качестве отдельной национальности в переписях населения и других документах. Нет документов, в которых лица были бы названы «имеретинцами» или «хевсурами». Мы задаем вопрос о том, в какой мере особый статус мусульманских групп мог иметь значение при репрессиях.*

Группа Р. Метревели: Временами авторы труда не ограничиваются лишь общими заявлениями и стараются фальсифицировать историю ими же тенденциозно подобранным и Бог знает насколько правильно цитированным материалом.

Авторы: *Статистические данные могут в любой момент быть перепроверены.*

Группа Р. Метревели: Расстрелянных во время репрессий 1937 г. люди авторы считают расстрелянными «*кулацкой тройкой*», а в 1938 г. – расстрелянными «*национальной тройкой*». То есть повторяют ошибочное положение о том, что в 1937 г. репрессии имели социальный характер, а в 1938 г. – этнический.

Авторы: *Этот тезис мы не поддерживаем, а, наоборот, опровергаем. Заметим попутно, что тройки не расстреливали, а приговаривали к смерти путём расстрела.*

Группа Р. Метревели: Авторы труда приводят статистический материал, проверка которого требует как минимум двух-трехлетнего труда. Трудно поверить, что авторы столько времени провели в архиве (непосредственно в хранилищах), но всё же приведем представленный ими материал. Среди расстрелянных «*кулацкой тройкой*» грузины составляли только 65 %, а среди расстрелянных «*национальной тройкой*» – 56 %. Если этот статистический материал даже приблизительно отражает действительность, он не говорит в пользу авторов. В этом случае авторы почему-то забывают, что в Грузии, кроме грузин, в большом количестве жили армяне, азербайджанцы, осетины, абхазцы, русские, греки и представители других наций. Поэтому если из каждых 100 расстрелянных 65 были грузины, эта цифра явно не говорит в пользу авторов. Как и то, что среди расстрелянных «*национальной тройкой*» 100 человек 56 были грузины. Надо отметить и то, что мы не можем с доверием отнестись к приведённому авторами статистическому материалу (65 %, 56 %). Не исключено, что данные сфабрикованы, хотя повторяем, что и в этом виде статистический материал свидетельствует о совершенно противоположном: в советской Грузии репрессии не осуществлялись по национальному признаку, они коснулись людей всех национальностей и вероисповеданий.

Авторы: *Этого расчёта мы не понимаем. Наши данные были тщательно проверены.*

Группа Р. Метревели: Как было отмечено, авторы в начале труда утверждали, что в 30-х годах XX века во время репрессий больше всех пострадали живущие в Грузии абхазцы и осетины.

Авторы: *Именно этого мы не делаем. Абхазы, относительно общего числа населения, преследовались в большей степени, чем грузины (мы нигде не говорим «больше всех»), осетины – напротив, в значительно меньшей.*

Группа Р. Метревели: В этом случае непонятно, на какие источники опираются авторы. В работе обильно представлен статистический материал, который авторы используют для подтверждения своих взглядов. Мы знакомы с этим материалом, отметим также, что раньше авторов начали его изучение и анализ. Поэтому убедительно заявляем: весь статистический материал о репрессиях абхазцев и осетин в работе представлен таким образом, чтобы оправдать предвзятое мнение авторов.

Авторы: Публикация грузинских коллег по данной теме была бы желательна. Последствием работы со статистическим материалом может также стать пересмотр собственных убеждений. Авторы, во всяком случае, неоднократно были удивлены полученными результатами. Повторяющийся тезис о том, что авторы преследуют только одну цель – а именно, оклеветать грузин – и добиваются её осуществления с помощью предвзятого подбора источников, лжи и фальсификации, может частично исходить из невнимательного чтения текста – как в случае осетин, которые, согласно нашим результатам и вопреки приписанным нам утверждениям, преследовались в гораздо меньшей степени.

Группа Р. Метревели: Для изучения и анализа имеющихся в Архиве Министерства внутренних дел Грузии материалов, по нашему мнению, требуется длительная работа большой группы профессионалов и хорошо подготовленных для этого дела историков. Анализ представленного в труде статистического материала убедил нас, что такая работа не была проведена. Материал собран в результате непоследовательной, бессистемной, поспешной работы и не даёт объективную картину явления. В этом случае авторы, видимо, утешали себя тем, что занятые в разных научных центрах мира профессионалы-историки, а тем более заинтересованные историей люди разных профессий не смогут приехать в Тбилиси, ознакомиться и проанализировать сохранные в Архиве Министерства внутренних дел Грузии материалы.

Авторы: Нам не хватает здесь конкретной критики методов и точного анализа статистических материалов. Предположения о наших замыслах мы сознательно не комментируем.

Группа Р. Метревели: Утверждение авторов о преднамеренных репрессиях абхазцев и осетин в 30-х годах XX века не полностью раскрывает их замысел. Цель становится ясной после того, как авторы зашли весьма глубоко и, не предоставив достоверные

данные, стали утверждать: в период репрессий уничтожение азербайджанцев и армян в Грузии также осуществлялось по этническому признаку. Если вспомнить, что авторы чуть выше уверяли – репрессии представителей живущих в Грузии диаспор (немцев, греков, турок, иранцев) также проводились по этническому признаку, станет совершенно очевидной цель работы: М. Юнге, Д. Мюллер, В. Фойерштайн и И. Джуха хотят подтвердить распространённое ещё в последние годы существования Советского Союза мнение, что Грузия была «маленькой империей зла», которая так же угнетала другие народы, как и «большая империя зла» – Советский Союз – нерусские нации. Объявление грузинского народа угнетателем негрузинского населения в своё время было политическим заказом и способствовало сепаратистскому движению в Грузии.

Авторы: *Мы показываем взаимоотношение социального, политического, территориального и этнического преследования. Об «уничтожении» армян и азербайджанцев в тексте ничего не сказано, речь идёт о «преследовании». Следует констатировать, что преследование азербайджанцев, несмотря на то, что они имели низкий социальный статус и занимали территорию с незначительным конфликтным потенциалом, было исключительно масштабным – таким же, как и в случае абхазов.*

Группа Р. Метревели: Авторы труда переходят все границы, когда утверждают, что целью проведённых в 1937–1938 гг. репрессий в Грузии было физическое уничтожение негрузинского населения (абхазцев, осетин, армян, азербайджанцев, греков, немцев, турок, иранцев и т. д.), формирование «нации сталинского типа» (грузинской нации). Авторы и в этот раз «забывают», что жертвами репрессий 1937–1938 гг. стали очень многие грузины: крестьяне, рабочие и интеллигенты. Из рассуждений авторов непонятно, зачем была пролита кровь грузин, разве эта кровь была необходима для формирования «нации сталинского типа»?

Авторы: *И это приписываемое авторам утверждение о «физическом уничтожении негрузинского населения» как цели Большого террора отсутствует в нашем тексте.*

Группа Р. Метревели: В представленной рецензии мы детально не проанализируем другие неаргументированные идеологемы М. Юнге, Д. Мюллера, В. Фойерштайна и И. Джуха, тем более что их труд не является научной статьей; несколько глубже коснемся только темы попытки языково-этнического расчленения грузин.

Фальсификация языково-этнической истории грузинского народа активно и системно ведется с 40-х годов XIX века до наших дней. Нарушив оформленные с грузинскими царство-княжествами договоры и применив военную силу в 1801–1839 гг., Российская империя осуществила аннексию Грузии («враг, пришедший в виде друга»). С 1840 г., после введения института наместника царя, империя установила в Грузии гражданское правление и, с целью расчленения языково-этнического единства грузинской нации («разделяй и властвуй»), объявила часть грузин другими нациями, ограничила ареал функционирования грузинского языка, пыталась удалить грузинский язык из грузинской православной церкви. В этом направлении особенно активным был чиновник Российской империи Кирилл Яновский⁴⁴.

В противовес имперской политике с 60-х годов XIX века поколение Ильи Чавчавадзе начало активную борьбу для защиты жизненных интересов грузинской нации; особую значимость приобрел вопрос символа национальной культуры и единства – грузинского языка: грузинский язык империя изгоняла из всех сфер человеческого творчества – церковного богослужения, художественной литературы, науки, школ всех уровней; именно в этот период начался перевод Священного Писания на мегрельский и сванский языки. Грузинская нация в лице своих достойных сыновей сопротивлялась желающим унижить грузинский язык и культуру.

На рубеже XIX–XX веков это противостояние олицетворяли два известных духовных деятеля: Амвросий Хелая и Иоанн Восторгов; в частности, мнение населения Мегрелии выражал воспитанный в Мегрелии великий наставник, в будущем Католикос-Патриарх Всея Грузии Святой Амвросий Хелая.

Против воли мегрельского народа русский священник – в последующем известный политический деятель Иоанн Восторгов пытался запретить грузинский язык в школах Мегрелии и изъять его из Грузинской Апостольской Церкви; в частности, он пытался в исторических краях Грузии – Мегрелии, Сванетии и Абхазии традиционный язык богослужения – грузинский – заменить местным разговорным языком, а реально – русским.

В 10–20-х годах XX века борьба за грузинский язык ещё более обострилась. Иванэ Джавахишвили боролся за возрождение 15-вековой просветительской и научной традиции грузинского языка⁴⁵. В короткий период независимости Грузии в Тбилиси под руководством Иванэ Джавахишвили был учрежден Грузинский

университет (10.05.1917)⁴⁶ и быстрыми темпами начала развиваться научная картвелистика. Этот процесс затормозил захват Грузии Россией.

Авторы: *Уже высказанные в различных рецензиях (Д. Гамахрия, А. Даушвили) рассуждения о формировании грузинской нации и о царской политике кажутся нам односторонними и, прежде всего, нерелевантными в контексте Большого террора. То, что лазы и аджарцы являются мусульманами, а мегрельский, лазский и сванский – самостоятельными языками, придумали не царские чиновники. В соответствующих исследованиях речь идёт о научных трудах, признанных на сегодняшний день.*

Группа Р. Мегрели: Сам Иосиф Сталин превратил в официальную позицию государства политизированные царской Россией и «подкрепленные» научной терминологией Н. Марра положения⁴⁷, согласно которым грузинами не являлись грузины – жители Аджарии, Мегрелии и Сванетии⁴⁸. В частности, И. Сталин в своей книге «Марксизм и национальный вопрос» без аргументации объявил мегрелов, сванов и аджарцев, вместе с абхазами и лезгинами, народами, которые на родном языке не создали литературу⁴⁹. С того же времени за мегрельским, лазским и сванским диалектами в «научной» среде закрепился статус т. н. картвельских языков, не имеющих письменности⁵⁰, а его носители были объявлены бескультурными, отсталыми нациями... В действительности же вместе с другими грузинами лазы, мегрелы, сваны, аджарцы... являются творцами многовекового грузинского книжного языка, многовековыми культурными обществами, а не народами без письменности и культуры.

Здесь же отметим, что в 20-х годах XX века в Грузии действовали управляемые большевиками группы, которые тему автономии Мегрелии и Лазистана связывали с т. н. вопросом признания лазского и мегрельского языков. В частности, группа Мишо Дадиани добивалась автономии Мегрелии в составе России и признания мегрельского языка; группа Григория Ахалаи – автономии Мегрелии в составе Грузии и признания мегрельского языка; группа Исака Жвании – области Мегрелии в составе Грузии и признания мегрельского языка; группа Искандера Циташи (он же Александр Цветков) требовала объявления лазов отдельным этносом – этническим меньшинством и культурную автономию лазов⁵¹. Тот факт, что управляемого большевиками Искандера Циташи М. Юнге, Д. Мюллер, В. Фойерштайн и И. Джуха объяв-

ляют чуть ли не героем «лазского народа»⁵², свидетельствует о подозрительных связях авторов и их далёких от науки интересах.

К сожалению, подобную дезинформацию распространяют не только эти авторы; см., например, этнолингвистическую карту известного современного языковеда, автора «Реестра языков мира» проф. Ю. Корякова: <http://linguarium.iling-ran.ru/maps/1-all.gif/>

Согласно этому «труду», грузинами не являются: сваны, мегрелы, лазы; соответственно, грузинского языка нет в Мегрелии, Абхазии и Лазистане⁵³, хотя грузинский язык на протяжении многих веков является родным языком и в Сванетии, и в Мегрелии, и в Лазистане, и в Абхазии».

Авторы: *То, что в XIX веке, напротив, в Сванетии, Мегрелии, Лазистане и Абхазии уже почти никто (или даже вообще никто) не говорил на грузинском языке, хорошо доказано лингвистическими и этнографическими работами конца XIX века.*

Группа Р. Метревели: Многие исторические факты подтверждают, что минимум 20 веков грузинскую нацию (этнос) создают: мохевцы, мегрелы, джавахи, месхетинцы, лазы, сваны, аджарцы, кахетинцы, имеретинцы, гурийцы, имерхевцы, карталинцы, туши, ингилинцы, рачийцы, хевсуры, пшавы, ливаны, таойцы, ферейданцы, лечхумцы, мачахлельцы, мтиулы и др. Также много исторических фактов свидетельствуют, что и в Мегрелии, и в Сванетии, и в Абхазии, и в Цхинвальском крае, и в историческом Тао-Кларджети грузинский язык был родным языком, языком культуры для автохтонного населения⁵⁴.

Авторы: *Акцентирование внимания на средневековой, часто даже античной, если вовсе не до- или раннеисторической языковой ситуации, уже было признано нерациональным в связи с другими рецензиями. Авторам кажется, что отступление к более ранним – и к тому же хуже задокументированным – историческим периодам скорее скрывает тот факт, что в конце XIX – начале XX века, в ходе возникновения современной грузинской нации, положение дел было иным, а грузинский язык стал вновь распространяться в этих областях в гораздо большей степени как раз под русским влиянием.*

Группа Р. Метревели: В заключение отметим, что в современных условиях картвелистика и кавказиология должны освободиться от навязанных советских схем, а этнолингвистические оценки Грузии должны основываться, с одной стороны, на реальных фактах и истинной истории, а с другой – на международной методологии и терминологии.

Авторы: *С этим следует согласиться, однако можно также усомниться в том, что это приведет к достижению ожидаемых рецензентами результатов. Современная мировая лингвистика и кавказология рассматривает, например, мегрельский, лазский и сванский в качестве самостоятельных языков – так же, как и лингвистика советской и царской эпохи.*

Группа Р. Метревели: Мы не сочли нужным рассмотреть здесь изложенные в работе М. Юнге, Д. Мюллера, В. Фойерштайна и И. Джуха («Этнос и террор») другие антинаучные и антигрузинские идеологемы, разобрали и оценили только несколько ошибочных представлений, утвердить которые давно стараются желающие расчленения Грузии.

При написании представленной рецензии мы руководствовались следующей целью: у профессионалов-историков разных стран мира и широкой читательской общественности не должно сложиться ошибочного представления о политических репрессиях в Грузии (1937–1938 гг.) и, главное, о языково-этнической истории Грузии.

К сожалению, история Грузии до сегодняшнего дня имеет много фальсификаторов; к их рядам присоединились и М. Юнге, Д. Мюллер, В. Фойерштайн и И. Джуха.

Авторы: *Утверждения рецензентов, изобилующие огульными оскорблениями, к сожалению, чаще всего лишены содержательной составляющей. В тех фрагментах рецензии, в которых выражается содержательная критика, высказывания авторов частично искажаются или приводятся в противоположной форме. Это позволяет усомниться во внимательном чтении текста. Оно должно лежать в основе любого критического рассмотрения. Крайне неприятное впечатление производит на нас склонность рецензентов к словесным оскорблениям, к тому же заимствованным из советского лексикона (например, «ложь», «фальсификация»), которыми наполнен весь текст. Мы сожалеем об этой конфронтации, которая, с нашей точки зрения, не способствует научной дискуссии.*

Перевод с немецкого: Даниил Бордюгов

Перевод с грузинского: Тато Луарсабшвили

5. Дух времени против видимой объективности

Архив МВД Грузии⁵⁵: «Посылаю Вам глоссарий, который подготовили наши сотрудники (Лия Кереселидзе, Ирма Лагидзе. Перевод [с грузинского на русский] Вл. Луарсабишвили) на основании Большой Грузинской Советской Энциклопедии [На грузинском языке. В 12 томах. Тбилиси, 1975–1987]. Эти определения [...] созданы авторитетной комиссией Академии наук Грузии. Мы настоятельно просим Вас принять во внимание эти определения, особенно те, которые касаются аджарцев, месхов и лазов:

Аварийцы – они же хундзцы – самый многочисленный народ в Дагестане, живут в бассейне реки Сулак, в Чар-Белкане, их язык относится к дагестанской группе иберийско-кавказских языков.

Аджарцы – этническая группа грузинского народа в юго-западной части Грузии. Говорят на аджарском диалекте грузинского языка. В начале XVII века Аджария оказалась под османским игом, и там произошла насильственная мусульманизация. В результате российско-османской войны в 1878 году Аджария была освобождена. В исследуемом периоде большинство аджарцев были мусульманами-суннитами.

Ассирийцы – (они же сирийцы, айсоры) – народ семитского происхождения, потомки арамейцев. Исторически жили на Ближнем Востоке. Язык – ассирийский, религия – христианство.

Ашкенази – субэтническая группа евреев, потомки переселенцев из средневековой Германии. Составляют наибольшую часть евреев Европы и Америки. Разговаривают на идише.

Бацбийцы – они же цова-тушинцы, – коренное малочисленное население на Кавказе, родственное чеченцам и ингушам, проживают в северо-восточном горном регионе Грузии, на территории исторической Тушетии, сегодняшнего Ахметского муниципалитета. Являются билингвами, т. е. говорят на грузинском и цова-тушинском (бацбийском – из группы части иберийско-кавказских языков, не имеющих письменности). Религия – православное христианство. В значительной степени огрузинились, тесно связаны с тушинцами в части культурных, социальных и политических отношений.

Бахаи – (бахаизм, бехаизм) – одна из молодых монотеистических религий, основана Бахауллой (1817–1892). Всемирный центр в Хайфе.

Занский язык – мегрело-чанский язык, один из группы картвельских языков, не имеющих письменности. Включает мегрельский и чанский, т. е. лазские диалекты.

Езиды – малочисленное религиозное разветвление этнических курдов. Говорят на одном из самых распространенных диалектов курдского языка – курманджи.

Имеретинцы – этнографическая группа грузинских православных христиан в западной части Грузии.

Ингилойцы – они же геретинцы, – омусульманенная этнографическая группа грузин. Живут восточнее Грузии, на территории исторического Герети, часть которого в настоящее время входит в состав Азербайджана. Термин «Ингилия» укоренился в XIX в. для обозначения территории, населенной ингилойцами («ингило» – омусульманенный грузин).

Ингуши – народ, проживающий на Северном Кавказе, на территории Ингушетии, мусульмане-сунниты, говорящие на ингушском языке.

Кабардинцы – мусульманский народ, проживающий в северной и северо-восточной частях Кабардино-Балкарской республики. Говорят на кабардино-черкесском языке, который относится к абхазско-адыгской группе иберийско-кавказских языков.

Караимы – они же крымские караимы, – тюркоязычный народ, последователи караимского иудаизма в Восточной Европе.

Карачаевцы – родственный балкарцам народ. Живут в Карачаево-Черкесской Республике. Говорят на карачаево-балкарском языке.

Картвельские языки – группа близкородственных языков, которая входит в семью иберийско-кавказских языков. К ним относятся грузинский, занский (мегрело-чанский) и сванский.

Кахетинцы – этнографическая группа грузинских православных христиан на востоке Грузии.

Кисты – коренное население Кавказа, принадлежащие к вайнахским племенам. Говорят на кистском диалекте чечено-ингушских языков и на грузинском. В настоящее время в основном живут в Грузии, в Панкисском ущелье. Мусульмане.

Лазы – они же чанцы, – этнографическая омусульманенная группа (в XV–XVI вв.), проживающая на территории Южного Кавказа. Разговаривают на лазском языке, который вместе с мег-

рельским языком рассматриваются как диалекты протогрузинского занского языка. Однако, в отличие от мегрелов, на сегодняшний день являются мусульманами-суннитами и находятся под сильным влиянием турецкой культуры.

Лезгины – традиционное грузинское наименование дагестанцев. В основном подразумевались проживающие на юге Дагестана (граничащей с Грузией территории) дагестанские племена.

Мегрелы – этнографическая группа грузинских православных христиан в западной части Грузии. Разговаривают на грузинском и мегрельском языках.

Месхетинцы – одно из древнейших грузинских племен, живущих в исторической Месхетии на юго-западе Грузии. Указанную территорию захватила в XVI веке Османская империя и основала Ахалцихский вилайет. Вернулась в состав Грузии после российско-османской войны 1829 года. В результате длительной турецкой оккупации часть месхетинцев омусульманилась, хотя и сохранила грузинский язык, обычаи. Термин «турки-месхетинцы» появился в 1944 году, после их массового спецпереселения.

Молла – служитель религиозного культа мусульман, стоящий на самой низкой ступени иерархической лестницы.

Молокане – последователи религиозной секты, созданной в России в XVIII веке. Отрицают правила и догматы православной религии.

Пшавцы – этнографическая группа грузинских православных христиан в горной части Восточной Грузии.

Сваны – этнографическая группа грузинских православных христиан в северо-западной части Грузии. Разговаривают на грузинском и сванском языках.

Тушинцы – этнографическая группа грузинских горцев – православных христиан в северо-восточной части Грузии.

Хевсурсы – этнографическая группа грузинских православных христиан в северо-восточной части Грузии.

Черкесы – общее название адыгейцев. Говорят на кабардино-черкесском языке, который относится к абхазско-адыгской группе кавказских языков.

Чуваши – тюркоязычный народ в Российской Федерации.

М. Юнге, Д. Мюллер: *Природа, а также логика энциклопедий и толковых словарей заключается как раз в том, чтобы клишировано и в конечном итоге упрощенно обходиться с такими сложными, многослойными и многоуровневыми феноменами*

как этничность или национальность. Необходимость излагать материал предельно сжато приводит к изображению однозначных контекстов, которые на самом деле таковыми не являлись. Когда в грузинском глоссарии с опорой на Большую Грузинскую Советскую энциклопедию утверждается, что ашкенази – субэтническая группа евреев, которая говорит на идише, это утверждение является неверным именно в отношении восточноевропейских евреев, поскольку уже в девятнадцатом веке, не говоря о двадцатом, их большая часть была русскоговорящей, или, в зависимости от региона проживания, частично говорила на украинском или польском языках. Если же рассматривать ашкенази из перспективы небольшой диаспоральной группы, проживавшей в Грузии, то этот ассимиляционный эффект был выражен ещё сильнее. Таким образом, идентификация ашкенази как людей, говорящих на идише, не «срабатывает» в отношении Российской империи и Советского Союза, не говоря уже непосредственно о Грузии 1937–1938 гг..

Упрощенчество такого рода выражается также в стремлении к сильнейшей нормативной категоризации. Но зададимся вопросом, каковы критерии дефиниции той или иной группы в качестве нации, народа, этноса, субэтноса или племени? Как и в случае с выделением отдельных языков, диалектов и наречий это явление скорее политического, чем «нейтрального» этнографического или лингвистического порядка. Такая нормативность в высшей степени характерна для оценки диахронических (исторических) процессов изменения этнической идентичности. Смена религии или языковая ассимиляция якобы противоречит с националистской точки зрения неизменной однозначности этничности точно также, как и «отлитым на века» энциклопедическим статьям. Но даже если вдруг и признается факт этнической трансформации, толкование этого факта является экстремально «политическим». Так, исламизация аджарцев и месхетинцев односторонне трактуется в глоссарии как насильственный процесс в условиях турецкого господства, в то время как частичная ре-христианизация после событий 1829 и 1878 гг., напротив, называется добровольной и естественной. В реальности всё было гораздо сложнее. Османская империя, наряду с давлением и принуждением, несомненно также располагала стимулами для перехода в суннитский ислам, такими как снятие особого налога, который должны были платить «иноверцы». В свою оче-

редь Российская империя также действовала как кнутом, так и пряником, создавая условия для принятия православия. Однозначная трактовка, согласно которой исламизация ассоциируется исключительно с принуждением, а христианизация – с добровольностью, является несостоятельной не только методологически, но и исторически. Месхетинцы вошли в 1829 г в состав России, но остались преимущественно мусульманами, хотя никто не мешал им «возвратиться» к христианству. Таким образом, при описании этнографической реальности ссылка на принудительную исламизацию 15–16 вв. является не только ошибочной из-за своей безоговорочности, но и несостоятельной, как это было бы в случае со ссылкой на принудительную христианизацию грузинязычников в 3–4 вв. н.э.

В конечно итоге нам представляется весьма интересным, что аннексия Россией района Ахалцихе в 1829 г. трактуется как «освобождение», хотя грузины лишились тогда своей свободы, а с националистической постсоветской точки зрения и вовсе оказались «под российским ярмом».

Важной нам также кажется метахронность и в целом разное отношение в глоссарии к лазам и мингрелам. В случае с мингрелами в первую очередь подчёркивается их грузинский характер, хотя указывается, что они говорят на самобытном мингрельском языке (см. например статью «Картвельские языки»). Что же касается лазов, то и речи здесь нет об их «грузинском характере», что приводит к смелой характеристике лазов как «омусульманенной группы». О какой же группе и в какое время идёт речь? Лазы в сегодняшней Грузии являются по меньшей мере билингвами, в то время как турецкое влияние практически не играет в их среде сколько-нибудь важной роли. Тем не менее в глоссарии без каких-либо оговорок утверждается, что они говорят только на лазском языке и находятся «под сильным влиянием турецкой культуры». Но это описание скорее относится к 19-му столетию. В случае с мингрелами коротко постулируется их билингвальность (мингрельский и грузинский языки), но не указывается, что эта билингвальность возникла только в 20 веке.

Архив МВД Грузии отклонил составленный авторами глоссарий и предложил свой вариант, приведённый выше. Однако мы всё же предпочитаем и далее использовать авторский вариант, пометив его соответствующим образом. Что же касается глоссария, предложенного архивом, то в нём, с нашей точки зре-

ния, содержится слишком много безоговорочных констатаций и предположений нормативного свойства, касающихся исторических процессов. Грузинский вариант книги, где участвует архив МВД Грузии, публикуется совсем без глоссария.

Перевод с немецкого: Андрей Савин

Перевод с грузинского: Тато Луарсабшвили

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитируем по неопубликованному письму директора Архива МВД Грузии Омара Тушурашвили Марку Юнге от 17.07.2014. Письмо было исходным пунктом для дискуссии, напечатанной в этой публикации. Мы воздержались здесь от комментариев, тем более что ниже многие пункты были обстоятельно рассмотрены.

² Отзыв Джемала Гамахарии на первый вариант главы «Этнос и террор» (июль 2014 г.). Ответы авторов этой главы Марка Юнге и Даниеля Мюллера (август – сентябрь 2014 г.). См.: Большевицкий порядок в Грузии. Том 1. С. 377–404.

³ См., например: *Shnirel'man V.A.* Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. – Washington, 1996; споры подобного рода имеют место также в ходе конфликта вокруг Нагорного Карабаха, а также палестино-израильского конфликта.

⁴ Здесь мы ссылаемся, например, на следующие исследования: *Ломатидзе К.В.* Абазинский язык // Языки народов СССР. Том IV / Сост. Е.А. Бокарев. Москва, 1967. С. 123–144, здесь С. 123. «Абазины, как ашхарцы и тапанасы, считаются пришедшими с юга на Северный Кавказ в разное время – раньше тапанасы, позже ашхарцы»; *Abazebi // Kartuli sab'ota encik'lor'edia* [Грузинская советская энциклопедия (по-грузински)]. Т. 1. – Тбилиси, 1975. С. 10; см. также *Klimov G.A.* Einführung in die kaukasische Sprachwissenschaft. – Hamburg, 1994. С. 48 (на немецком языке).

⁵ См. *Clogg R.* Documents from the KGB archive in Sukhum. Abkhazia in the Stalin years // *Central Asian Survey*. 1994. 14. № 1. С. 155–189.

⁶ Рецензия А. Даушвили на коллективный труд «Большевицкий порядок в Грузии» (сентябрь 2014 г.). Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеца от ноября 2014 г. См.: Большевицкий порядок в Грузии. Том 1. С. 404–456.

⁷ *Билокин С.* Механизм большевистского насилия. – Киев, 2000. С. 12.

⁸ Выступление М. Орахелашвили на Октябрьском пленуме ЦК КП Грузии // Партийный архив (Тбилиси). Ф. 14. Оп. 2. Д. 9. Л. 215.

⁹ КПСС в резолюциях. – Тбилиси, 1954. С. 596–597; 807–808 и т. д.

¹⁰ *Мухелишвили Д., Самсонадзе М., Даушвили А.* История Грузии. – Тбилиси, 2012. С. 410.

¹¹ Там же. С. 436.

¹² Kartuli sabč'ota encik'lop'edia [Грузинская советская энциклопедия]. Т. 8. – Тбилиси, 1984. С. 249.

¹³ См. *Blauvelt T.* The 'Mingrelian Question': Institutional resources and the limits of soviet nationality policy // *Europe-Asia Studies*. 2014. № 6. 66. С. 993–1013.

¹⁴ *Даушвили А.* Апокалиптическое пятикнижие тов. Епифанцева и история единой Грузии // Некоторые вопросы грузино-русских взаимоотношений в современной историографии. – Тбилиси, 2011. С. 107–140.

¹⁵ Иверия. 20 октября 1888 г.

¹⁶ Всесоюзная перепись населения. Т. XIV. Грузия, таблица VI. – М., 1929. С. 16.

¹⁷ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 14. Оп. 9. Д. 210. Л. 28.

¹⁸ *Бабалашвили И.П.* Грузинская ССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – Тбилиси, 1977; *Suny R.G.* The making of the Georgian nation. – Bloomington, 1988.

¹⁹ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 14. Оп. 15. Д. 54. Л. 2–12.

²⁰ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 230. Д. 16. Л. 37.

²¹ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 230. Д. 16. Л. 69.

²² *Daušvili A.* T'bilisi-1937. Masobrivi represiebi t'bilisis samrecvelo šromit' kolektivebši [Тбилиси-1937. Массовые репрессии в промышленных рабочих коллективах в Тбилиси]. – Tbilisi, 1997. С. 106.

²³ Там же. С. 139–142.

²⁴ *Смирнов Н.Г.* Рапава, Багиров и другие. Антисталинские процессы 1950-х годов. – М., 2014.

²⁵ Политбюро и дело Берия. Сборник документов / Ред. О.Б. Мозохин. – М., 2012.

²⁶ Московский Центральный архив социально-политической истории. Ф. 64. Оп. 1. Д. 60. Л.

²⁷ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 14. Оп. 2. Д. 369. Л. 10.

²⁸ Коммунистическая партия Грузии в цифрах, 1921–1970. – Тбилиси, 1971. С. 8.

²⁹ Там же. С. 31.

³⁰ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 14. Оп. 2. Д. 350. Л. 271.

³¹ КПСС в резолюциях. – Тбилиси, 1954. С. 565.

³² *Натмеладзе М., Даушвили А., Джанпаридзе М., Ценгуашвили К.* Особенности установления и укрепления тоталитарного режима в Грузии в 20-х годах XX века. – Тбилиси, 2008. С. 316.

³³ Коммунистическая партия Грузии в цифрах. 1921–1970. – Тбилиси, 1971. С. 17.

³⁴ *Лежава Г.И.* Из истории рабочего класса Абхазии. – Тбилиси, 1978. С. 41.

³⁵ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 14. Оп. 4. Д. 420. Л. 114.

³⁶ *Totadz A.* The population of Abkhazia. The Ossets in Georgia. – Tbilisi, 1994.

³⁷ *Какурия Ш.* Население г. Тбилиси в 1803–1970 годах. – Тбилиси, 1979. С. 17–42.

³⁸ *Какурия Ш.*, названный труд. С. 42.

³⁹ Alexander Z. Jewish emigration from the USSR in 1980 // *Soviet Jewish Affairs* (London). 1981. № 2. 11. С. 21; *Pinkus B.* The Soviet government and the Jews. 1948–1967. A documented study. – Cambridge u. a., 1984.

⁴⁰ Партийный архив (Тбилиси). Ф. 14. Оп. 209. Л. 134.

⁴¹ См. по этому поводу: *Chetorian V.* War and Peace in the Caucasus. Ethnic Conflict and the New Geopolitics. – New York, 2008; *Zürcher Ch.* The Post-Soviet Wars. Rebellion, Ethnic Conflict, and Nationhood in the Caucasus. – New York–London, 2007.

⁴² Осмотрительный, профессиональный и в конечном итоге оптимистический анализ грузинского национализма и его политической конъюнктуры в постсоветское время предпринят в следующей публикации: *Jones St.* Georgia. A Political History Since Independence. – London, 2013, особенно S. 215 ff.

⁴³ Отзыв: «Ещё одна попытка фальсификации этнической и языково-культурной истории грузинского народа. Рецензия Группы Р. Метревели (т.е. Р. Метревели, вице-президент Национальной академии наук Грузии, академик; С. Вардосанидзе, ректор Грузинского университета им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии; В. Гурули, профессор Грузинского университета им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии; Т. Пуккардзе, профессор Грузинского университета им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии; М. Табидзе, профессор Грузинского университета им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии; Л. Джикия, приглашенный профессор Грузинского университета им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии») на работу М. Юнге, Д. Мюллера, В. Фойерштайна и И. Джуха «Этнос и террор» (сентябрь 2014 г.». Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча, декабрь 2014 г. См.: *Большевицкий порядок в Грузии. Том 1.* С. 456–470.

⁴⁴ «В 1892 году попечитель кавказского учебного округа Кирилл Яновский (на этом посту он служил с декабря 1878 года до 1900 года) разными народами объявляет мегрелов и остальных грузин. Мегрелы имеют отличающийся от грузинского язык, и необходимо перевести на этот язык церковные книги и тексты молитв, писал Яновский. Рассмотрение изложенных в докладе Яновского вопросов обер-прокурор Русского священного Синода поручил экзарху Грузии Палладию письмом 12729 от 24 мая 1892 года. Со своей стороны экзарх письмом 12646 потребовал от епископа Гурии и Мегрелии Григория (Дадiani) изучение вопроса и представления заключения. 12 августа того же года письмом 12168 епископ уничтожающе ответил К. Яновскому, особенно его «положениям» о том, что мегрелы не являются грузинами и о существовании мегрельского «языка». *Gvancelaze T.* Merab nač'q'ebia, manana t'abiže, guria-samegrelov ep'isk'op'osi grigol dadiani (brzola dedaenisatvis XIX sauk'unis meore naxevarši) [Борьба за родной язык во второй половине XIX века] // *svet'icxoveli*, 2009, no. 1, gv. 148–162; *Tabidze M., Nachkebia M.* Complex Analysis of Linguistic Situation and Linguistic Legislation of Post-war Abkhazia (1993–2012) // <http://sangu.ge/images/mtabidze.pdf>.

⁴⁵ К дискуссии между Н. Марром и И. Джавахишвили более подробно см.: *Put'k'araze T.* Ia vašak'ize, kartvelologiis orgvari dagegmva 1917–1935 c'lebši [Двойное планирование картвелистики в 1917–1935 гг.]. – Tbilisi, 2011.

⁴⁶ Грузинский университет был торжественно открыт 26 января (8 февраля) 1918 г. – в день поминовения Давида Строителя. Законом Национального Совета Грузии и Грузинской республики от 3 сентября 1918 года Грузинскому университету был присвоен статус государственного университета, и он был назван Тифлиским государственным университетом.

⁴⁷ См. изданную в 1913 г. книгу И. Сталина «Марксизм и национальный вопрос».

⁴⁸ Напр., в: *Сталин И.* Марксизм и национальный вопрос. – Тбилиси, 1951, – читаем: «...на Кавказе имеется целый ряд народностей с примитивной культурой, особым языком, но без родной литературы... Как быть с такими народностями? ...Как быть с мингрельцами, абхазцами, аджарцами, сванами, лезгинами и пр., говорящими на разных языках, но не имеющими своей литературы?» (С. 138–139)... «Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешен лишь в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры» (С. 142).

⁴⁹ Известным фактом является и то, что эта книга И. Сталина многократно была издана в Советском Союзе (на грузинском напечатана четыре раза); см. также: *Гигинейшвили И.* Учение И.В. Сталина об общем народном языке и диалектах и вопросы единого грузинского литературного языка. Т. III, [?] 1952. С. 483–510; *Ломтатидзе К.* Труд И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и его значение для советского языкознания. Т. III, [?] 1952. С. 33–71.

⁵⁰ Для рассуждения см.: *Put'k'araze T'.* Kartvelebi [Грузины]. Kutaisi, 2005; *bolkvaze t., kartveluri diglosia kartuli salit'erat'uro enis sak'itxebi: ist'oria da tanamedroveba (pirveli k'rebuli)* [Грузинская диглоссия, вопросы грузинского литературного языка: история и современность. Первый сборник]. – Tbilisi mal latin., mal kyrill. als Erscheinungsort georgischspr. Publikationen, vgl. Fn 12, 2007. С. 221.

⁵¹ Против этих групп выступали население Мегрелии и коренная интеллигенция Западной Грузии, в частности: П. Чарая, С. Хундадзе, К. Гамсахурдия, Т. Сахония, Г. Церетели, А. Гандилава и другие, которые старались сохранить традиционные подходы; это оказалось невозможным при режиме Сталина.

⁵² Искандер Циташи, он же Александр Цветков, не был по происхождению лезгом; это подтверждают и упомянутые немецкие авторы.

⁵³ *Put'k'araze T'.* Tanamedrove kartvelta enobriv-etnik'uri ac'era «msoplios enata reest'ris» michedvit da arsebuli sinamdville [Языково-этническое описание современных грузин по «Речстру языков мира» (*inguarium.iling-ran.ru*) и существующая реальность] // <http://www.scribd.com/doc/14098229/Putkaradze-Msoflios-EnaTa-Reestri-Da-Sakartvelo>; *Putkaradze T.* Some Aspects of the Geopolitical Strategy of Georgia (On Politicization of the Kartvelological Studies) // <http://www.scribd.com/doc/9100139/Tariel-Putkaradze-Some-Aspects-of-the-Geo-political-Strategy-of-Georgia>.

⁵⁴ *Putkaradze T., Dadiani E., Serozia R.* European Charter for Regional or Minority Languages and Georgia. – Kutaisi, 2010 <http://www.scribd.com/doc/35702700/Tariel-Putkaradze-Eka-Dadiani-Revaz-Serozia-2010>; для документального материала см.: *Mit'rop'olot' I anania Žaparize, kartuli samocikulo ek'lesiis ist'oria* [История Грузинской Православной Церкви]. t'omi I–IV. –

Tbilisi, 1976–2003; *Put'k'araze* T. Svanebi salit'erat'uro enisa da svanuri met'q'velebis šesaxeb (kartelta erovnuli-enobrivi tvitmik'utnebulobis sak'itxi) [Сваны о литературном языке и сванской разговорной речи] // *Kartuli*. 2001, no.7; *Gvancelaze* T. Enisa da k'ilos sak'itxi kartvelologiaši [Вопросы языка в картвелологии]. – Tbilisi 2006; *gužeziani* r., mama besiarioni (nižaraze) [Отец Виссарион (Нижарадзе)] // *mest'iisa da zemo svanetis ep'arkiis gazet*i [Газета епархии Местии и Верхней Сванетии], 4 ivnisi, 2007; *t'abize* m., enobrivi p'olit'ik'is teoria da p'rakt'ik'a, sakartvelos sap'at'riarkos c'minda andria p'irvel'odebulis saxelobis kartuli universit'et'i, humanit'arul mecnierebata rak'ult'et'is šromebi, gamomcemloba «kartuli universit'et'i [Теория и практика языковой политики, Грузинский университет им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии, труды факультета гуманитарных наук]. – Tbilisi, 2014; *t'abize* m., saxelmc'ipo enis st'at'usis dacva: evrop'uli gamocdileba da sakartvelo [Защита статуса государственного языка: Европейский опыт и Грузия] // *kartvelologiis akt'ualuri p'roblemebi*. 2013. No. 2, gv. 144–156.

⁵⁵ Письмо Омара Тушурашвили Марку Юнге от 10 июня 2015 г. Ответ Марка Юнге и Даниеля Мюллера от 15 июня 2015 г. См.: *Большевистский порядок в Грузии*. Том 1. С. 531–536.

ПОПЫТКА ДОСТИЖЕНИЯ КОНСЕНСУСА

И свято верю в чистоту
Снегов и слов.

*Владимир Высоцкий.
Горная лирическая. 1969*

1. Из стенограммы круглого стола в Академии МВД Грузии

Ф. Сулаберидзе¹: Сегодня мы собрались для рассмотрения научной монографии [«Большевицкий порядок в Грузии»], которая, сразу отмечу, выполнена с некоторыми недостатками; следовательно, причиной и целью нашей сегодняшней встречи является научное рассмотрение монографии, после чего будем обсуждать вопрос о её публикации. Всех присутствующих благодарю за участие и желаю успешно провести рабочую встречу. Слово передаю директору Архива МВД г-ну Омару Тушурашвили².

О. Тушурашвили: Приветствую уважаемых участников круглого стола. Цель нашей сегодняшней встречи уже назвал г-н Фридон. Вам была роздана программа круглого стола, регламент выступлений 5 минут. Исходя из того, что некоторые участники спешат на другое мероприятие, им первым предоставляется слово. После выступлений будет объявлен перерыв на 10 минут, после которого откроется дискуссия, которая продлится в течение приблизительно одного часа. Круглый стол будет объявлен закрытым в час дня, поэтому просим всех участников соблюдать регламент. Я буду выступать на двух языках, чтобы выступления были понятны для наших гостей. Слово для выступления первому предоставляется г-ну Марку Юнге – просим вас.

М. Юнге: Должен признаться, что никогда в моей научной жизни не приходилось так свободно работать, с такой поддержкой от какого то архива, имею в виду конкретно Архив МВД Грузии. Только с этой неоценимой помощью удалось в течение почти пяти лет собрать уникальные материалы. Без архива также невозможно было бы создать многочисленные таблицы, которые являются основой нашего грузино-немецкого проекта. Результатом этой тесной совместной работы является трехтомное издание о массовых репрессиях в Грузии во время Большого террора. Почти уже готовая публикация состоит из трёх томов: в первом томе производится анализ массовых операций НКВД, во втором томе представлены архивные документы, характеризующие репрессии Большого террора в Грузии, и в третьем томе, и это нечто новое, будут помещены спорная глава об «Этносе и терроре» и вся дискуссия, которая шла об этой главе, а также наши ответы.

В чём новизна подхода, который мы вместе с грузинскими коллегами избрали? Во-первых, мы просопографическим путём, то есть с помощью многочисленных данных из массовых источников, анализировали проведение террора в Грузии всеми внесудебными органами, такими, как «кулацкая», «милицейская» и «национальная» тройки и двойки в Грузии. Мы рассмотрели данные более 25 000 репрессированных; во-вторых, перспектива Москвы была дополнена перспективой Тбилиси, или, другими словами, ключевые интересы центрального советского правительства и партии были рассмотрены в корреляции с очевидными интересами в самой Грузии. Ещё более коротко говоря, мы занимались спецификой осуществления Большого террора в Грузии. Такой подход обусловлен особенностью массовых репрессий: Москва отдала много репрессивной власти на периферию, конечно, условно и временно. Мы очень подробно занимались массовыми репрессиями в Грузии в общем плане, то есть выяснением, сколько человек осудили, какие слои грузинского общества особенно пострадали и так далее.

Хочу сейчас сразу перейти к спорной главе об «Этносе и терроре». Каким образом возник вопрос о том, имеет ли террор не только социальные и политические причины, но также и этнические черты? Я хочу ещё раз подчеркнуть, что я здесь сказал «также», а не исключительно. Мы заметили, по нашим данным, что репрессировали, например, в Грузии немцев и абхазцев гораздо больше, чем этнических грузин, – абхазцев приблизительно на одну треть больше и немцев даже в два раза больше. Но самое удивительное было в том, что в отличие от этого репрессировали, например, осетин и тюрков гораздо меньше, то есть в три раза меньше, чем этнических грузин. Таким образом, мы решили рассматривать не только репрессии против диаспор в Грузии, то есть против немцев, поляков, турок, греков, иранцев, как обычно делают. Наоборот, эти диаспоры изучались нами вместе с репрессиями против всех других этносов, представленных в Грузии, – значит, против абхазцев, осетин, езидов, евреев и курдов, вплоть до титульной нации Республики Грузия – грузин. Кроме того, мы решили рассмотреть эти репрессии против всех национальностей, с одной стороны, в рамках национальной политики на месте, то есть в Грузии, и, с другой стороны, в контексте общесоюзной национальной политики, проводившейся Москвой.

Каковы результаты нашего исследования? В общем плане, и это касается не только спорной главы «Этнос и террор», мы смогли

показать, что Грузия является не только жертвой Большого террора, но принимала в нём активное участие. Можно даже сказать, что центральному правительству и партии в Грузии не только удалось защитить свои собственные интересы, а также развивать свою власть за счёт разных конкурентов внутри правительства, партии и за счёт конкуренции на периферии собственной территории.

Снова перехожу конкретно к главе об «Этносе и терроре». Она выясняет то обстоятельство, что центральная власть в Грузии осуществляла гомогенизацию титульной нации, то есть центральной сетью власти под руководством Берии удалось не только победить своих политических и социальных конкурентов, но также, я говорю «также» – дисциплинировать все национальные меньшинства в Грузии.

О. Тушурашвили: Господин Юнге, пожалуйста...

М. Юнге: Одну минутку. Это типичная сталинская политика, репрессивная политика в интересах центральной власти [в Тбилиси]. В Грузии она не проводилась секретно, вопреки московскому центральному правительству. Наоборот, она совпадала с общей национальной политикой имперского центра под девизом «конец национальному цирку».

И последнее. Сейчас ситуация такова: я при всесторонней помощи Архива МВД ещё раз проверю все цифры и данные, чтобы или подтвердить результаты исследования, или – я это откровенно признаю, – отказаться от них. Хочу обратиться к моим грузинским коллегам с просьбой помочь нам в завершении этого сложного проекта и не выступать с призывами цензурировать его результаты или вообще запретить публикацию нашего издания. Спасибо.

О. Тушурашвили: Спасибо, господин Юнге. Я хочу вам представить ректора нашей академии, господина Нукри Гелашвили.

Н. Гелашвили: Здравствуйте. Извините, что немножко опоздал. Я буду слушателем, так что ещё раз прошу вас всех принять участие в круглом столе. Спасибо.

О. Тушурашвили: После господина Юнге позвольте мне сказать несколько слов о проекте, в котором я принимал активное участие. Господин Юнге обратился к министру внутренних дел Грузии с просьбой содействовать в реализации проекта «Большевистский порядок в Грузии», на что было получено согласие руководства МВД Грузии, вследствие чего в проекте приняли участие как разные организации, например, Тбилисский государственный

университет, так и историки и Архив МВД Грузии. Следует отметить, что над проектом мы работаем в течение пяти лет. В рамках работы над проектом в 2011 году в Государственном университете мы провели круглый стол (госпожа Дали подтвердит мои слова), на котором участниками проекта был рассмотрен первый этап проведённой работы. Следует отметить, что в течение четырёх лет работа проходила только над архивными документами, в течение этих лет ничего не было написано и не оформлялось документально. Активная работа над текстом началась во второй половине 2014 года. Архив был ответственен как за техническое, так и за оперативное обеспечение проекта, за обработку базы данных, корректирование информации и т. д. Идеиное несогласие между авторами возникло лишь после того, как группа авторов начала писать текст, приблизительно с летних месяцев 2014 года – с введения, которое называется «Под снегом», – и этим моментом датируются первые разногласия между немецкими и грузинскими авторами. С целью устранения разногласий мы несколько раз встречались с господином Райснером, с помощью которого мы знакомили немецкую сторону с нашими замечаниями. Главное же наше возражение было вызвано включением в книгу главы «Этнос и террор», которая нашим договором не предусматривалась. И, что самое важное: вся статистика – база данных, на которой основывалась упомянутая глава, фактически не была обработана – выявление этнических составляющих было практически невозможно, так как из 22 000 репрессированных у 40–45 % не была заполнена графа национальной принадлежности. Возможно, что даже сотрудникам НКВД в те годы самим было трудно определить национальность репрессированных. Особые трудности возникают в случае с мусульманами, так как фактически невозможно найти различие, например, между турками и тюрками. В течение последних двух недель мы вместе работаем с господином Юнге, и во многих случаях нам представляется фактически невозможным определить национальность репрессированных, так как для одних и тех же лиц указаны разные национальности. Например, для некоторых грузин указывается национальность «азербайджанец», а при этом у них фамилии Цулукидзе, Чхаидзе и др., но ведь невозможно причислить их к лицам азербайджанской национальности? Поэтому на основе недостоверной статистики были получены неправильные результаты, согласно которым грузины проводили этническую чистку разных национальностей. По-моему, основываться на этих статистиче-

ских данных нельзя, и для получения верных данных следует заново провести статистическую обработку данных, с подключением специалистов соответствующих областей. Частыми являются случаи упоминания разных этносов: например, написано «грузин», а в скобках – «абхаз». Господин Анчабадзе согласится со мной, что в случае с фамилиями Анчабадзе, Шервашидзе, Маршания, Маргания в Самурзакано писали «грузины», в северной части – «абхазы», и как подсчитывать в этом случае? Какая национальность была репрессирована? И, учитывая сложную политическую ситуацию, в которой сегодня находится Грузия, я думаю, что мы должны воздержаться от таких цифр и заключений. Цель нашей сегодняшней встречи и приглашения уважаемых учёных заключается в том, чтобы найти обоюдно приемлемое решение как для немецкой, так и для грузинской стороны. Благодарю за внимание. Слово предоставляется господину Бонвечу.

Б. Бонвеч: Уважаемый ректор, проректор, Омар Сергеевич. Перед моим выступлением должен сказать, что регламент мне не очень нравится – Вы говорите на грузинском языке, а мы на иностранном языке! (*Бьет кулаком по столу*).

О. Тушурашвили: Автор регламента – господин Юнге.

Б. Бонвеч: Да, но я ожидал, что все будут выступать на русском. Извините. Разберемся (*смеется*). По-дружески. Ну, я тут не повторяю общие замечания, а только напоминаю о том, что во время этих репрессий 1937–1938 годов около 700 000 людей в Советском Союзе подлежали расстрелу и 900 000 – заключению в лагеря. В Грузии, Марк уже сказал, в течение этих операций, длившихся месяцев 15, это очень короткое время, 25 000 людей приговаривались внесудебными органами, и большая их часть к смертной казни. Именно об этих операциях, как заметил Марк и вы тоже, Омар Сергеевич, идёт речь в нашей книге. Она – результат совместного проекта, как вы тоже заметили. Я должен сказать, что протоколы, например, «милицейской» тройки стали впервые доступны здесь, в Грузии, и все участники проекта благодарны за созданные условия работы. И, как вы уже слышали, некоторые результаты нашей работы вызвали довольно острую письменную критику в отзывах грузинских коллег, а иногда и не особо приятные замечания в отношении немецких учёных. Но надо сохранять равновесие, душевное равновесие. И мы, авторы, а именно сотрудники – Марк Юнге и Даниель Мюллер – принимали критику всерьёз, письменно подробно отвечали на эту критику и включили часть этих замечаний в последнюю редакцию

текста, но это, конечно, ещё не окончательный текст. Но о ваших замечаниях позднее. К сожалению, мы не согласились со всеми, некоторые из критиков присутствуют и выступают потом. А перед началом этой дискуссии хочу напомнить о главных целях нашего проекта, чтобы ввести в контекст. Во-первых, мы хотели установить размер массовых операций в Грузии, характер и последствия взаимодействия центрального контроля Москвы, с одной стороны, и довольно больших возможностей для принятия мер местными органами – с другой. Для этого все массовые операции должны были изучаться вместе, потому что, невзирая на их кажущиеся различающиеся задачи, у всех операций было много общего. Центральную роль московского отдела статистики и администрации НКВД мы вообще впервые изучили в сталинских репрессиях; во-вторых, мы хотели изучить особенности, как заметил Марк, массовых операций в Грузии. Надо сказать, что эти операции в разных частях Советского Союза имели свои особенности по причине возложения права принятия многих оперативных решений на местные исполнительные органы и, конечно, из-за различия местных условий. Особенности касались прежде всего избрания целевых групп операции. И, в последнюю очередь, – из-за концентрации международной научной дискуссии на геноцидальных аспектах сталинских репрессий – в нашем проекте внимание было обращено на судьбу этнических групп в Грузии. Наши грузинские коллеги, в свою очередь, сконцентрировались именно на критике наших результатов в этом вопросе. Мы, кстати, открыли одну удивительную особенность: компетенция московской Военной коллегии Верховного суда возлагалась на тбилисскую «кулацкую» тройку. Причины этой передачи компетенции местному внесудебному органу до сих пор неизвестны и загадочны. Такая передача произошла только в случае с Грузией. Может быть, в процессе дискуссии некоторые из присутствующих помогут найти решение этого вопроса. Но не только из-за этого я благодарю Академию Министерства внутренних дел за её проведение. Надеюсь, что, вопреки всем разногласиям, мы найдем общий язык. Спасибо.

О. Тушурашвили: Благодарю. Госпожа Марина Читашвили, слово предоставляется вам.

М. Читашвили: В первую очередь, благодарю за приглашение и прошу прощения, что вынуждена вскоре вас покинуть. Я представляю Фонд им. Руставели. Как профессор в этой области и директор социальных программ в течение более 20 лет я выражаю

глубокое уважение и благодарность вашему архиву, который дал возможность нашим студентам пройти практику в стенах архива и работать над исследовательскими проектами, по окончании которых наши студенты опубликовали статьи в ведущих журналах, имеющих серьёзную репутацию в современной политологии. Что касается двух принципиальных вопросов – это, в первую очередь, интернационализация, которой всячески будет способствовать Фонд им. Руставели, что подразумевает реализацию совместных проектов грузинскими и иностранными учеными; второе – это то, что в Грузии должна развиваться культура академической независимости, что подразумевает ответственность каждого ученого за свои публикации, и это не является политическим заявлением ни государственной, ни какой-либо другой институции, в противном случае мы никогда не покончим с историями метафор, на которых будет основываться наше современное понимание и которые нас часто заводят в не такой уж приятный тупик. В-третьих, мы будем поддерживать каждый проект, то есть не каждый проект, а то сотрудничество в будущем, на основе которого будет возможно провести дискуссию. И, в-четвертых, на основе представленной документации, которую я не буду рассматривать, так как не являюсь историком, у меня создалось впечатление, что, для того чтобы исключить возможные нарушения принципа академической свободы, было бы неплохо, чтобы конечный продукт двух авторов, двух авторов потому, что реально есть две стороны проекта, прошёл бы серьёзную внешнюю оценку. В мире действительно есть немало людей, работающих над вопросами сталинских репрессий, террора и т. д. Для этого вполне достаточно одного Стокгольмского института, который действительно является незаинтересованной стороной. И если этот институт скажет, что это не является политикой Академии или чьей-то ещё, а это просто научное исследование, будет хорошо. Моё персональное замечание: я сейчас исхожу из социальных наук. Историки, особенно в немецкой традиции, а также в грузинской традиции, начали применять англо-саксонскую культуру, которая больше касается социальной сферы, статистики и т. д., и для меня здесь центральный вопрос, о чём и вы говорили, г-н Омар, это вопрос выработки критериев – кого считать грузином. Если мы будем определять грузин по фамилии, то получим одни данные, если по тому, что у них записано – то другие данные, а если по другим показателям, например, по географическому признаку, по месту проживания, то получим третьи данные. То есть это значит, что

проблема в согласии, так как ваш результат, согласно которому при сталинских репрессиях важную роль играл этнический фактор, подтверждается многочисленными исследованиями, так что вы не будете пионерами в этой области. Я считаю, что основной проблемой является проблема выработки единых критериев, о которых вы должны договориться. Вы можете сказать, что есть лица, у которых национальность не указывается, и в тех случаях, где нет таких формальных записей, даже если из 22 000 такими будут 12 000, вы должны будете отбросить эти 12 000 случаев, не включать их в рабочую статистику и провести анализ по оставшимся данным. Такой подход может не дать широкого обобщения, но можно будет выявить определённые тенденции. Я не знаю, какими они будут. Что касается слов г-на Бонвеча о передаче эксклюзивных прав Грузии, то, может, я глубоко заблуждаюсь, но в одном отчёте, который Никита Хрущёв отсылает из Украины в Центральный Комитет, прямо указывается, что он перевыполнил план репрессий в Украине. Это можно перепроверить. Поэтому я не вижу какого-то эксклюзивного прецедента в Грузии, а что касается того, что террор в Грузии имел этнические черты и был неконтролируемым и т.д., то это действительно можно сказать. И ещё одно: я начала с академической свободы и заканчиваю академической свободой – вчера Би-Би-Си, Си-Эн-Эн, Евроньюс распространяли одну информацию – о пытках террористов сотрудниками ЦРУ. На основании этой информации будет возбуждено международное дело – не потому, что террористы хорошие, а потому что пытки недопустимы. Нельзя скрывать обнаруженную нами новую информацию, она должна быть проверена, должен быть защищен принцип академической независимости, а что касается политической окраски, по-моему, эта политическая окраска вообще может при этом потеряться (*смеется*). Благодарю за внимание, и извините, что нарушила регламент.

О. Тушурашвили: Благодарю, госпожа Читашвили. Слово передается господину Гурули.

В. Гурули: Приветствую вас. Я представляю Грузинский университет им. Андрея Первозванного Патриархии Грузии. Я ознакомился с материалом, пересланным Архивом МВД Грузии. У меня не было никакой предварительной информации, я работал только с текстом. Из-за ограниченности времени хочу сделать только несколько замечаний. Первое. Начну с того, что уже отметил господин Тушурашвили касательно архивов: для меня абсолютно приемлемо и правильно, и я не повторю сказанное, лишь

отмечу, что в этом случае статистика является менее верным материалом. У нас должна быть абсолютно точная информация насчет того, что в статистику включено 100 % репрессированных, вероятность чего невелика. Не то, что статистика 30-х годов, а даже статистика депортированных наций не является точной – пять источников называют разные цифры, и разница составляет от 50 000 до 60 000 человек. Сколько крымских татар бросили в вагоны – известно, сколько приехали в Узбекистан – разница составляет 30 000. Так что говорить тут о статистике с расхождениями 0,5–1,0 % не приходится. Это может привести нас к неправильным выводам. Что касается замечаний методического типа, которые возникли у меня при ознакомлении с текстом... В первую очередь, заявляю с полной ответственностью, что у каждого автора есть своя компетенция в определённых вопросах, и я не собираюсь говорить на эту тему. Однако следует отметить, что авторы не знакомы с историей Грузии. Может быть, они прекрасно знакомы с периодом репрессий, но не знакомы с социально-политическим фоном 20–30-х годов, изучение которого для иностранного автора может занять 15–20 лет. По-моему, многие ошибки обусловлены тем фактором, что работу они должны были начать с изучения истории Грузии. Они должны были изучить историю, опираясь на источники, а не только на статистику, так как невозможно не знать историю государства и народа, основанную на источниках и документах, и начать изучать какую-то проблему. Далее. Что касается материалов репрессированных в 1937–1938 гг., то после ознакомления с ними обязательно было нужно ознакомиться с материалами реабилитации, так как эти материалы содержат сотни и тысячи фондов, и имеется определённая связь между материалами 1937–1938 гг. и реабилитацией, проведённой в 50-х годах. Такой подход устранил бы множество неточностей, встречающихся в монографии. В общем, постановка вопроса о том, что репрессии 1937–1938 гг. имели этническую окраску, на мой взгляд, является довольно опасным и весьма незрелым подходом. Продолжительная работа может это подтвердить. Однако пять лет, – а никто не сможет меня уверить в том, что на протяжении каждых 365 дней всех этих пяти лет производились исследования, – для этого не являются достаточными. Это слишком тяжёлые обвинения, даже для того правительства, против которого и так уже имеется множество обвинений, поэтому все обвинения должны быть доказаны. И последнее, чем я хочу закончить своё выступление: когда я касаюсь вопроса о знании

истории Грузии, когда идёт речь о репрессировании, например, большого количества армян... Дело в том, что в Тбилиси большинство жителей были армянами. И если из 10 человек расстреливали 5–6–7 армян, то это не потому, что избирательно расстреливали армян, а таким был национальный состав населения. Если в Восточной Грузии репрессировано большое число азербайджанцев, то это потому, что директорами всех школ и колхозов являлись азербайджанцы, а репрессии как раз проводились против этого слоя населения. Также и в Абхазии: если там расстреляли большое количество абхазцев, то это потому, что там на соответствующих должностях были абхазцы. А кого коснулись репрессии? Лиц, занимающих партийные и советские посты, крестьян-неабхазцев не расстреливали, как и негрузин, ни в Гудауте, ни в Гали, ни в Сухуми и т. д. В заключение я призываю авторов исправить многочисленные неточности, начиная с того, что сказал г-н Омар – то есть с составления новой статистики. И второе: я призываю авторов к глубокому, фундаментальному изучению истории Грузии. И должна быть изучена не историография коммунистическая, а труды современных грузинских историков. Благодарю.

Л. Джикия: Этот период должен быть изучен, но лучше его вообще не изучать, чем изучать неправильно и делать неправильные выводы. У меня есть несколько замечаний, и я коротко изложу их. В одной из глав – «Конец национального цирка» – вы заявляете, что после этих репрессий, в 1938 году, закончилось формирование грузинской нации путём включения в неё аджарцев, мегрелов и сванов. Меня интересует, насколько вы знакомы с теориями формирования грузинской нации, и если знакомы, то почему как минимум не рассматриваете их, и если вы не согласны с ними, то должны были их опровергнуть, вы же не касаетесь этого вопроса. Я, Леван Джикия, родился в Мегрелии, мои родители, их родители и родственники – все мегрелы. Мои родители родились в 1940 году, тогда, когда, по вашему мнению, грузинская нация уже сформировалась, в отличие от моего дедушки и моей бабушки. Как вы думаете, являются ли они грузинами? Могу ли я сказать, что мои предки были грузинами, или они не были грузинами, и лишь мои родители стали грузинами? Было бы интересно узнать ваше мнение об этом. Вы также говорите, что особенно репрессировали мусульман с целью их включения в грузинскую нацию. А почему вы не упоминаете о репрессиях православных граждан, от которых особенно пострадала наша церковь? А репрессии церкви с 1921 года? Это должно быть про-

анализировано в первую очередь. А говоря о репрессиях в Абхазии, почему ничего не говорите о предыстории, о восстании и о силах, которые стояли за всем этим? Благодарю.

Д. Гамахария: Приветствую вас, благодарю за приглашение. Я буду краток, так как уже отослал рецензию. По моему глубокому убеждению, в теме, которая является очень интересной, авторы свернули с намеченного направления исследования, на что указывают начало и конец монографии. Начинается с репрессий и заканчивается тем, что грузинская нация не должна быть единой и должна расчлениться. Сам этот факт уже указывает на то, что авторы преследуют другую цель, и лишь прикрываются той актуальной темой, которая называется репрессиями. Эта тема действительно требует изучения, и мы только приветствуем её изучение. Я никак не могу согласиться с выводами в конце текста. Текст начинается репрессиями, а заканчивается необходимостью распада грузинской нации. От политики, основанной на утверждении о нецелостности грузинской нации, Грузия страдает на протяжении 200 лет, и эта политика продолжается до сегодняшнего дня – на оккупированной территории Абхазии заставляют грузин отказываться от их грузинского происхождения и т. д. И для меня было удивительным, что немецкие учёные, которые являются представителями культурной нации, пишут о том же, о чём историки царской России. Это – продолжение политики советской и сегодняшней путинской России. Именно доказательством этой политики является «научная» публикация об этносе и терроре. На конкретную критику в моей рецензии, в том числе и на 13 вопросов относительно Абхазии, авторы дали общие ответы, не по существу, что неудивительно, так как мы говорим на языке документов, а наши оппоненты – на языке кремлевской политики. Поэтому я категорически против издания этого текста в Грузии. Если издать эту работу за границей, то мы оставим право по существу оценить её. Благодарю.

З. Папаскири: Господа, надо приветствовать любые начинания подобного рода, когда изучается история Грузии. И мы не против этого. Но вы избрали такую тему, особенно в плане этносов, что результаты могут быть очень опасными. У меня создаётся впечатление, что главной вашей задачей является утверждение известного тезиса Андрея Сахарова, что Грузия – малая империя, то есть центр большой империи – это Москва, это абсолютное зло, но Грузия – это не меньшее зло по отношению к отдельным этносам, проживающим на территории Грузии. И это первое, самое

опасное и самое нежелательное для Грузии. То, что происходило в 1937–1938 гг. и раньше, а может быть, и позже, во времена сталинской диктатуры, это факт, это истина, это аксиома. Но здесь говорилось об этом, и я повторяю: нам надо углубиться в процессы, которые предшествовали этому. Вот, возьмем, к примеру, материалы по лазам – а что, разве не было это антигосударственной выходкой отдельных авантюристов, а их что, не следовало наказывать? Может быть, не следовало так строго наказывать. Вот здесь госпожа Читашвили говорила очень правильно: сейчас осуждают тех людей, которые пытаются террористов. Никто террористов не оправдывает, понимаете? А у вас получается так, что все ангелы, главное зло – это Тбилиси и тбилисское руководство. Так нельзя, надо эти вопросы как-то увязать между собой. То, что происходило в Абхазии с 1921-го, может быть, ещё чуть раньше, но особенно с 1921-го по 1936 год, во времена диктатуры Лакобы, это был националистический большевистский режим, который всё время действовал против Тбилиси, завуалированно или даже открыто. В 1925 году они официально предприняли попытку выхода из состава Грузии. Между прочим, в 1992 году потомки тех же сепаратистов (они были сепаратистами и остаются сепаратистами) предприняли попытку, нарушив все нормы, законодательство, восстановления той злополучной конституции. То есть это политический процесс, понимаете? И правильно здесь батони Вахтанги говорил, Гурули, профессор Вахтанг Гурули говорил, почему была истреблена вся партийно-политическая абхазская элита и, к сожалению, интеллектуальная элита. Чем занимались эти интеллектуалы? Возьмем Гвасалию, возьмем Ашхацаву – чем они занимались? Они подготавливали идеологию против Грузии, против единой грузинской государственности. Это непростые вопросы. В этих вопросах надо, когда вы говорите о результатах, говорить и о причинах, а я не увидел там причины. Все ангелы, Тбилиси – зло. Я ещё раз повторяю: значит, у вас всё идёт к тому, чтобы утвердить мнение, тезис, что Грузия – это малая империя. Была малая империя и является малой империей. Я прошу прощения за эмоциональное выступление, извините. Спасибо.

О. Тушурашвили: Благодарю вас, господин Папаскири. Слово передается господину Даушвили. Господин Даушвили, может, выступите на русском?

А. Даушвили: Нет, я буду говорить по-грузински. Была проведена колоссальная работа, что нужно приветствовать. Но какая это работа? Я полностью согласен с выступлениями коллег, осо-

бенно касательно цели изучаемого вопроса. Могла быть цель – помочь народу в прозрении. Интересным является тот факт, что за все четыре года работы авторы ни разу не встретились с грузинскими историками, работавшими по этой теме. Таким образом можно было бы избежать сегодняшних острых оценок текста. Я не буду развивать эту мысль. В монографии, особенно в этой главе (не касаюсь статистики, биографии и других глав, хотя они также вызывают определённые вопросы), грузины обвиняются в этночистке. Я хочу спросить коллег: а где же результат этого? Если мы провели этночистку, используя грузинское происхождение Сталина и Берии, где результат? Почему сегодня 20 % территории Грузии оккупировано, почему до сегодняшнего дня Кремль продолжает вести идеологическую войну, преследуя сепаратистские цели. Может, авторы потому и не связались с нами, что мы раскрыли бы их планы на ранней стадии исследования? Работа идёт сверху вниз, тогда как должна снизу вверх. События 1937–1938 гг. созрели в 1920-х годах. Работая над этой тематикой, я изучил материалы 20-х годов. Я верю, что наши немецкие коллеги согласны с мнением, что победа во Второй мировой войне советской армии и армий союзников была положительным историческим явлением, поэтому это также следует принять во внимание – какова была международная обстановка, что предшествовало, и не только это. Ещё одно. В последнем варианте текста немного изменено вступление, и я хочу указать на одно место в тексте. Большое значение имеет концепция авторов, их взгляд. Наши коллеги рассматривают «Покаяние», известный фильм. Упоминают, что автор в фигуре Аравидзе изобразил Берию и Сталина, а это не так. Это значит, что они увидели то, что желали увидеть, и не заметили внешности Гитлера и... Муссолини. Такой же подход у них и к материалам – видят то, что желают заметить, и пропускают то, чего видеть не желают. Кроме того, везде упоминаются Сталин и Берия, тогда как были и другие грузины, Орджоникидзе и другие, но они авторов не интересуют. Почему? По-моему, они мстят Сталину за 9 мая 1945 года, а Берии – за лето 1953 года. Эти исторические процессы имели место, и мы, грузины, не должны отвечать за их грехи. Сегодня публикация книги будет вредить безопасности Грузии, и авторы должны знать, что Ангела Меркель, наш друг и любимый человек, является сторонником территориальной целостности Грузии, и мы не должны допустить публикацию текста, направленного против целостности страны. Давайте же изучать, как мы угнетали меньшинства, собирали

в резервации, как американцы, или охотились на них. Как так можно? Это очень плохой прецедент. Грузия всегда славилась толерантностью, излишней толерантностью, а сегодня выступают и говорят, что мы охотились на людей. А покажите результат этого – вы же не видите результата.

Г. Клдиашвили: У нас как у участников проекта изначально возникли возражения – сразу же, как только был написан первый вариант текста, поэтому я буду говорить о конкретных деталях. В первую очередь речь идёт о главе «Этнос и террор». Вопрос о том, насколько основанием для репрессии послужил национальный мотив. Вероятно, это самый опасный вопрос в исследовании, и он требует особой аргументации, о чём мы не раз дискутировали. Прежде всего, я согласен с профессором Вахтангом Гурули: статистика не может являться единственным способом аргументирования теории, обязательно надо иметь документы, которые как-то подтвердят это. К сожалению или к счастью, такой документ не был найден ни нами, ни немецкими исследователями. Такой документ не найдется ни в этой, ни в какой-нибудь другой публикации. Единственное основание, на которое опираются исследователи, – это статистика, что, как уже было нами отмечено, не может быть единственным основанием. Статистика до сегодняшнего дня ещё находится в процессе обработки. Вторая тема – это работа Военной коллегии, которая во время Большого террора передала свои полномочия в Грузии *тройке*, как это отмечал господин Бонвеч. Этот вопрос детально изучен нами в рамках другого проекта, детали которого, как статистические, так и содержательные, были использованы в настоящем исследовании. Я имею честь быть соавтором одной из глав вместе с господином Юнге, и там есть определённые вопросы, по которым мы не можем прийти к единому мнению, и, в первую очередь, они касались национального мотива репрессий. В этом вопросе мы не согласны. И, вероятно, в будущем ещё об этом вопросе будем дискутировать. Что касается моего мнения как историка и исследователя, глава «Этнос и террор» нуждается в основательной переработке, иначе останется множество разногласий. К сожалению, в исследовании прослеживается тенденция проведения параллелей между прошлым и настоящим. Оно вышло за временные рамки, которые мы изначально намечали, – это должна была быть эпоха репрессий. Мы вышли за рамки этого, и были проведены печальные параллели, особенно в главе «Под снегом», что, по-моему, является нецелесообразным, так как мы представляем

теории, нуждающиеся в аргументации, теории, которые вызывают разногласия даже между нами – исследователями. Вот об этих основных темах я хотел бы поговорить. Репрессии по этническим мотивам не обнаруживаются в действиях Военной коллегии, это были репрессии элиты, и об этом много уже написано. К сожалению, господин Блаувельт не присутствует на сегодняшней дискуссии, а в его последних работах касательно репрессий чётко выявлен политический мотив и полностью исключается этнический вопрос. И это подтверждают не только работы Блаувельта. Это противоречивый вопрос, есть разные теории в западной историографии, которые на передний план выводят разные мотивы репрессий. Наше преимущество заключается не в обзоре теорий, а в том, что у нас на руках документы, которые помогут нам доказать наши теории. В противном случае мы предоставим теории, рассмотрение которых с исторической точки зрения не будет правомерным.

Л. Авалишвили: Я являюсь автором одной из глав и не раз говорил Марку и Мюллеру, что они идут по неверному пути – они почему-то желают подтвердить уже представленную теорию, а не исходить из фактов. Есть конкретные вопросы, на которые Марк не обращает внимания. Он говорит о больших репрессиях абхазцев и немцев и в несколько меньшей степени осетин. И непонятно, как может идти речь о репрессиях по этническому мотиву. Я хотел бы, чтобы Марк ещё раз обратил внимание на то, что репрессии немцев контролировались из центра, происходили по всему СССР, и количество немцев не было большим в Грузии. Марку известно, что после создания «национальной» тройки в Грузии она выносила самые либеральные решения – если в Украине и в Белоруссии «национальные» тройки расстреливали 70 % осужденных, то в Грузии – лишь 30 %. Получается, что «национальная» тройка, которая была инструментом репрессии разных национальностей, была довольно либеральной в Грузии. Ещё одно слабое место – вопрос репрессирования осетин. Хотя Марк старается объяснить малое количество репрессированных тем, что осетины не назначались на должности, этот фактор всё равно не согласуется с его выводами о политических репрессиях. Марк вообще не рассматривает теорию Т. Блаувельта, что является обязательным для данного исследования, чтобы читатель сделал вывод, была ли это в Абхазии политическая борьба, или столкновение двух групп. Логично, что репрессировали абхазцев, так как они были должностными лицами, как это происходило и в других

регионах. И, наконец, я рекомендую отказаться от главы о лазах. Это очень слабая глава, так как было репрессировано всего лишь 40–50 человек. Вы аргументируете репрессии по этническому признаку, но несерьёзно основываться на единственном документе и на одном человеке, который не был лазом. Напоминаю вам, что в тех документах часто не упоминается национальность. Тот же Сологубов-Скобелев является русским, а проходит по немецкой операции.

Г. Клдиашвили: Я хочу сказать несколько слов о статистике так называемых сталинских списков. Из 3616 человек мы не ввели данные о национальности приблизительно 800 человек, так как у этих лиц национальность не указывалась, и, несмотря на то, что мы были уверены в их национальности, всё равно не приписали им национальность. Статистика является весьма точной наукой, и ошибка в статистике вызовет большие проблемы. Так как если мы точно не знаем статистики, то мы не сможем опереться на данные, именно поэтому мы не ввели данные 800 человек. Что касается вопроса о публикации, то никто не сможет запретить её, кроме самых авторов. Если между авторами не будет согласия, это будет проблемой. Извне никто не имеет права на публикацию или её запрещение, авторы публикации принимают решение, печатать её или нет. Так что разговор о цензуре тут не только нецелесообразен, но и недопустим. Смешно, потому что мы не говорим тут о цензуре, тут речь о том, что только авторы должны согласовывать свои мнения. У любой книги, у любой публикации есть свой автор; если авторы не согласны друг с другом, то текст не издается, в обратном случае – издается. Главное – авторам иметь единое мнение о содержании, а остальное не является предметом обсуждения. Это должны решить только авторы, по моему мнению.

О. Тушурашвили: Благодарю, Гиоргий. Слово передается господину Райснеру.

О. Райснер: Я являюсь историком, моя диссертация посвящена вопросам истории Грузии XIX века. По-моему, этот проект является очень важным. И не только для немцев, но и для Грузии. Это шанс для грузинской историографии перейти на международный уровень. Они не являются агентами Кремля, они являются союзниками Грузии. Г-н Бернд Бонвеч был директором Института истории Германии в Москве, где выступил с критическим словом, что уже невозможно в сегодняшней Москве. Так что перед нами стоят два фундаментальных вопроса – один научный,

и о нём уже говорили; но они учёные, а не политики; я вижу в этой дискуссии, что поставленные авторами вопросы актуальны с политической точки зрения, из-за сегодняшней политики, аннексии, и это понятно; но важно, чтобы ясно, как об этом писал Иванэ Джавахишвили ещё в 1904 году, была разделена «мамулишвилоба» и наука. Да, возможно, в работе есть изъяны, но я надеюсь, что они будут исправлены путём диалога, который будет продолжен более интенсивно, с включением всех историков, которые до сих пор не были включены. Я являюсь одним из авторов главы «Под снегом», в которой явно чувствуется недостаток теорий, способствующих анализу и пониманию сталинизма в Грузии. Поэтому я надеюсь, что проект будет продолжен для того, чтобы ваши конкретные пункты и детали, которые никогда не будут понятны для иностранца, были учтены, а это возможно лишь в результате научного диалога. Я на это надеюсь и поэтому являюсь сторонником этого проекта. Сожалею, что у меня не было больше времени для участия в проекте. Очень важно исследовать вопрос об истории историографии Грузии, над которым я сейчас работаю, предполагающий привлечение новых научных методов. Я знаю, что этот процесс очень болезненный, и не могу согласиться с оценкой подхода как правильного или неправильного – так как это подход иностранных учёных, их взгляд. И для уточнения этого, я надеюсь, проект будет продолжен. Что для меня важно, так это то, что Архив МВД Грузии является одной из сторон, издающих монографию. Я думаю, что это хороший шанс продемонстрировать, что вы не боитесь постановки неприятных вопросов. Но также должно быть отмечено, как это делается у нас в Евросоюзе, что вы не несете ответственности за содержание. Этот процесс, о чём уже говорил господин Гамахария, очень важен для грузинского общества, для общения с абхазцами. Эта проблема очень болезненна для абхазцев. Очень важно говорить о причинах репрессий, и это будет шанс для перехода отношений на новый уровень. Я надеюсь, что в проект будут включены абхазцы и учёные из Франции, однако это не столь важно. Главное – сохранить научный подход. Благодарю.

Г. Анчабадзе: Благодарю вас за возможность познакомиться с публикацией. Ну, что мне сказать по этому поводу?.. Сама тема, конечно, очень интересна, очень важна... Чем раньше мы это преодолеем – вот этот рубеж, который отделяет нас от знакомства с этим страшным периодом нашей общей истории, я имею в виду общей истории народов, которые входили в Советский Союз,

чем более свободно будем говорить о том, что было, тем лучше – тем быстрее мы выйдем на какие-то новые перспективы. Я не могу себя назвать специалистом в этой области, потому что я, собственно, по теме Большого террора практически не работал. Но я сам являюсь потомком репрессированных семей как со стороны моего отца, так и со стороны матери, и я с самого детства знал, что там происходило. В частности, раз уж речь зашла об абхазской составляющей этого террора, я могу сказать, что семья моего отца культурно была грузино-абхазской и играла определённую роль в грузино-абхазских отношениях. У моего прадеда было шесть сыновей и одна дочь. Вот из этих шести сыновей четверо, в том числе и мой дед, воевали в 1921 году в русско-грузинской войне, когда Красная Армия вторглась в Грузию, они воевали в составе грузинской армии. Это я хочу сказать ещё и потому, что здесь прозвучали обвинения, что абхазы как бы восставали против Грузии и с самого начала какие-то козни Грузии чинили, и, мол, чем-то оправдывается эта агрессия, репрессии против них. Старший брат моего деда погиб в этой войне. В 1937 году были расстреляны трое из оставшихся пяти братьев, в том числе мой дед, а два человека спаслись, они скрывались тогда от карательных органов. Одна сестра была, как я сказал, и её муж был также расстрелян. Моя бабушка, она была грузинка по национальности, бабушка со стороны отца, с материнской стороны у меня все грузины, моя бабушка была арестована и сидела семь лет в лагерях, в «АЛЖИРе», в знаменитом, печально знаменитом «АЛЖИРе». Но я хочу сказать, что никогда в нашей семье я не слышал разговоров о том, что, допустим, они были по этническому принципу репрессированы и т. д. Однако тот факт, что вот наши уважаемые немецкие коллеги нашли какое-то несоответствие в процентном отношении среди репрессированных, я думаю, это следует не замалчивать, а просто изучать, находить причины. Необязательно это, допустим, из-за каких-то грузинских, из-за каких-то национальных тенденций, которые вообще трудно представить в 30-е годы в Советском Союзе, но это может быть действительно каким-то частным решением тогдашних грузинских руководителей во главе с Лаврентием Берией. Но всё-таки эти статистические данные дают, как я вижу, возможность неоднозначных выводов. Допустим, больше всего в процентном отношении, как я понял, пострадали немцы и абхазы, затем идут грузины из наиболее крупных этнических групп, но меньше получается, – если я не ошибаюсь, я не мог всё очень подробно прочитать в компьютере,

и, может быть, я поэтому что-то пропустил, – но меньше тогда получается тюркоязычных граждан, которые позже стали называться азербайджанцами, тогда ещё они так не назывались, и осетин. Тогда получается, если так подходить, и это смешно, конечно, что турки или осетины проводили репрессии в Грузии. Так что всё это надо изучать. Я вот считаю, что очень хороший этот пятилетний проект был, где работали вместе немецкие и грузинские учёные, я приветствую такое начинание, такое направление, и я полагаю, что если есть что-нибудь непонятное, если есть что-то ещё спорное, это в порядке вещей. Я думаю, что если пять лет длилась эта работа, можно и ещё некоторое время уделить, подробно изучить те вопросы, которые вызывают разногласия. Может быть, ещё сами авторы пусть сядут и поговорят об этом. И мне также понравилось то, что предложила госпожа Марина Читашвили: можно, в конце концов, привлечь ещё и с третьей независимой стороны экспертов, которые в этом отношении будут нейтральными, их тоже можно включить в этот вопрос. Ну, я хочу ещё пару слов сказать о дискуссии, свидетелем которой я стал. Я не могу с моими грузинскими коллегами согласиться в том, что в каких-то до конца не проясненных для них вопросах они видят только ошибки со стороны своих оппонентов, коллег-оппонентов, и какие-то клише, как, скажем, «кремлевская платформа» и т. д. и т. п. Ну, это неправильно, это я с уважением говорю в отношении моих грузинских коллег, я их хорошо знаю и всегда готов с ними сотрудничать и читать их книги, но я считаю, что здесь их подход неправильный. Потом, я не вижу необходимости вот так глубоко углубляться в историю Абхазии, потому что, конечно, каждая историческая эпоха является результатом предыдущих исторических событий и т. д., но так мы можем до каменного века дойти. Я считаю, что средневековая история Абхазии, я не знаю, почему это возникло, я вижу при переписке, не имеет отношения к рассматриваемым вопросам. Я с большим уважением говорю это моим грузинским коллегам, потому что уважаю их точку зрения, и знаю, что уважаемый Джемал – он искренне отстаивает эту точку зрения... это ваша точка зрения, я уважаю вашу точку зрения, а также, батона Александре, вам я говорю. Но ведь в отношении истории Абхазии и происхождения абхазов есть и другие точки зрения, которые, если мы не будем других учёных касаться – Иванэ Джавахишвили, Симон Джанашиа, Нико Бердзенишвили – это историки, которые стоят во главе современной исторической науки, наши предшественники, они стояли на других позициях...

Тогда вот надо и вашу, и их точку зрения показывать – нельзя только какую-то одну. Иначе очень трудно будет вам договориться между собой. Вот что я, в целом, хотел сказать. Ещё два слова хотел бы сказать насчет социальной структуры. Я не думаю, что это такой уж главной было причиной для репрессий. Ведь, например, мы знаем, что среди жителей Советского Союза казачество подверглось одной из самых в процентном отношении сильных репрессий, а среди казачества всё-таки образованных людей, представителей интеллектуальной элиты не так уж много было, наверное, вы со мной согласитесь. Кроме того, были, раз мы говорим о репрессиях, и тем более об этнических репрессиях, были выселены целые народы в Советском Союзе, которые как раз не имели ещё сильной интеллигенции. Так что тут есть много вопросов, которые, я думаю, надо решать, надо рассматривать. И если даже мы не согласны, допустим, какая-то часть грузинских историков не согласна с этими положениями, которые уважаемые немецкие коллеги выдвигают, то грузинская сторона в этом не должна видеть какой-то злой умысел. Так уж получается из этих оценок. Давайте приходить к единому мнению академическими методами. Я считаю, что так надо дальше продвигаться. Спасибо большое за внимание.

О. Тушурашвили: Благодарю. Слово передается госпоже Дали Канделаки.

Д. Канделаки: Благодарю. У меня не было претензий написать или принять участие в подготовке текста, я являюсь одним из авторов одной из глав. Эта глава касается потомков репрессированных, их воспоминаний, на примере одного конкретного района, в частности, села Хашми Сагареджинского района. Я являюсь руководителем магистерских и докторантских программ по русистике, познакомилась с господином Юнге с помощью моего магистранта Давида Джишкариани, и так началось наше сотрудничество. Было известно, что планировалось издание проекта под ранее заявленным названием – «Большевистский порядок», не было сказано изначально, что планировалось написание главы «Этнос и террор», а также публикация третьего тома. С другой стороны, материал и источники могут продиктовать новое направление исследования, ведь так? Можно начать в одном, а продолжить и в других направлениях. Когда два первые тома были готовы, – я делаю маленький экскурс для грузинских учёных, объясняя, почему не были подключены к работе грузинские историки, – глава «Этнос и террор» стала последним аккордом.

Когда у некоторых участников проекта, г-на Омара Тушурашвили, Гиоргия и Левана, появились определённые вопросы касательно того, почему изучение пошло в этом направлении, тогда состоялось уже ваше включение и ознакомление со всем этим. Следовательно, моё личное мнение, которое я не раз сообщала г-ну Марку, не раз писала ему об этом, было таковым: давайте издадим первые два тома, как это и предполагал проект изначально. И, поскольку третий том породил столько вопросов, – правильна ли статистика, должны ли мы основываться на имеющейся информации, следует ли продолжить исследование, то давайте, друзья, не будем спешить с третьим томом. Давайте издадим два тома, по которым, как мне известно, нет никаких разногласий. Я думала, во всяком случае, мне так было известно, издадим на грузинском, русском и, как и планировалось, на других языках, чтобы руководители проектов могли отчитаться перед Фондом Фольксвагена, что проект завершился. И я предложила господину Марку: нельзя ли подать новую заявку, подготовить новый проект, в котором исследование будет проходить под тем углом, который определился на последней стадии работы. Вместо спешного издания лучше продолжить проект. Возможно, обнаружатся ещё какие-то архивные материалы, и исследование пойдёт по какому-то новому пути. То есть не будем останавливаться, издадим на этом этапе два тома и продолжим исследование. Таково моё личное мнение, которое и до этого было известно Марку.

О. Тушурашвили: Благодарю, госпожа Канделаки. Выступающих больше нет, мы скоро начнем дискуссии. У кого не было возможности высказаться, сделают это в процессе дискуссии, регламент две минуты. До этого хочу предоставить слово господину Гелашвили.

Н. Гелашвили: Как я уже отмечал, я не являюсь историком, что осложняет участие в полемике. История является наукой и предполагает наличие определённых знаний. Для оценки такого исследования обязательно аргументировать своё мнение. С этим материалом ознакомится не только грузинское общество и весь мир, но и будущие поколения, студенты. И этот материал будет способствовать формированию определённого мнения. Никто из присутствующих здесь не является современником того периода, а будущие поколения будут ещё более отдалены от той реальности, поэтому формирование их мнений будет основываться на исследованиях подобного рода. Тем более что в это исследование включены разные историки, как немецкие, так и грузинские. Сле-

довательно, я хотел лишь подчеркнуть идею господина Райснера – исследование должно быть научным, а здесь полемика проходит как бы по политическим, а не по научным вопросам. Я не могу согласиться с вами, и вот по какой причине. Я являюсь юристом, хотя профессия в этом случае не имеет значения. В монографии приводятся выводы, которые, хотим мы этого или нет, являются составляющей определённой политики, и любой вывод может иметь политическую окраску. Каждое заключение должно опираться на что-нибудь, в частности, на факты. Каждый же факт должен основываться на определённых доказательствах. В нашем случае доказательством является статистика, которая, и по вашему, и по нашему утверждению, не является достоверной. Следовательно, тут речь идёт не о каком-то политическом взгляде, тут речь идёт как раз о научной тематике, когда факты опираются на неточную и неправильную статистику, что обуславливает, само собой разумеется, отклонение от реальности. И последнее. Хочу подчеркнуть вопрос о недостоверности статистики. То, что я читал и с чем ознакомился, конкретно – с приводимыми фактами, там читатель или исследователь, наверное, попытался бы найти факты, обусловившие выводы исследователей, как и доказательства достоверности этих фактов. В данном случае не определена методика статистической обработки в целом, о чём не раз упоминалось, то есть принадлежал ли конкретный человек к такому-то этносу – что было основанием для определения такой принадлежности? Документ, в котором указывалось, что он был грузином, осетином, абхазом и т. д., фамилия, на основании которой ученый решил, что эта фамилия абхазская, осетинская, грузинская или немецкая, то есть нет конкретного основания для такого определения, во всяком случае, я этого не увидел. Если вы сможете доказать, что это действительно было так, и конкретный этнос определялся или по документу, или по происхождению фамилии, или по географическому положению, или по какому-нибудь ещё конкретному основанию, тогда можно было бы согласиться и с выводами. Но как раз об этом и идёт речь, что эта статистика не является достоверной. Следовательно, научные основания этой работы именно поэтому и являются сомнительными, что станет явным для каждого читателя, желающего углубиться в исследование. Наоборот, наше желание как раз и состоит в том, чтобы эта работа была по-научному обработана. Благодарю.

О. Гушурашвили: Благодарю, господин Гелашвили. Сейчас по регламенту у нас должен быть перерыв, но, думаю, мы смо-

жем продолжить, так как обсудить осталось мало. Прошу желающих принять участие в дискуссии. Господин Джишкариани, прошу вас.

Д. Джишкариани: Здравствуйте, я Давид Джишкариани, историк. По моим впечатлениям от этой дискуссии и предоставленных рецензий, часто речь идёт не о конкретном вопросе, не о том, что написано учёным и представлено читателю. Речь идёт о принципах и о том, что нравится или не нравится учёным в данном историческом нарративе, что приемлемо и неприемлемо для нас. Исследование Марка, Мюллера и Бонвеча является качественно новым словом в грузинской историографии, когда в неисследованной сфере, – и я выражаю большое уважение г-ну Даушвили, который является автором многих исследований в этой сфере, но не конкретно в этой, – впервые на невспаханном месте появляется новый труд, заключающий множество неприемлемых деталей для нас. Во всяком случае, в том историческом нарративе, которым мы питаемся, по этому вопросу ничего не было сказано. Исходя из этого, дискуссии о том, что что-то правильно или неправильно, не считаю продуктивной, поскольку ответственным за каждую работу является лишь ученый. Господину ректору могу ответить: вы правы, у всего есть своё основание, и достоинством этой книги как раз то и является, что, с одной стороны, представлены заключения учёных касательно террора, а с другой – к этой же главе приложены и соответствующие документы, так что читатель может, с одной стороны, ознакомиться с мнением господина Юнге и его коллег, а с другой – глубже изучить вопрос, обратиться к документам, на основании которых сделаны выводы. Следовательно, методологически книга очень хорошо построена. Не согласен с Юнге? Хорошо, ознакомьтесь с документами и формируйте свою, новую идею. И, кроме этого, добавлю ещё. Для меня совершенно неясно, что такое правильная и неправильная история. Существует ученый, существует человек, который пишет эту историю, и ответственность за эту историю, за этот нарратив, лежит только на этом учёном. Должна ли быть опубликована эта книга? Я однозначно считаю, что должна, рецензии и дискуссия по этому вопросу будут только способствовать продвижению. И это будет большим шагом вперёд для Грузии как для государства. Я подчеркну аргумент господина Райснера: раз и навсегда прекратится игра в пинг-понг между грузинскими и абхазскими историками. Это будет первая попытка, когда грузинские историки сделают хорошую подачу и скажут,

что мы не находимся больше в положении отбывания, а наоборот. Сделали подачу и давайте теперь обсуждать этот вопрос. Благодарю.

Н. Гелашвили: Хочу лишь подтвердить, что никто не препятствует господину Юнге заниматься исследованием, а, скорее, наоборот, мы приветствуем и поддерживаем принцип академической свободы. Никто не препятствует господину Юнге публиковать статьи и книги под собственным именем. Но когда мы говорим о двухстороннем проекте, то и другая сторона имеет право на академическую независимость, и как раз об этом и идёт речь. Эта книга должна остаться для будущих поколений, и не только для историков. Историки будут над ней работать, закончат работу, и другие историки выскажут своё мнение и т. д. Но простым гражданином, простым человеком, представляющим большинство и не являющимся историком, книга будет восприниматься такой, какой она будет написана. Он не сможет понять глубину исследования, не сможет обработать статистику, и ни один гражданин не сможет просмотреть все протоколы в архиве. Поэтому выводы должны быть едины для каждого читателя, так как они формируют мнение. А в случае с двухсторонним проектом выводы должны быть согласованы, или же текст может быть опубликован под именем отдельного исследователя. Благодарю.

И. Хвадагани: Я коротко выскажу своё мнение. Как у человека, не участвовавшего в проекте и впервые ознакомившегося с текстом, у меня монография не вызывает столько вопросов и сомнений, особенно с точки зрения преследования разных этносов, даже при неточной статистике. Следует учесть, что национальность определяется по анкете, которую заполняли сами репрессированные. Следовательно, они сами определяли собственную национальность, и этот элемент обязательно должен быть учтён. Неправильно считать, что если фамилия звучит по-грузински, но в анкете написана национальность абхаз или осетин, то это ошибка, скорее наоборот – это является выражением идентичности этих лиц. Это следует принимать во внимание, и с сегодняшней позиции то определение национальности, которое предлагают выступающие, наоборот, опасно. Второй вопрос – и все историки со мной согласятся: когда нас спрашивают, в чём заключалась логика Большого террора, мы все молчим, так как очень трудно объяснить. И мы каждый раз пытаемся заглянуть в мышление тех людей, которые на верхнем, среднем и нижнем уровне (исполнители чёрной работы) действовали в рамках Большого террора.

И, когда они исполняли свои функции, им было трудно дифференцировать национальность лиц, подлежащих репрессиям. Поэтому тут трудно не учитывать этнический фактор, наоборот, это может играть ключевую роль в некоторых регионах для понимания того, почему какая-то определённая группа подверглась большим репрессиям. Поэтому, если исследование будет идти в направлении выявления национальности конкретных лиц, проводивших террор, то многие вопросы будут сняты. И эта дискуссия помогает уточнить этот вопрос, а утверждение, что в Советском Союзе были невозможны этнические преследования, по-моему, неприемлемо для научной дискуссии.

М. Клингенберг: Меня зовут Матиас Клингенберг, я историк и руководитель немецкой образовательной организации. Я получил приглашение, и там было написано, что круглый стол на двух языках – на русском и на английском, поэтому я сейчас продолжу на английском. *(Переходит на английский.)* Хочу сказать о двух вещах. Эта дискуссия очень важная. Эта дискуссия непосредственно касается идентичности – идентичности грузинской нации, истории Грузии, и поэтому эта дискуссия очень важна, тем более что Грузия подписала соглашение с Европейским Союзом. Поэтому важно дискутировать, учитывая также ориентиры Европейского Союза. В дискуссии могут возникнуть вопросы, которые не для всех будут приятны, будет обсуждаться много запретных тем, – иначе прогресс не предвидится, как в некоторых странах, которые не говорят о запрещённых темах. Поэтому рассмотрение таких тем, как идентичность и этничность, мне кажется очень важным. Я не говорю о научной стороне текста, так как с ним не знаком, но я думаю, что важно опубликовать эту книгу и сделать её доступной для каждого читателя, чтобы её можно было обсуждать со всеми вместе, так как это явилось бы одним из основных принципов свободы выражения и научной свободы. Тут собралась очень маленькая группа, я не знаю, кто кого пригласил, кто пришёл и кто не явился, поэтому важно опубликовать книгу и начать открытую дискуссию о ней. Грузинские учёные, которые критикуют главу или книгу, могут написать свою статью, присоединиться к открытой дискуссии и т. д. Сегодняшняя дискуссионная группа очень маленькая, тогда как этот вопрос очень важен для Грузии, для будущих поколений. Благодарю.

Н. Гелашвили: Мы как раз об этом и говорили – мы не желаем политизировать этот вопрос, а то, что вы предлагаете, это и есть политизация вопроса. Подписание договора с Евросоюзом

и рассматриваемый вопрос не имеют ничего общего. Тем более что г-н Юнге сам указывает, что ему не интересны идеи учёных, он желает лишь увидеть текст опубликованным. Ещё раз повторяю: никто не препятствует г-ну Юнге печатать текст – но если это двухсторонний проект, давайте послушаем и мнения учёных.

А. Даушвили: Исследование должно начаться с прошлого, а не с сегодняшнего дня, и не с отношений с Евросоюзом. Я хочу вспомнить слова известного французского историка, заключённого в концентрационный лагерь: историк не является судьей, историк должен понять процесс и предложить своё понимание обществу. Вы, авторы, не понимаете процесс, и что вы сможете предложить обществу? Я согласен с мнением г-на Анчабадзе – проект должен быть продолжен. Ведь нельзя же печатать всё? Ведь существует же чувство ответственности? Хотя бы та часть, которую г-н Юнге опубликует отдельно – должен же он нести ответственность за свой текст?

Н. Гелашвили: Мы находимся в государственном органе. Я не могу принять сторону какой-нибудь группы авторов. Главное, чтобы учёные, основываясь на конкретных фактах, приняли согласованное решение, и других интересов ни у меня, ни у моих коллег нет. И никто никого не обвиняет ни в каком заговоре.

Г. Анчабадзе: Я хочу тоже добавить, я хотел уже с самого начала это сказать, и выступающие после меня коснулись этой темы. Действительно, разумеется, уважаемый ректор принимающей нас академии господин Гелашвили совершенно прав, когда говорит, что каждый автор может под своим именем опубликовать свою работу, и не надо, чтобы все с ним соглашались. Но всё-таки раз пятилетняя работа была, раз совместный опыт работы есть, может быть, ещё раз подумать, какую форму для этого найти? Причём я, например, не согласен с точкой зрения, чтобы опубликовать часть работы, вся работа должна быть опубликована, и дискуссионный том тоже, и глава, которая вызывает наибольшие споры – «Этнос и террор», это тоже должно увидеть свет. Почему? Во-первых, потому что это тоже результат научной работы, совершенно искренний и не обремененный никакими политическими ангажементом, я полностью в этом уверен, в коллегам. Кроме того, я думаю, что даже если после публикации это оставит какой-то вопрос нерешённым, это не является причиной для того, чтобы не публиковать труд. После редакции, может быть, и так далее. Но при консенсусе всех авторов. Почему? Потому, что вопрос репрессий тридцатых годов – это один из тех

моментов, которые в этом дискурсе часто упоминаются, который является, так сказать, идеологической подоплекой тех конфликтов, которые возникли на территории Грузии. Я вам сказал, что в моей семье не было таких разговоров, я никогда не слышал, чтобы обвинялись именно грузины, тем более грузинский народ, в этих репрессиях. Но в этих идеологических спорах, в которых я всегда выступаю против идеологических противостояний, потому что считаю, что это не способствует решению конфликтов, а, наоборот, усугубляет их, часто это происходит и с абхазской стороны. Почему? Самих абхазов было мало в карательных органах. Были, но их единицы. В Абхазии действовал многонациональный состав чекистов, но грузин там было действительно много, и это давало повод говорить о каком-то заговоре, каком-то грузинском заговоре. Ну, конечно, грузинские мои коллеги не согласны с этим, но не надо бояться этой темы. Если есть вот такие возможности, пять лет работы, – это нельзя отбрасывать, лучше это публиковать. И даже если какие-то процентные показатели будут, скажем, не совсем приятны для грузинского читателя, – который до сих пор в значительной степени отрекался от таких сведений, – то надо понимать, и это тоже следует учесть читателю, что это не вина грузинского народа, если было такое, и это совсем не должно мешать нам сегодня, опять-таки, общаться и с грузинами, и с осетинами, и со всеми другими народами, которые сегодня в Грузии живут. Наоборот, легче будет тогда какой-то груз прошлого свалить с плеч, если мы прямо будем говорить об этом, чем если мы будем эту проблему прятать и загонять внутрь. Это моя точка зрения. Спасибо.

О. Тушурашвили: Я тоже хочу сказать несколько слов. Действительно, все замечания приемлемы. Я буду обращаться к господину Юнге. Последняя наша работа вселяет надежду на то, что мы уже будем находить точки соприкосновения, потому что очень многие наши замечания были приняты. Что касается третьего тома «Этнос и террор», то Марк согласился, что в таком виде публиковать, даже с замечаниями, не имеет смысла, потому что это очень далеко от истины. Правильно я говорю, Марк? Эту работу надо обязательно провести, если мы хотим приблизиться к истинному пониманию событий, которые тогда происходили. Мы вот вместе работали последние две недели, мы прошли сколько – около 400 или 500 человек, правильно? У нас были уже дискуссии. К сожалению, мы не давали слова тем людям, которые всю эту работу выполнили – вот эти девушки, вот Гиоргий. От них же пошли

первые протесты. Вы думаете, что я начал первый – нет, как раз они. Вот Екатерина первая заметила, что грузины, мегрелы и сваны отдельно рассматриваются, я лишь доводил их мнение до вас. Я думаю, что тенденция последнего времени нам даёт надежду, что эта работа войдет уже в нормальное русло. И ещё думаю, что работу, которую мы начали, создали специальную программу, надо её провести, в противном случае публиковать в таком виде действительно не имеет смысла.

Г. Клдиашвили: Давайте тогда я тоже перейду на русский язык. Здесь было действительно очень много сказано, но реально – это должна быть дискуссия между историками. Тут идёт речь о научной работе, а не философской, да? Тут предлагается теория, о которой мы, историки, думаем, что она не обоснована. Тут идёт речь о латентном геноциде в Грузии. Надо же это обосновать как-то? Из-за этой необоснованной теории я не могу подписываться как соавтор книги. Также я считаю, что у всех есть право публиковать свою научную работу. В том томе, где наша совместная глава, Марк, думаю, что в ней очень много хорошего сказано, но, естественно, были какие-то вопросы, по поводу которых я вам послал свои замечания. И если мы их не согласуем, это очень принципиальные вопросы, я прямо так и написал, да... Остальное всё прекрасно, все мы согласились, просто есть вопросы, которые мы должны согласовать. Если нет, как я буду подписываться как соавтор, это же естественно и нормально? То же самое думаю и по поводу книги, да? Если позиции соавторов не согласуются, у вас есть полное право публиковать это под своим именем, да? Никто не будет давить на вас как цензура, это...

М. Юнге: Гиоргий, я не понял. Вы хотите влиять на то, что я с другими авторами...

Г. Клдиашвили: То, над чем мы работали вместе, ту статистику, которую я вам отправил, и то, что мы обсуждали, это мы должны вместе согласовать. Ну, не знаю, я ещё раз скажу как историк, не касаясь данной книги: если предлагается теория, нужны аргументы. Это не философия, это более точная наука, чем философия. Если нет достаточных аргументов, так публиковать книгу, я не знаю... Это очень щепетильный вопрос, знаете, то, о чём мы говорим. Был геноцид в Грузии – латентный или нелатентный, – геноцид это обширная тема... Мировое сообщество ещё говорит, был ли геноцид в Армении, в этом нет согласия, да? Но публиковать в книге, соавтором которой выступает Министерство внутренних дел Грузии, что в Грузии происходил геноцид... Это тео-

рия, и если это научно обосновано, я обеими руками в гипсе буду голосовать за – давайте публиковать. Но такой вопрос нуждается в серьёзной аргументации, это не маленький вопрос, это очень серьёзный вопрос: утверждается, что в Грузии проводили этническую чистку других народов. Хорошо, это, новая теория, но она нуждается в серьёзном обосновании.

Б. Бонвеч: Спасибо. Сначала общее впечатление. После первых пяти-семи выступлений я вспомнил дискуссию в Советском Союзе под руководством академика Минца по поводу семидесятилетия Революции в Одессе. И я там выступил с докладом о русской революции. И потом критиковали, давали хорошие советы, и я как научный борец выступил, сказал «о'кей», я знаю – надо учиться, учиться, учиться. И я всю жизнь пытался учиться, но всё-таки выразил своё научно обоснованное мнение, как я это понял. И я благодарен всем, кто выступил, и также тем, кто думает, что это ненаучно – то, что я думаю. Мне семьдесят четыре года, но я впервые услышал такой упрек. Всё-таки есть во всех выступлениях вещи, которые надо принимать во внимание, и я думаю, что учился всю жизнь на такой критике. Несогласие – это соль науки, без несогласия наука не существует, поэтому мы должны жить с этой проблемой, что не будет совершенного согласия между нами. Второе. На улице Руставели я читал объявление – если хочешь пить весь день, ты не можешь пить весь день, если не начинаешь утром... И если завтрашние, следующие поколения, господин ректор, должны читать и обсуждать наши мнения, надо опубликовать книгу сегодня. Без этого мы будем дорабатывать, дорабатывать, дорабатывать и никогда не придем к окончательному согласию. Я думаю, что, конечно, многие из нас выступили в этом смысле, каждый автор может под своим именем публиковать книгу. Я думаю, это последняя возможность, это самый плохой выход из этой ситуации, но всё-таки это – конечное решение в этом деле. Это было бы плохо для нас – авторов, для нас – немцев и особенно для Вас – грузин. Я думаю, что, как говорил г-н Клининберг, и другие тоже заметили, что это разумное мнение, что надо открывать дискуссию, и, может быть, не всё согласуется, но надо свободно дискутировать об этом. Самая важная проблема – это почти во всех выступлениях прозвучало – статистика, правильность статистики и суть статистики. Первое: я всю жизнь занимался статистикой и никогда не встречал совершенной статистики, никогда. Но с этой проблемой тоже надо жить. Или опираться на существующую статистику, или исполь-

зовать другие документы, не только статистические. И именно национальная принадлежность – это явная проблема. Но ведь во множестве документов национальная принадлежность называется, приводится – не всегда это правильно, мы обнаружили это, и это правильно. Всё-таки эта принадлежность играла очень важную роль для карательных органов. Почему они вообще её называли? Чтобы фальсифицировать документы? Я не верю, что это так. И поэтому есть возможности, наши сотрудники, а именно Даниель Мюллер, хорошие специалисты по этим вопросам, он обнаружил много ошибок, но он попытался найти верное решение таких проблем. И, как я понял, Марк это делал в последние две недели, и уже раньше занимался этой проблемой, и, конечно, мы добросовестно занимались этой проблемой и продолжаем поиск. Но вообще исключать эту проблему мы не можем, не «не хотим», а не можем, потому что речь идёт о вопросе геноцида. Во всемирной научной дискуссии есть мнения определённых историков, даже таких известных, как Неймарк в Стэнфорде, это элитный университет в Америке. Он ищет признаки геноцида в сталинское время по отношению к различным этносам. И, чтобы поддержать ваше мнение, что я инструмент русско-советской историографии, я выступил в Германии на большой конференции с утверждением, что преследования в Советском Союзе при Сталине уничтожили миллионы людей, но они не имели целью геноцид. За это меня критиковали, на следующий день в ведущей газете был заголовок «Бонвеч – экстремист», но я придерживался этого мнения и придерживаюсь его сегодня. И мы пришли к выводу, что то, что произошло в Грузии в это время, не было геноцидом. Это – результат нашей работы, и я думаю, что критические грузины должны радоваться тому, что мы, немцы, пришли к такому выводу. Поэтому, я заканчиваю, мы продолжим поиск национальной принадлежности, но будем публиковать книгу, в лучшем случае с вашим согласием, а не с согласием всех, кто выступил, это не наша задача, но с согласием тех, кто нам важен. И я особо благодарю вас (*обращается к Анчабадзе*) за ваши выступления.

О. Райснер: Как я вижу, у нас две проблемы: одна проблема – опубликовать этот третий том в составе всей работы. А вторая состоит в том, что эта дискуссия связана с другими, более широкими проблемами, которые сегодня решить мы не сможем. Это вопросы плюрализации и интерпретации. Вы, батона Александре, отметили, что в немецкой историографии было очень много острых

дебатов не относительно источников, а относительно интерпретации этих источников. Это свидетельствует о том, что допустимо делать разные выводы, это именно то, что отличает науку от советской науки, где была идеология, и надо всё это... (*неразборчиво, машет руками*) сделать. Значит, вопрос этот сегодня надо решить, значит, будет этот третий том, если вы хотите это опубликовать, значит...

О. Тушурашвили: Оливер, о третьем томе речь вообще не шла, эта глава была включена в первый том, но потом господин Юнге предложил издать это...

М. Юнге: Доработать.

О. Райснер: Я тоже виноват в этом... Я надеюсь, что к этим двум томам нет вопросов?

О. Тушурашвили: Там тоже есть, но не такие острые.

О. Райснер: Должен сказать, что это очень, очень важная дискуссия, это надо полностью сохранить. Да, главу, эти рецензии, всё – чтобы будущие поколения могли увидеть, как трудно было начинать критическую рефлексию о сталинизме в Грузии. Именно это я здесь вижу. Процесс такого критического осмысления уже начинается – с «Совлаба», других организаций – «ДВВ-интернейшенел» тоже проводят такие дискуссии, но не с участием представителей государства, как я вижу здесь. Конечно, мы никогда не придем к единому мнению по всем вопросам, не согласимся на какую-то одну интерпретацию, но эти дискуссии должны фиксироваться, это для меня очень важно, в этом я вижу это очень важный момент для Грузии. Извините, что много говорил.

Д. Гамахария: Дорогие друзья, я скажу очень коротко. Я, конечно, не исключаю, что вот в этих репрессиях присутствовал национальный мотив, – этого исключать нельзя. Но здесь, в работе, которую мы сегодня обсуждаем, это преподносится так, что всё это делала грузинская бюрократия в интересах грузинского государства и грузинской нации, что ничего общего с реальностью, с действительностью не имеет. Во-первых, вы поймите, дорогие друзья, что в 1937–1938 годах республики – это формальное название, существует один центр, и никаких прав, абсолютно. В конституцию загляните того периода. Даже раньше, в 20-х годах, хотя бы в конституции были какие-то права записаны, хотя они фиктивные были, а после 1936 года, после так называемой сталинской конституции, там вообще по конституции не было никаких прав, всё это из центра управлялось. И всё, что делалось, делалось в интересах советской империи, а не в интересах Грузии

и не в интересах грузинского народа. Это всё было направлено, наоборот, против Грузии и грузинского народа, против грузинской государственности, чтобы она больше никогда не восстановилась. И вот эти энкавэдэшники, которых вы выставяете большими националистами и патриотами, были самыми первыми врагами Грузии. Они за элементарное проявление свободной мысли, вот этой «картвелоба», о которой вы говорите, за это расстреливали людей, а вы их патриотами представляете нам. Эти руководители республик – партийные там, советские и так далее, – первыми врагами грузинской государственности были именно они, а, по-вашему, они националисты и думают о будущем Грузии, о восстановлении... Они об уничтожении Грузии думали, это было их задачей, это было задачей советского центра. Может быть, это было неправильно понято – я никого агентом не называю, у меня таких данных нет, я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть это, но факт остается фактом. Вы пишете, дорогие друзья, дорогие немецкие друзья... мы глубоко уважаем немецкий народ, немецкую культуру, которая оказала большое влияние на грузинскую культуру – мы говорим о том, что вы пишете то же самое, что писали в XIX веке империалисты, которые днем и ночью над уничтожением Грузии работали, чтобы она никогда больше не возродилась. Вы пишете о том, что писали в советское время, вы пишете о том, что сегодня делает путинская Россия в отношении Грузии, грузинского государства и грузинского народа. И вот сейчас вы – чьи агенты, чьи задания исполняете, я не знаю этого. Но вот это совпадение, это абсолютно точное совпадение, к сожалению большому. Вот об этом я говорю, и я вас, разумеется, ни в чём не обвиняю. Ну вот «латентный геноцид», ну, я не знаю, как вы могли до этого додуматься просто-напросто. Знаете, нас воспитывают и в школе, и везде, дома, в семье, что мы самые толерантные и так далее... Много разве таких стран, где евреев не преследовали? Вот одна из таких стран – это Грузия, это грузины, и, между прочим, евреи, уехавшие из Грузии, они это высоко ценят и грузинскую культуру распространяют, они сохраняют грузинские танцы, песни и так далее, там такие воскресные школы у них, они за это нам благодарны, а вы обвиняете нас в геноциде. Что вы, дорогие друзья? Что вы? Знаете, то, что вы делаете сегодня, вот этим вот... во-первых, здесь, насколько я понял, статистически это не доказано, не доказано. Но, между прочим, вы сами это чувствуете и часто говорите, что «это, наверно, так», «это, наверно, так», «это, наверно, так» – и вы при-

близительны, это вы точно не утверждаете, но всё же внушаете вот этим национальностям, которые живут в Грузии, что ваш главный враг – это грузины, которые хотели вас уничтожить. Тогда не успели, но завтра они тебя уничтожат, понимаете? То, что вы сделали, это не наука. Вот здесь говорилось о том, что нельзя с политикой смешивать. «Этнос и террор» – от начала до конца политика, политика, направленная против грузинского государства и грузинского народа. Вы откажитесь от этой политики и у вас всё получится даже очень нормально. От политики вам нужно отказываться. Как раз мы вас критикуем за то, что вы науку смешали с политикой, причём с политикой, обязательно направленной против Грузии, с политикой, которая ведётся в Кремле. Если вы этому не верите, давайте устроим отдельно на эту тему дискуссию – что у вас общего с Кремлем.

А. Даушвили: В Академии наук.

Д. Гамахария: В Академии наук. Пожалуйста, приходите, и мы вам по пунктам покажем, что там в XIX веке писали, что там в XX веке писали...

А. Даушвили: И сегодня пишут.

Д. Гамахария: И сегодня пишут. Положим на стол, и потом вы сравните с тем, что вы пишете. Это одно и то же, к сожалению. Вот это нас удивляет, поэтому мы вас и критикуем, и в какой-то мере даже обижены, потому что от вас мы этого не ожидали. Если бы это были из Москвы, всё ясно, но от немцев этого (*машет руками*) точно не ожидали.

О. Тушурашвили: Господин Юнге, вам слово, и этим закончим дискуссию.

М. Юнге: Вот я вообще очень рад. Я думаю, третий том будет, я скажу вам, почему. Потому что мы никогда не писали в этой книге, что этнические грузины уничтожали абхазцев или что-то подобное. Это во-первых. Во-вторых, мы нигде не пишем, что это было геноцидом. Если вы мне это можете показать, дайте.

Д. Гамахария: «Латентный геноцид», у вас был такой термин.

М. Юнге: Я никогда не опубликовал бы такую фразу в нашем сборнике.

О. Тушурашвили: Марк, можно, я вам прочту одно место. Вот в тексте «Грузия в пути» написано, что «этнические тенденции и даже черты геноцида» – прямо пишете вы.

М. Юнге: Это цитата. Я привожу другое мнение, чтобы показать, что в науке есть такая дискуссия.

О. Тушурашвили: Подождите, ещё...

М. Юнге (*прерывает*): Батоно Омар, будьте аккуратны, это наше мнение или мы цитируем там другое мнение?

О. Тушурашвили: Вот: «возможно, даже можно различить структуры геноцида».

М. Юнге: Это мы цитируем, что в науке есть такая дискуссия, но мы это отвергаем, мы сказали «нет, это чушь» в конце книги.

Д. Гамахария: В конце книги вы пишете, что грузинская нация должна распасться, об этом вы в конце книги пишете. И лучше быть гражданами, чем единой нацией, там «картвелоба» и так далее. Это что? Это не политика разве, направленная против Грузии и грузинского народа?

О. Тушурашвили: Хорошо, закончим на этом. Наверное, надо принять уже какое-то решение. Это была научная дискуссия. Извините, мы не учёные, но мы вас слушали и тоже какие-то свои выводы сделали. Мы вот с господином ректором, проректором немножко посоветовались и думаем, что, допустим, если мы напечатаем два тома, но не поместим в них главу «Этнос и террор» до того, как мы закончим статистические работы...

М. Юнге: Да, я согласен с вами. Статистику надо доработать.

О. Тушурашвили: Или продолжить работу до окончательной обработки статистики и затем всё вместе напечатать.

М. Юнге: Но я предлагаю первый и второй том опубликовать сейчас, а третий том – со всей дискуссией, – переработанный на основании нашей работы с Экой. Я переработаю текст, также будет включена вся эта дискуссия. Конечно, я согласен, что единодушия никогда не будет и не должно быть. Тогда мы эту дискуссию, как вот он предлагал (*указывает на Райснера*), и эту главу вместе опубликуем, и потом читатель сам решит [у кого более убедительные аргументы].

О. Райснер: И добавлю, что для историков это будет очень интересно – чтобы обучать методам работы с источниками.

О. Тушурашвили: Господин Клдиашвили, господин Даушвили, что вы предлагаете? По-моему, вообще отказаться от проекта будет неправильно. Те маленькие несогласия, которые есть в этих двух томах, давайте пройдем вместе, и два тома без третьего напечатаем.

А. Даушвили: А третий том рассмотрим в Академии наук.

Д. Канделаки: Извините, у меня один вопрос: а если не будет согласия, вы пока воздерживаетесь?

Н. Гелашвили: Согласия с какой стороны?

Д. Канделаки: С вашей стороны, с грузинской стороны. Печатаете ли вы два тома на этом этапе без «Этноса и террора» – или ждем согласия и тогда печатаем? Ведь это важно, об этом можно без конца дискутировать, не придти к согласию и, следовательно...

Н. Гелашвили: Я ещё раз повторяю: я не историк и не могу участвовать в полемике относительно того, правильно это или нет. Поэтому, если историки согласятся, проблемы нет, в противном случае я присоединюсь к мнению большинства в той части, в которой мы участвуем. А относительно того, что исследуется без нашего участия, – пожелаем удачи исследователям.

Д. Канделаки: Я уже сегодня чувствую, что эта та часть, в которой никогда не будет достигнуто согласие.

Г. Квдиашвили: Нет, что вы.

Д. Канделаки: Ну, что касается главы «Этнос и террор».

Л. Авалишвили: Выводы основываются на статистике. Если данные изменятся, изменятся и выводы. Что значит, не сможем согласиться?

Д. Канделаки: Нет, я задала конкретный вопрос: без него напечатается два тома или нет?

Н. Гелашвили: Как раз об этом и было сказано – там есть детали, согласуем их и в этом случае напечатает.

О. Тушурашвили: Если по поводу этих двух томов будет несогласие, как вы думаете, Марк?.. Например, господин Квдиашвили сказал, что в своей главе он не согласен...

М. Юнге (прерывает): Это будет между нами, мы – авторы, это вас не касается, если мы хотим это так публиковать, так опубликуем, всё.

Г. Квдиашвили: Полностью согласен. Это было нашей позицией. Конечно, тет-а-тет будем говорить о деталях, по которым у нас разногласия, и после этого, конечно, опубликуем. Глава, которая касается именно той темы, в которой мы соавторы. Об остальном как я могу рассуждать, публиковать или нет? Авторы должны это решать, конечно.

О. Тушурашвили: Я думаю, что сегодняшняя наша встреча завершена. Мы пришли к какому-то консенсусу, Марк, ведь правильно? Благодарю вас за участие. Выступления были немножко острыми, но ничего не поделаешь. Это потому, что эти вопросы для нас очень болезненны, так что вы не удивляйтесь. Это каса-

ется истории Грузии, это наша родина, так что это естественно. Может быть, то же самое будет, когда мы будем изучать историю Германии.

Перевод с грузинского: Тато Луарсабшвили

2. Государственное вмешательство против автономии науки

Бернд Бонвеч³: На рабочем круглом столе в Академии Министерства внутренних дел Грузии (Тбилиси, 12 декабря 2014 г., 10:00–14:00) присутствовали:

- три официальных представителя (ректор и проректор Академии МВД, директор Архива МВД);
- 12 исследователей из различных грузинских высших учебных заведений и гуманитарно-научных организаций, один из них (Д. Гамахария) – в то же время член абхазского правительства в изгнании;
- четыре сотрудника Архива МВД, участвующих в проекте;
- два немецких исследователя, представляющих общий проект (М. Юнге, Б. Бонвеч);
- четыре представителя Европейской Комиссии (О. Райснер) и различных НКО.

Дискуссия велась на грузинском (неожиданно все грузины, кроме одного, говорили именно на этом языке, – но у меня был хороший переводчик) и русском языках. Один представитель немецкой НКО (М. Клингенберг из Немецкой ассоциации народных университетов) использовал английский язык, но его выступление не переводилось. В центре обсуждения стоял вопрос о публикации книги «Большой террор в Грузии 1937–1938 гг.», ставшей результатом совместного грузино-германского исследовательского проекта, основанного главным образом на материалах документов из Архива Министерства внутренних дел Грузии.

В обсуждении приняли участие почти все присутствовавшие, некоторые из них выступали по несколько раз. Дискуссия, предваренная официальным вступительным словом, началась с резкой критики результатов проекта, тон которой задавали Вахтанг Гу-

рули, Зураб Папаскири, Джемал Гамахария и Александр Даушвили. Это была настоящая «проработка», острая, уничижительная, частично даже оскорбительная критика. Даже грузинские участники проекта – за одним примечательным исключением (Давид Джишқариани) – присоединились к критическим замечаниям и заявили, что не имеют отношения к результатам проекта (Дали Канделаки, Гиоргий Клдиашвили, Леван Авалашвили). Однако один из грузинских исследователей (Г. Анчабадзе, имеющий наполовину абхазское происхождение) занял заметно более умеренную позицию, в конечном счёте приняв цели, методы и результаты проекта. Ректор Академии МВД высказался скорее в пользу публикации из принципиальных соображений и упомянул, что в случае разногласий книга будет издана под именем ответственных авторов, давших своё разрешение. В том же духе, хотя более неуверенно и с критикой тезисов главы «Этнос и террор», выступил директор Архива МВД. Более открытую поддержку публикации выразили представители Европейской Комиссии и некоммерческих организаций, обратившие особое внимание на необходимость начала давно назревшей дискуссии в грузинском обществе. Представитель Фонда Руставели (М. Читашвили) была более сдержанна в своей критике и предложила отдать работу на рецензирование независимым исследователям и опубликовать в случае положительного отзыва – с оговоркой на подвергнутый осуждению 3-й том (раздел «Этнос и террор»).

Центральным объектом критики стали статистические данные о национальной принадлежности жертв репрессий и их якобы ненаучное использование немецкими авторами проекта. Критики обращали внимание на то, что статистика была частично неполна и частично ошибочно составлена, а немецкие авторы подвергнутой осуждению главы «Этнос и террор» применили к ней ненаучный и некритический подход и интерпретировали в духе российской пропаганды – изображая всех грузин злодеями, а всех жертв – ангелами. Главным образом критики подразумевали представление абхазов. По мнению критиков, в книге они были показаны как жертвы грузинской национальной политики, хотя в действительности они принимали активное участие в преследованиях и, по словам З. Папаскири, «всегда были и всегда останутся сепаратистами».

М. Юнге, Б. Бонвеч и упомянутый выше грузинский участник проекта Д. Джишқариани защитили основные тезисы и результаты проекта, признав проблемы с частью статистики о национальной

принадлежности, но отметив также, что эти проблемы будут тщательно проанализированы в дальнейшем с помощью грузинских архивистов и что статистические данные будут использованы с применением надежного научного метода. Указав на то, что преследования действительно имели особенности, приведшие к неравномерному преследованию представителей национальных меньшинств, они категорически отвергли замечание некоторых критиков о том, что авторы рассматривают кампанию преследований в Грузии 1937–1938 гг. как «геноцид» определённых меньшинств, и подчеркнули, что в рукописи утверждается прямо противоположное. Не являющийся автором книги Гиоргий Анчабадзе, выступив в более обобщающей манере и проиллюстрировав собственные аргументы указанием на судьбу своей семьи, также фактически поддержал цели и методы проекта.

В конечном итоге все участники дискуссии согласились с предложением ректора Академии и других присутствовавших о немедленной публикации первых двух томов без всякой «цензуры» и о публикации третьего тома (включающего раздел «Этнос и террор» вместе с критическими отзывами и ответными репликами авторов) после детального анализа проблемы статистики, особенно в отношении национальной принадлежности жертв, с использованием соответствующих материалов Архива МВД. В качестве примерного срока для выполнения этой дополнительной работы была названа середина 2015 года.

В случае дальнейших серьёзных разногласий между авторами и участниками проекта третий том будет опубликован, но не под покровительством германо-грузинского совместного проекта, а под именем авторов и с указанием их особой ответственности за содержание тома.

Перевод с английского: Даниил Бордюгов

3. Условная нейтральность

О. Тушурашвили⁴: Настоящая публикация, которую мы предлагаем вниманию читателей, посвящена одной из самых трагических глав истории Грузии. Речь идёт о массовых сталинских репрессиях 1937–1938 гг. Эта книга стала результатом совмест-

ного грузино-немецкого исследовательского проекта. Самую активную поддержку осуществлению проекта оказал Архив Министерства внутренних дел Республики Грузия. При этом архив никоим образом не ограничивал свободу историков и не пытался влиять на содержание, структуру, методы и результаты их работы. Руководство архива неуклонно стремится достичь максимально возможной открытости своих фондов, что сделало ненужным какие-либо особые привилегии для участников проекта. Последовательно и безоговорочно в стенах архива осуществляется разрыв с советской догмой, согласно которой история является лишь выражением политики, а историк – идеологическим слугой государства.

В этих условиях грузинские и немецкие учёные получили уникальную возможность изучать историю Грузии 1930-х годов, невзирая на любые общественно-политические табу.

Полученные результаты являются необходимым шагом на пути критического осмысления советской истории в целом. Также трудно переоценить их важность в деле самокритического обращения с историей Грузии. Грузинские и немецкие историки, принимавшие участие в проекте, отнюдь не настаивают на том, что они являются обладателями монопольной правды о случившемся. В первую очередь они рассматривают проделанную работу как основу для дальнейшей дискуссии и диалога.

Выводы, полученные в результате исследования, не всегда выражают точку зрения сотрудников архива. Напротив, целый ряд заключений, к которым приходят авторы отдельных глав, являются прямой противоположностью мнениям нашего коллектива и грузинских историков. Несмотря на это, коллектив архива считает проделанную работу первым шагом на пути изучения сложной, многосторонней и интересной истории недавнего прошлого – Советской Грузии.

Таким образом, выводы, сделанные в публикации, не обязательно совпадают со взглядами всех её авторов и издателей. Тем не менее все они без исключения надеются, что сумели продемонстрировать образец непредвзятого и открытого обращения с историей. В условиях новой геополитической ориентации Грузии такой подход актуален, как никогда прежде.

М. Юнге: *Первоначально предусматривалось опубликовать совместно с Архивом МВД Грузии как русское, так и немецкое издание книги «Большевицкий порядок в Грузии». Чтобы подчеркнуть нейтралитет архива, планировалось предварять эти*

публикации напутственным словом директора архива Омара Тушурашвили. Однако сегодня совместно с архивом публикуется только грузинское издание книги, включая вступительное слово О. Тушурашвили. По настоянию архива, в очевидном противоречии с принципами, провозглашенными выше его директором, из грузинского издания книги были изъяты глава «Этнос и террор», дискуссия вокруг этой главы и глоссарий.

Перевод с немецкого: Андрей Савин

4. Импульс к дальнейшему изучению этнического фактора репрессий

Академия Министерства внутренних дел Грузии (Академия МВД Грузии)⁵: Предыстория: Корреспонденцией историка Рурского университета в Бохуме Марка Юнге на имя министра внутренних дел от 14 августа 2009 года была инициирована идея осуществления немецко-грузинского совместного проекта, отражающего массовые репрессии, осуществленные в советской Грузии в 1937–1938 годах.

В соответствии с проектом планировалось издание сборника, основанного на хранящихся в Архиве МВД материалах (протоколы *тройки* за 1937–1938 годы, уголовные дела осужденных *тройкой* и дополнительные материалы о репрессированных в 1937–1938 годах), который должен был состоять из вступительной главы, преамбул к каждой главе, документов с краткими комментариями, предметного указателя и примечаний. Функцией и обязанностью Архива было определено оказание помощи исследователям в процессе поиска архивных документов.

Редколлегия была определена в составе Омара Тушурашвили, Бернда Бонвеча, Марка Юнге, Дали Канделаки, Давида Джискариани и Оливера Райснера.

Активная работа над проектом (название «Большевистский порядок») началась после рабочей встречи, состоявшейся в Тбилиском государственном университете им. Ив. Джавахишвили 4 марта 2011 года.

При содействии сотрудников Архива МВД за прошедший период, включая 2014 год, Марк Юнге собрал интересующие его

материалы и системно обобщил их в виде отдельных глав, с которыми, с целью перевода на грузинский язык, параллельно знакомил членов специально созданной в архиве рабочей группы».

Марк Юнге, Бернд Бонвеч: *При запланированном совместном составлении сборника материалов не было заключено договоренности о конкретных комплексах документов. Указанные Академией МВД Грузии материалы являлись лишь ориентировочным списком документов, которые должны были быть использованы при любых обстоятельствах. Целью всегда оставалось создание на документальной базе максимально широкой картины реализации массовых репрессий в Грузии. Редакционная коллегия не формировалась. Решение о том, какие именно документы будут включены в сборник, принималось исключительно научными руководителями проекта (Марком Юнге и Берндом Бонвечем). Это объясняется тем, что выбор должен был проходить исключительно по научным критериям, без влияния государственной организации. Работники Архива, однако, с большим энтузиазмом приняли участие в поиске документов, в особенности директор Архива Академии МВД Грузии Омар Тушурашвили.*

Изначально анализ документов должен был являться составной частью сборника материалов. По причине объема научных исследований, которые в процессе архивной работы развились в обширный труд, было принято решение опубликовать их в виде отдельного тома, чему также способствовало количество релевантных документов, не вписывавшееся в первично выбранный формат.

Помимо участия в поиске необходимых документов, Архив принял на себя обязательство предоставить на базе данных, имеющихся в собственности Архива, необходимые статистические материалы по массовым репрессиям. В данном случае конкретное содержание также не оговаривалось.

Академия МВД Грузии: Коррекция имеющихся неточностей, выявленных в процессе работы, и договоренность об амбивалентных интерпретациях осуществлялась в ординарном, текущем режиме. Однако как среди сотрудников Архива, так и в целом в кругах грузинских историков особый разгар страстей вызвала глава «Этнос и террор», неожиданно представленная на завершающем этапе работы, которая вообще не была предусмотрена в первичном очертании проекта, а приведённые в ней аналитические выводы были основаны на экстраполяции неполных, неточных и абсолютно не пригодных для такого типа обработки статистических материалов.

Марк Юнге, Бернд Бонвеч: Складывается впечатление, что коллектив авторов без разрешения Архива «протащил» определённые главы в том с анализом материалов. В действительности, как уже отмечалось выше, из соображений исследовательской этики Архив ни на одном этапе не участвовал в принятии решения о выборе конкретных предметов исследования и конкретных материалов для рассмотрения. Авторы имели право свободно определять, какими темами они будут заниматься в рамках изучения массовых репрессий. Статьи взаимно просматривались и рецензировались только членами авторского коллектива. При этом каждый задействованный автор имел возможность устанавливать, как его текст будет выглядеть в конечной редакции.

Первая версия тома документов и глав аналитического тома, включая введение, написанное Марком Юнге, Берндом Бонвечем и Оливером Райснером, были представлены Архиву на русском языке для перевода на грузинский. После этого Архив, без всякой договоренности с научными руководителями проекта, передал как том с документами, так и том с их анализом внешним грузинским экспертам (см. выше). Все без исключения выбранные Архивом эксперты сочли издание книг невозможным. Другие эксперты, впоследствии привлеченные научными руководителями проекта для сохранения баланса, напротив, высказались в пользу публикации. Несмотря на это, отзывы экспертов привели к задокументированному выше масштабному процессу переработки введения, и в особенности главы «Этнос и террор», а также к дискуссии о фундаментальных вопросах научной этики. Критика главы «Этнос и террор», к которой следовало отнести особенно серьёзно, пришла, впрочем, не со стороны рецензентов, а со стороны самого Архива. Архив признал, что в документах (протоколах тройки) для большого числа лиц (в общей сложности порядка 40–45 %) не была эксплицитно указана национальность. В упомянутых случаях Архив затем самостоятельно определил национальность и внес её в базу данных, применив, однако, несистематическую и непрозрачную систему критериев и никак не отметив, что эта информация была добавлена Архивом. Таким образом, были получены статистические данные, которые в 90 % случаев включали информацию о национальности репрессированных лиц и на материале которых авторы главы «Этнос и террор» выстраивали свою аргументацию.

Академия МВД Грузии: Исходя из вышеизложенного, совместно с г-ном Марком Юнге были выработаны принципы

корректировки и структура анализируемых данных, составлен соответствующий план-график, модифицирована база данных, и в соответствии с новыми статусами была начата ревизия и переработка каждой поименной записи.

Это, в свою очередь, вызвало развал единства книги и необходимость изменения логической линии, развитой в публикации.

М. Юнге, Б. Бонвеч: *На основании оригинальных документов Марком Юнге совместно с Архивом было перепроверено приписывание национальности для всех этнических меньшинств Грузии, поскольку в главе «Этнос и террор» они находились в центре рассмотрения. Проверка около 13 тысяч этнических грузин была проведена только выборочно, поскольку не являлась предметом исследования. При этом, однако, было установлено, что Архив зарегистрировал большое количество лиц, которые в документах эксплицитно названы «аджарцами», просто как «грузин». Поэтому в конечном итоге аджарцы, представлявшие собой группу, которая, очевидно, также рассматривалась осуществлявшими репрессии госслужащими как меньшинство, не могли учитываться в главе «Этнос и террор» в достаточной мере. Это нарушило бы временные рамки проекта.*

Академия МВД Грузии: Поэтому, в виде компромиссного варианта, была предложена идея разделения публикации на 3 части и их поэтапного издания. Хотя это и было связано с рядом неудобств, в частности, параллельно с уточнением базы данных и представленной новой картины следовало полностью переработать главу «Этнос и террор».

Однако упомянутая глава имела прямую связь как со статистической частью, приложенной к первому тому (напр.: таблицы № 34–42 во втором томе настоящего издания, в которых были приведены показатели удельного веса репрессированных по отдельным этносам), так и с теми разными историческими документами, приведёнными во втором томе и служащими основой фактов, приведённых в «Этносе и терроре».

Таким образом, получалось, что вместе с упомянутой главой из труда следовало бы удалить все подобные материалы. Соответственно, предметом совместного рассмотрения и оценки стал вопрос о возможности публикации I и II томов книги без упомянутых частей так, чтобы не нанести вреда его научному весу и исследовательской ценности; ответа требовал вопрос – как следовало напечатать сокращенный вариант труда – частями или только целиком, в окончательно переработанном и согласованном виде.

В результате в отношении рамок и направления развития проекта было установлено, что в случае учёта имеющихся замечаний дальнейшее продолжение работы имело смысл после ознакомления всех сторон с его переработанным вариантом, в связи с чем становилось необходимым предварительное проведение ряда мероприятий, в частности:

переработки приложенных к первому тому таблиц на основе уточненных статистических данных (таблицы № 34–42 во втором томе настоящего издания);

обновления и новой интерпретации исторических документов, использованных во втором томе, в соответствии с уточненными статистическими данными;

переработки главы «Этнос и террор» в соответствии со вновь выявленными обстоятельствами и данными.

Вместе с тем Архиву МВД следовало осуществить модернизацию имеющегося программного обеспечения, что позволило бы применить точные и вероятные критерии, определяющие национальность, и провести сортировку и градацию контингента репрессированных по разным признакам (напр.: политическому, криминальному и т. д.).

М. Юнге, Б. Бонвеч: *Никакой договоренности о том, что книги могут быть опубликованы только после «согласования» с Архивом, не существовало. Соглашение такого рода противоречит нашему убеждению, в соответствии с которым исследовательская этика не допускает участия государственных институтов в подобном содержательном решении.*

Академия МВД Грузии: В итоге, после завершения всех вышеупомянутых работ и пересылки материала рецензентам для ознакомления, с целью обеспечения плюрализма, транспарентности, а также соблюдения принципов свободы слова и высказываний, в разумных сроках стала бы возможной организация круглого стола с участием всех сторон, во время которого соответствующие учёные суммировали бы результаты исследований, имеющиеся к тому моменту, и было бы принято окончательное решение о целесообразности издания труда в том или ином виде.

М. Юнге, Б. Бонвеч: *Отправку переработанных томов рецензентам и связанное с ней решение о судьбе всей работы мы категорически отвергаем. Мы рассматриваем это как цензуру со стороны государственного учреждения в старом советском стиле, направленную против свободы науки и точки зрения автора.*

Академия МВД Грузии: Рабочая встреча: «12 декабря 2014 года в Академии МВД состоялась встреча учёных-историков академических кругов Грузии и представителей Архива МВД с авторами публикации и приглашенными ими зарубежными учеными (немецкая сторона), целью которой было рассмотрение и сопоставление предпоследнего варианта публикации, подготовленного после переработки, в соответствии со вновь выявленными фактическими материалами, и принятие окончательного решения о целесообразности последующего издания труда.

Следует подчеркнуть, что, исходя из неоднократно заявленных принципов транспарентности и прозрачности и с целью обеспечения плюрализма, толерантности и максимальной объективности, комплектация рабочей группы учеными соответствующей квалификации осуществлена обеими сторонами совместно, без каких-либо ограничений и цензуры; при этом для обеспечения максимальной эффективности и плодотворности процесса основная часть рассуждений была фокусирована только на рассматриваемом вопросе.

Дискуссия развернулась на фоне острых критических выступлений, и мнения присутствующих разделились на несколько неравных частей.

Наиболее радикально настроенными и при этом в большинстве оказались представители классической школы грузинских историков (Вахтанг Гурули, Зураб Папаскири, Джемал Гамахария, Александр Даушвили, Леван Джикия), которые считали, что авторы без представления каких-либо фактических или логически обоснованных доказательств определили сталинские репрессии по национальному признаку и дали им квалификацию геноцида, в связи с чем исследование носит тенденциозный характер и представляет пропагандистскую интерпретацию.

Вторая группа историков (Гиоргий Клдиашвили, Леван Авалишвили, Дали Канделаки) в основном присоединилась к пафосу критической оценки и не приняла результаты исследования, хотя в то же время выступившие отметили принципиальную возможность издания I и II томов, но при условии учёта замечаний, высказанных грузинской стороной, особенно соавторами каждой главы (которыми сами и были); а III том и суждения, основанные на приведённых в нем цифровых характеристиках, исходя из вновь выявленных статистических неточностей, требуют полной переработки, что может до такой степени изменить логику в соответствии с характером и границами коррекций, что целесообразность его издания может вообще стать под вопросом.

Сравнительно нейтральную позицию заняли грузинские историки Георгий Анчабадзе и Давид Джишкариани, которые разделяли цели проекта и методологию его осуществления, хотя не отрицали возможность определённой ревизии результатов (особенно связанных со статистикой).

Промежуточную позицию заняли представители неправительственных организаций (Манана Читашвили – Общество им. Руставели, Ираклий Хвадагиани – Лаборатория исследований советского прошлого), которые не предоставили детальную аргументацию и ограничились общими тезисами о необходимости общественного диспута по тематике публикации.

Авторы проекта (Бернд Бонвеч, Марк Юнге) хотя и признали, что осуществленные в Грузинской ССР репрессии, в соответствии с их заключениями, в ряде случаев имели национальный окрас, вместе с тем отрицали высказывания критиков о том, что якобы имел место геноцид по отношению к некоторым этносам. Они указали, что в заключительной части монографии сформулирован совершенно противоположный вывод.

Хотя, со своей стороны, немецкая сторона высказала полное согласие с необходимостью качественно новой переработки количественных характеристик репрессированных, поскольку и раньше г-н Марк Юнге был детально осведомлен сотрудниками Архива в связи с этим, и при его непосредственном участии уже идёт процесс пересмотра данных, что подразумевает исправление и учёт указанных в протоколах заседания *тройки* неполных или неточных реквизитов (например: предположительное определение национальности по звучанию фамилии, места действия или рождения), установление границ возможных и допустимых погрешностей, определение долевых соотношений предполагаемых и формальных данных, чёткое разделение статусов криминальной и политической репрессий и проведение ряда учётных мероприятий подобного типа. Вместе с тем было отмечено, что, исходя из большого объёма проведённой работы, с целью её оперативного завершения было бы целесообразным привлечение дополнительных человеческих ресурсов, в том числе с помощью Фонда Фольксвагена, и совместного финансирования.

Итоги рабочей встречи подвели ректор Академии МВД (Нукри Гелашвили) и директор Архива (Омар Тушурашвили), которые ещё раз подтвердили верность грузинской стороны принципам открытости, публичности и прозрачности. Они в то же время подчеркнули, что в случае разделения замечаний всеми сторонами,

особенно соображений авторов отдельных глав, и выработки окончательного согласованного варианта монографии имеется принципиальная готовность и желание успешного завершения проекта и издания указанных томов труда.

Что касается третьего тома труда “Этнос и террор”, решение о целесообразности его публикации будет принято только после полного пересмотра и новой подготовки базы статистических данных, подлежащих анализу; по итогам указанного процесса авторами должна быть пересмотрена логика суждений, основанная на них, окончательный вариант должен быть представлен редакционной коллегии и членам указанного рабочего стола».

М. Юнге, Б. Бонвеч: *Немалой проблемой являлось то, что совершенно неожиданно для немецких участников дискуссия в рамках круглого стола, за некоторыми исключениями, проходила на грузинском языке без синхронного перевода. Перевод осуществлялся лишь частично, в обобщающей манере. Это относится даже к принятым решениям. Приведённое решение не соответствует нашему воспоминанию.*

За несколько месяцев, прошедших после рабочего стола 12 декабря 2014 года, все тома были нами переработаны и затем переданы в Архив для публикации; при этом нами было ясно объявлено, что по указанным причинам мы и впредь считаем недопустимой их отправку рецензентам.

В течение семи недель сотрудники Архива проверяли переработанные тома. В ходе проверки у них возникли некоторые дополнительные вопросы, на которые мы дали чёткие ответы. В апреле 2015 года серьёзная критика со стороны Архива высказывалась лишь в отношении третьего тома, посвящённого проблеме «Этноса и террора». Нам повторно сделали упрек в том, что наша статистика, т. е. цифры, на основании которых выстроена наша аргументация, являются ошибочными. В центре критики находилась фактически только одна таблица, в которой приводятся данные о национальности репрессированных (см. таблицу № 34 во втором томе настоящего издания).

В этой связи мы хотели бы пояснить, что наша таблица построена на основании данных от марта 2015 года. Методика была следующая: мы использовали статистические данные, которые были проверены нами вместе с Архивом. В тех случаях, когда у нас были разногласия с Архивом, мы специально составили отдельные таблицы, где чётко и недвусмысленно указывается, почему мы не пришли к согласию (см. таблицы № 34а и 34б во

втором томе настоящего издания). В тексте, предваряющем указанные таблицы, мы привели подробное дополнительное объяснение причин нашего разногласия.

Неожиданно Архив отправил нам свою таблицу, составленную по аналогии с нашей таблицей № 34 во втором томе настоящего издания, где приводятся альтернативные данные о национальности репрессированных. В своём письме Архив указывает, что приведённые нами цифры подверглись существенному исправлению, и эта новая таблица наглядно демонстрирует, что наши выводы якобы не являются корректными.

Для того чтобы показать, в какой степени эта новая таблица является аутентичной, проанализируем в качестве примера только одну её рубрику, а именно ту, в которой приведены данные об абхазах.

В декабре 2014 г. совместно с Архивом мы ещё раз уточнили национальность всех людей, которые в базе данных Архива МВД фигурировали как абхазы. Это было сделано на основании протоколов тройки, то есть на основании оригинальных документов. После согласования с Архивом осталось 517 абхазов. В спорных случаях – речь идёт о 37 репрессированных, которых мы также, в отличие от Архива, идентифицировали как абхазов – мы внесли данные об этих лицах в таблицу № 34а (см. во втором томе настоящего издания). Эту таблицу мы создали, чтобы читателям и Архиву было ясно, какими критериями мы руководствовались при отнесении этих людей к абхазам. Таким образом, мы стремились избежать обвинения в тенденциозности наших цифр. Наши критерии мы согласовали также с лингвистами и с другими историками, о чём мы чётко и ясно пишем во введении к таблицам.

В результате мы указали в таблице № 34 во втором томе настоящего издания цифру – 554 абхаза (517+37).

В апреле 2015 г. ситуация была такова: Архив вдруг нашёл среди уже согласованных с ним 517 абхазов 26 «вероятных» ошибок.

В конечном итоге Архив в своей таблице указывает 491 (517–26) абхаза, в то время как в нашей таблице, напомним, речь идёт о 554 абхазах.

Таким образом, в процентном соотношении разница между таблицами составляет 11 %. Конечно, это весьма существенная разница, которую, без сомнения, стоило бы принять во внимание, если бы не были следующие проблемы с таблицей Архива.

Во-первых, Архив, в отличие от нас, изменил в базе данных национальность этих людей, не согласовывая своё решение с нами.

Во-вторых, Архив не указывает критерии и причины, в соответствии с которыми он изменил первоначально установленную национальность. Для этих 26 человек не была создана отдельная таблица такого же рода, как наши таблицы № 34а, 34б во втором томе настоящего издания.

В-третьих, отсутствуют какие-либо другие объяснения (лингвистов, историков и т. п.), почему из числа репрессированных абхазов исчезли эти 26 человек.

В-четвертых, архив никак не отреагировал на нашу таблицу 34а во втором томе настоящего издания, т. е. на нашу переквалификацию 37 человек.

Некоторые рубрики «архивной» таблицы («В», «С», «Н») нам никак не объяснили.

Точно так же Архив действовал в отношении данных по осетинам и другим национальностям. Так, новые данные о турках и тюрках, в отличие от нашей таблицы и введения, не являются ясными и понятными.

В общем и целом это касается также всех других данных, приведённых Архивом в указанной таблице. Из этого следует, что все обвинения в несерьёзности и тенденциозности наших цифр и наших выводов, которые выдвигаются на основе таблицы Архива, являются необоснованными.

По этой причине мы приняли решение осуществить немедленную публикацию здесь главы «Этнос и террор», чтобы научная дискуссия по спорным вопросам продолжалась, а научное сообщество не только Грузии имело возможность помочь всем нам справиться с этими сложными вопросами методики, оценки и интерпретации. В таком случае читатель сможет самостоятельно определить, чьи аргументы являются более убедительными. Мы, конечно же, ни в коем случае не претендуем на «монопольную правду». Это касается не только содержания, но и нашего методологического подхода к материалу, и даже нашего отношения к науке. Наше исследование мы расцениваем лишь как начало дискуссии, как импульс к дальнейшему изучению проблемы. Наша цель состоит в том, чтобы с помощью этой книги начать откровенную дискуссию о значении этнического фактора в Большом терроре в Грузии и открыто показать, какие мнения и точки зрения существуют, на основании соответствующих

щих источников. Так, в главе «Дискуссия» мы излагаем не только нашу точку зрения, но и очень подробно – точку зрения наших оппонентов.

Перевод с немецкого: Даниил Бордюгов и Андрей Савин

Перевод с грузинского: Тато Луарсабшвили

5. Идеологические злоупотребления против свободы науки

Н. Гелашвили, О. Тушурашвили⁶: Уважаемые господа, считаю своим долгом проинформировать вас, что при поддержке Фонда Фольксвагена и на основании меморандума от 9 декабря 2011 года между Архивом Министерства внутренних дел Грузии и Рурским университетом в Бохуме было официально заключено и вступило в силу соглашение о сотрудничестве. Согласно этому соглашению, при участии представителя департамента восточно-европейских исследований Рурского университета в Бохуме историка Марка Юнге и под руководством Бернда Бонвеча должен был быть осуществлен совместный грузинско-германский проект по описанию массовых репрессий в Грузии в 1937–1938 годах.

Этот проект поступательно осуществлялся в течение четырёх лет, и его конечной целью было издание монографии идентичного формата и содержания на трёх языках (грузинском, русском и немецком).

Однако на последнем этапе проекта возникли разногласия из-за неожиданно представленного раздела «Этнос и террор»: его не было в черновом варианте проекта, и, кроме того, аналитические выводы этого раздела были основаны на экстраполяции недостаточных и некорректных статистических данных, совершенно бесполезных для подобного исследования.

В качестве компромиссного решения была предложена идея разбить публикацию на три части и опубликовать их по отдельности, то есть издать сначала первые два тома, а затем, после переработки, – третий, спорный, том.

Германские партнеры сочли эту идею абсолютно приемлемой, что было подтверждено письменным согласием от 22 апреля 2015

года, достигнутым в результате официальной переписки (см. Приложение).

В итоге была подготовлена окончательная согласованная версия текста первого и второго томов на русском языке, которая должна была быть аутентично переведена и издана на немецком и грузинском языках. Одновременно велась работа по согласованию планов презентаций.

Грузинская сторона полностью выполнила свои обязательства и предприняла необходимые административные усилия, чтобы издать книгу в согласованном виде (тираж 750 экз.).

Однако неожиданно мы получили известие о том, что русская и немецкая версии издания, в измененном виде и без нашего согласия, уже опубликованы и представлены российской и германской публике, что не только противоречит моральным, этическим и коллегиальным нормам, но и является нарушением многократно согласованных формальных и юридических обязательств (некоторые документы прилагаются), а конкретно:

1. Нарушено официально принятое в письменном виде решение обеих сторон о публикации окончательно согласованного текста книги на трёх языках тремя идентичными изданиями.

2. Предположительно нарушен пункт 4.5 соглашения, подписанного 9 декабря 2011 года, согласно которому ни одна из сторон не имеет права использовать их имена и названия без согласия другой стороны.

Примечание: Слово «предположительно» здесь использовано на том основании, что, как ни странно это покажется, нам до сих пор не предоставили возможность ознакомиться с печатной копией или электронной версией книги, изданной «в нашем соавторстве». Это при том, что на обложке книги, представленной на веб-сайте, где размещены презентационные материалы, явно видны регалии Омара Тушурашвили – сразу за именами Марка Юнге и Бернда Бонвеча (<http://www.degruyter.com/view/product/449687>).

3. В результате одностороннего и несогласованного решения германской стороны вызвавший наибольшие разногласия раздел «Этнос и террор» был включен в монографию в таком виде, что вся контраргументация грузинских учёных и продолжающаяся письменная дискуссия между соавторами по этому вопросу остались без внимания, что рождает сомнения относительно «умышленной пристрастности».

Таким образом, в результате вышеупомянутого вопиющего факта, на этом этапе проекта Архив Министерства внутренних дел Грузии не может быть представлен как соавтор публикации, так как её содержание без нашего согласия оказалось изменено и представлено в ложном свете. Мы утверждаем, что факты, события и анализ, содержащиеся в монографии, представляют собой точку зрения и трактовку немецких авторов и не имеют ничего общего с материалами, хранящимися в Архиве Министерства внутренних дел Грузии. И, следовательно, их подлинность уже не может быть подтверждена грузинской стороной.

Кроме того, после такого неожиданного, недружественного и совершенно непонятного поведения германской стороны мы не видим больше возможностей для продолжения второй части научного исследования «Большая чистка социально опасных элементов на Кавказе (Азербайджан, Армения, Грузия) в рамках милицейских троек – 1934–1938 гг. Сборник документов». Поэтому от лица Академии Министерства внутренних дел Грузии мы официально заявляем, что на данном этапе считаем невозможным продолжение любых партнерских отношений с германской стороной и что до получения официальной реакции на вышеупомянутый факт вся дальнейшая деятельность будет приостановлена. Кроме того, я хочу воспользоваться возможностью и ещё раз выразить Вам своё уважение⁷.

М. Юнге, Б. Бонвеч: *Многоуважаемый г-н ректор, несколько дней назад Вы получили письмо ректора Академии Министерства внутренних дел и директора Архива Министерства внутренних дел Грузии, в котором против нас как руководителей и участников совместного германо-грузинского проекта выдвигаются тяжёлые обвинения. Проект базируется в Рурском университете в Бохуме и осуществляется при содействии Фонда Фольксвагена.*

В письме от 12.10.2015 утверждается, что Архиву Министерства внутренних дел с немецкой стороны предъявляются неадекватные содержательные элементы и интерпретации материала, предоставленного в его распоряжение. Глава, о которой идёт речь, «Этнос и террор», с одной стороны, не была предусмотрена в согласованном содержании проекта, а с другой – интерпретации основывались на недостаточной и некорректной источниковедческой базе, которая не допускала предпринятые интерпретации. Кроме того, германская сторона использовала без предварительного соглашения имя директора архива Омара Тушурашвили в немецкой публикации.

Мы хотели бы позволить себе охарактеризовать общую ситуацию и с нашей точки зрения. Действительно, после многих лет сотрудничества с архивом, неотягощенного какими бы то ни было проблемами и очень плодотворного, возникли серьезные сложности, причём в тот момент, когда нами были представлены в письменной форме результаты наших исследований. В общем и целом речь шла о главе «Этнос и террор», предусмотренной для совместной публикации. Здесь ставится вопрос о том, имел ли Большой террор сталинского времени в Грузии наряду с социальными и политическими причинами также этнические или даже свойственные геноциду черты. Наш категорический итог заключается в том, что упоминавшиеся массовые преследования в Грузии не имели черт, присущих геноциду, но давали себя знать статистически постижимые тенденции этнической гомогенизации в интересах усиления титульной нации (грузин), а также дискриминации и приучения к дисциплине различных этнических меньшинств.

Эти выводы вызвали в Архиве грузинского Министерства внутренних дел бурную дискуссию, увенчавшуюся сформулированным в письменном виде обвинением авторов в намерении нанести ущерб Грузии, а также в том, что они подвергают опасности сосуществование народов в многонациональной республике. Кроме того, авторов характеризуют как агентов Кремля, их аргументацию сравнивали с национал-большевистскими лозунгами таких приверженцев и пропагандистов русского шовинизма, как политики и философы А.Г. Дугин, В.В. Жириновский и А.В. Митрофанов⁸. Архив заказал без нашего ведома письменное заключение специально отобранных грузинских историков из Академии наук Грузии и из Университета им. Св. Андрея Первозванного в Тбилиси. Они выдали авторам свидетельство в полной незнании грузинской истории и в приверженности к неофашистским идеям.⁹ Публикация главы «Этнос и террор» была категорически отвергнута. Затем, чтобы соблюсти баланс, с германской стороны равным образом были запрошены рецензии от грузинского и американского специалистов. Все они, со своей стороны, порекомендовали публикацию главы.

Дискуссия затянулась более чем на год. 12 декабря 2014 г. Академия Министерства внутренних дел, которой подчинен архив, организовала, наконец, круглый стол, в котором приняли участие все стороны. После в высшей степени резкой дискуссии ректор академии в категорической форме подвел итог, заявив,

что в случае несогласия между партнёрами по проекту германской стороне предоставляется возможность опубликовать результаты без упоминания Архива Министерства внутренних дел. Цензура не должна была допускаться. С германской стороны уже в интересах научной корректности последовало согласие в сотрудничестве с Архивом ещё раз проверить и при определённых условиях исправить статистические данные, на основе которых строится её интерпретация. Это произошло во время специального пребывания д-ра Юнге в архиве, даже если оно и не привело к существенному изменению результатов. Обвинение в недостаточно тщательном использовании и интерпретации источников необоснованно. Совсем наоборот, мы сделали достоянием гласности все основы нашей интерпретации.

Наконец, мы как научные руководители проекта приняли следующее решение и воплотили его в жизнь: в тесном сотрудничестве с архивом и посредством совместного редактирования на грузинском языке вышла двухтомная книга под названием «Большевистский порядок в Грузии», из которой была изъята глава «Этнос и террор».

Независимо от этого нами под нашим именем была издана на грузинском языке планировавшаяся прежде в качестве возможного совместного «3-го тома» часть в виде самостоятельной книги под названием «Этнос и террор», так как у нас создалось впечатление, что в результате всё новых возражений содержание издания должно измениться принципиальным образом. В опубликованной нами книге дополнительно к оспариваемой главе на 150 страницах была целиком напечатана дискуссия об инкриминированной главе. С нашей точки зрения, именно эта документация особенно важна для исследования истории «советской Грузии» и, может быть, также для развития грузинского гражданского общества. Во всяком случае, таким образом читатель может создать собственное суждение о лучших аргументах.

В заключение мы хотели бы ради ясности остановиться конкретно на двух обвинениях со стороны Академии и Архива.

1. Германская сторона не злоупотребляла названием Архива или именем его директора ни в одном из вышедших изданий. Хотя книги, вышедшие параллельно в Москве и Германии под названием «Большевистский порядок в Грузии», и содержат по-прежнему, в противоположность грузинскому изданию, вызвавшую спор главу «Этнос и террор» и дискуссию, Архив не назван в качестве соиздателя. Правда, в интернете из-за ошибки изда-

тельства *De Gruyter* ещё можно было найти старую обложку, в которой в качестве издателя назван Архив. Удаление текста последовало 2 ноября 2015 г.

2. *Соглашение обеих сторон о главе или содержании резюмирующей и интерпретирующей части проекта публикации или печать только текстов, одобренных обеими сторонами, не было заключено ни в письменной, ни хотя бы в устной форме. Это противоречит всем принципам свободы науки и, кроме того, нарушает обязательство опубликовать результаты исследовательского проекта, осуществлявшегося при государственной поддержке.*

А. Шольмерих: Уважаемый г-н Гелашвили, уважаемый г-н Тушурашвили. Большое спасибо за ваше письмо [...] относительно соглашения о сотрудничестве от 9 декабря 2011 г. между Академией МВД Грузии и Рурским университетом в Бохуме в рамках исследовательского проекта «Сталинские массовые репрессии в Грузии. 1937–1938. Перспектива кавказской периферии», осуществляемого при финансовой поддержке Фонда Фольксвагена.

Мы самым внимательным образом рассмотрели ваше письмо, а также всесторонне изучили и обсудили обвинения, выдвинутые против двух упомянутых в нем сотрудников Рурского университета, проф. Бонвеча и д-ра Юнге, причём как с самими исследователями, так и с Федеральным министерством образования Германии и Фондом Фольксвагена.

Налицо явно противоположные трактовки результатов научного исследования, и совершенно очевидно, что эти конфликтующие трактовки не могут быть сведены воедино в одной книге под совместной редакцией обеих сторон. Однако свобода научной мысли и высказывания составляет непреложное фундаментальное право всех учёных в Германии, что гарантировано конституцией ФРГ, и для нас это особенно важно ввиду тех идеологических злоупотреблений и подавления академических свобод, а также инструментализации науки, которые мы пережили в своей истории.

Будучи жизненной необходимостью, разногласия во мнениях и споры должны быть частью научной жизни, особенно в гуманитарных науках. Я уверен, что дискуссия между историками по поводу интерпретации сталинских массовых репрессий в Грузии продолжится, и мы должны относиться к ней – как и в случае со многими другими историческими темами – как к теме, которая требует дальнейшего изучения и осмысления, и здесь возможен конфликт интересов.

Что касается немецкого издания книги «Большевицкий порядок в Грузии» под редакцией проф. Бонвеча и д-ра Юнге [...], мы хотели бы отметить, что в этом печатном издании ни Архив Академии МВД Грузии, ни его директор не названы в качестве редактора. Из-за ошибки в ходе рекламной кампании на интернет-странице издательства De Gruyter Oldenbourg какое-то время фигурировала неправильная обложка книги, не соответствующая реальному печатному изданию. В ноябре 2015 г. издательство исправило свою ошибку и извинилось за неё.

Перевод с немецкого: Валерий Брун-Цеховой

Перевод с английского: Ирина Давидян

6. Конспирация против транспарентности

М. Клингенберг¹⁰: В середине 2014 года со мной связался Марк Юнге и сообщил о предстоящей публикации грузинско-немецкого исследовательского проекта под названием «Большевицкий порядок в Грузии. Большой террор в маленькой кавказской республике». Марк Юнге попросил меня оказать ему поддержку из Германии. Он также рассказал о трудностях взаимодействия с грузинскими коллегами в совместном научном проекте. Я с радостью согласился оказать как личную помощь, так и помощь со стороны Немецкой международной ассоциации народных университетов (DVV–International), поскольку в сферу деятельности нашей организации также входят ревизия истории и проекты по теме Красного и Большого террора. В ходе следующих месяцев Марк Юнге обращался ко мне с просьбами, прежде всего по доставке документов. Несколько раз мы отправляли письма Рурского университета адресатам, которыми чаще всего являлись Министерство образования и Министерство внутренних дел Грузии.

12 декабря 2014 года в Академии МВД Грузии состоялась встреча участников проекта, в число которых вошли также DVV–International и один представитель от нашей партнерской организации Soviet Research Laboratory. Мы стали свидетелями действительно страшного и неслыханного зрелища. Начать стоит с того,

что участники встречи говорили на грузинском языке, хотя в предварительно распространенной программе в качестве языков общения были указаны английский и русский. В целом мероприятие больше напоминало трибунал, а не рабочую встречу в рамках общего научного проекта. Совершенно очевидно, что была поставлена задача всеми средствами предотвратить публикацию некоторых частей исследования. В первую очередь речь шла о спорной главе «Этнос и террор».

Поскольку детали рабочей встречи подробно обсуждаются в других фрагментах текста, далее я сконцентрируюсь на развитии конфликта и его эксплицитном описании с моей точки зрения.

Параллельно с дебатами о публикации результатов научного проекта, в которых мы приняли лишь опосредованное участие, нашей организации совместно с Рурским университетом удалось получить спонсорскую поддержку Фонда Фольксвагена при проведении конференции «Массовые захоронения XX века. Свидетели политического насилия». Конференция прошла в Грузии в октябре 2015 года. При подготовке конференции господин Юнге обратился к нам, выразив своё желание представить грузинско-немецкий исследовательский проект и его результаты на конференции. Мы согласились на это предложение, поскольку, во-первых, «судьба» проекта имела к нам некоторое отношение, а во-вторых, такое выступление отлично вписывалось в концепцию конференции. Мы были едины в том, что конференция могла бы стать уместной публичной площадкой, для того чтобы вывести дискуссию о спорных результатах исследования в более широкие круги грузинского общества. Наши мотивы были при этом ясны: свобода науки, на наш взгляд, является одной из самых значимых ценностей для плюралистического, открытого и устойчивого общества, которым, согласно официальным заявлениям, хотела бы стать Грузия. Таким образом, с нашей точки зрения, мы не выражали своего мнения об истинности тезисов, представленных в главе «Этнос и террор». Так как ни я лично, ни кто-либо другой из нашей организации не является специалистом, истинность содержания этих исследований не может быть проверена.

***М. Юнге, Б. Бонвеч:** Мы попытались представить источники, методы, основное содержание, тезисы и линии аргументации в открытом, понятном и поддающемся проверке формате, с тем чтобы неспециалисты также могли составить для себя полную картину и разобраться в логике аргументации.*

М. Клингенберг: Второй день конференции включал ряд докладов при участии Рурского университета, посвящённых репрессиям Большого террора, и должен был завершиться презентацией опубликованного грузинско-немецкого проекта. Незадолго до начала презентации книги «Большевицкий порядок в Грузии» в зал вошли две девушки с полиэтиленовыми пакетами и выложили на стол перед участниками около пятидесяти книг в красном переплете на грузинском языке. Чуть позже выяснилось, что это был грузинский перевод спорной главы «Этнос и террор», дополненный грузинско-немецкой дискуссией об этой самой главе и о её содержании. Подобный поворот событий не обсуждался с грузинской стороной, Архивом МВД Грузии, и я также узнал об этом лишь недавно. Естественно, такая акция, совершенная за спиной участников проекта, вызвала непонимание, раздражение и даже ярость. Одна из участниц дискуссии пожаловалась также на то, что её статья была опубликована в плохом переводе. В общем и целом скандал был не столь велик, потому что большинство грузинских участников проекта из протеста против публикации полного варианта результатов исследования, то есть включающего главу «Этнос и террор» и дискуссию на немецком и русском языках, не присутствовали в зале. Тем не менее я также был в некоторой степени шокирован поведением господина Юнге: с моей точки зрения, подобная выходка, особенно в рамках двустороннего проекта, недопустима и может привести к значительным нарушениям нормального взаимодействия между партнерами. Я также сомневаюсь в том, что эта акция как-либо способствовала достижению разделяемой нами идеи максимальной транспарентности, поскольку до сих пор, то есть через семь недель после публикации книги, глава «Этнос и террор» практически не обсуждалась в грузинском обществе. На мой взгляд, было бы лучше выйти на поле боя с открытым забралом.

По окончании мероприятия я высказал господину Юнге свои мысли на этот счёт и, кроме того, попытался объяснить ему, что организации, которая долгое время работает в другой стране, особенно больно наблюдать, как взаимное доверие, выстраиваемое на протяжении нескольких лет, внезапно разрушается непродуманными действиями. В долгосрочной перспективе, хотим мы того или нет, обмен ценностями в том виде, в каком мы его представляем, может происходить только с зарубежными партнерами, но не против них.

Не умаляя в какой-либо мере уже сказанного, я хотел бы, однако, добавить в завершение, что и поведение грузинской стороны, с моей точки зрения, несопоставимо с желанием создать современное европейское государство. То, что мы наблюдали, скорее, заставляет нас вспомнить развалившийся Советский Союз.

М. Юнге, Б. Бонвеч: Упрек в том, что при публикации книги «Этнос и террор» на грузинском языке борьба велась не с «открытым забралом», а фактически конспиративно, мы принимаем всерьез. Это касается также немецкого и русского изданий результатов проекта, оба из которых содержат спорную главу «Этнос и террор», а также дискуссию о ней. Они были опубликованы незадолго до презентации грузинской версии. Архив Министерства внутренних дел Грузии при этом не был включен в число издателей, хотя в словах благодарности было уделено должное внимание сотрудничеству и содействию его работников¹¹.

Подобный образ действий объясняется тем, что мы, как руководители проекта, оказались в тупике с точки зрения научной этики. Выступить в открытую, то есть заранее объявить, что глава «Этнос и террор» вместе с дискуссией будет опубликована отдельно и под нашим именем, объективно говоря, было бы более честно. Однако руководители проекта, к сожалению, имели небезосновательные опасения, что Архив МВД воспрепятствует публикации¹². Учитывая попытки Архива и его рецензентов запугать руководителей проекта, такое вполне могло произойти. Авторы главы «Этнос и террор» были названы Архивом «агентами Кремля», а их аргументация сравнивалась с национал-большевистскими высказываниями шовинистических русских политиков В.В. Жириновского и А.В. Митрофанова, а также философа А.Г. Дугина¹³. В число обвинений рецензентов, привлеченных Архивом, входили упреки в том, что авторы поставили перед собой цель нарушить мирное сосуществование народов Грузии, и характеристика их тезисов как неофашистских. Рецензент Джемал Гамахария, член абхазского «правительства в изгнании», пошел ещё дальше и после выхода в свет спорной главы опубликовал отзыв на официальном сайте Верховного Совета Автономной Республики Абхазия, в котором обвинил авторов в желании «подорвать устой современной грузинской государственности» и сослался на соответствующие законодательные запреты в России и Германии¹⁴. Здесь уже слышен почти прокурорский тон.

Несмотря на то что отзыв Гамахарии был опубликован уже после выхода в свет дискуссионной книги, он хорошо характеризует атмосферу, в которой глава «Этнос и террор» и её авторы были «раскритикованы» на декабрьском заседании в Академии МВД Грузии. Опасения по поводу того, что заявленная публикация главы вместе с дискуссией, как и раньше, будет предотвращена, казались нам по этой причине абсолютно обоснованными. Тот факт, что Архив в одностороннем и единоличном порядке осуществил подбор «экспертов», негативное мнение которых должно было быть заранее известно руководителю Архива в силу тесных институциональных и предметных рабочих связей, демонстрирует неготовность к объективному рассмотрению результатов исследования. Очевидно, стояла задача осудить работу, с тем чтобы предотвратить её появление в печати. Недостаток нейтральности и независимости в поведении Архива проявился также в том, что его директор Омар Тушурашвили в вестнике, издаваемом Архивом, и других научных журналах выступает с профессором Грузинского православного университета имени Андрея Первозванного Вахтангом Гурули и профессором Государственного университета имени Ильи Чавчавадзе Владимиром (Тато) Луарсабшвили в качестве соавтора статей по историческим и актуальным темам. В. Гурули был, кроме того, задействован Архивом в качестве рецензента главы «Этнос и террор».

Только исходя из этих предпосылок, авторы приняли решение пойти по менее «честному» пути, осуществив издание спорной главы «Этнос и террор» не просто только под своим именем, но и без согласования с Архивом. Так или иначе, благодаря многократным публикациям была достигнута транспарентность в отношении остававшихся скрытыми различий; читатель может составить своё собственное мнение на этот счёт. Если М. Клингенбергу не хватает общественной дискуссии о тезисах главы – а теперь и книги – «Этнос и террор», то её авторы также могут лишь сожалеть о её отсутствии. Однако оживленные продажи «Этноса и террора», по крайней мере, могут свидетельствовать о том, что тема пользуется широким интересом.

С нашей точки зрения, важно указать на то, что ректор Академии МВД Нукри Гелашвили, как председатель Архива, ещё в декабре 2014 года в открытой форме заявил, что при отсутствии консенсуса в отношении главы «Этнос и террор» авторы

имеют право реализовать публикацию под собственным именем и без упоминания Архива¹⁵; цензуры быть не должно. Кроме того, мы будем рады, если окажется, что мы переоценили решимость намерений Архива и его экспертов предотвратить публикацию «Этноса и террора». В этом случае мы приносим свои извинения.

Перевод с немецкого: Даниил Бордюгов

7. Психотравматологическая перспектива

Дж. Джавахишвили¹⁶: В декабре 2014 года господин Юнге пригласил меня на круглый стол, посвящённый исследовательскому проекту, нацеленному на изучение сталинских репрессий в Грузии. К сожалению, в день встречи я не была в стране, но позднее господин Юнге вновь связался со мной и попросил написать комментарий по проекту. Так как тема проекта чрезвычайно важная, до нынешнего времени почти не исследованная у нас в стране, а также входит в круг моих научных интересов, я с готовностью согласилась. В силу того, что заказ не был проговорен эксплицитно, я предполагала, что от меня ожидают текст, отражающий результаты исследования, которое я веду с 2010 года – по психологическим аспектам репрессий сталинского периода. Но позже, когда я получила от господина Юнге корреспонденцию с документом, в котором руководитель проекта господин Бонвеч даёт оценку декабрьскому круглому столу, а также ответные письма отдельных грузинских коллег – участников проекта, я поняла, что в проектной команде – конфликт, и я фактически приглашена прокомментировать этот конфликт.

Поскольку я не сопровождала и, следовательно, не наблюдала проект с самого начала, а как раз наоборот – получила для анализа лишь фрагменты информации в самом конце его, мой анализ процесса не может быть всеобъемлющим. Поэтому я буду касаться лишь тех моментов, которые я могла наблюдать, изучив материал, предоставленный научным руководителем проекта (записи и оценка круглого стола, ряд глав из книги, дискуссия

вокруг части исследования, посвящённой этническим аспектам террора в Грузии).

Хочу начать с того, что меня как специалиста, изучающего психотравму, не удивляет, что в проекте, анализирующем тоталитарное прошлое той или иной страны – в нашем случае Грузии, появился конфликт. Рефлексия сталинизма является фактически рефлексией над системой, процессом и фактами насилия. Это требует от исследователей погрузиться в тот исторический период, изучить и таким образом – представить его, в определённой степени – пережить его. А это сложная и болезненная задача, так как насилие – феномен, вызывающий сильные эмоции не только в человеке, которого это непосредственно касается, но также и в тех людях, которые узнают о фактах-процессах-системе насилия, являются в той или иной степени его «свидетелями».

Тоталитарному насилию (не имеет значения, в какой стране) свойственно «втискивание» общества режимом в т. н. тоталитарный треугольник «Жертва – Агрессор (преследователь) – Стронный наблюдатель (Очевидец)». Агрессор (тоталитарный лидер и люди, служащие и отождествляющие себя с режимом) виктимизирует Жертву, Очевидец наблюдает процесс виктимизации и, наблюдая, испытывает страх, идентифицируя себя с жертвой. В силу данного страха он не поднимает голоса против насилия. Тем самым, толерируя агрессию и виктимизацию «ближнего своего», он отождествляет себя с Агрессором, что приводит к внутреннему расщеплению – часть его соответствует психологическому состоянию Жертвы, часть – Агрессора. Это внутреннее расщепление на виктимизируемого и виктимизирующего, берущее начало в тоталитарной системе, по инерции продолжается и в посттоталитарном периоде и представлено на всех – индивидуальном, семейном, общественном – уровнях жизнедеятельности. Такое состояние вызывает сильные эмоции – опять же, гнев, ощущение беспомощности и т. д.

Роли в данном треугольнике не стабильны, а наоборот – перетекают друг в друга. И, как в случае любого тоталитарного режима, осмысление ошибок и «изобличение виновных» сопряжено с целым рядом страхов, душевных мук и моральных дилемм, которые мы прекрасно знаем по различным историческим процессам по делам, связанным с фашизмом. Тот же случай Робера Бразильяка во Франции, виртуозно проанализированный Симоной де Бовуар (Simone de Beauvoir, *An Eye for an Eye*), даёт богатую пищу для размышления в этом плане.

Но этим (ни тоталитарной системой, ни посттоталитарным обществом) дело не ограничивается. Данный тип отношений (Жертва – Агрессор – Очевидец) очень легко может проецироваться и на команду, изучающую насилие или работающую над преодолением последствий насилия. Немецкий ученый Кристиан Просс, исследующий организации, работающие с жертвами пыток, пришёл к заключению, что организации, которые работают над последствиями насилия, очень часто сами вступают в насильственные конфликтные отношения, и в них развивается организационная культура, построенная на дихотомии Жертва – Преследователь (Pross Christian. 2014. *Cultural Competence and Trauma in the Organizations: Sources and Prevention of Stress / Clinical Neuropsychiatry*: 11, 1, 7–19). Так же, как и в тоталитарной системе – эти роли не стабильны, а перетекают друг в друга. Сегодняшняя жертва может завтра стать преследователем и наоборот.

Господин Просс наблюдал это в сервисных правозащитных психотравматологических организациях, но такие же проблемы могут возникнуть и в исследовательских организациях-группах, работающих над изучением насилия и последствий насилия. Предотвратить такое деструктивное развитие помогут только осознание риска менеджментом и членами команды; усилия, направленные на построение команды и развитие самосознания команды – её разделяемых ценностей и норм, а также усилия, направленные каждым членом на осознание самого себя. Не менее важна для профилактики и качественная эксплицитная культура коммуникации – прозрачность, регулярная циркуляция информации и дискуссия.

Конфликт, который я наблюдала в электронной переписке участников и руководителей проекта, напомнил мне об этих моральных дилеммах и сложности анализа тоталитарного прошлого. Анализируя его, проектная исследовательская команда соприкасается с весьма болезненной, не преодоленной на данном этапе травмой – тоталитарной травмой – общества, и фактически сталкивается с риском того, что эта травма, а также отношения Жертва – Агрессор – Очевидец могут проецироваться на проектную команду.

Для меня как психолога, работающего с индивидуальной и общественной психотравмой, не имеет значения, кто на данном этапе в исследовательской команде может находиться в роли агрессора, жертвы или стороннего наблюдателя. Мы все хорошо знаем (и особенно те, кто исследуют траектории репрессий), что

от роли агрессора очень легко переходят к роли жертвы, от роли жертвы – к роли преследователя и т. д. С точки зрения психодинамической психологии, проекция тоталитарного треугольника фактически означает проецирование и тоталитарной психотравмы (в нашем случае – на исследовательскую команду). Тоталитарная травма в большой мере связана со страхом потери идентичности. Страх потери идентичности чаще всего пригвождает человека/общество к гранднарративу и ставит в позицию «глухой защиты», что не оставляет пространства для критического осмысления того или иного явления.

В корреспонденции, предоставленной для анализа, содержались взаимные обвинения. С грузинской стороны – обвинения немецких исследователей в предвзятости при анализе, а с немецкой стороны – обвинения грузинских исследователей в нетолерантности к отличным мнениям и в отсутствии свободы научной мысли. В дискуссионной главе, готовящейся к публикации, передается спор между господами Бонвечем, Гамахарией, Даушвили, Мюллером и Юнге. И этот спор – спор между двумя противоположными гранднарративами. Грузинские учёные ведут спор, основываясь на грузинском гранднарративе, тогда как немецкие учёные парируют обвинения в предвзятости, приводя информацию, статистику, данные переписи и т. д. – из источников царских и советских времен, и, таким образом, основываются в определённой степени на русском гранднарративе. Это существенно умаляет научную ценность данной дискуссии и превращает её в непродуктивный спор вокруг исторических фактов, заводит коллегияльные отношения в тупик.

Вышеописанное ведет, с одной стороны, к дискредитации проекта, что не так драматично, так как проект фактически закончился и находится на стадии публикации. Намного более серьёзный урон рассматриваемый конфликт может нанести будущим попыткам исследования истории репрессий в Грузии: они, основываясь на неконструктивном опыте коммуникации в рамках данного исследовательского проекта, могут встретить ещё большее сопротивление в будущем. А сопротивление переосмыслению – и даже просто рассмотрению советского прошлого – уже стало в определённой мере традицией в грузинском обществе.

После возвращения независимости в начале девяностых годов прошлого столетия Грузия находится в постоянном множественном – политическом, экономическом, социальном кризисе. Не говоря уже о кризисе ценностном, вызванном несовместимостью

системы ценностей, выработанной в режиме выживания и приспособления (в течение двухвекового колониального опыта и пережитого тоталитаризма), с демократическим выбором, сделанным страной после освобождения. По ряду причин в 90-е гг. не были задействованы механизмы правосудия переходного периода. Во время гражданской войны, разгоревшейся в конце первого года независимости, были сожжены (а также частично вывезены) архивы местного КГБ, что сильно снизило возможности проведения люстрации. В гражданской войне победила и вернулась к власти бывшая партийная номенклатура под руководством Эдуарда Шеварднадзе, что моментально сняло с повестки дня любые попытки переосмысления советского прошлого. При власти партии Национального движения (с ноября 2003 года по октябрь 2012 года) вектор ответственности за период советского террора был повернут исключительно во вне (на Россию) – что, опять же, исключило возможность переосмысления советского прошлого, включая сталинизм. Горизонт переоценки (вернее, оценки) прошлого пришедшей к власти в 2012 году партийной коалиции «Грузинская мечта» лимитирован девятью последними годами (периодом правления Национального движения). Таким образом, рефлексии грузинского общества о своей роли в репрессиях, вынесения уроков из тоталитарного опыта, той же десталинизации, фактически не было. Даже такие громкие случаи, как, например, репрессии в Союзе писателей и совершенно очевидная роль местной советской писательской элиты в проведении репрессий и создании соответственного репрессивного общественного дискурса, не стали не только предметом рассмотрения переходного правосудия, но даже и предметом научного изучения. В силу этого те же писатели, которые способствовали, катализировали или даже проводили репрессии, и по сей день почитаемы в обществе. Это только один конкретный пример-иллюстрация, нечто подобное наблюдается на всех уровнях и во всех сферах общественной жизни. Такое положение вещей на сегодняшний день тормозит развитие общества, в жизни которого всё ещё сильна инерция тоталитарного треугольника, которая особенно даёт о себе знать через фрагментацию грузинского общества и враждебные отношения между отдельными фрагментами.

На таком фоне особенно важно, чтобы попытка переосмысления советского прошлого, предпринятая в данном проекте, не вызвала усиления уже существующего режима сопротивления и неприятия. Думаю, это как раз тот возможный негативный по-

бочный результат проекта, которого все мы, общими усилиями, должны постараться избежать. Здесь, по моему убеждению, проектная команда и остальные заинтересованные субъекты должны выработать стратегию смягчения отрицательного эффекта. И это должно быть предметом общего рассмотрения, аутентичного диалога на фоне саморефлексии (против взаимных обвинений и отстаивания «истинности» своей позиции), и таким образом – серьёзной заботы.

На мой взгляд, очень важно извлечь уроки из этого проекта. Уроки прежде всего должны касаться процесса работы. Ниже я постараюсь изложить моё видение того, как избежать подобных проблем в будущем.

В первую очередь, я бы порекомендовала в случае создания рабочей исследовательской команды по изучению тоталитарного прошлого сделать её мультидисциплинарной, не ограничиваться историками, так как мультидисциплинарность поможет преодолеть несовместимые противоречия между противоположными гранднарративами.

Очень важно, создавая исследовательскую команду, обсудить разделяемые ценности, договориться о нормах и правилах общения в рамках исследования, стратегии постоянной циркуляции информации и эксплицитной коммуникации внутри команды, а также с внешним миром и ключевыми заинтересованными субъектами.

При изучении исторического прошлого, его болезненных периодов критически важно, чтобы общение в исследовательской команде не ограничивалось дискуссией в конце проекта. Здесь дискуссии по находкам исследования должны проводиться регулярно, через процесс обсуждения находок исследования должна пройти не только исследовательская команда, но и сообщество, которому будет предоставляться информация для рефлексии.

Очень важно, чтобы исследователи осознавали себя представителями обществ с определённым прошлым, находящихся в определённой психодинамике взаимоотношений. В данном контексте особое значение может иметь принадлежность грузинских учёных к грузинскому обществу, которое находится в постоянном модусе самосохранения, страха потери идентичности, – или же принадлежность немецких учёных к немецкому обществу, находящемуся в определённой психодинамике отношений с российской стороной, понесшей в борьбе с фашизмом большие человеческие потери.

Особенно хочу подчеркнуть важность целенаправленного акцента на самоосознании в подобного рода психодинамически сложных исследовательских проектах. Это даст исследователям возможность учесть соответствующие психологические факторы. В классике экспериментальной психологии хорошо известны исследования, которые доказывают, что результаты экспериментально-психологического исследования в определённой мере зависят от ожиданий экспериментатора. Если это так даже в экспериментальных, наиболее объективных исследованиях, представьте, в какой мере установки исследователей предопределяют находки и результаты в аналитическо-интерпретационных исследованиях. Знание этого привносит важные импликации: это касается как надёжности результатов того или иного исследования, так и роли самоосознания субъектов исследования. Если исследователь не занимается самоосознанием, он рискует пойти на поводу своих и/или общественных установок и, таким образом, того или иного метанарратива. Сегодняшний уровень развития научной мысли ставит задачу самоосознания перед научными деятелями. Если я исследую то или иное явление, моё самоосознание должно достичь такого уровня, где я буду способен дистанцироваться от своих личных или интериоризированных (общественных и даже общинных) предпочтений. Это помогает достичь необходимой степени непредвзятости. На современном этапе развития науки непредвзятость представляется и так труднодостижимой, а без самоосознания она вообще превращается в миф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стенографический отчёт круглого стола «Большевистский порядок в Грузии 1936–1938 гг.» в Академии МВД Грузии от 12 декабря 2014 г. Стиль выступающих не изменен. Нами исправлены только языковые неточности. См. Большевистский порядок в Грузии. Том 1. С. 483–517.

² Стенографический отчёт круглого стола «Большевистский порядок в Грузии 1936–1938 гг.» в Академии МВД Грузии от 12 декабря 2014 г. Стиль выступающих не изменен. Нами исправлены только языковые неточности. См. Большевистский порядок в Грузии. Том 1. С. 483–517.

³ См. Большевистский порядок в Грузии. Том 1. С. 519–521.

⁴ См. Большевистский порядок в Грузии. Том 1. С. 536–537.

⁵ Сообщение Академии Министерства внутренних дел Грузии о проекте «Большевистский порядок в Грузии» с протоколом совещания круглого стола 12 декабря 2014 г. (20 апреля 2015 г.). Ответ Марка Юнге и Бернда Бон-

веча (23 апреля 2015 г.). См. Большевицкий порядок в Грузии. Том 1. С. 521–531.

⁶ Цитируем по неопубликованному письму ректора Академии МВД Грузии Нукри Гелашвили и директора Архива МВД Грузии Омара Тушурашвили ректору Рурского университета в г. Бохуме (Германия) Акселю Шольмериху (Axel Schölmerich) от 12.10.2015. Письмо было также отправлено послу Федеративной Республики Германия в Грузии Беттине Каденбах (Bettina Cadenbach), министру образования и науки Германии Иоганне Ванка (Johanna Wanka), президенту академии наук Германии «Леопольдина» Йоргу Хаккеру (Jörg Hacker) и генеральному секретарю Фонда Фольксвагена Вильгельму Крулю (Wilhelm Krull). Ответ ректора Рурского университета от апреля 2016 г. Точка зрения М. Юнге и Б. Бонвеча от 02.11.2015.

⁷ Приложение: 1. Соглашение от 9 декабря 2011 г., 3 страницы; 2. Письмо г-на М. Юнге и г-на Б. Бонвеча от 22 апреля 2015 г., 2 страницы; 3. Письмо № 830830 ректора Академии МВД Грузии г-на Н. Гелашвили от 20 апреля 2015 г., 1 страница; 4. Письмо № 919729 ректора Академии МВД Грузии г-на Н. Гелашвили от 30 апреля 2015 г., 1 страница.

⁸ См. главу в настоящей книге «Болевые точки», пункт 1 – «История как оружие в политической борьбе».

⁹ См. главу в настоящей книге «Болевые точки», пункт 2 – «Непогрешимый авторитет против научного плюрализма»; пункт 3 – «Национальная консолидация против национальной гомогенизации»; пункт 4 – «Нравственное осуждение против обмена аргументами».

¹⁰ Неопубликованный отзыв М. Клингенберга, руководителя Немецкой международной ассоциации народных университетов (DVV–International), от 3 декабря 2015 года и ответ М. Юнге и Б. Бонвеча от 30 декабря 2015 года.

¹¹ Большевицкий порядок в Грузии / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч: В двух томах. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике; Том 2: Документы и статистика. – М., 2015.

¹² См. главу в настоящей книге «ПОПЫТКА ДОСТИЖЕНИЯ КОНСЕНСУСА», пункт 1: «Из стенограммы круглого стола в Академии МВД Грузии».

¹³ См. главу в настоящей книге «Болевые точки», пункт 1: «История как оружие в политической борьбе».

¹⁴ См.: *Гамахария Д.* Отзыв на окончательный вариант монографии «Этноса и террора» // <http://scara.gov.ge/ru/2011-09-08-07-44-18/759-2015-10-13-09-18-55.html> (16.12.2015).

¹⁵ См. главу в настоящей книге «ПОПЫТКА ДОСТИЖЕНИЯ КОНСЕНСУСА», пункт 1: «Из стенограммы круглого стола в Академии МВД Грузии».

¹⁶ Комментарий Джаны Джавахишвили к проекту «Массовые репрессии в Грузии» и к дискуссии о главе «Этнос и террор» настоящей книги (март 2015 г.). См. Большевицкий порядок в Грузии. Том 1. С. 538–544.

ДРУГИЕ ГРУЗИНСКИЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
Теперь – наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх –
Навек, навек.
Для остановки нет причин,
Иду, скользя.
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя.

*Владимир Высоцкий.
Горная лирическая. 1969*

---

1. Политические сети против этнического фактора

Т. Блаувельт¹: Один из основных тезисов «Большевистского порядка в Грузии» состоит в том, что сама организационная структура массовых, систематических политических репрессий, проводимых бюрократическим аппаратом Советского Союза в 1937 году, неизбежно привела к передаче репрессивных полномочий местным органам управления. Данное утверждение наглядно подтверждается свидетельствами, собранными авторами монографии, и соответствует выводам многих других новейших исследований, посвящённых Большому террору и сталинскому режиму.

Особое внимание в большинстве современных западных работ по советской истории уделяется также идее о том, что интересы региональных властей, в свою очередь, сказывались на исполнении ими указаний высшего руководства, а также различных трактовках изменений, произошедших в советской национальной политике в 1930-е годы. Такие корифеи в области советской национальной политики, как Суни (Suny), Мартин (Martin), Хирш (Hirsch) и Слезкин (Slezkine), каждый со своей точки зрения, приходят к общему выводу о том, что всеобщая, несколько размытая политика коренизации 1920-х – начала 1930-х сменилась к середине 1930-х годов более целенаправленным подходом, заключавшимся в развитии крупных (в первую очередь титульных) наций за счёт малых народов². Перечисленные авторы могут расходиться во взглядах на причины и последствия этой смены курса, но не сомневаются в том, что она действительно имела место, и представители власти на местах получили возможность использовать новые тенденции в национальной политике для достижения собственных политических целей. Особых споров в западной литературе все эти вещи не вызывают, и данная книга ценна тем, что вносит важный вклад в изучение локального уровня реализации массовых репрессий.

По понятным причинам в современной Грузии аргументы о взаимодействии центральных и местных органов власти в рассматриваемый период воспринимаются в штыки: во-первых, потому что не соответствуют преобладающей ныне в грузинской

историографии тематике национально-государственного строительства, а во-вторых, из-за восприятия советской эпохи прежде всего как периода притеснения со стороны центра. Особенно щекотливой следует считать проблему субэтнических групп, входящих в состав грузинского народа (лазы, мегрелы, аджарцы и др.), так как споры на эту тему подливали масло в огонь сепаратистских конфликтов 1990-х. Проблема влияния советской национальной политики на национально-государственное строительство – как путём уступок, так и с помощью репрессий, – занимает прочное место в современной западной историографии, однако не снискала популярности в грузинских исследованиях.

Авторы: Рецензент выражает своё согласие с тем, что, во-первых, существенная доля репрессивных полномочий в течение Большого террора была передана местным органам управления, во-вторых, грузинской историографии свойственен односторонний подход к отношениям Грузии с Москвой (особенно в вопросах национальной политики), приписывающий ей роль жертвы, и, в-третьих, большинство мировых историков одобряют идею о том, что в критических ситуациях, возникавших на протяжении 1930-х годов, Кремль оказывал поддержку формированию титульных наций путём уступок и репрессий.

В то же время нам кажется необходимым обратить особое внимание на несколько пунктов. Исходя из рецензий Д. Гамахара, А. Даушвили и Р. Метревели, можно заключить, что многие грузинские исследователи, не согласные с указанной интерпретацией данного исторического периода, понимают под «уступками» и «участием в проектах формирования нации» не то же самое, что рецензент Т. Блаувельт. Поэтому следует отдельно подчеркнуть, что, изменив направление национальной политики и начав кампанию репрессий, советское правительство значительно способствовало консолидации титульной нации в Грузии. В связи с этим авторы книги предпочитают использовать термин «титульная гомогенизация», а не «формирование нации», так как последний имеет более положительную окраску.

Т. Блаувельт: Авторы начинают второй, наиболее спорный раздел работы («Этнос и террор») с утверждения о том, что существуют два возможных способа трактовки репрессий в отношении национальностей во время сталинского террора: личный фактор (индивидуализм), основанный на личных антипатиях и предрассудках, и так называемая «большая стратегия», основанная на позиции тех или иных этнических групп в общей системе национальной безопасности страны.

Мне кажется, в эту схему следует добавить третий – и, в контексте сталинского режима, на мой взгляд, самый важный – подход, основанный на политических интересах отдельных конкурирующих групп. В ряде недавних исследований, посвящённых эпохе правления Сталина, включая многие мои работы о кавказском регионе, отмечалась роль клиентелы, патроната и патронатных сетей в функционировании сталинского режима, особенно на местном уровне в республиках. В данном контексте речь идёт об обслуживании интересов более крупных, чем личная вражда и предрассудки, но менее крупных, чем большие стратегические задачи (при этом данный уровень анализа ни в коем случае не исключает интерпретацию, основанную на двух других подходах).

С моей точки зрения, и я уже писал об этом, наиболее правдоподобным объяснением полного уничтожения абхазской партийной верхушки³, начавшегося уже в 1936 году, т.е. до запуска масштабной кампании террора (что озадачивает авторов книги) – является влияние интересов отдельных политических групп и сетей. Взаимосвязь между клиентелой и этничностью, о которой я также писал ранее, часто сложна и запутана. Этническая принадлежность может создавать связи, основанные на взаимном признании и доверии, которые имеют потенциальное значение при формировании сетей патроната, но в условиях сталинского режима она не является единственным критерием создания подобных отношений. Социальный статус, место рождения, образование, опыт работы и ряд других факторов также могут служить основой возникновения сетевых структур.

Кроме того, как мне кажется, третий подход предоставляет возможность компромисса с критическими замечаниями грузинских историков по поводу книги: авторы обсуждают «грузинское руководство» так, как если бы оно было монолитным единством, однако в действительности во время правления Сталина оно включало в себя несколько принципиально различных сетей, конкурировавших между собой за контроль над руководством. Эти сети придерживались разных взглядов на политику в отношении национальных меньшинств в Грузии и зачастую не были чисто грузинскими по составу. Сеть Лаврентия Берии начала доминировать в грузинской тайной полиции и партии в начале 1930-х гг., и, хотя в её состав входило много грузин (особенно мегрелов), ряд ключевых должностей занимали армяне, евреи, русские и даже абхазы. Хотя Берия, безусловно, использовал этнические (и, вероятно, ещё чаще – клановые и земляческие) связи,

он, как и другие опытные сталинские патроны, придерживался прагматического подхода при подборе и удержании верных ему людей⁴.

С моей точки зрения, уже высказанной в других работах, бериевская сеть, получившая контроль над грузинским руководством, решила уничтожить абхазскую сеть Нестора Лакобы не по причинам личной вражды (хотя у некоторых конкретных лиц она могла присутствовать) и не из стратегических соображений (во всяком случае, не в 1937 г.), а в рамках борьбы за власть на местах. Несколько функционеров, занявших важные должности в Абхазии, были преданными Берии этническими абхазами. В то же время это вписывается в траекторию, по которой начинал развиваться Террор, и в контекст принятия решений из центра (и лично Сталиным), без которого он не смог бы возникнуть. (Я предпочитаю придерживаться подхода не авторов книги, а старой «тоталитарной школы», уделяющего большее внимание целям и причинам Террора, поскольку его главной задачей, на мой взгляд, особенно вначале, являлось разрушение институционально и регионально закрепленных патронатных сетей в партийном и государственном руководстве.) Самая серьезная «грузинофикация», в Абхазии, включая усиление мегрельской иммиграции, ущемление прав носителей абхазского языка и т. д., осуществлялась не людьми Берии, а членами сети Акакия Мгеладзе, получившего контроль над Абхазией в 1943 г. и над центральным руководством Грузии в 1952 г. во время так называемого «мегрельского дела». По моему убеждению, Мгеладзе и его сеть были напрямую поддержаны Сталиным с целью создания противовеса и подрыва позиций сети Берии в Грузии и на Кавказе⁵.

Авторы: *Замечания рецензента о событиях в Абхазии до 1937-го и после 1938 года свидетельствуют о высокой степени компетентности в проблеме соотношения сталинского террора и этнических вопросов. Так, согласно Блаувельту, абхазские элиты и конкретно сеть Лакобы начали уничтожаться тбилисским руководством уже в 1936 году, хотя наиболее радикальные мероприятия стали проводиться лишь в 1945 году. Однако, исходя из использованных нами источников, можно заключить, что массовые репрессии в отношении абхазских крестьян, в том числе участников «гудаутских событий» 1931 г., являлись следствием того факта, что репрессия элит 1936 г. была признана в Тбилиси недостаточной мерой для подавления процессов образования нации и мобилизации, уже охвативших широкие слои аб-*

хазского населения. Она должна была быть распространена на «низшие», не представленные в сети группы лиц. В этой связи репрессии 1937–1938 гг. могут рассматриваться как «желание наверстать упущенное».

Здесь также проявляется различие в выборе источников: Т. Блауфельт опирается на партийные документы, то есть, главным образом, материалы, описывающие процессы внутри элиты и составленные её представителями, в то время как авторы изучали документальные свидетельства из архивов КГБ, отражающие детали кампании массовых репрессий и в отношении обычного населения. Кроме того, партийные документы, проанализированные авторами, по всей видимости, были подчищены и содержат лишь необычно малое количество информации о проведении строго секретных массовых репрессий.

Сетевой подход, несмотря на свою убедительность, не может объяснить статистические данные, демонстрирующие тот факт, что представители одних народов были подвергнуты преследованиям в большей мере, а другие – в меньшей, как если бы сети были сформированы по национальному признаку, а все обсуждаемые национальности были представлены в них в равной степени. В действительности, однако, репрессии и были прицельно и точно направлены на такие группы населения, как турки, азербайджанцы (тюрки), езиды, курды и мусульманские меньшинства в принципе, а также, за некоторым исключением, греки, которые практически отсутствовали в тбилисских сетях и не были способны на формирование «контрсети».

В своей последней статье о мегрельском вопросе рецензент приводит многочисленные доводы в пользу того, что этнический и территориальный факторы в национальной политике Тбилиси по отношению к грузинской периферии прежде зачастую недооценивались⁶.

Т. Блауфельт: В этой главе мне также показался спорным тезис авторов о роли этничности и социального статуса. Хотя я не подвергаю сомнению ключевое значение социального статуса при выборе цели политического преследования в период Большого террора, его взаимодействие с этничностью, на мой взгляд, имеет более сложный характер, в то время как авторы, вероятно, путают отношение корреляции с отношением причинно-следственной связи. Другими словами: является ли причиной этничность или социальная структура и, следовательно, социальный статус? Здесь можно вспомнить дискуссию о Голодоморе на Украине:

являлись ли целью преследования украинцы, большинство которых были крестьянами, или целью преследования были крестьяне, составлявшие большую часть украинского народа? Аналогично: были ли, например, абхазы подвергнуты особым репрессиям, потому что они имели широкую представленность среди бывшего дворянства и новой партийной элиты, или преследованию были подвергнуты указанные социальные категории, в высокой степени представленные абхазами? Акцент на этничности в данном случае выглядит несколько редуционистским.

Авторы: *Авторы ни в коем случае не стремятся к тому, чтобы рассматривать все политические и общественные процессы в Советском Союзе 1930-х гг., в том числе все массовые преследования и преступления, исключительно с позиций этнического фактора. Однако, по мнению авторов, значение этничности во взаимоотношении титульных наций и этнических меньшинств является сегодня немного недооцененным. Между Голодомором на Украине (когда ключевые указания отдавались из Москвы и решающую роль играли социальные аспекты) и репрессиями в Абхазии 1937–1938 гг. (когда действиями руководил Тбилиси и на первом плане стояли этнически-территориальные задачи) видна отчетливая разница. Но и в случае мероприятий по коллективизации в Грузии, осуществление которых в конечном счёте контролировалось Москвой, при распределении ресурсов на местах национальность играла, по нашим наблюдениям, более весомую роль, чем предполагалось ранее. В нашей работе мы попытались показать это на примере передачи земель лазам в Абхазии.*

Т. Блаувельт: Отвлекаясь от упомянутых спорных пунктов, я считаю, что эта работа вносит важный вклад в изучение Террора в целом и деталей его реализации на Кавказе в частности. Можно понять претензии некоторых грузинских критиков, не без основания полагающих, что, имея дело с общими цифрами и совокупной статистической информацией, можно увидеть закономерности в хаосе и сделать ложные выводы, исходя из тенденций, случайно возникших в общем массиве данных. В то же время такой подход, с моей точки зрения, открывает новые перспективы и ставит перед исследователями проблемы для дальнейшего изучения и осмысления. Все это требует беспристрастного и строго научного подхода, возможного в условиях гражданского общества среди учёных, готовых к безэмоциональному обсуждению этих трагических страниц истории. Однако, после прочтения

комментариев грузинских критиков, я боюсь, что время для подобной дискуссии ещё не пришло. Тем не менее этот процесс рано или поздно должен быть начат⁷.

Авторы: *Авторы во многом согласны с идеями рецензента, однако хотели бы подчеркнуть, что эмоциональные оценки, связанные с последними территориальными конфликтами, не должны препятствовать анализу вопросов формирования нации в сталинскую эпоху, даже если он болезнен и неприятен для национального самоощущения. Именно поэтому так важна точность при определении национальности жертв репрессий, к которой призывают грузинские рецензенты и которая заставила авторов ещё раз перепроверить использованные статистические данные.*

Перевод с немецкого и английского: Даниил Бордюгов

2. Уничтожение против лишения власти этнических меньшинств

Г. Майсурадзе⁸: Поскольку я не смогу принять участие в дискуссии совместного грузинско-немецкого проекта «Массовые репрессии в Грузии 1937–1938 гг.» 12 декабря этого года, хочется выразить в двух словах своё отношение к этому проекту и к связанному с ним расхождению во мнениях.

В первую очередь хочу поблагодарить авторов проекта, в особенности же его научного руководителя Марка Юнге, за проделанную колоссальную работу. Поскольку предметом исследования проекта является один из самых тяжёлых и до сегодняшнего дня фактически неизученных периодов истории Грузии – речь идёт о репрессиях 1937–1938 гг. и о терроре, осуществленном государством против собственного населения, – естественно, что его результаты не такие, да и не могли быть такими, чтобы их можно было с гордостью предъявить. Но по моему убеждению, цель истории, как науки, не разжигание чувства гордости и не оправдание прошлого, а прежде всего отображение действительности объективно и беспристрастно. Самой важной частью проекта были как раз поиск и выявление в архивах документальных материалов, что далось авторам ценой неимоверного труда.

Расхождения во мнениях были вызваны интерпретацией найденных и подготовленных к выпуску материалов, и этого следовало ожидать. В главе под названием «Этнос и террор», подготовленной немецкими историками Марком Юнге, Даниелем Мюллером, Вольфгангом Фойерштайном и российским историком Иваном Джуха высказано предположение, что осуществлявшийся в Грузии террор носил этнический признак и что он тайно предусматривал также и уничтожение этнических меньшинств. По мнению историка, об этом свидетельствует статистика, исходя из которой среди репрессированных в 1937–1938 гг. в Грузии лиц довольно большой процент приходится на этнических негрузин. Этот факт настолько бросается в глаза, что было бы неоправданно оставить его без внимания. Именно этот статистический показатель даёт авторам основания, чтобы в осуществлявшихся репрессиях предполагать, что политика тогдашнего руководства Грузинской ССР, была нацелена на уничтожение этнических меньшинств. Это предположение новое и, соответственно, естественно, порождает острые дискуссии и расхождения во мнениях. Но всё-таки такое можно себе представить, исходя из общего характера сталинских репрессий, которые, хотя и позже, уже в период II мировой войны, носили этнический характер. Несмотря на это, такое умозаключение, кроме статистики, требует дополнительных аргументов и научных исследований и изысканий. Если террор, осуществлявшийся руководством советской Грузии, предусматривал уничтожение негрузинских этнических групп, то следы данной политики должны обнаружиться и в других сферах, не только в статистике.

М. Юнге, Д. Мюллер: *Наши вывод на основе статистических данных состоит как раз не в том, что политика руководства Грузинской ССР была направлена на уничтожение этнических меньшинств. Более того, биологистический, или геноцидальный, подход к репрессиям определённых групп эксплицитно исключается нами. Напротив, мы показываем, что национальные меньшинства были «только» дисциплинированы и в значительной степени ослаблены. Задачей политического и административного центра в Тбилиси являлось укрепление собственной власти с социальной, политической и территориальной точек зрения, а также избавление от любой внутригрузинской конкуренции. Целенаправленно отфильтровывались те лица, которые – в рамках очень узкого понимания лояльности в 1937–1938 годах – в чём-либо «провинились». При выборе жертв этнический фактор*

являлся лишь одним из многих, однако играл неожиданно заметную роль.

Наши аргументы действительно основываются главным образом на статистическом материале. В качестве массового источника рассматривались протоколы троек и «Сталинские списки». Однако, помимо этого, к разбору было подключено содержание (текст) протоколов троек; использовались также некоторые немногочисленные письма высших должностных лиц и письма-жалобы о национальной политике. Кроме того, результаты статистического анализа рассматривались в рамках общей концепции национальной политики тридцатых годов. В совокупности целью являлось восполнение крайнего недостатка источников. Мы осознаем, что наше исследование может быть лишь началом и что, при наличии возможности, должны быть открыты новые источники.

Г. Майсурадзе: Исходя из чувствительности тематики, нет ничего неожиданного в том, что идеи авторов вызвали волну критики, но реакция некоторых оппонентов, на мой взгляд, выходит за рамки академической критики и этики, что мне кажется абсолютно недопустимым. Для того чтобы научные дискуссии приняли интенсивный характер и чтобы пролить больше света на эти довольно темные страницы грузинской истории, мне кажется, необходимо сделать достоянием общественности результаты исследования, как обнаруженные документальные материалы, так и их анализ. Восстановление прошлого без прикрас и его осмысление, как бы это ни было болезненно, принесет результаты только во благо, как для критичного осмысления советского прошлого, так и для преодоления унаследованных от него проблем.

Перевод с немецкого: Даниил Бордюгов

Перевод с грузинского: Юля Аделханова

3. Музей оккупации против музея государственного насилия

И. Ментешавили⁹: Настоящий отзыв рассматривает ту часть проведённой работы, которая касается Национального музея Грузии, а именно – выставки, известной как Музей оккупации. Выстав-

ка отражает карательные меры, проводимые Советской властью в 1921–1989 гг. с целью подавить в Грузии стремление к государственной независимости и предотвратить появление подобных устремлений и чувств в будущем.

Прежде всего выразим несогласие с хронологией. Речь идёт о 2003 годе как конце эпохи тоталитаризма. Понимаем, что авторы оперируют датой, которую им назвали организаторы выставки. Но именно в интересах исторической науки период 1990–2003 гг. ни в коей мере нельзя назвать тоталитарным. Там было всё: анархия, разруха, разложение властных структур (коррупция), даже некая неосознанная попытка установить нечто вроде самовластия, но не тоталитаризм. Наличие многопартийности, свободы прессы и некоторые другие факторы – непреложное тому свидетельство. Будь режим действительно тоталитарным, то вряд ли участникам Революции роз удалось бы беспрепятственно проникнуть в здание парламента, окруженного усиленными нарядами полиции, внутренних войск и даже тяжёлой техникой! Пусть даже с розами в руках. Так что называть вышеуказанный период тоталитарным – значит не понимать сути как тоталитаризма, так и истории вообще. Это замечание, конечно, не относится к авторам введения.

Авторы: *Мы рассматриваем пояснение рецензента по поводу первой постсоветской фазы в истории Грузии вполне уместным и внесем изменения в соответствующие пассажи во введении книги.*

И. Ментешавили: В начальной части повествования о самой выставке, на наш взгляд, сквозит плохо скрытая ирония или же имеет место непонимание сути исторической эпохи. Выставка не преследует цель представить страну в виде мученицы, «беззащитной страны-жертвы, понесшей большие человеческие потери». Неужели вызывает сомнение то, что Грузия действительно была беззащитна? Более того, пресса Великобритании и Соединенных Штатов Америки в 1920 г. называла Грузию страной, которая должна была стать плацдармом для наступательных военных действий против Советской России. Это, безусловно, подогревало агрессивность Советского государства против Грузии. Напомним также, что в своё время Ленин заявил, что Грузию надо проучить за то, что она оказала помощь барону Врангелю. Сразу же отметим, что эта помощь выражалась лишь в том, что Демократическая Грузия предоставила приют раненым солдатам и офицерам армии Врангеля.

Авторы: Роль, которую Грузия сыграла в смутное время, наступившее после распада Российской империи, была весьма сложной. Поэтому нельзя судить о её восприятии западными союзниками (США, Великобритания, Франция), центральными державами (в первую очередь Германией), а также советской Россией только на основании отдельных газетных статей. Мы также не берем здесь на себя смелость, эффективно оценить все возможные грани тогдашней роли Грузии: как плацдарма для антибольшевистского наступления, как области для отвода белых войск, как независимого государства, как бастиона христианства, как социал-демократического эксперимента и т. д. Все эти характеристики содержат определённую долю истины. Однако мы полагаем, что утверждение рецензента об особой роли Грузии, которая якобы выделяет её из ряда других «периферийных» государств, достаточно проблематично. Политика советского государства в отношении бывших периферийных областей Российской империи всё же скорее была единой, чем разной. Это относится как к государствам, которые в результате войны и революции получили независимость (Финляндия, Польша, страны Прибалтики, Бессарабия), так и к тем, которые вошли в состав советского государства (страны Закавказья, Средней Азии, Украина, Белоруссия).

И. Ментешашвили: А теперь о больших человеческих жертвах. Грузии не привыкать нести человеческие жертвы. В течение столетий Грузия проливала моря крови, сражаясь с арабами, монголами, Тамерланом, османами и персами, которые топили страну в крови, не щадя даже младенцев. Но на выставке речь идёт о другом. Это попытка показать политическую трагедию, а именно – политическое убийство (позволим себе использовать этот термин) страны, которая, обретя независимость, стремилась встать на путь свободного общественно-экономического и политического (демократического) развития. Страна, которую посетившие её вожди Социнтерна называли лабораторией социалистических идей, была раздавлена. Поэтому не следует удивляться, что в экспозиции значительное внимание уделяется 1921 г. и XX годам XX века вообще. Грузия, не имевшая образца демократической метрополии (подобно колониям Великобритании и Франции), сама вставшая на путь свободного демократического развития, была завоевана. Так что события 1921 г. должны быть отражены полностью, это ключевой момент.

Авторы: *В намерения авторов не входит стремление принижать те жертвы, которые понесла Грузия в своей истории или иронизировать по их поводу. Без сомнения, Грузия в течение веков была местом действия многочисленных войн, а грузинский народ неоднократно становился жертвой нападения захватчиков, хотя такая же судьба постигла многие соседние с Грузией области. И всё же нам кажется, что роль Грузии в качестве жертвы этих средневековых завоеваний (арабы, монголы, Тамерлан и тимуриды, османы и т. д.) только весьма обусловлено может вытекать из этнических и религиозных факторов. Средневековые государства и государства раннего Нового времени включали в себя различные этносы и религии и в своём отношении к подданным, а также в завоевательных походах главным образом руководствовались критерием лояльности. В результате было не редкостью, когда также и мусульмане становились жертвой нападений мусульман, в то время как вассалы-христиане вместе с войсками мусульманских владык выступали в качестве агрессора. В результате шаблоны интерпретации, свойственные для современного национального государства, являются не самым лучшим инструментом. В конечном итоге в интерпретациях такого рода нет места культурным, экономическим и социальным приобретениям, которые без сомнения также имели место в результате мультиэтнических контактов и которые, несмотря на всё насилие, стали одной из причин культурного расцвета Грузии. «Золотой» и «серебряный» века в истории Грузии базируются на грузинской культуре, но их невозможно себе представить без влияния со стороны мусульманских завоевателей и соседей, равно как и наоборот, когда грузины, в том числе насильственно угнанные в Исфахан художники и ремесленники, обогатили своими талантами культуру Персии эпохи Сефевидов.*

И. Ментешашвили: Поэтому не надо делать одолжение, дескать, этот период истории имеет право на существование (как это мы видим во введении). Авторы статьи считают, что следует показать «сопротивление». На наш взгляд, его не было и не могло быть, ибо события 20-х годов XX века сломили страну. Это в первую очередь касается восстания 1924 г. Жестокое подавление восстания не позволило стране оправиться для оказания дальнейшего сопротивления. И дело не только в массовых казнях. Произошел некий надлом. Ведь при подавлении восстания были казнены члены правительства демократической Грузии. Это моральный разгром, на наш взгляд, – вместе с ним была обезглавлена

идея государственности и независимости Грузии. Именно поэтому упор на 20-е годы XX века, если он и есть, вполне обоснован.

Теперь относительно утверждения, что «удивительно мало внимания уделяется 30-м годам с их кульминацией сталинского террора». Мы считаем, что этому периоду уделяется вполне достаточное выставочное пространство и количество материалов. Выставка посвящается советской оккупации. Она должна во всей полноте, сохраняя хронологическую последовательность событий, отражать историю карательно-подавляющей деятельности Советской власти в Грузии в 1921–1989 гг. Музеи и любые выставки призваны обеспечить нравственно-эмоциональное воздействие и создать соответствующую атмосферу, помочь посетителю ощутить дух эпохи, сопереживать представленное время. При этом меры воздействия должны быть рассчитаны на различные возрастные и социальные группы.

Поэтому ещё раз подчеркнем: выставка посвящена советской оккупации, и она повествует именно о ней. Так что в плане содержания и тематики тут нет расхождения. Будь это выставка «Сталинские репрессии», «1937 год» или что-либо в этом роде, тогда, конечно же, надлежало бы в какой-то степени углубиться в освещение вопросов, поднятых нашими зарубежными коллегами, да и то с некоторой оговоркой. Научное исследование, освещение определённого вопроса – это очень индивидуальный процесс, результат личного видения, которое определяется индивидуальным подходом, психологическими побуждениями, свойственными именно этой конкретной личности, только она, эта личность, видит вопрос таким образом. Именно она способна заметить сокрытые от других стороны явления – или даже само явление, как это делает наши немецкие коллеги Марк Юнге, Оливер Райснер и Бернд Бонвеч, в силу чего и становится пионером в данной области. Иначе все писали бы одинаково.

Не следует забывать и о том, что устройство любой выставки связано с фактором пространства: в данном случае историю советской оккупации надо было показать в строго очерченных пространственных рамках. Нужно было представить общую картину эпохи, создать её образ и способствовать её пониманию – и в то же время максимально избегать нагромождения выставочного материала. Поэтому выставка – это не место проведения углубленных изысканий и подробнейшего представления материала. Такой подход – удел академического исследования, где любой поставленный вопрос имеет гораздо больше возможностей для освещения.

Выражаем надежду, что вопрос, поставленный авторами, послужит плодотворной пищей для научных прений между учёными двух стран и пойдет на пользу исторической науке.

Авторы: Мы благодарим профессора Ментешаивили за его конструктивную позицию, нацеленную на диалог. Мы также расцениваем уместными его пояснения касательно характера политического развития Грузии в первое постсоветское десятилетие. Авторы испытывают симпатию к его доводам и пониманию его аргументации, хотя различия в оценке концепции и характера «советской оккупации» в качестве главного маркера советского периода в истории Грузии остаются.

Перевод с немецкого: Андрей Савин

4. Общий «пул жертв»

Р. Гачечиладзе¹⁰: Читать книгу «Большевистский порядок в Грузии» без содрогания трудно – сколько погибших, сколько поломанных судеб! Как пишут авторы, «вычисление “репрессивных коэффициентов” в отношении целых коллективов подчас может выглядеть весьма мрачным».

Большевистский террор начался не в 1937 году. В Советской России он бушевал с 1918-го. Его застрельщиками были и Ленин, и Троцкий, и Свердлов, и Сталин, и Дзержинский, и остальные вожди революции, считавшие насилие, в том числе террор, верным средством достижения успеха коммунистической идеологии. Кроме того, террор этим людям был необходим, чтобы удержаться у власти.

В 1930-х годах Сталин решил устранить всех потенциальных соперников, а к 1937 году, явно готовясь к большой войне, он решил всю страну привести к беспрекословной покорности и с этой целью распространить синдром страха (террор = страх, ужас) повсеместно. Это был расчётливый шаг диктатора, а не просто параноика.

Авторы: Рецензент излагает в краткой форме свою концепцию истории с момента возникновения Советского Союза до конца 30-х гг. Согласно этой концепции большевистский террор и насилие распространялись из России и, с одной стороны, использо-

вались для утверждения коммунистической идеологии, а с другой – для сохранения власти. Начиная с 1930-х гг. устранение потенциальных конкурентов было специальной задачей Сталина. Но затем в 1937 г. диктатор перешел к подготовке Советского Союза к предстоящей войне. Для этого он с помощью террора сформировал лояльность или, как это называет автор, «беспрекословную покорность». Но это произошло не только в результате паранойи, а представляло собой и «расчётливый шаг».

В этой концепции, как нам кажется, бросаются в глаза четыре аспекта. Во-первых, террор и насилие представляют собой экспортный продукт, распространявшийся из России. Во-вторых, автор подчёркивает, по отношению к Сталину в первую очередь, аспект сохранения власти, причём он характеризует действия Сталина одновременно как иррациональные и рациональные. В-третьих, в аргументации следует отметить резкий отход от персоналистского объяснения к геостратегическому, причём в обоих случаях внутренние или также социальные и экономические аспекты выступают лишь в качестве проекционной поверхности для сохранения личной власти и подготовки к войне. В-четвертых, преследования в интерпретации автора служили исключительно распространению страха и ужаса, так что, можно было бы добавить, наша попытка рационализации мер оказывается излишней.

Р. Гачечиладзе: НКВД разослал соответствующие «лимиты репрессирования» во все республики, края и области. В соответствии с приказом наркома внутренних дел Н.И. Ежова № 00447 от 30 июля 1937 г. по первому «лимиту» Грузии предписывалось репрессировать 5000 человек (из них 2000 по «первой категории», т. е. расстрелять).

Столько же предписывалось расстрелять в Белоруссии (численность населения в два раза больше, чем в Грузии), 1500 – в Азербайджане, 500 – в Армении и т. д. В том же 1937 году «лимит» для Грузии был увеличен в три с половиной раза: это отмечается в книге. Грузия продолжала «лидировать» в этом гнусном предприятии сталинского режима – в основном потому, что имела многочисленную партийно-государственную прослойку и интеллигенцию. Сталин лично знал многих представителей грузинской партийной элиты.

Авторы: Относительно установления верхних границ, а также лимитов преследований в ходе крупнейшей массовой операции против «кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов»

на основании приказа № 00447: рецензент возлагает ответственность за какой бы то ни было террор – последовательно аргументируя в рамках своей вышеизложенной концепции – исключительно на московский центр. Цифры преследований устанавливал Центр. Грузии предписывался высокий лимит преследований, так как здесь в противоположность другим республикам и краям Советского Союза имелся особенно широкий слой партийной и государственной элит. Кроме того, во главе Советского Союза находился грузин, который хорошо знал своих врагов в Грузии.

Документы, однако, говорят другим языком. Уровень лимитов устанавливался исключительно Центром, но только после договоренности с республиками, краями и областями. Именно в июле 1937 г. по указанию московского Центра Грузия, как и все остальные, отправила в Москву ориентировочные показатели. Речь шла о 2981 человеке (1-я категория – 1419, 2-я категория – 1562), что, тем не менее, было на 40 % ниже лимита в 5000 человек (1-я категория – 2000, 2-я категория – 3000), установленного Москвой в конце июля в приказе № 00447¹¹. Толковать это как давление Центра на периферию с целью преследования как можно большего количества людей было бы ошибочно. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Грузия, в отличие от Белоруссии, Азербайджана и Армении, уже в середине июля по собственной инициативе предоставила необычно высокие ориентировочные показатели, т. е., как представляется, проявила значительную активность. Потому мы хотели бы интерпретировать повышение верхних границ в Москве на 40 % скорее как высокий аванс доверия, направленный на то, чтобы гарантировать гибкость грузинского репрессивного аппарата и не заставлять его притормаживать. Не случайно показатели определялись не как нижняя граница, а представляли собой верхнюю границу. Следующий аргумент в пользу тесного сотрудничества между Москвой и периферией и высокой активности на местах заключается в том, что запросы на повышение лимитов поступали всегда с периферии, как было и в случае Грузии. Тем самым и в Грузии лимиты не увеличивались сверху. Они объясняются местными условиями и общностью ответственности. Напротив, доказать, что Сталин обращал особое внимание на Грузию, вследствие чего и появились высокие показатели, не удалось.

Мы не ставим под сомнение тот факт, что сначала следовало распоряжение Москвы о массовых репрессиях. Однако, по на-

шуму мнению, в ходе их проведения возникали специфические для Грузии явления, причём несмотря на то, что в основном идентично составленная в кадровом отношении кулацкая тройка порождала существенные с процентной точки зрения различия – вверх и вниз – в наказании меньшинств. При этом, очевидно, не было «разрядки» по национальностям подобной той, которая была подготовлена для операции в соответствии с приказом № 00447 в целом. Мы пытаемся объяснить эти различия, причём, к примеру, для осетин констатируем уровень репрессирования, явно не доходящий до среднего.

Основная тенденция рецензента заключается в том, чтобы приуменьшить содействие Грузии в пользу вмешательства извне и отвести Грузии роль жертвы. В этот нарратив встраивается также этническая и культурная «принадлежность» Сталина, а прямое содействие Грузии, как в следующем абзаце, сводится к одной личности, к Берии, который в качестве приспешника Сталина, точно так же, как и его пример для подражания, был заинтересован в стабилизации личной власти.

Р. Гаччиладзе: Ещё лучше их знал Берия, и он воспользовался возможностью расправиться со своей явной или латентной оппозицией из числа старых коммунистов (в основном этнических грузин), которые устанавливали советскую власть в Грузии в 1921 году и доминировали в политической жизни республики до первой половины 1930-х годов. Чтобы запугать массы, показать, что «незаменимых нет!», режиму было необходимо репрессировать руководителей разного ранга и известных людей (среди лиц с высшим образованием приговоренных к ВМН было особенно много). Естественно, они не могли количественно заполнить весь «лимит». В Грузии это была хоть и количественно малая, но весьма видимая часть репрессированных [...].

Авторы: Схема, которой руководствуется рецензент в интерпретации «Большого террора» в Грузии, очень проста. Прежде всего надлежало преследовать элиты, представители других слоев населения служили только в качестве «начинки» и предназначались для приучения всего населения к дисциплине.

Р. Гаччиладзе: В Грузии был ещё один эпизод большевистского террора, который в книге не упомянут: в 1924 г. после неудачного восстания расстреляли, по официальным данным, около тысячи человек – бывших князей, дворян и членов меньшевистской партии. Несколько тысяч были отправлены в ссылку. Подавляющее большинство из них в восстании не участвовали.

Почти все они были этнические грузины. «Грузия ещё не выпускала крови», – сказал Сталин, поощряя террор. Он имел в виду, что Грузия избежала гражданской войны 1918–1920 гг.

Авторы: *Применительно к 1920-м гг. отсутствуют исследования, в которых проводится различие между элитами этнических грузин и меньшинств.*

Р. Гаччиладзе: В 1937 г. передача части карательных полномочий от Центра местам происходила повсеместно. Москва спускала Тбилиси (и другим столицам) общие количественные лимиты репрессий, обязательные для исполнения. Часто дополнительные лимиты запрашивались с мест: местное руководство, спасая собственную шкуру, стремилось продемонстрировать особое рвение.

Авторы: *Это утверждение снова направлено на то, чтобы сделать незаметным содействие, энтузиазм и собственные интересы периферии.*

Р. Гаччиладзе: В республиканских столицах и областных центрах «лимиты» перераспределялись по районам и городам. Тройка в Тбилиси не смогла бы сама подобрать по всей республике свыше 20 тысяч человек, которых следовало покарать по «первой категории» (т. е. расстрелять), или по «второй» (т. е. осудить к длительным срокам заключения). Подбор жертв осуществлялся и на местах. В районах Грузии, где большинство или часть населения принадлежали к этническим меньшинствам, среди репрессированных преобладали лица из этих этнических групп.

Авторы: *Рецензент считает излишним обращать особое внимание на меньшинства, так как они только потому подвергались преследованиям, что жили в соответствующих местах, и каждый регион должен был без различия платить свою кровавую дань.*

Р. Гаччиладзе: В моей книге «Мой двадцатый век» (т. 1. 2008), которая упоминается и в рецензируемом издании, касаясь Большого террора по всему Союзу, я писал: «Абсурдны утверждения некоторых историков и публицистов разных национальностей, что было расстреляно особенно большое количество лиц именно их национальности, что свидетельствует об анти- (антисемитизме, антиармянстве, антиабхазстве, антиузбекстве, анти- ... далее пишите что угодно) Сталина. На самом деле было репрессировано больше всего русских, так как они составляли самый многочисленный народ Советского Союза. Абсолютные показатели репрессированных среди малых этнических групп, например чук-

чей, абхазов, грузинских евреев, были невысокие, но пропорционально к общей численности этих же групп – изрядные. [...] Среди репрессированных в Грузии всегда вспоминаются известные фигуры [...]. Но от сталинского террора не было защиты и у простых людей. Доносительство приняло массовый характер. Партия заботилась, чтобы полностью искоренить в народе “христианскую мораль” и “буржуазный гуманизм»» [конец цитаты].

Большой террор в Грузии описан в первом томе рецензируемой книги в целом хорошо, и в этом отношении она достойна положительной оценки.

Большое количество статистических данных было предоставлено Архивом МВД Грузии, поскольку Грузия не скрывает информацию от исследователей, в том числе иностранных. Книга написана на основе солидной теоретической базы, в основном немецкими учеными в сотрудничестве с грузинскими исследователями. Привлечено много ранее не использовавшихся материалов, в том числе на грузинском языке, недоступном для читателей за пределами Грузии.

Первый том кончается главой «Национальные» операции в Грузии» (с. 169–207, автор Леван Авалишвили). Режим репрессировал и по чисто национальному признаку, в основном лиц, принадлежавших к национальностям, проживающим в других странах (поляков, немцев, греков, турок, иранцев и т. д.), которые Кремлю представлялись потенциальными врагами. Как указывается в этой главе, «Национальные операции... в Грузии не приняли [масштабного] характера и протекали в основном вяло, хотя здесь проживал ряд диаспор, напрямую подпадавших под репрессивный удар» (с. 199). «Тезис этнизации карательной политики сталинизма в годы Большого террора, который активно дискутируется в настоящее время в историографии, скорее вызывает сомнения с точки зрения анализа архивных документов по национальным операциям в Грузии в 1937–1938 гг.» (с. 201).

Аналогичный вывод содержится и в другой части книги: «Невысокий общий уровень образования диаспор в комбинации с относительно “мягкими” наказаниями косвенным образом говорит о том, что органы НКВД Грузии не придавали большого значения военной опасности и, соответственно, шпионской деятельности в пользу иностранных держав» (с. 98).

Если бы книга «Большевистский порядок в Грузии» заканчивалась главой «Национальные» операции в Грузии», она бы не вызывала серьезных нареканий и, вероятно, была бы оценена положительно всеми рецензентами.

Авторы: *Интересно, что рецензент в своей более ранней публикации указывает на то, что абсолютные числа не убедительны, а представляют собой только показатели, ориентирующиеся на долю соответствующей национальности в населении. Но если речь идёт о Грузии, то сказанное, очевидно, не должно более иметь силы. Ведь во всём первом разделе своей рецензии автор настраивает читателя на то, что он выступает не за оперирование числами подобно авторам, подвергнутым критике, – которые ориентируются на долю населения соответствующего этнического меньшинства в Грузии, – а за анализ и оценку, опирающиеся на абсолютные цифры преследований. Таким образом рецензент получает основания утверждать, что этнические грузины как бесспорно крупнейшая этническая группа всегда страдали в наибольшей степени. Это служит в первую очередь для выравнивания различий, а также обоснования того, что нет необходимости внимательнее присматриваться к меньшинствам, они растворятся в общем «пуле страданий». При этом подчёркивается необходимость осмысления того, что этнические грузины в этой логике являются величайшими со статистической точки зрения жертвами, и только здесь и стоит присматриваться внимательнее.*

Р. Гачечиладзе: Но четыре автора (Марк Юнге, Даниель Мюллер, Вольфганг Фойерштайн, Иван Джуха) написали и включили в книгу главу «Этнос и террор», которая, как видно из опубликованных в конце книги рецензий, вызвала бурную дискуссию. Не знаю, предлагалось ли грузинским учёным поработать над этой главой? Скорее всего, нет.

Для почти всех этносов, проживающих в Грузии в 1930-е годы, была вычислена «степень репрессии» – соотношение численности осужденных по этническому признаку и общей численности этой же группы (до сотой доли процента). Потом эти данные сравнивались друг с другом.

Авторы часто оперировали только процентами – может быть, потому, что абсолютные показатели репрессированных среди малочисленных этносов читателю могли бы показаться слишком незначительными для серьёзных выводов.

Авторы: *В общем и целом показателей в статистическом отношении достаточно. Мы не работаем с абсолютными цифрами. Они, на наш взгляд, не убедительны в исследовании, ориентированном на сравнение.*

Р. Гачечиладзе: Степень репрессий кулацкой тройкой по отдельным этническим группам оказалась разной: для немцев – 1,4 %, азербайджанцев – 1,19, абхазов – 1, украинцев – 0,73, езидов – 0,73, русских – 0,69, грузин – 0,63 евреев – 0,58, армян – 0,44, турок – 0,44, курдов-суннитов – 0,32, осетин – 0,24, греков – 0,18 % и т. д.

Если степень репрессий грузин составила 0,63 %, то суммарно по всем остальным этническим группам Грузии – 0,60 %. Соотношение численности грузин, приговоренных «кулацкой тройкой» к ВМН, и общей численности грузинского населения составило 0,30 %, а для других национальных групп Грузии – 0,31 % (с. 224).

По данным авторов, в 1937–1938 гг. репрессированные «кулацкой тройкой» грузины (12460 человек, из них 5559, или 45 %, расстреляны) составили 59,1 % от всех осужденных по республике (21058), что примерно соответствует удельному весу грузин во всём населении в 1937 г. Осуждено было 8623 представителей других национальностей (из них 4990 человек приговорено к смертной казни) (с. 350).

По тем же данным, всего было осуждено 554 абхаза, из них 76 – представителей «элиты» (с. 358). Расстреляно около 280 человек. Показатели для количественного малого этноса очень большие.

Но насколько корректно построение теории о том, что репрессии против абхазов были чем-то особенным, если абсолютные показатели расстрелянных этнических грузин превышали количество расстрелянных абхазов в 19,7 раз, а если сравнить суммы репрессированных по «первой» и «второй категории», превышение количества грузин над абхазами составляет 22,5 раза?

Мне крайне неприятно делать такие количественные сравнения людей, замученных НКВД, но рецензирование книги не оставляет другой возможности. Если вышеприведённые показатели степени репрессий верны, они не так резко разнятся, чтобы говорить о какой-то особой этнизации репрессий в Грузии. Авторы отмечают, что «тезис об этнизации карательной политики сталинизма не подтвержден документально. Отдельные сферы, для которых эта интерпретация “работает”, недопустимым образом обобщаются, превращаясь в один всеобъемлющий нарратив» (с. 201).

Авторы: Мы скажем в очередной раз, что территориальная, экономическая, политическая и социальная конкуренция в комбинации с этническими клише приводили в каждом случае к различ-

ным показателям репрессий относительно меньшинств, живших в Грузии, и наций, проживавших в диаспоре. Речь шла о политике, имевшей целью гомогенизацию грузинской нации.

Р. Гачечиладзе: Несмотря на вышеуказанное резонное замечание, авторы пришли к другим выводам в отношении Грузии. Различия в коэффициентах дали им повод заключить, что руководство Грузии (точнее, тройка) особенно старалось репрессировать некоторые этнические меньшинства. «Репрессивная статистика, упорядоченная по национальному признаку, отображает не только административные аспекты политики “грузинской” периферии, но и её неприглядную кровавую сторону, особенно в отношении этносов, которые сопротивлялись унификации, выступая против своего «включения» в грузинскую нацию» (с. 333).

Авторы: *Мы со всей определённости говорим о политическом и административном руководстве в Тбилиси, а не об одной только тройке.*

Р. Гачечиладзе: На с. 346 авторы пишут: «...национальную компоненту массовых репрессий 1937–1938 гг. следует рассматривать как радикальную составляющую долговременной политики этнической гомогенизации, осуществлявшейся партийными и государственными элитами грузинского государства. [...] в Грузии Большой террор в значительной мере придал толчок процессу формирования грузинской нации и парадоксальным образом способствовал усилению грузинского национализма».

По этой логике получается, что расстрел 5,5 тыс. грузин служил лишь фоном для расстрела в 20–40 раз меньшего количества среди каждого из этнических меньшинств, которые якобы «выступали против своего “включения” в грузинскую нацию». Может, семья репрессированных грузин (в том числе, кстати, моей) надо быть благодарными «патриотам тройки» за «толчок процессу формирования грузинской нации» (о чём мы до сих пор не знали), скинуться и поставить им памятник?

Неудивительно, что многие рецензенты восприняли выводы авторов как тенденциозные, направленные против Грузии и грузин в целом.

Авторы: *Здесь рецензент соскальзывает единственный раз в не подлежащую обсуждению полемику, которая к тому же выдержана в исключительно циничном тоне. Хотели бы ещё раз настоять на том, что мы считаем несерьёзным обращение к абсолютным числам в связи с преследованием этнических меньшинств.*

Р. Гачечиладзе: Как явствует из представленного для рецензии текста книги, эту главу критиковали. Во время дискуссии выдвигались предложения переделать данную главу или напечатать её отдельно под именем четырёх указанных авторов. Небезосновательная критика касалась качества информационной базы, методов интерпретации этих данных авторами и их выводов.

Во время дискуссии директор Архива МВД Грузии О. Тушурашвили заявил: «*Вся статистика – база данных, на которой основывалась упомянутая глава, фактически не была обработана – выявление этнических составляющих было практически невозможно, так как из 22 000 репрессированных у 40–45 % не была заполнена графа национальной принадлежности... Поэтому на основе недостоверной статистики были получены неправильные результаты...*» (с. 478).

На это замечание авторы ответили: «*Архив признал, что в документах (протоколах тройки) для большого числа лиц (в общей сложности порядка 40–45 %) не была эксплицитно указана национальность. В упомянутых случаях Архив затем самостоятельно определил национальность и внес её в базу данных, применив, однако, несистематическую и непрозрачную систему критериев и никак не отметив, что эта информация была добавлена Архивом. Таким образом, были получены статистические данные, которые в 90 % случаев включали информацию о национальности репрессированных лиц и на материале которых авторы главы “Этнос и террор” выстраивали свою аргументацию*» (с. 524).

В основном тексте авторы приводят другие проценты: «*Национальность жертв массовых операций НКВД в Грузии указывается в архивных источниках в среднем в 94 % случаев... в 98 % случаев жертв “кулацкой” операции*» (с. 219). В начале первого тома авторы верно замечают, что именно «кулацкая операция» повлекла подавляющее большинство жертв.

Так какой из этих показателей соответствует действительности – 40–45, 90 или 98 процентов?

Неполные данные, «несистематическая и непрозрачная система критериев» их исправления – это очень серьёзное обстоятельство, которое может поставить под сомнение достоверность статистической базы для далеко идущих выводов, которые делаются в тексте. Ведь увеличение или уменьшение количества репрессированных среди малочисленных этнических групп всего на 15–20 человек (что вполне могло случиться при уточнении данных, когда число репрессированных превышало 22 тысячи и в 40–45

процентах случаев национальность эксплицитно указана не была) могло бы разрушить выводы авторов.

Если соиздатели (а Архив МВД, оказывается, должен был фигурировать как соиздатель русского варианта книги, но был «с сожалением» не указан как таковой (с. 376)) не признают достоверности статистической базы, как могут читатели доверять выводам на основании этой самой базы?

Авторы: *В связи с этим вопросом мы хотели бы указать на наш уже сформулированный ответ на критику со стороны Архива Министерства внутренних дел, так как там были обстоятельно обсуждены важные пункты*¹².

Р. Гачечиладзе: Но допустим, что статистические расчёты правильны. Для того чтобы доказать, что репрессии имели умышленную тенденцию ужесточения по отношению к некоторым этническим меньшинствам (например, к азербайджанцам, абхазам), необходимо доказать, что именно такие показатели «степени репрессий» планировались в Тбилиси. Боюсь, что таких доказательств не найти.

Авторы: *Речь шла о неформальных процессах, продвигавшихся под воздействием территориальных, экономических, политических и социальных интересов, т. е. определённые интересы тбилисского центра также выливались в преследования меньшинств и национальностей, проживающих в диаспоре. Прямые действия против меньшинств и национальностей, проживающих в диаспоре, как не планировались, так и не были возможны.*

Р. Гачечиладзе: Берия и его поделники были не патриотами, а палачами грузинского, а заодно и абхазского, и югоосетинского народов, азербайджанской и армянской диаспоры в Грузии и вообще всего населения. Аналогичные палачи орудовали во всех частях Советского Союза. К сожалению, это является частью истории всех советских народов; были и палачи, и жертвы, и даже палачи, которых другие палачи сделали жертвами.

Авторы: *Берия и его клика виртуально вырезаются здесь из грузинского контекста и объявляются всеобщим советским типом карателя. Наше же намерение состояло, напротив, в том, чтобы со всей определённой показателем грузинский контекст карателей, в котором было возможно не только оказаться включенным и исполнять приказы, в централизованном порядке поступающие из Москвы, но и активно преследовать специфические грузинские интересы.*

Р. Гачечиладзе: Проблема состоит в том, что авторы главы «Этнос и террор» демонстрируют свою позицию, когда завуалировано, а иногда и прямо обвиняют грузинское (коммунистическое) руководство в особой жестокости во время Большого террора по отношению к национальным меньшинствам, особенно к абхазам. Именно это стало причиной неприятия главы «Этнос и террор» большинством грузинских рецензентов.

Авторы: *Мы сознательно говорим о политическом и административном руководстве в Тбилиси, которое намеревалось исключить конкуренцию определённых групп, а также отдельных лиц. Как уже неоднократно подчёркивалось, посредством осуществления гегемонии в экономическом, политическом, социальном, а также территориальном аспектах происходило приучение к дисциплине и подчинение также меньшинств.*

Р. Гачечиладзе: Рецензенты (А. Даушвили, Д. Гамахария, «группа Метревели», Т. Блаувельт и др.) представили обстоятельную критику. Грузинские рецензенты, именно по причине, отмеченной в предыдущем абзаце, были довольно резкими в своих высказываниях, иногда даже перегибая палку в оценках намерений авторов. Но многие их замечания вполне резонны. В главе «Дискуссия» авторы «Этноса и террора», ответив на некоторые (не все) замечания, которые я постараюсь не повторять, очевидно, не ждут следующих аргументов рецензентов.

Здесь же хочу согласиться с одним из рецензентов, Тимоти Блаувельтом, который, отнюдь не являясь сторонником подхода грузинских историков к теме, высказал вполне здравую мысль: «как мне кажется, третий подход предоставляет возможность компромисса с критическими замечаниями грузинских историков по поводу книги: авторы обсуждают “грузинское руководство” так, как если бы оно было монолитным единством, однако в действительности во время правления Сталина оно включало в себя несколько принципиально различных сетей, конкурировавших между собой за контроль над руководством. Эти сети придерживались разных взглядов на политику в отношении национальных меньшинств в Грузии и зачастую не были чисто грузинскими по составу...» (с. 473).

Авторы: *Мы полностью согласны с примечанием Блаувельта.*

Р. Гачечиладзе: Если бы авторы главы пошли по этому пути, у читателей (и рецензентов), возможно, не возникало бы подозрения, что их целью было отождествить коммунистическое руководство 1937–1938 гг. с Грузией и грузинами в целом.

Но в главе «Этнос и террор» мы имеем то, что имеем.

В данной главе есть интересные и хорошо аргументированные рассуждения, с которыми я бы охотно согласился. Но, к сожалению, в ней гораздо больше места занимают недостаточно обоснованные, тенденциозные высказывания и выводы.

Я полностью поддерживаю плюрализм научных мнений. Авторы, естественно, вольны выражать своё отношение к национальному вопросу в Грузии, привязывать его к сталинскому террору, печатать статьи и книги. Другие же вольны их критиковать!

Приведу лишь несколько примеров, объясняющих позицию и некоторую резкость рецензентов.

Так, глава «Этнос и террор» с самого начала показывает, что у авторов была некая гипотеза, которую они намеревались проверить. Она начинается словами: «Грузинское общество в годы Большого террора имело ярко выраженный мультиэтнический характер. Закономерным образом возникает вопрос: имели ли массовые операции НКВД, помимо политической и социальной, также этническую или расистскую компоненту? Возможно, в них даже можно различить структуры геноцида? В пользу таких предположений свидетельствует, например, то, что цифра жителей Абхазии, репрессированных во время Большого террора, была особенно высокой, и среди них именно абхазы репрессировались в большом количестве. Это обстоятельство по-прежнему обладает бризантностью на фоне актуальных и весьма острых межэтнических проблем кавказского региона» (с. 208).

Сама постановка вопроса об «этнической или расистской компоненте», о поисках «структур геноцида» не могла не вызвать протеста грузинских рецензентов, даже если этот поиск «компонентов расизма» и «структур геноцида» не увенчался успехом. Авторы в конце книги, после дискуссии и рецензий, на с. 601 признают: «Нигде в репрессивной практике в Грузии этническая / национальная принадлежность не являлась достаточной причиной для осуждения или этнических чисток, не говоря уже о методах геноцида или расизма».

Авторы старались доказать свою гипотезу, что малые этнические группы Грузии, в особенности абхазы, угнетались, в том числе и с помощью репрессий.

Авторы: *На этом месте следует быть очень точным. Мы пишем не «угнетались», а «подвергались дисциплинированию». Абхазы – одно из многих меньшинств Грузии, которые мы рассматриваем, не особенно их выделяя.*

Р. Гачечиладзе: Они подводят искомый итог (с. 262): «Итак, на фоне соответствующей языковой политики и мер по колонизации Абхазии [выделено мной. – Р.Г.] репрессии в отношении обеих “полутитульных” наций [абхазов и южных осетин. – Р.Г.], хотя и в весьма разной форме, использовались для того, чтобы “выхолостить” их автономию, переводя её всё более и более в символическую сферу, что способствовало гомогенизации Грузии под эгидой грузинской нации» [выделено мной. – Р.Г.].

Является ли этот вывод безупречным? Не думаю. Даже из не совсем полноценной статистики, использованной авторами, следует, что степень репрессий по отношению к южным осетинам была значительно ниже «коэффициента» для грузин (что, конечно же, не говорит о том, что репрессивные органы благоволили к осетинам). Они признают, что никакой «колонизации» Южной Осетии грузинами не происходило. В «колонизации» же Абхазии, где пустовали большие площади земель после известных событий XIX столетия (Российская империя практически изгнала значительную часть абхазов), участвовали не только грузины, но и представители других этнических групп. Грузины селились в Абхазии (иногда – организованно), которая входила в состав Грузинской ССР. Они никого не сгоняли с места. По данным первой послевоенной переписи 1959 года, этнических абхазов в Абхазии количественно превосходили не только грузины, но и армяне и русские (которые в XIX столетии вообще не жили там, но это не считается «колонизацией»). Языком делопроизводства и вообще доминирующим языком в автономной республике был русский, хотя государственным языком Грузинской ССР по её конституции – без сомнения, одобренным ЦК ВКП(б) – был грузинский.

Бессмысленно доказывать, что в Абхазии не было этнических трений. Конечно, они были, но обычно проявлялись при распределении руководящих должностей. Большое количество смешанных абхазско-грузинских (и в ещё большей мере – грузинско-осетинских) семей показывает, что существовал некий «межэтнический симбиоз», и он был в интересах простого народа.

Авторы упирают на то, что большинство репрессированных абхазов не принадлежали к «элите», многие были крестьянами (с. 262, 441). И речь не идёт об исключительном явлении. То же самое верно и в случае с грузинами. Тройке ведь надо было «заполнить лимит», шедший из Москвы, не только руководителями, но и «кулаками».

Если даже коммунистическое руководство Грузии пыталось распространить грузинскую культуру в Абхазии, эта попытка была полностью реверсирована с 1954 года. Тогда грузинская графика абхазского языка (авторы признают, что она больше соответствует фонетике абхазского языка: с. 443) была заменена на кириллицу, грузинская топонимика была изменена, а «*выхолощенная автономия*» (термин авторов) Абхазии стала всё больше ориентироваться непосредственно на Москву. Я не буду распространяться, но замечу, что именно эта ориентация привела к тому, что почти 80 % грузинского населения в 1993 году были изгнаны из Абхазии.

Авторы: *Это произошло в ходе десталинизации. Политика, проводившаяся ранее, была снова аннулирована, правда, только по частям.*

Р. Гачечиладзе: Авторы полагают, что данные БСЭ (1926 года издания) о количестве абхазов «очевидно, заимствованы из материалов переписи населения Грузии 1922–1923 гг.», но нет ссылки на этот источник. Полагаю, что данные БСЭ построены на оценках и неточны, но авторы строят свою теорию, частично опираясь на них.

Хорошо известно значение термина «гомогенизация», которым часто пользуются авторы. Например, этническая гомогенизация произошла в соседней Армении, где армяне составляли менее 60 % населения в начале XX века и 98 % – в его конце. Но если партийное руководство Грузии в 1937–1938 гг. намеревалось достичь такой же гомогенизации в Грузии, то его постигла явная неудача. По результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г., этнические грузины составляли 67,6 % населения Грузии, а по переписи 1939 г. – 61,4 %. В тот период намного больше численности грузин в ГССР увеличивалась численность иммигрировавших из других республик восточных славян (в основном русских) и армян. Можно ли считать, что происходила «гомогенизация Грузии под эгидой грузинской нации»? Если да, то со знаком минус.

Авторы: *Мы аргументируем по-другому. Гомогенизация означает ослабление меньшинств и их формальных прав.*

Р. Гачечиладзе: Вряд ли служит сглаживанию кавказских межэтнических проблем такой текст: «Намерение властей, подвергших азербайджанцев сверхпропорциональным преследованиям, которые по своим масштабам и жестокости были сравнимы с репрессиями в отношении абхазов [абхазы у авторов – эталон

сверхрепрессий. – Р.Г.], могло в данном случае заключаться в том, чтобы воспрепятствовать артикуляции интересов данной этнической группы, будь это религиозные, культурные, социальные или политические интересы. Желательным побочным эффектом репрессий было вытеснение “тюрков” с политической и общественной арены Грузии. Выиграть от всего этого могли, хотя и не по своей воле, этнические грузины» (с. 283).

Между тем авторы сами писали о низкой степени интеграции азербайджанцев (тюрков) и турок в современное советское общество, об их невысоком социальном статусе, безграмотности (с. 278).

Как можно было вытеснить азербайджанцев/тюрков «с политической и общественной арены Грузии», если они на этой арене не были? И что в таком случае могли выиграть этнические грузины (хоть «и не по своей воле»)?

Наверное, можно было найти другое объяснение этой «статистической аномалии» («степень репрессий» азербайджанцев указывается как 1,16 %), тем более, что авторам главы пришлось поломать голову, как отличить турок от тюрков (по-грузински эти слова неразличимы, и не исключено, что в репрессивных органах в этом вопросе тоже не очень разбирались) или азербайджанцев: этот термин был введен в 1936 г., и годом позже к нему ещё не привыкли сами азербайджанцы. Авторы писали: «численность азербайджанцев – жертв “кулацкой” тройки – составляет приблизительно 1250 человек, а турок – приблизительно 367 человек» (с. 279).

Опираясь на «приблизительные данные», обычно делают «приблизительные выводы»!

Авторы: *Здесь снова оказывается важной точность. Мы смогли документально доказать, что немногие элиты, которые вообще существовали, были серьёзно ослаблены. То же имеет силу и для формулирования интересов простым населением. И без того незначительная интеграция определённых групп была тем самым далее углублена.*

Р. Гаччиладзе: Рассуждая о репрессированных евреях, авторы нагромождают такое количество процентных выкладок, что трудно проследить логику исследования. Впрочем, такое нагромождение процентов характерно и для других подглав.

На с. 285 авторы пишут: «К сожалению, неясно, о каких евреях – грузинских или “прочих” – идёт речь в статистических отчетах НКВД 1937–1938 гг. Степень репрессий в отношении евреев в рамках “кулацкой” операции составляет 0,58 %, что ниже соот-

ветствующего показателя у русских и украинцев, но почти не отличается от показателя в отношении грузин».

Но через четыре страницы (с. 289) обнаруживается, что эти две группы можно различить: «Таким образом, различные карательные органы осудили в годы Большого террора в Грузии 82 грузинских еврея. Количество остальных осужденных евреев было в 2,5 раза больше (207 человек)».

Авторы делают глубоко теоретизированные выводы о репрессиях евреев в Грузии: «Если перефразировать, то, с одной стороны, речь шла, без всякого сомнения, о “чистке” партийных и государственных органов от евреев-ашкенази в духе формирования гомогенных политических и административных структур власти из представителей титульной нации. Эффект “беспримерной карьеры” этих еврейских выдвиженцев в партии и государстве был нивелирован в результате “декоренизации” (Г. Симон), поскольку центр тяжести репрессий обрушился именно на эту группу (207 человек – 2/3, или 72 %, от общего количества репрессированных евреев). С другой стороны, средние и малые города Грузии были сверхпропорционально зачищены от социальных маргиналов из числа грузинских евреев, располагавших низшим образованием или вовсе малограмотных» (с. 298).

Что за «беспримерную карьеру» совершили до 1937 г. евреи-ашкенази в Грузии, что НКВД понадобилась «чистка» партийных и государственных органов от них? Нельзя ли было подтвердить её («беспримерную карьеру» евреев-ашкенази) статистически или вообще избежать такого голословного утверждения?

И что за «сверхпропорциональной зачисткой» было репрессирование 82 человек в средних и малых городах Грузии, как выражаются авторы, «социальных маргиналов из числа грузинских евреев»?

Кстати, я не нашёл в тексте первого тома, сколько из этих «социальных маргиналов» было осуждено к высшей мере наказания. Мало, наверное, их было. Испортили бы такие данные авторские выводы!

Упоминание о «латентном антисемитизме» (с. 336) является явным перегибом.

Я не хочу сказать, что тройка была милосердна по отношению к грузинским евреям. Отнюдь нет! Но она была немилосердна ко всем, кто попадал в её сети, невзирая на этническую принадлежность.

Поэтому вышеприведённые выводы вызывают, мягко говоря, недоумение.

Авторы: *Наш подход заключается в том, чтобы осмыслить различия. Раздельное рассмотрение грузинских евреев и ашкенази действительно дало результат, в соответствии с которым обе группы по-разному воспринимались и преследовались. Это подтверждает наш методический подход, состоящий в вовлечении социального статуса определённых групп в ходе поиска мотивов преследования.*

Но, как нам представляется, задача рецензента снова заключается только в повторении того, что различий не было и все этнические группы в равной степени страдали от политики преследований, проводившейся московским Центром. Но уже состав тройки вызывает сомнения в этой интерпретации. В грузинской тройке были представлены исключительно высокопоставленные кадры из Грузии, в соответствии с договорённостью с репрессивным аппаратом выносившие свои приговоры. Таким образом могли включаться также местные интересы.

Р. Гачечиладзе: Приходится хотя бы кратко остановиться на вопросах демографической истории грузин, в которые без особой на то надобности углубились авторы.

Непонятно, зачем понадобился такой пассаж: «Оценивая репрессивную статистику в отношении грузин, необходимо обратить внимание на то, что само обозначение “грузины” требует пояснений. Бюрократия карательных органов [выделено мной. – Р.Г.] объединяла под рубрикой “грузины” не только этнографические или, соответственно, племенные подгруппы (субэтноты) грузин, такие как картлийцы, кахетинцы, тушинцы, пшавы, хевсуры, ингилойцы, месхетинцы, имеретинцы, гурийцы, рачинцы и лечхумцы, но и мингрелов, сванов и бацбийцев (цова-тушинов). В случае с *грузинами в узком смысле слова* [выделено мной. – Р.Г.] различные региональные группы говорят на соответствующих многочисленных диалектах, образующих в своей совокупности грузинский язык».

Рассуждение о грузинских субэтнотах имеет лишь косвенное отношение к Большому террору и представляется всего лишь данью определённой позиции авторов.

Авторы: *Наш методический подход состоит в том, чтобы соединить национальную политику с политикой в отношении преследований.*

Р. Гачечиладзе: Если бы книга была посвящена вопросам этнологии, можно было бы ещё дискутировать о том, что значит «грузины в узком смысле слова». Если в начале XVIII в. изредка употреблялись как синонимы «картлели» (картлиец) и «картвели» (грузин), в дальнейшем эти термины полностью разошлись и объединяющим термином всех грузин окончательно стал «картвели» (именно так использовал этот термин уже в середине XVIII в. Вахушти Багратиони в своём «Описании грузинского царства»). В российской статистике времен империи «грузинами» считали только картлийцев и кахетинцев. Но это осталось в прошлом.

Авторы: Значение понятия *Georgier* (грузины; груз. *картвелиби*) следует расположить на нескольких уровнях. Наиболее узкое, историческое значение предполагает отождествление с грузинскими обитателями Картли (карталинцами). Вследствие историко-политической близости вскоре, как показал рецензент, к грузинам стали причислять и грузинских обитателей Кахетии (кахетинцев). В широком смысле как «грузины» характеризовались все носители восточногрузинских диалектов, однако не западногрузинских (например, имеретинцы). Это происходило в том числе и по политическим причинам, так как Имеретия была самостоятельным государством. В какой мере ещё более периферийные группы, т.е. говорившие на родственных языках – мингрельском, лазском и сванском, или исламизированные группы (опять-таки лазы, но и аджарцы и ингилойцы, которые говорили на западно-, а также и восточногрузинских диалектах) причислялись к грузинам, различно в историческом отношении. С этнографической точки зрения имеет смысл не причислять эти группы с собственными языками и/или отличающейся религией (это касалось бы и грузинских евреев) к грузинам в узком смысле слова. Так, в этнографической литературе на исходе царской России и в начале советского времени имело место изложение с добавляющей дифференциацией: различие между картлийцами и кахетинцами (а также живописными горскими племенами пшавов и хевсуров) гораздо меньше, чем с мингрелами с собственным языком или аджарцами с отличающейся религией (ислам суннитского толка).

Р. Гачечиладзе: Объединение всех грузинских субэтносов в единую грузинскую нацию началось намного раньше создания бюрократии советских карательных органов. Это было сверхзадачей грузинской интеллигенции в XIX столетии. Активными

были представители и тех субэтносов, которых авторы хотели бы видеть вне грузинской нации. Происходил процесс национальной консолидации грузин, почти аналогичный тому, который чуть раньше проходили и немцы, и итальянцы, несколько ранее – французы и т. д. В Грузии этот процесс проходил намного сложнее, так как внутри империи не могло существовать грузинское государство.

Авторы: *Консолидация грузинской нации как в грузинской историографии, так и здесь представлена рецензентом слишком упрощенно. Консолидация относительно названных групп по ту сторону «грузин в узком смысле слова» была менее стихийной и «естественной» и сильнее зависела от идеологического (сверхзадача грузинской интеллигенции), а позже административного давления. Параллели со становлением нации в Германии, Франции и Италии реальны, но для этих групп слишком поверхностны, так как этническое многообразие в Грузии было больше; сказанное имеет силу в высшей степени и для религиозных различий, в особенности между христианами и мусульманами (а также иудеями), но и между православными христианами и приверженцами армянской апостолической («григорианской»), как и католической (Ахалцихе, Ахалкалаки) церкви. Во многих отношениях государства Ближнего Востока, например Турция или Иран, представляются с точки зрения исторической доступности для понимания лучшим уровнем сравнения¹³. Это соподчинение не рассматривается как нечто дискриминирующее; например, и в Германии религиозное противоречие «только» между христианами (католики против протестантов) оказало воздействие отнюдь не только на XVI и XVII столетия, а стояло на пути консолидации и значительную часть XX века. В Грузии представляется, однако, в том числе и вследствие названной рецензентом колониальной ситуации, что соответствующие процессы протекают замедленно. Сказанное проявляется и в том, что в ходе самоутверждения и обнаружения идентичности малой нацией религия, в том числе и в конфессиональном смысле, в Грузии точно так же, как и на Ближнем Востоке, имеет гораздо более важное значение для определения идентичности, чем в Западной Европе.*

Предположение или также ложное утверждение о том, что мы с помощью этой дифференциации хотели, например, поставить мингрелов или аджарцев «вне пределов грузинской нации», неверно. В процессе становления грузин как нации в XIX и XX вв.

эти группы представляют собой, что заметно, внешнее, весьма отдаленное от центра кольцо по сравнению со многими другими подгруппами, и игнорирование этого различия не будет целесообразным.

Р. Гачечиладзе: При советской власти грузины, как и другие титульные этносы союзных республик, имели лишь фасадную государственность. Однако национальная консолидация на уровне союзных республик из Москвы в целом поощрялась: это признают и авторы (с. 304), и она не была исключительно грузинским феноменом. То же самое можно сказать о консолидации азербайджанцев, украинцев, узбеков, туркменов и т. д. Это правда, что союзные республики формально обладали большими правами, нежели автономные республики или области. Но Советская конституция не в Тбилиси писалась!

В своём ответе Т. Блаувельту авторы пишут, что «предпочитают использовать термин “титульная гомогенизация”, а не “формирование нации”, так как последний имеет более положительную окраску» (с. 471). А такой «окраски», по-видимому, грузины не заслуживают! Эти слова тоже показывают определённую позицию авторов.

Авторы пишут (с. 209): «Взаимосвязь между репрессиями и сосуществованием разных этнических групп в Грузии затрагивает не только титульную нацию республики, т. е. грузин, “полутитульных” осетин, абхазов и аджарцев, имевших свои “собственные” автономные социалистические республики или области в составе Грузии, но также и лазов, мингрелов, сванов и бацбийцев с их амбивалентной идентичностью и особым культурным самопониманием».

Очевидно, для доказательства этой «взаимосвязи» авторы написали подглаву «Административное сращивание: мингрелы, сваны, бацбийцы», в которой ничего не говорится о жертвах террора из числа этих субэтносов грузин (лазам посвящена отдельная подглава).

Зато там есть такая фраза: «в 1938 г. доля грузин [среди жертв “кулацкой” операции] сократилась почти на 10 пунктов – до 52 %. Такое сокращение может свидетельствовать об усилении преследований других национальностей, что может расцениваться как свидетельство в пользу тезиса Йорга Баберовски об этнизации сталинизма, если предположить, что речь здесь действительно идёт об устойчивой тенденции» (с. 224).

А может, сокращение пропорции связано с тем, что в 1937 г. «жатва голов» дала такие результаты, что среди грузин резко сократилось количество тех, кого ещё можно было репрессировать. Ведь делают же такое допущение авторы по поводу сравнительно небольшой пропорции абхазской «элиты», репрессированной в 1937 г.: их децимация, мол, уже произошла годом раньше (с. 254). А что касается «этнизации сталинизма», то сами авторы говорят, что «тезис об этнизации карательной политики сталинизма не подтвержден документально» (с. 201). В таком случае непонятно, чему служит замечание (с «предположением») о «тезисе Йорга Баберовски»?

Авторы: Указания рецензента обоснованны; противоречивость заключается в том, что названные данные (сокращение до 52 % жертв в 1938 г.) поверхностно обосновывают тезис Баберовски, но мы к этому тезису (1938 г. как год этнизации) в качестве стереотипа истолкования относимся, тем не менее, скептически.

Р. Гачечиладзе: Авторы повторяют любимый рефрен грузинофобов «В результате из перечня национальностей, проживавших в Грузинской ССР, насчитывавшей лишь немногим более трёх миллионов жителей, исчезли несколько значительных национальных меньшинств, как, например, около 300 000 мингрелов. Это обстоятельство не было напрямую связано с массовыми репрессиями 1937–1938 гг., но его необходимо учитывать в ходе анализа репрессивной статистики» (с. 226).

В тексте не видно, как именно учитывалось это обстоятельство «в ходе анализа репрессивной статистики».

Авторы: Указание справедливо, а выбор слов неточен. Численность мингрелов можно рассчитать на основе численности репрессированных грузин только с помощью территориальных соотношений (Мингрелия: Зугдиди, Сенаки и т. д., а также Абхазия, прежде всего Гали) и посредством анализа фамилий, причём оба способа не дают точных цифр, так как многие лица с мингрельскими фамилиями в 1937–1938 гг., несомненно, характеризовались более или менее сильно выраженной грузинской идентичностью. Здесь ещё следует осуществить большую методическую работу, и во всяком случае было бы преждевременно предполагать в отсутствие конкретных данных, что репрессирование мингрелов не отличалось от преследования грузин в строгом смысле слова: оно могло быть как сильнее, так и слабее.

Р. Гачечиладзе: Авторы пишут: «Политику республиканского центра можно трактовать как продолжение старой политики грузинских националистов и грузинской церкви, которые с 1880-х годов ожесточённо боролись против попыток со стороны России ввести письменность для мингрельского и абхазского языков на кириллической основе» (с. 332).

Они выражают сожаление в связи с тем, что ещё при царской власти «был поставлен заслон на пути попыток со стороны России ввести мингрельский в качестве языка преподавания в школе».

Да, этот «заслон» был поставлен, но в результате консолидации общественного мнения грузин (всех субэтносов, включая мегрелов), а не правительством Грузии или «бюрократией карательных органов», которые попросту не существовали в XIX и в начале XX столетия, когда Россия, в состав которой тогда входила Грузия, была абсолютной монархией.

Авторы: *Неудача планов создания мингрельского литературного языка в конце XIX столетия – пример, пригодный для разъяснения роли различных акторов и разных интересов. (а) Интересы русских языковедов, чиновников и церковных функционеров, способствовавших становлению литературного языка, могут включать идеалистические мотивы; но они, несомненно, сильно определялись намерением, продиктованным имперским принципом «разделяй и властвуй», т. е. должны были оказаться менее полезными мингрелам, нежели навредить грузинам. Относительно этой позиции грузинская историография, возможно, несколько односторонняя, но не слишком далека от реальности. (б) Напротив, согласно источникам, мингрельское население было явно расколото (как и в 30-е гг.). Это значит, что имелись как сторонники, так и противники. Провал царской политики был, конечно, не так выражен (неясных) желаний мингрелов, как результатом агитации (в), которую вела сетевая структура грузинских активистов, включая мобилизованные ими мингрельские элиты, в особенности духовенство.*

Относительно бюрократии имеет место недоразумение или также смешение с 1937–1938 гг., ведь, конечно, в XIX в. не существовало никаких грузинских карательных органов.

Р. Гачечиладзе: Что касается использования разных языков внутри одной нации, это не является исключительно грузинским явлением. Например, шотландцы-горцы (highlanders) говорят на одном из кельтских языков (Gaelic), тогда как большинство остальных – на Scots, являющемся диалектом английского языка. Но все они шотландцы.

Авторы: Мы согласны с этим, но в то же время должно быть ясно, что такая инкорпорация часто первоначально осуществлялась насильственными средствами и к тому же не является стабильной. Чтобы следовать примеру, избранному рецензентом, скажем: после объединения английской и шотландской корон (1707) на высокогорье дело неоднократно доходило до массового истребления говоривших на гэльском языке, а также до депортаций (Highland Clearances – «Чистки нагорья») и запретов говорить по-гэльски, так что сегодня, в исторически короткий период, составляющий только 200 лет, на гэльском говорят всего лишь маленькие остатки населения Шотландии. Идеализация не показана.

Р. Гачечиладзе: О грузинском национализме можно сказать, что он не особенно отличался от национализма европейских этносов XIX века, формировавшего нации и национальные государства. Именно процессу формирования нации способствовала политика «грузинских националистов и грузинской церкви». Не думаю, что это явление заслуживает едких слов. Кроме того, в Российской империи не было независимой (автокефальной) грузинской церкви.

Авторы: Указание на отсутствие автокефального характера формально корректно. Известно также и о подавлении грузинских церквей в результате агрессивных стремлений к централизации и русификации именно на рубеже веков, около 1900 г., что мы не оспариваем. Но фактически в деревнях Грузии, кроме русских поселенцев и ссыльных, большей частью молокан или духоборцев, именно на периферии были задействованы почти исключительно грузинские духовные лица. Контроль над этими священниками со стороны Московского патриархата был совершенно невозможен.

Р. Гачечиладзе: Приходится выразить досаду: книга, результат многолетней работы, могла бы быть намного лучше, если бы глава «Этнос и террор» не оставляла впечатления написанной на основании некой предвзятой установки, что влияет на её научное качество.

Авторы: Следует приветствовать тот факт, что проф. Гачечиладзе в значительной степени воздерживается от полемики с авторами и концентрируется на обсуждении методических вопросов. Но в целом статья обнаруживает тенденцию превращать Грузию или соответственно Тбилиси в простого получателя команд и орган исполнения указаний из Москвы и самого

Сталина. Тем самым дается новая пицца «мифу о райской невинности» (Мераб Мамардашвили) Грузии¹⁴. Это соответствует и тенденции других грузинских статей. Подводя итоги, можно констатировать: рецензент не углубляется в основной тезис авторов, согласно которому речь шла о согласованных между Москвой и Тбилиси действиях, в ходе которых Тбилиси обладал большой свободой действий и использовал её, чем можно объяснить различную интенсивность преследования отдельных этнических групп тройкой, в значительной степени идентичной с кадровой точки зрения. При этом авторы отнюдь не оспаривают тот факт, что первоначальная инициатива по осуществлению массовых репрессий исходила из Москвы и что абсолютно превосходящее число жертв в Грузии составляли грузины, равно как и в общесоюзном масштабе больше всего жертв приходилось на долю русских. В этой мере может быть только целесообразным измерить соотношения между числом жертв в соответствующей части населения, как автор Гачечиладзе и сделал в своей книге «Мой двадцатый век» (т. 1, 2008) и [в своей статье, с. 6] объявил целесообразным. Но в предлагаемом высказывании он не позволяет этому «целесообразно» иметь силу применительно к Грузии, так как, по его мнению, абсолютная численность меньшинств внутри Грузии представляется слишком малой и нерепрезентативной. Он сливает всё в общий «пул жертв» и тем самым оставляет, например, невыясненным измеренное относительно доли населения различие в степени репрессирования немцев (1,4 %), осетин (0,24 %) и абхазов (1 %). Исходя из отсутствия объяснения, следует считать это различие чисто случайным, в то время как авторы всё-таки предлагают объяснение, которое опирается на различные, причём не только на этнические, мотивы.

Перевод с немецкого: Валерий Брун-Цеховой

5. Прошлое не проходит

О. Райснер¹⁵. Диспут между представителями немецкой историографии Восточной Европы, с одной стороны, и грузинскими представителями Академии Министерства внутренних дел, а также

историками из числа грузин, изгнанных из Абхазии, – с другой, о том, в какой мере сталинские репрессии 1937–1938 гг. обладали этнической компонентой, образцово воспроизводит роль истории в качестве легитимирующей науки на определённой территории, маркированной как национальная, определяющейся в качестве «собственной» или принадлежащей какой-либо этнической группе. Можно ли из этого асимметричного переплетения противоречащих друг другу интерпретаций исторического процесса, которые пропагандируются особенно в грузинских и абхазских учебниках истории, найти и пути к преодолению этих интерпретаций? Для этого мы должны сначала сделать шаг назад и внимательнее рассмотреть общие условия формирования исторического знания как в Советском Союзе, так и после прекращения его существования. Бросается в глаза слияние политических элит с профессиональными историками, с одной стороны, а также национализма, политики и историографии – с другой, возникшее в качестве «косвенного последствия идеологической “оттепели” 50-х гг.» и приведшее к формированию историко-национальных рамок интерпретации, имеющих силу и по сей день¹⁶. Этот «фрейминг», как лингвисты называют данные рамки интерпретации для языковой конструкции действительности, оказывает достаточно значительное влияние на то, ЧТО является в данном контексте объектом дискуссии, и то, КАК её вести.

Одиночная перспективность вместо множественной

Во многих из перепечатанных здесь статей проявляется однозначно сфокусированная на группе внутренняя перспектива, исключающая любую возможность отклоняющейся интерпретации как неверную, ложь или даже интриганский заговор. Чем жестче это исключение представлено сколь угодно бессмысленными упреками с одной или другой стороны, тем более ясной становится легитимирующая и формирующая идентичность функция этих утверждений, исключающихся тем самым из какой бы то ни было постановки вопроса (исторической и других). Предпосылки этого сложны, но объясняются прежде всего формированием противоречащих друг другу национальных проектов на этапе советской национальной политики, которые исторически обосновывали «этнизацию» территориальных административных единиц. Этот специфический вариант формирования наций в рамках «этнического федерализма» Советского Союза был в первую очередь передан историкам, лингвистам и другим представителям гума-

нитарных наук, которым надлежало осуществить внесение соответствующей привилегированной титульной нации в имеющуюся территорию. Так, с начала работы над историей Советского Союза во второй половине 30-х гг. мы встречаем отчасти перекрывающие друг друга, изолированные национальные нарративы, в которых исключалась какая бы то ни было форма аккультурации, культурного обмена и т. д. среди примордиальных этнических общностей¹⁷.

Они основываются на известных в когнитивистике под названием frames мыслительных рамках интерпретации, которые возникли и усваиваются благодаря опыту и взаимодействию с окружающим миром. Они помогают оценивать и классифицировать факты и активизируются с помощью применения определённых слов, большей частью метафор¹⁸. В конце концов в политических дискуссиях решающее значение имеют не факты, а мыслительные рамки интерпретации, в которые эти факты вкладываются. Как будет показано далее, я осознаю конфликт, обсуждаемый в данном томе, в первую очередь не как научный, а как политический диспут. Определяющие его frames до сих пор не были открыто опознаны или признаны, критически рассмотрены и удостоены внимания ни одной из сторон. Без их тематизации нельзя, однако, даже частично понять глубокие причины конфликтов. Как обстоит дело с этими frames в постсоветской Грузии? Первые культурологические и литературоведческие исследования указывают на обоснование действующих в настоящее время frames в период сталинизма¹⁹. Рекомендуется сравнить грузино-абхазский «случай» с другими «национальными» фреймингами в Центральной и Восточной Европе²⁰.

В то время как в западной исследовательской литературе бесчисленные публикации посвящены соотношению науки и политики в Советском Союзе и государствах – преемниках СССР, на самом постсоветском пространстве зияет огромный пробел²¹. Уже в 1971 г. американский специалист по русской истории Нэнси У. Хиэр описывала советскую историографию (партии) как «в высшей степени чувствительную подсистему, которая представляет широкую политическую систему, характеризующуюся высокой контрастностью». «Постсталинистскую историографию КПСС следовало бы рассматривать не как чистое отражение политики, а как микрокосм макрокосма, которым является советская социально-политическая система»²². Такова категорическая позиция Хиэр. Но то, что для западных историков во времена

холодной войны было частью критики идеологии, для молодых национально ориентированных постсоветских образований и руководящих ими элит представляет собой критику системы, затрагивающую легитимность государственной самостоятельности, о которой просто нельзя было думать и которая является поэтому «невообразимой историей»²³.

На следующих страницах я буду рассматривать предписанную государством передачу исторических знаний, основываясь на школьных учебниках, чтобы можно было лучше выяснить существенные структурные признаки или «нарративные шаблоны»²⁴. После этого я обращусь к историографии и историкам.

«Абхазия – это Грузия»²⁵

В Грузии фрейминг этнифицированной территориальной истории был одобрен официальной властью в 1943 г. с изданием первого учебника «История Грузии. Часть 1: С древнейших времен до начала XIX столетия». Учебник истории был создан ведущим историком того времени Симоном Джанашиа, а в качестве соавторов выступали умерший в 1940 г. старейшина грузинской национальной истории Иване Джавахишвили и Николоз Бердзенишвили. Этот учебник использовался в грузинских средних школах до 1956 г. и был запрещен только в ходе кампании по десталинизации. В нем уже в § 2 находится важное телеологическое истолкование сталинского варианта самых ранних картлийских родов до кульминационного пункта (культурного) становления нации при советской власти²⁶. В § 36 этого учебника Абхазия вводится²⁷ впервые под названием Abazgia с Abazgen и Apshilebi как два из нескольких местных родов, боровшихся в VI в. против римлян и персов. Но здесь отсутствует однозначная этническая соотнесенность. Связи с Россией рассматриваются впервые в главе 19, § 137 в контексте попытки Петра Великого осуществить экспансию в южном направлении и затем в заключительной 21-й главе под названием «Объединение Грузии с Россией» (§§ 147–149), в которой Грузия стала «колонией» царской России.

«Конечно, это было зло, против которого грузинский народ неустанно боролся, пока он вследствие Великой Октябрьской революции не добился свободы. Но в имевшихся исторических условиях речь шла всё же о меньшем зле: из трёх враждебных государств (Россия, Иран, Османская империя) Россия с её близкими религией и культурой была для Грузии единственной прогрессивной державой, которая смогла объединить территорию Грузии

и создать необходимые предпосылки для развития производительных сил страны. В истории Грузии началась новая эпоха. Борьба, длившаяся столетиями, завершилась выходом из чуждого, враждебного окружения, и грузинский народ при поддержке России вернулся снова и окончательно на европейский путь развития»²⁸.

Следовательно, в то время как этническое многообразие на территории Советской республики Грузии игнорировалось, обнаруживается – в ослабленной форме в качестве «меньшего зла» – роль Грузии как жертвы по отношению к России. Это продолжается вплоть до 80-х гг. в учебном пособии «История Абхазии», изданном на русском языке Зурабом Анчабадзе и Георгием Дзидзарией. Во введении представлен историографический обзор опубликованных научно-исследовательских работ, который вряд ли соответствовал потребностям учащихся средних школ, но благодаря авторитетным именам историков должен был обосновать «историческое» притязание на территорию как неотъемлемую часть истории Грузии²⁹.

«Абхазия и есть Абхазия»³⁰

Притязанию на Абхазию как часть Грузии, представляемому грузинской стороной, противостоит учебное пособие «История Абхазии», опубликованное кандидатом исторических наук Станиславом Лакобой в качестве ответственного редактора вместе с рядом абхазских историков уже в 1993 г., после распада Советского Союза. Здесь нет указания на целевую группу читателей. Вероятно, авторы создавали учебник истории для студентов всех специальностей в качестве обязательного основного курса.

Уже во «Введении» к «Происхождению абхазского народа» заселение Абхазии предками абхазов было обосновано с помощью истории языка и топонимов историком В.Г. Ардзинбой и филологом В.А. Хирикбой, истолковавшими родство с языками Северного Кавказа в качестве родства народов. Картвельские языки упоминаются, но не идентифицируются как относящиеся к южной группе кавказской языковой семьи. Как и у грузин, топонимика заменяет отсутствующие письменные источники и предлагает тем самым достаточное пространство для ретроспективных интерпретаций.

Лиана Кварчелия, с позиций гражданского общества комментирующая исторический диспут из Абхазии, представляет конфликт как противостояние двух государств, которое, однако, в своей структуре очень похоже на грузинский нарративный шаблон:

«Абхазская государственность существовала более 1200 лет, и абхазцам приходилось неоднократно защищаться от вражеских вторжений»³¹.

Правда, притеснения исходили не от России, а со стороны Грузии как следующего по рангу звена в иерархии этнически-территориальных административных единиц. С распадом царской России и образованием Грузинской Демократической Республики на Кавказе возникают проблемы меньшинств, которые трактовались, с опорой на советский нарратив, с отрицательной коннотацией как «буржуазно-меньшевистская диктатура»³². Советский период ещё следует нарративу развития и строительства. Всего лишь две страницы посвящены тяжёлым «последствиям культа личности» Сталина для «хозяйственного и культурного развития» Абхазии, связанным с именем сталинского наместника в Грузии Лаврентия Берии. Репрессии 1937–1938 гг. обсуждаются исключительно как мероприятия в рамках «националистической политики Берии в Абхазии». То обстоятельство, что здесь речь идёт о Большом терроре, осуществлявшемся на всём пространстве Советского Союза, остается за скобками. В одном абзаце особое внимание обращается на репрессии против абхазской интеллигенции после «смерти» (или лучше сказать, убийства) Нестора Лакобы, возглавлявшего партийную организацию Абхазии, как и на «привлечение» ведущих грузинских учёных к грузинизации абхазского алфавита. Далее на семи страницах рассматривается тема «политики переселения в Абхазии» во второй половине XIX столетия, насильственная миграция мусульман (мухаджирство), которая была продолжена грузинским руководителями в XX в. обстоятельно анализируется инициированная Лаврентием Берией в 1937 г. и осуществленная 25 июня 1938 г. кампания под названием «Абхазпереселенстрой», имевшая целью принудительное переселение грузинских крестьян в «многоземельную» Абхазию. Грузинская сторона не предлагает ни обстоятельного исследования, ни политической и моральной оценки этого явления. Проблема, как представляется, устранена из общественной памяти³³.

Интересна и попытка «Кавказского дома», равным образом не представляющая никакого исторического исследовательского учреждения, проанализировать странное зрелище, открывающееся с другой стороны, т. е. восприятие Грузии в абхазском историческом нарративе³⁴. Лучше было бы, однако, сначала самокритично исследовать роль Абхазии в грузинском историческом нарративе и наоборот, говоря об абхазах, роль Грузии в абхазском историческом нарративе.

Этнизация территорий

Создание «этнических территорий» занимает в школьных учебниках значительное место³⁵. В большинстве случаев территориальные притязания легитимируются с помощью карт. Так, например, Лакоба (1993) использовал карты Абхазии, которые уже применительно к каменному веку изображают пограничные линии для государственного образования и на которых зачастую употреблялись фразы «на территории Абхазии/Апсилии», «староабхазское политическое образование в седьмом столетии» и «феодалное» государственное образование в восьмом и т.п. Сходные карты обнаруживаются у Джанашиа (1943–2016) и других грузинских историков. Ни в одном из этих учебных пособий не говорится о том, что территориальные государства характерны для развития Европы в Новое время, т. е. территориальных границ в античном мире и в Средние века не существовало. Первые формы историографической территориализации обнаруживаются у Джавахишвили (1919) и Ингорквы (1919) в период независимости Грузинской Демократической Республики вследствие необходимости дать новым национальным государствам, возникшим из распавшейся царской России, хоть как-то определённые границы.

Многие современные работы часто производят странное впечатление освобожденности от своего первоначального исторического контекста, ограниченности собственной страной или территорией. Несмотря на отсылку к (древне)грузинским источникам и подчёркивание «этнически многообразного состава Абхазии», в обратной исторической проекции картвельские этносы мингрелов и сванов уже в VIII в. располагаются в современном районе расселения. Многочисленные волны миграции населения с Востока на Запад, составляющие специфику Кавказа, игнорируются и заменяются парадигмой автохтонности³⁶.

Этнизация прошлого

Как доказала Нино Чиковани, проанализировавшая грузинские учебники истории, прошлое при ретроспективном взгляде в грузинских учебниках истории «этнизируется», что исключает из изображения истории коннотации общего или разделенного прошлого в преимущественно мультиэтнических обществах³⁷. Несмотря на представление генеалогий властителей – объединённое «Царство абхазов и грузин (картвелов)» (XI–XIII вв.) – доминирующий династический аспект средневековой власти «этнизиру-

ется» тем, что династии Багратидов придаётся однозначно национальная коннотация³⁸.

Интересно, что именно здесь снова начинаются посреднические усилия международных организаций. В то время как политический посреднический процесс в Женеве не приносит результатов, на передний план в работе международных неправительственных организаций всё более выступает критическое рассмотрение истории конфликта (Фонд Бергхоф в поддержку мира, Conciliation Resources, Фонд Генриха Бёлля и т. д.)³⁹.

Методические совпадения

При всех приведённых здесь содержательных противоречиях учебники характеризуются существенными структурными совпадениями: к примеру, они в большинстве случаев не содержат указаний первоисточников, так что школьники не могут самостоятельно проверять выдвинутые утверждения. Тем самым учащиеся однозначно оказываются жертвой попытки индоктринации в пользу исключительно национально-государственных стереотипов объяснения без критического и научного осмысления. Правда, они и не создают основу исторического образования в названных странах, где вновь и вновь выдвигаются требования «патриотического воспитания». Эта практика явно противоречит запрету на индоктринирование, который, например, в Германии является частью консенсуса в сфере образования⁴⁰.

Исключения представляют попытки исследовать противоположные перспективы в тандеме авторов обеих сторон⁴¹. Так как подобный образ действий часто имеет и политические последствия для авторов, это, вероятно, останется исключением, пока научные принципы не смогут возобладать в противовес национальным заявлениям о лояльности в научной среде соответствующих стран. Тем же можно объяснить и отсутствие концептуальных дебатов в историографии, как и в историческом образовании, которые информируют о системной функции политической легитимации и тем самым оказываются подвергнутыми критической рефлексии. Так, в Грузии после «Революции роз» с большим реформаторским рвением вводились новые учебные планы и учебники, не основывавшиеся больше на перспективе, в центре которой находилось государство. Вместо этого предлагалась мультиперспективность, в том числе благодаря многообразию учебников. В конце концов ввиду отсутствия концептуальных дебатов результат реформаторских процессов, происходивших в преподава-

нии истории оказался довольно-таки незначительным. В кругах, оппозиционных правительству Саакашвили, выдвигалось требование возвращения к более «идеологическим» или якобы «объективным» формам исторических трудов⁴². Рефлексии относительно связанности каждого исторического исследования с местом его создания ещё не последовало.

Функции исторических наук в советское время и в наши дни

Если в каждой политической системе историография служит тому, чтобы обеспечивать социализацию будущих поколений, легитимировать существующие политические институты, воспроизводить упрочившиеся нравы и мифы или придавать более объективный характер официальной политике, то это в особой степени касается постсталинского Советского Союза ввиду единственного в своём роде смешения исторических, идеологических и политических факторов⁴³. В ходе их исследования до сих пор рассматривался преимущественно московский центр, а историческими дискурсами внутри отдельных Советских республик пренебрегали⁴⁴. Но эти дискурсы о новой грузинской истории представляют собой важную предпосылку для понимания и правильной классификации грузинских научно-исследовательских работ. Взаимоотношение научных и национальных притязаний Грузии, с одной стороны, и идеологических требований партии и государства, предъявляемых к исторической науке, с другой, ещё ждут более обстоятельного историографического исследования. Это особенно касается «переплетенной» историографии граничащих этнотерриториальных административных единиц. В дальнейшем некоторые указания на спорные историографические вопросы и развитие науки постсталинского периода могли бы или должны были бы создать условия развития исторических наук и свободное пространство для этого процесса.

Историографические или исторические разногласия между московским центром и периферией служили и в Тбилиси приспособлению исторической интерпретации к потребностям партии, прежде всего в сфере национальной политики. Ещё во времена Сталина партийное руководство в рамках проводимой им политики «расцвета» национальных культур побуждало историков к написанию национальных историй. В то же время национальная политика, задавая свои представления с классовой точки зрения, ставила тесные границы; национальное прошлое можно было интерпретировать в соответствии только с двумя историческими

«течениями», «прогрессивным» и «реакционным». Это означало на практике искажение истории, так как каждое национальное самоутверждение против русского окружения надлежало оценивать как «реакционное»⁴⁵. Объединение Грузии с Россией должно было, таким образом, в 1950-е гг. быть объявлено исторически прогрессивным явлением с подчёркиванием дружбы между двумя народами – грузинами и русскими⁴⁶. Такая позиция весьма не просто была принята в Грузии, так как оценка этого события дискутировалась среди грузинских историков и националистов уже до советизации. Поэтому ЦК Компартии Грузии сначала лишил Институт истории им. Джавахишвили возможности исследовать грузинскую историю XIX и XX вв. и передал её в «исключительную компетенцию филиала» Института Маркса – Энгельса – Ленина в Тбилиси, который в идеологическом отношении считался более надёжным. По словам историка, академика Николоза Бердзенишвили (1894–1965), Институт истории им. Ивана Джавахишвили, «несмотря на это, полулегально работал над историей Грузии в XIX столетии»⁴⁷.

Академик, главный редактор журнала «Вопросы истории» А.М. Панкратова через год после смерти Сталина критиковала в ереванской газете «Коммунист» (№ 150, 26.06.1954) изданную С. Джанашиа «Историю Грузии» (Тб., 1946), которая, в частности, не подчёркивала «прогрессивное значение объединения Грузии с Россией», а оценивала его только как «меньшее зло». В соответствии с этим роль восстаний крестьян и князей после «воссоединения» в начале XIX столетия исследовалась в Москве, а не в Тбилиси⁴⁸. Ключевой для того времени грузинский текст – рецензия на монографию «Общественно-политическое движение в Грузии в XIX столетии», написанная профессором университета Авелем Киквидзе на кафедре истории Грузии, была подвергнута жесткой критике уже упоминавшимся известным медиевистом Николозом Бердзенишвили. Как представляется, Бердзенишвили возражал здесь против национальной идеологизации или инструментализации истории, охвативших широкие круги грузинских историков, к числу которых, по-видимому, принадлежал и Авель Киквидзе⁴⁹.

На совместном заседании Академии Наук (АН) СССР и Грузинской ССР в 1954 г. пришлось держать ответ президенту грузинской АН Н.И. Мухелишвили. Ему напоминали об идеологических ошибках при разработке истории Грузии и анализе последствий объединения с Россией⁵⁰. Президиум грузинской АН, не мешкая

(решение от 24.06.1954), сообщил об этой критике в Институт им. Джавахишвили, потребовав от руководства института уделять больше внимания исследованию коренных вопросов истории Грузии (например, её экономическому положению, истории классово-борьбы, национально-освободительному движению в XIX столетии, отдельным вопросам феодализма, как то возникновению государственности, взаимоотношениям грузинского народа с другими народами страны, борьбе с буржуазной идеологией и т. д.). Это привело к повторной реструктуризации института при «прямой организационной и практической поддержке» Академии и сыграло «положительную роль в научной жизни коллектива, который мобилизовал свои силы на устранение недостатков в работе»⁵¹.

С момента второго подъема советской историографии после XXII съезда КПСС (1961 г.) наряду с Университетом им. Иване Джавахишвили исторические исследования концентрировались в Институте истории, археологии и этнографии им. Иване Джавахишвили, который сегодня может опираться на свою без малого 100-летнюю традицию. Только с 1946 по 1964 гг. численность научных сотрудников возросла с 52 до 200 человек, почти вчетверо. Наконец, по состоянию на 31.12.1987 общая численность научных сотрудников составила 538 человек⁵². В соответствии с этим во второй половине 1960-х гг. произошло также существенное возрастание прежде всего научных исследований по истории Грузии с древности до настоящего времени. В этот период в советской Грузии, как и в большинстве других советских республик, настаивали на цельном отображении истории Грузии в форме многотомного издания, которое, наконец, вышло по-грузински в восьми томах с 1970 по 1980 гг.⁵³

Особенно интересно, как и когда грузинская историография на уровне республики реагировала на дискуссии о национализме в СССР с 1966 по 1970 гг., прежде всего в журнале «Вопросы истории»⁵⁴. Дело в том, что ведущие медиевисты, например Качарава и Апакидзе, отодвинули образование «феодалной грузинской нации» в X–XII вв.⁵⁵. «Длительная историческая традиция» могла быть разработана в качестве стратегии против заимствования русских культурных моделей под девизом распространения марксизма-ленинизма. Историк Акакий Сургуладзе был вынужден в 1970 г. снова установить ясную линию партии и прекратить дискуссию вокруг понятия «нация» в Грузии⁵⁶.

Но насколько далеко идущими оказались последствия этих дискуссий, обнаружилось уже в начале 1970-х гг. Дела Сидамонидзе и Менабде были в связи с идеологической ревизией в науке и искусстве в 1972 г. при новом руководителе компартии Грузии Эдуарде Шеварднадзе, заклеены как «националистические уклоны»⁵⁷. С начала 70-х гг. в соответствии с новой политической линией КПСС по отношению к национальностям, входившим в состав страны, от нерусских историографий ожидался больший акцент на «сближении» наций в новом советском народе вместо их прежнего расцвета благодаря «успехам» на протяжении новейшей истории. Усилия Москвы по координации и интеграции ошутимо нарастали (актуализация и регионализация исторического исследования, выходявшие за пределы отдельных советских республик). Это происходило не без сопротивления со стороны национальных историков, сначала при поддержке советской власти создавших национальные картины истории, которые привели к усилению национального (само)сознания и продолжали питать потребность в национальном самоизображении. Мартини метко резюмирует:

«В общем и целом можно говорить о национальной историографии, которая стремится спроецировать в прошлое результаты запоздавших процессов формирования наций; с точки зрения нерусских наций речь идёт о научных проектах, которые документируют уровень достижений их историографии и с которыми поэтому опосредованно или непосредственно соподчиняется остальное историческое исследование»⁵⁸.

С точки зрения Мартини, историография национальностей становится в конце концов тем более функциональной (в значении мирной перспективы урегулирования для многонационального советского общества в 1979 г.), чем более самостоятельно она может работать. С таким ответом, производившим впечатление парадоксального, не соглашалась московская бюрократия от науки, не отличавшаяся особой осмотрительностью⁵⁹. В Грузии уже с апреля 1972 г. вследствие «дела Сидамонидзе» с относительно мягким наказанием автора и вовлеченных в разбирательство сотрудников Институт им. Джавахишвили и издательства «mespiereba» [наука] стало ясно, что «нарастание националистических настроений зашло столь далеко, что захлестнуло правящую элиту республики, попытавшуюся защитить национально мыслящих грузин от гнева Москвы»⁶⁰. В Грузии эта опора в местной партийной и государственной элите должна была быть

сломана в результате смены руководителя компартии. Так Василий Мжаванадзе был заменен в декабре 1972 г. прежним министром внутренних дел Грузинской ССР Эдуардом Шеварднадзе⁶¹.

Это даёт повод предположить, что даже в «ортодоксальной» официальной грузинской советской историографии свободное пространство «признанного разногласия»⁶² было относительно значительным, а отличия от «неортодоксального», неформального и отклоняющегося понимания истории грузинской нации, например среди диссидентов, наблюдалось только на уровне нюансов. Образование этих диссидентских кружков происходило параллельно с расширением научного персонала прежде всего в гуманитарных и общественных науках с начала 1960-х гг. Юрген Гербер проанализировал совпадения и различия а также разделенные отношения в режиме дискурса между партийным руководством диссидентами в Грузии⁶³.

В таких условиях «политизация» новой и новейшей истории неизбежна. С ослаблением давления со стороны Центра и нарастающим напряжением в отношениях между Центром и периферией в Грузии стираются границы между «ортодоксальным» и «неортодоксальным» национализмом. В 1980 г. появляется первая монография на тему «Национальный вопрос в Грузии 1801–1921 гг.»⁶⁴. Данное исследование по истории идей и политической истории ещё полностью остается в существующих идеологических рамках, но в то же время обращает на себя внимание главной тематической направленностью. После смерти Брежнева снова возникает интерес к вопросу о нации, условиям её развития и её историческим, т.е. этническим, предшественникам. Уже в ноябре 1983 г. историк Коранашвили обсуждает как в Институте им. Джавахишвили так и в Тбилисском филиале Института Маркса – Энгельса – Ленина отвергнутую Сталиным работу австромарксиста Отто Бауэра. Правда, доклад Коранашвили был опубликован только в 1994 г. Автор констатирует в нем, пусть даже осторожно, недостаточное обращение марксистских классиков к «национальному вопросу»⁶⁵.

В период перестройки и гласности 1989–1991 гг. общественное восприятие прошлого превратилось в чисто политический феномен, который интерпретировался независимо от социальных факторов (ср. Давид Пайчадзе) и в первую очередь опирался на дореволюционные традиции (Арчил Джорджадзе, Михаил Церетели, Нико Николадзе)⁶⁶.

Патетическое отношение к собственной истории часто оценивалось и прежде, и в наше время как «патриотическая позиция», занять которую публицист и основатель грузинской педагогики Якоб Гогешашвили уже на исходе XIX столетия требовал от каждого грузина, искренне любящего свою Родину. Напротив, уже в 1904 г. основатель современной грузинской историографии Иване Джавахишвили (1876–1940) попытался объяснить пользу для общества самокритичного, основанного на рефлексии обращения с историей собственного народа и защитить автономию научных принципов. Однако своей «Историей грузинского народа» (1908) он сам возводит нацию в статус коллективного субъекта исторического изображения – субъекта, пришедшего на смену династической форме изложения⁶⁷.

Превращение в нечто провинциальное благодаря «интериоризации по сути дела перзрелых национальных систем ценностей историками», фиксирующимися всего лишь на собственной истории и представляющими результаты проведенных исследований исключительно на своих национальных языках и таким образом делавшими невозможным научный обмен с историками других советских республик или даже с заграницей, представляло собой постоянную опасность⁶⁸. Опасность, которая вполне давала себя знать в Грузии ввиду отсутствия традиции внешней ориентации (как, например, у армян благодаря диаспоре) и наличию многолетней историографической традиции. Этот тип грузинской «блестящей изоляции» и с методической точки зрения не очень благоприятен для инноваций, имеющих своей целью открытие новых в тематическом отношении свободных пространств (чего, например, пытались добиться эстонские историки благодаря тесному сотрудничеству с социологами или созданию исторической комиссии по проверке достижений эстонской историографии советского периода)⁶⁹. Интернационализация грузинской национальной историографии не осуществлена и по сей день, но это не означает, что нет иностранных исследований по истории страны. Правда, они едва воспринимаются грузинскими историками.

По-иному обстоит дело в сфере философии. Например, в Институте философии Нодар Натадзе задается вопросом о функции и роли культуры для национального сознания⁷⁰. В такой же степени исключением был и кружок политического философа Гии Нодии:

«Прежде чем люди начнут создавать демократию, они должны решить (или, если угодно, “вообразить”), что они являются нацией,

политическим сообществом, которое нуждается в собственной политической организации – с тем, чтобы выразить их “единую волю” и организовать свою жизнь так, как, на их взгляд, и подобает»⁷¹.

Следовательно, Нодия указывает на взаимоотношения национализма и индивидуализма, т.е. выделение отдельного элемента из конкретных корпораций в пользу свободных ассоциаций. Вопрос о роли конкретных условий развития грузинской интеллигенции и развития национальной культуры, а также о необходимости самокритичного и характеризующегося более глубокой рефлексией обращения с собственной историей политической философии не ставит. Он ведь и не историк. Как бы то ни было, Нодия впервые рассматривает вопрос об «исторической ответственности» в противопоставлении «синдрому замороженной истории»:

«Результатом влияния синдрома “замороженной истории” на ментальность является освобождение людей от чувства исторической ответственности за их эволюцию при тоталитарном режиме. Следовательно, синдром “замороженной истории” находит своё продолжение в виктимизации и умонастроении в категориях “внешнего врага”... Синдром “замороженной истории” изгоняет это всеобщее чувство вины и направляет свою энергию на поиски козлов отпущения, создавая тем самым совершенную основу для развития правых авторитарных тенденций»⁷².

Наступает абсолютизация...⁷³ «Психология крепостных» превратилась в отличительный признак грузинского национального характера, так как она отложилась глубоко в национальном мировоззрении и препятствовала формированию отдельной личности как политического субъекта. Вот грузинский народ и представлял по своей социальной психологии скорее патерналистскую (церковную) общину византийско-русского типа религии, нежели объединение политических субъектов⁷⁴. Правда, и эти более критически настроенные учёные воздерживаются от принципиальной критики советской грузинской исторической науки, так как в значительной части её носители, работавшие в 1960-е гг. как в университете, так и в Институте им. Джавахишвили, были ещё людьми с положением. С 1970-х гг. они принадлежали к числу сподвижников тогдашнего руководителя республиканской партийной организации, а затем президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе. Критика в адрес советской историографии оценивалась бы как личный выпад против представителей научного истеблишмента.

Институциональные рамки и облик историка

Знаменательно, что эти критические анализы национально-исторических нарративов обнаруживаются в сфере исследования школьных учебников и осуществляются этнологами и культурологами, но не историками для исторической науки. Не считая немногих положительных исключений, не существует историографических исследований научной системы понятий, отмеченной воздействием советского строя и часто применяющейся ещё и сегодня⁷⁵.

Грузинские историки расколоты по вопросу об отношении к России. В то время как одни хотят опираться на прежние тесные контакты, другие объявляют страну козлом отпущения за все проблемы Грузии. С течением времени эти взгляды оказали влияние и на составление учебных планов по предмету «история» и учебников истории, а также на создание музея советской оккупации (или, лучше сказать, осуждения её последствий), разъясняющих, что готовность к манипулированию историей согласно собственным политическим позициям и частным интересам сохранилась в неприкосновенности. Взаимопонимания относительно прошлого между оппонирующими внутривнутриполитическими силами, с одной стороны, и между конфликтующими сторонами, с другой, по-прежнему не предвидится⁷⁶.

Бывший президент Саакашвили сам пользовался историческим нарративом, который был разработан диссидентами в 1970-е гг. в качестве формы «неортодоксального национализма», затем политизирован журналистами и студентами в 1980-е гг. и, наконец, распространялся в 1990-е гг. профессиональными историками. В то время как этот ещё и сегодня доминирующий исторический нарратив возводит роль России в истории Грузии в цель критики со стороны дружелюбно настроенных по отношению к России интеллектуалов, история абхазов и осетин не признается или воспринимается как нечто второстепенное. Последние сопротивляются в соответствии с теми же аргументами против грузин, с какими те протестуют против русского доминирования. Но эти структурные моменты сходства не принимаются во внимание или по меньшей мере не составляют объект рассмотрения. Вместе с грузинским культурологом Зазой Шатиришвили, который когда-то указал на антагонизм между «старой» интеллигенцией и «новыми» интеллектуалами как на противоречие, основанное на личных отношениях, а не на принципиальных убеждениях, мы можем сделать вывод о том, что в сфере грузинской истории нет воз-

возможности освобождения историографии от политического влияния, пока не будет достигнута договоренность о научных стандартах, выходящая за стороны конфликта. Без диалога и поисков консенсуса истории и впредь придется расплачиваться за определение политического статуса противостоящих групп.

Всем постсоветским народам, особенно вовлеченным в конфликты по поводу легитимного притязания на господство на определенной территории, не лишне напомнить об осторожности: обращение к «их прошлому» только на первый взгляд является научным исследованием – на самом деле мы наблюдаем более или менее выраженные процессы поисков самоутверждения с «операцией на открытом сердце», которым является собственная идентичность. На мой взгляд, всё ещё не похоже на то, что грузинское, абхазское и осетинское общества в состоянии открыто посмотреть в глаза моральным перекосам своего общего болезненного прошлого. По-английски для характеристики этой ситуации применили бы понятие *entangled* – перепутанный. Грузия как раз находится в пути, ведущем к тому, чтобы в постсоветском XXI столетии разобраться с самой собой, и ей ещё предстоит разработать необходимый для этого научный и понятийный аппарат.

Стоит признать, что актуальность этой проблематики снова повысилась и в Германии, о чём отчетливо свидетельствует следующая цитата: «Коллективная и структурная безответственность, которую наглядно демонстрирует нам дело Хольма, только что возведшая его в должность и теперь снова изгоняющая оттуда, не останавливается, к сожалению, и перед цехом историков, к которому я причисляю себя. Наша задача как историков должна была бы заключаться в том, чтобы в дискуссиях вокруг политики по отношению к прошлому очень быстро с той же методической тщательностью, с которой мы осуществляем наши собственные проекты, критически проанализировать имеющиеся источники без преждевременной фиксации на результате. Нам следовало бы предложить общественности варианты того, как можно прийти к взвешенным оценкам. Есть причины структурного характера, не позволяющие нам это сделать: во-первых, у нас мало времени для собирания и оценки первоисточников, ничего общего не имеющих с нашими текущими проектами; во-вторых, для нас рискованно вмешиваться в общественно-политические вопросы; и в-третьих, если мы всё-таки вмешиваемся, то нередко нашими оценками управляют наши чувства, а не знания, полученные благодаря изучению истории»⁷⁷.

Авторы: Как нам представляется, дело социолога Андрея Хольма из Берлинского университета им. Гумбольдта, назначение которого на пост сенатора красно-красного земельного правительства в Берлине не состоялось, так как он умолчал о своём сотрудничестве со итази и поначалу также из-за этого был уволен из Университета им. Гумбольдта, не соответствует по уровню глубоким историографическим проблемам. Но при такой констатации наша задача не состоит в том, чтобы воспринимать германскую систему науки и общественную систему или другие западные системы как нечто свободное от ошибок. Несмотря на некоторые аспекты скорее структурного свойства, обрисованные журналисткой М. Детьен – «нежелание-знать» о прошлом Хольма внутри руководства и/или администрации вуза, – этот случай является, вероятно, единичным. Характерно, что удалось даже скорректировать импульсивную реакцию руководства университета. Увольнение Хольма было ещё и потому отменено спешным решением суда, что возникла широкая дискуссия вокруг случившегося как в прессе, так и среди студентов университета.

Вполне достойная обсуждения основная мысль самокритичной рефлексии, например националистический стереотип в историографии, скорее наводила бы на мысль о сравнении с проникнутой реставраторскими настроениями, отчасти апологетическими в отношении национал-социализма историографии времен Аденауэра в молодой Федеративной Республике Германии; и здесь тоже можно было бы, подобно тому, как это делает рецензент применительно к грузинской историографии, констатировать, что время для отхода от таких стереотипов или даже их дискурсивного преодоления ещё не пришло. Но такого рода снятие ответственности с грузинской историографии представляется нам проблематичным с точки зрения этики и социологии науки. Разумеется, научные работники действуют в своей общественной среде, но в то же время они должны быть доступны в качестве объектов анализа в соответствии с принципами научного универсализма⁷⁸. Дать национальной историографии «отпущение» от этих принципов было бы равнозначно её дискредитации и превращению в нечто инфантильное. Оценка «ещё не настолько далеко» кажется слишком оптимистической. Как раз в кризисные времена возможно развитие в обратном направлении, которое представлено не только национал-социалистской исторической наукой по сравнению с временами Веймарской респуб-

лики и даже Второй империи (антисемитизм, фланкирование холокоста и агрессивных войн), но и, например, украинской историографией, которая во всё большей степени руководствуется сверхнационалистическими принципами. О необходимости осторожности напоминает также наметившаяся эрозия качества дискурса в науке и обществе в Германии, Великобритании и США. Возникает вопрос, как долго следует ждать, пока общество или цех историков будут «готовы». Поэтому в таких дискуссиях об истории страны не следует принимать во внимание чувствительность или «уровень развития», но их надлежит направлять туда, «где ощущается боль». Здесь обязанность возлагается как раз на внешних наблюдателей, более независимых от национального влияния и давления.

Перевод с немецкого: Валерий Брун-Цеховой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Комментарии Т.К. Блаувельта к книге «Большевистский порядок в Грузии» (29 сентября 2014 г.). Ответные замечания Марка Юнге, Даниеля Мюллера и Бернда Бонвеча (ноябрь 2014 г.). См. *Большевистский порядок в Грузии*. Том 1. С. 470–476.

² В данной связи следует рекомендовать одну из не самых известных статей Мартина, в которой он объясняет, как бюрократические нужды сталинской административной системы, вопреки изначальным намерениям большевиков, закрепили в СССР традиционное, исконное понимание национальной идентичности: *Martin T. Modernization or neo-traditionalism? Ascribed nationality and Soviet primordialism // Fitzpatrick Sh. (ed.) Stalinism: New Directions. – London, 1999. С. 348–367.*

³ Некоторые могут возразить, что данный подход уделяет ненужное внимание элите, однако, на мой взгляд, в таких небольших и ограниченных регионах, как Кавказ (и, возможно, в ещё большей степени Абхазия), граница между «элитой» и остальным населением часто оказывается размытой.

⁴ *Blauvelt T. March of the Chekists: Beria's Secret Police Patronage Network and Soviet Crypto-Politics // Communist and Post-Communist Studies. 2011. № 1. 44. С. 73–88.*

⁵ *Blauvelt T. Abkhazia: Patronage and Power in the Stalin Era // Nationalities Papers. 2007. № 2. 35. С. 203–232.*

⁶ *Blauvelt T. The 'Mingrelian Question': Institutional Resources and the Limits of Soviet Nationality Policy // Europe-Asia Studies. 2014. № 6. 66. С. 993–1013.*

⁷ Дополнительное замечание: в одном фрагменте текста авторы обсуждают особый случай абхазского и осетинского языков в Грузинской ССР, которые были переведены на грузинское письмо (в то время как во всех остальных случаях латинская графика была заменена кириллицей). Джереми Джонсон, работая в армянских архивах над будущей диссертацией, обнаружил свидетельства, согласно которым курдский язык в Армянской ССР был переведен на новое письмо на основе армянской графики. С одной стороны, этот факт показывает, что языковая политика в Грузинской ССР не была уникальной. С другой стороны, он служит подтверждением того, что центральное руководство оказывало поддержку республикам при реализации процессов титульной гомогенизации в обсуждаемый исторический период.

⁸ Рецензии Георгия Майсурадзе на первый вариант книги «Большевицкий порядок в Грузии» (декабрь 2014 г.). Ответ М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча (март 2015 г.). См. Большевицкий порядок в Грузии. Том 1. С. 481–485.

⁹ Отзыв Ивана Ментешашвили на первый вариант введения «Под снегом» (сентябрь 2014 г.). Ответы Марка Юнге, Оливера Райснера, Бернда Бонвеча с поддержкой Даниеля Мюллера (февраль 2015 г.). См. Большевицкий порядок в Грузии. Том 1. С. 476–481.

¹⁰ Отзыв на книгу «Большевицкий порядок в Грузии» (ноябрь 2016 г.). Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча (февраль 2017 г.).

¹¹ Сводная таблица о деятельности «кулацкой» тройки // Большевицкий порядок в Грузии. Том 2. С. 431–433.

¹² См.: «Попытка достижения консенсуса», глава 4 «Импульс к дальнейшему изучению этнического фактора репрессий» в настоящей книге.

¹³ *Andrews Peter Alford. Ethnic groups in the Republic of Turkey. – Wiesbaden, 1989.*

¹⁴ О механизмах и причинах этого дискурса, в котором национальная идея не переносит «загрязнения» постановкой критических вопросов, ср.: *Andronikashvili Z., Maisuradze G. Philologen gegen Philosophen // Osteuropa. 2015. № 7–10. С. 231–247.*

¹⁵ Комментарий Оливера Райснера к проекту «Массовые репрессии в Грузии» от 26.02.2017. Ответ Б. Бонвеча, Д. Мюллера и М. Юнге от 01.03.2017.

¹⁶ Такая постановка вопроса до сих пор актуальна, как показал проект, осуществлявшийся при поддержке Фонда Фольксвагена (1976–1982). *Stöckl Günther. Schlussbericht über das Forschungsprojekt «Die Interdependenz von Historiographie und Politik in Osteuropa» (Köln, 6. Januar 1983). См.: Troebst Stefan. Ein vergessener Paradigmenwechsel? Geschichtswissenschaft und Politik im östlichen Europa // Themenportal Europäische Geschichte. 2009, URL: <http://www.europa.clilo-online.de/2009/Article=368> (15.12.2016). Ausführlicher: Zwischen Amnesie und Nostalgie. Die Erinnerung an den Kommunismus in Südosteuropa / Сост. Ulf Brunnbauer, Stefan Troebst. – Köln: Böhlau, 2007. См.: Schwab-Trapp Michael. Historische Argumente im politischen Diskurs. Über den Gebrauch der deutschen Vergangenheit im Diskurs über den Jugoslawienkrieg // SOWI – Sozialwissenschaftliche Informationen. 1998. № 4. С. 265–271 (Тема: Власть языка – язык власти).*

¹⁷ *Cheterian Vicken*. War and Peace in the Caucasus. Russia's Troubled Frontier. – London: Hurst & Co., 2008, Ch. 2: History, Intellectuals and Conflicts in the Caucasus. С. 37–85; *Shnirelman Victor A*. The Value of the Past: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia. – Osaka: National Museum of Ethnology, 2001. С. 3–15; *Suny Ronald Grigor*. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. – Stanford, 1993. С. 98–106.

¹⁸ *Wehling Elisabeth*. Politisches Framing. Wie eine Nation sich ihr Denken einredet – und daraus Politik macht. – Köln: Halem, 2016 (edition medienpraxis, 14). На манипулирование с помощью языка в журналистике указывал в 1945 г. уже Джордж Оруэлл: *Politics and the English Language* (London: Penguin Books).

¹⁹ *Pias mamuli [Отечество Или]* // *sakartvelo atastsleulta gasaqarze – Georgia on the Crossroads of the Milleniums* / Сост. Zurab Kiknadze. – Тбилиси: Arete, 2005. С. 28–52; *Maisuradze Giorgi, Thun-Hohenstein Franziska*. Sonniges Georgien. Figuren des Nationalen im Sowjetimperium. – Berlin: Kadmos, 2015. С. 205–303. См. об Армении: *Lehmann Maïke*. Eine sowjetische Nation. Nationale Sozialismusinterpretationen in Armenien seit 1945. – Frankfurt/New York: Campus, 2012.

²⁰ *Smith David J*. Framing the National Question in Central and Eastern Europe: A Quadratic Nexus? // *The Global Review of Ethnopolitics* Vol. 2 no. 1, September 2002. С. 3–16.

²¹ *Marko Kurt*. Sowjethistoriker Zwischen Ideologie und Wissenschaft. Aspekte der sowjetrussischen Wissenschaftspolitik seit Stalins Tod, 1953–1963. – Köln 1964; *Marko Kurt*. Streit in der sowjetischen Geschichtswissenschaft. Notiz zur ideologischen Gegenwartssituation in der Sowjetunion (Berichte des Bundesinstituts für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien, 23–1972). – Köln, 1972; *Windows on the Russian Past. Essays on Soviet Historiography since Stalin* / Сост. Samuel H. Baron, Nancy W. Heer. – Columbus, Ohio, 1977. *Górny Maciej*. Przede wszystkim ma być naród. Marksistowskie historiografie w Europie Środkowo-Wschodniej [На первом месте должна стоять нация. Марксистские исторические науки в Центрально-Восточной Европе]. – Warszawa, 2007. С. 20. См. также: *Górny Maciej*. Marxist Historiography in Poland, Czechoslovakia and East Germany (late 1940s – late 1960s) // *The Sovietization of Eastern Europe. New Perspectives on the Postwar Period* / Сост. Balász Apor, Péter Apor, E.A. Rees. – Washington DC, 2008. С. 249–265; *Klio ohne Fesseln? Historiographie im östlichen Europa nach dem Zusammenbruch des Kommunismus* / Сост. Alojz Ivanišević u. a. – Wien, 2002; *(Re)Writing History. Historiography in Southeast Europe after Socialism* / Сост. Ulf Brunnbauer. – Münster, 2004; *Narratives Unbound. Historical Studies in Post-Communist Eastern Europe* / Sorin Antohi, Balász Trencsényi, Péter Apor. Budapest, 2007; *Past in the Making. Historical Revisionism in Central Europe after 1989* / Сост. Michal Kopeček. – Budapest, 2008.

²² *Heer Nancy W*. Politics and History in the Soviet Union. – Cambridge, Mass., 1971. С. 58, 270.

²³ *Trouillot Michel-Rolph*. Silencing the Past. Power and the Production of History. – Boston: Beacon Press, 1995, здесь в основном глава 3. С. 70–108.

²⁴ *Wertsch James*. Collective Memory and Narrative Templates // *Social Research* Vol. 75, No. 1, Collective Memory & Collective Identity (Spring 2008).

C. 133–156; *Jones Siân*. The Archaeology of Ethnicity: Constructing identities in the past and present. – London & New York: Routledge, 1997.

²⁵ *Анчабадзе З.В., Дзидзария Г.А., Куправа А.Е.* История Абхазии. Учебное пособие. – Сухуми: Абхазский Гос. Университет: Алашара, 1986.

²⁶ *Berdzenishvili Nikoloz, Javakhishvili Ivane, Janashia Simon.* sakartvelos ist'oria. Natsili I: udzvelesi droidan XIX saukunis damdegamde. C. Janashias redaktsiit. Sakhlemdzghvano sashualo skolis up'rosi klasebisat'vis. Motsonebulia sak'art'velos ssr ministr't'a sabtchos mier. – Тбилиси, 1943–1956. С. 10–13. Эта книга была в 2016 г. переиздана тиражом в 2 тыс. экземпляров как «datusakhebuli istoria» [запретная история].

²⁷ Там же. С. 139–140.

²⁸ Там же. С. 492. Перевод с грузинского Оливера Райснера.

²⁹ *Анчабадзе З.В., Дзидзария Г.А., Куправа А.Е.* История Абхазии. Учебное пособие. Рекомендовано Министерством высшего и среднего образования Груз. ССР. – Алашара, 1988. И последнее: Джемал Гамахария (главный редактор): Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней. – Тбилиси: ИНТЕЛЕКТИ, 2009.

³⁰ История Абхазии. Учебное пособие / Сост. Станислав Лакоба. – Гудauta: Алашара, 1993.

³¹ *Kvarchelia Liana.* Georgia-Abkhazia Conflict: View from Abkhazia // Demokratizatsiya https://www2.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/demokratizatsiya%20archive/06-01_kvarchelia.pdf

³² *Лакоба.* История Абхазии (1993). С. 281–324.

³³ *Лакоба.* История Абхазии (1993). С. 345–354. Обрисованные здесь аспекты ещё полностью отсутствуют, кстати, в: *Анчабадзе, Дзидзария, Куправа.* История Абхазии (1988).

³⁴ *Тато Хундадзе, Георги Канаишвили.* Аналитика: Грузия в абхазском национальном нарративе. Источник: <http://regional-dialogue.com/bulletin/buletin4/geo-in-abkhazian-national-narrative/> (25.12.2016).

³⁵ *Rumyantsev Sergey.* Ethnic Territories: Presentation Practices in Historical Textbooks in Post-Soviet Azerbaijan and Georgia // International Textbook Research. 2008. № 4. 30. С. 811–824; *Румянцев Сергей.* Национализм и конструирование карт «исторических территорий»: обучение национальным историям в странах Южного Кавказа // *Ab Imperio*. 2010. № 1. 4. С. 415–461.

³⁶ *Shnirelman Victor A.* The Value of the Past: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia. Osaka: National Museum of Ethnology, 2001, Part II: The Georgian-Abkhazian Conflict, esp. Chapter 10 History, religion, demography, politics.

³⁷ *Chikovani Nino.* The Problem of a Common Past in Multiethnic Societies (The Case of Georgian History Textbooks) // International Textbook Research. 2008. № 4. 30. С. 797–810.

³⁸ Первый стабильный учебник: *Berdzenishvili N., Javakhishvili Iv., Janashia S.* sak'art'velos istoria. Natsili I: udzvelesi droidan XIX saukunis damdegamde. C. Janashias redak'ciit. Sakhlemdzghvano sashualo skolis up'rosi klasebisat'vis. Motsonebuli sak. ssr ministr't'a sabtchos mier. – Тбилиси, 1943–1956.

³⁹ *Zemskov-Züge Andrea.* History Dialogue between Georgians and Abkhaz: How Can Working with the Past Pave New Ways? // *Politorbis*. 2015. № 2 (60). С. 23–29. *Clogg Rachel, Elbakidze Marina, Inal-Ipa Arda.* The Art of the Possi-

ble: Dealing with Past Violence in the Georgian-Abkhaz Conflict // Accord Insight. 2016. № 3 (Conciliation Resources) <http://www.c-r.org/where-we-work/caucasus/history-georgian-abkhaz-conflict> (19.05.2017).

⁴⁰ В системе политического образования со времени «Бойтельсбахского консенсуса» (1976) и Мюнхенского манифеста (26 мая 1997 г.) он входит в основной педагогический канон Федеративной Республики Германии. Земельный центр политического образования Баден-Вюртемберга. <http://www.lpb-bw.de/beutelsbacher-konsens.html> и http://www.lpb-bw.de/muenchner_manifest.html (11.10.2016).

⁴¹ *Gamaghelyan Philip, Romyansev Sergey*. History Education in the South Caucasus // Turkish Policy Quarterly. Vol. 13, no. 1 (Spring 2014). С. 121–130.

⁴² *Razmadze Maya*. Abgründe des Goldenen Zeitalters. Sowjetvergangenheit in Georgiens Schulbuch // Osteuropa. 2010. № 8. 60. С. 91–103; основывается на её диссертации, защищённой в Европейском университете Виадрина, Франкфурт-на-Одере, 2015; *Kitaevich Evgenia Jane*. History that splinters: education reforms and memory politics in the Republic of Georgia // Journal South-east European and Black Sea Studies. 2014. № 2. 14. Наконец, *Stamenic Boris*. Geschichtspolitik in postsowjetischen Staaten: Belarus, Estland und Georgien im Vergleich. Saarbrücken: AV Akademikerverlag, 2013. <https://www.akademiker-verlag.de/site/av-akademikerverlag/10>

⁴³ *Heer Nancy Whittier*. Politics and History in the Soviet Union. – Cambridge / London, 1971. С. VII.

⁴⁴ О проблеме нерусских историографий Советского Союза: *Martiny Albrecht*. Das Verhältnis von Politik und Geschichtsschreibung in der Historiographie der sowjetischen Nationalitäten seit den sechziger Jahren // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1979. 27. С. 238–272; *Kappeler Andreas*. Die Historiographien der nichtrussischen Völker der RSFSR in den siebziger Jahren // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1981. 29. С. 53–79.

⁴⁵ *Rakowska-Harmstone Teresa*. The Dialectics of Nationalism in the USSR // Problems of Communism. May–June 1974. С. 15.

⁴⁶ *Tillett Lowell*. The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill, 1969. С. 326–329 (о несостоявшихся акциях русской военной помощи в XVII и XVIII столетиях и первом муже царицы Тамары, Юрии Боголюбском, известном в средние века как Георгий Русский).

⁴⁷ *Жордания Отар Константинович*. Институт истории, археологии и этнографии им. акад. Иване Александровича Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР. – Тбилиси, 1988. С. 79.

⁴⁸ *Маркова О.П.* Восстание в Кахетии 1812 г. – М., 1951; См. также критику этой работы эмигрантом Миндия Лашаури. История Грузии XIX–XX вв. в современной советской интерпретации (Исследования и материалы Института по изучению СССР. Серия II, № 44). – München, 1956. С. 27–32.

⁴⁹ Название вызывает в памяти знаменитое исследование: Джавахишвили Иване. Политическое и социальное движение в Грузии в XIX в. – СПб., 1906 (перепечатано в: Джавахишвили Иване. *kartveli eris ist'oria. s'igni meore*. – Тбилиси, 1953. С. 98–129), в котором была впервые предпринята попытка исторического анализа социальных процессов, происходивших в Грузии в XIX столетии. Рецензия была впервые опубликована в 1955 г. в «*Studien des*

Instituts für Geschichte» (ist'oriis inst'it'ut'is šromebi, Т. 1). Здесь цитируется по: *Berdzenišvili Nik'oloz*. K'ik'vidze – sazogadoebrivi-p'olit'ik'uri modzraoba sakartveloši XIX sauk'uneši (erovnul-ganmatavisuplebeli brdzola) [Общественно-политическое движение в Грузии в XIX столетии – национально-освободительная борьба] // *Berdzenišvili Nik'oloz*. Sakartvelos ist'oriis sak'itxebi [Вопросы истории Грузии]. Т. V. – Тбилиси, 1971. С. 250–277. По поводу групп интересов, которые с обеих сторон настаивали на объединении или, соответственно, сопротивлялись этому. См.: С. 254–256.

⁵⁰ *Миндия Лацаури*. История Грузии XIX–XX вв. в современной советской интерпретации. – Мюнхен, 1956. С. 15 (Исследования и материалы Института по изучению СССР. Серия II, Вып. 44).

⁵¹ *Жордания Отар*. Институт истории, археологии и этнографии Грузии. – Тбилиси: мес'niereba, 1988. С. 84.

⁵² Обзор истории института, его кадров и научно-исследовательских работ см. в: *Жордания*. Институт истории. С. 80, 106, 109. Численность академического персонала исследователей просто «взорвалась» с 3513 в 1940-м до 9137 чел. в 1960 г. и, наконец, достигла в 1970 г. 20160 человек. Эти и дальнейшие данные по расширению сектора науки и культуры в 60-е гг. См.: *Katz Zev, Rogers Rosemarie, Harned Frederic*. Handbook of Major Soviet Nationalities. – New York, London, 1975. С. 179–183.

⁵³ Sakartvelos ist'oriis nark'vevebi [Очерки истории Грузии] / Сост. Giorgi Melikišvili и др. – Тбилиси. Т. 1 (1970); 2 (1973); 3 (1979); 4 (1973); 5 (1970); 6 (1972); 7 (1976); 8 (1980). Только в конце 1980-х гг. последовал сокращённый русский перевод томов 1, 2, 5 под названием «Очерки истории Грузии. – Тбилиси Т. 1 (1989); Т. 2 (1988); Т. 5 (1990). В дальнейшем грузинское издание цитировалось как «nark'vevebi», а русское под названием «Очерки». Поэтому появление первых пяти томов оценивалось и как главное достижение историков Грузии в 1970–1974 гг., см., например: *Pajčadze Giorgi*. Грузия // Развитие советской исторической науки 1970–1974. Изд. Акад. наук СССР. Национальный комитет историков Советского Союза. – М., 1975. С. 385.

⁵⁴ *Mommsen Hans, Martiny Albrecht*. Nationalismus, Nationalitätenfrage // Marxismus im Systemvergleich / Hrsg. C.D. Kernig. Geschichte. Redaktion: Hans Mommsen und Wolfgang Schieder. Bd.3. – Frankfurt/M., 1974 (Sonderausgabe der Enzyklopädie «Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft»), Sp. 161–165; о значении этого для нерусских национальных историографий: *Martiny*. Politik und Geschichtsschreibung. С. 248; *Oberländer Erwin*. Zurück zu Stalin. Das Ende der sowjetischen Diskussion um den Nationsbegriff // Berichte des BIOst. 1970. 54.

⁵⁵ *Parsons William Rober Jamest*. The Emergence and Development of the National Question in Georgia, 1801–1921. Unpubl. Ph.d. thesis. University of Glasgow. January 1987. С. 559.

⁵⁶ *Surguladze Ak'ak'i*. Eris cnebis da revoluciamdel sakartveloši erovnul-ganmatavisuplebeli modzraobis et'ap'ebis šesaxeb [О понятии нации и этапах национально-освободительного движения в революционной Грузии]. – Тбилиси, 1970; по поводу понятия нации: *Reisner Oliver*. Zur Geschichte des Begriffs «eri» in der modernen georgischen Historiographie // *Georgica*. Zeit-

schrift für Kultur, Sprache und Geschichte Georgiens und Kaukasiens. 2013. 35. С. 62–77.

⁵⁷ *Gerber Jürgen*. Georgien: Nationale Opposition und kommunistische Herrschaft seit 1956. – Baden-Baden: Nomos, 1997. С. 40–44; См. также: *Katz et al.*: Handbook. P. 184; *Martiny*. Politik und Geschichtsschreibung. С. 237–272.

⁵⁸ *Martiny*. Politik und Geschichtsschreibung. С. 258.

⁵⁹ *Martiny*. Politik und Geschichtsschreibung. С. 272.

⁶⁰ *Duevel Christian*. Nationalist Rumbblings in Georgia // Radio Liberty Dispatch, May 10, 1971; цитируется по: *Katz et al.*: Handbook. С. 184.

⁶¹ Мжаванадзе вменялись в вину националистические «отклонения» политического свойства, состоявшие, например, в том, что он пытался управлять республикой как независимым леном. *Rakowska-Harmstone*. Dialectics of Nationalism. С. 13.

⁶² Это понятие было применено Мартини (Politik und Geschichtsschreibung. С. 272).

⁶³ *Gerber*. Georgien: Nationale Opposition und kommunistische Herrschaft seit 1956. С. 61–114, 200–205. По поводу «ортодоксального» и «неортодоксального» национализма в СССР: *Rakowska-Harmstone*. Dialectics of Nationalism. С. 4: «Ортодоксальный» национализм стремится к политической, экономической и культурной автономии внутри системы, между тем как «неортодоксальный» национализм характеризуется требованием об отделении или, соответственно, независимости и непризнанием идеологической основы существующей системы».

⁶⁴ *Bendianišvili Aleksandre*. Erovnuli sak'itxi sakartveloši 1801–1921 с'с'. [Национальный вопрос в Грузии 1801–1921 гг.]. – Тбилиси, 1980.

⁶⁵ *Qoranašvili Guram*. Etnik'uri pormebi c'inak'ar'it'alist'uri xanis sakartveloši [Этнические формы в Грузии в докапиталистическую эпоху] // *Qoranašvili Guram*: Sakartvelos ist'oriis sak'itxebi (nac'ili I) [Вопросы истории Грузии. Часть I]. – Тбилиси, 1994. С. 136–168; s.a. ders.: Etnik'uri tvitšegneba da t'radiciebi [Этническое самосознание и традиции]. – Тбилиси, 1984.

⁶⁶ См., например: *Teimuraz Vacht'angišvili*. Tergdaleulta memk'vidreobis axlebur i int'erpretaciisatvis [По поводу своевременной интерпретации наследия Tergdaleulebi] // *Arist'ot'eles saxelobis berdznul-kartuli universit'et'is šromebi* [Труды Греко-грузинского университета им. Аристотеля]. Т. 3. – Тбилиси, 1995. С. 123–129.

⁶⁷ *Javachišvili Ivane*. Mamulišviloba da mecniereba [Патриотизм и наука]. – Тбилиси 1904.

⁶⁸ *Martiny*. Politik und Geschichtsschreibung. С. 254f.

⁶⁹ Ср., например, об упразднении рабочей группы по исторической методике в 1982 г., после того, как она была организована лишь немногими годами ранее, *Qoranašvili Guram*. Gavamzadot k'leios saplavi sakartveloši? [Готовим ли мы в Грузии похороны музе Клио?] // '7 dghe' [Семь дней] 22.12.1995. № 50. С. 5.

⁷⁰ *Nodar Natadze*. eri da erovnuli k'ult'ura [Нация и национальная культура]. – Тбилиси, 1990.

⁷¹ *Nodia Ghia*. Nationalism and Democracy // Journal of Democracy. 1992. № 3. 4. С. 7.

⁷² *Nodia Ghia*. Nationhood and Self-Recollection: Ways to democracy after communism // *Towards a New Community. Culture and Politics in Post-Totalitarian Europe.* / Сост. С. J.C. Duncan and M. Rady. – Hamburg / Münster, 1993. С. 63

⁷³ *Zurabišvili Davit*. Kartuli int'eligenciis brc'qinvaleba da siyat'ak'e [Блеск и нищета грузинской интеллигенции] // Коллектив авторов. Ć'k'ua vaisagan [Понимание через страдание]. – Тб., 1994. С. 1–19.

⁷⁴ *Jochadze Avto*. 800-c'lovani bat'onqmobis marc'uxebši [В «клетках» 800-летнего крепостничества] // Коллектив авторов. Ć'k'ua vaisagan [Понимание через страдание]. – Тб., 1994. С. 20–40.

⁷⁵ *Бикбов А.Т.* Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014; *Bikbov A.* The Grammar of Order: A Historical Sociology of the Concepts That Change Our Reality. National Research University Higher School of Economics. – Moscow: HSE Publishing House, 2014.

⁷⁶ См.: *Reisner Oliver*. Interpreting the Past – From Political Manipulation to Critical Analysis? // *Caucasus Analytical Digest*. 2009. № 2.

⁷⁷ *Detjen Marion*. Andrej Holm – Es bleiben nur Verlierer // *ZEIT Online*. 16.01.2017. <http://www.zeit.de/kultur/2017-01/andrej-holm-berlin-rot-rot-gruen-michael-mueller-10nach8/komplettansicht>

⁷⁸ *Merton Robert*. The Normative Structure of Science // *Merton Robert*. The Sociology of Science. Theoretical and empirical investigations. Edited with an Introduction by Norman W. Storer. Chicago/London: The University of Chicago Press, 1973 [Первое издание 1942 г.]. С. [267]–278.

АБХАЗСКИЕ И ЮЖНООСЕТИНСКИЕ РЕПЛИКИ

Среди нехоженных путей
Один – пусть мой.
Среди невзятых рубежей
Один – за мной.
А имена тех, кто здесь лег,
Снега таят.
Среди непройденных дорог
Одна – моя.

*Владимир Высоцкий.
Горная лирическая. 1969*

1. Дьявол кроется в деталях

С. Лакоба¹: С огромным интересом ознакомился с фундаментальной работой «Большевистский порядок в Грузии», особенно с главой «Этнос и террор», которая вызвала бурную реакцию некоторых грузинских исследователей, что нашло своё отражение в главе «Грузия в пути», посвящённой подробному освещению дискуссии, разгоревшейся между немецкими и грузинскими учёными.

На основе анализа огромного количества статистических материалов Большого террора 1937–1938 гг. в Грузии немецкие исследователи пришли к выводу, что грузинские власти, помимо указаний из Москвы, проводили и свою собственную линию в репрессивной политике. Задается также вопрос об этнической, расистской компоненте: не усматриваются ли в этом терроре возможные черты геноцида? В пользу такого подхода говорит, например, особенно высокий показатель жителей Абхазии, подвергшихся террору, – и «среди них именно абхазы репрессировались в большом количестве».

Авторы: *Мы подняли вопрос о том, осуществлялся ли во время Большого террора в Грузии геноцид в отношении меньшинств, включая абхазов, так как этот тезис о сталинском геноциде или о «геноцидальном характере» массовых преследований серьёзно и, разумеется, не без основания, дискутируется среди исследователей. Наши материалы, однако, не допускают этого вывода применительно к Грузии, что мы и высказали со всей ясностью.*

С. Лакоба: Такая постановка вопроса вызвала бурю негодования среди отдельных грузинских учёных, которые вышли далеко за рамки академической лексики, обвиняя авторов в антигрузинских политических целях, следовании русской имперской и кремлевской традиции, сепаратистской и даже национал-социалистской идеологии... Весь этот набор обвинений Абхазии хорошо знаком по 80–90-м гг. прошлого века, когда тот же Д. Гамахадия осуждал абхазских историков за «неправильное освещение» истории. Именно он, тогда буйный сторонник Звиада Гамсахурдия, депутат грузинской фракции парламента Абхазии, «диссидент» и одновременно преподаватель истории КПСС, накануне грузино-абхазской войны открыто заявил в прессе: «Права грузинской

нации шире прав человека»². Известный грузинский эксперт Г. Нодия отмечал, что в прессе того времени «можно без труда найти немало расистских высказываний»³.

К сожалению, отдельные выступления тбилисских историков, приведённые в дискуссии (глава «Грузия в пути»), говорят о том, что их мировоззрение за прошедшие почти 30 лет практически не изменилось. Парадоксально, но, осуждая всё советское, они по-прежнему живут в его прошлом.

В принципе их возмущение вызвано тем, что немецкие исследователи в результате тщательного анализа преступной статистики 1937–1938 гг. в Грузии лишь подтвердили этническую составляющую репрессий, о чём в своё время неоднократно заявляли не только абхазские историки.

Авторы: *Интересно было бы точное сравнение наших выводов и тезисов, которые «в своё время неоднократно формулировали не только абхазские историки». С помощью сопоставления цитат можно было бы выявить, где имеются действительные соответствия, а где – различия, например, с такими авторами, как З. Анчабадзе, Б. Сагария, А. Куправа и Т. Ачугба, тем более что для нас не комплимент, если наша позиция не отличается по существу от непосредственного постсоветского исследования и трудов, выбирающих другой угол зрения и источники иного характера. Но уже благодаря рецензии Майкла Костелло становится ясно, что, например, работа А. Куправа, несомненно, отличается от нашей в том, что касается метода, содержания, источниковедческой основы, а также оценки.*

С. Лакоба: Репрессии, развязанные в Абхазии в этот период, особенно после смерти в Тбилиси главы правительства Абхазии Н. Лакобы, обрушились не только на простых крестьян, интеллигенцию, видных государственных и общественных деятелей. Здесь, в отличие от Грузии, репрессии имели свои особенности. Абхазский народ пытались обезличить и представить как одну из грузинских народностей. В 1937–1938 гг. абхазская письменность была переведена с латинской на грузинскую графическую основу, шёл процесс замены исконных географических (топонимических) названий на грузинские, проводилось массовое насильственное переселение в Абхазию (особенно в 1937–1953 гг.) из районов Западной Грузии десятков тысяч колонистов (в основном мегрелы), которых подсаляли в абхазские села Очамчирского, Гудаутского и Гагрского районов с целью их растворения в грузинской среде. За счёт такого механического прироста чис-

ленность грузинского населения между переписями 1939 и 1959 г. увеличилась почти на 70 тыс. человек, в то время как коренного абхазского – всего на 5 тысяч. В 1940-х годах были закрыты абхазские школы, абхазам запрещали называться народом, искажалась история, гонениям подвергалась культура. Неуклонно понижался национально-государственный статус республики (ССР Абхазия – Договорная ССР Абхазия – Абхазская АССР). Эти и многие другие факты, которые постоянно пытаются оспорить некоторые грузинские историки, давно известны не только в Абхазии, но и далеко за её пределами, где многократно озвучивались. Достаточно ознакомиться с работой С. Данилова «Трагедия абхазского народа», в которой однозначно говорится о целенаправленном преследовании абхазов в 30–50-е гг. XX в. в целях их ассимиляции⁴.

С оценками С. Данилова перекликается политическая характеристика событий тех лет в Абхазии советолога Д. Слайдера. Он, в частности, пишет: «Большая часть политической истории Абхазии 1931–1953 гг. была под властью Лаврентия Берии... Там явно велась спланированная политика, руководимая Берией». Против этих мер, продолжает он, протестовал до своей «загадочной смерти» Нестор Лакоба. В 40–50-х гг. «Берия начал кампанию явного уничтожения абхазов как этнокультурной целостности»⁵.

Таким образом, статистические выкладки относительно этнического характера репрессий 1937–1938 гг. подтверждают мнение о том, что они явились начальной, стартовой политикой, спланированной Сталиным-Берией и нашедшей своё дальнейшее продолжение в разных формах вплоть до 1953 года.

В этой связи небезынтересным представляется постановление Парламента Республики Абхазия «Об осуждении геноцида и других репрессивных мер против абхазского народа и представителей других народов, проживающих в Абхазии, властями Грузинской Демократической Республики и Советской Грузии и преодоления их последствий»⁶.

Авторы: *Разумеется, политические декларации и решения парламентов не могут рассматриваться как результаты исследований в соответствии с постулатом *sine ira et studio* («без гнева и пристрастия». – Пер.). Для этого следовало бы, по нашему мнению, разрешить ещё очень много вопросов.*

С. Лакоба: Вызывает горькую усмешку позиция Д. Гамахарии (кстати, свой политизированный отзыв на окончательный вариант

«Этноса и террора» он прислал на бланке тбилисской «автономной Абхазской республики», не имеющей к реальной Абхазии никакого отношения), который обвиняет немецких авторов в «продолжающейся кремлевской политике, направленной на расчленение грузинского этноса». Возмущение связано с тем, что в понятие «грузины» не включены аджарцы, мегрелы, сваны, бацбийцы. Очень сильно раздражают и лазы, которые подверглись жесточайшим репрессиям. «Господа авторы должны знать, – с пафосом заявляет Гамахария, – что в истории не существует такой даты, когда мегрелов и сванов отделили или включили в состав грузинской нации. Они совместно с картлийцами изначально составляли и ныне составляют ядро грузинского этноса, разрушить которое какими-то “источниками” [...] невозможно» (с. 379).

Авторы: *Наши вопрос касается того, в чём, по мнению автора, живущего в Абхазии, заключается в деталях политизация рецензии Джемала Гамахари и в какой мере абхазский автор, со своей стороны, может защититься от использования в политических целях своих исторических исследований и заявлений в связи с сильным толчком к формированию нации в Абхазии или вообще хотел бы сделать это. Даже если его формулировки не принимают чрезвычайно полемического и пристрастного характера, свойственного грузинским авторам, подвергнутым критике, то они всё же демонстрируют, что и абхазскому интеллектуалу на нынешней фазе трудно сохранять дистанцию от государства и политики.*

С. Лакоба: Насколько известно, у Ноя Жордании, главы первой Грузинской республики, была иная точка зрения, которая во многом совпадает с мнением немецких учёных. Он отмечал: «Гурийцы... даже представить себе не могли свободную Грузию. Они не имели представления о единой грузинской нации. Грузия была для них “Картли” (от XV до XIX века другие народы иногда давали Грузии название “Сакартвело”, включавшее только Карталинию и Кахетию), а грузины – картлийцы, иногда кахетинцы. [...] У нас не было государственных традиций, одного общего национального прошлого и национальных навыков. В XIII веке прекратилось наше единение, наше государственное сознание, и оно воскресло совершенно в других условиях»⁷.

Комментарии здесь излишни, а о мегрелах, сванах и др. даже и речи не было. Да и сам Гамахария отмечает, что «имперская статистика к графе “грузины” относилась лишь картлийцев и кахетинцев» (с. 378). Как видим, мнение Жордании вполне совпадает

с «имперской» статистикой. Следует отметить, что по материалам переписей 1897, 1926 гг. мегрелы и сваны даны в отдельной графе, а в переписи 1937 г. они уже причислены к грузинам. На эти факты и обратили внимание немецкие исследователи.

Вообще представляется полезным и необходимым хотя бы в тезисной форме дать основные выводы, к которым пришли авторы «Этноса и террора» на основе тщательного изучения статистических баз данных архива МВД Грузии. Это – сведения о проведении «кулацкой» операции («кулацкая тройка»), «национальных» операций («двойка» и «национальная тройка») и социальной чистки («милицейская» тройка). Дана и классификация жертв в зависимости от национальной принадлежности, в том числе по таким категориям: титульная нация ГССР (грузины); титульные нации «второго ранга» («полутитульные» нации) – абхазы и осетины и т. д.

Авторы: На протяжении всего текста рецензии рецензент неоднократно подчёркивает в разных вариантах, что в некоторых пунктах комментариев представляется ему «излишним» или он, наоборот, считает «полезным» и «необходимым» комментировать определённые вещи или не делать этого. Обоснование часто отсутствует. Мы, однако, сочли это необходимым, так как таким образом обусловленность аргументов благодаря пространству и времени становится более очевидной для читателя.

С. Лакоба: Авторы рассматривают репрессии через призму национальной политики и её грузинского варианта, усматривают тесную связь между репрессиями (против абхазов, аджарцев, осетин) и процессом формирования титульной грузинской нации, проводят мысль о том, что власти Абхазии поддерживали лазов, греков, армян, чтобы противостоять натиску партийно-советского руководства Грузии и более лояльным им мегрелам. Так, частота приговоров лазам к высшей мере наказания (ВМН) была «экстремально высокой» в сравнении с собственно грузинами.

В параграфе 5 говорится о репрессиях в отношении «полутитульных» наций абхазов и осетин, осуждённых в 1937–1938 гг. «кулацкой» тройкой при НКВД ГССР. По приказу № 00447 общее число жертв составило среди абхазов и осетин 895 человек, причём 62 % (554 человека) были этническими абхазами, что «бросается в глаза», т. к. в соотношении к численности абхазского населения (55409 человек) в составе Грузии – они «подверглись непропорционально жестоким репрессиям». Если сравнивать с грузинами, то показатель абхазов, приговорённых к ВМН, почти вдвое выше (с. 248–249).

Особенно пострадало абхазское крестьянство, цвет нации. Проводимая повсеместно «кулацкая» операция имела своей целью чистку потенциально нелояльных крестьян. На момент ареста к крестьянам относились 45 % репрессированных абхазов (122 человека), что на 18 % превышало средний показатель по Грузии. Доля абхазских крестьян осужденных к ВМН, лидировала с существенным перевесом (45 %, 55 человек), в сравнении с осужденными крестьянами-грузинами (33 %) и осетинами (28 %) (с. 253).

Авторы приходят к очень важному выводу: высокая степень репрессий в отношении абхазов-крестьян может трактоваться как индикатор процесса образования нации, который у абхазов к концу 30-х годов значительно продвинулся (с. 257). Эта мысль неоднократно ими повторяется (см. с. 262–263 и др.). Репрессии охватили широкие круги абхазов, т. к. «грузинский центр осуществлял политику гомогенизации насильственно, посредством репрессий». Тбилиси стремился «повернуть вспять процесс образования абхазской нации, к тому времени уже далеко продвинувшийся вперед» (с. 333).

Абхазы, осетины, лазы потенциально являлись объектом притязаний титульной нации Грузии на гегемонию и ассимиляцию, направленных на поэтапное разрушение или «перекодировку» их особой коллективной и индивидуальной идентичности (с. 267).

Вместе с абхазами, армянами, лазами и др. греки усложняли процесс грузинизации Абхазии, препятствовали формированию единой грузинской нации. Так, по данным карательной бюрократии и статистики, репрессии против греков и армян в Абхазии носили более жесткий характер, чем в остальных районах Грузии. Целью такой политики Тбилиси было наказать армян и греков, проживающих в Абхазии, «как потенциальных союзников абхазов в борьбе против доминирования грузин и мингрелов» (с. 267).

Достаточно вспомнить массовую депортацию греков из Абхазии в 1949 году...

В параграфе 10. «“Враждебная” национальность: немцы» говорится о том, что более всех в Грузии пострадали немцы и абхазы. В основе такого утверждения лежит анализ статистических данных. «Как и абхазы, немцы в 1937 г. репрессировались в сравнении с грузинами сверхпропорционально. Лишь по доле смертных приговоров в 1937 г. немцы (53 %) немного превосходили абхазов (52 %)» (с. 324).

Один из выводов, к которому приходят авторы относительно 1937 г. в Абхазии, трактуется ими как «продолжение старой политики грузинских националистов и грузинской церкви» (с. 331–332).

В целом они рассматривают политику репрессий 1937–1938 гг. в Грузии на фоне сталинского определения нации: национальная общность, общий язык, общность территории, внутренние экономические связи. В соответствии с этим планом происходила «унификация пестрого языкового пространства Грузии». Особенно ярко эти тенденции проявились в Абхазии, когда в 1937 г. латинский алфавит был заменен грузинской графикой. Как оценивалась эта акция в тот период? По этому поводу есть очень ценное свидетельство. В 1937 г. в эмигрантском журнале «Северный Кавказ» была опубликована статья «Сталин – “местный шовинист”». Как известно, алфавиты многих народов СССР (кроме грузинского и армянского) подверглись латинизации, а затем были переведены на русскую графику. «Но, оказывается, – комментирует журнал, – в привилегированном положении находится не только русский язык и алфавит. Таким же положением пользуется и грузинский язык. В число “достижений советской власти” входит и перевод абхазского алфавита с латинской на грузинскую основу. Ясно, конечно, что слова эти были сказаны не без ведома Лаврентия Берии, который в свою очередь является вернейшим рупором “отца советского народа” Иосифа Сталина-Джугашвили. Таким образом, получается, что не только грузинификатор абхазцев Берия, но и его московский патрон Сталин не свободны от проявлений “местного национализма”, который в иных районах СССР преследуется немилосердно. Такова логика советской действительности, создаваемой Сталиным»⁸.

Национальная общность, по Сталину, была «немыслима без общего языка». Немецкие исследователи очень верно и тонко подметили этот нюанс, рассматривая его в контексте массовых этнических репрессий 1937–1938 годов. Они пишут: «Карательная статистика в отношении абхазов является наглядным примером реализации путём насилия второго и третьего критериев сталинского определения нации, а именно достижения “общности территории” и установления “внутренней экономической связи”» (с. 333). Речь идёт о физическом овладении абхазской территории и её колонизации («Абхазпереселенстрой»). Данная политика осуществлялась быстрыми темпами, направляемыми из Тбилиси миграционными потоками, землеустройством и адресным рас-

пределением экономических и технических ресурсов. Таким образом, авторы приходят к логическому выводу о том, что «процесс формирования нации сталинского образца в Грузии стал ядром массовых репрессий» (с. 338). Они заключали в себе и «этническую компоненту», а значительную часть карательной компетенции центральный аппарат НКВД в Москве передал местным властям, ослабив за ними контроль.

Как уже отмечалось, Большой террор в Грузии не только придал толчок формированию грузинской нации, но и способствовал усилению грузинского национализма. «В результате близорукой политики московского руководства, – заключают авторы, – именно на периферии непоправимым образом были заложены структуры медленного развала советской империи. Бывший народный комиссар национальностей Иосиф Сталин, будучи истинным творцом этой политики, стал могильщиком Советского Союза в буквальном смысле этого слова» (с. 343–347).

Данное исследование немецких учёных по своей компетентности, новизне, научной смелости и пронизательности безусловно станет ярким событием в историографии. Это совершенно непохожий, новаторский взгляд на события, основанный на уникальной методике, который позволил за сухими цифрами увидеть драматическую судьбу не только отдельных личностей, но и трагедию целых народов, о которых до сей поры предпочитают хранить молчание.

В Абхазии, особенно в новейшее время, вышло немало работ по репрессиям 30–50-х гг. Многие положения абхазских историков, независимо от них, нашли своё неожиданное, новое подтверждение у немецких исследователей.

Что касается главы «Грузия в пути», то порой кажется, что дискуссия между немецкими и некоторыми грузинскими учеными идёт не только на разных языках, но и в параллельных мирах. Одни сохранили выдержку и такт, достойно «держали удар», другие – в пылу полемики позволяли себе высказывания в духе 37-го года.

К сожалению, нет возможности оппонировать по всем темам, тем более, что на протяжении почти 30 лет были даны ответы на многие вопросы тому же Д. Гамахари.

Авторы: *Обращает на себя внимание то обстоятельство, что автор, несмотря на принципиальное неприятие, столь подробно останавливается на определённых, отчасти устаревших уже на десятилетие, аргументах Джемаля Гамахари. Мы, в*

отличие от него, скорее подчеркнули бы, что массовые преследования 1937–1938 гг. на основании наших статистических оценок органично вписывались в проводившуюся уже длительное время и продолжавшуюся ещё и впоследствии грузинскую политику национальной гомогенизации и что тогдашнее грузинское руководство использовало в этом смысле переданные ему полномочия.

С. Лакоба: А пишет он одно и то же, например, что абхазы пришли в Абхазию не то в XVII, не то в XVIII в. Немецкие авторы тактично ответили ему, что вообще-то речь о другом периоде, да и Г. Анчабадзе возразил: помимо этой «теории» (в основном П. Ингорква), есть и другие мнения известных грузинских историков, которые относят абхазов к автохтонным этносам. «Теория» Ингорквы, любимца Берии, появилась в 1949–1951 гг., когда готовилась депортация абхазов, и её целью было доказать, что это не коренной, а пришлый народ, и потому – его можно выслать. Данная фальшивка используется в Грузии в периоды обострения грузино-абхазских отношений и служит «для внутреннего пользования». В своё время её признали политизированной и подвергли серьёзной критике. Немецкие авторы вынуждены были заметить: «В новейшей грузинской историографии вектор миграции оказался повернут на 180 градусов (речь здесь идёт не об эмиграции абхазов из Абхазии, а об их иммиграции в Абхазию), однако эта позиция не получила поддержки за границами Грузии» (с. 356).

Конечно, можно оставить в стороне вопрос о «теории Ингорквы», как и вопрос некоторых авторов о пришлости самих грузин на территории Грузии...

Многие источники опровергают Ингоркву. Например, «Книга познания мира» (1404) католического архиепископа персидского города Султанийи Иоанна Галонифонтибуса. Вот как он обрисовал этнолингвистическую картину восточного берега Чёрного моря. За Черкесией, сообщал он, находится «Абхазия, маленькая холмистая страна», у которой «свой язык», на юге от Абхазии, «в сторону Грузии», находится «страна Мингрелия», и у них «свой язык», а Грузия находится на юге от Мингрелии и имеет «свой язык». А как быть с периодом Абхазского царства (VIII–XI вв.)? И термином «Сакартвело», который появляется значительно позже? Как быть с апсилами и абасгами, которых с I в. упоминают античные авторы?

Д. Гамахарию возмущает фраза авторов «Этноса и террора» о «старой традиции грузинского национализма XIX века», откуда берут начало современные проблемы Грузии, включая территориальную. Он часто упоминает Я. Гогешвили, но нигде не говорит о его программной статье о колонизации Абхазии мегрелами, известной под весьма красноречивым названием «Кем заселить Абхазию?» (Тифлисский вестник. 1877). Более подробно обо всём этом говорится в моей небольшой работе «Столетняя война Грузии против Абхазии» (Гагра, 1993).

В результате русско-турецкой войны многие абхазы были вынуждены покинуть свою страну, а на оставленные земли ринулись колонисты из Западной Грузии. «Мингрельцы должны явиться первыми заместителями выселившихся абхазцев», – отмечал Гогешвили⁹. Чтобы заполучить у российского правительства эксклюзивные права на колонизацию Абхазии мегрелами, тот же Гогешвили верноподданнически писал: «В смысле политическом мингрельцы такие же русские, как и москвичи»¹⁰. Вот таким образом в конце XIX в. Абхазия из однородной страны превратилась в пестрый в этническом отношении край (армяне, греки, русские, эстонцы, немцы и др.), в котором обосновалось и пришлое мегрельское население.

В своё время грузинский академик Г. Джибладзе заметил, что «за исключением некоторых ошибок, допущенных особенно в статье, опубликованной в 1877 году – “Кем заселить Абхазию?”, Я. Гогешвили занимал принципиально правильную позицию в вопросах, касающихся абхазского народа»¹¹. Так, например, в своём раннем известном сочинении «Бунбис кари» («Ключ к природе». 1858) он подчёркивал, что абхазы самостоятельный народ и что «они из большого народа стали малочисленными, над ними нависла опасность исчезновения».

Не устраивают Д. Гамахарию и этнодемографические данные, основанные на «посемейных списках» 1886 г. и материалах Первой всероссийской переписи населения 1897 г., которые он называет чрезмерно политизированной имперской статистикой, а немецких авторов сравнивает с шовинистами и сепаратистами (!). Причина здесь одна: в этих самых авторитетных переписях дана реальная картина, а недовольство вызвано тем, что мегрелов в Абхазии тогда было ещё не так много. В 1886 г. абхазов числилось 58963 человека (85,7 %), а грузин (в основном мегрелы и лазы – 3558) 4166 человек (6 %). Д. Гамахария, А. Тотадзе и др. заявляют, что в 1886 г. самурзаканцы были мегрелами, а не абхазами,

но это противоречит фактам. В посемейных списках по Самурзаканскому участку самурзаканцы и мегрелы (незначительное количество) даны в разных графах, а в итоговой таблице самурзаканцы представлены вместе с абхазами. Да и Я. Гогешвили подчёркивал: «Самурзаканцы – ветвь абхазского племени»¹².

Следует напомнить, что абхазы были тогда «виновным населением» (1877–1907), и имперским властям не было никакого резона увеличивать их численность в своей статистике. Это к вопросу о «политизированности» переписи 1886 года.

В 1897 г. абхазы составляли 58 697 человек (55,3 %), а грузины (в основном мегрелы – 23 810) – уже 25 875 человек (24,4 %).

Что касается 1914 г., то З.В. Анчабадзе приводит другие данные, отличные от тех, которые называет Д. Гамахария. К началу Первой мировой войны абхазы составляли 51 281 человека (38,3 %), а грузины 37 414 человек (28,0 %). Всё население Абхазии составляло 133 749 человек¹³.

Оценку этнодемографическим процессам в Абхазии во второй половине XIX – первой четверти XX века дал в 1926 г. известный востоковед В.А. Гурко-Кряжин. «Количество абхазов, – отмечал он, – проживающих сейчас в стране, совершенно не соответствует той роли, которую они играли в исторических судьбах. Искусственное разжижение абхазского населения объясняется тремя главными причинами: массовой эмиграцией их, в результате завоевания Кавказа Россией и её войн с Турцией, инфильтрацией мингрело-грузин, ассимилирующих аборигенов страны, и колониционной политикой царского правительства»¹⁴.

Число грузин в Абхазии неуклонно возрастало, в основном за счёт переселенческой колонизации в 1918–1921 и особенно в 1930–1950-е гг.

Вообще следует заметить, что целый ряд грузинских исследователей (А. Ментешашвили, Д. Гамахария и др.) предпринимают попытки довести до ничтожной цифры и без того небольшое абхазское население, ссылаясь при этом на необъективные и второстепенные грузинские источники. По поводу умышленного занижения численности абхазов ещё 30 марта 1920 г. в абхазской газете «Апсны» высказался один из лучших знатоков абхазской жизни Дмитрий Гулиа¹⁵.

Приходится лишь удивляться, как это абхазы вообще дожили до сего дня в грузинской статистике.

Д. Гамахария отдельно коснулся вопроса о «демократических» выборах в третий (первый был создан в ноябре 1917 г.) Абхаз-

ский Народный Совет (АНС) в 1919 году. О каких «демократических» выборах может идти речь, если Абхазия со второй половины июня 1918 г. была оккупирована Грузией, если АНС, Абхазский парламент, дважды разгонялся вооружённой силой (15 августа и 9–10 октября 1918 г.), а многие его депутаты-абхазы были арестованы и содержались в Тифлисе, в Метехском замке. Накануне этих выборов в 1919 г. английское командование требовало освободить абхазских депутатов. Вообще об этом периоде, и о полемике с грузинскими историками, мною подробно было сказано в ряде изданий, начиная с 1989 года.

Достаточно привести выступление министра ВД Грузии Н. Рамишвили в парламенте Грузии 17 декабря 1918 г., в котором он признавал, что в Абхазии до сих пор действовал только «правительственный меч».

Почему же Грузия решила провести выборы в Абхазии в феврале 1919 года? Это решение было вынужденным в связи с тем, что в ноябре 1918 г. в Германии произошла революция, и Тифлис лишился своего главного союзника. Теперь в роли хозяев в Грузии были англичане, которые вместе с генералом А. Деникиным намеревались объявить Сухумский округ (Абхазию) «нейтральной территорией». Опасаясь такого развития событий, грузинское правительство форсировало «демократические» выборы в третий АНС, чтобы окончательно не потерять захваченную страну, а 23 февраля 1919 г. в беседе с английским генералом Уокером Ной Жордания дал обещание предоставить Абхазии широкую автономию.

С октября 1918-го по март 1919 г. всё гражданское управление Абхазией осуществлялось прямым вмешательством Грузинской республики. Чрезвычайный комиссар В. Чхиквишвили опирался на вооружённую силу Грузии и на подчиненных ему комиссаров уездов. Это был период неприкрытой оккупации. В результате выборов, которые контролировали представители правящей социал-демократии В. Чхиквишвили и политический представитель Грузии в Абхазии Исидор Рамишвили, был создан новый АНС, открывший свою работу 18–20 марта 1919 г. На его открытии выступил И. Рамишвили, который заявил: «Мы не похожи на завоевателей, и не земля здешняя нам нужна, мы ищем соратников в борьбе, с которыми мы пойдем вместе к славному великому будущему социализму»¹⁶. Очень интересным было и выступление на открытии АНС абхазского депутата-независимца Самсона Чанба.

Таким образом, давление Добровольческой армии по абхазскому вопросу, оказанное через британское командование, безусловно, напугало грузинское правительство и вынудило через своих ставленников в АНС (грузинских с.-демократов) принять 20 марта 1919 г. ни к чему не обязывающий Акт об автономии Абхазии, который так и остался на бумаге.

Между прочим, уже весной 1919 г. англичане усомнились в демократичности этих выборов. На совещании в Тифлисе 23–24 мая 1919 г. с участием Н. Жордания и министра иностранных дел Е. Гегечкори, британский генерал Бриггс заявил: «Абхазцы недовольны грузинским управлением и даже заявляют, что если им дадут оружие, то они сами очистят округ от грузинских войск. Грузины поступают там хуже большевиков: отнимают дома, земли, производят социализацию и национализацию имущества»¹⁷.

Следующий пассаж Д. Гамахарии о том, как армяне и греки «активно поддерживали Грузинскую республику». А как быть с тем, что их избивали, грабили, изгоняли из Абхазии, а на их земли стали заселять грузин? Достаточно ознакомиться с «папкой № 18» переселенческого отдела комиссариата¹⁸. Свидетельствует об этом и депутат АНС (1919–1921) от эстонского населения Август Мартин.

Совершенно далёким от истины представляется утверждение Д. Гамахарии, будто армянское население Абхазии поддерживало грузинское правительство. А как быть, например, с таким документом: обращение Атаро-Армянской общины к Чрезвычайному комиссару В. Чхиквишвили... В нем говорится: «19–22-го января сего 1919 года в нашем обществе разыгрывались события, подобные которым наши старики припоминают из Турции». Прибывший грузинский «летучий отряд» избивал и трое суток грабил армянское село. «Прикладным ударом подавлены ропоты благочинного священника, которого также беспощадно обобрали грабители. Ворованы серебряный крест, серебряный ящичек... Диким порывом, с руганью на устах и с револьвером в руках обысканы комнаты учительницы и учителя, у которых не было ровно ничего. Всё терроризированное население удрало в лес и горы. Другой учительнице, говорящей хорошо по-грузински, грабители буквально сказали: “Ты грузинка, если это так, ты не должна жить в доме армянина”. Мы ужасно подавлены морально и разорены материально»¹⁹.

Всех этих фактов г-н Гамахария не замечает уже 25 лет. Приведённый выше документ датирован январем 1919 г. и адресован

В. Чхиквишвили. Грузинский же историк в своём замечании немецким учёным отмечает, что армяне Абхазии сообщали «комиссару Сухумского округа В. Чхиквишвили (январь 1919 г.)» о том, что они якобы «сохранили лояльность и доброжелательное отношение к Грузии и её правительству». На фоне массовых репрессий против армянского сельского населения такие сообщения не могут вызывать доверия.

Очень интересную оценку политике Грузинской республики дал Карл Эрик Бехоффер, который своими глазами увидел Кавказ в 1919–1920 гг.: «Свободное и независимое социал-демократическое правительство государства Грузия навсегда останется в моей памяти как классический пример империалистической “малой нации”. Как в вопросе о внешних территориальных захватах, так и в бюрократической тирании внутри страны. Шовинизм её вне всяких границ»²⁰.

Не обошли стороной грузинские историки и вопрос о статусе Абхазии в 20-х гг. XX века.

Они считают, что Абхазия уже с 1921 г. была автономией ССР Грузии, и, дескать, ничего страшного не произошло в феврале 1931 г., когда она стала ею называться. Д. Гамахария пишет: «М. Юнге и Д. Мюллер продолжают повторять сказки об “особом” статусе Абхазии, затем о “занижении” её статуса и т. д.».

Если Абхазия с 1921-го по 1931 г. была автономией, то для чего тогда Грузия признавала её «независимость», подписывала с ней договоры, все свои административные силы бросала на борьбу с конституцией 1925 г., поэтапно понижала её национально-государственный статус до уровня автономной республики, применяя репрессивные меры?

Следует обратить внимание и на такой момент. Когда речь идёт о советском периоде, и он не отвечает интересам Грузии, то его объявляют оккупационным (провозглашение ССР Абхазии), а если Грузия по итогам советской власти и более раннего российского периода становится «малой империей», то эти территориальные приобретения в рамках «Грузинской ССР» (а не Грузии), рассматриваются как нечто совершенно естественное. Думается, подобный избирательный подход к советскому периоду не выдерживает критики.

Сегодня существование независимой ССР Абхазии (31 марта 1921 г. – 17 февраля 1922 г.) серьёзными историками, в том числе и грузинскими, не оспаривается. Между прочим, тогда, 21 мая 1921 г., Ревком Грузии принял декларацию «О независимости

ССР Абхазии», что было подтверждено и документом ЦК РКП(б). Её уникальность, при всей условности «независимости» применительно к тому времени, состояла в том, что Абхазия около года формально была независима как от советской России, так и от советской Грузии – ведь тогда СССР ещё не было, он образовался лишь 30 декабря 1922 года.

В декабре 1921 г. лидеры Абхазии под сильным нажимом Сталина и Орджоникидзе вынуждены были заключить с Грузией «особый союзный договор», ратифицированный в феврале 1922 г. первым съездом советов Абхазии. С этого времени и вплоть до февраля 1931 г. ССР Абхазия была «договорной». В отличие от российских и закавказских автономных республик, ССР Абхазия утвердила свои герб и флаг (1924–1925), издавала декреты, принимала законодательные акты конституционного характера, ввела в действие кодексы: уголовный, гражданский, уголовно-процессуальный, лесной, земельный. Следует подчеркнуть, что ещё в 1922 г. в Абхазии была предпринята попытка разработки Конституции ССР Абхазии, а в соответствии с Конституцией Грузии 1922 г. за Абхазией было закреплено особое правовое положение, в отличие от автономных частей Грузии. В ней, в частности, записано: «В состав Социалистической Советской Республики Грузия входят на основе добровольного самоопределения Автономная Социалистическая Советская Республика Аджария, Автономная область Южной Осетии и Социалистическая Советская Республика Абхазия, которая объединяется с Социалистической Советской Республикой Грузией на основе союзного между этими республиками договора».

Историки З. Папаскири, Д. Гамахария и др. считают, будто Абхазия, как Аджария и Ю. Осетия, входила в состав ССР Грузии. Но в приведённом тексте прямо сказано: ССР Абхазия объединяется с ССР Грузией «на основе особого союзного между этими республиками договора».

Теперь о Конституции ССР Абхазии 1925 года. Принятие этого важного документа необходимо рассматривать в контексте важнейших, поистине драматических событий весны 1925 года. Д. Гамахария, в отличие от З. Папаскири, пытается отрицать очевидные вещи. Особенно раздражает грузинских коллег 5-я статья: «ССР Абхазия есть суверенное государство, осуществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти» (и т. д.).

Конечно, это был нонсенс. После принятия Конституции СССР (1924) решиться на такой смелый политический шаг было очень непросто. По сути дела это была последняя попытка со стороны Сухума пересмотреть взаимоотношения Абхазии с Грузией.

Д. Гамахария старается принизить роль и значение конституции (сначала говорит, что это был проект, потом, вдруг, заявляет: если даже принять его за конституцию?!). Возникает вопрос: если этой конституции 1925 г. не было, зачем её пытались отменить? Зачем надо было Закрайкому РКП(б) выносить 6 сентября 1925 г. постановление, в частности, говорилось: «пересмотреть Конституцию ССР Абхазии, принятую на III съезде Советов Абхазии»²¹.

Конституция просуществовала около двух лет. Когда грузинские историки говорят, что она была очень недолгое время, то невольно напрашивается пример с Конституцией Грузинской республики, принятой 21 февраля 1921 г. и просуществовавшей неполных четыре дня...

Совершенно упускается из виду та тяжелая атмосфера (на фоне ожесточённой борьбы Сталина с Троцким), которая складывалась вокруг III съезда советов Абхазии. Не случайно и сам съезд состоялся чуть позже назначенного времени. Самое непосредственное участие в его подготовке принимал Л. Троцкий. «Весною 1925 года мы жили с женой на Кавказе, – вспоминал он, – в Сухуме, под покровительством Нестора Лакобы, общепризнанного главы Абхазской республики»²².

Сюда, к Троцкому съезжались его сторонники: посол СССР в Англии Х. Раковский, нарком почты и телеграфа И. Смирнов и др. Выступая в Сухуме 5 марта Х. Раковский заявил: «На меня выпала доля, раньше других, приветствовать молодую Абхазскую Социалистическую Республику. Мы даем всему миру пример, как нужно решать национальный вопрос».

На предстоящем съезде, который готовился принять Конституцию Абхазии, должны были присутствовать вместе с Н. Лакобой – Л. Троцкий, А. Мясников, С. Могилевский, Г. Атарбеков и др. Однако 22 марта 1925 г. «Юнкерс», на котором вылетели Мясников, Могилевский, Атарбеков и двое лётчиков, загорелся в воздухе и рухнул вблизи тифлисского аэродрома. На траурном митинге в Сухуме Троцкий прозрачно намекнул: «Вряд ли мы дознаемся когда-либо с точностью о действительных причинах гибели. Ведь живых свидетелей того, что произошло, нет!»²³.

Позднее кадровый чекист Сурен Газарян заявил по этому поводу: «История когда-нибудь прольет свет на это дело и выявит зловещую роль Берия»²⁴.

После гибели своих людей, которую Троцкий назвал «тройным ударом», он спешно выехал из Сухума в Тифлис.

Можно ли вырывать из этого контекста вопрос принятия конституции в 1925 г., не учитывая все эти сложные политические обстоятельства, когда Сталин и Троцкий столкнулись лбами именно в Абхазии?

Несмотря на то, что позиции Абхазии оказались сильно подорванными и съезд лишился мощной поддержки сторонников Троцкого, Нестор Лакоба всё же провел в начале апреля 1925 г. III съезд советов, который принял конституцию суверенной Абхазии.

Таким образом, очень важный правовой акт был зафиксирован. И совершенно неважно, о чём потом говорил Лакоба в Тифлисе на IV съезде компартии Грузии 2 декабря 1925 г. – ведь над ним навис «дамоклов меч». Он остался без мощной поддержки, без союзников, без иллюзий, а политическая судьба Троцкого практически была решена. В этой драматической ситуации начался закономерный откат назад не только Н. Лакоба, но и Абхазской республики. Между прочим, З. Папаскири подтверждает, что на главу Абхазии оказывался сильнейший нажим из Тбилиси²⁵.

Новые конституции Грузии и Абхазии были окончательно утверждены на очередных съездах советов в марте – апреле 1927 г. В конституции Грузии было подчёркнуто, что она как государство «строится на основе федерации национальных советских республик» (ст. 2). В Конституции Договорной ССР Абхазии говорилось, что Абхазия сохраняет свой государственный суверенитет и представительство в ЦИК СССР, которое было значительно выше автономных республик.

Отдельного внимания заслуживает подход авторов «Этноса и террора» (М. Юнге, Д. Мюллер, В. Фойерштайн, И. Джуха) к событиям 1931 г. в Абхазии. Вслед за Т. Блаувельтом (подробно описал ход Гудаутских событий) авторы пришли к выводу, что в подходе к этому «восстанию» грузинские власти проявили острую заинтересованность в том, чтобы «затушевать национальные причины восстания, т.е. абхазо-грузинские противоречия, выдвинув на первое место социально-экономические причины, представив события в Гудауте исключительно как антиколхозные» (с. 259, 359).

Таким образом исследователи подтвердили очень важный тезис, связанный с понижением статуса Абхазии. В 1990 г. относительно общенационального Гудаутского («Дурипшского») схода (18–26 февраля 1931 г.) было подчёркнуто: «Одной из главных причин грандиозного схода было всеобщее недовольство народа преобразованием договорной ССР Абхазии в автономную республику в составе Грузинской ССР. Вопрос же о колхозах – это лишь то, что лежало на поверхности требований и послужило поводом к выступлению. Непосредственная связь между данными обстоятельствами оставалась вне поля зрения исследователей»²⁶.

Обращает на себя внимание и тот факт, что Гудаутские события совпали по времени с принятием решения в Сухуме (11 февраля 1931) и Тбилиси (VI съезд Советов Грузии, 19 февраля 1931) о преобразовании Абхазии в автономную республику в составе Грузии (просуществовала до 1991 г.).

Согласие с такой точкой зрения выразил и грузинский историк Зураб Папаскири. По поводу схода в с. Дурипш (Гудаутский р-н) в феврале 1931 г. он отмечал: «В последнее время С.З. Лакоба совершенно обоснованно указал на взаимосвязь многодневного всенародного схода абхазов с изменением политико-государственного статуса Абхазии... Вслед за С.З. Лакоба представляется, что настоящей причиной выступления абхазов в феврале 1931 г. было недовольство, вызванное именно упразднением “договорной” республики»²⁷.

Вопреки мнению некоторых авторов, восстание в Гудаутском районе – яркое свидетельство протестных настроений, связанных именно с понижением статуса Абхазии. Активное участие в событиях принимала и мать Н. Лакобы – Шахусна.

24 февраля 1931 г. в Гудауту выехали председатель Закавказского ГПУ Л. Берия и секретарь ЦК КП(б) Грузии С. Мамулия. Тогда же в Абхазию были спешно переброшены 240 штыков 8-го полка, дополнительно ещё 95 штыков и две бронемашины из Гянджи (Азербайджан). Только в последний момент кровопролития удалось избежать благодаря народной дипломатии Н. Лакобы. В дальнейшем и коллективизация здесь не была проведена в её жестких формах. По сути произошел размен по-сталински: автономия, как «меньшее зло», вместо коллективизации²⁸.

Событиям 1931 г. огромное значение придавалось в годы Большого террора. Многие крестьяне попали тогда под топор репрессий. Авторы «Этноса и террора» справедливо указывают, что больше всех в Абхазии пострадали простые крестьяне, а не пар-

тийно-государственная элита, хотя она, как и национальная интеллигенция, была почти полностью уничтожена²⁹.

В этом отношении обращает на себя внимание показательный судебный процесс в Сухуме (по примеру московских) по «делу 13-ти лакобовцев». Официально дело называлось: «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, шпионской, террористической, повстанческой организации в Абхазии». Судебный спектакль проходил в здании театра (30 октября – 3 ноября 1937 г.). Среди обвиняемых были: М. Чалмаз, М. Лакоба, К. Инал-ипа, В. Лакоба, В. Ладария, Д. Джергения, С. Эбжноу, А. Энгелов, С. Туркия, П. Сейсян, М. Кишмария, Х. Чанба, К. Ахуба. Процесс проходил при ближайшем участии Л. Берия, который впервые прибыл в Сухум после гибели Н. Лакобы.

В ночь на 4 ноября первые десять человек были расстреляны, а трое оставшихся осуждены на различные сроки заключения³⁰.

Из 10 расстрелянных семеро были абхазами, а трое представляли армян (П. Сейсян), греков (А. Энгелов) и мегрелов (С. Туркия). Все они занимали высокие посты в государстве. Исключением был лишь один человек – известный и авторитетный в народе крестьянин Сит Эбжноу. Сейчас о нём и в Абхазии мало что помнят и знают. Между тем он был одним из главных организаторов и основным оратором на девятом, последнем сходе, 26 февраля 1931 г., на котором присутствовали Председатель ЦИК Абхазии Н. Лакоба, члены правительства Абхазии, а также С. Мамулия и Л. Берия. Сит Эбжноу выступил с очень яркой речью³¹.

Лакоба очень уважал и ценил С. Эбжноу. Берия неоднократно пытался его арестовать и уничтожить, но Лакоба категорически возражал против таких действий. Поэтому неудивительно, что Сит Эбжноу был приравнен Берией к руководству Абхазии и приговорен к ВМН.

Монография «Этнос и террор» выполнена на высоком научном уровне, и многие её положения подтвердили те подходы, которые были сформулированы в абхазской историографии задолго до работы авторов в грузинских архивах по проблеме Большого террора 1937–1938 годов. Статистическое исследование значительно расширяет наши представления о специфике сталинско-бериевского террора. Возможно, дополнить представленную архивную базу могли бы материалы о реабилитации граждан (50–60-е гг.), пострадавших в годы репрессий, хотя они и не могут быть полными. Например, многие абхазы, особенно крестьяне, не реабилитированы до сих пор, т. к. их родственники не обраща-

лись в соответствующие советские инстанции. К сожалению, авторы мало знакомы с работами таких историков Абхазии, как З. Анчабадзе, Б. Сагария, А. Куправа, Т. Ачугба и др., которые рассматривали различные аспекты политики репрессий.

Интересные архивные документы приведены также в публикации Рейчел Клогг³².

Авторы: *Обстоятельная, исторически обоснованная позиция Станислава Лакобы, как и «рецензии» с грузинской стороны (Джемаль Гамахария, Александр Даушвили и участники группы Метревели), наглядно демонстрируют большое значение, которое обе стороны придают ранним историческим периодам. Абхазские и грузинские учёные (что не особенно поражает), предлагают совершенно противоположные нарративы, преследуя при этом одну и ту же цель: постулировать, насколько возможно, приоритет/преимущество и преемственность для собственной группы³³. Мы уже неоднократно разъясняли, что эти курсы по разным причинам (отсутствие релевантности, телеологическое проектирование современных национальных отношений во времена совершенно других категоризаций) в контексте 1937–1938 гг. представляются малопродуктивными. С учётом сказанного и отвечая в очередной раз на анонимную рецензию «Г. Даймхен»: приведённые полемики отчасти объясняют наш сдержанный подход и причины весьма выборочного обращения к истории до 1937 г.*

Перевод с немецкого: Валерий Брун-Цеховой

2. На пути к истине

Истина – зеркало, отражение которого невыносимо для притворства и лицемерия.

Фридрих Шиллер

Т.А. Ачугба³⁴: Ознакомившись с трудом «Большевистский порядок в Грузии», можно однозначно констатировать, что наличие фундаментального исследования по сложнейшему периоду истории Абхазии, Грузии и Советского Союза в целом, справедливо именуемого Большим террором.

Не вдаваясь в конкретные характеристики технологии работы сталинской прокрустовой машины, через которую прошли практически все жители огромной страны, хотелось бы подчеркнуть высокую научно-исследовательскую компетентность, объективность и беспристрастность немецких коллег. Вместе с тем, что очень важно в современном жесточайшем мире, учёные-историки проявили чувство сострадания по отношению к убиенным, физически и морально искалеченным тысячам невинных жертв. На авторов однозначно не действует циничное «правило»: «Убийство одного человека – это трагедия, а двоих и более – статистика».

В связи с тем, что разрабатываемая тематика в большей степени касалась истории Советской Грузии, и к работе был привлечён огромный массив материалов, извлеченных из архивов Грузии, рукопись книги в конце 2014 г. обсуждалась в Тбилиси с активным участием целого ряда грузинских учёных. До этого некоторые грузинские историки получили рукопись труда и имели возможность написать рецензии. Примечательно, что эти рецензии и материалы обсуждения рукописного варианта книги вошли в данную публикацию в виде приложения, что расширяет информацию о позициях авторов и их оппонентов по разрабатываемой проблематике.

В материалах, включенных в печатный вариант книги, чётко прослеживаются разногласия между участниками дискуссии по различным вопросам сталинского террора. Особенно это касается раздела «Этнос и террор», авторами которого являются Марк Юнге, Даниель Мюллер, Вольфганг Фойерштайн и Иван Джуха. Как и ожидалось, многие спорные вопросы непосредственно касались истории абхазского народа. Во время дискуссии грузинские учёные всячески стремились навязать немецким авторам, мягко говоря, тенденциозную интерпретацию различных событий и фактов абхазской истории. Эти споры касались как периода сталинского тоталитаризма, так и более ранних эпох, включая средневековую и даже древнюю историю Абхазии, Грузии и других стран региона.

Не согласившись с основными положениями и выводами авторов, часть грузинских историков, перешагнув все возможные границы научной этики, незаслуженно обвиняла их в незнании истории Грузии, грузинской историографии, в проявлении тенденциозности и даже фальсификации исторической действительности, в выполнении «заказов» Москвы, «сепаратистов» и т. д., требуя запретить издание книги.

В опубликованном варианте труда заметно некоторое влияние современной грузинской историографии. Как, например, отождествление Грузии с Грузинской ССР, куда якобы во все времена входила Абхазия. Или же утверждение, что выселение абхазов в XIX веке в Османскую империю якобы осуществлялось по профессиональному признаку (с. 263). А современная абхазская диаспора в Турции характеризуется как «преимущественно ассимилированная» (с. 244).

Авторы: *Утверждения, которые критикуют рецензенты, не обусловлены влиянием грузинских коллег. Изгнание царскими войсками абхазцев и черкесов из западных регионов Северного и Южного Кавказа и их миграция в Османскую империю действительно объяснялись, на наш взгляд, и тесной религиозной связью с султаном, калифом как повелителем всех правоверных. Абхазская диаспора в сегодняшней Турции, обосновавшаяся там в основном в 1864 и 1878 гг., в результате жёсткой ассимиляторской политики турецких властей действительно оказалась в значительной степени ассимилированной с утратой родного языка; численность лиц, говоривших по-абхазски, была незначительной и снижалась. Напротив, ситуация в Сирии до нынешней гражданской войны складывалась несколько по-иному. Здесь абхазский язык сохранился.*

Т.А. Ачугба: Несмотря на эти и другие неточности, немецкие учёные не подчинились тотальному натиску грузинских историков, не терпящих какой-либо иной, отличной от их интерпретации истории и культуры Абхазии. Достоинно отразив откровенные нападки тбилисских оппонентов, они отстояли собственные научные взгляды практически по всем ключевым позициям.

Вместе с тем книга, особенно рецензии на неё и отдельные антинаучные высказывания грузинских учёных, прозвучавшие во время обсуждения труда, по истории Абхазии и абхазо-грузинских отношений, по нашему мнению, нуждаются в уточнении с привлечением дополнительной информации.

Грузинские историки крайне возмутились тем, что авторы книги приводят конкретные факты, включая статистические данные, прямо указывающие на чрезмерно большое количество абхазов, ставших жертвами «грузинской карательной бюрократии» в 1937–1938 гг., по сравнению с представителями других этносов, проживавших тогда в Грузинской ССР. «Если же рассматривать репрессии в отношении абхазов отдельно, – пишут авторы, – то тотчас же бросается в глаза, что абхазы – в соотношении к чис-

ленности абхазского населения в составе Грузии в количестве 55409 человек – подверглись непропорционально жестоким репрессиям. Показатель степени репрессий составил здесь 1 %, что на треть выше, чем аналогичный показатель для грузин (0,63 %) (соотношение 1:0,6). Также в случае с применением ВМН (высшая мера наказания. – Т.А.) речь идёт об очень высоком показателе степени репрессий. Доля смертных приговоров в отношении к общей численности абхазского населения составляет 0,57 %. Если сравнивать этот показатель с аналогичным показателем у грузин, то он у абхазов также окажется выше почти в два раза (0,30 %: 0,57 %)» (с. 248).

Грузинских оппонентов особенно не устраивают выводы авторов об использовании грузинскими властями «в своих целях и интересах» различного рода постановлений, указов и распоряжений из Москвы о репрессиях (с. 394), о существовании тесной связи «между репрессиями и процессами формирования титульной грузинской нации» (с. 244) и т. д.

Подобные заключения, считает один из рецензентов профессор Д. Гамахария, отражают «сепаратистскую и кремлевскую идеологию, направленную против целостности грузинского государства и грузинского этноса» (с. 401). Продолжая эту мысль, он пишет: «Одной из задач авторов является также создание “научной” основы для провоцирования и обострения межнациональных конфликтов в Грузии. Самым бессовестным образом предпринимается попытка дискредитации грузинского народа в глазах мировой общественности, поддерживающей его справедливую борьбу за деокупацию своих исконных земель, за искоренение этнической чистки» (с. 401).

Продолжая критику авторов книги, профессор А. Даушвили отмечает: «Нельзя оставить без внимания главу “Кандидаты включения: абхазцы и осетины”. Авторы касаются весьма болезненной сегодня для грузин проблемы и явно обвиняют нас в гонении абхазов и осетин, утверждают, что грузины использовали 1937 г. для притеснения этих этносов, нивелирования их культурной идентичности, гегемонии грузинского этноса. Это недоказанное обвинение!» (с. 433). Утрируя создавшуюся в те тяжёлые годы ситуацию, он пишет: «Авторы рецензируемой книги при рассмотрении межнациональных отношений в Грузии впадают в недопустимый субъективизм... из их труда следует, что один этнос в Грузии охотился за другим, они ненавидели друг друга, ставили ловушки» (с. 444). В заключительной части своей рецензии

А. Даушвили отмечает, что в Грузии не было «никаких массовых репрессий, террора и геноцида», а подобные выводы появились вследствие того, что труд «пропитан духом тенденциозности, что продиктовано неофашистско-реваншистской идеологией» (с. 452–453).

Не менее агрессивной и некорректной выглядит оценка событий, происходивших в годы террора, данная т. н. группой Р. Метревели. Эта группа учёных, назвав труд немецких авторов работой «весьма низкого качества», пишет: «Сразу надо отметить, что авторам не стоила большого труда фальсификация истории Грузии. Они использовали готовые положения из историографии Российской империи и Советского Союза, добавили к ним “плоды” современной российской, абхазской и осетинской историографии и, на основании всего этого, основательно фальсифицировали не только историю репрессий 30-х гг. XX века в Грузии, но и предыдущих эпох истории Грузии, новой истории Грузии (XIX в.) и истории Демократической республики Грузии (1918–1921 гг.)» (с. 458). Изображая себя объективными исследователями, они продолжают: «Фальсификация истории – сама по себе позорное дело, но ещё позорнее, когда она сопровождается цинизмом по отношению к конкретному народу и государству; упомянутый труд предельно циничен и характеризуется стремлением всё представить в отрицательном свете».

Фактически оправдывая массовый террор абхазов, профессор В. Гурули видит его причину в том, что абхазы занимали высокие должности. «Если там расстреляли большое количество абхазцев, то это потому, что там на соответствующих должностях были абхазцы» (с. 493). А профессор З. Папаскири, созвучно с В. Гурули, ставит вопрос: «Почему была истреблена вся партийно-политическая абхазская элита... чем занимались эти интеллектуалы? Возьмем Гвасалию, возьмем Ашхацаву – чем они занимались?». И сам же отвечает: «Они подготавливали идеологию против Грузии, против единой грузинской государственности» (с. 495).

Как видим, часть вышперечисленных, а также другие грузинские оппоненты, принимавшие участие в обсуждении книги (одни открыто, другие в завуалированной форме), выступали в роли защитников политики террора в Грузинской ССР в отношении абхазского народа. Высказывания грузинских оппонентов о кровавых событиях того времени наводят на мысль, что они, как и власти Грузии периода террора, чувствуют себя безнаказанными «хозяевами» абхазов и всех других «нацменьшинств», оказав-

шихся волею судеб в составе Грузинской ССР. А для «идеологического» и «научного» обоснования тех страшных преступлений грузинские историки-оппоненты чаще, чем этого требовала тема исследования и оценка репрессий 1930-х и последующих годов, приводили «исторические факты» о принадлежности во все времена грузинскому народу всей территории тогдашней Грузинской ССР и не только. Исходя из этого, все «нацменьшинства», включая абхазов, они считают «пришлыми» на «грузинской земле». Выходит, что подобные необоснованные притязания на территории Грузинской ССР, признание всех негрузин «диаспорой», стали оправдательным псевдоморальным мотивом для проведения и обеления Большого террора ради защиты «единства Грузии».

Однако, как и ожидалось, сами грузинские историки, как это происходит уже многие десятилетия, стали щедро распространять заведомо ложную информацию об истории Абхазии и Грузии. Например, упомянутая группа Р. Метревели, без всяких ссылок, считает, якобы Абхазия наряду с Мегрелией и Сванетией являются «историческими краями Грузии» (с. 466).

Продолжая в этом же духе обсуждение книги, проф. А. Даушвили делает новые «научные открытия» по истории абхазского народа. «В эпоху Средневековья Абхазия была таким же грузинским регионом, как Картли, Кахетия и т. д.». Следующие его «открытия» заключаются в том, что произошедшее в связи с ослаблением «единого центра» «переселение с Северного Кавказа родственных абхазам адыгейских племен, их смешивание с местным абхазским этносом (ассимиляция) вызвало ослабление культурно-религиозных связей с Грузией». По его мнению, «с новым этносом осталось старое название, а большинство сегодняшних абхазов именуют себя “апсуа”» (с. 436).

Практически ничем не отличается от этих надуманных утверждений мнение другого грузинского оппонента, Д. Гамахария, который пишет: «Авторы повторяют выдумку сепаратистов о переселении части абхазов на Северный Кавказ, скрывая тем самым факт заселения исторической Абхазии апсуа-абхазами» (с. 381). Он же, опровергая ассимиляционные процессы среди абхазов в юго-восточной части Абхазии, считает «прямым насилием над историей» утверждение о «мегрелизации» православных абхазов в районах, граничащих с Мингрелией – т. е. в Гальском районе» (с. 384). Далее, указывая на некомпетентность авторов главы «Этнос и террор» в вопросах истории, он подчёркивает, что их работа «...не выдерживает никакой критики, особенно в той части,

где речь идёт об истории Грузии, грузинского этноса, Абхазии и абхазов», «не имеет ничего общего с действительной историей, наукой. Авторы явно исповедуют сепаратистскую и кремлёвскую идеологию, направленную против целостности грузинского государства и грузинского этноса...» (с. 401).

Прежде чем непосредственно охарактеризовать суть репрессивной политики руководства Советской Грузии в Абхазии, хотелось бы вкратце остановиться на некоторых вышеперечисленных моментах этнической истории абхазского народа, ставших объектом полемики между авторами книги и грузинскими оппонентами.

В частности, следует констатировать, что абхазы, самоназвание – апсуа, являются автохтонами Восточного Причерноморья Кавказа. Данное положение не вызывало и не вызывает сомнения таких непредвзятых учёных-кавказоведов, как М. Броссе, П.К. Услар, Н.Я. Марр, Д.И. Гулиа, И.А. Джавахишвили, С.Н. Джанашия, А.С. Чикобава, Г.С. Читая, А.И. Робакидзе, Ш.Д. Инал-ипа, З.В. Анчабадзе, Г.А. Дзидзария, Г.Ф. Чурсин, А.В. Фадеев, В.В. Латышев, И.М. Дьяконов, Л.И. Лавров, М.М. Трапш, М.О. Косвен, Я.С. Смирнова, Г.А. Меликишвили, О.М. Джапаридзе, К.В. Ломтатидзе и др. И в дальнейшем М.М. Трапш, несмотря на появление в середине XX века по социальному заказу властей Грузинской ССР т. н. теории П. Ингороквы о «пришлости» с Северного Кавказа предков современных абхазов под этнонимом «апсуа» в Абхазии во второй половине XVII века, кавказоведческая наука в целом осталась верной своим традиционным базисным представлениям о генезисе и этнической истории абхазского народа. Не стали разрушаться эти же научные подходы в масштабе мировой историографии, ярким примером чего является позиция авторов рецензируемой книги.

Несмотря на то, что упомянутая теория Ингороквы не заслуживает столь пристального внимания, тем не менее некоторые высказывания по истории Абхазии, приведённые грузинскими оппонентами, не могут оставить без комментариев.

Например, по поводу этнической принадлежности народа, именуемого эндоэтнонимом «апсуа», а экзоэтнонимами «абхазы», «абаза» и т.д. и локализации их носителей, прежде всего, следует обратить внимание на то, что ни в одном из средневековых грузинских и иноязычных письменных источников нет указания на то, что под этнонимом «абхазы» следовало бы понимать грузин, мегрелов или сванов. Нет данных и о том, что «абхазы»

и «апсуа» разные народы. Это такой же абсурд, как если бы кто-то стал доказывать, что «эллинес» не «грек», «перс» не «ирани», «дойче» не «немец» и т. д.

Нет в источниках данных и о том, что когда-либо, в какой-то конкретный период истории Абхазии, на этой территории произошла смена абхазского народа другим, в частности грузинским, как об этом пишут историки из Тбилиси. Если, конечно, не иметь в виду Юго-Восточный регион современной Абхазии, особенно его низменную полосу, которую в позднем средневековье временами оккупировали князья Мегрелии, чем и была вызвана частичная смена абхазского населения мегрельским, или же – наоборот³⁵. Хотя в те времена абхазы не покидали предгорные и горные населенные пункты этого региона, именуемого с конца XVIII в. Самурзакан (по имени абхазского удельного князя Мурзакана Чачба). Более того, по сообщению турецкого путешественника и ученого Эвлия Челеби, посетившего Абхазию в 1641 г., этническая граница абхазов (абаза) с мегрелами на юго-востоке проходила по р. Паша (совр. Риони). По его же данным, на территории от р. Паша до Анапы проживали 25 крупных абхазских общин, всего около 600 тыс. человек³⁶.

Исторические изыскания подтверждают, что чем более ранний период исследования этнической принадлежности населения, проживавшего на территории восточного Причерноморья, тем большие территории были населены предками современных абхазов и абазин. Поэтому неслучайно в грузинских письменных источниках Абхазское царство VIII–X вв. называлось не иначе как Абхазским царством, в котором этнические абхазы занимали доминирующее положение. А царей этого государства именовали царями абхазов, позже – царями «абхазов, картов, ранов, кахов...» и других, которые были им подвластны. Кстати, грузинские источники подтверждают также, что Абхазия – как единое государство и единая страна – была известна на несколько столетий раньше, чем Сакартвело – Грузия. Вспомним слова акад. Н.А. Бердзенишвили: «Нашим историкам (тем более не историкам) кажется, что “Сакартвело” in prinsipe всегда существовало... Сегодня никто не оспаривает, что данный термин (“Сакартвело”) появился гораздо позже (в X веке или чуть раньше)»³⁷. Вместе с тем следует отметить, что изначально название «Сакартвело» отождествлялось только лишь с Картли, т. е. этнотерриториальной единицей, где проживало племя картлийцев. С XI века термин «Сакартвело» постепенно становится собирательным названием

других этнотерриториальных единиц. Однако со второй половины XIII века, после развала Абхазского царства, данный термин не имел широкого применения. К слову, в российских письменных источниках XVIII и XIX веков под названием «Грузия», подразумевались Картли и Кахети. Так продолжалось фактически до установления меньшевистского и советского государства Грузии³⁸.

Таким образом, имеющиеся источники не дают никаких оснований грузинским историкам для того, чтобы искусственно «загнать» Абхазию в состав Грузии или же «вытолкнуть» абхазов за пределы Южного Кавказа. Им следовало бы задуматься над словами основоположника грузинской научной историографии акад. И.А. Джавахишвили, который предупреждал современных и будущих грузинских историков: «Положение исследователя истории грузинского народа ещё более осложнено и тем обстоятельством, что Кавказ не является первоначальной родиной грузин, и остатки их первоначальной культуры не могут быть разыскиваемы здесь»³⁹.

По поводу этноязыковой ситуации в Абхазии в XIX – нач. XX в. следует отметить, что Абхазия являлась мононациональной страной вплоть до массовой депортации абхазов в Османскую империю во второй половине XIX в. Поэтому всякие утверждения грузинских авторов (например, Д. Гамахари) об отсутствии процесса «мегрелизации» в Самурзакане безосновательны.

На самом деле упразднение абхазской государственности (1864) и введение в Абхазии прямого российского правления дали возможность определённому количеству мегрелов обосноваться в Абхазии. Уже к 1868 г. в Абхазии были зафиксированы 429 мегрелов⁴⁰. Однако их массовое заселение, как и представителей других народов (русских, армян, греков, молдаван, эстонцев, немцев и др.), началось после очередной волны депортации абхазов в Османскую империю в 1877–1878 гг. Колонизация опустевших земель Абхазии грузинской прессой того периода была представлена как общенациональное событие. «Во всех отношениях подходящими для заселения побережья Черного моря являются как имеретинцы, так и мегрель», – сообщалось в газете «Дроеба» от 2 февраля 1878 г. А в номере от 4 февраля 1879 г. то же издание пишет: «Расширимся, пока ещё имеем время, пока не понаехали чужие племена и не поселились на пустых местах нашего Кавказа». Засуетилась и газета «Шрома» (1882, № 15), которая призывала своих читателей: «Присылайте сюда [в Абхазию] побольше рачинцев, лечхумцев, верхних имеретинцев и мегрелов из

горных мест». Как сообщал журнал «Моамбе» (1898, № 1), в начале 80-х гг. XIX в. мегрелами вблизи Сухума были заняты бывшие абхазские села – Абжаква, Мерхеул, Пшаш, Акапа, Гумиста, Келасур, Багажвяшта, Мачара, Гулрыпш, Багбаран, Бабушара, Варча, Наа и др. В большинстве из этих сел число переселенческих дворов доходило от 50 до 100 и более. В 90-х гг. XIX в. в Абхазии уже образовались мегрельские села, состоящие из 300, 500 и более семей.

Грузинская пресса проявила заботу и об идеологическом обеспечении переселенческого движения соотечественников. В процессе освоения картвелами опустевших земель Абхазии и других регионов Кавказа у грузинской общественности начинает формироваться имперское сознание. Вышеназванная газета «Дроеба» ещё в 1873 г. (№ 399) стала внушать своим читателям, что, оказывается, «весь Кавказ является родиной грузин, грузинской землей». А в 1879 г. то же издание (№ 36) открыто выражает недовольство по поводу того, что Россия «старается присвоить опустевшие земли нашего края на побережье Каспийского и Черного морей», которые «грузинская нация в прошлом занимала».

Хотя, по словам начальника Сухумского округа В.А. Браккера, до введения прямого российского правления «было далеко не безопасно даже и появляться в Абхазии, а если они [мегрелы] и проживали тут, то не иначе как в качестве прислуги местных привилегированных фамилий»⁴¹. Если к 1886 г., согласно российской посемейной переписи, количество мегрелов и грузин в Абхазии достигло 3989 чел. (из них мегрелов – 3474), то за 11 лет их численность выросла до 25 640 чел. (из них мегрелы – 23 810)⁴².

Тем временем увеличение количественного состава мегрело-грузин создало благоприятные условия для проведения целенаправленной ассимиляции абхазов, особенно самурзаканцев. «Теперь этот пришлый элемент, – говорится в одном из источников начала XX века, – стеснил коренное население, взял на себя роль каких-то руководителей-посредников между правительством и народом [абхазами], действуя якобы от имени коренного народа. Люди эти, в большинстве случаев мингрельцы, пришли вместе с русскими, так сказать под русским флагом внедрялись в Абхазию. Они захватили в свои руки и богатства, и земли в Абхазии и пользуются всеми благами, заботясь только о себе, стремясь насильственно огрузинить абхазское население»⁴³.

Собственно говоря, с конца XIX в. Самурзакан превратился не только в испытательный полигон этнокультурной ассимиляции

абхазов, но и в своеобразный перевалочный пункт, плацдарм для широкомасштабного расселения мегрельского, а за ним и собственно грузинского населения на всю территорию Абхазии.

Вместе с тем, как видим, ассимиляция абхазов приобретает двухступенчатый характер. В частности, мегрельское население, призванное ассимилировать абхазов, фактически не владевшее грузинским языком, могло бы не огрузинить, а омегрелить их, что и случилось на начальном этапе. Для справки: по данным газеты «Кавказ» (1865, № 97), в середине XIX в. во время развернувшейся борьбы «за абхазский Самурзакан» между грузинским и русским языками, только лишь два человека по всему Самурзакану владели «грузинской грамотой», грузины и мегрелы между собой общались «с помощью переводчиков». Однако, несмотря на такой риск, грузинская интеллигенция и духовенство активизировали процессы расширения этнической, а следом и политической границ картвелов за счёт освоения опустевших земель Абхазии. На этом фоне богослужение в абхазских приходах, как и преподавание в церковных и светских учебных заведениях Самурзакана, стало вестись на грузинском языке. В ассимиляции абхазов немаловажную роль сыграли: искажение на мегрело-грузинский лад или же самовольная замена абхазских фамилий священниками, распространение священнослужителями и преподавателями учебных заведений ложной информации о грузинском происхождении самурзаканцев и всех абхазов, объявление самопровозглашенной в 1917 г. грузинской церковью самурзаканцев грузинами, официальная запись самурзаканцев грузинами в годы меньшевистской оккупации (1918–1921), открытие в Самурзакане в первые же годы советской власти ликбезов, начальных, неполных и полных средних школ на грузинском языке и многое другое.

Изначально в дестнизации самурзаканцев существенную роль сыграло бесосновательное разделение самодержавием абхазов на «виновное» население (от р. Бзыбь до р. Аалдзга) и «невиновное» (от р. Аалдзга до р. Ингура). Чтобы уберечь себя и своих родственников от преследований, многие самурзаканцы стали отмежываться от «виновных» абхазов и признавать себя по национальности «самурзаканцами». Опасность оставаться абхазом заключалась в том, что объявленные «виновными» абхазы были отнесены к категории «временное население», лишены наследственного права на землю и на проживание в приморской части Абхазии, включая г. Сухум и окрестные села. Так было с 1880-го по 1907 год.

В этом отношении интересны следующие статистические данные. В 1882–1883 гг. в Самурзакане на 5794 семьи приходилось лишь 222 постоянно проживавшие мегрельские семьи, остальные составляли абхазы⁴⁴. По данным российской посемейной переписи 1886 г., из общей численности населения Самурзакана – 30 529 чел. – подавляющее большинство – 29 520 чел. – абхазы, тогда как мегрелов было всего 984 человека⁴⁵.

И в последующие два-три десятилетия подавляющее большинство населения Самурзакана считали себя абхазами. Например, по данным Н.В. Фон-Дервиза, в начале XX в. собственно самурзаканцев, которых он относил к абхамам, было 31 486 человек, а в совокупности на тот период численность абхазов в Абхазии составила 104 353 человека⁴⁶. По К.Д. Мачавариани, в 1913 г. в Самурзакане общая численность населения составляла 38 580 человек, из которых абхазов 33 639 человек; грузин (мегрелы, имеретинцы, гурийцы и др.) – 3915; турок – 26 человек⁴⁷. Однако численность абхазов в этом регионе, как и по всей Абхазии, была искусственно занижена грузинскими меньшевиками для закрепления за картвелами статуса автохтонного населения на этнической территории абхазов с целью оправдания оккупации и аннексии Абхазии войсками Грузинской Демократической Республики. В частности, по И. Гомартели, самурзаканцы являлись мегрелами и по численности превышали 40-тысячное абхазское население⁴⁸. По данным писателя В. Котетишвили, в 1919 г. в Самурзакане проживало 38 441 чел., из которых абхазов только 2000 чел., грузин – 36 441. Таким образом, общее количество абхазов в Абхазии он уменьшил до 41 376 человек, а численность грузин соответственно увеличил до 60 930 человек⁴⁹.

В этом отношении примечателен следующий факт: по данным профессора М. Бутбы, потомка абхазских депортантов из Стамбула, посетившего Самурзакан в 1920 г., численность абхазов в этом регионе Абхазии достигала 40 тыс. человек, из них 2/3 знали свой язык и не омегрелились, с гордостью заявляли, что они абхазы. И в то же время М. Бутба был весьма обеспокоен произволом грузинских меньшевистских властей по отношению к самурзаканским абхамам: «Со временем абхазы могут потерять своих братьев-самурзаканцев... грузины и мегрелы делают всё возможное для того, чтобы ассимилировать абхазов Самурзакана»⁵⁰.

Курс на увеличение грузинского населения в Абхазии продолжила и Советская Грузия. На заре советской власти Грузия откровенно выступала против существования независимой ССР

Абхазии. «Независимая» Абхазия, где большинство составляют грузины, неприемлема», – читаем в газете «Социалист-федералисты» от 23 июля 1921 г. Это мнение разделял писатель К. Гамсахурдия и другие⁵¹.

Во время первой Всесоюзной переписи населения (1926) статистические службы ГССР и ЗСФР из числа жителей Самурзакана к мегрелам причислили 36 802 чел., а к абхазам – 12 963 человека⁵².

Известный абхазский просветитель и священнослужитель протоирей Д. Маргания (Маан) связывал утрату абхазского национального самосознания абхазами Самурзакана именно с языковой ассимиляцией. В 1926 г. в газете «Апсны Капш» (№ 13) он сообщал: «Больше половины населения Гальского уезда абхазы по происхождению, но они считают себя мегрелами. В чём же причина? Случилось следующее: как только [абхазы] потеряли родной язык, служивший основой сохранения своих истоков, национального самосознания, запутались, стали не сознающими своих корней».

В конце 20-х гг. XX в. четкую картину языковой ассимиляции самурзаканцев дал абхазский ученый-лингвист А.К. Хашба, репрессированный в годы сталинского террора. «Мегрелизация самурзаканских абхазов, – писал он, – идёт таким темпом, что, вероятно, лет через десять-пятнадцать в Самурзакане не будет абхазского языка»⁵³. Он обращает внимание на стремление самурзаканских абхазов открыть абхазские школы, чтобы возродить родной язык: «Дети самурзаканских абхазов, кроме ничтожного процента, говорят на мегрельском языке. Абхазское население в настоящее время обратило на это внимание, и принимает активное участие в постройке абхазских школ в абхазских селах, как за счёт государства, так и за счёт общества»⁵⁴. К сожалению, эти мероприятия запоздали.

Вскоре абхазский народ настигла новая трагедия – абхазы, избежавшие искусственной ассимиляции во время переписи населения 1926 г., уже в 1939 г. были в основном записаны грузинами, а абхазами были записаны всего лишь 1786 человек⁵⁵. О насильственном характере воздействия на национальное самосознание абхазов Юго-Восточного региона Абхазии и механической записи их грузинами свидетельствуют и старожилы этого региона. М.К. Эзугбая, коренной самурзаканец, заслуженный учитель Абхазии, в 1991 г. писал: «Ассимиляция абхазов (как бы неприятно это слово не звучало) особенно усилилась после установления

Советской власти. Приведу такой факт: в 1935 году провели паспортизацию в нашем районе... Завершив работу и выдав паспорта, мы подвели итоги, в результате которых выявилось, что в нашем селе из граждан, получивших паспорта, абхазами записались 72 %. И, если не ошибаюсь, в целом по Гальскому району – 68–70 процентов». По сообщению этого же автора, в 1939 г. паспорта были заменены новыми, и «всех тех, кто в старых были записаны «абхазами», в новых – записали «грузинами»⁵⁶.

Таким образом, вследствие политических, миграционных, «культуртрегерских», морально-психологических и иных мер происходило ослабление важнейших компонентов структуры этноса: общности языка, культуры, территории, истории и государственности, что и привело к ослаблению национального самосознания, порой к деэтнизации значительной части абхазского населения Самурзакана. Воспользовавшись сложнейшим психологическим состоянием абхазов этого региона, государственная машина советской Грузии путём репрессивных мер заставила большинство самурзаканцев записаться грузинами. В результате общее количество появившегося грузинского населения в Абхазии к 1939 г. составило 91,9 тыс. человек⁵⁷.

Исследование ассимиляционных действий грузинской интеллигенции и духовенства в годы Российской империи, меньшевистской и советской Грузии даёт основание утверждать о наличии заранее составленной программы по ассимиляции абхазов, оставшихся после депортации на родине, с очевидной целью – инкорпорации Грузией Абхазии.

Не вызывают никакого сомнения утверждения немецких учёных об использовании грузинскими властями массового террора и шокового морально-психологического состояния населения для проведения целенаправленной политики по «укрупнению» грузинского народа за счёт включения в его состав как собственно картвельских этнических единиц, так и по возможности представителей неродственных народов.

Бесконечные утверждения грузинских оппонентов о том, что мегрелы и сваны такие же грузины, как картлийцы, кахетинцы, имеретинцы, гурийцы и др., не соответствуют этнолингвистической действительности. Кроме многих сфер материальной и духовной культуры, от грузин они, в частности, отличаются языком, традициями, этническим самосознанием и самоназванием. Разве без переводчика или общего разговорного языка понимают друг друга грузины, мегрелы и сваны? Конечно же, нет! Они и по

сегодняшний день сохраняют свой язык и другие особенности. Проблематичным остается ответ на вопрос: если бы не насилие и повседневный «чекистский» надзор в 30-е годы, как и в последующие, мегрелы и сваны официально согласились бы отказаться от собственного этнического самосознания и «признать» себя «грузинами»? То же самое можно сказать и о лазах, которые лишь по возвращению из ссылки (из Сибири и республик Средней Азии) «догадались» записаться грузинами.

Однако в процессе создания новой «грузинской нации» и расширения Малой Советской Грузинской империи власти Грузии особое внимание уделили абхазскому народу и Абхазии. Фактически речь идёт о продолжении, точнее – тотальном расширении и углублении тех миграционных и ассимиляционных процессов, которые годами апробировались грузинскими шовинистами в Абхазии. Примечательно, что идея о включении малочисленных народов в состав более многочисленного этноса соответствовала марксистско-ленинской концепции денационализации, т.е. ассимиляции народов. А вхождение «запоздалого» абхазского народа, «вместе с мегрелами, сванами, лезгинами и др.» именно в состав грузинской нации, имеющей «высшую культуру» ещё в 1913 г. «предугадал» И.В. Сталин⁵⁸ – главный теоретик и практик большевиков по национальному вопросу.

Низведение государственного статуса Абхазии до автономии Грузинской ССР, убийство главы Абхазии Н.А. Лакобы в Тифлисе в «гостеприимной семье» Л.П. Берии и последовавшие за этим массовые судебные и несудебные расправы над политическими деятелями и представителями интеллигенции Абхазии стали точкой отсчёта широкомасштабного наступления на всё, что было связано с абхазским народом и его культурой. С этого времени Абхазская Автономная Республика превратилась в составе Грузии в фиктивное государственное образование.

На пути этнического поглощения абхазов национал-шовинисты Грузии провели широкомасштабные мероприятия по физическому уничтожению активной части абхазской нации, т.е. тех, кто при первой необходимости мог бы поднять голос в защиту своего народа. «После смерти Н. Лакобы, – писал С. Данилов, – из Тифлиса в Абхазию прибыла специальная бригада НКВД... Аресту подлежали решительно все...»⁵⁹.

Властями Грузии, лично первым секретарём ЦК КП(б) Грузии Л.П. Берией, репрессивные меры были начаты с освобождения от занимаемых должностей и ареста почти всех руководителей

районных и центральных органов НКВД Абхазии. Их заменили чекисты, прибывшие из Тбилиси. НКВД Автономной республики постоянную помощь оказывала специальная бригада из Грузии. «Стражи социализма» приступили к чистке Абхазии от «вредителей» и «врагов народа». После ареста почти всех членов высших органов власти, ЦИК и Областного комитета партии, очередь дошла до руководителей административных и партийных органов городов, районов, различных предприятий, организаций и ведомств. Аресту подлежали рядовые члены партии и комсомола, беспартийные граждане, научные сотрудники, писатели, журналисты, торговые работники. В селах аресту подлежали местная интеллигенция, бывшие князья и дворяне, все те, кто имел какое-то отношение к прежнему руководству Абхазии, был просто знаком с ним. Характерно, что репрессии были направлены в первую очередь против представителей абхазской национальности, что ещё раз подтверждается в труде немецких учёных.

Пытаясь защитить эти и другие преднамеренные злодеяния властей Грузии, современные грузинские историки должны помнить, что массовое уничтожение и отстранение абхазов от политической власти, административного управления, хозяйственной и культурной жизни республики на основании современного международного права следует квалифицировать как геноцид. По определению комиссии экспертов ООН, созданной во исполнение Резолюции 780 (1993) Совета Безопасности, к геноциду приравниваются умышленное убийство руководства группы – политические и административные руководители, религиозные деятели, представители интеллигенции... (S) 1994 (674, пункт 94).

Именно с понижением политического статуса Абхазии, ликвидацией и арестом лиц, неугодных руководству Грузии, в Абхазии были созданы условия для искоренения абхазского языка, культуры, национального самосознания, т.е. для совершения полномасштабного геноцида народа. Продолжая суждение о геноциде абхазов в те годы, было бы резонно обратиться к словам профессора Р. Лемкина, давшего определение термину геноцид и включившему его в лексикон международной юриспруденции. По его мнению, «в целом геноцид не обязательно означает моментальное уничтожение нации... Он скорее предполагает координационный план действий, направленный на разрушение основ существования национальных групп, составные части такого плана – уничтожение политических и общественных институтов, культуры, языка, национального самосознания, религии»⁶⁰.

Именно в этом русле и происходила деятельность грузинских властей по искоренению абхазского народа как самостоятельного этноса, о чём и позволю себе рассказать более подробно.

Неслучайно, что после отстранения большинства абхазов от политического руководства Абхазии и их ликвидации грузинские власти основной акцент перенесли на искоренение абхазского языка – важнейшего компонента нации. Как справедливо писал американский советолог Даррел Слайдер, «до смерти Сталина и Берии в Абхазии проводилась кампания, направленная на уничтожение абхазов как этнокультурной единицы»⁶¹. Репрессии против языка коренной национальности начались с того, что абхазский язык был объявлен близкородственным грузинскому. На основании решения партийных органов латинизированный алфавит абхазского языка в 1938 г. был заменен грузинской графикой.

Обвиняя немецких авторов в незнании современной грузинской научной литературы по данной проблематике (например, трудов проф. Т. Гванцеладзе), проф. А. Даушвили отмечает, что якобы в этих исследованиях доказано преимущество грузинского алфавита перед кириллицей, что грузинский алфавит «лучше отражает абхазский языковой феномен». В действительности же грузинский лингвист проф. Т. Гванцеладзе, одобряя замену абхазского алфавита грузинской графикой, считает, что грузинская графика была более экономичной для обозначения абхазских звуков, чем русская⁶². Всё это с точки зрения практики близко к истине, но кому была нужна такая истина, если этот язык с новым алфавитом будет запрещен. На самом деле инициаторы нового абхазского алфавита заботились не об усовершенствовании правил правописания и орфоэпии абхазского языка; путём внедрения грузинской графики решалась более масштабная задача. Как показала жизнь, вопреки, мягко говоря, некорректным высказываниям того же тбилисского лингвиста, 16-летнее функционирование грузинской графики с 1938 по 1954 гг. было не периодом «сохранения экологического лица» и «естественного развития» абхазского языка⁶³, а преднамеренным научно-практическим решением с целью грузинизации всего абхазского народа.

Перевод абхазского алфавита на грузинскую графику, как и ожидалось, отразился весьма пагубно на абхазской культуре и дальнейшей судьбе абхазского этноса. Этот шаг являлся прелюдией попытки полного искоренения языка коренного народа. Грузинский алфавит к тому же в последующем стал одним из аргументов «обоснования» целесообразности обучения детей в абхазских школах на грузинском языке.

Реорганизация абхазских школ началась с принятия Постановления Абхазского обкома КП(б) Грузии от 9 января 1945 г. «О составе Комиссии по реорганизации абхазских школ»⁶⁴. На основании предложения данной Комиссии бюро Абхазского обкома партии 13 марта 1945 г. приняло Постановление под № 247 «О мероприятиях по улучшению качества учебно-воспитательной работы в школах Абхазии». А для «поддержки народной инициативы» СНК Грузинской ССР и Бюро ЦК КП(б) Грузии приняли совместное Постановление «О мероприятиях по улучшению качества учебно-воспитательной работы в абхазских школах»⁶⁵.

Циничность принятия марионеточными и огрузинившимися властями Абхазии и руководством Грузии этих решений заключается ещё и в том, что для «обоснования» перевода обучения в абхазских школах на грузинский язык приводятся искусственно созданные или же надуманные поводы, такие как единый алфавит, единство языка и культуры абхазов и грузин. В частности, второй пункт Постановления Абхазского обкома партии по этому вопросу гласит: «Учитывая наличие общего алфавита и лексическое сходство грузинского и абхазского языков, а также знание значительной частью абхазского населения грузинского языка, общность материальной и духовной культуры родственных грузинского и абхазского народов, перевести обучение в абхазских школах с 1945–1946 учебного года на грузинский язык»⁶⁶.

Что касается вышеназванных грузинских обоснований, то следует отметить, что, помимо искусственного перевода абхазской письменности на грузинскую графику, тбилисские «реформаторы» до и после принятия данных постановлений позаботились о «лексическом сходстве» грузинского и абхазского языков. Кроме того, что в лексическом фонде абхазского языка, как и в любом другом языке, присутствуют заимствованные слова⁶⁷, с конца 30-х гг. по начало 50-х гг. XX века в абхазский язык интенсивно были внедрены грузинские слова: например, «аколмеурнеоба» – колхоз, «амдивани» – секретарь, «амохсенеба» – доклад, «амоцмоба» – справка и др.⁶⁸.

Говорить о родстве грузинского и абхазского языков не приходится. Однако это не помешало грузинским шовинистам проводить на практике свой коварный план – вливания абхазского этноса в грузинский этнокультурный мир. Кстати, говоря о лексическом сходстве языков, следует подчеркнуть, что лексический словарь грузинского языка насчитывает множество греческих, турецких, арабских, армянских и особенно персидских слов:

«сахли» (дом), «куча» (улица), «калаки» (город), «джари» – войско, «ркина» – железо, «халхи» (народ), «пури» (хлеб) и др.⁶⁹, но ещё никому не приходила в голову мысль (и слава Богу) о переводе грузинской письменности на персидскую графику или же об открытии персидских или арабских школ вместо грузинских.

Не выдерживает никакой критики в этих пресловутых постановлениях утверждение о знании грузинского языка «значительной частью» абхазского населения или же об «общности» материальной и духовной культуры грузинского и абхазского народов. В первом случае речь может идти о знании определённой частью абхазского населения, особенно восточной Абхазии, мегрельского языка, но никак не грузинского. То же самое можно сказать и по поводу общности материальной и духовной культуры грузин и абхазов – прежде всего это касается культурных ценностей ассимилированного (омегрелившегося) абхазского населения исторического Самурзакана.

В процессе реформирования абхазских школ абхазские педагоги и даже технический персонал, из-за незнания чужого для них грузинского языка, были уволены с работы. Их места заняли грузины, переселенные из Грузии. Закрытие абхазских школ вызвало волну возмущения среди абхазского населения. Педагоги абхазской национальности были отстранены от работы, часть из них была вынуждена покинуть Абхазию. От грузинских школ отвернулись дети и их родители. Конфликт между родителями и педагогами, педагогами и детьми принял поистине массовый характер. В дело вмешивались власти, которые, естественно, защищали интересы преподавателей этих новоявленных грузинских школ. Большинство из тех, кого всё же заставили ходить в школу, из-за незнания грузинского языка и невыносимых условий, созданных в школах грузино-мегрельскими педагогами, включая физическое и моральное оскорбление детей, были вынуждены оставить учёбу. Особенно доставалось детям, которые осмеливались в стенах школы говорить между собой на абхазском языке. Так что вместо «улучшения качества учебно-воспитательной работы» власти, как и следовало ожидать, провалили учебный процесс. Собственно говоря, для грузинских властей важна была не учебно-воспитательная функция школы, а изменение языковой и тем самым этнической ситуации в Абхазии в пользу грузин. Как пишут исследователи этого периода С.З. Лакоба и Ю.Д. Анчабадзе, «абхазы чувствовали, что стояли на пороге национальной катастрофы. Перед их глазами развивались процессы, которые

разрушали традиционные этнокультурные, демографические и социальные особенности Абхазии, более того, вообще ставили под сомнение её историческую будущность»⁷⁰. Как правило, недовольство абхазов по поводу закрытия абхазских школ, переселения грузинских крестьян из Грузии, засилье в партийно-советском аппарате Абхазии грузинских кадров, властями Грузии расценивались как проявление «контрреволюционно-националистического», «антисоветско-шовинистического» или же «злостно антисоветского настроения»⁷¹. Грузинские власти объявили «буржуазными националистами» тогда ещё молодых учёных, ныне широко известных кавказоведов: Г.А. Дзидзарию, К.С. Шакрыла и Б.В. Шинкубу – авторов известного письма в ЦК ВКП(б) от 27 февраля 1947 г., в котором речь шла о закрытии абхазских школ, о переселенческой политике, наводнении Абхазии грузинскими кадрами, переименовании населенных пунктов и т. п.⁷² Секретарь Абхазского обкома КП(б) Грузии А.И. Мгеладзе и другие руководители Абхазии авторов вышеназванного письма обвиняли в том, что они якобы выступали с явно «национал-фашиствующими»⁷³ тезисами о недопустимости нарушения этнической целостности абхазского народа. По их утверждению, «абхазцы не являются этнически самостоятельной единицей»⁷⁴, и они, как представители грузинского племени, должны вливаться в состав грузинской нации. Руководитель службы государственной безопасности Абхазии генерал-майор И. Гагуа, считая «вредными и опасными» для государства деятельность этих и других представителей науки и культуры, в 1947 г. после оглашения письма научных сотрудников АбНИИ К.С. Шакрыла, Г.А. Дзидзарию и Б.В. Шинкубу, под грифом «Совершенно секретно», представил вышестоящему руководству данного ведомства «черный список» из 25 человек, «в своё время не привлеченных к ответственности»⁷⁵.

Власти, помимо закрытия абхазских школ и принуждения абхазских детей поступать только в грузинские школы, свели к минимуму издание печатной продукции на абхазском языке: газет, журналов, книг; ограничили радиовещание на абхазском языке, перевели делопроизводство на грузинский язык. Все эти и другие «реформы», связанные с насильственным внедрением грузинского языка среди абхазов, официальный Тбилиси рассматривал как «важное достижение в развитии культуры абхазского народа»⁷⁶. Протесты в защиту абхазского языка, направленные в высшие партийные и государственные инстанции СССР, как правило,

оставались без адекватного реагирования. Комиссии ЦК КПСС, посетившие Абхазию для проверки жалоб по поводу перевода абхазских школ на грузинский язык обучения, приходили к выводу, что абхазские школы обоснованно были переведены на грузинский язык. В таком же духе руководство Грузии разъясняло «вождю народов», кстати, прекрасно владевшему ситуацией, суть реформы абхазской школы. В частности, после очередной жалобы представителей абхазской интеллигенции в адрес высшего руководства СССР первый секретарь ЦК Компартии Грузии А. Мгеладзе, ранее работавший первым секретарём Абхазского обкома КП(б) Грузии, в «Докладной записке» И. Сталину от 4 декабря 1952 г. под грифом «Совершенно секретно» «реорганизацию» абхазских школ, как и ожидалось, обосновал родством абхазов и грузин, единым алфавитом, лексическим сходством грузинского и абхазского языков, а также отсутствием у абхазов национальных педагогических кадров⁷⁷. Это при том, что абхазские кадры в основном были ликвидированы с ведома лично Сталина и его подручных, включая самого А. Мгеладзе.

Руководство Грузии особое внимание уделяло грузинизации исконных абхазских географических названий. Этот процесс начался ещё в 1935 г. В перечне телеграфных учреждений, разосланном Народным комиссариатом связи СССР для руководства два населенных пункта Абхазии – Псырцха и Новые Гагры значились под названиями Ахали Афони и Ахали Гагры. Эти топонимические новшества, опубликованные в Москве, имели своих грузинских инициаторов в Тбилиси. Но первые шаги по «топонимической реформе» были оспорены ЦИК Абхазии. В одном из очередных писем того же года, направленном в адрес ЦИК СССР, Председатель ЦИК Абхазии Н.А. Лакоба эти изменения счёл «неправильными» и «необоснованными»⁷⁸.

В Докладной записке ЦИК Абхазии за подписью Н. Лакобы подверглось критике Бюро транскрипции Главного управления государственной съёмки и картографии НКВД СССР, установившее «новые начертания» вышеназванных и некоторых других населенных пунктов Абхазии. Ссылаясь на историко-лингвистические данные, высший орган власти Абхазии «в целях сохранения этнографических абхазских названий» ставил вопрос о необходимости установить следующие начертания населенных пунктов: Сухум – Акуа (Aqua), Очамчиры – Очамчира, Ткварчелы – Ткуарча⁷⁹, Гагры – Гагра, Гудауты – Гудаута, Ахали Афони – Псырцха⁷⁹. (Однако в ответ на это в своём Постановлении ЦИК Союза

ССР 16 августа 1936 г. «О правильном начертании названий населенных пунктов», Сухум был утвержден как «Сухуми», Ткварчелы – «Ткварчели», Очамчиры – «Очамчири»⁸⁰. Эти изменения в топонимике Абхазии являлись пробным камнем для осуществления в дальнейшем тотального изменения географических названий Абхазии.

В 1936–1953 гг. было произведено массовое переименование населенных пунктов Абхазии. По данным источников, в период 1948–1951 гг. были переименованы более 150 населенных пунктов. Например, на основании Постановления Президиума Верховного Совета Абхазской АССР от 20 августа 1948 г., были переименованы 80 сельских Советов и сел⁸¹. Своим новым Постановлением от 15 августа 1950 г. Президиум Верховного Совета Абхазии заменил ещё 41 топоним⁸². А на основании Постановления Президиума Верховного Совета Абхазской АССР от 19 июля 1952 г. были переименованы ещё 35 сельских советов и сел⁸³. Все эти решения передавались в Тбилиси в Президиум Верховного Совета ГССР на утверждение. Но данная юридическая процедура носила формальный характер. Ибо все проекты этих решений готовились под диктовку руководства союзной республики. Примечательно, что с 1926-го по 1966 г. на территории Грузинской ССР более 500 населенных пунктов получили новые названия, и из них 318 (63 %) в Абхазии⁸⁴. Именно тогда появились в Абхазии не имеющие никакого отношения к абхазской действительности сугубо произвольные грузинские географические названия, ставшие впоследствии для некоторых грузинских авторов⁸⁵, включая грузинских оппонентов рецензируемой книги, «объектом научных исследований» как древнегрузинские топонимы и гидронимы, доказательством автохтонности грузин в Абхазии.

В целях лишения абхазов исторической памяти как одного из существенных компонентов национального самосознания в ранг государственной политики была возведена фальсификация истории Абхазии, пленниками которой являются большинство участвовавших в дискуссии грузинских историков. По социальному заказу властей грузинский литературовед П. Ингороква, в целях подавления абхазского национального самосознания, в 1950 г., вступая в противоречие со своими же трудами, выпущенными семью-восемью годами ранее, писал, что якобы средневековое феодальное государство, именуемое «Абхазским царством», было создано грузинскими племенами, и одним из таких племен было

грузинское племя «абхазы»⁸⁶. «Абхазы, – писал он, – и проживавшие в Абхазии другие племена (апсилы, мисимиане, санихи) – эти такие же чисто грузинские племена, такого же грузинского происхождения и также говорящие на грузинском диалекте, как и другие грузинские племена Западной Грузии – карты, мегрелы и сваны»⁸⁷. Считая все средневековые абхазские племена «грузинами», П. Ингороква выдвинул теорию о том, что якобы во второй половине XVII века грузинские племена «абхазы» были оттеснены т.н. северокавказскими «апсуйцами». Заняв грузинские земли на Черноморском побережье Кавказа до р. Шапсухо, севернее от Никопсии (в районе современного г. Туапсе), пришлые «апсуйцы» назвали себя «абхазами» – именем этнически грузинского племени⁸⁸. «Научное открытие» о распространении картвельских племен на большей части Восточного Причерноморья напрямую отвечало не только денационализации абхазского народа и растворению его в составе новой грузинской нации, но и исходило из интересов создания «научной базы» для расширения политической границы Грузии до Туапсе (вспомним 1918 г.). Тем более что ко времени возникновения теории Ингороквы (конец 40-х годов), часть территории репрессированных народов Северного Кавказа официально уже была включена в состав Грузинской ССР.

Таким образом, грузинский автор попытался лишить абхазский народ не только исторического прошлого, связанного с этнонимом «абхаз» и могущественным государством на Кавказе – Абхазским царством, но и статуса автохтонного народа Абхазии и представить предков нынешних абхазов оккупантами грузинских земель и порабителителями грузинского народа. Тем самым была заложена ещё одна мина для дальнейшего разжигания грузино-абхазского противостояния.

Несмотря на абсурдность этих «изысканий» автора, в целом теория П. Ингороквы была одобрена большей частью грузинской научной интеллигенции. Например, академики С. Каухчишвили, Г. Ахвледиани, профессор Д. Кобидзе и др. публично одобрили и расхвалили «научные достижения» грузинского автора⁸⁹. Против теории П. Ингороквы выступили абхазские и некоторые грузинские учёные: З.В. Анчабадзе, Х.С. Бгажба, К.В. Ломтатидзе, Г. Соселия и другие⁹⁰. Например, акад. К.В. Ломтатидзе, критикуя теорию П. Ингороквы о переселении народа, говорящего на абхазском языке, в XVII в. с Северного Кавказа в Абхазию, писала, что это мнение «противоречит фактической ситуации и доку-

ментально установленным сообщениям»⁹¹. А по поводу того, что якобы большинство топонимов на территории Абхазии и северо-западнее от неё являются грузинскими, она подчёркивала, что «раскрытие П. Ингороквы значения топонимов для подтверждения своих положений в большинстве случаев лишены научных обоснований и строгого лингвистического анализа»⁹².

Критикуя книги П. Ингороквы, профессор З.В. Анчабадзе пришёл к выводу: «Таким образом, в своём “исследовании” по поводу истории Абхазии и Абхазского царства П. Ингороква проявляет следующие черты... 1) явный дилетантизм, незнание многих фактов и источников из истории Грузии, неумение научно интерпретировать источники; 2) присваивание научных положений, разработанных или выявленных другими учеными; 3) фальсификация источников с целью “обосновать” свои ошибочные положения; 4) игнорирование материалов, противоречащих его “концепции”»⁹³. Однако даже после разоблачения книги П. Ингороквы и её осуждения со стороны властей Грузии под влиянием политической «оттепели» немалая часть грузинской научной общественности не теряла надежду на реанимацию теории о пришлости абхазов в Абхазии в позднем средневековье, признание автохтонности грузин в Абхазии и научное обоснование притязания грузин на абхазские земли. Момент для этого был выбран в период распада СССР, когда данная теория стала чуть ли не основной идеологической базой в разжигании агрессивной войны Грузии против Абхазии (1992–1993). Она и по сегодняшний день служит инструментом в попытках реализации реваншистских планов по восстановлению пресловутой «территориальной целостности» Грузии⁹⁴. Разделяют подобные идеи и некоторые оппоненты рецензируемой книги, среди которых особо выделяются А. Даушвили, Д. Гамахария и группа Р. Метревели.

Руководство Грузии посчитало недостаточным имеющееся в Абхазии количество грузин для завершения планомерного процесса этнокультурного растворения абхазов в составе картвелов и приступило к дальнейшему массовому заселению Абхазии картвельскими этническими единицами. Неслучайно качественно новый этап планомерного массового переселения грузин в Абхазию берет начало именно с конца 1937 г. на волне репрессивной вакханалии. Инициатором данного преступления был лидер грузинских коммунистов Л.П. Берия⁹⁵. Например, в докладе Госплана Абхазской АССР так и сказано, что начатое «по инициативе любимого сына грузинского народа товарища Л.П. Берия» пересе-

ление крестьян «из малоземельных районов Грузии» в Абхазию проходит весьма успешно⁹⁶. Из данного документа выясняется, что к 1940 г. в Абхазии уже было построено 11 новых переселенческих колхозов, где обустроены 1650 семей, и к концу 1944 г. будут обустроены до 5404 переселенческих семей⁹⁷.

Переселенческая политика на всем пространстве СССР начала осуществляться на основании Постановления ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР от 27 мая 1939 г., т. е. примерно на два года позже, после начала активного переселения крестьян из Грузии в Абхазию. А с принятием Постановления от 14 сентября того же года при Правительстве Союза ССР было образовано Переселенческое Управление СССР. В том же году соответствующие переселенческие отделы были утверждены при СНК Грузинской ССР и СНК Абхазской АССР, хотя аналогичные структуры уже функционировали при правительствах Грузии и Абхазии. Создание на территории Абхазии переселенческой структуры и непосредственная деятельность в этом направлении до принятия соответствующих общесоюзных директив говорит о многом. Не исключено, что планомерное переселение грузин в Абхазию натолкнуло хозяев Кремля, лоббировавших амбиции Грузии, вплотную заняться переселенческой политикой в масштабе всего Советского Союза. Мероприятие, принявшее общесоюзный характер, давало возможность руководству Грузии, во-первых, завуалировать сугубо националистические интересы грузинских шовинистов, во-вторых, используя всю союзную казну, в кратчайшие сроки осуществить давнишнюю мечту своих идейных предшественников по освоению абхазских земель.

В течение неполных двух десятков лет путём создания грузинских переселенческих поселений, заселения грузинских переселенцев в абхазские села радикально изменилась этническая структура Абхазии в пользу картвельского этноса.

Обращает на себя внимание география и структура размещения переселенческих населенных пунктов как в масштабе всей республики, так и по её районам. Во-первых, большинство спецпоселений были построены в трёх районах – Очамчирском, Гудаутском и Гагрском, где проживала подавляющая часть абхазского населения. Во-вторых, переселенческие поселения в начале локализовались на приморской полосе, т.е. на территориях важных как в экономическом, так и в военно-стратегическом отношении, вдоль автомобильных и железнодорожных магистралей, у въездов и выездов городов и районных центров. Кроме того, эти на-

селенные пункты фактически перекрывали пути из ущелий, где в основном были расщелоточены оставшиеся после депортации абхазские села. Очень скоро переселенческие колхозы, а также мелкие посёлки стали строить между абхазских сел, а позже – внутри абхазских населенных пунктов. Таким образом, во всех абхазских селах помимо новых самостоятельных переселенческих колхозов создалося множество внутрисельских грузинских анклавов с целью окончательного разрушения компактности абхазских сёл. Для них находили «свободные» территории и образовывали грузинские минипоселки в виде отдельных колхозных бригад или звеньев. В Абхазии практически не осталось абхазского села без грузинских переселенцев. Переселенцы, которые представляли более 700 фамилий, были выходцами из более 20 районов и свыше 100 сел Грузии.

За всё время планомерного переселения грузин в Абхазию организаторы этой чудовищной демографической аннексии руководствовались постановлениями и распоряжениями Коммунистической партии и правительства Союза ССР, Грузинской ССР и Абхазской АССР, касающихся развития сельского хозяйства, особенно его субтропических отраслей. Однако нетрудно догадаться, что все эти документы имели не экономическую, а этнополитическую нагрузку. Переселенческие поселения были направлены на деэтнизацию коренного населения, а в случае сопротивления абхазов ассимиляционной политике грузинских властей на них возлагались военно-стратегические функции, печальным свидетельством чему и является Отечественная война в Абхазии 1992–1993 гг.

Параллельно для более эффективного осуществления переселения картвелов в Абхазию в 40-е годы была проведена предварительная этническая чистка в пользу новых поселенцев. В частности, немцы, турки, татары, греки, лазы и частично армяне были высланы сталинским режимом в Среднюю Азию, Казахстан и Сибирские регионы, а их дома, квартиры и другое имущество безвозмездно было передано новым переселенцам из Грузии. Среди депортированных этнических групп Абхазии наиболее многочисленной была греческая община. В 1949 г. из Абхазии было выслано около 34 тыс. греков⁹⁸. Принудительное выселение греков и представителей других народов фактически продолжалось до ареста Л.П. Берии, т. е. до июня 1953 года⁹⁹. В результате в Абхазии, как и в Грузинской ССР, осталось незначительное количество греков¹⁰⁰.

Документы свидетельствуют о том, что выселение греков и представителей других народов из Абхазии непосредственно было связано с необходимостью немедленного заселения в их дома и квартиры переселенцев из Грузии. Об этом свидетельствует и тот факт, что в вышеуказанном Постановлении Правительства и ЦК КП Грузии под номером 675-С прямо указывалось как о выселении греков, так и об одновременном заселении в их жилища грузинских переселенцев. Тем более что это было гораздо выгоднее дорогостоящего и трудоемкого строительства тысяч домов и десятков спецпоселений. Однако это не означало, что темпы строительства переселенческих домов и поселений по заданному «отцом народов» режиму сокращались.

С первых же дней выселения греков и представителей других этнических групп в их дома заселялись грузинские переселенцы из Абашского, Амбролаурского, Ванского, Гегечкорского, Кутайского, Земо-Сванетского, Квемо-Сванетского, Маяковского, Онского, Сачхерского, Чхороцкуйского, Цагерского, Цаленджикского, Цулукидзевского, Цхалтубского и др. районов Грузии, откуда уже более 12 лет по государственному плану Абхазия наводнялась колонистами. В сельской местности кроме домов грузинским переселенцам были переданы оставленные депортантами хозяйственные постройки, приусадебные участки с многолетними насаждениями, скот и другое имущество¹⁰¹.

Заселение бывших греческих сел грузинскими переселенцами входило в общий план огрузинивания Абхазии. Если с конца 30-х гг. путём заселения картвелами менялась этническая структура Очамчирского, Гудаутского и Гагрского районов, то с выселением из Абхазии представителей негрузинских общин, в первую очередь греков, увеличивалось присутствие грузинского населения в Гулрыпшском и Сухумском районах – ближайших к столице Абхазии.

В итоге малая Грузинская империя с помощью Кремля произвела насильственную смену населения Абхазии в целях её окончательной колонизации.

После реабилитации репрессированных народов (1956) грузинские власти всячески препятствовали их возвращению в Абхазию. Имели место конфликты между вернувшимся греческим населением и занявшими их дома грузинскими переселенцами. Малейший протест в адрес грузинского переселенца, занявшего греческий дом, заканчивался арестом или же выдворением грека за пределы Абхазии. И всё же некоторым грекам, имевшим

советское гражданство, разрешили остаться в Абхазии, но при условии, что они не будут претендовать на свои дома и другое имущество. По данным Всесоюзной переписи 1959 г., в Абхазии проживало 9,1 тыс. чел. греков. В отличие от греков, возвращение в Абхазию было запрещено всем репрессированным немцам, туркам и татарам, а из лазов, как было отмечено выше, вернулись лишь те, кто изменил свою национальность на «грузин».

Как видим, выселение греков и представителей других народов из Абхазии и заселение в места их жительства грузин из различных регионов Грузии не носило ни спонтанный, ни локальный характер. Это также не было вызвано интересами безопасности южных границ СССР, как об этом официально заявляли власти Советского Союза¹⁰². Эти коварные манипуляции входили в поддержанный властями СССР общегрузинский план по созданию Грузинской империи на Кавказе, что никак не хотят признать грузинские оппоненты рецензируемой книги. Разве не об этом свидетельствует тот факт, что в приграничных районах Российской Федерации, в нарушение всех существующих законов, в пользу привилегированной грузинской нации осуществлялась «этническая чистка» ряда северокавказских коренных народов и присоединение части их территорий Грузинской ССР?¹⁰³ В частности, 2 ноября 1943 г. были депортированы около 70 тыс. карачаевцев. Карачаево-Черкесская область была ликвидирована, город Карачаевск (до 1944 г. – г. Микоян-шахар) был переименован в Клухор. Большая часть территории упраздненной автономной области под названием Клухорский район была включена в состав Грузинской ССР. Одновременно были заменены на грузинский лад названия всех населенных пунктов данного региона. Всё это незамедлительно было узаконено Указами высших органов СССР и ГССР. Туда же в срочном порядке были переселены сваны и рачинцы из Грузии¹⁰⁴. Грузинской ССР были переданы и другие территории на Северном Кавказе. В феврале 1944 г. были высланы чеченцы и ингуши. Территория ликвидированной Чечено-Ингушской АССР была разделена между Ставропольским краем, Дагестаном, Северной Осетией и Грузией. В частности, Грузии были переданы Итум-Калинский р-н в существующих границах, западная часть Шароевского р-на, южная часть Галанджожского, Галашкинского и Пригородного районов, а также юго-восточная часть Гизильдонского района Северо-Осетинской АССР¹⁰⁵. В марте 1944 г. были депортированы балкарцы, а Кабардино-Балкарская АССР преобразована в Кабардинскую АССР.

Часть её районов и отдельных сел были переименованы¹⁰⁶. Горные районы бывшей Кабардино-Балкарской АССР, примыкающие к Грузии, были переданы Грузинской ССР и заселены сванами и рачинцами.

С точки зрения расширения территории Грузинской ССР за счёт чужих земель вызывает интерес публикация известных грузинских учёных-историков С.Н. Джанашии и Н.А. Бердзнишвили в декабре 1945 г. в республиканской газете «Коммунисти» и чуть позже – в газете «Правда» под названием «О наших законных требованиях к Турции»¹⁰⁷. В этой статье историки, по социальному заказу властей, ставили перед мировым сообществом вопрос об отторжении от Турецкой Республики и передаче их Грузинской ССР «исконных грузинских территорий»: Ардаган, Артвин, Олти, Туртумо, Игир, Байбурт, Гумушхан и районы Восточного Лазистана, включая районы Трабзона и Гиресуна. Публикация даёт основание говорить о серьёзном намерении И. Сталина расширить границы Грузинской ССР, и тем самым СССР, военным путём. Ибо публикация подобного содержания без ведома Кремля просто не могла появиться. Согласно распространенной тогда устной информации, на территории, отобранной у Турции, если бы такое свершилось, намечалось создание Лазистанской АССР в составе Грузинской ССР. Руководителем этой будущей республики, по мнению Кремля, должен был стать Мухаммед Ванлиши – этнический лаз, опытный партийный и государственный деятель Аджарии и Грузии, о чём, кстати, упоминают немецкие авторы в своей книге. Однако в последний момент по неизвестным широкой общественности причинам Москва отказалась от войны против Турции и превращения Грузии из Малой в Большую империю.

Небезынтересно проследить рост территории Грузинской ССР в советское время за счёт чужих земель. В 1922 г. Грузии была передана Юго-Осетинская АО, площадь которой равна 3,9 тыс. км², в 1931 г. – Абхазская АССР – 8,6 тыс. км², в 40-е годы – ещё 6,7 тыс. км² территории депортированных народов Северного Кавказа. Таким образом, площадь Грузинской ССР за какие-то 30 лет по воле Сталина выросла на 19,2 тыс. км², т.е. с 57,2 тыс. до 76,4 тыс. квадратных километров¹⁰⁸. После разоблачения культа личности Сталина и реабилитации народов Северного Кавказа земли, переданные Грузии, были возвращены законным хозяевам. Большинство грузинского населения, переселившегося сюда в своё время из Грузии, возвратили не в места их прежнего жительства, а в Абхазию¹⁰⁹.

Трудно уточнить численность грузинского населения, переселившегося в Абхазию во времена сталинско-бериевской переселенческой политики и депортации ряда этнических групп из Абхазии. Но, на основании данных Всесоюзной переписи, в течение 20 лет, между переписями 1939 и 1959 гг., численность грузин в Абхазии увеличилась примерно на 66 тыс. человек, что на 5 тыс. человек больше численности абхазов, зафиксированных на тот период на исторической родине. Любопытный факт: с 1886-го по 1959 г., т.е. за 73 года, по официальным данным, численность абхазов в Абхазии увеличилась на 2,2 тыс. человек, а грузин, мегрелов и сванов – на 154,2 тыс. человек¹¹⁰⁷⁶.

Таким образом, вследствие проведения грузинскими властями по согласованию с Кремлём Большого террора в Абхазии в 1937-м и последующих годах совершалась политика деэтнизации абхазского народа, начатая в 70-х годах XIX века. Путём полного этнокультурного слияния коренного народа Автономной республики в составе титульной нации Союзной республики достигалась отмеченная цель – инкорпорация Грузией Абхазии. Характерно, что если до конца 30-х гг. удалось искусственно ассимилировать самурзаканцев – этнографическую группу абхазов, составляющую около половины от оставшегося после депортации в Османскую империю народа, то в будущем предстояло под страхом репрессий, путём ускоренной ассимиляционной деятельности завершить этническую ликвидацию соседнего народа. Нетрудно предугадать финал трагической судьбы абхазов, если бы не смерть Сталина и разоблачение культа личности. Однако и после политической «оттепели», грузинским властям не давала покоя незавершенность столь успешно проходившего «абхазского дела». Как правило, антиабхазские действия периодически выливались в общенародные массовые протесты абхазов, беспрецедентные для советского периода. В грузинском обществе чувство непримиримости к самостоятельному этническому развитию абхазского народа было настолько велико, что с развалом СССР, сыгравшего в постсталинский период относительно сдерживающую роль в масштабном грузино-абхазском противостоянии, поспешно признанная мировым сообществом Грузия развязала агрессивную войну против независимой Абхазии. По заявлению командующего грузинскими оккупационными войсками в Абхазии полковника Г. Каркапашвили, выступившего 25 августа 1992 г. по телевидению, Грузия была готова пожертвовать 100 тыс. грузинских солдат, чтобы уничтожить весь «97-тысячный абхазский народ». Истоки грузинского агрессивного национализма восходят

к идейным вдохновителям, в т. ч. учёным-историкам, воспитанным на худших традициях предшествующих поколений, системно занимавшихся грузинизацией абхазов и Абхазии.

Грузинские рецензенты книги «Большевистский порядок в Грузии», скрывая суть репрессий против абхазского народа в сталинский период, показали, что, к великому сожалению, и в нынешнем грузинском научном обществе истина недостаточно востребована.

Авторы: *Написанная с большим размахом, рассудительная статья Т. Ачугбы использует книгу «Большевистский террор» скорее как повод для своих собственных рассуждений, чем их объект, но рассуждения эти в общем и целом соответствуют воззрениям авторов. Они представляют собой поправку позиций, представлявшихся несколькими грузинскими рецензентами. Многим из цитированных им авторов свойственно одностороннее и сверх того, по достоверным сведениям, в высшей степени проблематичное представление об истории Грузии, в особенности от первого заселения Абхазии до нового времени; они постулируют, и это только один пример, иммиграцию абхазцев с Северного Кавказа. Данная позиция, как уже неоднократно подчёркивалось, нигде не была представлена научным кавказоведением за пределами Грузии, в столь же малой степени – и в прежних грузинских исследованиях. Эта интерпретация возникла в процессе формирования наций после распада Советского Союза, то есть относительно недавно и в изоляции от международных исследований. Тем не менее грузинские коллеги с наставнической снисходительностью претендуют на единственную легитимность этих и других маргинальных позиций и допускают в качестве объяснения несогласия с упомянутыми крайними позициями только «незнание» или же «поручение» со стороны «Москвы» или «сепаратистов».*

Перевод с немецкого: Валерий Брун-Цеховой

3. Проекция настоящего времени в прошлое

Л. Кварчелия¹¹¹: Не будучи историком, но будучи человеком, который на протяжении последних 20 лет занимается анализом грузино-абхазского конфликта, поделюсь впечатлениями не столь-

ко от книги «Большой террор в маленькой кавказской республике» и, именно, от главы «Этнос и террор», сколько о дискуссии в Грузии по поводу указанной главы.

Но перед этим хочется отметить, что книга «Большой террор в маленькой кавказской республике» поражает своей масштабностью, глубиной изысканий, объёмом проанализированного статистического материала, скрупулёзным анализом причинно-следственных связей, выверенной методологией, наконец, свободой от политической конъюнктуры, которой нередко страдают работы местных авторов.

Не вызывает сомнения доказательная база, позволившая сделать вывод о том, что репрессии в отношении абхазов содержали серьёзный этнический компонент, и что цель репрессий заключалась в том, чтобы помешать процессу формирования абхазской нации. Позволю себе также заметить, что этническая составляющая репрессий может оказаться ещё более существенной, если признать, что обвинительные документы в изучаемый период не отражали истинных мотивов репрессий. С учётом того, что репрессиям подвергались не только физические лица, но и культура абхазов, а также того, что ещё в 1931 г. статус Абхазии был понижен до уровня автономии в составе Грузии, а в последующие периоды в грузинской историографии автохтонность абхазов стала вообще ставиться под сомнение, можно предположить, что сталинская политика по укрупнению так называемых «титольных» наций, которую авторы данной работы деликатно называют «гомогенизацией», не только не противоречила, но и играла на руку грузинскому национализму. Именно автохтонные абхазы, а не диаспоры были главным вызовом на пути «гомогенизации» грузинской нации, что и объясняет масштабность репрессий против абхазов.

Заселение Абхазии грузинами, запретительные меры в отношении абхазского языка, попытка уничтожения политической и социальной базы для формирования абхазской нации стали движущей силой в грузино-абхазском конфликте на долгие годы вперёд. Следует отметить, что в восприятии многих абхазов сталинский период связан, в первую очередь, именно с поползновениями на идентичность абхазов, с попыткой ограничить формирование абхазской нации, и только во вторую очередь с абсолютным подавлением личности тоталитарной системой. Несколько лет тому назад, когда в Сухуме открывали памятник жертвам сталинских репрессий, состоялся митинг, на котором выступили потомки

репрессированных. Их пафос был направлен в основном против попыток уничтожения абхазов как нации в период сталинизма. В большинстве выступлений не говорилось о страшной государственной машине, которая обесценила жизнь отдельного человека¹¹².

Авторы: Упомянутый здесь спорный момент касается вопроса о том, воспринимало ли абхазское население в 1937–1938 гг. виктимизацию как этнические репрессии, направленные против абхазов (что, например, со всей определённой оспаривает Г. Анчабадзе)¹¹³, или она воспринималась как реакция на индивидуальные действия и сетевые структуры политических и социальных «врагов». Л. Кварчелия обозначает трудности, с которыми сталкивается попытка сделать из сегодняшних интерпретаций выводы согласно современным восприятиям. Тем не менее отдельные фрагменты из цитированных нами протоколов дают понять, что часть преследовавшихся была свидетельством репрессирования лиц непосредственно в контексте грузинско-абхазского противоречия, где подавление абхазской культуры, устранение «свиты» Лакобы и индивидуальные обвинения в преступных деяниях не поддаются разумному разделению. Мы ещё раз подчёркиваем, как трудно из сегодняшних интерпретаций истории сделать выводы о том, каково было отношение к событиям в то время, что всегда следует учитывать в *oral history*. Кроме того, мы подчёркиваем в очередной раз, что репрессии не были мотивированы исключительно этнически; при этом этническая принадлежность часто рассматривалась как важный фактор, объясняющий большую жёсткость репрессий.

Л. Кварчелия: Думается, что связано это не только с тем, что старшее поколение абхазов во многом воспринимает права человека с позиций советской идеологии, но и потому, что политика сталинского периода в реальности нанесла огромный урон абхазам как этносу.

Теперь несколько слов о дискуссии в Грузии по поводу главы «Этнос и террор». Характер комментариев и выступлений таких авторов, как Д. Гамахария, А. Даушвили и некоторых других, говорит о высокой степени политизированности темы репрессий среди определённого круга учёных Грузии. Эта политизированность, вероятно, связана с инструментализацией истории не только в контексте грузино-абхазского конфликта, но и в контексте в целом националистической идеологии, ограничивающей взгляды данной группы учёных рамками, далекими от научной достовер-

ности. Оскорбления вместо аргументации, политизированные оценки исторических событий, фактов и статистических данных – всё это не только не позволяет авторам комментариев составить более объективную картину печальных страниц в истории Грузии и Абхазии, но и дистанцироваться от политики грузинизации Абхазии времен Сталина. Сама по себе риторика данной группы учёных лишает смысла отрицание ими наличия этнического компонента в сталинских репрессиях, поскольку, по сути, она как раз демонстрирует поддержку сталинских методов «гомогенизации» в интересах Грузии.

Данная группа грузинских учёных не только не готова признать право на существование точки зрения, отличной от их собственной, но и в определённом смысле шантажирует авторов тем, что издание главы «Этнос и террор» может навредить германогрузинским отношениям. Получается, что для того, чтобы иметь с Грузией дружественные отношения, нельзя иметь собственный взгляд на определённые процессы в Грузии; более того, нужно приносить в жертву политической конъюнктуре научную достоверность.

Господин Даушвили в своей рецензии вопрошает: «Допустим, что всё то, что уважаемые авторы ставят в вину правительству Грузии, является правдой, и грузины действительно применяли репрессии для укрепления грузинского этноса, усиления процесса национальной консолидации, насильственной ассимиляции других этносов, их порабощения – где же итог? Где конкретный итог таких трагических явлений – разве в Грузии завершился процесс национальной консолидации?..» Здесь возникает, на мой взгляд, закономерный вопрос в адрес самого г-на Даушвили: разве консолидация и сопротивление абхазов – это не есть итог? Предвижу очередную репликацию в сторону пресловутой «третьей стороны». Однако замечу, что подобные отсылки – это попытка значительно упростить очень сложную картину событий прошлого и настоящего.

Соглашусь с теми грузинскими комментаторами, которые считают, что нельзя подменять научный анализ политически мотивированными интерпретациями. Для непредвзятого читателя книги и материалов дискуссии очевидна разница между ними. Отмечу также, что я согласна с теми участниками дискуссии, которые призывают к конструктивному переосмыслению прошлого. Не буду говорить о важности для грузинского общества извлечения уроков из недавнего трагического прошлого – это дело самого грузинского общества. Замечу лишь, что без такого пере-

осмысления невозможна нормализация отношений между грузинским и абхазским обществами.

В заключение хочу выразить надежду на то, что публикация главы «Этнос и террор» в будущем не закроет доступа к грузинским архивам ни для авторов обсуждаемой книги, ни для любых других исследователей.

Перевод с немецкого: Валерий Брун-Цеховой

4. Гомогенизация грузинских историков

И. Агрба¹¹⁴: История массовых репрессий сталинской эпохи, в том числе и в особенности Большого террора 1937–1938 гг., давно изучается национальными историографиями в контексте тоталитарного режима. С точки зрения постановки вопросов, широты привлечения и глубины проработки источников, используемых методов, беспристрастности авторов, разрушения ими стереотипов данное исследование могу охарактеризовать как фундаментальное и неожиданное.

В условиях изолированно развивающихся национальных историографий труд немецких историков, созданный в результате реализации научно-исследовательского проекта «Сталинские репрессии 1937–1938 гг. Перспективы периферии» в 2008–2014 гг., можно рассматривать как событие в мировой историографии тоталитарного режима сталинской эпохи.

В начале работы авторы дали описание источников, анализ историографии проблемы, что позволило сформулировать цели и задачи объективного и глубокого изучения проблемы, трезвого осмысления установленных фактов, интерпретаций без стереотипов. Авторы прослеживают связь между национальной политической и массовыми репрессиями 1937–1938 гг. и создают адекватную картину о масштабе роли этничности в массовых репрессиях на территории советской Грузии. Это – «неудобная» тема для грузинских историков, для абхазских историков проблемы «неудобства» нет. Результаты исследования вызвали бурную дискуссию. В ней приняли участие представители политически мотивированной грузинской историографии. В чём только не обвиняют своих немецких коллег грузинские историки. В фальсификации

истории, неофашистской и реваншистской идеологии, в «заданной» цели разрушить единство грузинской нации, в связях с «сепаратистами» и Путиным! Материалы дискуссии убедили нас в том, что за время изолированного развития грузинской и абхазской историографий в подходах грузинских историков ничего не изменилось: и цели, и методы, и лексика – те же.

Немецкие коллеги подробно и основательно исследовали историю массовых репрессии в Грузии в общем плане, но именно на этнической составляющей и связанных с ней интерпретациях фактов сконцентрировали свою критику грузинские историки, высказывания которых на фоне исследуемой проблемы, её моральной стороны, нам показались циничными, оскорбительными. Тем более что память о массовых репрессиях кровоточит до сих пор. О них многие в Абхазии знают не только по книгам. К примеру, для нашей семьи и в целом для рода Аюардан (Вардания) эта печальная тема актуальна и сегодня. Родных братьев Игнатия, Евстафия, Алексея Аюардан (мой супруг – внук последнего), их двоюродного брата Анатолия арестовали и расстреляли в 1937 году. Место их захоронения не выявлено. Общение со старшим поколением наших родственников по этой линии, «детьми врагов народа», на протяжении последних 20 лет даёт нам основание сказать, что их память о той трагедии до боли эмоциональна. В случае с нашими родственниками вслед за расстрелом мужей репрессировали и жен двоих братьев (их сослали в Сибирь), отсюда и потерянное детство их детей: оставшиеся родственники боялись, что печочка «врагов народа» продолжится, и делали всё, чтобы обеспечить безопасность детей, которых прятали как могли и пока могли. Таких фактов, историй – множество, на их фоне циничные в ряде своих высказываний и тенденциозные в своих подходах к осмыслению проблемы грузинские историки искусственно нагнетают обстановку и усугубляют моральное бремя, лежащее на советской Грузии.

30-е годы – тяжёлый период в истории Абхазии. Абхазский этнос, переживший Кавказскую войну, последствия депортации в Турцию, лишенный государственности, сохранившийся на исторической родине в своей незначительной части, дискриминированный царским самодержавием как «виновное» население, оказался перед новой угрозой – массовым грузинским заселением Абхазии. Эта угроза возникла ещё задолго до революции и советизации кавказского региона. Однако ситуация стала угрожающей именно в сталинский период: «...грузинские власти целена-

правленно организовали в 1937 г. массовое переселение колонистов в малонаселенную Абхазию из бедных земель районов Западной Грузии, особенно мингрелов». Грузинские историки (большинство участников дискуссии) и слышать не хотят об этом, отсылают своих коллег к ранней истории Грузии якобы в поисках фактов для обоснования исторической справедливости любых притязаний грузин на Абхазию! Завершение «автономизации» ССР Абхазии (11 февраля 1931 г.), отрыв от абхазского этноса в результате искусственной ассимиляции самурзаканцев (гальцев), в одночасье переписанных на грузин, убийство главы Абхазской республики Нестора Лакобы, действия Абхазпереселенстроя, суровый грузинский большевик и националист Акакий Мгеладзе во главе автономной республики, закрытие абхазских школ и, наконец, репрессий – всё это звенья одной цепи, а именно национальной политики грузинского руководства, их патрона Сталина в Кремле и главного куратора Лаврентия Берии в отношении абхазов. Этот «комплексный» план был направлен на этническое «переформатирование» абхазского этноса и логично вписывался в политику грузинского руководства по титульной гомогенизации.

Авторы: *Процессы, происходившие в связи с формированием идентичности и ассимиляцией самурзаканцев, неоднократно обсуждаются в другом месте книги. Действительно, в начале XX столетия самурзаканцы обладали двойственной идентичностью между мингрелами и абхазами, так что переклассификация в «мингрелов» примерно в 1926 г. последовала не без какой бы то ни было причины, как, пытается внушить И. Агрба. Речь шла о населении, находившемся в переходной ситуации. Классификация в качестве «мингрелов» с 1926 г. была проблематичной, но и в качестве «абхазцев» до 1926 г. – тоже.*

И. Агрба: По мнению авторов исследования, стратегия грузинского центрального правительства состояла в том, чтобы затормозить процесс образования нации у абхазов. Основания для такого утверждения серьезные: характер приговоров – в случае с «кулацкой» тройкой 13 % непосредственно обвинялись в проведении националистической деятельности (осуждение участников Дурипшского схода 1931 г.), крайне негативная реакция абхазов на коллективизацию (её авторы объясняют не только экономическими причинами, но и национальными мотивами (сохранение абхазского образа жизни) и др. Единственное, хотелось бы заметить используемый авторами в этой связи глагол «затормозить»,

поскольку наступательный характер ассимиляторской политики грузинского руководства, с нашей точки зрения, больше свидетельствует о цели прервать и исключить этот процесс. На пути реализации политики титульной гомогенизации Грузии (терминология авторов) абхазы оказывались в роли «порога препятствия».

Авторы обстоятельно проанализировали, почему уже тогда грузинские власти пытались скрыть истинные (национальные) причины восстания 1931 г. в Абхазии, представляя его как исключительно антиколхозное. Они преследовали цель скрыть абхазо-грузинские противоречия, изменив вектор антагонизма: «абхазы, которые борются против Москвы и русских». Эта скрытая тактика подтверждается документами карательных органов.

К сожалению, этой тактике следуют и грузинские историки. Они отрицают массовые репрессии, террор и геноцид в отношении других этносов, не по своей воле оказавшихся в составе Грузинской ССР, и этнических общин (диаспор). Группа Метревели утверждает, что «жертвами становились все, кто сопротивлялся курсу политического руководства Советского Союза вне зависимости от национальности», подчёркивая именно социальный характер репрессий. А. Даушвили видит основную задачу репрессий в том, чтобы добиться лояльности и единства общества и обеспечить советскую индустрию дешевой рабочей силой для Дальнего Востока.

Грузинские историки рады были бы монополизировать исключительное право на изучение данной проблематики. Выводы незаинтересованных, неполитизированных немецких историков противоречат «базисным» утверждениям грузинской исторической науки, слагаемым в унисон с современной политической стратегией Грузии. Налицо агрессивное сопротивление грузинских историков утверждению адекватной научной картины.

Авторы использовали обширный статистический материал, проанализировали проведение террора в Грузии всеми внесудебными органами, такими как «кулацкая», «милицейская» и «национальная» тройки и двойки в Грузии, рассмотрели данные более 25 000 репрессированных. Изучение интересов Грузии в данной политике (помимо интересов Москвы) позволило авторам сделать много интересных научных наблюдений, прежде всего, выявить специфику осуществления Большого террора: «Москва отдала много репрессивной власти на периферию...».

Против документально подкрепленного вывода авторов о том, что в Грузии репрессировали немцев и абхазцев гораздо больше,

чем этнических грузин, – абхазцев приблизительно на одну треть больше и немцев даже в два раза больше, – у грузинских историков адекватных и аргументированных возражений нет. Данную ситуацию они пытаются объяснить «большим количеством абхазов на должностях» (А. Даушвили, Клдиашвили и др.). Такое простое объяснение сложного вопроса теряет смысл, столкнувшись с фактами массовых репрессий против простых абхазов (крестьян).

Критика грузинских историков, обвиняющих авторов в абсолютизации этнической составляющей массовых репрессий в Грузии, несостоятельна. Красной нитью через всю работу немецких коллег проходит приверженность принципу комплексного рассмотрения проблемы, согласно которому этнический фактор учитывается наряду с преследованием по социальному, политическому и территориальному признакам. Авторы считают, что при изучении темы массовых репрессий учеными недооценивается этничность, однако при выборе жертв этнический фактор играл «неожиданно заметную роль». Это хорошо видно на примере сравнения голодомора на Украине (указания отдавались из Москвы и решающую роль играли социальные аспекты) и репрессиями в Абхазии 1937–1938 гг. (действиями руководил Тбилиси и на первом плане стояли этнически-территориальные задачи).

Привлечение массового источника невыгодно для грузинских историков, им удобнее работать с отобранным кругом источников. Нетрудно понять, по какой причине они критикуют немецких коллег за то, что они основывались на статистических материалах, без чего не было бы данного исследования с его сложной и амбивалентной картиной изучаемой проблемы.

Авторы обращают внимание на важную особенность: компетенция московской Военной коллегии Верховного суда возлагалась на тбилисскую «кулацкую» тройку. Установили, что такая передача произошла только в случае с Грузией. Грузинские историки упрекают немецких коллег в стремлении переложить ответственность с центра на периферии и непреклонны в своём убеждении, что ответственность за репрессии лежит именно на центре.

Наблюдается неприятие грузинскими историками не только объективных результатов исследований немецких авторов, но и терминологии последних. Грузинская историография пытается противопоставить ей свою терминологию: вместо «грузинская карательная бюрократия» – «советская карательная бюрократия»,

«административное сращивание» – «национальная консолидация», «формирование нации» – «национальная гомогенизация».

Наши замечания к употребляемой авторами терминологии относятся к наименованиям и классификации этносов, проживавших на территории Грузинской ССР и подвергшихся массовым репрессиям: хотелось бы изначальной определённости в том, кого причислять к титульным нациям, к диаспорам (или этническим общинам), национальным меньшинствам и т. д.

Черода особенностей Большого террора в Грузинской ССР на этом не заканчивается. Известно, сотрудники НКВД, арестованные в ноябре – декабре 1937 г., были осуждены по обвинениям в принадлежности к вымышленным политическим группировкам, служебные проступки практически отсутствовали в их обвинении; начиная с лета 1938 г. арестованных сотрудников НКВД стали преимущественно приговаривать к длительным срокам заключения, а также к смертной казни по обвинению в «нарушении социалистической законности», то есть в должностных преступлениях. «Однако, – отмечают авторы, – Грузия стала здесь исключением. Благодаря протекции со стороны Берии большинство расследований в отношении грузинских чекистов было прекращено».

В случае с репрессиями против немецкой диаспоры в Грузии действовали внутри- и внешнеполитические мотивы. К внутренним мотивам авторы относят «высокий социальный статус, “подозрительное” социальное происхождение, сравнительно высокий уровень образования в сочетании с участием в местных органах власти». Центр и Тбилиси также тесно взаимодействовали в репрессиях против абхазов. Но в ситуации с абхазами в «брутальной динамике репрессий» превалируют национальные мотивы.

Авторы (Марк Юнге, Даниель Мюллер, Вольфганг Фойерштайн, Иван Джуха) убедительно показали влияние процесса титульной гомогенизации Грузии в 1930-е гг. на проведение массовых репрессий 1937–1938 гг. Абхазия становится объектом форсированных «ударов», то есть мер, нацеленных на этническое, политическое и психологическое разрушение абхазского этноса.

Выявление авторами особенностей репрессий основных этносов на территории Грузинской ССР (грузин, абхазов, осетин), а также этнических общин (диаспор) – интересный раздел в данном исследовании. Жестокие репрессии применялись и в отношении

греков. Авторы объясняют данное обстоятельство тем, что последние «преимущественно селились на территории Абхазии, где в качестве группы, лишь условно поддающейся “включению”, они препятствовали переходу территории автономной республики под власть Грузии». Думаю, что данное обстоятельство послужило главной причиной выселения греков при тесном взаимодействии Тбилиси и Москвы.

Не находя контраргументов против факта массового заселения Абхазии, грузинские историки пытаются реанимировать лжетеорию П. Ингороквы, ничем не подтвержденный миф о заселении Абхазии в XVII–XVIII вв. племенами апсуа-абаза, объявляя абхазов северокавказскими переселенцами, и отрицают очевидный факт переселения части абхазов на Северный Кавказ (абазины). Немецкие историки хорошо ориентируются в научной литературе, эти абсурдные утверждения рассматривают «как часть коммуникативной стратегии, направленной на то, чтобы лишить притязания со стороны Абхазии их легитимации».

История Абхазии и грузино-абхазских отношений в 1918–1920 гг. хорошо исследована абхазской историографией. В эти годы, в условиях грузинской оккупации Абхазии, невозможны были демократические выборы и свободное волеизъявление абхазского народа. Комментируя упрощение ситуации грузинскими историками, авторы рецензируемой работы справедливо указали на «прямолинейное» рассмотрение событий тех лет в рамках военного противостояния между грузинскими меньшевиками и абхазскими большевиками.

Авторы обратили внимание на «парадоксальным образом» снижавшуюся численность абхазов в 20-х годах: «здесь имел место процесс ассимиляции: христианское население Самурзакано (Гальский уезд) сначала учитывалось как абхазское, а потом – как мегрельское население».

Руководство Грузии усиливало меры для полной инкорпорации Абхазии в состав Грузии (абхазская государственность даже в виде автономии мешала их планам). Авторы пришли к выводу о том, что процесс, направленный на превращение Абхазии в неотъемлемую часть Грузии, и массовые репрессии протекали параллельно. Риторика Д. Гамахарии и других грузинских историков далека от научного формата. Бессмысленно приписывать авторам данного исследования, строго привязанным к источникам, преследование цели обосновать закономерность отделения Абхазии и Южной Осетии, необходимость раздробления грузин-

ской нации. Странными представляются и попытки устрашения авторов на том основании, что публикация результатов научного исследования может привести к волнениям в Грузии. Вместо объективного исследования исторических корней конфликта с абхазами грузинские историки подпитывают эмоциями и ложными тезисами неосуществимые в сложившихся геополитических условиях притязания на территориальные реалии Грузинской ССР.

Авторы научного труда «Большевицкий порядок в Грузии» справедливо считают, что «свою роль сыграли как собственные интересы национальных меньшинств, которые в случае с Абхазией также носили политический характер, так и, без сомнения, причины, обусловленные долгосрочной грузинской политикой национальной гомогенизации, которые в свою очередь оказали в 1937–1938 гг. воздействие на проведение здесь Большого террора, развязанного Москвой». Они подчеркнули ответственность и грузинской историографии, которая «внесла вклад в делегитимацию притязаний абхазов и осетин». Вынужденные полемизировать за пределами темы и её хронологических рамок, немецкие авторы высказались по поводу перспективы такого направления современной грузинской политики, как восстановление «территориальной целостности», охарактеризовав возвращение «автономистов» или военный путь возврата территорий как утопический выбор.

Наиболее эмоциональная дискуссия развернулась вокруг главы «Этнос и террор» (авторы Марк Юнге, Даниель Мюллер, Вольфганг Фойерштайн и Иван Джуха). Характер дискуссии показывает, насколько разнятся представленные в ней научные школы, к которым принадлежат немецкие и грузинские историки.

Любопытно, что А. Даушвили, взгляды и подходы которого не выходят за рамки грузинской школы, вынужден был признать, что и подход немецких коллег чрезвычайно интересен, поскольку «важен взгляд со стороны», оценки и выводы с непривычных для грузинских историков позиций. Более того, в отличие от Д. Гамахари, который считает невозможным опубликовать данное исследование, А. Даушвили отмечает, что «этот труд станет для грузинских историков (и уже стал) значительным явлением – предметом плодотворных дискуссий, обмена мнениями, споров».

Он же справедливо оценивает как большое приобретение для грузинской историографии составленные и опубликованные авторами таблицы, схемы, а также собранный документальный материал, отображающий 1937–1938 гг. В остальном его крити-

ческие замечания к работе вполне предсказуемы. К примеру, термину «административное сращивание» А. Даушвили противопоставляет наиболее удобный для грузинской историографии термин «национальная консолидация». Он также не следует воле источников и ограничивается риторическими утверждениями типа Мегрелия – «это органическая часть Грузии уже с эпохи Парнаваза (III в. до н. э.), составляющая единого грузинского государства, часть его фундамента» и т. д.

Чтобы «разочаровать» немецких коллег в их выводах, к примеру по абхазской составляющей проблематики, грузинские историки прибегли к аналогиям, историческим параллелям с Германией. Однако немецкими коллегами они не были восприняты как серьёзные научные упражнения и отвергнуты как неуместные.

Грузинским историкам легче во всём находить заговор «третьей силы», не утруждая себя анализом внутренних процессов. Появление таких лидеров, как Владислав Ардзинба, Алана Чочиева и других, А. Даушвили считает «неслучайным», делом рук спецслужб. Иосиф Сталин «сидит» и в нем, когда он заявляет, что в таких ситуациях безошибочно осуществить «их нейтрализацию, чтобы они не принесли такие же несчастья, как Генлейн – чехам, Ардзинба – грузинам, “элиты” Крыма и Донбасса – Украине». В данном случае, во-первых, вспоминается известный сталинский принцип «нет человека, нет проблемы»; во-вторых, всё это напоминает скорее политическое шоу, чем серьёзную научную дискуссию. В главе «Кандидаты включения: абхазцы и осетины» А. Даушвили пытается оспорить доказанность таких фактов («обвинений»), как гонения на абхазов и осетин, использование грузинами 1937 г. для притеснения этих этносов, нивелирования их культурной идентичности, гегемонии грузинского этноса.

Удивляет (казалось бы, мы уже должны были привыкнуть!) бесцеремонное вторжение в историю; не имеющие отношения к теме репрессий, произвольные интерпретации фактов; и несколько не сожалеем, что нет необходимости их комментировать.

Тем не менее не можем не обратить внимание на ответ авторов грузинскому рецензенту, на его риторику по русско-абхазским взаимоотношениям. Речь идёт о том месте, где А. Даушвили пытается сопоставить два обстоятельства: во-первых, он говорит об изгнании абхазов русскими и крайне враждебном отношении царских органов власти к абхазам, во-вторых о том, что в это же время, в начале XX века, абхазы были настроены прорусски. По-

сколько автор не поясняет, что стоит за этой ситуацией, немецкие коллеги сделали это за него: «в результате массового поселения в Абхазии мингрелов, грузин и сванов, начиная с конца XIX века, абхазы чувствовали себя в большей опасности перед лицом грузинского национализма, а не русского». Авторы дали адекватную картину обстоятельств установления численного превосходства пришлых грузин над абхазами.

На фоне пошагового отстранения от власти абхазской правящей элиты, укрепления у власти Акакия Мгеладзе – исполнителя воли Тбилиси, а также вышеперечисленных мероприятий грузинского руководства в Абхазии А. Даушвили лукавит – и лукавит серьезно, утверждая, что «в те годы главной проблемой в Абхазии было равноправие», имея ввиду ущемление абхазами прав представителей других народов.

Один из главных выводов авторов исследования состоит в том, что «Грузия представляла собой абсолютное исключение, поскольку начиная с октября 1937 г. даже жертвы “сталинских списков” осуждались здесь «кулацкой» тройкой, классическим внесудебным карательным органом реализации массовых репрессий». Грузинские историки, которых раздражает даже само обсуждение темы массовых репрессий, пытаются противопоставить «уникальный опыт взаимоотношений между народами – традиционная толерантность, выдержавшая столетия».

Чтобы подорвать доверие к работе немецких коллег, группа Р. Метревели обвинила их в том, чем грешат они сами: «весь статистический материал о репрессиях абхазцев и осетин в работе представлен таким образом, чтобы оправдать предвзятое мнение авторов».

Интересно сравнение абхазов с азербайджанцами в контексте репрессий: «преследование азербайджанцев, несмотря на то, что они имели низкий социальный статус и занимали территорию с незначительным конфликтным потенциалом, было исключительно масштабным – таким же, как и в случае абхазов».

Попытки грузинских рецензентов «увековечить» проживание грузин на территории Абхазии и навязать этот миф немецким коллегам не имеют успеха. Немецкие авторы хорошо ориентируются в научной литературе: «то, что в XIX веке, напротив, в Сванетии, Мегрелии, Лазистане и Абхазии уже почти никто (или даже вообще никто) не говорил на грузинском языке, хорошо доказано лингвистическими и этнографическими работами конца XIX века».

Авторам удалось создать адекватную картину репрессий, отображающую специфику Большого террора в Грузии. Исследование «Большевистский порядок в Грузии» содержит много принципиально важных выводов и новых интерпретаций. В частности, пересматривается традиционная точка зрения о том, что Большой террор был преимущественно направлен против элит. Жертвами репрессий стало много простых людей, абсолютно не втянутых во внутрипартийные интриги. Абхазы относительно общего числа населения преследовались в большей степени, чем грузины. Фобии грузинских авторов, их обвинения авторов в неофашизме и реваншизме необоснованные, это реакция на правду, которая не совпадает с самолюбием грузин, испытывающих и скрывааемую внутреннюю «гордость» за Сталина-грузина, и одновременно комплекс за роль Грузии в массовых репрессиях. Неприятие грузинскими историками серьёзного научного исследования в данной области ещё больше изолирует грузинскую историографию от мировой. Оценка авторами монографии А. Даушвили, изданной в 1997 г., но, с точки зрения авторов, концептуально проигрывающей даже работам 1950-х гг., посвящённым проблемам тоталитаризма, это нокаут для ученого. Грузинская историография, похоже, в ближайшее десятилетие не вырвется из собственных цепей, а мировая историография получила очень ценный научный труд.

Авторы: *Взгляд на грузинскую историографию, включает справедливую критику, однако представляется слишком недифференцированным, даже если рецензентка в некоторых местах вполне констатирует различия между Даушвили и Гамахарией. В соответствии с восприятием авторов, в грузинской историографии имеется весьма существенная дифференциация, как и вообще грузинское общественное мнение, кажется, начинает плюрализироваться во многих сферах, насколько мы издалека можем оценить эти явления. Всё больше иностранных научных работников преподают в грузинских высших учебных заведениях, что также содействует дифференциации. Нет сомнений, однако, в том, что именно историография Абхазии представляет собой уязвимое место, где возврат к националистически-шовинистическим, а с риторической точки зрения – и советским стереотипам аргументации и моделям преодолеть особенно трудно. Здесь существует, может быть, и сомнительная обратная связь между населением, выросшим с соответствующим националистически заряженным знанием, почерпнутым из школьных учебников,*

и академической исторической наукой, которая должна соответствовать таким мнениям большинства, но в то же время постоянно с новой силой укрепляет их, в особенности пока не разрешён конфликт вокруг как Абхазии, так и Южной Осетии и поэтому раны не могут зажить.

Мы сами приобрели опыт, согласно которому как раз в сфере политики в отношении национальных меньшинств и истории Грузии, особенно в отношении абхазцев и осетин, было наиболее трудно привлечь к дискуссии историков, политологов и социологов. И уж тем более нельзя было мотивировать для изложения своей позиции, несмотря на интенсивные попытки, СМИ (телевидение, журналы и интернет-порталы) и соответственно журналистов. То же, как ни странно, имеет силу для большинства научных фондов. Должны ли возможные грузинские критики авторитетно выступающих профессоров истории в такой же степени считаться с агрессивной полемикой, как и авторы? И всё же молчание представляется сомнительным.

Перевод с немецкого: Валерий Брун-Цеховой

5. Создание абхазской нации и этнические меньшинства

Н. Багаши¹¹⁵: Авторам издания «Большевистский порядок в Грузии» на основе обширного пласта источников удалось установить степень адаптированности грузинского национально-государственного проекта, зародившегося ещё в XIX столетии в Тифлисской губернии в среде представителей российской интеллигенции грузинского происхождения, к условиям советского государства сталинской эпохи. В рамках СССР, приспособившись к установившимся реалиям и приняв необходимые внешние атрибуты советского строя, данный проект органично влился в систему сталинского периода, сумев использовать её в своих интересах. Грузинский национал-шовинизм, вынужденно накинув на свои плечи красную шубу в 1920-е гг., получил невиданные доселе возможности к самореализации именно в сталинский период. Авторы справедливо отмечают: «В целом же политику республи-

канского центра можно трактовать как продолжение старой политики грузинских националистов и грузинской церкви».

Авторы: *Интересно обозначение первых носителей современного грузинского национального движения в XIX столетии как «представителей российской интеллигенции грузинского происхождения». Здесь, на наш взгляд, с полным основанием делается намёк на то, что это национальное движение следует понимать только в интенсивном контакте с Россией, где со своей стороны воспринимались европейские идеи; эти европейские воззрения, передававшиеся при посредничестве России, включали, конечно, также ассимиляторские аспекты, как и ориентированные на исключение¹¹⁶.*

Напротив, отождествление грузинского национального движения с «национал-шовинизмом» кажется нам слишком узким и также неоправданным. Такой подход скрывает тот факт, что и грузины в своих культурных и национальных устремлениях, совершенно по ту сторону угнетения меньшинств в собственной стране, подвергались национальному угнетению в результате царской политики, и их национальное движение несёт тем самым и освободительный характер.

Н. Багаши: Неудивительно, что в современной Грузии, где советский период истории сегодня рассматривается как «оккупация», большая часть научного сообщества не готова принять этот исторический факт. Ещё более глубокое раздражение, очевидно, вызывает и выявленная авторами этническая избирательность Большого террора в Грузинской ССР, в особенности по отношению к абхазам, что не вписывается в культивируемый в Грузии постулат о якобы «исторически присущей грузинской элите заботе об абхазах» и противодействии попыткам Москвы (ранее – Петербурга) русифицировать Абхазию.

Впервые национал-шовинистическая составляющая преступлений сталинского периода в Абхазии была детально раскрыта в коллективном сборнике «Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг.», вышедшем в свет в 1992 г., незадолго до начала войны. Авторы-составители Б.Е. Сагария, Т.А. Ачугба и В.М. Пачулия, опираясь на архивные источники и периодику того времени, выявили и наглядно проиллюстрировали факт проведения поликомпонентной политики грузинизации Абхазии в сталинско-бериевский период. В предисловии авторы сборника отмечают: «Здесь, в Абхазии, мини-имперская политика жестоко проявила свою шовинистическую сущность. Сталинско-бериевская страте-

гия в этом регионе Кавказа сводилась к тому, чтобы первым мощным ударом (1937–1941) обезглавить абхазский народ. Для этого необходимо было вырезать политическое руководство Абхазии, почти всю абхазскую интеллигенцию и цвет крестьянства, составлявшего тогда основную часть населения. С этих шагов и началось практическое осуществление программы насильственной ассимиляции абхазов»¹¹⁷.

Авторы: *Олицетворение преследования именами Сталина и Берии соответствует, чего рецензент, вероятно, не осознаёт, аргументационному стереотипу грузинской стороны, имевшему целью снятие вины с грузинского общества. В соответствии с таким подходом единственную ответственность несут центральные органы в Москве, воплощённые этими именами. Реализация указаний центра в Грузии представляется чистой воды исполнением решений, принятых в Москве, причём, снова оказавшись персонифицированным, Берия предстаёт их практически единственным послушным исполнителем. Далее следует принять во внимание, что «террор» в СССР поначалу представлял собой преследование действительных и воображаемых врагов, но в ходе его реализации в Грузии произошло включение в старый стереотип национальной гомогенизации. Таким образом, террор 1937–1938 гг. не был «изобретён», скажем, в целях национальной гомогенизации. Именно указание авторов на тот факт, что уже с 1936 г. по абхазской элите был нанесён тяжёлый удар, объясняет, кроме того, что в 1937–1938 гг. и абхазцы были затронуты несколько глубже, например кадры среднего уровня и крестьянские слои.*

Н. Баганш: Спустя более чем два десятилетия немецкие исследователи приходят к схожим заключениям, касающимся этнической составляющей репрессий в Грузинской ССР и проведения ассимиляторской политики («процесс национальной гомогенизации») в сталинско-бериевский период. В частности, на с. 333 читаем: «Статистические и фактические данные о жертвах репрессий, относившихся к национальным группам, которые упоминаются в документах карательных органов наряду с “грузинами”, свидетельствуют, что грузинский центр осуществлял политику гомогенизации также насильственно, посредством репрессий, вследствие чего эти национальные группы были лишены своего влияния и оказались в зависимом положении от титульной нации. Важнейшим примером такого образа действий являются репрессии в отношении значительного количества абхазов. Абхазская

элита была серьёзно обескровлена начиная уже с 1936 г. Вслед за ней последовали широкие массы абхазов, подвергавшиеся репрессиям наряду с разного рода советскими “выдвиженцами”. Среди абхазов – жертв массовых операций НКВД – оказалось множество крестьян, но также служащих и партийных кадров среднего звена. Главное место в действиях власти занимало стремление повернуть вспять процесс образования абхазской нации, к тому времени уже далеко продвинувшийся вперёд).

Далее на с. 330–331 находим: «Одна из главных целей центральной власти Грузии заключалась в том, чтобы нивелировать все особые идентичности внутри картвельской группы или максимально низвести их до уровня “местных” идентичностей... По этой же схеме как кандидаты на “включение” [в состав грузинской этнонации. – *Н.Б.*] рассматривались осетины и абхазы, не имевшие своей собственной традиционной высокоразвитой культуры и в своей массе не относившиеся к мусульманам. В случае неудачи над ними постоянно висел дамоклов меч “исключения”. Здесь считаем нужным отметить, что абхазы не только рассматривались как кандидаты на “включение” в состав грузинской этнонации, но и сам процесс этого “включения” к началу 1950-х гг. уже был запущен. Несмотря на то что абхазы, в отличие от мингрелов, сванов, аджарцев и бацбийцев, так и не были официально инкорпорированы в состав “грузинской социалистической нации” в сталинско-бериевский период, по всей вероятности, к концу 1950-х гг. сигнал к этому уже был дан сверху. На закате сталинской эпохи в ряде публикаций появляются недвусмысленные указания на то, что абхазов следует рассматривать как “этнических грузин”, причём доходит до того, что абхазский язык объявляется одним из картвельских языков. В 1951 г. председатель Совета Министров Абхазской АССР М.К. Делба писал: “...язык и историю абхазов Н.Я. Марр по преимуществу изучал в отрыве от общей истории грузинского народа. А между тем, абхазы, как грузинское племя, на всем протяжении своей истории были неотъемлемой частью грузинского народа, и Абхазия была и является неотъемлемой частью Грузии не только политически, но и по своему национальному составу... Язык абхазов, как и язык других грузинских племён, – мегрелов, лазов, сванов, – является ближайшим родственным языком грузинского языка”¹¹⁸. Аналогичные положения выдвинул в своём выступлении на XXI областной конференции Абхазской организации КП Грузии И.Н. Тускадзе: “...абхазы являются грузинским племенем, как и мингрельцы

и сваны, и на всем протяжении своей истории были неотъемлемой частью грузинского народа»¹¹⁹. Этнограф-кавказовед Я.С. Смирнова в критической статье на роман И.Г. Папаскири “Темыр” в 1951 г. отмечала: “Можно пожалеть и о том, что автор не показал, какую огромную помощь оказали абхазскому народу великий русский народ и другие народы нашей Родины, особенно грузинский, часть которого составляют абхазы”¹²⁰.

Естественно, подобные выводы авторов «Большевистского порядка в Грузии» не могли не вызвать вполне ожидаемой, но крайне слабо мотивированной критики со стороны ряда грузинских учёных.

Сталинские репрессии коснулись всего населения СССР. Естественно, не составил исключения и грузинский народ, однако в пределах Грузинской ССР прослеживалась явная этническая избирательность в применении государственного насилия: помимо общегосударственных целей, претворению которых в жизнь руководство союзной республики было обязано содействовать, грузинским властям успешно удавалось имплементировать политику тотальной грузинизации этнических окраин, что имело особо тяжёлые последствия именно для Абхазии.

Авторы: *Успешность «имплементации политики тотальной грузинизации» кажется всё же преувеличенной; в структурно-институциональном отношении (закрытие школ, газет, гомогенизация кадровых структур) это могло бы соответствовать действительности, культурная же ассимиляция потребовала большего времени (от одного до двух поколений) и была отчасти обращена вспять после десталинизации.*

Н. Багапш: Поэтапное понижение политического статуса Абхазии, убийство Нестора Лакобы в Тифлисе, начало политических репрессий и последовавшая за ними всесторонняя грузинизация Абхазии непосредственно отразились и на динамике этнических процессов в республике.

Одним из самых страшных этнически мотивированных преступлений, совершённых руководством Грузинской ССР в сталинско-бериевский период, было плановое, зачастую насильственное, переселение от трёх до четырёх десятков тысяч крестьян из западных районов Грузии в Абхазию (подробнее о численности планово переселённых в 1930–1950-е годы см. в нашей кандидатской диссертации). Авторы настоящего исследования справедливо усматривают в данной переселенческой кампании «тенденции общей национальной политики» Грузии.

Начиная с постмахаджирского периода, когда до того этнически практически гомогенная территория Абхазии теряет большую часть коренного населения и превращается в площадку полиэтнической колонизации, и вплоть до 1992 г. происходит непрекращающийся механический прирост картвельского населения страны. В целом рост картвельского населения Абхазии за указанный период происходил тремя путями:

1) миграционный прирост, происходивший за счёт притока населения преимущественно из районов Западной Грузии, начиная со второй половины XIX в. и вплоть до грузино-абхазской войны;

2) ассимиляционный прирост – увеличение численности картвельского населения Абхазии за счёт ассимиляции большей части самурзаканских абхазов;

3) естественный прирост как уже осевшего в Абхазии картвельского населения, так и вновь прибывавших мигрантов. Учитывая стотридцатилетнюю историю существования компактных картвельских поселений в постмахаджирской Абхазии, естественный прирост картвельского населения на протяжении всего этого периода, конечно, имел место, но определить его абсолютные количественные характеристики не представляется возможным ни для территории «Несамурзаканской Абхазии», где на него накладывался постоянный миграционный прирост, ни для территории Самурзакана, где помимо миграционного и естественного происходил и ассимиляционный прирост картвельского населения.

Авторы: *На вопрос об «изначальной» этнической принадлежности самурзаканцев ответить трудно. Уже в начале XIX в. русские источники доказывают в связи с занятием Сухума в 1810 г., что самурзаканцы, возможно, ассимилировались неоднократно. Если на их территории доминировали мингрельские князья, они с точки зрения языка и культуры перелицовывались на мингрельский лад, под абхазским владычеством происходило обратное. Некоторые обстоятельства указывают на то, что это население «изначально» было мингрельским. С другой стороны, авторы уже выражали своё сомнение в отношении такого рода попыток фиксировать этносы с точки зрения их происхождения в далёком прошлом. Целесообразным и важным представляется различие, которое Н. Багаши проводит между «несамурзаканской» и «самурзаканской» Абхазией, так как благодаря такому рассмотрению лучше поддаются пониманию многие, например демографические, процессы.*

Н. Багапш: Переселение жителей Западной Грузии в Абхазию в XIX–XX вв. происходило по двум основным векторам, не связанным между собой организационно, но, тем не менее, никогда не шедшим в отрыве друг от друга.

Первый путь – переселение, инспирированное властями и, соответственно, преследовавшее определённые государственные цели; *второй путь* – неорганизованная, «самочинная» миграция, вызванная, как правило, экономическими причинами, но по крайней мере после 1917 г. уже не идущая вразрез с интересами государственной власти (будь то ГДР или советская Грузия), а наоборот, дополняющая организованную переселенческую политику.

Авторы: Положительный момент данного различия заключается в том, что рецензент не воспринимает любую миграцию огульно как следствие непосредственного государственного руководства, как он уже и ранее не сводил всякий рост населения сплошь к миграции. Несомненно, стихийная индивидуальная миграция, которую рецензент, конечно, с полным основанием объяснял экономическими мотивами, вписывалась в концепцию миграции, осуществлявшейся и организованной государством, но эти два процесса не следует отождествлять друг с другом. Подобное же имеет силу, например, и для миграции русских и украинцев в Эстонию и Латвию после Второй мировой войны.

Н. Багапш: Всего за последние 150 лет властями (сначала российскими имперскими, затем грузинскими периода ГДР и, наконец, советскими) было организовано три крупные волны переселения картвельского населения в Абхазию. Между собой их объединяет, помимо несомненного наличия в каждом случае преследуемых государством конкретных целей, сам контингент переселенцев: во всех трёх случаях это сельское население – уроженцы Мингрелии и других регионов Западной Грузии.

В то же время неорганизованная миграция населения из районов Западной Грузии в Абхазию происходила перманентно, охватывая не только сельское, но и городское население районов выбытия, и, соответственно, конечной целью подобной миграции были в том числе и городские центры Абхазии. Спонтанный характер миграции, однако, не означает, что она не имела никакой государственной поддержки. Так, в сталинско-бериевский период были созданы все условия, благоприятствующие переселению именно картвельского населения в Абхазию. Неорганизованная миграция населения Западной Грузии в Абхазию не прекраща-

лась с XIX в. и вплоть до 1992 г., охватывая в том числе и периоды планового переселения картвельских крестьян.

Плановое переселение, в отличие от неорганизованного, способствовало резкому, скачкообразному росту картвельского населения и изменению этнодемографической ситуации в краткие сроки как в Абхазии в целом, так и в отдельных районах в частности.

Плановое переселение крестьян из Западной Грузии в Абхазию началось в 1937 г. по личной инициативе Л. Берии и осуществлялось поначалу наркомземом Грузии. Только с 1939 г. руководство переселением перешло к Переселенческому управлению при СНК СССР и его местным подразделениям Грузпереселенстрою и Абхазпереселенстрою. Плановое заселение крестьян из Западной Грузии производилось в сельские местности всех без исключения районов Абхазии, но основными районами вселения были Очамчирский, Гудаутский и Гагрский (первые два этнически абхазские, последний – «стратегический», пограничный с Россией, где доля картвельского населения до того была невелика), что иллюстрирует цели, поставленные организаторами этого мероприятия. После депортации греков и ряда других народов в 1949 г. мингрельских крестьян стали вселять в покинутые прежде всего греческим населением сёла Центральной Абхазии.

Г.П. Лежава указывает на наличие двух целей переселенческой политики в Абхазии: экономической и ассимиляторской. Автор, в частности, отмечает, что «научно неоправданно полностью сбрасывать со счетов народнохозяйственное значение этой организованной миграции». Некоторые грузинские учёные вообще отказываются усматривать какую-либо этнически мотивированную составляющую данного мероприятия. Исключительно экономическими причинами объясняет плановое переселение западногрузинских крестьян в Абхазию З.В. Папаскири, рассматривая данное мероприятие в качестве составной части общесоюзной переселенческой политики, абсолютно аналогичное большинству других эпизодов массового организованного переселения в СССР, кроме депортаций по этническому признаку.

На наш взгляд, ключевым вопросом является не определение того, имела ли место экономическая составляющая при проведении данной кампании (в подобных мероприятиях она по определению не может отсутствовать), а то, какая из целей являлась для её организаторов мотивирующей, основополагающей и приоритетной. А таковой, очевидно, была ассимиляторская. Руковод-

ствуясь в первую очередь экономической целесообразностью, агенты переселенческой политики вряд ли стали бы подбирать контингент переселенцев исключительно из среды этнических картвелов, а в качестве мест вселения выбирать в первую очередь этнически абхазские районы и другие территории с отсутствием компактного картвельского населения.

Авторы: Указание на отбор регионов происхождения и целевых регионов в соответствии с очевидно этническими критериями авторы считают обоснованным и опровергают аргументацию о чисто экономической мотивировке, представленную грузинскими коллегами, например З.В. Папаскири. В принципе обнаруживается проблема, затронутая уже в другом месте и заключающаяся в том, что нельзя найти источник, аргументирующий с явно выраженных «шовинистических» позиций, т. е. предающий огласке национальные цели. Это имеет силу и применительно к переселениям, которые происходили уже в период Большого террора. Такого рода цели не могли быть открыто названы в партийном дискурсе, в том числе и внутреннем. Однообразность стратегической ориентации реальных процессов говорит, однако, сама за себя. При этом для авторов важно действие (сильных) экономических, социальных и других мотивов, что не противоречит также национальным мотивациям; речь идёт о процессах, обусловленных множественными факторами. С экономической точки зрения многочисленные крупные переселения были бы возможны, но проводились прежде всего или исключительно такие, которые одновременно обладали и национальными аспектами, и связанными с политикой в отношении национальных меньшинств.

Н. Багапш: В качестве основного людского ресурса при проведении демографической колонизации Абхазии были использованы мингрелы. По всей вероятности, помимо географической близости Мингрелии к Абхазии, немаловажную роль в подборке колонистов сыграло этническое происхождение идейного вдохновителя и непосредственного руководителя данной кампании Л. Берии, о чём также пишут авторы данного исследования, усматривая во многих преступлениях обозначенного периода индивидуализацию преследований. Парадоксально, что мингрельский этнос, именно в рассматриваемый период активно подвергавшийся институциональной и языковой грузинизации (вопрос, изучению которого авторы уделили пристальное внимание), был выбран в качестве основной страты для грузинизации абхазов. Не

владеющее в своей массе грузинским языком и не принявшее окончательно грузинской идентичности мингрельское крестьянство было призвано оказать решающее влияние на аккультурацию Абхазии, введение её в грузинское этнокультурное пространство. Эта политика не явилась новацией сталинско-бериевского периода, так как её фундамент был заложен ещё в царское время, когда деятели грузинского национального движения, пытаясь инкорпорировать Абхазию в границы складывавшейся в их умозрительных построениях, но не существовавшей в реальности «идеальной Грузии», задействовали с этой целью мингрельский элемент. Интересно, однако, что Т. Гордадзе, характеризуя данный исторический эпизод, помещает Мингрелию по степени владения её населением грузинским языком в один ряд с Абхазией: «Грузинская Православная церковь выступала в роли союзника грузинского национального движения и способствовала внедрению грузинского языка там, где на нём практически не говорили (в Абхазии, Мегрелии, Сванетии и т. д.)»¹²¹.

Пример Абхазии по рассматриваемому вопросу не является исключительным. Спланированное властями демографическое освоение «проблемной» территории представителями доминирующей этнокультурной группы характерно и для других государств, в особенности с тоталитарной системой управления. В этой связи неудивительно, что демографическая колонизация Абхазии, как часть общей схемы грузинизации республики, была осуществлена именно в период правления Сталина, хотя первые попытки имели место в период оккупации Абхазии войсками ГДР. Как правило, формальным поводом к массовому заселению того или иного региона представителями «государствообразующего этноса» служит нехватка трудоспособного населения в местах вселения в условиях форсированной индустриализации. Так, китайское правительство до сих пор осуществляет политику заселения ханьцами Синьцзяна и частично Тибета. Испанское правительство времён Франко в ходе активной индустриализации страны в 1950–1970-е гг. способствовало массовому переселению кастильскоязычного населения в Страну Басков и Каталонию.

В Абхазии, в отличие от вышеназванных регионов, массовое плановое переселение происходило не в городские центры, а в сельскую местность (где и проживало подавляющее большинство абхазов), и, соответственно, формальным поводом к нему послужила необходимость форсированного развития сельского хозяйства республики в условиях «землеизбыточности» и, как следст-

вие, предполагаемой нехватки крестьянского населения. Кроме того, в абхазском случае агентом переселенческой политики и заинтересованной стороной было не государство в целом, а его составная часть – Грузинская ССР.

Хотелось бы обратить внимание на ряд спорных положений и ошибок, имеющих в книге. Задаваясь вопросом, с чем связан непропорционально высокий процент репрессированных абхазов при относительно низкой доле репрессированных осетин, авторы озвучивают возможность влияния религиозного фактора (православные осетины против сложной конфессиональной композиции у абхазов), что, на наш взгляд, не может служить причиной подобных количественных различий. Однако и сами авторы не пытаются развить эту версию, ограничившись лишь формулированием её как одной из возможных причин. Далее авторский коллектив пишет, что «абхазы преимущественно исповедовали ислам или были индифферентны в религиозном отношении». А уже в одном из следующих параграфов встречаем противоположное по смысловой нагрузке положение: «...осетины и абхазы... в своей массе не относившиеся к мусульманам». В обоих случаях, как мы понимаем, речь идёт именно о советских абхазах, а не обо всём абхазском этносе. Естественно, никаких статистических данных о религиозном составе населения в 1930-е гг. не имеется, но при этом очевидно, что количество номинальных мусульман-суннитов среди абхазов, оставшихся на родине, было меньше количества номинальных православных христиан (данные по религиозному составу, в том числе поселенные, этнически абхазского населения в Сухумском округе имеются в «посемейных списках» 1886 г., что, как мы знаем, известно Даниелю Мюллеру).

Авторы: Преобладание номинально православных абхазцев по сравнению с номинально мусульманскими абхазцами могло соответствовать реальности как 1886 г., так и раннего советского времени, однако данными 1886 г., как и переписи населения 1897 г. или других источников, следует пользоваться с осторожностью, так как царские органы власти, несомненно, были заинтересованы в возможно большей численности православных «инородцев». Подобным же образом преувеличенной кажется, например, численность православных среди «ингилойцев» в будущем пограничном районе между Грузией и Азербайджаном около Закаталы, или среди иммигрировавших «ассирийцев», носителей арамейского языка, или удов, которые с исторической точки

зрения являются армянско-апостолическими («григорианскими») христианами, но с 1886–1897 гг. показывают статистически высокую численность православных. Эти показатели свидетельствуют о сильных миссионерских стремлениях православной церкви в отношении абхазцев, ингилойцев, ассирийцев и удов, но пробуждают в то же время сомнение в надёжности статистических данных. При взгляде по ту сторону деталей оказывается, что абхазцам свойственна слабая и неоднозначная связь с религией.

Авторы равным образом подчёркивают этническое «разбавление» абхазского населения Абхазии с помощью целенаправленного расселения и стихийного переселения. «Демографическая колонизация» – это, конечно, выражение, с помощью которого данный процесс поддаётся точному описанию.

Н. Багапш: Авторы также пишут, что город Гудаута и по сей день является центром абхазского национального движения. Данный постулат мог бы быть верен до 1993 г., когда Абхазия находилась под внешним управлением (Гудаута и Гудаутский район в целом действительно сыграли определяющую роль в абхазском национально-освободительном движении), однако в послевоенное время и политическим, и культурным, и научным, и экономическим центром Абхазии является Сухум.

Далее встречаем искажённо зафиксированные фамильные имена, что, вероятно, является виной не авторов, а людей, записавших эти фамилии в оригиналах архивных документов: «Габдия» (должно быть «Габлия»), «Смур» (должно быть «Смыр») «Крикория» («Кикория»?).

Хотелось бы подчеркнуть, что авторы совершенно точно отмечают научную и практическую неоправданность использования термина «абхазец» как политонима, поскольку в таком значении он никогда и нигде не использовался. Однако данное ошибочное мнение («абхазец» – политоним, а «абхаз» – этноним) имеет определённое распространение в Грузии.

Отрадно было увидеть и упоминание о моём прадеде, Меджете Багапш, репрессированном, как и двое его родных братьев – Кязым и Нури, – в 1937 г.

Авторы: Репрессированные родственники рецензента носят исторически явно мусульманские (арабские и турецкие – Меджид, Кязим, Нури) имена, которые и в 1937 г. явственно идентифицировались как мусульманские. Соответствующий анализ имён и отчеств мог бы представлять собой дальнейший методический подход к выявлению значения ислама в абхазском насе-

лении, игравшего, может быть, и большую роль, чем предполагал рецензент.

Н. Багаши: Авторский коллектив проделал огромную как по своим масштабам, так и по своему научному и практическому значению работу, обобщив и проанализировав массив первоисточников. Интерпретации и ключевые выводы авторов, на наш взгляд, являются абсолютно точными и научно аргументированными. Большой террор в границах Грузинской ССР исследован авторами многоаспектно и по всем возможным направлениям. Остаётся только пожелать удачи авторам и порадоваться за то, что такой ключевой момент в истории СССР, как период сталинских репрессий, детально исследован на примере советской Грузии.

Грузинская политическая элита при почти единоголосной поддержке элиты интеллектуальной на протяжении всей новой истории грузинской государственности – как независимой (периода ГДР и постсоветского), так и советской, – в области этнолингвистической политики неуклонно следовала в русле «национальной гомогенизации», что явилось практическим воплощением идеологических постулатов лидеров грузинского национального движения конца XIX ст. Несмотря на то что подобная линия в конечном итоге привела страну к тому состоянию, в котором она пребывает в настоящее время, внутри политической и интеллектуальной элит страны, насколько можно судить, не произошло фундаментального переосмысления позиций. Более того, потеряв Абхазию и Южную Осетию, Тбилиси сегодня сосредоточился на Мингрелии, Сванетии и некартвельских регионах и меньшинствах. Одним из главных союзников государства в деле проведения ассимиляторской политики, как и в историческом прошлом, является Грузинская православная церковь. При этом для моральной легитимации политики грузинского центра по отношению к этноязыковым меньшинствам была сконструирована удобная объяснительная модель, в рамках которой подобные действия объявляются законной реакцией на якобы имеющие место планы Москвы расчленилть не только Грузию как государство, но и «грузинский этнос» [см., в частности, работы Д. Гамахарии, З. Папаскири, Т. Путкарадзе]. Здесь стоит вспомнить, что «грузинский этнос» в том виде, в котором его понимают в сегодняшней Грузии, как раз и является продуктом советского нацистроительства, а отсылки к многовековой истории «грузинского этнического единства» являются не более чем конъюнктурным мифом. Печальный опыт Грузии в отношении национальной политики может

служить отрицательным примером для других молодых государств, находящихся в процессе нациестроительства и имеющих пёстрый этнический состав населения.

Полезно осмысление этого опыта и для Абхазии, принявшей на себя в недавнем прошлом основной удар попыток имплементации грузинской политики национальной гомогенизации. Стране, выдержавшей испытания войной, послевоенной экономической блокадой и вызванным данными обстоятельствами экономическим упадком, тем не менее удалось сохранить ставшую присущей ей в постмахаджирский период полиэтничную структуру населения. Подобного не наблюдалось в ряде других стран со схожей политической судьбой, в том числе в пределах Кавказского региона. Поддержание межэтнического мира и поэтапное построение гражданской нации, как нам кажется, является одним из приоритетных направлений государственного развития Республики Абхазия. В этой связи стоит избегать непродуманных действий в области национальной политики, которые могут негативным образом отразиться на дальнейшем развитии абхазской государственности в условиях сохраняющейся сложной геополитической обстановки. В частности, это касается периодически возникающих общественных дискуссий о возможности перевода школ с преподаванием на языках меньшинств из разряда государственных в разряд частных. Так же представляется возможным рассмотрение вопроса о переводе начальных школ в пределах Гальской зоны¹²² на родной для большей части местного населения мингрельский язык обучения, что по-прежнему остаётся недоступным для жителей самой Мингрелии, сталкивающихся с государственной политикой этноязыковой ассимиляции. Национальная политика в отношении населения Гальской зоны в целом по сей день является дискуссионным вопросом. Спектр общественных мнений варьирует от призывов к интеграции до призывов к сегрегации и депортации. Интеграционистские позиции в свою очередь представлены двумя лагерями: сторонников этнической [ре]интеграции и сторонников интеграции гражданской. Первые склоняются к мысли о возможности возрождения среди [части] населения описываемой территории абхазской этнической идентичности, в том числе путём административного управления данным процессом. Здесь речь фактически идёт о насильственной и в значительной мере формально-бюрократической реассимиляции этнических мингрелов абхазского происхождения, что (полностью разделяем в данном вопросе точку зрения

Т.А. Ачугбы), не принесёт никаких положительных результатов для абхазской государственности.

Авторы: Указание на множественность мнений по поводу политики в отношении национальных меньшинств в современной Абхазии следует приветствовать таким же образом, как и ясное позиционирование того, что в результате проведения политики национальной гомогенизации Абхазия может только потерять, и поэтому политика интеграции меньшинств на основах гражданского общества, включая население «Гальского района», уместна. Отличие от Грузии заключается, конечно, в том, что Абхазия коренным образом зависит от того, чтобы аккомодировать оставшиеся меньшинства, которые в количественном отношении составляли примерно половину населения, к тому же численно незначительного, если выживаемость государства не ставится под вопрос: представление о чисто абхазском национальном государстве оказывается опасной иллюзией и в качестве таковой также легко распознаётся. Дело обстоит иначе, чем в Грузии с её значительным грузинским большинством и миллионным населением. Упреждающее содействие всем меньшинствам представляется поэтому лучшей политикой – здесь, разумеется, имеется ещё значительное пространство для улучшений.

Перевод с немецкого: Валерий Брун-Цеховой

6. Внутренняя и внешняя перспектива

К. Дзугаев¹²³: Исследователи выстраивают свою работу над двухтомником в соответствии с принятыми в исторической науке правилами, т. е. это сугубо академическое исследование, поэтому первый том предваряет достаточно развёрнутое рассмотрение состояния дел в историографии Большого террора (этот термин не принадлежит авторам двухтомника, и у меня возникают некоторые сомнения в его научной правомерности; тем не менее считаю возможным его использование в данном тексте) в Грузии. Констатируя, что повышенный интерес к репрессиям в Грузии обусловлен во многом или в основном тем, что именно из этой кавказской республики происходит целый ряд большевистских руководи-

лей СССР, начиная с И. Сталина, авторы в отношении грузинской источниковедческой базы вынуждены сделать вывод о том, что она представляет собой «нетронутую целину»: «Практически нетронутая целина в области исследований Большого террора в Грузии объясняется прежде всего неготовностью общества»¹²⁴. Но не только: архивные документы интересующего периода были уничтожены во время гражданской войны 1991 г., когда в Тбилиси в ходе столкновений было сожжено здание КГБ, где хранились документы ОГПУ–НКВД 1920–1930 гг., а также сожжён и архив МВД. Тем не менее, по мнению авторов, сохранившихся документов вполне достаточно для решения поставленной задачи – определить специфику террора в Грузии, начиная с соотношения социального и этнического его компонентов. В частности, сохранились т. н. расстрельные списки, содержащие немало различной информации (вплоть до технической конкретики исполнения приговоров – «выстрелом в правый висок») ¹²⁵. Более того, авторы указывают, что «центральным комплексным источником для изучения этого периода истории республики являются протоколы трёх различных троек: “кулацкой”, особой (“национальной”) и милицейской». «В отличие от всех остальных регионов бывшего Советского Союза, – пишут авторы, – эти протоколы троек впервые дают возможность комплексно изучить ядро Большого террора, которое в совокупности образовывали три наиболее массовые карательные акции»¹²⁶.

Очень важным обстоятельством для правильного подхода к предмету исследования авторы считают учёт того обстоятельства, что определённая часть прав на ведение карательной политики Москвой была передана на места, в том числе республиканским властям (в данном случае в Тбилиси)¹²⁷.

Этничность понимается авторами конструктивистски – отмечу, в отличие от грузинских коллег, в подавляющем большинстве по сей день остающимся на позициях примордиализма, причём часто весьма жёсткого. Знаком с ситуацией, так как неоднократно беседовал с грузинскими коллегами-историками в ходе встреч сначала по проекту «Норвежский процесс» (серия грузино-осетинских встреч по инициативе гарвардского профессора Р. Фишера), а затем по проекту «Точка зрения» (аналогичный проект по инициативе профессора С. Нан из Университета им. Дж. Мейсона); кроме того, участвовал в подготовке методического пособия «Проблемы и перспективы подготовки учебников и преподавания истории на Южном Кавказе» (2014). Что же касается

личного понимания современных научных представлений об этничности и нации, то оно формировалось в основном под влиянием работ академика РАН В. Тишкова, и участия в деятельности созданной им одной из лучших в мире экспертно-аналитических структур – Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, в бытность его директором Института этнологии и антропологии РАН.

Авторами чётко указываются цели работы с базами данных, перечень целей составляет восемь позиций, в том числе «какие группы (социальные, возрастные, национальные и т. д.) подвергались особенно суровым преследованиям и наиболее жестоко осуждались»¹²⁸.

М. Юнге провёл большую и весьма тщательную работу по статистической обработке имеющегося в доступе материала. Моё внимание, с учётом нижеизложенных соображений, не могла не привлечь подглава, посвящённая степени интенсивности репрессий (она так и называется). Этот показатель рассчитывается как соотношение численности репрессированных к общей численности населения (либо конкретной изучаемой общности). Численность населения Грузинской Советской Социалистической Республики на то время составляла 3377000 человек, из них по самой массовой – «кулацкой» операции было репрессировано 21107 человек, что составляет 0,6 % (из них половина – к высшей мере наказания (ВМН)). М. Юнге, однако, на этом не останавливается и делает уточнение, оставаясь в рамках научно добросовестного исследования, что этот процент должен был соотнесён в основном с мужским населением Грузии, т.к. женщины составляли не более 3 % репрессированных. Следующее уточнение, естественно, по возрастной группе – от 20 до 69 лет, и в итоге процент вырастает до 2,3 %. Далее делается аналогичная обработка данных по «национальной» и «социальной» (милицейской) операциям, и выводится конечный процент – 2,74 %. Но и это ещё не всё: сюда надо добавить и тех, кто был осуждён Военной коллегией Верховного Суда СССР (0,12 %, или 910 человек в абсолютной величине), жертв военных трибуналов, Специальной коллегии Верховного Суда и Особого совещания и, наконец, лиц, осуждённых обычными судами (в совокупности оцениваются на уровне 0,14 %).

Окончательный показатель степени интенсивности репрессий в Грузии, таким образом, получается 3 %, из которых свыше 90 % составляли мужчины указанного возрастного диапазона. Этот по-

казатель М. Юнге оценивает как «катастрофический»¹²⁹. Запомним этот термин.

Проводя сравнение Грузии с шестью другими республиками, краями и областями, М. Юнге делает вывод: «Главная специфика Грузии заключается в том, что эта республика по *всем* статистическим показателям без исключения не опускается ниже средних величин, характеризующих массовые операции в СССР, а отчасти даже превышает их»¹³⁰. При этом в Грузии «персональная ответственность и стабильность определяли ситуацию в гораздо большей степени, чем в регионах, привлекаемых здесь для сравнения. Это справедливо также для времени до 1937 г. Органы государственной безопасности, милиция и суд находились здесь под жестким контролем Л.П. Берии и его клана»¹³¹.

Кроме количественного, М. Юнге провёл также качественный анализ¹³². Автор подчёркивает, что стремился тем самым к максимально более глубокому пониманию существа происходящих в Грузии процессов и общей картины общества, подвергнувшегося такого рода карательной политике. Рассматриваются упорядоченные данные по показателям пола, возраста, образования, социального положения, социального происхождения, политического прошлого, религиозной принадлежности¹³³. Результатом Большого террора в Грузии М. Юнге называет воцарившийся там «кладбищенский покой» – продолжавшийся, однако, недолгое время: репрессии в Грузии отрывочно продолжились после 1941 года, на сей раз управляясь строго из Москвы.

В разделе «Специфика», начиная рассмотрение вопроса регионализации карательных полномочий (М. Юнге и Гиоргий Клдиашвили), авторы делают примечательное разъяснение, которое я бы охарактеризовал как методологическое и притом весьма важное: «Авторы рассчитывают получить новые выводы, позволяющие адекватно объяснить причины ужасающе высокого потенциала уничтожения, присущего Большому террору 1937–1938 гг. При этом они дистанцируются здесь от теорий, содержащих объяснение террора, исходя из предполагаемой психической патологии, свойственной И.В. Сталину, или стиля руководства отдельных большевистских лидеров, таких как Л.П. Берия во время его нахождения в Грузии. Обратная связь с “личностной” историей существует здесь постольку, поскольку возникает закономерный вопрос: что могут поведать об исторических персонажах, их намерениях и образе мышления созданные ими структуры»¹³⁴. Эта позиция, безусловно, подчёркивает добросо-

вестность авторов издания и очевидным образом повышает его научную ценность и, что и говорить, общественную значимость.

Авторы уделяют много внимания такой особенности карательной политики, как передача большого количества дел от Военной коллегии – «тройкам». Диктовалось это тем, по документально аргументированному мнению авторов, что позволяло резко ускорять карательный «конвейер»: заседания Военной коллегии, в силу самой процедуры, занимали 10–15 минут, иногда до получаса, что на то время признавалось слишком длительным и громоздким производством дел – в отличие от «тройки», способной пропускать за рабочий день сотни дел. И никаких при этом очных ставок и т. п.

Математически обоснована и такая уникальная в сравнении с остальными республиками СССР особенность Грузии, как очень большой процент осуждённых членов ВКП(б) «кулацкой» тройкой: 19 %, или 3347 человека. «Эти цифры позволяют высказать предположение, что бериевский клан использовал массовую операцию НКВД по приказу № 00447 ещё и для того, чтобы полностью подчинить себе партийную организацию Грузии и/или избавиться от конкурирующих и критических течений на более низких этажах власти»¹³⁵. Подчёркиваю, что этот результат является чрезвычайно важным и для рассмотрения карательной политики Тбилиси в отношении осетин в Грузии в целом, и в Южной Осетии в частности. Авторы, увязывая этот аспект проблемы с другим важным аспектом, а именно взаимозаменяемостью карательных органов, делают верный вывод: «Фактически “кулацкая” тройка служила в Грузии не только как внесудебная инстанция для быстрого осуждения простых советских граждан, так называемой “низовки” массовых операций, но и как охотно используемая возможность основательно и без лишнего шума очистить общество от “неудобных” элит»¹³⁶.

Существенный интерес представляет изучавшийся авторами вопрос о бюрократическом обороте между Тбилиси и Москвой: по их мнению, это были огромные логистические издержки. При этом 8-й отдел ГУГБ НКВД, который большинством исследователей понимается как учётно-регистрационный, и не более того, выявляется и как решающая инстанция. Так, документально отслежено, что именно оттуда в Тбилиси были спущены около трёхсот дел, предназначенных для рассмотрения Военной коллегией в Москве, но после пересылки в Тбилиси рассмотренных «тройкой», причём практически все приговоры вынесены в точ-

ном соответствии с рекомендациями из Москвы. Развивая свою логику исследования, авторы приводят убедительные документальные свидетельства того, что 8-й отдел, по сути вещей, являлся инстанцией, откуда исходили указания по приговорам, которые в дальнейшем лишь оформлялись в Военной коллегии и других судебных и внесудебных инстанциях: «Очевидно, что 8-й отдел (в июне 1938 г. переименован в 1-й спецотдел) имел возможность влиять также на решения *Особого совещания*, поскольку начальник отдела И.И. Шапиро являлся также начальником секретариата *Особого совещания* при наркоме внутренних дел СССР с конца марта по середину ноября 1938 года»¹³⁷. В этой системе работы умышленно задавался такой порядок, при котором НКВД фактически контролировал сам себя, и авторы справедливо считают это преступным обстоятельством. Несущей конструкцией этой системы, как это очевидно, является бюрократия НКВД. Соответственно, реальная власть в стране принадлежала людям, контролирующим эту бюрократию.

Центр требовал быстроты работы карательного аппарата, что имеет своё объяснение общеполитической ситуацией в стране, и это требование порождало неизбежные бюрократически-документальные особенности оформления дел, особенно в «тройках». Исследователи, занимавшиеся работой на данном направлении, всегда испытывали сильные чувства и даже шоковые реакции, впервые беря в руки дела, где смерть человека происходила буквально из нескольких листов бумаги, с краткими протокольными записями с использованием устоявшихся клише: «Осознание того, что от такого рода протоколов зависела жизнь сотен тысяч людей, действует ошеломляюще»¹³⁸. Подтверждаю: да, действует ошеломляюще.

Глава «“Национальные” операции в Грузии» написана Леваном Авалишвили и состоит из указания документальных источников, рассмотрения роли «двоек» в «национальных» операциях, иллюстративного дела Ю.М. Сологубова-Скобелева и затем отдельного рассмотрения «Харбинской», «Немецкой», «Греческой», «Иранской» операций; анализируются другие «национальные» линии, деятельность «национальной» тройки, и на основании проведённого исследования делается вывод о том, что «для НКВД Грузии социальный статус лиц, осужденных в рамках национальных операций в республике, а также их актуальное антисоветское поведение были такими же весомыми причинами ареста, как и принадлежность к “подозрительным” национальным

меньшинствам. В результате подавляющее большинство жертв национальных операций с той же вероятностью могло бы быть репрессировано в рамках “кулацкой” и “милицейской” операций, а также по линии *Военной коллегии Верховного Суда СССР*. Конечно же, этническая принадлежность имела определённое значение для органов НКВД Грузии, зачастую именно она играла роль катализатора ареста, но решающим фактором для решения об аресте тех или иных лиц, не говоря уже об осуждении, всё же являлись связи с зарубежьем, “антисоветское” поведение и “подозрительный” социальный статус»¹³⁹.

Обратимся теперь непосредственно к главному предмету аналитического комментария – главе «Этнос и террор», которую в первую очередь и предложил рассмотреть М. Юнге.

Над главой «Этнос и террор» работали сам М. Юнге, Даниель Мюллер, Вольфганг Фойерштайн, Иван Джуха.

Исследователи с самого начала подчёркивают ярко выраженный мультиэтнический характер грузинского общества, и ставят целью прояснить вопрос: «Имели ли массовые операции НКВД, помимо политической и социальной, также этническую или расистскую компоненту? Возможно, в них даже можно различить структуры геноцида?»¹⁴⁰. Далее приводится ключевое утверждение в отношении абхазов о том, что их при Большом терроре было репрессировано непропорционально много, и указывается на то, что это обстоятельство сыграло и продолжает играть большую роль для сецессии Абхазии из грузинского государства.

Однако сразу вслед за этим авторы пишут: «Скорее против тезиса об этнической составляющей террора выступает то обстоятельство, что на территории Южной Осетии, сегодня также де факто отколовшейся от Грузии – отделение сопровождалось жестокими вооружёнными конфликтами в 1991 и 2008 гг. – было репрессировано относительно немного осетин в сравнении с этническими грузинами»¹⁴¹. Насколько верно это заключение и чем оно обосновывается? Постараюсь представить логику рассмотрения и обоснования иной точки зрения.

Авторы указывают (напоминают) на два теоретико-методологических подхода к интерпретации репрессий в отношении национальностей: один исходит из полной индивидуализации причин репрессий, т. е. личностных характеристик репресслируемых или мотиваций лиц, осуществляющих карательную практику (например, считается, что Л. Берия имел личную вражду к Н. Лакобе именно как к абхазу), другой видит в национальности ключевой

критерий репрессий, аргументируя это не только «национальными» операциями в 1937–1938 годах, но и депортациями народов как апогеем этой карательной политики. Национальность во втором подходе выступает, следовательно, как некоторый объективный фактор, связываемый с теми или иными причинами – военной опасностью, контактами с заграничными соплеменниками и др., и присваивающий, таким образом, ту или иную меру ответственности выделенным по национальному признаку общностям, т. е. коллективную ответственность.

Авторы сообщают о своём намерении серьёзной корректировки методологии исследования в отношении «узкого и одномерного» понимания этого типа репрессий как «московской» политики: предлагается сдвиг в пользу более объёмного рассмотрения карательной политики с включением в круг её причин интересов местных центров власти, в данном случае власти «тбилисской». Бесспорно, это совершенно необходимая методологическая новация, без которой просто невозможно адекватное описание причин и механизмов Большого террора в Грузии.

Авторы эскизно анализируют представления ряда исследователей, включая и такие, как объяснение размаха репрессий «ксенофобией и паранойей Сталина»¹⁴². Они указывают на весьма примечательный факт: «Необходимо отметить, что в грузинской историографии полностью отсутствует дискуссия о возможной связи между террором и этничностью. Напрашивается предположение, что такая постановка вопроса, не говоря уже об исследованиях возможной взаимосвязи, противоречила установкам постсоветской, как, впрочем, и советской грузинской историографии, из-за опасения снабдить аргументами конкурирующую историографию национальных меньшинств»¹⁴³. Действительно, тема связи этничности и террора тщательно обходилась грузинскими историками и в советское время, и, как бы это странно не выглядело, в постсоветское время. Авторы, как видно, объясняют это тем, что грузинские историки опасались того, что правда о репрессиях даст неотразимый аргумент национально-освободительным движениям абхазов и осетин – аргумент, предъявление которого международному сообществу, в том числе его политическим и юридическим институциям, неизбежно придаст борьбе этих народов за самоопределение критически значимый уровень легитимации. Действительно, из геноцидного государства надо спастись любыми средствами.

Авторы настаивают, что тезис об этнизации карательной политики сталинизма не подтверждён документально. Соглашаясь с этим утверждением в целом, т. е. применительно к общесоюзной репрессивной политике, должен, однако, обратить внимание авторов на то, что из этого правила возможны исключения, причём именно в силу обосновываемого ими же положения об особенностях Большого террора в Грузии; т. е. речь может идти об исключениях, подтверждающих общее правило. На мой взгляд, высказываемое авторами мнение, документально подтверждённое исследованными базами данных, о преимущественном репрессировании абхазов по этническому признаку, представляет собой именно исключение из этого общего правила – исключение, ставшее возможным как раз в силу изучаемых авторами особенностей карательной политики на местах, вследствие передачи центром части карательных полномочий властям республик, краёв и областей СССР.

При этом, анализируя базы данных, авторы с присущей им добросовестностью обнаруживают весьма существенное обстоятельство – многие репрессированные, будучи на самом деле представителями национальных меньшинств, учётным порядком причислялись к грузинам на основании «механической» идентификации по именам. Об этом обстоятельстве авторы сообщают вполне ясно: «Таким образом, доля грузин среди репрессированных очевидно является завышенной, а доля национальных меньшинств – соответственно заниженной. Размер этой погрешности установить невозможно, однако по меньшей мере это означает, что те статистические сведения о репрессиях в отношении национальных меньшинств, которые приведены в базах данных, представляют собой нижнюю границу. Эта граница предположительно может быть сдвинута вверх, для каждой отдельной национальности по-разному, лишь в результате более тщательного изучения следственных дел около 25 000 жертв массовых репрессий в Грузии»¹⁴⁴. Считаю этот вывод особо важным именно для ситуации с осетинами, так как ассимиляционная политика грузинских властей в отношении осетин давно и хорошо изучена и описана: этнический осетин, чья фамилия в документах писалась не с русскими окончаниями, а с грузинскими («-швили», «-дзе», «-ури» и др.), часто автоматически учитывался в грузинской статистике уже как грузин по национальности. Насколько мне известно, абхазы гораздо жёстче относились к этому аспекту своих взаимоотношений с грузинами, и там такого рода случаи гораздо более редки.

Авторы расписывают и непосредственную технологию исследования, разбивая её на пять этапов, и достаточно чётко указывают цель каждого этапа. Этим достигается такое качество научной работы в подлинном смысле этих слов, как прозрачность и проверяемость. Иными словами, они максимально ясно показывают всем заинтересованным лицам и организациям свою заинтересованность в коллегиальном обсуждении изучаемой тематики и свою готовность к диалогу по любому конкретному вопросу, будучи при этом готовыми как к аргументированному отстаиванию своих выводов, так и к признанию ошибок в случае конструктивной критики сугубо научным порядком.

Начинают свой анализ авторы, естественно, с грузин как титульной нации. Пожалуй, здесь их научная добросовестность имеет одно из наиболее показательных проявлений, так как они ставят необходимый методологический вопрос о том, как понимать в целях анализа карательной политики сам термин «грузины». Они отмечают, что «бюрократия карательных органов объединяла под рубрикой “грузины” не только этнографические или, соответственно, племенные подгруппы (субэтноты) грузин, такие как картлийцы, кахетинцы, тушинцы, пшавы, хевсуры, ингилойцы, месхетинцы, имеретинцы, гурийцы, рачинцы и лечхумцы, но и мингрелов, сванов и бацбийцев (цова-тушинов)»¹⁴⁵. Они указывают, что не обнаружили и, следовательно, не рассматривают документами, объясняющими, почему грузинская (карательная) бюрократия включила в состав грузин мингрелов, сванов и бацбийцев (цова-тушинов); однако несомненно, что преследовалась цель достижения языкового единообразия, резкого сокращения национального разнообразия – так, ещё в конце 19-го века даже «мингрельский язык был объявлен диалектом грузинского и был поставлен заслон на пути попыток со стороны России ввести мингрельский в качестве языка преподавания в школе»¹⁴⁶. Пользуясь поддержкой Л. Берии, грузинское чиновничество проигнорировало и рекомендации Комиссии Академии Наук СССР по учёту национального состава СССР, в результате 300 000 мингрелов попросту исчезли из статистики, равно как и из позитивной культурной политики.

Авторы подробно изучают в этом отношении ситуацию с лазами – они, в отличие от аджарцев, мингрелов и сванов, продолжали фигурировать в базах данных по репрессиям. Такое исключение объясняется, во-первых, тем, что лазы соединили в себе два главных отличительных признака – говорили на собственном,

а не грузинском языке и являлись мусульманами; во-вторых, они выступали естественными политическими союзниками в борьбе абхазского руководства против тбилисского центра. Как яркую иллюстрацию авторы приводят примеры активности одного из лидеров лазов Искандера Циташи, который в ряде писем в центральные инстанции прямо обвиняет ЦК КП Грузии в проведении неформальной политики грузинизации, описывая её конкретные проявления в отношении лазов, чьё положение он характеризует как «перманентную катастрофу». Разумеется, такое не могло быть прощено, и в июне 1938 года по личному письменному распоряжению Л. Берии А. Циташи был арестован и расстрелян. Добавлю, что авторы указывают на аналогичную судьбу мингрельца Исаака Жвании, расстрелянного в декабре 1937 года, однако оговаривают, что по сохранившимся документам трудно или невозможно сделать достоверный вывод о репрессии в его отношении именно по национальному признаку. На мой взгляд, хорошо известные факты его биографии позволяют сделать такой вывод, так как И. Жвания был мингрелом-патриотом, имел тесные связи с Н. Лакобой и поддерживал стремление абхазов к включению в состав РСФСР, а кроме того, работал первым секретарём Юго-Осетинского областного комитета КП Грузии в 1932–1934 годах и отличился решительным отстаиванием прав южных осетин. Очевидно, что он был одним из видных представителей неформального «общего фронта» национальных меньшинств против политики грузинизации.

Авторы: *Этот тезис о «неформальном, общем фронте» меньшинств с включением как минимум абхазцев, осетин и мингрелов, требует верификации с помощью источников или других форм достоверного знания. Какие имеются исследования касательно фронта «анти-грузинизации»? Тот факт, что И. Жвания с 1932 по 1934 г. был секретарём Юго-Осетинского обкома КП Грузии – важная зацепка, но без фоновых знаний она для аргументации скорее проблематична: почему центральные партийные ведомства в Тбилиси, принимавшие решения о подобных назначениях, должны были косвенным образом поддержать такого рода «фронт» посредством направления нездешнего Жвании в Южную Осетию? Какие цели преследовал здесь Тифлисский центр? Или Тифлисскому руководству вовсе не было известно о возможной связи противодействующих сил? Не более ли достоверно, что откомандирование было своего рода мерой дисциплинарного взыскания, такой, что из региона, с которым Жвания был кровно*

связан и где был потенциально «опасен», на проверку и испытание лояльности его послали в отдалённую, почти диаметрально противоположную местность?

К. Дзугаев: Остаётся добавить, что степень интенсивности репрессий лазов составляет исключительно высокие 3 %, причём к ВМН приговорено почти в два раза больше лазов (в процентном отношении), чем грузин.

Подглава 5 посвящена ситуации с абхазами, аджарцами и осетинами. По Абхазии даётся полная информация об автохтонности абхазов, административно-политических перипетиях абхазской республики, замалчивании истории понижения, т. е. репрессии, её статуса: «Что же касается историографии в Грузии, то она поддавалась искушению национализма и не стремилась предоставлять абхазам какие-либо аргументы в пользу независимости Абхазии»¹⁴⁷.

По осетинам в пояснительной части выявляется некая неясность, расплывчатость в плане технологии анализа, если оставаться на заявленных авторами методологических позициях. Так, пишется о том, что «на территориях, на которые притязает Грузия, осетины не проживают компактными группами: в Юго-Осетинской автономной области, созданной в 1921 г., осетины составляли две трети населения (около 70 000 из 100 000), однако ещё примерно столько же осетин проживало вокруг автономной области, среди грузинского населения в Каргли-Кახетии»¹⁴⁸. Здесь тем самым явочным порядком задаётся, несмотря на упоминание ЮОАО, рассмотрение ситуации с осетинами в общегрузинском контексте. Такой посыл с неизбежностью приводит к ошибкам в оценках степени интенсивности репрессий в отношении осетин, тем более грубым, чем более последовательно он проводится.

Что же означает словосочетание «не проживают компактными группами» применительно к осетинам? Ведь осетины Юга Осетии – часть (южная) единого народа, проживающего по обе стороны Главного Кавказского хребта на своей этнотерриториальной родине, что обширно документировано грузинскими же источниками, а также, разумеется, российскими, армянскими и другими. Впрочем, современная грузинская историография, и опирающаяся на неё политическая доктрина грузинского государства со времён З. Гамсахурдиа, по сегодняшний день не желает признавать существования народа, проживающего на своей территории и отказывающегося участвовать в грузинском государственном этнопроекте.

Указанная нечёткость начальных позиций приводит, при всей добросовестности авторов, к весьма показательным цифровым aberrациям. Так, по «кулацкой» операции (приказ № 00447) проводится общая для «полутитульных» абхазов и осетин цифра – 895 человек, из них 554 абхазов (62 %); их доля в общем числе репрессированных составила 4,2 % (абхазы 2,6 %, осетины 1,8 %). Далее авторы подчёркивают, что если брать абхазов отдельно, то бросается в глаза резкое превышение степени интенсивности репрессий по сравнению с грузинами: 1 % у абхазов против 0,63 % у грузин. По смертным приговорам: 0,57 % у абхазов и 0,30 % у грузин.

И вот закономерная констатация: «Однако смущает то обстоятельство, что степень репрессий в отношении абхазов существенно отличается от соответствующего показателя для осетин, хотя в обоих случаях речь идёт о “полутитульных” нациях, имевших свои автономные республики или области в составе Грузии. Как уже указывалось выше, абсолютное число репрессированных осетин было меньше, чем число жертв среди абхазов. Если же посчитать степень репрессий в отношении осетин, т. е. вычислить соотношение числа жертв к численности осетин в Грузии, то разница будет особенно очевидной»¹⁴⁹. В цифрах степень репрессий против осетин составила в такой оптике «только» 0,24 %, что составляет лишь четвертую часть от абхазского показателя. «Поразительным образом, – удивляются авторы, – осетин репрессировали менее интенсивно не только в сравнении с абхазами, но и в сравнении с титульной нацией – грузинами, а именно в соотношении 0,4:1 (0,24 %: 0,63 %)»¹⁵⁰. Такие цифры получаются, если исходить из тогдашней численности осетин в Грузии – 143 604. В ссылке № 107 делается добавление, что «в Юго-Осетинской автономной области проживало 87 358 человек, большинство из них составляли осетины. См.: Всесоюзная перепись населения 1937 года. С. 46». Добавлю, что по переписи 1926 года в ЮОАО проживало 87 375 человек, из них 60 351 осетин (69,07 %), 23 538 грузин (26,94 %), по переписи 1939 года – 106 118 человек (наивысшая численность за всё время существования ЮОАО, впоследствии всегда менее 100 000 человек), из них осетин 72 266 (68,10 %), грузин 27 525 (25,94 %)»¹⁵¹. Отсюда можно сделать обоснованный вывод, что из 87 358 человек по переписи 1937 года, на которую ссылаются авторы, те же 70 % составляли осетины, т. е. 61 150 человек (грузин в таком случае усредним до 26 %, что даёт 22 713 человек). Примем эти цифры за точки отсчёта, они репрезента-

тивны даже при весьма скрупулёзном подходе к арифметике репрессий.

Авторы, что и говорить, пытаются рационально, стараясь оставаться в заданных параметрах исследования, объяснить такую «поразительную» разницу. Их рабочая гипотеза заключается в том, что эти две этнические общности имели сильно различающийся политический и социальный статус (по происхождению и на момент ареста). К сожалению, неверное методологическое начало рассмотрения ситуации с осетинами «в целом», несмотря на все старания авторов аргументировать свои соображения приводимыми материалами из используемых баз данных, к научно значимому положительному результату в данном случае привести не могло; оперирование цифрами в этом отношении зачастую не проясняло, а затемняло реальную картину, иногда приближаясь к оторванной от существа вопроса цифровой эквилибристике.

Между тем для того, чтобы всё встало на свои места, нужно сделать одно и только одно, но необходимое методологическое усилие; при этом оно исходит из общей логики научного исследования самих авторов, и естественно укладывается в их, если можно так выразиться, научно-мировоззренческую парадигму – и мне, честно говоря, непонятно, почему этого не было сделано именно в отношении осетин.

Нужно всего лишь взять в качестве объекта анализа саму Юго-Осетинскую автономную область, с осетинами, в ней проживающими (точно так, как это сделано в отношении абхазов). Тогда картина резко меняется и приобретает сущностную аналогию с ситуацией в отношении абхазов.

Работая ряд лет руководителем группы переговорщиков в урегулировании грузино-осетинского конфликта¹⁵², я не раз убеждался в необходимости научного сопровождения процесса урегулирования; эта задача касалась в первую очередь взаимно проблемных вопросов истории двух соседних народов. Тогда, во второй половине 90-х годов 20-го века, мне пришлось впервые лично заняться и обсуждаемой здесь проблематикой – репрессиями 1937–1938 годов в Южной Осетии. Впоследствии, вынужденный заняться исторической проблематикой профессионально, значительную часть научной деятельности я посвятил разработке этой темы – как выяснилось, совершенно неизученной и потому порождающей негативные последствия и в грузино-осетинских отношениях, и в самом югоосетинском обществе. Определённые результаты изложены в моей (с доктором исторических наук В. Дзидзоевым) монографии¹⁵³.

Ранее меня этой табуированной темой занимался Владимир Ванеев, сам пострадавший от грузинской карательной политики в отношении южных осетин. Им в 2005 году была издана работа «Люди, помните о нас»¹⁵⁴, где он дал пионерную публичную информацию об этом тёмном и трагическом периоде новой истории южных осетин. В этой работе впервые сделана попытка не только описать репрессии как таковые, с их социальным фоном и последствиями, но и представить количественные данные.

С 2014 года, изучая (в числе прочих) вопрос о репрессиях в ЮОАО, я занялся сплошной проработкой бывшего Партийного архива Юго-Осетинского областного комитета КП Грузии, а ныне Политического отдела Центрального Государственного Архива Республики Южная Осетия (ПО ЦГА РЮО), и к настоящему времени проштудировал эти анналы до 1940 года. Информация, почерпнутая в ходе этой архивной работы, о репрессиях в ЮОАО, оказалась не столь объёмной, как ожидалось и хотелось бы, но всё же вполне достаточной для того, чтобы сделать достоверные, хорошо подтверждаемые выводы об особенностях карательной политики грузинских властей в Южной Осетии. Имеющийся в ПО ЦГА РЮО «Список репрессированных в 1937–1938 г.г.»¹⁵⁵ содержит 330 имён; этот список назовём первым. Впоследствии стараниями работников архива список пополнялся, и в настоящее время к указанному делу прилагается отдельная папка под названием «Список лиц, репрессированных и реабилитированных в 1937–1938 гг.» (название содержит неточность, так как значительная часть реабилитированных дел относится к более позднему времени, вплоть до 1991 года); этот список пусть будет вторым. Дополненный список содержит 375 имён, однако два человека повторяются дважды вследствие механических ошибок (Гатенов Григорий Ильич (№№ 79 и 93) и Плиев Арсен Александрович (№№ 274 и 276 (на последующей странице)), поэтому правильное количество имён – 373.

Поимённый анализ по второму списку дал следующий результат:

осетин – 216 человек, что составляет 57,91 % из указанного числа репрессированных и 0,61 % от осетин ЮОАО; из них расстреляно 96 человек (44,44 %), к 10 годам лагерей осуждены 88 человек (40,74 %), остальные к более мягкому наказанию; грузин – 105 человек, что составляет 29,62 % от репрессированных и 0,42 % от грузин ЮОАО; из них расстреляно 23 человека (21,90 %), к 10 годам лагерей приговорены 64 человека (60,95 %), остальные к более мягкому наказанию.

Из оставшихся распределение по национальностям идёт начиная с евреев, затем армяне, русские и другие; анализ по оставшемуся массиву не входит в задачи данной публикации.

Следует сделать важное пояснение к осетинским и грузинским спискам: обладателей имен с осетинским корнем и грузинским окончанием в данном случае принято решение отнести к грузинам. Речь идёт о четырёх представителях фамилии Басишвили и одном – Гаглошвили. Прямых указаний на их национальную идентификацию пока не обнаружено; эти люди, скорее всего, причисляли себя к осетинам¹⁵⁶, но в отсутствие надёжных биографических данных я по формальному признаку учёл их в качестве грузин.

Кроме того, очевидно, что и второй список репрессированных жителей Юго-Осетинской автономной области заведомо и существенно неполон. По сообщению начальника ПО ЦГА РЮО Ю. Лалиевой, глубоко изучившей ситуацию с репрессиями по долгу службы (ныне на пенсии), десятки людей арестовывались и, соответственно, оформлялись за пределами Юго-Осетинской АО, а некоторая ощутимая часть и за пределами Грузинской ССР, т. е. эта часть не попадала и в общегрузинскую статистику по осетинам.

Авторы: Рецензент критикует авторов на нескольких уровнях. На принципиальном уровне он одобряет нашу критику в адрес доминирующего в исследовании тезиса об этнизации террора, но затем со всей определённой указывает, что абхазцы, а в неявной форме и осетины, образовали исключение из правил. Кроме того, он ставит под сомнение нашу констатацию, согласно которой осетины в процессе массовых преследований гораздо ниже среднего становились жертвой преследований, и приводит для этого различные дополнения касательно состояния источников, от собственного списка подвергавшихся преследованиям через требование включить также осетин, преследовавшихся за пределами Южной Осетии и даже Грузии вплоть до этнического соотношения отдельных жертв преследований с осетинами или грузинами на основе их имён.

В ценном списке отсутствует, правда, какое бы то ни было различие между преследованием массы и репрессированием элиты. К тому же вовлечение в анализ преследований не только за пределами Южной Осетии, но и за пределами Грузии, представляется как минимум проблематичным. Следовало бы показать, что преследование, к примеру, в РСФСР осуществлялось по на-

стоянию грузинских властей. Соподчинение отдельных фамилий или лиц целесообразно, оно представляется, однако, во-первых, часто не однозначно возможным, а во-вторых, в количественном отношении непригодным, чтобы ликвидировать различие в степени репрессий, скажем, с грузинами или абхазами.

Кроме того, сильное преследование осетинских элит не оспаривается авторами. Именно это преследование элит в ходе массовых операций и становится ясным из наших цифр. Напротив, у рецензента за счёт чисто национально-этнического фокуса отступают на задний план социальные, политические и территориальные аспекты преследования.

К. Дзугаев: Косвенно предположение о неполноте списка подтверждается и тем, что процент репрессированных осетин в ЮОАО – менее 60 %, в то время как в численности населения они составляют 70 % (или чуть меньше); между тем вся сумма сведений о репрессиях в Южной Осетии – и прямых сведений, и косвенных – подводит к выводу о том, что процент репрессированных осетин должен составлять по меньшей мере одинаковую пропорцию с процентом численности населения, а скорее всего, должен его превосходить. Аналогичное утверждение справедливо и для процента приговорённых к ВМН: несомненно, в реальности он превышает 50 %, и я уверен, что по мере дальнейшей работы по этой теме это предположение получит документальное подтверждение.

Касательно возможных дополнений к списку репрессированных следует также отметить, что В. Ванеев, по-видимому, располагал несколько более полной информацией о репрессиях и репрессированных, так как работавший с ним и написавший предисловие к его книге исследователь Ю. Цховребов, проведя пофамильный анализ (что для осетинского менталитета очень важно), пишет о 94 фамилиях, имеющих в своём составе репрессированных, из них, например, у Цховребовых 14 человек (в имеющемся в ПО ЦГА РЮО втором списке – лишь 9), у Санакоевых 13 (в списке – 14), у Гассиевых 8 (в списке – 7), у Джисоевых 8 (в списке 6) и т. д. К сожалению, личный архив В. Ванеева пока недоступен.

В отдельном пояснении также нуждается, видимо, абзац автором о курьёзном, по их мнению, аспекте: «Курьёз состоит в том, что в случае с осетинами, осужденными “милицейской тройкой”, 10 % получили свои сроки как бывшие меньшевики. Очевидно, со стороны Москвы последовало какое-то напоминание о том,

что осетины не всегда последовательно сражались на стороне большевиков против «меньшевистской» Грузии»¹⁵⁷. Дело здесь, по моему мнению, в том, что к меньшевикам из этих 10 % в подавляющем большинстве относились осетины, проживавшие и арестованные в Грузии за пределами Южной Осетии; в самой Южной Осетии осетин-меньшевиков было ничтожное количество, и по изучаемому списку таковых обнаружилось лишь двое, да и по ним их реальная принадлежность к меньшевикам вызывает большое сомнение; скорее всего, это было искусственное приписывание с целью формального обоснования репрессии. Иными словами, фраза о том, что «осетины не всегда последовательно сражались на стороне большевиков» если и имеет хоть какой-то смысл, то лишь в отношении осетин в районах Грузии; что касается осетин Южной Осетии, то для понимания истинных причин столь жестоких репрессий надо знать политическую историю южных осетин хотя бы в узловых её моментах. Здесь тоже надлежит совершить такой же исторический экскурс, какой был сделан для прояснения ситуации с абхазами – и это было верным решением авторов, которым почему-то были обойдены осетины.

У осетин с древности были сложные взаимоотношения с грузинами: история знала и их блистательное союзничество, как это было во времена Сослана-Давида и Тamar¹⁵⁸, и тяжёлую вражду – например, период «особа»¹⁵⁹. В состав Российской империи Осетия вошла в 1774 году, на четверть века раньше Картло-Кахетии; однако с приходом России грузинские феодалы-тавады, находя поддержку имперской власти, более полувека пытались закабалить осетин¹⁶⁰, пока наконец указом царя Николая I от 8 июня 1852 года осетины не были переведены в разряд казённых, т.е. государственных крестьян¹⁶¹. Однако и впоследствии бывали неоднократные рецидивы этой политики подавления осетин.

К Российской революции 1917 года осетины были довольно глубоко интегрированы в грузинское общество, занимали значительные земельные наделы (феномен хизанства) грузинских тавадов, сохраняя при этом личную свободу и имея договорные отношения с владельцами земли, а также всё более урбанизируясь. Отношения между двумя национальными общинами развивались хотя и не без противоречий, но вполне успешно.

Ситуация резко изменилась с распадом Российской империи и появлением Грузинской Демократической Республики под властью меньшевистского правительства Н. Жордани. Грузинский национализм, получивший наконец в Грузии государственную

базу, немедленно приступил к построению этнократического государства и начал захватнические войны.

Для Южной Осетии это означало очередную попытку тбилисских властей взять под контроль родину южных осетин, проведя границу образовавшегося грузинского государства по Главному Кавказскому хребту. Южные осетины, в свою очередь, были категорически не согласны на грузинскую власть над собой, решительно настаивая на вхождении в состав России. Первые вооружённые столкновения произошли уже в 1918 году, затем ещё более ожесточённые – в 1919-м; к 1920 году подавляющее большинство южных осетин были настроены пробольшеvistски, а их лидеры старались поддерживать прямые контакты с Москвой, ясно выражая своё недоверие к грузинским большевикам.

Летом 1920 года большевистское восстание южных осетин, инспирированное из Москвы под воздействием (большей частью закулисным) грузинских высокопоставленных большевиков, получило первоначальный успех: повстанцы разгромили грузинские меньшевистские войска, заняли Цхинвал и объявили советскую власть «от Они до Душети». Однако развить успех осетинскому командованию запретили и, более того, лишили военной поддержки¹⁶². Грузинские власти, собрав практически все военные силы, имевшиеся в их распоряжении, бросили их на подавление «осетинской Вандеи», и после ряда сражений заняли Южную Осетию. Точнее говоря, уничтожили её до состояния «чистого поля»: осетинские деревни сожжены¹⁶³, осетины частью перебиты (по разным данным, от пяти до пятнадцать тысяч человек), большинство (до 50 000 человек) бежало через перевалы на север Осетии, немногих оставшихся осетин принялись расселять по самым малопригодным для жизни местностям Грузии, а саму Южную Осетию, на тот момент уже как бы бывшую, стали заселять грузинскими горцами.

Несомненно, при сохранении независимого грузинского государства ни Южной Осетии, ни осетин как этноса в Грузии не стало бы. Но коммунистическая идея, владеющая умами большевистского руководства в Москве, имела атрибут расширения до максимально возможных пределов, и в 1921 году Грузия, как и всё Закавказье, была присоединена к создававшемуся Союзу Советских Социалистических Республик. Южная Осетия была восстановлена, а осетины большей частью возвращены на свои пепелища. При этом, однако, грузинские большевики воспользовались ситуацией в своих этнонациональных целях настолько, насколько

смогли это сделать: Южная Осетия, вопреки неоднократно выраженному волеизъявлению народа, была введена в состав советизированной Грузии, для противостояния этому решению у большевистских лидеров южных осетин попросту не было политического ресурса; от Южной Осетии был административно-насильственно оторван Коби-Трусовский регион (к настоящему времени полностью зачищенный от осетинского населения; выходцам из этой части Осетии теперешние грузинские власти ставят препятствия к посещениям своих сёл); югоосетинская Республика была аппаратными интригами понижена в статусе до автономной области и т. п.

Московское руководство при этом поступало вполне логично, если исходить из целей государственного строительства. И. Сталин, будучи наркомом по делам национальностей (а с апреля 1922 года – Генеральным секретарём ЦК ВКП(б)), глубоко знал положение в Грузии и, отдавая себе отчёт в ненадёжности пребывания Грузии в составе СССР, рассматривал Абхазию и Южную Осетию в составе Грузии как своего рода «якоря», удерживающие грузинскую власть, а ещё более грузинское общество от умонастроений о независимости. С другой стороны, этим объясняется и поистине удивительная мягкость, с которой новая, большевистская власть обращалась со своими, казалось бы, злейшими врагами; так, «для контакта и взаимного понимания с грузинской интеллигенцией делается всё возможное. К бывшему меньшевистскому правительству по инициативе грузинской интеллигенции выехала делегация в лице членов Учредительного собрания – Натадзе, Кикодзе, Глonti и Михаила Церетели с предложением прекращения дальнейшей борьбы и признания советской власти, причём советское правительство обещает полную амнистию всем членам бывшего правительства»¹⁶⁴ (!). Но ведь эти люди пролили реки крови и грузин (большевиков-грузин они расстреливали сотнями), и других народностей Грузии? Тем не менее все меньшевики, оставшиеся в Грузии, пользовались прямо-таки тепличным режимом вплоть до попытки вооружённого мятежа в августе 1924 года: лишь после этого власть начала применять против них силу, весьма, впрочем, выборочно. И лишь в 1937–1938 годах грузинский меньшевизм получил мощный удар, в том числе и в отношении грузин, проживающих в ЮОАО (большинство дел содержит обвинения именно в меньшевизме).

Стремление югоосетинских лидеров и общества в целом к воссоединению Осетии не было устранено с политической повестки дня южных осетин, равным образом как и грузинский

национализм был более чем присущ тбилисским коммунистам. Борьба, носившая столь ожесточённый характер в 1917–1920 годах, приняла теперь другие формы, но не стала менее напряжённой. Осетинские коммунисты видели, что тбилисский центр не прекращает ассимиляционного давления на южных осетин, и хорошо понимали перспективы при сохранении сложившегося положения вещей.

Поэтому в 1925 году они решились на вторую попытку воссоединения, поддержанную на сей раз публично и достаточно энергично североосетинским руководством. Перипетиям этого периода также посвящено моё отдельное исследование¹⁶⁵, которое я готов предоставить в распоряжение М. Юнге и его коллег. Этот порыв был остановлен грузинским руководством лишь весьма большими стараниями, после чего тбилисское высшее чиновничество резко усилило давление на группу югоосетинских лидеров, ведя против них разнообразную подрывную работу, прежде всего с целью разобщить их посеять между ними недоверие. Надо признать, во многом это удалось.

В 1936 году югоосетинское руководство, к тому времени сильно ослабленное и эродированное, видя надвигающуюся опасность полного национального поражения и этнического исчезновения в качестве южной ветви осетинского народа, воспользовалось всенародным обсуждением проекта новой «сталинской» Конституции СССР и решилось на последнюю для себя отчаянную попытку воссоединения с Северной Осетией. Но общеполитические условия к тому времени качественно изменились, и для югоосетинских активистов это стало катастрофой: практически все носители осетинской национальной активности были истреблены грузинским НКВД, получившим от центрального руководства достаточные для этого полномочия. Руководил этим процессом непосредственно Л. Берия¹⁶⁶.

Разумеется, грузинское государство, что при меньшевиках, что при большевиках, видело в осетинских активистах воссоединения и всех им сочувствующих своих злейших врагов. Государство по самой своей природе ничего не забывает и ничего не прощает, поэтому «окончательное решение» «осетинского вопроса» в годы Большого террора приняло столь неумолимые для южных осетин формы: процент расстрелянных среди южных осетин составил, как указывалось, 44,44 % (против 21,9 % у грузин), а 10 лет лагерей получили ещё 40,74 %.

Авторы: *К. Дзугаев прав в том, что авторы менее подробно останавливались на предыстории Большого террора в отношении осетин, чем в отношении абхазцев. Отказывать приведённой им вспомогательной информации в определённой значимости не приходится. Названные дополнения, несмотря на это, имеют только ограниченное значение с точки зрения избранной и обоснованной нами концентрации на массовых преследованиях. Рассмотрение исторических процессов вплоть до выяснения территориальных притязаний в данном контексте и без того не могло бы быть позволено, и поэтому его даже сознательно избегали, чтобы, опираясь на акты, отражающие репрессии, открыть новую перспективу.*

С рецензентом следует согласиться в его требовании о различении преследования осетин в самой Южной Осетии и в остальной Грузии (например, в отношении обоснования преследования – принадлежность к «меньшевикам»). Но это представляется одновременно определённым противоречием к требуемому им вовлечению преследовавшихся за пределами Южной Осетии.

Главный же упрёк заключается в том, что, согласно с нашим анализом источников, рецензент констатирует в качестве важнейшей или даже единственной причины преследования осетин обвинения национального свойства (например, требование объединения Южной Осетии с Северной). Напротив, «преступление» многих осетин, подвергавшихся преследованию, лежит в социальной сфере, будь то в профессиональном и политическом продвижении (служащие, члены партии) или в социальном аутсайдерстве (скотокрадство и т. д.). Причины преследования со ссылкой на осетинские национальные стремления в наших источниках даже чрезвычайно редки.

К. Дзугаев: В своей с В. Дзидзоевым монографии и статье по этой теме мы привели показательный перечень репрессированных осетин из 119 человек (Приложение 1), из которого очевидно, что вся вина этих людей состояла в том, что они хотели единства Осетии. Истребляли в первую очередь самых одаренных, высокообразованных носителей национальной активности южных осетин, при этом зачастую репрессия захватывала и семью, близкий круг родственников арестованного. «Никакими иными реальными причинами эту часть репрессий объяснить невозможно, так как биографии репрессированных являются лучшими доказательствами их преданности идеям коммунизма, социальной справедливости, активного социалистического строительства, лич-

ной порядочности и честности, общественного признания и уважения»¹⁶⁷. Но наиболее тщательно, повторяю, уничтожались осетины, ставившие вопрос воссоединения.

Так, В. Ванеев приводит фотографию участников президиума первого съезда писателей Северной и Южной (т. е. единой в данной конкретике) Осетии 1930 года: из девяти человек шестеро репрессированы, причём четверо погибли. Приведена фотография оргкомитета первой олимпиады искусств Осетии: из девяти человек репрессировано семеро, большинство расстреляно¹⁶⁸.

ПО ЦГА РЮО также даёт этому выводу документальные подтверждения.

Так, в Определении № 1225/н Военного трибунала Закавказского военного округа от 22 июня 1956 г. при рассмотрении протеста прокурора на решение тройки при НКВД ГССР от 31 декабря 1937 г. в отношении Санакоева Владимира (Серо) Аржевановича указывалось, что «САНАКОЕВ был признан виновным в том, что он с 1920 года вёл пропаганду за отторжение Юго-Осетии от Грузии (...)»¹⁶⁹. То есть то, что в 1920 году было предметом вооружённой борьбы с грузинскими меньшевиками, что в 1925 году принималось к рассмотрению И. Сталиным как возможный вариант решения проблемы, и что даже ещё в 1936 году воспринималось пусть как ошибочное и недопустимое, но всё же партийно-коллегиальное предложение, теперь уже, в 1937 году, для грузинских властей стало уголовно наказуемым преступлением, и Москва в рамках новых «правил игры» молчаливо с этим согласилась.

Один из ярких и сильных южноосетинских лидеров Александр Михайлович Джатиев вызывал у тбилисских коммунистических бонз особую ненависть. Наблюдая изнутри тенденцию растущего давления на южноосетинское руководство и видя надвигающуюся беду, он попытался спастись, сумев организовать свой переезд в Северную Осетию. Спастись не удалось: он был арестован североосетинским НКВД, и ему инкриминируется всё то же непрощаемое преступление: «Наши разговоры о необходимости объединения Южной и Северной Осетии привели к тому, что явилась действительная необходимость работы по пропаганде осетинских буржуазно-националистических идей. Он заявил, что без такой работы он не представляет себе существование крепко спаянной нации. (...) Александр ДЖАТИЕВ на чрезвычайной партийной конференции в ноябре 1920 года, в городе Владикавказе выступил против Серго Орджоникидзе. Выступление его было поддержано всей осетинской делегацией конференции»¹⁷⁰; «Примерно в

1925–26 г.г. ДЖАТИЕВ и его контргруппа начала вести работу и переговоры с бывшим секретарём обкома партии Северной Осетии ТАКОЕВЫМ Семёном (Симоном. – *К.Д.*), бывш. меньшевиком, об объединении Южной и Северной Осетии, со вхождением в Зафедерацию. При этом ДЖАТИЕВ имел в перспективе после объединения поставить вопрос о самостоятельном вхождении объединённой Осетии в РСФСР»¹⁷¹; «ДЖАТИЕВ Александр Михайлович... руководитель антипартийной группировки, известной под названием “джатиевщина”. Убеждённый националист и ярый сторонник объединения Северной и Южной Осетии»¹⁷²; «Ещё в 1921–21 г.г. (опечатка в тексте; видимо, 1921–1925 г.г. – *К.Д.*) в Северной Осетии поднимался вопрос о необходимости объединения с Юго-Осетией. (...) В этом вопросе у нас был полный контакт с южноосетинским руководством, которое возглавлялось тогда ДЖАТИЕВЫМ Александром»¹⁷³. После ареста А. Джатиев допрашивался шесть раз на протяжении двух месяцев, но свою вину категорически отрицал; следующие два месяца не допрашивался, но, очевидно, к нему применили такие меры воздействия, что он «добровольно» дал показания на ряд своих товарищей по революционной борьбе, полностью признал свою вину, был осуждён и умер в Воркутлаге НКВД 6 марта 1943 года. Л. Берия считал его своим личным врагом, так как А. Джатиев осмелился на одном из пленумов ЦК КП(б) Грузии обвинить его в меньшевизме. После расстрела Л. Берии дело А. Джатиева было пересмотрено, и он полностью реабилитирован.

В логике данного рассмотрения, в связи с появлением в поле зрения исследователя Северной Осетии, появляется необходимость соответствующих знаний о репрессивной политике в этой осетинской республике в составе РСФСР (ныне Республика Северная Осетия – Алания в составе России). Специальный анализ мною не проводился; в последние годы опубликованы отрывочные сведения, позволяющие составить приблизительное представление по крайней мере об отдельных аспектах репрессий в СОАССР. Например, в ходе Великой Отечественной войны, при наступлении фашистских войск на Кавказ, Л. Берия просит у И. Сталина разрешения привести в исполнение приговоры к ВМН для заключённых в прифронтовых регионах; в СОАССР таковых оказалось на 15 ноября 1941 года 796 человек¹⁷⁴. Для сравнения: в Грузинской ССР таковых – 395, в Краснодарском крае – 220 человек, в Ростовской области – 23 человека, в Кабардино-Балкарской АССР – 9 человек. Не позволяя себе поспешных выводов,

тем не менее обязан отметить, что НКВД Северной Осетии возглавлял А.С. Зоделава, членом Военного совета фронта был А.Н. Саджая; оба – грузины¹⁷⁵.

Авторы: В этом месте становится особенно заметной точка зрения рецензента, сильно привязанная к «национальным» проблемам. Действительно ли рецензент предполагает, что в ноябре 1941 г. на Кавказе Берия занимался главным образом преодолением осетинского национализма? Были ли названные здесь 796 преследовавшихся лиц преимущественно осетинами? Если это верно, то не шла ли речь, возможно, в основном о мусульманах-суннитах, дигорцах, депортированных отчасти в 1943–1944 гг., т. е. не имевших никакого значения для осетинского национализма с точки зрения «ирреденты» по ту сторону цепи Кавказских гор и представлявших собой скорее мешающий фактор, так как среди осетин в Южной Осетии исторически преобладали православные христиане? Могла ли идти речь, коль скоро мы говорили об осетинах, об антимусульманской (не антиосетинской) операции? Были ли (позже депортированные) балкарцы действительно настолько менее в эпицентре преследования? Какие данные протекают для Чечено-Ингушской АССР? Убедительно ли в целом, что осетины оказались непропорционально жёстче затронутыми этой волной арестов, нежели чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы, которые вплоть до войны были втянуты в вооружённые восстания против советской власти (последние отголоски сопротивления коллективизации) и проживавшие к востоку и западу от осетин в 1943–1944 гг. как «коллаборационисты» в отношении немцев, за что и подверглись коллективной депортации, в то время как осетины почти как единственная автохтонная группа едва оказались затронуты этим? Возможно, в связи с упомянутым числом речь шла об отложенных казнях, которые теперь были совершены. Решающую роль играло положение на фронте по состоянию на 15.11. Может быть и так, что Краснодар и Кабардино-Балкария в это время оказались уже в значительной степени «обработанными», так как находились особенно близко от фронта, тогда как Грузия, (ещё) далекая от фронта, едва ли учитывалась. Это означает: может быть, обречённые на смерть в Краснодаре были к этому времени уже давно в значительной степени казнены? Не дал бы краткий обзор всех арестов 1941–1942 гг. совершенно других результатов, нежели этот изолированный документ, на который ссылается рецензент?

Цифры, названные рецензентом, усреднены и столь малоубедительны в национальном истолковании, что их следует назвать вводящими в заблуждение. Отчётливо преследуемая автором интерпретация крайностей особого преследования осетин «грузинами» (в Тбилиси и Москве) не подтверждается такими данными. Обнаруживается тенденция селективного восприятия источников, которые используются для возможно более национального истолкования.

К. Дзугаев: Теперь, с учётом вышеизложенного, как изощрённое издевательство надо понимать обвинение в адрес Рутена Несторовича Гаглоева, инженера, инициатора и организатора строительства перевальной дороги между Севером и Югом Осетии – дороги, против строительства которой грузинское руководство боролось, как могло: «Обвиняется в шпионаже, вредительстве при постройке перевальной дороги»¹⁷⁶. Приговор, как нетрудно догадаться – расстрел.

В этом же ракурсе понимается и обвинение Ермони Захарьевны Чабиевой: «Поддерживала тесную связь с мужем Хубаевым В.З. до ареста и приносила пищу после ареста»¹⁷⁷. Приговор – 10 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ); муж – ВМН.

Об уровне соблюдения даже формальной законности можно судить, например, по специальному сообщению в Справке помощника прокурора ЮОАО Джинджихашвили по реабилитационному делу Тейбола (в другом написании – Тембол, что правильнее) Захарьевича Джиеова: «Характерным в данном деле является то, что решение бывш. тройки НКВД Груз. ССР о расстреле вынесено 15 августа 1937 года, а протокол об окончании следствия предъявлен 7 октября 1937 года, где учиняет подпись ДЖИОЕВ Т. Следовательно, решение о расстреле было вынесено до окончания следствия по делу, или же протокол об окончании дела был составлен после расстрела ДЖИОЕВА Т.З. и учинена фиктивная подпись»¹⁷⁸. Или в другой Справке этого прокурора по делу Герсана Рожденовича Багаева (также расстрелян): «В деле имеется только самооговор БАГАЕВА о том, что он был завербован в к. р. (контрреволюционную. – К.Д.) организацию и показания ДЖИДЖОЕВА И.П., которое отпечатано на машинке и не подписано»¹⁷⁹ (!).

Вернёмся, однако, ко второму списку. Из 216 репрессированных осетин коммунистов оказалось 103 человека, что в процентах составляет 47,69 % (из 105 репрессированных грузин коммунистов 7 человек, 6,67 %); комсомольцев 16 человек, 7,40 % (у грузин

6 человек, 5,71 %). Осетин с высшим образованием 52 человека, 24,07 %, со средним образованием 87 человек, 40,28 %. Работников партийно-советских органов (включая суды) 48 человек, 22,22 %, служащих 83 человека, 38,43 %; по этому поводу на первом листе архивного дела лаконично сообщается, что «были арестованы и расстреляны все секретари Юго-Осетинского обкома КП Грузии и районных комитетов партии, а также председатели Райисполкомов области»¹⁸⁰. Из служащих, что тоже важно для правильного представления о репрессивной политике, удар также пришёлся большей частью по руководящему составу различных организаций и учреждений, т. е. в качественном отношении надо плюсовать эти две позиции, и получается 60,65 % – практически все из югоосетинской элиты. Для более ясного понимания картины надо знать и то, что во второй половине 30-х годов 20-го века людей с высшим образованием в Южной Осетии было всё ещё очень мало. Если применить ещё и авторские приёмы для оценки степени интенсивности репрессий, т. е. принять во внимание то, что около 95 % репрессированных – мужчины, а из них выделить возрастную группу от 20 до 60 лет, то мы получим такие же показатели, которые для абхазов авторы назвали катастрофой.

Думаю, что с учётом вышеизложенных политических факторов и причин приводимые цифры в особых комментариях не нуждаются, свирепость расправы с осетинами ЮОАО в известном смысле, видимо, как минимум не уступает репрессиям в отношении абхазов: изъятия (как это называлось на профессиональном языке карательных органов) такого размера и качества представляли собой по сути «резекцию мозга» южной части осетинского народа, убийство в народе какой бы то ни было воли к сопротивлению. Приходится согласиться с выводом Ю. Цховребова: «Знакомясь с собранными документами репрессированных, диву даёшься, как после такого смертельного удара нация смогла выстоять, как она поднялась на ноги и выжила»¹⁸¹.

Вывод авторов рассматриваемой главы хорошо согласуется с выявленными обстоятельствами карательной политики тбилисских властей в отношении южных осетин: «Репрессии в отношении обеих “полутитульных” наций, хотя и в весьма разной форме, использовались для того, чтобы “выхолостить” их автономию, переводя её всё более и более в символическую сферу, что способствовало гомогенизации Грузии под эгидой грузинской нации»¹⁸². Однако здесь же следует указать на ошибочность дальнейших утверждений о том, что «противоречия между грузинами

и осетинами были слабее, а тенденция к территориальному обособлению среди осетин только намечалась»¹⁸³: дело в том, что в случае с осетинами имело место не стремление к территориальному обособлению как таковому, а решительное намерение воссоединения с Севером Осетии в единое национально-государственное образование в составе России.

Эта стратегия национального строительства жёстко детерминировала движение осетинского этноса на Юге Осетии и в новейшее время – с 1989 года, предопределяя ирредентистскую сущность сецессии Южной Осетии из состава грузинского государства. Без понимания этого ключевого фактора, на что не раз приходилось обращать внимание московских учёных и чиновников, просто невозможно выстраивание правильной политики на данном направлении. Добавлю также, что это хорошо понимают в Тбилиси, поэтому главная задача любой грузинской власти в отношении южных осетин в настоящее время – не допустить вхождения Республики Южная Осетия в состав России, выиграть время, дожидаться благоприятных общеполитических условий для восстановления контроля над «оккупированными» территориями; и в югоосетинском обществе нет ни малейших сомнений в том, что в этом случае произойдёт. Память о терроре 1937–1938 гг. жива, а трагический опыт геноцидной агрессии в августе 2008 года убедил южных осетин (и не только их), что речь идёт в конечном счёте об уничтожении Южной Осетии как таковой, т. е. как этнотерриториальной родины осетин на южных склонах Главного Кавказского хребта.

Комментарии к остальным подглавам главы «Этнос и террор» кратки.

Так, с выводом по третьей «полутитульной» национальности – аджарцам – следует согласиться в целом: «С определённой осторожностью можно исходить из того, что репрессии ударили по аджарцам с большей силой, чем по грузинам»¹⁸⁴. Однако авторы справедливо указывают на необходимость значительно более углубленного (желательно поимённого) анализа, так как вопрос с учётом аджарцев отличительно от грузин, действительно, методологически имеет в этом случае первостепенную важность.

Правильным представляется и вывод в отношении «советской», по обозначению авторов, национальности Грузии – армян: «Главной целью репрессий в отношении армян было нанесение удара по их укорененной позиции в грузинском обществе»¹⁸⁵. Аналогично и в отношении азербайджанцев («тюрок»): «Намере-

ние властей, подвергших азербайджанцев сверхпропорциональным преследованиям, которые по своим масштабам и жестокости были сравнимы с репрессиями в отношении абхазов, могло в данном случае заключаться в том, чтобы воспрепятствовать артикуляции интересов данной этнической группы, будь это религиозные, культурные, социальные или политические интересы. Желательным побочным эффектом репрессий было вытеснение “тюрок” с политической и общественной арены Грузии. Выиграть от всего этого могли, хотя и не по своей воле, этнические грузины»¹⁸⁶.

Достаточно подробный и научно убедительный анализ проведён по репрессиям в отношении евреев – одной из национальностей, где процент расстрелянных резко превосходит аналогичный процент у осетин. При этом авторы верно указывают, что «речь шла, без всякого сомнения, о “чистке” партийных и государственных органов от евреев-ашкенази в духе формирования однородных политических и административных структур власти из представителей титульной нации. Эффект “беспримечательной карьеры” этих еврейских выдвиженцев в партии и государстве был нивелирован в результате “декоренизации” (Г. Симон), поскольку центр тяжести репрессий обрушился именно на эту группу (207 человек, 2/3 или 72 % от общего количества репрессированных евреев)»¹⁸⁷. Грузинские евреи, в отличие от ашкенази, репрессировались гораздо меньше – во-первых, потому, что признавались пригодными к включению в процесс гомогенизации Грузии, а во-вторых, потому, что имели гораздо более низкий социальный статус.

Из остальных национальностей Грузии, попавших под каток грузинского НКВД, показателен также вывод в отношении, например, греков: «Важнейшей причиной репрессий было то, что греки преимущественно селились на территории Абхазии, где в качестве группы, лишь условно поддающейся “включению”, они препятствовали переходу территории автономной республики под власть Грузии. Тесная связь между территорией расселения и репрессиями была здесь особенно явной, поскольку греки, проживавшие вне Абхазии, подвергались репрессиям в гораздо меньшей степени»¹⁸⁸. Упоминаю об этом потому, что здесь же авторы делают правильную увязку с ситуацией с осетинами, несмотря на указанные выше методологические недостатки, повлекшие существенные искажения картины: «И всё же в отношении осетин также проводилась политика национальной гомогениза-

ции, как показывает специальное рассмотрение “качественных” параметров репрессий. Карательный аппарат целенаправленно истреблял малочисленную осетинскую элиту (служащих и членов ВКП(б)), тем самым цементируя низкий социальный статус этого этноса»¹⁸⁹. Эту же цель преследовали, как следует из проведённого анализа, репрессии и в отношении евреев (ашкенази); авторы упоминают о латентном антисемитизме, однако у грузинского национал-экстремизма антиеврейская установка всегда была столь же нескрываемой, как и антиосетинская.

Авторы: *Сравнительный анализ антисемитизма в качестве аспекта как грузинского, так и осетинского национализма ещё предстоит; как представляется, одностороннее осуждение антисемитизма другой в каждом случае стороны не обеспечено состоянием источников.*

К. Дзугаев: В подглаве «Расизм или геноцид?» авторы делают важный обобщающий вывод: «Итак, в ходе массовых операций НКВД, бесспорно, имело место повышение значимости этнической компоненты, однако в СССР не произошло коренной смены парадигмы в направлении доминирования критерия этничности вплоть до его абсолютизации в форме биологизации террора, как это было в национал-социалистической Германии в случае с евреями, а также синти и рома. (...) В контексте массовых репрессий НКВД 1937–1938 гг. не может идти речи об этнических чистках, не говоря уже о геноциде»¹⁹⁰. Соглашаясь в целом с этим выводом, считаю необходимым сделать принципиальное пояснение. Карательную политику грузинского НКВД в отношении южных осетин действительно, если придерживаться строго научных критериев в конкретике данного рассмотрения, не следует признавать этнической чисткой; готов согласиться даже и с тем, что затруднительно определять её как геноцид. Однако, оставаясь в той же логике научного рассмотрения, мы обязаны анализировать террор 1937–1938 годов в отношении осетин не как изолированное явление, а как системный элемент политики центральных властей Грузии, направленной на подавление осетин с целью их полной ассимиляции в интересах гомогенизации грузинской нации и, соответственно, ликвидации Южной Осетии в целях унитаризации государственно-территориального устройства Грузии. При таком подходе – а он является методологически неузвимым – трагедия 1920 года дефинируется как очевидный акт геноцида, террор 1937–1938 года – как одно из наиболее кровавых проявлений геноцидной политики в отношении осетин, искусственное

сдерживание социально-экономического и демографического развития ЮОАО – как политика «мягкого» геноцида, а что касается грузинских агрессий против Южной Осетии новейшего времени, т. е. войн 1991–1992 годов, 2004 года, и особенно геноцидной агрессии в августе 2008 года, то не признавать это геноцидом для любого непредвзятого наблюдателя невозможно. Другое дело, что добиться политического и тем более юридического признания этого геноцида со стороны т. наз. «международного сообщества» в обозримом будущем представляется крайне маловероятным...

Авторы правы в том, что не считают депортации народов, проживавших в Грузии, следствием местной национальной политики: «Депортации проводились по прямому указанию из Москвы, по приказу партии, правительства и тайной полиции, а в годы войны – согласно постановлениям ГКО СССР, ответственность за их осуществление несло высшее руководство НКВД (...). То, что в результате выселения из Грузии “наказанных народов” в распоряжении титульной нации и других “лояльных” этносов оказалось дополнительное жизненное пространство, было только побочным, хотя и желанным эффектом, в результате чего депортированным этносам было отказано в возвращении домой как после их реабилитации в 1956 г., так и после получения Грузией независимости в 1991 г.»¹⁹¹. Да, «целью Большого террора в Грузии, в отличие от депортаций, было не физическое изгнание целых этносов, а систематическое насильственное дисциплинирование и маргинализация наций (...)

В Грузии Большой террор в значительной мере придал толчок процессу формирования грузинской нации и парадоксальным образом способствовал усилению грузинского национализма»¹⁹².

И далее подводится общий итог главы «Этнос и террор»: «Однако и для самой Грузии последствия политики ассимиляции в отношении национальных меньшинств, осуществлявшейся местными партийными и государственными элитами репрессивными методами, были драматическими. Именно в 1930-е г., с опорой на старые традиции грузинского национализма образца XIX века, а возможно, и ещё более раннего времени, были заложены основания не только для отделения абхазов и осетин, но и для “[...] этнокультурного определения грузинской нации”, которое действует ещё и сегодня, нанося урон единству и благосостоянию страны. В Грузии до сих пор царит представление о “Картвелоба”, грузинском духе, согласно которому грузинское происхождение (этнические грузины, мингрелы, сваны, лазы) ценится выше, чем факт

принадлежности к грузинскому государству, чем грузинское гражданство»¹⁹³. Этот вывод верен.

Следующая глава называется (весьма символично) «Грузия в пути» и составляет собой раздел «Дискуссия», который авторы, по зрелому размышлению, решили включить непосредственно в текст издания. На мой взгляд, это тоже верное решение, и, более того, по сути единственное; продиктовано оно тем, что и должно было случиться с представленным грузинской стороне текстом исследования: «В преддверии публикации книги “Большевистский порядок в Грузии. Большой террор в маленькой кавказской республике” весьма оживленную дискуссию вызвала глава “Этнос и террор”»¹⁹⁴. За этой дипломатически обтекаемой формулировкой скрывается, как нетрудно догадаться, категорическое неприятие грузинским сообществом историков и смежных специалистов самой парадигмы проведённого авторитетным коллективом большого и очень значимого исследования. Тем не менее по итогам обсуждения всё же было принято решение о публикации, и авторы выражают надежду, что возможность опубликовать такую книгу является «одним из показателей того, что страна находится на пути к становлению демократического и плюралистического государства, в котором история более не является средством защиты государственных и идеологических интересов»¹⁹⁵. Присоединяюсь с аналогичной надеждой к этому мнению.

Что касается развёрнутого комментария к «Грузии в пути», то он не входит в задачи данного рассмотрения, но я оставляю за собой возможность вернуться к этой теме.

Благодарю М. Юнге и его коллег за проявленную в ходе их исследования научную добросовестность и гражданскую позицию; отдельная благодарность г-ну М. Юнге за его предложение мне высказаться по указанным темам – для меня это также одно из доказательств стремления авторов к объективности.

Авторы: *В заключение следует резюмировать, что с точки зрения авторов нарратив осетинских коллег (как рецензента, так и историографии, отражённой в его докладе, например в выступлении Дзидзоева) обнаруживает проблематичную тенденцию истолковывать все источники, зачастую посредством селективных отбора и чтения, в исключительной концентрации на роли осетинской нации как жертвы по отношению к грузинской агрессии, что не соответствует источникам. Социальные, политические и территориальные аспекты не учитываются. Осетины, приговаривавшиеся за скотокрадство к заключению в лагерь, не подходят в это национальное повествование, но в ис-*

точниках они встречаются часто. Как у рецензента, так и у других авторов определённую роль могло играть то обстоятельство, что многочисленные социальные отщепенцы, возможно, действительно нарушали законы и заслужили наказания¹⁹⁶.

Некоторые авторы, изучающие сталинские массовые репрессии в бывших странах СССР, подводят даже к мысли о том, что с социально репрессированными в конечном счёте поступили правильно, так что социально репрессированные собственной группы стыдливо замалчиваются или отчасти их преследование даже оправдывается, а то и приветствуется. Бывший заместитель начальника милиции города Иваново пишет в своих мемуарах, опубликованных в 60-е гг.: «Советский народ, жестоко схваченный в “ежовые” рукавицы, посаженный в лагеря и беспощадно уничтожаемый, действительно всё меньше и меньше совершал уголовных деяний»¹⁹⁷. В Книге памяти Тверской области историк В.А. Смирнов воздаёт в таких словах хвалу преследованию уголовных преступников: «Надо признать, что управление [НКВД по Калининской области] приняло решительные меры по “очистке” нашего региона от уголовно-преступных элементов, неоднократно преследовавшихся за бандитизм, кражи и другие преступления уголовного характера»¹⁹⁸. Омский историк В.М. Самосудов высказывает мнение, что уголовники только случайно оказывались в политических целевых группах массовых преследований¹⁹⁹. А. Солженицын распространяет слух: «Главные-то подлинные воры, головка воровского мира, все расстреляны в 37-м году»²⁰⁰.

Существенным, однако, по нашему мнению, являются метод и несоизмеренный уровень наказаний. Рецензент слишком односторонне концентрируется на немногих, скорее нетипичных лицах, которые обращали на себя внимание с точки зрения борьбы осетинской нации против грузинского угнетения.

Перевод с немецкого: Валерий Брун-Цеховой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитируем по неопубликованному отзыву Станислава Лакобы «Об этносе и терроре и некоторых историках Грузии, повернутых на 180 градусов» (19 июня 2016 г.). Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча, июль 2016 г.

² См.: Акаба Н. Абхазия между любовью и ненавистью. – Сухум, 1996. С. 7.

- ³ Грузины и абхазы. Путь к примирению. – М., 1998. С. 39.
- ⁴ Данилова С. Трагедия абхазского народа // Вестник Института по изучению истории и культуры в СССР. – Мюнхен, 1951. № 1.
- ⁵ См.: *Slider D.* Crisis and Response in Soviet Nationality Policy groß: The case of Abkhazia // *Central Asian Survey*. 4. 1985. № . 4. С. 51–68, здесь 52–54.
- ⁶ 15 октября 1997 г., № 364-с-ХIII.
- ⁷ *Жордания Н.* Моя жизнь. – Стэнфорд, 1968. С. 7, 93.
- ⁸ Северный Кавказ. Варшава. 1937. № 41; Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум, 2000. С. 133–139.
- ⁹ ТВ, 1877. 13 ноября. № 249.
- ¹⁰ ТВ, 1877. 9 ноября. № 245.
- ¹¹ *Джибладзе Г.Н.* Педагогика и методика. Письма, мемориал. – Тбилиси, 1974. С. 152 (на груз. яз.).
- ¹² ТВ, 1877. 9 ноября. № 245.
- ¹³ *Анчабадзе З.В.* Очерк этнической истории абхазского народа. – Сухуми, 1976. С. 110.
- ¹⁴ *Гурко-Кряжин В.А.* Абхазия. Издание Научной Ассоциации Востоковедов при ЦИК СССР. – М., 1926. С. 10.
- ¹⁵ *Лакоба С.* Ответ историкам из Тбилиси: документы и факты. – Сухум, 2001. С. 50–52.
- ¹⁶ Наше слово. 1919. 21 марта; *Лакоба С.* Абхазия после двух империй. XIX–XXI вв. – Сапрого, 2004. С. 73–74.
- ¹⁷ *Лакоба С.* Абхазия после двух империй. С. 75–76.
- ¹⁸ Г.А. Дзидзария, Б.Е. Сагария и др.
- ¹⁹ См. ссылку на архив в моём ответе Д. Гамахарию в 1991 г.: *Лакоба С.* Абхазия – это Абхазия. – Газ.: Абхазия. 1991. 9 июля. № 27.
- ²⁰ *Bechoffer С.Е.* In *Denikin's Russia and the Caucasus*. 1919–1920. – London, 1921. P. 14.
- ²¹ *Лакоба С.* Ответ историкам из Тбилиси. С. 90–91.
- ²² *Троцкий Л.* Портреты. – USA, 1984.
- ²³ Трудовая Абхазия. 1925. 25 марта.
- ²⁴ Свободная Грузия. 1998. 3 июля. № 167.
- ²⁵ *Папаскири З.* Абхазия. – Тбилиси, 2009. С. 247–248.
- ²⁶ *Лакоба С.* Очерки политической истории Абхазии. – Сухум, 1990. С. 90–91.
- ²⁷ *Папаскири З.* Абхазия. – Тбилиси, 2009. С. 259.
- ²⁸ *Бгажба О., Лакоба С.* История Абхазии с древнейших времен до наших дней. – Сухум, 2015. С. 357–359.
- ²⁹ *Данилов С.* Трагедия абхазского народа. – Мюнхен, 1951.
- ³⁰ *Лакоба С.* Очерки политической истории. С. 132–133.
- ³¹ Абхазский биографический словарь. М. – Сухум, 2015. С. 811.
- ³² *Central Asian Survey* (1995), 14 (1). С. 155–189, в сборнике «Абхазский архив» (М. 2003), а также в книге: *Rayfield D.* Stalin and his hangmen. The tyrant and those who killed for him. – New York, 2005.
- ³³ *Shnirelman V.A.* The value of the past. Myths, identity and politics in Transcaucasia. – Osaka, 2001.
- ³⁴ Цитируем по неопубликованному отзыву Теймураза Ачугба «На пути к истине» от июля 2016 г. Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча от ноября 2016 г.

³⁵ *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой истории Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми, 1959. С. 235–242; 258–271; *Инал-упа Ш.Д.* Ступени к исторической действительности (Об этнической ситуации в Абхазии XV – нач. XX вв.). – Сухум: Алашара. 1992.

³⁶ *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Вып. 3. – М., 1983. С. 49–55.

³⁷ *Бердзенишвили Н.А.* Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1990. С. 199–200.

³⁸ Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 / Сост.: Б.Е. Сагария (редактор), Т.А. Ачугба, В.М. Пачулия. – Сухум, 1992. С. 44.

³⁹ *Джавахишвили И.А.* История грузинского народа. Кн. I. – Тбилиси, 1960. С. 7.

⁴⁰ Сведения о туземном населении Сухумского отдела // Сборник статистических данных о Кавказе. Т. I. / Составлен и издан под редакцией Н.И. Воронова. – Тифлис, 1869. С. 19.

⁴¹ Памятная записка о колонизации в Сухумском округе, составленная начальником округа полковником Браккером. 1894 г. // АБГМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 127. Л. 7–8.

⁴² Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 года. Сухумский округ, Кутаисской губернии. – Тифлис, 1893; Первая Всероссийская перепись населения Российской империи 1897 года. Общий свод по империи. Т. II. Табл. 13. – СПб, 1905.

⁴³ Приложение к № 10 «Церковные ведомости» за 1907 г. С. 298.

⁴⁴ *Введенский А.Н.* Численность населения Самурзаканского участка // ИКОРГО. VII. – Тифлис, 1882–1883 гг. С. 95; *Кудрявцев К.Д.* Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум, 1922. С. 179.

⁴⁵ *Цвижба Л.И.* Этно-демографическая ситуация в Абхазии в XIX в. – Сухум, 2001. С. 87, 138–141.

⁴⁶ *Фон-Дервиз Н.В.* Сухумский округ (заметки бывшего лесничего) // ЗКОРГО. Кн. XXV. Вып. 8. – Тифлис, 1906. С. 19.

⁴⁷ *Мачавариани К.Д.* Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу с историко-этнографическим очерком. – Сухум, 1913. С. 139.

⁴⁸ Газ. «Алиони». 16–23 ноября 1918 г. (на груз. яз.).

⁴⁹ *Котетишвили В.* За единство Грузии // Газ. «Социал-федералисти», 26 июля 1921 г. (на груз. яз.).

⁵⁰ Путешествие на Кавказе. Из истории абхазской диаспоры: эти славные имена. Рубрику ведет Р.Х. Гуажба // Газ. «Республика Абхазия». 11 апреля 1998 г.

⁵¹ Газ. «Социал-федералисти», 15 мая 1921 г.

⁵² *Лежава Г.П.* Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX – 70-е гг. XX в.). – Сухуми, 1989. С. 17.

⁵³ *Хашба А.К.* Отчёт о летней работе по практике в Абхазии и Грузии в 1928 г. // Хашба А.К. Избр. труды. – Сухуми, 1972. С. 122–123.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Лежава Г.П.* Указ. соч. С. 20.

⁵⁶ Газ. «Абхазия». 4 февраля 1991 г.

- ⁵⁷ *Лежава Г.П.* Указ. соч. С. 26.
- ⁵⁸ *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2. – М.: ОГИЗ, 1946. С. 350–351.
- ⁵⁹ *Данилов С.* Трагедия абхазского народа // Вестник института по изучению истории и культуры СССР, № 1. – Мюнхен, 1951; Материалы по истории Абхазии. Вып. I. – Сухуми, 1990. С. 13.
- ⁶⁰ *Тернон Ив.* Размышление о геноциде // Российский бюллетень по правам человека. Вып. 8. – М., 1996. С. 74.
- ⁶¹ По книге: *Лакоба С.З.* Очерки политической истории Абхазии. – Сухум, 1990. С. 96.
- ⁶² *Теймураз Гванцеладзе.* Из истории перехода абхазского книжного языка на грузинскую графику. http://www.amsi.ge/istoria/div/gvans_rus.html.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Абхазия: документы свидетельствуют... С. 481.
- ⁶⁵ *Куправа А.Э.* Новые документы. Два постановления. Труды Абхазского государственного университета. – Сухум: АГУ, 2008. С. 217–219.
- ⁶⁶ Абхазия: документы свидетельствуют... С. 481.
- ⁶⁷ *Джониа Б.Г.* Заимствованная лексика абхазского языка. – Сухум, 2002.
- ⁶⁸ *Шакрыл Е.П., Шакрыл Т.П.* Товарищу Сталину И.В. [от 10.X.1952 г.] // Абхазские письма (1847–1989). Сборник документов. Т. I. / Сост., автор предисловия И.Р. Марыхуба. – Сухум, 1994. С. 91.
- ⁶⁹ *Чубинова (Чубинашвили) Д.И.* Грузино-русский словарь. Второе издание, воспроизведённое офсетным способом. Подготовил к печати и снабдил предисловием А.Г. Шанидзе. – Тбилиси, 1984. С. 1040, 1158, 1324, 1354, 1766.
- ⁷⁰ Абхазский архив. XX век. Вып. I. / Сост. С.З. Лакоба, Ю.Д. Анчабадзе. – М., 2002. С. 100.
- ⁷¹ Там же. С. 127, 129.
- ⁷² *Дзидзария Г.А., Шинкуба Б.В., Шакрыл К.С.* В Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Секретарю ЦК КП(б) тов. А.А. Кузнецову [от 25.II.1947 г.] // Абхазия: документы свидетельствуют... С. 531–536.
- ⁷³ *Дзидзария Г.А., Шинкуба Б.В.* Секретарю ЦК КПСС тов. Хрущёву Н.С. [от 5.IX.1953 г.] // Там же. С. 538.
- ⁷⁴ Письмо М.К. Делба в Абхазский обком Коммунистической партии Грузии [от 1.X.1953 г.] // Там же. С. 540.
- ⁷⁵ Абхазский архив. XX век. С. 79–80.
- ⁷⁶ Абхазия: документы свидетельствуют... С. 14.
- ⁷⁷ *Мгеладзе А.И.* Докладная записка секретаря ЦК КП(б) Грузии А. Мгеладзе Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину о проблеме Абхазии <http://www.pseudology.org/Menshevik/MgeladzeAl.htm>.
- ⁷⁸ Абхазия: документы свидетельствуют... 1937–1953. С. 45.
- ⁷⁹ Там же. С. 487–488.
- ⁸⁰ Там же. С. 486–487.
- ⁸¹ Абхазия: документы свидетельствуют... 1937–1953. С. 501–505.
- ⁸² Там же. С. 207–208.
- ⁸³ Там же. С. 209–212.

⁸⁴ Глонти А.А. Топонимические разыскания. I. – Тбилиси, 1971. С. 14–15 (на груз. яз.); Абхазская АССР. Административно-территориальное деление. Сухуми, 1953. С. 9–21; Абхазия: документы свидетельствуют... С. 500–505, 507–512; Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимика Абхазии (Историко-этимологическое исследование). – Сухум, 2006.

⁸⁵ Чумбуридзе З. Как тебя зовут? – Тбилиси, 1966 (на груз. яз.); Глонти А.А. Топонимические разыскания. I. – Тбилиси, 1971. С. 14–15 (на груз. яз.); Апридонидзе Ш., Макалатия П. Грузинские ойконимы // Топонимика. II. – Тбилиси, 1980. С. 21–24, 31–32, 41–45, 133 (на груз. яз.); Гасвиани Г.А. Древние и современные абхазы. – Тбилиси, «Мематиане». 2000. С. 133–138.

⁸⁶ Журн. «Мнатоби», 1950, № 3. С. 129 (на груз. яз.).

⁸⁷ Ингороква П. Грузинский писатель X века. – Тбилиси, 1954. С. 146–188 (на груз. яз.).

⁸⁸ Там же. С. 130–132.

⁸⁹ Каухчишвили С.Г. По поводу Георгия Мерчуле // Журн. «Мнатоби», 1956, № 10. С. 109–119 и 1957, № 2. С. 115–125 (на груз. яз.); Ахведиани Г. К некоторым вопросам исторической топонимики Абхазии // Журн. «Мнатоби», 1957, № 2. С. 107–114 (на груз. яз.); Кобидзе Д. Значение термина «абхаз» по данным персидских источников // Журн. «Мнатоби», 1957, № 2. С. 126–128 (на груз. яз.).

⁹⁰ Анчабадзе З.В. Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века» // Труды АБИЯЛИ. Т. XXVII. 1956. С. 261–278; Ломтатидзе К.В. Некоторые вопросы принадлежности и расселения абхазов // Журн. «Мнатоби», 1956, № 12. С. 132–139 (на груз. яз.); Бгажба Х.С. Некоторые вопросы этнонимики Абхазии. Труды АБИЯЛИ. Т. XXVII. 1956. С. 279–303; Соселия Г. Вопросы исторической правды // Газ. «Советская Абхазия», 18 декабря 1955 г.

⁹¹ Ломтатидзе К.В. Указ. соч. С. 139.

⁹² Там же.

⁹³ Анчабадзе З.В. Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века». С. 278.

⁹⁴ Бакрадзе А. Невежество или провокация? // Газ. «Литератури Сакартвело», 31 марта 1989 г. (на груз. яз.); Ломоури Н. Как должны понимать этнонимы «абхаз» // Газ. «Литератури Сакартвело», 7 апреля 1989 г. (на груз. яз.); Лорткипанидзе М.Д. Абхазы и Абхазия. Тбилиси, 1990 (на груз., рус. англ. яз.); Гамкрелидзе Т.В. К проблеме историко-этимологического осмысления этнонимии Древней Колхиды (К истории термина архаз – (adzg-) // Журн. «Вопросы языкознания», 1991, № 4. С. 29–94.

⁹⁵ Газ. «Советская Абхазия», 26, 27, 30 июня 1940 г.

⁹⁶ Абхазия: документы свидетельствуют... С. 44.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Иоаниди Н.Н. Греки Абхазии. Очерки истории греческого населения Абхазской АССР. – Сухуми, 1990. С. 52.

⁹⁹ Пачулия В.М. Операция «Волна» – это депортация более 30 тысяч греков, турок и армян // Газ. «Республика Абхазия», 12–13 июня 1999 г.

¹⁰⁰ Лежава Г.П. Указ. соч. С. 24.

¹⁰¹ Иоаниди Н.Н. Указ. соч. С. 54.

¹⁰² Сагария Б.Е. Раскроем тайны особой папки // Газ. «Абхазия», № 11, март 1992 г.

¹⁰³ Ибрагимбейли Х.М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое самообразование. 1989, № 4. С. 58–63.

¹⁰⁴ Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. Монография. 3-е издание. – Владикавказ, 2002. С. 91–92; Кацадзе А. Современная миграция горного населения Грузии. – Тбилиси, 1977. С. 51–53 (на груз. яз.).

¹⁰⁵ Там же. С. 85.

¹⁰⁶ Там же. С. 86.

¹⁰⁷ Джанашия С.Н., Бердзенишвили Н.А. О наших законных требованиях к Турции // Газ. «Коммунисти», 14 декабря 1945 г. (на груз. яз.); «Правда», 20 декабря 1945 г.

¹⁰⁸ БСЭ. Второе издание. – М., 1952. Т. 13. С. 32; БСЭ. Третье издание. – М., 1972. Т. 7. С. 360; СЭС. Издание третье. – М., 1985. С. 11, 344, 1557.

¹⁰⁹ Сагария Б.Е. Указ соч.; Абхазия: документы свидетельствуют... С. 420–422.

¹¹⁰ Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. – Сухум, 2010. С. 235.

¹¹¹ Цитируем неопубликованную рецензию Лианы Кварчелии, июнь 2016 г. Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча, июль 2016 г.

¹¹² Приложена ссылка на информационное агентство Апсныпресс, в сообщении которого речь идёт об открытии памятника. Там не приводятся полностью тексты выступлений, но я сама была на открытии и тогда для себя отметила, что много говорилось именно о репрессиях против народа, а не против личности. <http://www.apsnypress.info/news/v-sukhume-ustanovlen-pamyatnik-zhertvam-politicheskikh-repressiy-30-40-kh-godov/>

¹¹³ См. главу: «ПОПЫТКА ДОСТИЖЕНИЯ КОНСЕНСУСА». Пункт 1: «Из стенограммы круглого стола в Академии МВД Грузии» в настоящей книге.

¹¹⁴ Цитируем по неопубликованному отзыву Ирины Агрба о книге «Большевистский порядок в Грузии. Т. 1» от 10 июля 2016 г. Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча от декабря 2016 г.

¹¹⁵ Цитируем по неопубликованному отзыву Нури Багапш от декабря 2016 г. Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча от декабря 2016 г.

¹¹⁶ Reisner O. Die Schule der georgischen Nation. – Wiesbaden, 2004.

¹¹⁷ Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. / Сост. Б.Е. Сагария, Т.А. Ачугба и В.М. Пачулия. – Сухум, 1992. С. 4.

¹¹⁸ Делба М.К. К вопросу изучения языка и истории абхазов. – Сухуми, 1951. С. 9.

¹¹⁹ Лежава Г.П. Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.). – М., 1997. С. 123, 124.

¹²⁰ Смирнова Я.С. Этнографические мотивы в произведениях абхазских писателей // Советская этнография. 1951. № 1. С. 205.

¹²¹ Гордадзе Т. Морально-идеологические препятствия к урегулированию грузино-абхазского конфликта // Аспекты грузино-абхазского конфликта. № 2. Ирвайн, 2000. С. 57.

¹²² Термин впервые введён А.Н. Ямсковым применительно к Гальскому району в старых (до 1994 г.) границах.

¹²³ Рецензия Коста Дзугаева «Южная Осетия и Большой террор в советской Грузии» на книгу «Большевистский порядок в Грузии». Том 1, сентябрь 2016 г. Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча, октябрь 2016 г.

¹²⁴ С. 27 предоставленного г-ном М. Юнге для рассмотрения макета издания (в электронном виде).

¹²⁵ Авторы указывают источник: Архив МВД Грузии. 1-й отдел. Ф. 12. Оп. 12.

¹²⁶ Большевистский порядок. С. 31.

¹²⁷ Там же. С. 33.

¹²⁸ Там же. С. 59–60.

¹²⁹ Там же. С. 73.

¹³⁰ Там же. С. 77.

¹³¹ Там же. С. 79.

¹³² Там же. С. 89.

¹³³ «В отношении священнослужителей христианских церквей приговор к ВМН выносился гораздо чаще, чем в отношении мулл: доля расстрелянных среди священников составляла 71%, что было на 15% больше, чем доля казненных мулл (56%). Очевидно, священников-христиан расценивали как более опасный элемент, чем мусульманских священнослужителей. Влияние христианских церквей на грузинское общество должно было быть безусловно элиминировано, а окончательная зачистка священников, начатая уже задолго до Большого террора – завершена» (С. 110).

¹³⁴ Там же. С. 118.

¹³⁵ Там же. С. 144.

¹³⁶ Там же. С. 146.

¹³⁷ Там же. С. 151.

¹³⁸ Там же. С. 142.

¹³⁹ Там же. С. 203.

¹⁴⁰ Там же. С. 208.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² *Naimark N. Stalin's Genocides.* – Princeton/Oxford, 2010. P. 120.

¹⁴³ Большевистский порядок. С. 216.

¹⁴⁴ Там же. С. 220.

¹⁴⁵ Там же. С. 224.

¹⁴⁶ Там же. С. 226.

¹⁴⁷ Там же. С. 246.

¹⁴⁸ Там же. С. 247.

¹⁴⁹ Там же. С. 249.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Южной_Осетии.

¹⁵² В частности, я был ответственным лицом с южноосетинской стороны за текстуальную подготовку и политическое обеспечение Меморандума о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте, подписанного в Москве 16 мая 1996 года и признанного уникальным, прорывным документом для всех «горячих точек» на территории бывшего СССР (<http://www.osetinfo.ru/conf904>).

¹⁵³ Дзидзоев В.Д., Дзугаев К.Г. Южная Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений. Цхинвал, 2007. См. также: Дзидзоев В.Д., Дзугаев К.Г. 1937 год в Южной Осетии // Вестник Владикавказского научного центра. Том. 7. № 1. 2007.

¹⁵⁴ Ванеев В.Д. Люди, помните о нас. – Цхинвал, 2005. В. Ванеев, ныне от нас ушедший, работал сотрудником Юго-Осетинского НИИ. В 2012 г. мне довелось помочь ему в качестве наборщика и редактора подготовить автобиографическое издание (Ванеев В. Белые облака на чёрном небосклоне (воспоминания). Цхинвал, 2012), где он описывает не только трагические изломы своей личной судьбы, но и судьбы своих друзей из подпольной организации «Рæстдзинад» («Справедливость»), борющейся против ущемления осетинского языка и культуры со стороны грузинских властей: с ними расправились в 1951 году, не пощадив даже школьника (10 лет тюрьмы).

¹⁵⁵ Список репрессированных в 1937–1938 г.г. // Политотдел ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2, кор. 18. Д. 205. Л. 38–75.

¹⁵⁶ У меня есть родственники Башишвили, нынешнее поколение причисляет себя к грузинам, но ещё два поколения назад, т. е. как раз в рассматриваемое время, они были обычными осетинами с грузинским окончанием фамилий; проживали они в грузинской среде, потому и совершился дрейф идентичности.

¹⁵⁷ Большевистский порядок. С. 256–257.

¹⁵⁸ Сослан-Давид Царазон в истории Грузии и Осетии: факты и гипотезы // Дарьял, № 2. Владикавказ, 2007. С. 159–175 (в соавторстве с В.Д. Дзидзоевым); в эл. доступе <http://iarir.ru/node/97>.

¹⁵⁹ О досоветской истории южных осетин см.: Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. – Тбилиси, 1966; *Он же*. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. – Владикавказ, 2007; *Он же*. Избранные труды. Т. 1. – Цхинвал, 2010 (составитель и научный редактор Дзугаев К.Г.).

¹⁶⁰ С 1802 по 1852 фактически велась непрерывная война, см.: Хронология исторических событий // История Юго-Осетии в документах и материалах (1800–1864 гг. Составитель И.Н. Цховребов. Т. 2. Сталинир (ныне Цхинвал), 1960. С. 646–647).

¹⁶¹ Блиев М.М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. – М., 2006. С. 238.

¹⁶² Этому периоду посвящено специальное исследование в виде годовой научной работы 2014 г. в ЮОНИИ, где я работаю старшим научным сотрудником отдела новой и новейшей истории; по проведённому исследованию подготовлена и находится в производстве монография «Понятие «окна возможностей» применительно к интеграционно-воссоединительному процессу Осетии (1917–1921 гг.)»; в сокращённом виде освещение периода имеется и в нашей с В. Дзидзоевым монографии «Южная Осетия в ретроспективе».

¹⁶³ Один из главных палачей геноцида 1920 года В. Джугели успел до советизации Грузии издать книгу воспоминаний, где в числе прочего весьма красочно описывает уничтожение Южной Осетии: *Джугели В.* Тяжёлый крест. Записки Народногвардейца. – Тифлиси, 1920 (<http://iarir.ru/node/61>).

¹⁶⁴ *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи. Т. 1. 1910–1926 гг. – М., 1956. С. 172.

¹⁶⁵ Годовая научная работа 2015 г. «Понятие «окна возможностей» применительно к интеграционно-воссоединительному процессу Осетии (1925 год)», выполненная мною в качестве старшего научного сотрудника отдела новой и новейшей истории ЮОНИИ.

¹⁶⁶ Этот период – тема моей годовой научной работы 2016 г. «Понятие «окна возможностей» применительно к интеграционно-воссоединительному процессу Осетии (1936–1938 гг.)», которую надеюсь завершить в декабре с. г.

¹⁶⁷ *Дзидзов В.Д. Дзугаев К.Г.* 1937-й год в Южной Осетии. С. 28.

¹⁶⁸ *Ванев В.Д.* Люди, помните о нас. С. 9–10.

¹⁶⁹ Определение № 1225/н // ПО ЦГА РЮО. Ф. 1. Оп. 2, кор. 18. Д. 205. Л. 12. «Проверкой по данному делу установлено, что дело в отношении САНАКОЕВА сфальсифицировано, арестован он, а затем осуждён, был неосновательно. (...) Решение тройки (...) отменить и дело о нём за отсутствием состава преступления производством прекратить» (там же. Л. 14).

¹⁷⁰ Там же. Л. 91. Цитируются показания свидетеля Симона Такоева, бывшего руководителя Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики (СОАССР).

¹⁷¹ Там же. Л. 92. Из показаний В.Р. Козаева на допросе в НКВД ГССР.

¹⁷² Там же. Л. 93. Из допроса Н.З. Джиеова.

¹⁷³ Там же. Л. 93. Из допроса Н.М. Саламова.

¹⁷⁴ ...Чтобы не достались врагу // Социал-демократ Осетии. 2002, август, № 11.

¹⁷⁵ Книга Памяти. Т. 3. – Владикавказ, 1995. С. 9.

¹⁷⁶ ПО ЦГА РЮО. Там же. Л. 43.

¹⁷⁷ Там же. Л. 69.

¹⁷⁸ Там же. Л. 29. В книге В. Ванеева «Люди, помните о нас» содержится описание эпизода, когда группа арестованных осетин, которых везли в крытом грузовике из Цхинвала в Тбилиси, после выезда из города была расстреляна двумя конвоирами, и на следующий день они составили справку о ликвидации арестованных якобы за попытку бегства, заставив подписать её водителя грузовика. Эти двое убийц были осетинами, их имена В. Ванееву были известны, однако все его попытки найти документы об этом преступлении оказались безуспешны.

¹⁷⁹ Там же. Л. 32.

¹⁸⁰ Там же. Л. 1.

¹⁸¹ *Цховребов Ю.В.* Южная Осетия и трагический 1937 год // *Ванев В.Д.* Люди... С. 7 (предисловие к книге).

¹⁸² Большевицкий порядок. С. 262.

¹⁸³ Там же. С. 263.

¹⁸⁴ Там же. С. 267.

¹⁸⁵ Там же. С. 275.

¹⁸⁶ Там же. С. 283.

¹⁸⁷ Там же. С. 289.

¹⁸⁸ Там же. С. 335.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же. С. 344.

¹⁹¹ Там же. С. 346.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же. С. 347. При завершении работы над данным текстом в СМИ появились сообщения об отставке Пааты Закареишвили с поста министра Министерства по делам реинтеграции и назначении на должность Кетеван Цихелашвили. В общественном мнении РЮО эта новость воспринята однозначно негативно. П. Закареишвили был известен как сторонник осторожной, последовательной политики смягчения напряжённости в грузино-осетинских отношениях, с преимущественным использованием гуманитарного инструментария; напротив, К. Цихелашвили известна как убеждённая националистка. Полномочный представитель Президента РЮО по постконфликтному урегулированию Мурат Джиоев, комментируя это назначение, отметил, что «Кетеван Цихелашвили не может даже произнести слова «Южная Осетия» и обзывает нас ругательным, оскорбительным термином «Самачабло» (обозначает «владения Мачабели»), который Гамсахурдия и его сторонники извлекли в 1989 году из недр феодализма для большего оскорбления и унижения осетин (...). Говоря об участниках Женевских дискуссий, Цихелашвили даже не упоминает представителей Южной Осетии и Абхазии, которые на равных со всеми участниками представлены на дискуссиях. Она совершенно искажает в понимании читателя смысл и цель Женевских дискуссий, называя их переговорами в российско-грузинском аспекте. (...) Несколько лет грузинскую делегацию на Женевских дискуссиях возглавлял один из идеологов саакашизма и авторов плана «чистое поле», а сейчас одна из руководителей грузинской делегации откровенная звядистка. И после этого многие удивляются, что нет явного прогресса на дискуссиях» (<http://aloninfo.ru/index.php/politika/item/475-ministr-po-delam-nenavisti-ketevan-tsikhelashvili>).

¹⁹⁴ Там же. С. 375.

¹⁹⁵ Там же. С. 376.

¹⁹⁶ Примеры «положительной» оценки борьбы против преступности во время правления Сталина см.: Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества. 1918–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М., 2009. С. 461–462.

¹⁹⁷ Шрейдер М.П. Записки чекиста-оперативника // Архив НИПЦ «Мемориал Москва». Л. 95–96.

¹⁹⁸ Книга памяти жертв политических репрессии Калининской области. Мартиролог 1937–1938. Том 1 / Сост. Е.И. Кравцова. – Тверь, 2001. С. 27.

¹⁹⁹ Самосудов В.М. Большой террор в Омском Прииртышье 1937–1938. – Омск, 1998. С. 67.

²⁰⁰ Solzhenitsyn A. Der Archipel GULAG. 1918–1956. Versuch einer künstlerischen Bewältigung, Folgebänd. – Bern, 1974. С. 422.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ ИЗ США, АНГЛИИ, РОССИИ

И пусть пройдет немалый срок –
Мне не забыть,
Что здесь сомнения я смог
В себе убить.

*Владимир Высоцкий.
Горная лирическая. 1969*

1. Скрытый расизм

Х. Куромия¹: Споры двигают вперед науку, поскольку заставляют людей по-новому думать, ставить новые вопросы, искать новые источники, осваивать новые территории. Разногласия часто остаются неопубликованными, потому что учёные обычно стремятся достигнуть хоть какого-то консенсуса. Когда речь идёт о таких сложных темах, как Большой террор 1937–1938 годов, разногласия более чем предсказуемы. Однако в печатном виде открытое противостояние по этому вопросу встретишь нечасто. Данная немецко-грузинская работа, посвящённая террору в Грузии, редкий пример такого рода. В этом смысле это необычайно познавательная книга, достойная широкого внимания читателей.

Немецкая сторона, представленная группой исследователей (во главе с Берндом Бонвечем и Марком Юнге), ранее уже опубликовала ряд книг, посвящённых Большому террору в разных частях бывшего Советского Союза, в том числе несколько томов о Большом терроре на Украине. Воспользовавшись открытым доступом к архивам советского периода (включая фонды советской тайной полиции) в Грузии, немецкая команда задумала и организовала совместный немецко-грузинский проект (2009–2015 гг.), в котором наряду с грузинскими историками приняли участие сотрудники Архива Министерства внутренних дел Грузии, составившие базу данных репрессированных лиц. Эта новая работа отличается от предыдущих исследований немецкой команды, поскольку анализирует не только «кулацкую операцию» (бывшую в фокусе их предыдущей работы), но и «национальные операции», и обычные правоохранительные акции в рамках террора (проводимые милицейскими «тройками» и нацеленные в основном против «социально чуждых элементов»: нищих, бродяг, воров, проституток и т. д.). Расширение аналитического фокуса можно только приветствовать, поскольку именно совокупность всех этих различных операций и создавала Большой террор. Анализировать их можно по отдельности, а вот представлять лучше в комплексе, ведь проводились они в одно время и преследовали одни и те же цели (по большому счёту).

Немецкой команде и их грузинским партнерам удалось собрать и проанализировать все имеющиеся в наличии документы,

многие из которых опубликованы во втором томе. Но что более важно, это представленные ими подробные результаты анализа. Основываясь на обнаруженных данных, касающихся 25 430 лиц, немецкая команда пришла к выводу, что подавляющее большинство жертв террора (21 107 чел., или 83 процента) составляли кулаки; что по размаху в этой составляющей (кулацкой операции) террор в Грузии не выходил за рамки страны в целом; а в том, что касается национальной и милицейской операций, сравнение затруднено из-за недостатка данных по другим регионам СССР. Тем не менее они пришли к заключению, что национальные операции в Грузии носили значительно более ограниченный характер, чем на Украине, а милицейская операция отличалась меньшей интенсивностью, чем на Алтае (единственном регионе СССР, по которому имеются сопоставимые данные). Эти выводы представляются мне убедительными.

Разногласия возникли, когда грузинская сторона не согласилась с немецким объяснением национальных операций – в частности, с выводом о том, что в этом процессе нашёл отражение «скрытый (латентный) расизм» (т. 1, с. 347) грузин по отношению к этническим меньшинствам в Грузии. Исходя из второго и даже третьестепенности национальных операций в структуре Большого террора, а также в целом несистематического характера репрессий против этнических меньшинств в Грузии, немецкие авторы пришли к выводу, что об этнической чистке, а тем более о геноциде речь не идёт. Да, какие-то этнические группы пострадали в ходе террора в Грузии сильнее, чем другие. Абхазам и аджарцам, в частности, досталось больше, чем грузинам. Немецкая команда объясняет это тем, что грузины опасались сепаратистского потенциала этих этнических групп и попытались гомогенизировать грузинскую нацию посредством террора, направленного на «систематическое насильственное дисциплинирование и маргинализацию», во-первых, этих двух, а также некоторых других национальных меньшинств в составе Грузии (т. 1, с. 346). Как ни странно, считают немецкие исследователи, но Большой террор помог консолидировать грузинскую нацию и парадоксальным образом способствовал подъёму грузинского национализма. Этот процесс явился отражением «скрытого расизма» грузин по отношению к нацменьшинствам в Грузии.

Эти последние выводы немецкой команды (в которую входил и один российский специалист по этническим грекам) возмутили некоторых из их грузинских коллег. Известно, что Кавказ, включая

Грузию, отличается этнолингвистической сложностью и многообразием. И без того непростую картину осложняют религиозные факторы (главным образом, противостояние христианства и ислама). Это крайне болезненная тема в Грузии, как и во многих других бывших советских республиках. Так что сильная реакция некоторых грузинских коллег вполне объяснима. Их возмутило, что Грузия в немецкой интерпретации предстала якобы виновной в этнической чистке (что немецкая сторона категорически отрицает), тогда как больше всех пострадала именно Грузия, потому что Москва хотела расчленить её. Действительно, к примеру, в знаменитом «Сталинском списке» (подписанном Сталиным перечне имен людей, подлежащих расстрелу в 1937–1938 годах) в пропорциональном отношении Грузия занимает первое место – 3483 человека, что в абсолютных цифрах лишь немногим меньше, чем у Украины – 4132 человека – а Украинская ССР была значительно больше, чем Грузинская.

Авторы: *Если чисто иерархически рассмотреть преследование элит в Грузии, осуществлявшееся с помощью сталинских списков, т. е. если исходить из того, что списки составлялись в Москве, то можно было бы утверждать, что Грузия очень сильно пострадала от репрессивных мер Кремля. Наши исследования показали, однако, что элиты, приведённые в сталинских списках, только в небольшой степени отбиралась Москвой. Напротив, списки составлялись в самой Грузии, затем посылались в Москву, там подвергались незначительной обработке и одобрялись². Поэтому списки на местах были в первую очередь для господствовавшей клики во главе с Берией испытанным средством, позволявшим физически устранить представителей мешающих или даже конкурирующих элит. Очевидные московские интересы стояли лишь на втором месте. Взаимодействие местных интересов и интересов центра в отношении элит было, однако, в Грузии со всей очевидностью «эффективным» и смертельным. Очень большое количество представителей элит в сталинских списках из Грузии доказывает, что как раз в этой кавказской республике была использована возможность для основательной чистки в соответствии с собственными интересами.*

Х. Куромия: Чувства грузинской стороны можно понять, но в любом анализе данных статистика, которая оперирует конкретными цифрами, часто оказывается наиболее показательной, а немецкая команда опиралась именно на статистические данные. При этом, как подчёркивает проф. Бонвеч, статистика редко бы-

вает полной. Приходится работать с тем, что есть. Грузинская сторона, в свою очередь, говорит, что у 40–45 процентов репрессированных в Грузии данные о национальности отсутствуют, и что этот огромный статистический пробел делает любую значимую дискуссию практически лишенной основания. Однако, по мнению немецкой команды, имеющихся данных достаточно, чтобы сделать пусть не окончательные, но всё же вполне определённые выводы. Один из грузинских коллег попытался усомниться в компетентности немецких историков, заявив, что их знание грузинской истории безнадежно недостаточное: мол, иностранцам требуется 15–20 лет, чтобы изучить её.

Одна из сильных сторон «Большевистского порядка в Грузии» – то, что эта книга дословно воспроизводит жаркую полемику, которая разгорелась между немецкой командой и их грузинскими коллегами. Некоторые грузинские историки договорились даже до того, что обвинили немцев в том, что они поддерживают независимость Абхазии и являются проводниками антигрузинской политики Путина. Немцы, впрочем, не стали отвечать им в том же духе. К тому же, некоторые грузинские участники поддержали немецкую команду, заявив о необходимости разделять науку и политику. Это привело к компромиссу: стороны договорились, что результаты исследования будут опубликованы, а авторы берут на себя ответственность за свои выводы. Однако вышло так, что наиболее противоречивый раздел, «Этнос и террор», в грузинском издании так и не появился.

Как бы то ни было, представленная книга является замечательным образцом научной добросовестности. Она воспроизводит множество ценных документов, внятно анализирует и интерпретирует их и прочие данные, демонстрирует открытость критике и готовность отвечать на неё. Читатель может свободно следовать за ходом дискуссии. Издание получилось интеллектуально открытым, оно стимулирует мысль и никого не оставляет равнодушным.

Авторы: *Мы просили Хироаки Куромию ещё раз точнее оценить, считает ли он наши выводы в отношении этнического аспекта преследований убедительными, хотя в статистике имеются упомянутые пробелы и хотя он в принципе согласен с нашим методом дополнения отсутствующей национальности. Вот его ответ:*

Х. Куромия: Я хорошо понимаю ваше положение. Должно быть, это было очень трудно и неприятно – спорить с грузинскими коллегами. Думаю, что вы пришли к хорошему компромиссу.

Что касается ваших выводов, то я думаю, лучший способ защитить их от нападок – сделать упор на то, что они, в силу имеющихся пробелов в статистических данных, неизбежно являются предварительными (как говорит проф. Бонвеч, никогда нельзя рассчитывать на полноту данных). В то же время имеющиеся в наличии данные и имеющиеся документы (опубликованные во втором томе) – такие, как переписка Берии с Москвой по поводу переписи населения 1937 года – показывают, что грузинское политическое руководство выгодно воспользовалось развязанным Москвой Большим террором, чтобы разрешить сложные национальные вопросы в пользу так называемых этнических грузин (т. е. путём усиленных репрессий против абхазов и аджарцев). Я не говорю, что вы доказали свои выводы (учёные не любят соглашаться!), но ваши выводы кажутся мне разумными: национальные меньшинства повсюду являлись источником проблем. Например, на Украине – поляки и немцы или даже китайцы и корейцы.

Можно попытаться определить национальность человека по имени, но, как возражают грузинские коллеги, это не лучший способ решить проблему. С отсутствующими данными ничего не поделаешь. Лучше с самого начала открыто заявить, что данные неполные, а затем обосновать свою позицию. Со своей стороны хочу ещё раз сказать, что из имеющихся данных немецкие историки делают пусть и не окончательные, но логичные и понятные выводы.

Авторы: *Архивные данные, в соответствии с которыми у 45–50 % лиц, осужденных внесудебными органами, отсутствуют сведения о национальности, нуждаются в более точном рассмотрении, так как речь идёт о среднем значении. Это значение было, кроме того, применено Архивом только когда речь зашла о том, чтобы приписать проектной группе несерьёзную или неполную и поэтому грубо искажающую базу данных для своих, не устраивающих Архив, выводов. При этом замалчивается, что указанное низкое среднее значение объясняется прежде всего одним фактором. Применительно только к 17,5 % этнических грузин, осужденных в рамках крупнейшей массовой операции, деятельности кулацкой тройки, национальность в документах указана. У 82,5 % национальность устанавливалась прежде относительно однозначно и бесспорно между Архивом и проектной группой на основании имени и места жительства³. Этнические грузины составляют к тому же подавляющее большинство, а*

именно 59 % (12 460 чел.) лиц, осужденных в рамках деятельности кулацкой тройки (21 078 лиц)⁴. Второе ограничение заключается в том, что применительно к грузинам речь не идёт об этническом меньшинстве. При таком рассмотрении количество осужденных кулацкой тройкой представителей этнических меньшинств, которые и представляют собой предмет нашего исследования, чья национальность указана в документах, увеличивается с 45–50 до почти 70 % (68,8 %) ⁵. Если говорить о важнейших меньшинствах, т.е. немцах, евреях, греках, абхазцах, азербайджанцах и осетинах, то среднее значение составляет даже 85 %. Разве что турки и тюрки представляли с их 21 % серьёзную проблему. Не в последнюю очередь реконструкция национальности у большей части меньшинств на основании имени, указанного места жительства и равным образом указанного места работы не оказывается серьёзным препятствием. Даже турки и тюрки, принадлежавшие к одной группе, поддавались немедленной идентификации на основании своего названия и местожительства; трудно было только их различать. В целом, хотя отнесение к национальности и было в некоторых случаях трудно, оно, тем не менее, возможно без больших затрат и разногласий между сотрудниками Архива и проектной группой. В спорных случаях, в особенности когда речь шла об осетинах и абхазцах, мы попытались работать в высшей степени дифференцированно и так, чтобы это было особенно доступно для понимания⁶. Во всяком случае мы не считаем возможные ошибки существенными со статистической точки зрения.

Х. Куромия: «Скрытый расизм», конечно, грубоватое выражение. Возможно, реакция грузин была слишком сильной, но ведь никому не хочется быть обвиненным в расизме, даже если речь идёт о 1930-х годах. Думаю, будет лучше, если вы подчеркнете тот факт, что расизм в те годы был характерным явлением для многих стран (Германии, Франции, Японии, США и др.). И в СССР, при всей советской риторике, расизм (и антисемитизм) буквально пронизывал советское общество. Значение этого факта невозможно преувеличить. Если расизм существовал в Грузии, значит, он был везде. Если об этом будет сказано, грузинам будет легче принять ваши предварительные заключения.

Авторы: Действительно, в наших высказываниях по вопросу о том, имели ли преследования в Грузии во время Большого террора этнический аспект, появлялось понятие «скрытый расизм», правда, с двумя ограничениями. Мы, во-первых, относим его не к

1930-м гг., а к современности, и, во-вторых, применяем понятие в расширенной форме. Так, в главе «Этнос и террор» с понятием «скрытого расизма» связывается не проведение массовых операций, включая национальные операции, а со всей определённой подчёркивается, что массовые преследования времен Большого террора не имели черт, присущих ни геноциду, ни расизму. Напротив, как «скрыто расистскую» мы характеризуем наблюдающуюся в современной Грузии тенденцию «[...] этнокультурного определения грузинской нации»⁷, согласно которому грузинское происхождение (этнические грузины, мингрелы, сваны, лазы) ценится выше, чем факт принадлежности к грузинскому государству, чем грузинское гражданство⁸. В своей сравнительной критике в адрес современных процессов образования наций в Грузии мы применяем понятие «скрытый расизм», кроме того, со всей определённой в соответствии с более открытой дефиницией, предложенной Эриком Вайтцем: «[...] Биологический или генетический натурализм является далеко не единственным основанием человеческого поведения и социальной принадлежности. [...] культура также может функционировать как способ удержания отдельных лиц и групп в рамках их генеалогии, в рамках определений, которые для них априори являются непреложными и нематериальными. [Такой подход] диктует не столько расовую принадлежность, сколько расовое поведение»⁹.

Перевод с немецкого: Валерий Брун-Цеховой

Перевод с английского: Ирина Давидян

2. Дихотомия против проницаемости

Д. Ширер¹⁰: Марк Юнге как историк сталинских репрессий, в особенности той вспышки государственного насилия 1937–1938 гг., которая известна под названием Большой террор, не имеет себе равных. Его книги – результат безупречной исследовательской работы, касающейся как всего Советского Союза, так и репрессий в отдельных регионах. Для всех его работ характерен острый, ясный и предельно эмпиричный аналитический подход. И этот анализ направлен, в том числе, на то, чтобы помочь разрешению главных споров, годами ведущихся вокруг механизмов

и причин сталинских репрессий. Книги Юнге, опубликованные на русском и немецком языках, отличаются конкретностью и понятностью изложения. Многие из них написаны в соавторстве, но очевидно, что именно Юнге был тем человеком, который сидел в архивах, изучал документы и был мотором исследования и интерпретации.

Новая работа Юнге – «Большевистский порядок в Грузии» – изданная в соавторстве с Берндом Бонвечем, посвящена изучению репрессий 1937–1938 годов в Грузии. Получив беспрецедентный доступ к политическим архивам, Юнге и Бонвеч совместно с коллективом специалистов исследуют, что было уникального в терроре в этой советской республике, а что вписывалось в общие схемы, характерные для других регионов, в частности Украины, Западной Сибири и Омска, где Юнге много работал, а также других областей России и прочих республик. Грузинский материал разделен на два тома: первый включает аналитику, а второй – важнейшие документы, большинство из которых никогда прежде не публиковалось. Это ещё одна замечательная книга этого историка, чей подход к изучению и документированию террора отличается глубиной и разнообразием ракурсов.

Это двухтомное издание выросло из инициативы Юнге, предложенной им в 2009 году, создать исследовательскую группу, включающую немецких и грузинских историков, особенно из числа ведущих специалистов, и, что самое главное, при полной поддержке архива МВД Грузии. Это первый подобный проект, в котором был получен полный доступ к фондам НКВД 1930-х годов, включая личные дела осужденных и протоколы судебных и внесудебных органов различных уровней. Уже одно это делает данную книгу примечательным явлением. Но ещё более примечательна она той полемикой, которая развернулась вокруг окончательной версии текста, написанного Юнге в соавторстве с другими историками, чьи имена фигурируют в отдельных главах. Немецкие авторы во главе с Юнге и Бонвечем представили текст, который большинство грузинских специалистов, включая архивистов МВД, отказались принять.

Споры развернулись вокруг главы под названием «Этнос и террор», в которой авторы (Юнге, Мюллер, Фойерштайн, Джуха) по результатам исчерпывающего статистического исследования пришли к выводу, что Большой террор в Грузии, судя по всему, был использован грузинским руководством для подавления нелояльных этнических групп и подгрупп с целью создания более

однородной грузинской идентичности и национального пространства. Опираясь на статистические данные, авторы также заявили, что Москва делегировала значительную часть полномочий подконтрольному Лаврентию Берию руководству Грузии, с тем чтобы они провели террор и чистки, как им угодно, лишь бы выполнили при этом главные задачи, поставленные московским руководством. В этой истории, как и в полемике, поднятой в книге, есть масса нюансов, и на некоторых из них я остановлюсь ниже. Если же говорить коротко, то большинство грузинских специалистов не согласились с этими выводами и потребовали, чтобы книга была опубликована без этого раздела, либо чтобы он был существенно переработан. Конфликт в основном развернулся вокруг вопроса об определении национальной или этнической принадлежности лиц, фигурирующих в судебных делах, и о том, как эти данные были интерпретированы авторами и др. Спор между двумя сторонами зашел в тупик. В результате двухтомник вышел на грузинском языке при поддержке специалистов и Архива, но без раздела об этносе и терроре. Этот раздел был опубликован в Грузии отдельно, только под фамилией автора, но без упоминания архива. В полном виде (включая этнический раздел) оба тома были опубликованы в 2015 году в России и Германии, соответственно на русском и немецком языках.

Выход многих книг в свет сопровождается спорами. Однако в большинстве случаев эти споры происходят где-то за кулисами и являются предметом неофициальных разговоров и даже слухов. В случае же с грузинской книгой споры оказались задокументированы – пошагово и дословно – в тексте самой книги. Не менее трети первого тома составляет то, что обозначено как «Дискуссия». Дискуссионный раздел следует сразу за первой частью, посвящённой анализу различных аспектов Большого террора в Грузии. В нём собраны отзывы и замечания грузинских специалистов, в основном разгромно-критические, и подробные, пункт за пунктом, ответы на них немецких авторов. Прилагаются также стенограммы нескольких круглых столов. Среди участников с грузинской стороны – светила из Академии наук, ведущих университетов и музеев, Архива Министерства внутренних дел Грузии.

В этой короткой дискуссионной заметке охватить все аспекты двухтомника, которые следовало бы обсудить, невозможно, поэтому я остановлюсь только на двух: одном по личным причинам (впрочем, не несущественным), поскольку это касается моей работы, и ещё одном, потому что он затрагивает центральный кон-

фликт, связанный с этой книгой. В важной главе, посвящённой регионализации карательных полномочий, Юнге и его соавтор Гиоргий Клдиашвили пытаются уточнить ряд аргументов, касающихся различия между чистками и массовыми операциями, имевшими место в 1937–1938 годах. Они не согласны с тремя утверждениями: 1) о том, что Большой террор – это период «деспотии», в основе которой лежало полное прекращение правового и конституционного процесса как способа государственного регулирования (Заруски, 155); 2) о том, что репрессии против элит осуществлялись посредством судебного производства, а против рядовых масс – через внесудебные или административные карательные органы – «тройки» (Хаустов, 117, Ширер, 119, 147, 155); и 3) о том, что существовало фундаментальное различие между персонализированными чистками посредством суда и категориальными чистками посредством «троек» (Ширер, 119, 147). Опираясь на свои знания о грузинских репрессиях (а также о репрессиях на Украине и в других регионах), авторы утверждают, что, по крайней мере в грузинском случае, особого разделения по статусу (элита или не элита) между репрессированными, пропускаемыми через судебную систему или внесудебные «тройки», не существовало. Пожалуй, одно из самых любопытных открытий этого исследования – практически уникальный факт передачи почти двух третей грузинских судебных дел, подлежащих рассмотрению Военной коллегией Верховного суда СССР, в ведение местной «тройки» в Грузии. Почти все лица, фигурировавшие в этих делах, могут быть отнесены к числу социальной, политической или культурной элиты Грузии. По мнению Юнге, такое смешение массовых репрессий и репрессий элит показывает, что социальный статус играл относительно небольшую роль в определении способа осуждения – через суд или через «тройку». Это смешение опровергает устоявшееся мнение, что между чистками и массовыми операциями существовало коренное различие (146). Кроме того, авторы утверждают, что как в Грузии, так и в других регионах, установление вины и факта нелояльности в каждом отдельном случае являлось обязательным условием для вынесения приговора, и тем самым опровергают тезис о том, что в ходе массовых операций людей арестовывали и судили по категориям, а в ходе чистки – персонально (147).

Юнге и Клдиашвили не согласны с историком Юргеном Заруски, считающим, что период Большого террора (лето 1937 г. – ноябрь 1938 г.) был периодом, когда нормальные юридические

процедуры не функционировали, и у советских граждан по сути не было спасения от всепильного произвола политической полиции. Цитируя Заруски, они пишут: «Право как система государственного регулирования» было аннулировано и отчасти заменено бюрократически-авторитарной регулирующей системой» (155). Однако, утверждают они, это «ни в коем случае не значит, что была установлена деспотия» (155). Авторы, безусловно, имеют право на подобное утверждение, но при этом они не разъясняют, что имеют в виду под деспотией, возражая Заруски. Непонятно также, что сам Заруски понимает под деспотией, если не считать намека, что это некая «бюрократически-авторитарная» система. Есть авторы (Грациози, Хлевнюк), которые придерживаются мнения, что, начиная с Большого террора, сталинская диктатура приобретает деспотические черты, учитывая всё сужающийся круг власти вокруг Сталина и его ближайших сподвижников. Эта трактовка, тоже определяющая сталинизм после 1938 года как деспотический, идёт, однако, дальше «бюрократически-авторитарной системы», делая упор на почти тотальной персонализации власти. Было бы интересно узнать, согласен или не согласен Юнге с такой формулировкой сталинского правления. Если эта книга будет переиздаваться, было бы полезно дополнить её более развернутым рассуждением на тему деспотии.

Авторы: *Понятие «деспотия» применялось в соответствии с определением, предложенным Карлом Виттфогелем¹¹. Он описывает деспотию как форму господства, в которой решающее значение имеют произвол и настроение повелителя. Перенос на названную позицию на Советский Союз, Грациози и Хлевнюк следуют названному персоналистскому подходу, чтобы описать реализацию сталинского господства в 1930-е гг. Непредсказуемость и внезапные шаги вождя представляются характерными для системы, которая, прежде всего в условиях Большого террора, отличалась произволом, включая действия правоохранительных органов¹².*

В противоположность этому мы намеревались показать, что временное объявление «права как государственной системы регулирования» утратившим силу не может служить доказательством того, что Сталин осуществлял перестройку системы, ориентированную на интересы его личной власти. Другими словами, с помощью этого изменения не произошло, на наш взгляд, установление господства произвола, ориентированного на любые действия определённой личности, или деспотии, подог-

нанной под личность Сталина. Несомненным остаётся при этом, что сталинский «вождистский режим» был существенно усилен в результате прихода на место «права как государственной системы регулирования» «бюрократически-авторитарной системы управления», структуру и логику которой мы и описываем¹³.

В принципе нам представляется, что сложные государственные структуры и формы господства, характерные для современности, не могут описываться с помощью таких понятий, как «деспотия» или «произвол», включая и инфляционно поиздержавшиеся подобные понятия. Постольку мы согласны и с идущим именно в том же направлении критическим рассмотрением Дэвидом Ширером понятия «террор», хотя мы по-прежнему используем это понятие¹⁴. Но, когда мы отмежёвываемся от фиксированного на элитах подхода Роберта Конквеста, обозначение «Большой террор» служит нам только для временного ограничения периода массовых преследований с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г.

Д. Ширер: Спор вокруг чисток и массовых операций также только выиграл бы от некоторых уточнений. Юнге и Клдиашвили отмечают, что в случае Грузии не прослеживается чёткого различия между массовыми репрессиями и чистками элиты: «тройки» часто выносили приговоры по делам людей, которых можно отнести к политической, социальной и культурной элите. Однако в конце этой главы они сами себе противоречат, признавая, что в судах по большей части рассматривались персональные дела, касающиеся представителей советской элиты. Эти судебные процессы сопровождалась обычно внушительной документацией, многочисленными допросами, вызовами свидетелей и представлением доказательств в суде. Для «троек» же, напротив, было характерно ускоренное делопроизводство без длительных судебных слушаний (153). Конечно, никакого строгого правила относительно социального статуса осужденных судом либо «тройками», не было, хотя некоторая закономерность и прослеживается: в судах рассматривались дела более высокопоставленных лиц, чем в «тройках», – хотя бы потому что их можно было использовать как показательные процессы и спектакли для публики. Но принципиальное различие в процедуре между судами и «тройками» всё же существовало. Юнге этого не отрицает, и именно это я имею в виду, утверждая, что чистки проводились против отдельных лиц, а массовые операции – против категорий. Приказ об аресте и осуждении конкретного человека касался именно этого

конкретного человека. Его дело могло разрастись, включив других людей, может, даже многих людей. Количество зависело от результатов допросов и «следственных действий» полицейских органов (и от политического статуса дела), но изначально репрессия была направлена против конкретного человека, арестованного по определённом обвинению. В отличие от подобных дел, массовые операции 1937–1938 годов потому и названы были массовыми, что нацелены были против различных категорий населения, без учёта степени вины каждого отдельного представителя той или иной категории. Самыми известными операциями такого рода были, разумеется, операции, проводимые по приказу № 00447 против кулаков, бывших кулаков, бывших преступников, социально опасных элементов и пр. Всё это были категории, а не отдельные люди. Любой человек, подпадавший под одну из этих категорий, мог быть и был арестован – независимо от того, отсидел ли он уже свой срок, а также независимо от статуса.

Конечно, Юнге прав, настаивая, что оценка лояльности и формальное установление вины каждого отдельного подсудимого были обязательным условием вынесения приговора, не важно, вынесен он судом или «тройкой». Каждый обвинительный приговор, даже если он выносился «тройкой», должен был содержать формальное доказательство вины и оценку лояльности (факт измены родине) осужденного. Однако в случае массовых операций установление вины или факта измены могло происходить в разных формах, как в присутствии, так в отсутствие обвиняемого. Трудно сказать, насколько широко было распространено заочное судейство, но по мере того как власть требовала всё больше арестов, полицейские органы в ряде регионов оказались в ситуации растущего давления: поскорее осудить уже имеющихся арестантов, чтобы освободить место для новых. Они находили всё более изобретательные и эффективные способы – фабрикуя коллективные дела из групп заключённых или заставляя их подписывать полностью выдуманные сценарии измены – чтобы составить необходимый протокол. Конечно, полицейские органы фабриковали следственные материалы и для судов, и для «троек», но разница между чистками и массовыми операциями состоит не в социальном или этническом статусе жертв и не в необходимости установления факта измены. Существовали определённые тенденции в социальной дифференциации, но, как подчёркивают Юнге и Квдиашвили, то, кто в конечном итоге будет судить человека – суд или одна из разновидностей «троек» – определя-

лось множеством обстоятельств. Руководители НКВД могли передавать дела в суд или (реже) суды могли передавать дела «тройкам», как показывают Юнге и Клдиашвили на примере Грузии. Местное (областное и пр.) руководство НКВД могло потребовать перевода дел из ведения милицейских «троек» в кулацкие или по делам национальностей, если эти последние не выполняли свои квоты. Так что разница между чистками и массовыми операциями, по сути, не зависела от статуса жертв. Я никогда этого не утверждал, как никогда не утверждал и то, что разница зависела от наличия или отсутствия следственных протоколов. Безусловно, «тройки» составляли такие протоколы на каждого обвиняемого. Разница, я считаю, касается процедур ареста и вынесения приговора, характерных для судов и «троек». Различия в этих процедурах и позволяют провести четкую грань между чистками, проводимыми путём судебного производства, и массовыми операциями, осуществляемыми по приказам НКВД.

Авторы: *Дэвид Ширер лишь последовательно расширяет здесь в противоположность своим прежним публикациям подход, охарактеризованный нами как «дихотомический тезис» – от осуждения до ареста соответствующих лиц. В соответствии со сказанным и в более жёсткой формулировке: как правило, все лица, арестованные за индивидуально совершённые ими преступления, автоматически предавались судам, учреждённым согласно конституции, включая военные суды и трибуналы, или предусмотренным для этого с самого начала. Все остальные лица, согласно Ширеру, задержанные в соответствии с принадлежностью к объективным категориям, как то кулаки, уголовники, духовные лица, белые офицеры, бывшие царские чиновники, дворяне, немцы, поляки, харбинцы и т. д., были выпущены внесудебными органами («тройки», «двойки», Особое совещание) или уже с самого начала предназначались для этого. При аресте представителей этих категорий, по словам Дэвида Ширера, не играло никакой роли наличие или отсутствие индивидуальных обвинений против соответствующих лиц.*

В этой связи мы хотели бы остановиться на сформулированном Ширером тезисе, согласно которому «в большинстве случаев» арестовывались только представители элиты за их индивидуальные преступления, а затем их дела рассматривались судами, т. е. не внесудебными органами.

Был ли социальный дисбаланс советского общества, имевший «библейские масштабы» (Дэвид Ширер) в ходе коллективизации

и индустриализации, в 1937 г. действительно устранён настолько, что посредством судебной системы едва ли приходилось действовать против конкретных представителей низших слоёв, которые обращали на себя внимание поведением, отклоняющимся в социальном и политическом отношении? Разве больше не было, например, колхозников, которые сопротивлялись, выходили из колхозов или критиковали своё начальство, плохо работали, пьянствовали, расхищали социалистическую собственность, распространяли слухи, провоцировали драки?

Введённое Ширером ограничение относительно элит наводит на мысль о выводе, согласно которому массовые преследования с помощью внесудебных органов были «социоцидом» против непривилегированной части советского общества.

Наш следующий вопрос заключается в том, каким образом не все (бывшие) кулаки, уголовники, духовные лица, белые офицеры, бывшие царские чиновники, дворяне, немцы, поляки, харбинцы были арестованы? В чём состоял критерий, согласно которому одни из этих категорий арестовывались, а другие – нет? В противоположность Ширеру в этом отношении приказ № 00447 конкретнее. При всех приведённых здесь категориях следует точно отметить, что преследованиям должны были подвергаться только лица из каждой группы, обратившие на себя внимание¹⁵. Следственные дела подтверждают именно эти действия. Индивидуальные преступления, совершённые лицами, лишёнными привилегий, «украшались» причислением к определённым категориям¹⁶. Для каждого лица, подлежащего осуждению, составлялось индивидуальное дело. Групповые дела – исключение. Как правило, опрашивали свидетелей, уличавших индивида. Таким образом, можно утверждать, что лица, лишённые привилегий и, соответственно, занимавшие низкое положение и обращавшие на себя внимание индивидуальными социальными и/или политическими отклонениями, арестовывались и затем относительно гибко распределялись по категориям, в зависимости от запроса и необходимости¹⁷.

Низкий статус автоматически означал передачу внесудебным инстанциям. Применительно к арестованным представителям элиты ситуация складывалась тяжелее. Только по специальному запросу разрешалось передавать их дела после ареста не судам, учреждённым в соответствии с конституцией, как это первоначально и было предусмотрено, а внесудебным инстанциям¹⁸. Ведь осуждения во внесудебном порядке означали

меньше контроля, меньше расследований, и в этой мере мы настаиваем на нашей формуле: для распределения между различными репрессивными инстанциями решающее значение имел статус индивида, а не категория, правда, с большой проницаемостью сверху в середину и снизу в середину, т. е. от Военной коллегии к кулацкой тройке и двойке и Особому совещанию и от милицейской тройки в середину. Мы не оспариваем того, что в результате бюрократизации произошли деиндивидуализация и категоризация, хотя и с ограничением, что это, даже если в виде определённой иерархии, имеет силу для обеих целевых групп, элиты и населения, лишённого привилегий. Благодаря этим дверям социальные, территориальные, экономические и этнические интересы обеспечили доступ к процессу репрессий. Определённую роль мог сыграть и садизм, могли использоваться индивидуальные конфликты и сводиться личные счёты.

Тем самым массовые преследования не являются для нас ни социоцидом, ни геноцидом, а в высшей степени выборочной, бюрократической процедурой, которая пыталась достичь объективности и, соответственно, рациональности посредством дифференциации.

Д. Ширер: Уточнения заслуживает ещё один момент, касающийся, как мне кажется, некоторой путаницы в использовании социальных категорий разными авторами в разных разделах книги. Так, Юнге и Клдиашвили в своей главе утверждают, и это было отмечено выше, что оценка лояльности была непременной составной частью приговора, вынесен он судом или «тройкой». И далее делают вывод: «Таким образом, мы можем говорить о преимущественно социальной мотивации репрессий [1937–1938 годов]» (147). В этом утверждении нет ничего особенно спорного, если не считать того, что оно противоречит утверждению Юнге из написанного им раздела, касающегося статистики. Там он делает вывод о том, что «социально мотивированные репрессии играли в Грузии меньшую роль, чем в регионах, привлечённых... для сравнения» (82). Кроме того, тезис о преимущественно социальной мотивации идёт вразрез с главной мыслью раздела об этносе и терроре. В нём Юнге и его соавторы говорят о важности этнического фактора в плане мотивации грузинских репрессий (233, 258, 333, 344–346). Возможно, эти несовпадения являются таковыми только на первый взгляд и происходят оттого, что разные разделы книги писались разными авторами. Тем не менее все эти выводы следовало бы пояснить или контекстуализировать.

Авторы: В результате делегирования значительной части компетенций по осуществлению преследований из Москвы на периферию в Грузии, как и в других местах, факторы местного свойства могли обрести важное влияние. Так как борьба за власть в Грузии шла и вдоль этнических линий – компактно селившиеся меньшинства против грузинского центрального правительства, ориентированного на гомогенизацию вокруг титульной нации, этнический фактор играл здесь особенно большую роль, даже если социальное и оставалось категорией более высокого уровня.

Д. Ширер: Раздел «Этнос и террор» занимает центральное место в книге. В его основе лежит статистический анализ примерно 25 тысяч дел в рамках протоколов «троек» и «двоек». Этот анализ отличается четким структурированием и детализацией, включая этническую принадлежность жертв и распределение репрессий по географическим областям – особенно, что касается соотношения между сельским населением, городским и жителями трансграничных районов и диаспорами. Анализ также учитывает такие факторы, как социальный статус и время проведения репрессий в разных областях и среди разных групп. Юнге и Мюллер приходят к выводу, что, несмотря на бесспорную значимость этнического измерения чисток, о геноциде или какой-то расистской подоплеке речи быть не может. Они не нашли никаких указаний на то, что власти в Тбилиси пытались полностью уничтожить какую-либо этническую группу или что в их мотивации присутствовали понятия биологического превосходства или высшей и низшей расы. Авторы считают, что грузинское руководство, полностью подконтрольное Лаврентию Берию, использовало репрессии избирательно для консолидации главенствующей роли этнических грузин в республике. Делалось это путём целенаправленных атак на те или иные группы, с тем чтобы ослабить некоторые негрузинские этнические элиты в городах или уменьшить преобладание каких-то групп в сельских и приграничных районах. Подобная чистка в дальнейшем помогла бы провести «грузинофикацию» этих районов. По мнению авторов, грузинская модель этнических репрессий почти полностью соответствует сталинскому пониманию этнической гегемонии в национальной республике титульной нации, которой должны подчиняться меньшие этнические группы.

Выводы авторов вытекают, главным образом, из статистического анализа, и они намеренно расположены в книге позади это-

го анализа. Но их выводы основываются не только на статистике. Авторы внимательно изучили работы Сталина по национальному вопросу и письма и записки Берии к Сталину по этому поводу. Юнге и Мюллер пришли к выводу, что бериевское понимание и подход к осуществлению чисток были близки сталинским идеям о путях формирования нации. Иными словами, Берия, руководствуясь сталинскими принципами национальной политики, использовал репрессии, чтобы создать такую Грузию, в которой доминировали бы этнические грузины. Более того, грузинская модель репрессий была тесно связана с предшествующей национальной политикой грузинских властей, проводимой ими уже с начала 1930-х годов. По выражению авторов, этнические репрессии 1937–1938 годов лишь ускорили и радикализовали долговременную политику этнической гомогенизации грузинской нации, которую осуществляла партийно-государственная верхушка республики (346).

Авторы: *Хотя этнический фактор и важен с нашей точки зрения, но это проявляется во взаимодействии с другими аспектами, находящими обций знаменатель в усилении грузинской центральной власти в Тбилиси. Разрушение клиентельных региональных сетевых структур, состоявших из этнических грузин, и тем самым слом таких потенциальных региональных противоборствующих структур, к которому Тим Блаувельт с полным основанием причисляет и попытку Жвании создать в Мегрелии локальный центр власти, шло бы в том же направлении. Постольку простая дихотомия «грузины против меньшинств», как уже неоднократно подчёркивалось, была бы сужением нашей позиции.*

Д. Ширер: Неоднозначный характер этих выводов не мог не вызвать споров, особенно с учётом современного замороженного конфликта между Грузией, Осетией и Абхазией, и этот современный конфликт сыграл немалую роль в восприятии и последующей дискуссии вокруг рукописи книги. Большинство грузинских историков, связанных с проектом, выступили категорически против публикации главы об этносе и терроре. Двое рецензентов заняли нейтральную позицию, а один предложил всё же опубликовать главу в грузинском издании, с тем чтобы читатели судили сами. Это была довольно храбрая позиция, учитывая бранно-оскорбительный характер большинства комментариев. Критики обвинили Юнге и его коллег в сознательном манипулировании статистическими данными с целью разжечь антигрузинские на-

строения. Одна группа заявила, что эта глава «продиктована неофашистско-реваншистской идеологией» (453). Другой рецензент обвинил авторов в том, что они исповедуют «сепаратистскую и кремлевскую идеологию, направленную против целостности грузинского государства и грузинского этноса» (403). Он же, не жалея красноречия, заявил, что оскорблен за «древнейший» грузинский народ, «гордящийся своей толерантностью», который представлен в книге «палачом всех без исключения народов». Таким образом, пишет этот критик, «предпринимается попытка дискредитации грузинского народа в глазах мировой общественности» (402). Ещё одна группа грузинских историков причислила Юнге и его коллег к рядам «фальсификаторов» грузинской истории (469).

Подобные заявления суть лишь грубая буффонада, выкрики самочинных блюстителей национальной гордости. Читая их, задаешься вопросом: по какому праву эти авторы заявляют, что говорят от имени «грузинского народа»? Кто они такие, чтобы знать, что думает и чего не думает «грузинский народ»? Эпитеты типа «фальсификаторы» или «неофашистско-реваншистский» отдают идеологическим шовинизмом в духе советской риторики, которую их авторы так демонстративно клеймят. Подобные комментарии лишь выставляют в смешном свете тех, кто их делает, но рано или поздно им придется взглянуть в глаза неприятной правде.

При том, что большинство смехотворных претензий не заслуживают внимания, среди них есть два возражения по существу. Один критик спрашивает, если допустить, что грузинские лидеры действительно применяли репрессии для укрепления грузинской гегемонии, то где «конкретный итог» этих действий: «...Разве в Грузии завершился процесс национальной консолидации? Хоть чуть-чуть продвинулся процесс национальной консолидации в Грузии? Искоренились сепаратистские тенденции?»

Авторы: *Нам представляется неоспоримым, что консолидация грузинской нации, означавшая усиление грузинского центрального правительства и сопутствовавшее этому одностороннее доминирование титульной нации, действительно достигла в 1937–1938 гг. успехов, причём немалых. Большой террор представляет собой жестокую кульминацию в процессе смены парадигмы, в котором больше не продвигалась, в том числе и вербально, равноценность различных национальностей, и уж совсем не с помощью дальновидного и активного содействия со сторо-*

ны государства. Дала себя знать логика «хозяина в своём доме», в соответствии с которой меньшинства в лучшем случае ещё терпели в качестве «гостей», но всегда делегитимировали как полноправных граждан. Наоборот, несомненно, верно, что дело не дошло до полного элиминирования сепаратистских тенденций, о чём свидетельствуют конфликты 1956, 1978 и с 1988 гг., прежде всего в Абхазии, а также в Южной Осетии и Аджарии. Но тот факт, что названный конечный результат не был достигнут, не опровергает движения к этой цели; аннулирование многих мер сталинского времени (1937–1938 гг.), предпринятое после 1953 г., имеет серьёзное касательство к сохранению или восстановлению потенциала сопротивления по меньшей мере со стороны «полутитульных» национальностей. В этой ситуации национальности снова могли обрести определённые возможности в качестве факторов политики Москвы против клана Берии и тем самым опереться на опыт времен до 1937 г., когда поворот в сторону Москвы был равным образом возможен. Угнетательский, ориентированный на принуждение характер «консолидации» – поэтому и употребляется понятие, на наш взгляд, преуменьшающее подлинное значение этого термина, всегда заключал в себе зародыши обратной реакции. Когда после 1953 г. давление ослабело, освобождение от предписанного включения в упомянутую гегемонию тбилисского центра. Затем длинная тень политики 30-х и 40-х гг., ориентированной на гомогенизацию вокруг титульной нации, показала своё воздействие ещё раз в 1988–1991 гг., проявившись в неспособности грузинских элит предложить по меньшей мере убедительное решение для недопущения дезинтеграции грузинской нации, ответственность за которую несут и они.

Д. Ширер: По мнению того же автора, репрессии были направлены не против целых диаспор, а против отдельных представителей этих диаспор, и именно поэтому этот процесс не перешёл «критический рубеж» и не повлек кардинальных изменений в этническом балансе республики (450–451).

Авторы: Количественный аргумент правилен в той мере, в какой даже в рамках массовых преследований не последовало сплошного физического уничтожения или полной депортации, как, например, в ходе войны против так называемых «наказанных народов». Тем не менее весьма значительное в количественном отношении ослабление именно элит меньшинств как раз для групп, находившихся на ранней фазе национальной мобилизации,

например турок, осетин и аджарцев, имело значение, выходящее далеко за пределы чисто количественной доли. Наконец, нельзя недооценивать и крайне дисциплинирующее воздействие массовых преследований на других лиц, только потенциально могущих оказать сопротивление.

Д. Ширер: Это весомый контраргумент, и он должен стать отправной точкой для продолжения исследования – как и другой, касающийся критериев, по которым Юнге и его коллеги определяли национальную или этническую принадлежность. Рецензент, который поднял этот вопрос, спросил, как Юнге и его соавторы определяли, кого считать «грузином», и как выясняли национальность в случаях, когда она не обозначена или указаны две национальности. Ведь значительный процент протоколов не содержит вообще никаких данных о национальной принадлежности (490–491). Как следует из обмена мнениями, дискуссия развернулась вокруг таблицы, составленной Юнге и Мюллером и показывающей распределение репрессированных, фигурирующих в базе данных, по национальностям. Специалисты из Архива МВД заявили, что обнаружили ряд ошибок в немецких таблицах, а Юнге предложил грузинам составить по тем же данным аналогичную таблицу, чтобы иметь основу для сравнения. Грузинская таблица показала существенное расхождение с немецкой в определении национальной принадлежности, и на этом основании выводы немцев были признаны некорректными. Однако, как подчёркивает Юнге, специалисты Архива изменили национальность значительного числа осужденных, но при этом никак не объяснили, почему они произвели эти изменения и какими критериями руководствовались, определяя национальную принадлежность (528–531). Отпечатаны две таблицы, в которых авторы раскрывают свои критерии для определения как осетинской, так и абхазской этнической идентичности. Они опубликованы во втором томе русского и немецкого изданий.

Авторы: *Дела, как представляется, неоднократно выражают противоречивость, свойственную государственно-бюрократическому взгляду на некоторые этнические группы. Так, у неожиданно большого числа лиц с явно мусульманскими именами и отчествами, но грузинскими фамилиями, нет записи о национальности, может быть, потому, что у составителей протоколов отсутствовала ясность, были ли названия «турок», «аджарец», «грузин» или «лаз» правильным, с административной точки зрения, истолкованием идентичности. Наоборот, именно*

в областях, населённых грузинами, очень часто и у грузин с христианскими именами отсутствует национальность, так как она казалась сама собой разумеющейся.

Д. Ширер: Третья группа критических замечаний касается роли и места статистики в данном исследовании. По мнению одного рецензента, манипулирование процентами порой граничит с фетишизмом и создаёт искажённую картину. Когда читаешь, что 64 % из группы арестованных были расстреляны, это производит пугающее впечатление, считает рецензент, но затем выясняется, что это 25 человек из десяти тысячной диаспоры. А 82 % репрессированных в абсолютных цифрах означают 27 человек из 33 (433).

Этот критик обвинил немецких авторов в намеренном жонглировании процентами, с тем чтобы усилить психологический эффект от дискредитации грузинского руководства. Конечно, это обвинение абсурдно, но замечание об искажённой картине заслуживает рассмотрения. Возникает вопрос, насколько статистически корректно скрупулезно сравнивать проценты репрессированных, подразумевающие 16, 11 или 8 человек, в статистическом контексте, где речь идёт о тысячах и десятках тысяч (295–296, 315). Конечно, жизнь каждого репрессированного важна и достойна памяти, но в таком масштабном, с точки зрения количественного анализа, исследовании, арест нескольких человек, возможно, не является статистически релевантным.

Авторы: Критика справедлива, в первую очередь в отношении очень малых групп вроде лазов. Тем не менее процентные показатели представляют собой отправную точку или исходный пункт для более точного анализа. Расхождение, иногда большое, между низкими абсолютными и высокими относительными цифрами вызвали уже в ходе написания книги разногласия между составителями, но было принято решение в пользу права соответствующих авторов.

Д. Ширер: Подобную претензию высказывает и Тимоти Блауельт, ещё один из рецензентов книги, усомнившийся в статистической релевантности вещей, которые могли оказаться случайностью в хаосе арестов и репрессий (476). Блауельт также подвергает обоснованному сомнению выводы, основанные исключительно на статистическом анализе данных. Высказанная в книге гипотеза об этническом измерении массовых репрессий представляется интересной и убедительной, но её можно значительно усилить, подкрепив анализом архивных документов. В то время как статистический анализ, замечает Блауельт, отличается изошрённостью

и детализацией, в описании действий грузинского «руководства» преобладает недифференцированный, генерализаторский подход, как если бы оно было «монолитным единством» (472). Блаувельт полагает, что наиболее продуктивным был бы подход, основанный на изучении сетей – объединений внутри грузинского государственно-политического аппарата по принципу общности интересов, патроната и клиентеллы. Хотя сеть Берии в ту пору удерживала необычайно прочные позиции, параллельно существовали и другие фракции, конкурировавшие с ней (473).

Авторы: *Это указание равным образом справедливо и с учётом представленных нами статистических результатов требует в будущем дополняющих и расширенных исследований о клиентельных сетевых структурах и силовых структурах внутри грузинского аппарата. За такие исследования уже взялся сам Блаувельт.*

Д. Ширер: Что касается главной темы главы «Этнос и террор», Блаувельт полагает, что акцент на этничности как ключевом факторе репрессий выглядит несколько редуccionистским. Он спрашивает, например, были ли абхазы подвергнуты жестоким репрессиям, потому что составляли значительный процент традиционного дворянства и новой партийной элиты, или террор был социально заострен и направлен против бывших помещиков, среди которых оказалось так много абхазов (475).

Авторы: *Мы в значительной степени согласны и с этим указанием. Речь идёт о многомерных аспектах, которые могли вызвать преследование. Наше намерение заключалось в том, чтобы в достаточной мере оценить частичный этнический аспект и не позволить ему предстать чем-то чисто случайным.*

Д. Ширер: Я согласен с Блаувельтом в том, что более детальный анализ личности и действий политических лидеров и фракций помог бы усилить позиции авторов. Интересно также было бы узнать, как удавалось тбилисским властям так точно направлять репрессии. Откуда местные органы МВД знали, кого арестовывать? Иными словами, книга только выиграет, если представленный в ней статистический анализ репрессий будет дополнен основанным на архивных документах анализом механизма. Как передавались приказы из центра на места, в органы МВД и «тройки»? Можно, в частности, посмотреть на передвижение полномочных представителей по республике: куда они ездили и что делали. Они вполне могли передавать устные директивы центра и контролировать процесс чисток на местах. Возможно, на

республиканском уровне это происходило так же, как на союзном. Линн Виола в своей новой, готовящейся к печати книге (*The NKVD on Trial: Perpetrators of the Great Terror in Ukraine*) очень чётко показывает, как этот механизм работал на Украине, особенно в отношении репрессирования евреев. Можно резонно предположить, что нечто подобное имело место и в Грузии.

Авторы: *Процесс передачи предписаний из Тбилиси в регионы был, несомненно, важным дезидератом для исследования. К сожалению, весь архив КГБ уничтожен в ходе гражданской войны, и поэтому такой исследовательский подход в значительной степени лишён документальной базы. Сохранились только дела по осуждению преступников за нарушение социалистической законности в 50–60-е гг. Здесь можно отфильтровать из показаний свидетелей и обвиняемых информацию об отношениях Тифлисского центра к чекистам, действовавшим в республиканском центре и в автономных областях. Над исследованиями и публикациями документов к этому спорному в содержательном и методическом отношении материалу ведётся работа.*

Следует учитывать также, что кадровая политика, определявшаяся Тбилиси, была конклюдентно ясна для выжидательной позиции относительно меньшинств и, вероятно, соответствовала ориентированным на дискриминацию убеждениям присланных. Понятие «подготовительная работа для вождя», заимствованное Яном Кершоу из языка бюрократов Третьего рейха, именно без прямого предписания, было бы здесь абсолютно уместно¹⁹.

Д. Ширер: Высказанные выше предложения и пожелания по поводу дальнейшего исследования – как и те, что были вызваны открытиями Юнге и его коллег, – являются именно предложениями и пожеланиями, а не критикой данной работы. Несмотря на небольшие замечания, выводы, сделанные в ней, имеют принципиальное значение. Они представляют собой значительный шаг вперёд в изучении сталинского террора. Многие историки привыкли голословно рассуждать об этническом измерении массовых репрессий. Данное исследование впервые обеспечивает доказательную базу в поддержку этих рассуждений.

Подобно многим новаторским исследованиям, эта работа вызывает споры, в которых намечаются направления для дальнейшей научной работы, не последним из которых является изучение прежде обойденного вниманием 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Как отмечают авторы, этот отдел выполнял куда большие функ-

ции, чем подразумевало его название – учётно-регистрационный. Юнге и его соавторы показывают, что сотрудники этого отдела играли важную роль в определении меры наказания осужденным не только в Грузии, но и в масштабах всей страны, что отразилось в его переименовании в 1938 году в 1-й спецотдел ГУГБ (151). Прежде о ключевой роли этого отдела не было известно, и только статистический анализ, предпринятый в данной книге, выявил его подлинную значимость. И это лишь одно из перспективных направлений исследования, заданных книгой Юнге и его коллег. Этот двухтомник являет собой замечательное достижение, которое содержит анализ, рождает дискуссии и вводит в оборот массив новых, прежде не публиковавшихся документов. Академическая наука только выиграет, если он будет опубликован на английском языке.

Перевод с английского: Ирина Давидян

Перевод с немецкого: Валерий Брун-Цеховой

3. Апология советского строя против либерализма

М. Костелло²⁰: Перед нами значимый результат исследования статистических данных, почерпнутых из советских документов о политических чистках в Грузии в преддверии нацистского вторжения в СССР. Однако вывод авторов о том, что грузинские исполнители чисток демонстрировали систематический перекокс в сторону национальных меньшинств, не является убедительным.

Авторы: *Сведение нашего подхода к «этническим грузинам против меньшинств» неуместно, как мы подробно разъяснили в своём ответе Дэвиду Ширеру и «Густу Даймхен».*

М. Костелло: Авторы сосредоточили своё внимание на этническом происхождении арестованных, вместо того чтобы рассмотреть весь спектр политических различий между национальными автономиями в Грузии, которые не всегда коренились в национальности как таковой.

Ряд необоснованных заключений сказывается на авторской оценке чисток в отношении отдельных лиц и предполагаемых

преступных групп, когда речь идёт об интерпретации общеполитического и исторического контекста:

а) С одной стороны, авторы видят и учитывают рациональные основания, стоявшие за решением властей записать целые этнические группы в разряд потенциальных врагов в случае войны (примерно то же, но с меньшей жестокостью, делали американские власти со своими этническими японцами или британские – с немцами и австрийцами, бежавшими от нацистов). Советские немцы и некоторые другие национальности были выселены из приграничных областей в Грузию. Во время войны многие советские немцы на оккупированных территориях («фолькдойче», по нацистской терминологии), подобно националистически настроенным западным украинцам, сотрудничали с оккупантами.

б) Однако авторы не берут в расчёт подобные рациональные основания в действиях советского руководства, когда речь идёт о чистках в отношении отдельных лиц, семей и предполагаемых преступных объединений и об их возможной роли в предотвращении появления «пятой колонны» – в отличие от большинства оккупированных нацистами стран. А это как раз те, кого советский режим причислил к преступникам и террористам в категории «троцкисты». Лев Троцкий в то время сравнил Иосифа Сталина с Адольфом Гитлером и из ссылки призывал к его свержению.

Авторы: *Аргументация Костелло непонятна, так как репрессии, о которых идёт речь в «Большевицком порядке в Грузии», не имеют никакого отношения ко Второй мировой войне. Кроме того, проводилось точное различие, например, между немцами и абхазами. В целом специфическое занятие Грузией требует большой осторожности с заключениями по аналогии в отношении к другим республикам. Вермахт добрался до внешних границ Грузии в 1942 г. только в некоторых местах; «диверсанты», заброшенные по воздуху и с моря, не встречали отклика у населения. Следует учитывать также временные характеристики. Скорее, можно привести аргументы в пользу того, что завершение Большого террора летом 1938 года было вызвано нарастанием реальной опасности войны.*

М. Костелло: Я не сужу здесь о весомости рациональных оснований для чисток в любом смысле, включая методы их осуществления, я просто призываю германских коллег быть более щепетильными в научных суждениях.

Книга убедительна в одном: в выводе о том, что чистки осуществлялись в основном репрессивными структурами Грузин-

ской ССР, хотя и на основании инструкций из Москвы. Несмотря на возмущение и несогласие грузинских учёных, чистки действительно проводились грузинами, но они (учёные) правы, заявляя, что это необязательно означает, что ими двигали антагонистические чувства к национальным меньшинствам. Иосиф Сталин, разумеется, был грузином – несмотря на все претензии на этот счёт, выдвинутые недавно осетинами.

Авторы интерпретируют статистику таким образом, чтобы показать, что отношение к представителям разных меньшинств могло различаться, и связывают это с этнической предвзятостью грузин, однако демонстрация причинно-следственной связи отсутствует. Более того, этот тезис правомерен в той степени, о которой говорится, только если признать по умолчанию две вводных:

а) степень оппозиции политике советской власти, сосредоточенной в институтах различных автономий, взятых как единое целое, не различалась или

б) все репрессированные, какие бы обвинения им не предъявляли, были «не виновны» в противодействии курсу советского правительства, направленного, в том числе, на усиление централизации принятия решений во всесоюзных и титульных республиканских структурах.

Чтобы быть более убедительным, необходимо иметь больше информации о позициях, политических взглядах, степени лояльности или недовольства, которые могли существовать среди репрессированных, а также тех, которые характеризовали взгляды лидеров различных этнических групп. Это помогло бы снять, хотя бы частично, читательские сомнения по поводу веса, придаваемого этническому элементу в ходе чисток. Например, не вызывает сомнения факт, что абхазские партийные руководители действительно тормозили процесс коллективизации. Кроме того, по утверждению других источников²¹, в Абхазии с большой симпатией относились к Троцкому, о чём свидетельствуют, в том числе, воспоминания одного выжившего репрессированного абхазо-персидского происхождения²². Немало информации на этот счёт можно почерпнуть и из других работ²³.

Если бы авторы в большей степени опирались на работы абхазских и других исследователей и мемуаристов, представляющих национальные меньшинства, они бы обратили внимание читателей на то, что в Абхазии и, возможно, в других местах Грузии политическая оппозиция курсу центральной партийной власти (не обязательно конкретно Иосифу Сталину) была направлена

против фигуры главного исполнителя этой политики – Лаврентия Бери, имевшего грузино-мингрельское происхождение. Это могло бы повлиять на степень внимания, которое авторы «Большевистского порядка в Грузии» уделили грузинскому шовинизму как излишне значимому фактору при отборе кандидатов для чистки и, вместо учёта политических взглядов и соображений о нелояльности (реальной, вымышленной или потенциальной), сосредоточились на подсчете репрессированных тех или иных национальностей. Сегодня, в условиях тлеющей грузино-абхазской конфронтации, ставшей следствием кровопролитного грузинского вторжения в начале 1990-х годов, учёные должны быть несколько более осмотрительны в том, как они подают свои открытия.

Знакомство с работами абхазских учёных могло бы пролить дополнительный свет на обстоятельства, в которых производились чистки в Абхазии, например. Я делаю упор на Абхазии, потому что это моя основная тема изучения, но то же самое применимо и к другим национальностям, проживавшим в границах Грузинской ССР. Среди многочисленных работ абхазских историков можно назвать пионерское исследование А.Е. Куправы, посвящённое Дурипшским сходам и протестам против коллективизации в Абхазии в 1930-е годы. Опираясь на документы из архивов ОГПУ и компартии, он пишет²⁴, что «главные» жалобы крестьян состояли в том, что коллективизация бьет по старому укладу жизни (2008: 51), что она призывает женщин посещать уроки ликбеза и пренебрегать своими первоочередными домашними обязанностями. Распространялись слухи, что в колхозах жены станут общей собственностью (там же: 84), что семьи будут разрушены, колхозники будут жить в общих бараках, спать под общими одеялами, а у женщин отберут детей, лишат их швейных машин и украшений (там же: 81). Куправа показывает, что на сходах принимались резолюции, призывающие к сопротивлению коллективизации и физическому устранению её сторонников.

Основанная на материалах из государственного и партийного архивов монография Игоря Марикбы о жизни, аресте, тюремном заключении и казни одного из основателей Абхазской Советской Социалистической Республики Ефрема Эшбы содержит интересные сведения о его жизни и репрессиях, а также 17 его писем из тюрьмы²⁵.

Я надеюсь, что богатство фактических данных и интерпретаций, представленных в данной работе коллектива авторов, станет основой для дальнейших исследований. Моё практическое вни-

мание привлекло то, что в ходе обсуждения методов осуществления чисток в Советском Союзе обозначились новые, связанные с предметом, но мало изученные темы. Одна из таких тем – расширение круга арестов за счёт включения в него, помимо основных подозреваемых, их друзей, знакомых и родственников – нечто, напоминающее о средневековых преследованиях всех поголовно лиц, признанных потенциально опасными для государства. Из воспоминаний о советских чистках, особенно периода 1930-х годов, можно увидеть, как широко распространена была взаимовыручка, выгораживание своих, отрицание любых обвинений в их адрес со стороны государственных органов. Это до сих пор характерно для Абхазии и не только, поэтому можно предположить, что интерпретация таких данных, как те, что с таким тщанием собрала ваша команда, только выиграет от мультидисциплинарного подхода с подключением специалистов по социальной антропологии и этнографии.

Ещё одна проблема – всеобщее использование политического языка, который, к несчастью, был привнесен в академические исследования в годы холодной войны. Это относится к термину «Большой террор», возникшему в 1968 году в политически тенденциозных трудах британского историка Роберта Конквеста и призванному преувеличить размах того, что до тех пор было известно как «большая чистка». Заголовок «Большевистский порядок в Грузии» ошибочно предполагает, будто террор был единственной характерной чертой советского периода, и на это справедливо указывает один из ваших грузинских критиков. Использование термина «сталинизм», «сталинистский» вместо «советский» слишком персонифицирует один из периодов советской истории в духе Троцкого (и Никиты Хрущёва), сводивших целый комплекс факторов к власти одного человека, а также отсылает к ещё одному термину эпохи холодной войны – «тоталитаризм». Всё это плохо сказывается на изучении Советского Союза и его политических, экономических, социальных и культурных трансформаций. Термин «демократия» в его западном либеральном или неолиберальном смысле не следует использовать без пояснений.

И последнее: авторы утверждают, что советская (названная «сталинистской») политика была направлена на то, чтобы разрушить межэтническую толерантность в Грузии (с. 450), не приводя при этом никаких доказательств. Я знаю, что такое утверждение имеет хождение среди неспециалистов, но ему не место в вашем исследовании, отличающемся в целом аккуратным обращением с безосновательными утверждениями.

Авторы: Мы характеризуем политику гомогенизации титульной нации с использованием силовых средств как типично сталинистскую. Под этим подразумевается эра руководства Сталина, а не всё советское время. Здесь, на наш взгляд, сформировались специфические структуры и дискурсы с соответствующим долговременным воздействием, которые поддаются отделению от других периодов.

М. Костелло: В качестве дополнения я хочу поздравить переводчика и поблагодарить его (или её) за чрезвычайно высокий стандарт работы – лингвистические нюансы учтены на уровне, который не часто встретишь. Книгу читать одно удовольствие, и имя переводчика, несомненно, заслуживает того, чтобы быть указанным на фронтиспise.

Авторы: Точка зрения М. Костелло содержит ряд пунктов, которые следует принять во внимание. Однако в некоторых местах – сопротивление коллективизации и всеобщей тенденции к централизации, влияние Троцкого, подготовка страны к войне, недопущение пятой колонны – её, как представляется, следует считать принципиальным оправданием тогдашних мер.

Но указание на военную опасность и мнимую пятую колонну особенно неубедительно именно в применении к Грузии. В том же направлении идёт смешение массовых репрессий с массовыми депортациями целых этнических групп в ходе войны. И при всей убедительности некоторой критики в адрес одностороннего истолкования, предлагаемого Р. Конквестом, важно понимание того, что «террор не стал Большим» как раз не из-за «Большой чистки» элит, символом которой являются показательные процессы. Это произошло в результате большой численности жертв, осуждённых не в ходе показательных процессов, а тайно и в массовом масштабе – и постольку, разумеется, не вызвало и никакой солидаризации представителей собственного этноса, как полагает Костелло. Его точка зрения означает закоснелость во взгляде на московский центр. Это как раз соответствует упрёку в мышлении в категориях «тоталитаризма», в чём Костелло, со своей стороны, упрекает авторов.

Указание на этнографическое исследование, в обратной *bottom-up*-перспективе (сверху вниз. – Пер.), конечно, полезно; но мы подчёркиваем ещё раз, как сделали уже в своём ответе Л. Кварчелии, мысль о том, как трудно сегодня реконструировать исторические процессы с помощью опросов, будь то в соответствии с принципами *oral history* или в рамках этнографического исследования.

Указания на «культуркамф» в ходе коллективизации в 1931 г., о чём мы говорили уже в связи с так называемым восстанием в Гудауте, представляются, с одной стороны, существенными и справедливыми, с другой – они содержат, в свою очередь, одно-стороннюю фиксацию на интерпретационном стереотипе враждебного отношения к модернизации, которое надлежало искоренить радикальным образом.

В принципе в связи со многими местами высказывания, в которых автор огульно обвиняет нас в том, что наши аргументы не являются очевидными, мы хотели бы конкретного изложения и разъяснения его контраргументов. Принципиально правильным является и его напоминание о том, что понятие «демократия» не следует употреблять на западный лад в либеральном или неолиберальном смысле, но, тем не менее, и здесь отсутствует конкретное сопряжение с нашей работой.

Перевод с немецкого: Валерий Брун-Цеховой

Перевод с английского: Ирина Давидян

4. Социальная чистка против этнической чистки

А. Савин²⁶: Дискуссия, развернувшаяся вокруг исследования, посвящённого Большому террору в Грузии, касается одной из наиболее болезненных точек советской истории периода сталинизма, а именно вопроса о национальной составляющей массовых операций НКВД 1937–1938 гг. События на постсоветском пространстве наглядно продемонстрировали, насколько взрывоопасным оказалось то наследство, которое оставили творцы коммунистического проекта как народам постсоветской России, так и народам соседних государств, входивших в состав СССР. К сожалению, мины замедленного действия в межнациональных отношениях, заложенные много лет назад, ещё будут долго взрываться, калеча и нанося раны как морального, так и физического свойства. В этой ситуации задача историка заключается в том, чтобы предложить максимально взвешенный и спокойный анализ

проблемы, абстрагированный от актуальной политической ситуации.

Дискуссия между авторами главы «Этнос и террор» и их оппонентами в своей научной ипостаси развивается в рамках концепции этнизации сталинизма. Согласно этой концепции, если в годы революции, гражданской войны и нэпа большевики считали своими главными врагами представителей чуждых «эксплуаторских» классов и групп, то уже в 1930-е, и особенно в 1940-е годы, главными жертвами сталинского режима стали национальные меньшинства и «враждебные» этнические группы. Таким образом, национальный аспект якобы получил в сталинской репрессивной политике приоритет сравнительно с социальным, произошла «этнизация врага».

На первый взгляд может показаться, что основные выводы немецких авторов не выходят за рамки концепции этнизации сталинизма, тем более что представления об этническом характере репрессий периода Большого террора возникли отнюдь не на пустом месте. Действительно, Советский Союз никогда не был той «империей позитивной дискриминации», которую нарисовал в своём исследовании Терри Мартин. Главной задачей национальной политики большевиков была советизация жизни национальных меньшинств в интересах создания социалистического общества. Большевики подошли к её решению сугубо прагматически, посчитав, что «национально ориентированный» вариант советизации будет наиболее действенным. Другими словами, они инструментализировали национализм в своих интересах. Однако специфические «инструменты» осуществления национальной политики, широко применявшиеся в 1920-е годы – генерация партийно-советских национальных элит, «коренизация» органов власти, национально-территориальное административное строительство, которое привело к «расселению» этносов по своим «национальным квартирам» в виде союзных и автономных республик, областей и национальных районов, а также развитие и широкое использование национальных языков в сфере образования и культуры – оказались малоэффективными для решения поставленной задачи. Справедливости ради надо отметить, что «национальному» варианту советизации образца 1920-х годов исторически оказалось отведено не так много времени.

Сопротивление, которое национальная деревня оказала коллективизации, наглядно продемонстрировало партийно-советскому руководству СССР низкую эффективность национальных

инструментов советизации в условиях «революции сверху». В результате именно коллективизация стала той точкой бифуркации, которая обусловила амбивалентность в сфере советской национальной политики в 1930-е годы. Эта амбивалентность характеризовалась, с одной стороны, постепенным дрейфом в направлении национал-большевизма с его русификаторскими тенденциями. С другой стороны, движение в сторону национал-большевизма не привело к отказу от двух «китов» советской национальной политики – национально-территориального административного строительства и развития национальных языков и культур. В результате даже в своём усеченном виде советская национальная политика продолжала производить настолько позитивное впечатление, что довоенный СССР воспринимался западными историками как «истинный наследник империи Габсбургов» (Марк Мазовер).

Так называемые «национальные операции» НКВД 1937–1938 гг. стали, наряду с первыми довоенными депортациями национальных меньшинств из приграничных регионов, знаковым выражением амбивалентности советской национальной политики 1930-х годов. В своё время автором настоящего эссе была написана статья, специально посвящённая анализу «немецкой» операции НКВД. В этой статье предпринималась попытка доказать, что в ходе национальных операций НКВД основным мотивом репрессий в национальных районах, где немцы проживали компактными группами, была не столько принадлежность к «подозрительной» этнической группе, сколько мотив индивидуальной «вины» осужденных перед сталинским государством. Сотрудники НКВД, как правило, осуществляли целенаправленную предварительную селекцию жертв. В результате большинство жертв «немецкой» операции относилось к «группам риска», постоянно находившимся в поле зрения органов советской тайной полиции. Тем не менее в статье также признавалось, что репрессии по объективному признаку принадлежности к «контрреволюционной» национальности действительно осуществлялись органами НКВД при попытке создания «гомогенных, современных ландшафтов» (Й. Баберовски). Речь идёт о пограничных, столичных и промышленных регионах. В заключение делался вывод о том, что применительно к Большому террору можно говорить о тенденции этнизации карательной политики сталинизма, которая была крайне непоследовательной, неустойчивой, растянутой по времени и переживала постоянные рецидивы возврата к традиционным социальным, классовым и политическим мотивам репрессий.

Если оценивать репрессии в отношении национальных меньшинств в Грузии исключительно в рамках концепции этнизации сталинизма, то я должен был бы скорее оказаться в лагере критиков авторов главы «Этнос и террор». Однако это не так. Благодаря многолетним исследованиям Марка Юнге и его соавторов картина массовых операций НКВД 1937–1938 гг. с каждой новой книгой становится всё более сложной и неоднозначной. Главным и несомненным достижением изучения «Большого террора в маленькой кавказской республике» является концепция авторов о новом качестве взаимоотношений московского центра и периферии в 1937–1938 гг. Идея историков-ревизионистов о том, что сталинское государство не было тоталитарным (хотя и постоянно демонстрировало свои претензии на тоталитарность), уже не нова и давно нашла своё подтверждение в многочисленных исследованиях взаимоотношений власти и общества. Но немецкие исследователи сделали новый важный шаг – они продемонстрировали, что московский центр, несмотря на своё маниакальное стремление к контролю, был вынужден делегировать часть своих неотъемлемых карательных полномочий периферии во имя достижения поставленных целей. Произошла, как убедительно доказывают авторы, «регионализация» карательной политики.

Вопрос о том, в какой степени «свобода рук», которую приобрели местные (и не только грузинские) элиты в 1937–1938 гг., обладала новым качеством в сравнении с предыдущими и последующими периодами советской истории, ещё ждёт своих исследователей. Однако несомненно, что политика ассимиляции, осуществлявшаяся партийно-государственным руководством Грузии, должна в первую очередь рассматриваться в русле этой ситуации «трансфера» полномочий, и лишь во вторую – в рамках концепции этнизации сталинизма. Авторы правы, когда, отмечая всю важность «этнической» компоненты репрессий, инициированных Москвой, тем не менее относят чистку в отношении абхазов, аджарцев и осетин в первую очередь на счёт специфических интересов тогдашнего руководства Грузии, стремившегося использовать открывшиеся возможности в целях завершения процесса «гомогенизации» грузинской нации. В итоге чистки, происходившие в Грузии, были отнюдь не тождественны «классическим» национальным операциям, польской и немецкой, но обладали своим новым качеством.

Картина событий 1937–1938 гг. в Грузии не укладывается в прокрустово ложе универсальных шаблонов и одномерных мо-

делей. Она ещё раз подтверждает всю многомерность Большого террора и неспособность адекватно объяснить травматическое советское прошлое посредством «очевидных» черно-белых интерпретаций, которые не опираются на солидный эмпирический фундамент и ограничивают исследовательский ракурс исключительно политикой центра, не говоря уже о транспозиции научной дискуссии в политическую сферу.

Авторы: *Совершенно справедливо, что рецензент не относит нас к лагерю тех историков, которые поддерживают тезис об «этнизации сталинизма», то есть тех, кто полагает, что самое позднее начиная с 1938 г. «выявление врагов» осуществлялось по объективным критериям. Согласно этой концепции, обвинение в той или иной враждебной деятельности выдвигалось в отношении ряда этносов a priori.*

Как и рецензент, мы считаем, что массовые преследования в отношении национальных меньшинств следовали традиционной схеме чистки советского общества, обусловленной социальными, классовыми, территориальными и политическими мотивами. Мы также безусловно согласны, что именно индивидуальная «вина» играла ключевую роль в селекции жертв. Обезличенное групповое преследование вне зависимости от конкретных обвинений, арест и осуждение только по признаку «чистой» принадлежности к этнической (евреи, немцы, абхазы, осетины, грузины, поляки и т. д.) или социальной (кулаки, священники, уголовники, белые офицеры) группе были скорее исключением, чем правилом.

Наш методологический подход заключается в том, что мы рассматриваем этнический фактор в комбинации с другими (социальными, «классовыми» и политическими) факторами и делаем это из перспективы периферии, а не Центра (Москвы). Кроме того, мы изучаем репрессии в контексте как «местной», так и общесоюзной национальной политики.

«Приобщение» периферии позволило установить взаимосвязь между бросающейся в глаза этнической компонентой репрессий и передачей Центром карательной компетенции республикам, краям и областям в комбинации с ослаблением контроля со стороны центрального аппарата НКВД. Перемещение зоны ответственности на региональный уровень обусловило усиление традиционных специфических стереотипов, издавна свойственных различным группам общества. Эти стереотипы не претерпели существенного изменения в годы советской власти и были, как правило, окрашены этнически (например, «грузинские» евреи –

игроки, спекулянты и воры, осетины – конокрады, езиды – банда уголовников). Не стоит недооценивать такое распределение этнических ролей. Но потенциал этнической компоненты проявился в полной мере только в результате комбинации структурных изменений, о которых мы писали выше, и потенциальной или реальной политической, социальной, культурной и территориальной конкуренции между титульной нацией и национальными меньшинствами. Свою лепту в довершение всего внесла специфика общесоюзной карательной политики периода Большого террора: в первую очередь речь идёт о феномене резкого расширения критериев «криминального поведения». Теперь жестко карались проступки и «антисоветское» поведение, за которые раньше не наказывали или наказывали сравнительно мягко. Необходимо также учитывать геополитику. Таким образом, причины репрессий стали более дифференцированными и многофакторными. Дихотомии между «внутренним» («советским») и «внешним» («зарубежным»), по сути дела, не существовало.

Таким образом, критерий этничности действительно стал играть определённую роль в селекции жертв в ходе массовых операций НКВД, однако в СССР не произошло коренной смены парадигмы в направлении доминирования этничности вплоть до её абсолютизации в форме биологизации террора, как это было в национал-социалистической Германии в случае с евреями, а также синти и рома. Доминантной осталась парадигма, основывавшаяся на ценностях Просвещения²⁷.

В конечном итоге рассмотрение вопроса о значении этнического фактора в контексте общесоюзной национальной политики также позволяет выделить специфические «сталинские» черты этой политики в 1930-е годы. В интересах ускорения движения к социалистической, постнациональной эре предпочтение тогда оказывалось крупным национальным единицам, а именно титульным нациям Советского Союза. Обратной стороной этой политики стала маргинализация «полутитульных» наций и национальных меньшинств, свой вклад в которую также внесли массовые репрессии²⁸.

Перевод с немецкого: Андрей Савин

5. Навигатор

В.А. Шнирельман²⁹: Сегодня сложился определённый дисбаланс в исследованиях сталинских репрессий, и мы знаем много больше о депортациях народов, чем о деталях Большого террора 1937–1938 гг. Этот пробел и пытаются заполнить авторы данной книги. В настоящее время надёжно установлено, что главным дирижёром террора и показательных процессов был Сталин, который собственноручно подписывал многие протоколы³⁰. Но надо ли связывать это с его «грузинским происхождением», как это делает Й. Баберовски? Можно ли при объяснении террора ограничиваться только личностью Сталина? И можно ли приписывать всё «руке Москвы», как это нередко происходит в новых постсоветских государствах? Ведь террор невозможно было осуществить без соучастников в лице многочисленных партийных и государственных чиновников, а также сотрудников НКВД очень разного этнического происхождения.

Как показывают авторы обсуждаемой книги, кроме Сталина протоколы подписывали и другие члены Политбюро, но этот контроль имел символический характер, а поэтому судьба людей во многом зависела от инициативы на местах (с. 147–152, 156). Впрочем, вопрос о роли центральных контролирующих органов остается не вполне ясным и вызывает некоторые разногласия даже у авторов рассматриваемого труда (ср. с. 179–180, 183, 200–201).

К сожалению, мы до сих пор плохо знаем психологию активных участников репрессий и их мотивы. Что ими двигало – фанатизм или прагматизм, искренняя вера в справедливость своего дела или страх за себя и своих близких? Идёт ли речь только лишь о запросах из Москвы или определённую роль играли и местные инициативы, а если да, то какую именно? Что заставляло местных деятелей проявлять такую инициативу – желание выслужиться, сделать карьеру или спасти свою собственную жизнь? А может быть, зависть или стремление отомстить своему недругу? Или же речь идёт о «банальном зле», об институциональном терроре, о котором когда-то на примере Германии писал З. Бауман? А какую роль играли инициативы с самого низа в виде анонимок, которыми была наполнена та эпоха?

Особенно важным представляется вопрос о региональной специфике – идёт ли речь о бездушной машине, одинаково работавшей в разных регионах, или регионы всё же имели своё лицо?

Именно этот вопрос стоит в центре внимания авторов обсуждаемой книги. Как они справедливо отмечают, наши знания о репрессиях в Грузии страдают многочисленными лакунами. Но то же самое можно сказать и о других бывших советских республиках.

Вопрос этот является сегодня очень болезненным, так как, справедливо обвиняя Центр в проведении жестоких репрессий, местные историки и другие интеллектуалы нередко стыдливо замалчивают преступления республиканских властей. Во имя национальной консолидации они стремятся сделать акцент на единстве нации и общенациональных страданиях, скрывая факты активного участия местной властной элиты в сталинских преступлениях. Впрочем, сталинские репрессии поражают не только жестокостью, но и противоречивостью. Ведь многие из тех, кто принимал в них активное участие, сами рано или поздно становились их жертвами, причём это было характерно как для Центра, так и для отдельных республик. Известно, что из первых лиц республики террор пережили только Л. Берия и М. Багиров. Но это лишь отсрочило гибель, которая настигла их в 1950-х гг.

В связи со всем этим встают и этические вопросы, так как на Кавказе большую роль играют родственные связи. У погибших остались семьи и многочисленные родственники, которым трудно примириться с фактами участия их родных в репрессиях. Они хотели бы воспринимать их в образе жертв, а не палачей. Как в этих условиях поступать исследователям? Надо ли делать акцент на этничности палачей? Ведь, как справедливо пишет Ц. Гительман о деятелях еврейского происхождения, «большинство из них были вовлечены во всё это не как евреи, а как члены партии или члены иных элитных групп»³¹. Иными словами, речь идёт не столько об этничности, сколько о социальном положении, групповых и семейных связях, институциональных механизмах, но иной раз и о доктринальном фанатизме, заставляющем пренебрегать требованиями гуманизма во имя воплощения идеи. По сути дела, к тому же выводу приводят и данные, проанализированные авторами данной книги.

Как они отмечают, процесс осмысления сталинских репрессий противоречив и далек от завершения. Если до сих пор, говоря о репрессиях, грузинские авторы ограничивались жертвами среди элиты, то в данной книге убедительно показано, что никаких привилегированных групп в Грузии не было – от репрессий страдали выходцы из всех социальных слоев, хотя, правда, в разной степени. Это касается и СССР в целом. Около 20 лет назад я впер-

вые познакомился с этим на примере Ленинграда, где, как оказалось, едва ли не наибольшие потери от репрессий понес рабочий класс. Поэтому «диктатура пролетариата» оказывается демагогическим приемом партийной риторики и не имеет никакого отношения к суровой сталинской действительности. Однако доля разных социальных категорий среди репрессированных в различных республиках, видимо, отличалась.

Как убедительно показывают авторы, в 1937–1938 гг. социальный террор сочетался с национальным. Последнее не стоит путать с «национальной операцией», направленной против национальных меньшинств (диаспор). Если в ходе «кулацкой операции» было репрессировано более 21 тыс. чел., то в ходе «национальной» – чуть более 2 тыс. чел. (с. 64–66, 199–200). Но это вовсе не противоречит тому факту, что в те годы классовая парадигма постепенно сменялась этнической, ибо если с антагонистическими классами было покончено, то этническая пестрота оставалась для Центра проблемой³².

Правда, авторы скептически относятся к тезису об этнизации террора (с. 216). Разумеется, можно разделить их сомнение в том, что такая этнизация произошла внезапно, скажем, если не в годы Большого террора в целом, то в 1938 г. Однако то, что она *постепенно* происходила во второй половине 1930-х гг. и продолжалась впоследствии, мне представляется несомненным. Постепенность здесь означала то, что поначалу этнизация сочеталась с иными факторами, но роль этих факторов со временем менялась в её пользу. Иными словами, подозрение в нелояльности, поначалу приписывавшееся классовому фактору, постепенно стало приписываться этничности. Похоже, что такую постепенность признают и авторы, подчёркивающие «повышение значимости этнической компоненты», хотя это и не доходило до «биологизации террора», наблюдавшейся в нацистской Германии (с. 344).

Примечательно, что, по приводимым авторами данным, представителям национальных диаспор предъявлялись обвинения в основном в «шпионаже», т. е. в это время «неправильная» этничность становилась подозрительным признаком и грозила репрессиями, хотя формальное обвинение оперировало иными факторами (с. 201–203). При этом основной удар часто наносился по элите, а она в республиках так или иначе имела отнюдь не рабоче-крестьянские корни. Кроме того, для преследования абхазов и осетин имелись и иные причины, которые авторы связывают с нацистроительством, бросавшем вызов Грузии. Поэтому цель

этих репрессий они объясняют стремлением местных властей к гомогенизации Грузии под эгидой грузинской нации (с. 262–263). Но ведь это и есть одно из выражений этнизации террора.

Думаю, говоря об этнизации, следует учитывать весь контекст внутренней политики в целом, частью чего и являлся террор. Такой вывод опирается не только на факт репрессий, но на целый комплекс мероприятий того времени, включая паспортную систему, дискриминацию в сфере занятости, политику в области образования, определённую официальную риторику и пр. В грузинском случае особенно показательно отношение местных властей как к Абхазии во второй половине 1930-х гг., что сегодня достаточно хорошо документировано, так и к лазам, о чём до сих пор было малоизвестно (с. 227–244). Речь, в частности, идёт о государственной политике, направленной на сокращение этнического многообразия (с. 226). Ещё большие репрессии ударили по аджарцам, наказанным за стремление оставаться отдельной национальностью (с. 264–267). Что же касается армян, то, принадлежа к «торговому меньшинству», они страдали от репрессий вследствие совпадения подозрительного для советского государства социально-профессионального положения с этничностью. Поразительно, что много больше других от террора пострадали азербайджанцы, несмотря на их низкий социальный статус и малочисленность элиты. Авторы объясняют это тем, что, в отличие от многих других меньшинств, предыдущие репрессии их практически не затронули (с. 281).

Иными словами, в каждом конкретном случае разные меньшинства преследовались под разными предлогами: где-то ключевую роль играла религия, где-то – место проживания, где-то – социально-профессиональный фактор, где-то – историческая память, а также, как пишут авторы, «момент времени» и фактор «географии». Однако за всем этим стояло стремление к языковой и культурной гомогенизации, отвечающей советским представлениям об «этнической нации» (с. 329–339, 346).

Но не только это. Другим фактором была забота о безопасности, и, если ранее главная опасность ожидалась со стороны «уходящих классов», то теперь на первый план выходили «иные этносы» с их партикулярными устремлениями, грозившими советскому единству. В этом плане мне трудно согласиться со стремлением авторов резко обособить Большой террор от последующих этнических депортаций (с. 345–346).

В 1938 г. необычайно жестокие репрессии обрушились в Грузии на высокообразованных людей (государственных служащих), т. е. тех, кто в своё время поднялся на волне «коренизации». Причём речь идёт именно о «кулацкой операции», а не о «национальной», и это говорит о целенаправленном уничтожении интеллектуальной элиты, принадлежавшей к титульному этносу, т. е. к доминирующему большинству (с. 96–99, 111). Так, по данным авторов, в Грузии среди осужденных «кулацкой тройкой» было необычно много лиц со средним и высшим образованием и завышенная доля служащих. Поразительно, что среди них необычайно высокой была доля членов ВКП(б), что, как справедливо считают авторы, указывает на внутрипартийную борьбу, в которой Берия стремился победить неугодных (с. 141, 144). Это дополнялось репрессиями против «социально чуждых», выходцев из знати, царских чиновников и мусульманского духовенства (с. 101–102). При этом дел было так много, что пришлось нарушить сложившиеся правила, и дела, обычно рассматривавшиеся Военной коллегией Верховного суда СССР, передавались «кулацкой тройке», где участь арестованных решалась по упрощенному сценарию.

Во второй половине 1940-х гг. классовый фактор всё ещё использовался, но в основном против населения вновь присоединенных к СССР западных территорий, однако и там он сочетался с национальным. Позднее он всё больше служил лишь для объяснения внешней политики, тогда как внутренняя определялась периодическими волнами борьбы с «национализмом».

До сих пор предметом дискуссии является вопрос о темпах эскалации террора. Когда-то некоторые советские авторы считали, что с «Шахтинского дела» или даже с начала 1920-х гг. террор шёл по нарастающей без остановки вплоть до кульминации в 1937–1938 гг.³³ В свою очередь Й. Баберовски полагает, что террор в сталинском СССР происходил волнами³⁴, а Б.С. Илизаров даже усматривает у него десятилетний ритм³⁵. Авторы также упоминают цикличность, но не углубляются в эту проблему. В этой связи следовало бы ещё раз внимательно посмотреть на то, что происходило в разных регионах в 1930-е гг. Что же касается постсталинской эпохи, то тогда действительно можно говорить об условно десятилетнем ритме (10–12 лет), причём волна борьбы с национализмом обычно поднималась в конце одного десятилетия и начале следующего³⁶.

Показателен и механизм террора: предложения нередко исходили снизу из регионов, затем они утверждались в Москве, откуда

спускались обратно в виде приказов или разнарядок. Авторы обнаружили это в Грузии (с. 70–71), но то же самое происходило и в других республиках и регионах. Однако в Грузии была своя специфика, и в количественном отношении она пострадала от репрессий всё же меньше, чем некоторые другие регионы. Отмечу также, что гонения на национальные истории и эпосы в конце 1940-х – начале 1950-х гг. практически не затронули Грузию, и это говорит о её особом месте в позднесталинском ландшафте.

В любом случае важным выводом книги является то, что исполнители на местах не были безвольными винтиками системы – они имели определённую свободу действий, а потому следует говорить об их соучастии в преступлениях, вину за которые московские каратели должны поделить с местными (с. 152). Но главную вину авторы возлагают на сотрудников НКВД, отвечавших за «государственную безопасность». Не лишено интереса и то, что в завершение Большого террора удар был нанесен по самим чекистам, проявившим чересчур большое рвение (с. 156–157). Можно ли говорить о том, что тем самым власти прятали концы в воду?

Всё это становится особенно актуальным сегодня, заставляя задуматься о том, к чему могут привести «официальный патриотизм» и борьба с «пятой колонной». Примечателен также вывод авторов о том, что своей национальной политикой Сталин «стал могильщиком Советского Союза» (с. 347). Этот вывод, разумеется, идёт вразрез с возникшей в определённых кругах современной России тенденцией видеть в Сталине «эффективного менеджера».

Наконец, весьма показательной является дискуссия о главе «Этнос и террор», материалы которой авторы включили в свой том. Она показывает, что в Грузии до сих пор популярны эссенциалистские взгляды, далёкие от науки и обслуживающие этнонационалистическую (с привкусом расизма) программу с её представлением о «едином грузинском теле». Примечательно, что один из грузинских участников дискуссии клеймит коммунистическое насилие, но при этом приветствует насильственную национальную консолидацию, осуществлявшуюся рядом европейских держав. Против таких политически мотивированных взглядов и направлена рассматриваемая книга, которая своими выводами, разумеется, раздражает националистов.

К сожалению, в книге встречаются сомнительные положения – например, абхазы на своей родине в Абхазии названы «диаспорой» (с. 247), что, разумеется, неверно.

Авторы: В русском переводе здесь произошла ошибка, потому что абхазцы были охарактеризованы как нация, находившаяся в диаспоре. Напротив, у абхазцев была большая диаспора за границей: 1. Турция, 2. Сирия («мухаджире») в Османскую империю в 1937–1938 гг.

В.А. Шнирельман: Не совсем верно показана религиозная ситуация в Абхазии и Южной Осетии, ибо авторы забывают о местном язычестве, придающем этой ситуации своеобразный характер двоеверия.

Авторы: Религиозная ситуация у абхазцев и осетин действительно сложна и, может быть, изложена недостаточно детально. Абхазцы среди местных этносов Кавказа подверглись наименее сильной исламизации или христианизации. Двигаясь с побережья, в античные времена, средневековье (Византия) и раннее Новое время (Генуя) происходила поверхностная христианизация (при дальнейшем существовании языческих традиций), которую во времена османского господства сменила столь же поверхностная исламизация. С мингрельским влиянием, а также в связи с аннексией Россией в 1810 г. последовала повторная частичная христианизация методами активной политики православного миссионерства, ещё раз усиленная посредством массовой иммиграции/изгнания абхазцев, в большинстве своём исповадовавших ислам, в 1864, 1866–1867 и 1877–1878 гг. В результате ни христианство, ни ислам в действительности не закрепились среди абхазцев, что обнаруживается и в многочисленных изменениях вероисповедания, резком как увеличении, так и снижении доли христиан и в не особенно развитой религиозной инфраструктуре (малое количество церквей, отсутствие мечетей, едва встречающиеся местные представители духовного сословия). Тем самым возникло действительно часто констатируемое В. Шнирельманом двоеверие с синкретическим смешением старой примитивной религии («язычество») и православного христианства, примитивной религии и ислама, но отчасти, вероятно, даже христианства и ислама (соотнесённого с ситуацией) или даже примитивной религии – христианства – ислама. В противоположность многим другим кавказским группам в советское время абхазцы представляли собой редкий случай национальности без «собственной» национальной религии. В то время как у мусульманских народов Северного Кавказа и азербайджанцев – ислам, у грузин – православное, а у армян – армянско-апостолическое христианство могли быть также вы-

ражением политической позиции, у абхазцев такой аспект отсутствовал.

В отношении осетин ситуация менее сложна. Примитивные религии действительно очень долго сохранялись в высокогорных регионах Центрального Кавказа, к примеру, у сванов на западе и ингушей или (грузинских) хевсуров на востоке. В качестве реликтов почитания, бесспорно, долго присутствуют священные роци, источники, горы и т. п. Тем не менее к осетинам, в особенности в Южной Осетии, можно в той же мере обращаться как к православным христианам, что и к окружающим грузинским горцам, а это сильно отличается от религиозной ситуации абхазцев.

Авторы не углублялись в вопрос выживания языческих традиций, так как его познавательная ценность для изучения Большого террора казалась незначительной. Для этого достаточно расхождения между скорее безрелигиозными/религиозно индифферентными абхазцами и отмеченными воздействием православного христианства осетинами в Южной Осетии, с одной стороны – и грузинской самобытностью, отмеченной воздействием православного христианства, с другой.

В.А. Шнирельман: Что же касается Комиссии по изучению племенного состава населения России (КИПС), то в начале 1930 г. она была преобразована в Институт по изучению народов СССР. Иными словами, вопреки утверждению авторов (с. 265), во второй половине 1930-х гг. КИПС уже не существовала.

Авторы: *Авторы упустили из виду то обстоятельство, что комиссия была преобразована в институт.*

В.А. Шнирельман: Вряд ли евреев-ашкенази в Грузии следует считать иммигрантами (с. 289) – ведь они передвигались в границах своей страны обитания.

Авторы: *Авторы не ставили вопрос об «аллохтонном» (в отличие от «автохтонного») характере групп. Ашкенази, как и украинцы, немцы, китайцы и др. граждане Грузии, пришли сюда извне, причём в XIX и XX столетиях. Пересекалась ли при этом государственная граница, в данном случае было второстепенно, формально следовало заменить понятие «переселенцы» понятием «мигранты».*

В.А. Шнирельман: Не вполне корректным представляется работа авторов со статистическими данными, ибо нередко речь идёт о малопредставительной выборке, и следовало бы более осторожно и критичнее относиться к полученным процентам.

Авторы: Так как этот упрёк приводится другими рецензентами особенно в отношении лазов, мы укажем здесь на наши точки зрения, сформулированные там.

В.А. Шнирельман: Что же касается ссылки на мои работы (прим. 308 к гл. «Этнос и террор»), то меня она приводит в недоумение, ибо в этих моих публикациях нет того, о чём пишут авторы. Зато в них есть много того, что обсуждали авторы в других местах своей работы, но без какого-либо учёта моих публикаций.

Авторы: Ссылка на труды В. Шнирельмана в этом месте служила прежде всего обобщающим указанием на то, что эти труды в целом содержат обоснованную критику позднесоветских и постсоветских национальных историографий, причём автор занимает нейтральную позицию, т. е. вскрывает механизмы, не становясь на чью-либо сторону, в том числе российскую. В целом работы Шнирельмана были для нас во всех отношениях помощью в ориентации.

В.А. Шнирельман: В книге, к сожалению, встречаются и досадные опечатки, которые иной раз искажают мысли авторов.

Что же касается глоссария, предоставленного Архивом МВД Грузии, то в нем ошибочно используется устаревшее понятие «ибериюско-кавказской языковой семьи». Современная лингвистика от этого отказалась. Вместо этого речь должна идти о двух разных неродственных лингвистических семьях – картвельской и северокавказской.

Авторы: Указание В. Шнирельмана на классификацию обоснованно. Постулат об общем происхождении южнокавказских (картвельских), западно-(абхазско-адыгейских) и восточнокавказских (вайнахско-дагестанских) языков от общего праязыка рассматривался в западной лингвистике с 1960-х, а в советской с 1980-х всё более критически и в настоящее время в значительной степени отвергается. Постулат об общности, включая обозначение «Иберийско-кавказские языки» (со ссылкой на кавказскую Иберию (Иверию. – Пер.), Грузию) был в своё время также и политическим высказыванием о ведущей позиции грузинского языка среди всех вышеуказанных языков. Применительно к глоссарию это нельзя предположить в обязательном порядке, может быть, речь идёт о некритическом заимствовании фундаментальных трудов советского времени, как то широко распространённого IV тома «Иберийско-кавказские языки» (1967) из серии «Языки народов СССР», воплощающей представления тогдашней науки. Кроме того, до сих пор небольшая часть кавказо-

ведов придерживается мнения, что и родственность западно- и восточно-кавказских языков внутри северокавказской языковой семьи не доказана. Критический аспект обозначения «Иберийско-кавказские языки» в словаре терминов Архива Министерства внутренних дел Грузии мы из-за концентрации вопросах, представлявшихся нам ещё более важными, учли недостаточно, о чём и сожалеем.

В.А. Шнирельман: В заключение отмечу, что авторы проделали огромную и очень важную работу и подготовили ценный новаторский труд, достойный как публикации, так и продолжения. И если в нем содержатся некоторые спорные положения, то они лишь послужат для плодотворных дискуссий и станут стимулом для дальнейшего развития такого рода исследований. А в том, что эта работа должна быть продолжена в других постсоветских регионах, у меня нет никаких сомнений. Без этого мы никогда не сможем осмыслить чрезвычайно сложный и противоречивый сталинский период.

Перевод с немецкого: Валерий Брун-Цеховой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитируем неопубликованную рецензию Хироаки Куромии, ноябрь 2015 г. Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча, март 2016 г.

² См. главу: Регионализация карательных полномочий // Большевицкий порядок в Грузии. Том 2. С. 117–168.

³ Большевицкий порядок в Грузии. Том 2. С. 24.

⁴ См. таблицу № 34 // Большевицкий порядок в Грузии. Том 2. С. 507.

⁵ См. Большевицкий порядок в Грузии. Том 2. С. 24–31.

⁶ См. таблицы № 34а и № 34б // Большевицкий порядок в Грузии. Том 2. С. 512–517.

⁷ *Reisner O.* Between State and Nation. The Debate about «Ethnicity» in Georgian Citizens' ID Cards // Exploring the Caucasus in the 21st Century. Essays on Culture, History and Politics in a Dynamic Context / F. Companjen, L. Marác, L. Versteegh (Eds). – Amsterdam, 2010. С. 163. См.: *Reisner O.* Zur Geschichte des Begriffs «eri» in der modernen georgischen Historiographie // *Georgica*. 2012. 35. С. 62–77.

⁸ См. Большевицкий порядок в Грузии. Том 1. С. 347.

⁹ Эта цитата Этьена Балибара приведена у Эрика Вайтца. См.: *Weitz E.D.* Racial Politics without the Concept of Race. Reevaluating Soviet Ethnic and National Purges // *Slavic Review*. 61. 2002. № 1. С. 1–29, здесь С. 8.

¹⁰ Цитируем неопубликованную рецензию Дэвида Ширера «Неудобная правда», май 2016 г. Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча, июль 2016 г.

¹¹ *Wittfogel K.A. Oriental Despotism. A comparative study of total power.* – New Haven, 1957.

¹² *Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры.* – М., 2010; *Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя.* – М., 2015. С. 209–228.

¹³ О сталинском вождистском режиме ср.: *Ennker B. Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts – eine Synthese // Der Führer im Europa des 20. Jahrhunderts / Hrsg. V. Ennker, H. Hein-Kircher.* – Marburg, 2010. С. 347–378.

¹⁴ «Различие (террор или чистка) является важным для исторической интерпретации мотивов и источников: как лидеры и простой народ понимали, что происходило, и что они делали и испытывали. Лидеры и сотрудники полиции понимали массовые операции как очищение [...]. Они не считали то, что они делали, террором. Таким образом, массовая чистка или массовые чистки – это наиболее подходящее историческое определение произошедшего в конце 1930-х. [...] Этот термин как отличает, так и связывает эти события с процессами массовых репрессий, которые происходили до и после них. «Раз и навсегда» – именно эту фразу использовал Ежов, чтобы охарактеризовать цель проводимой чистки: речь шла не о политике уничтожения, а о строительстве советского общества и придании ему безопасной для социализма социальной конфигурации». *Shearer D. «Once, And For All Time»: Background to the Great Purges // Shearer D. Policing Stalin's Socialism. Repression and Social Order in the Soviet Union. 1924–1953.* – Yale University Press, 2009. С. 286.

¹⁵ Ср. приказ № 00447, пункт I «Контингенты, подлежащие репрессии». Здесь в 9 подпунктах избираются специфические формулировки. Например, в подпункте 1 названы «бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность». См.: Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел НКВД СССР Н.И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». 30.07.1937 // *Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447 / Сост. М. Юнге, Г. Бордюгов, Р. Биннер.* – М., 2008. С. 98–114, здесь 101–105.

¹⁶ См., например анализ следующих следственных дел: От ареста до расстрела. Следственное дело осужденного // *Вертикаль большого террора.* С. 352–404; *Юнге М. Дело «уголовников» // Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447 / Сост. Г.Д. Жданова, В.Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер.* – М., 2010. С. 215–227.

¹⁷ См.: Переквалификация. Смена «окраски» // «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. В 2-х томах / Сост. М. Юнге, С.А. Кокин, Б. Бонвеч и др. Т. 1. – М., 2010. С. 387–391.

¹⁸ *Юнге М. Регионализация карательных полномочий // Большевицкий порядок. Том 1.* С. 117–168.

¹⁹ *Kershaw I. Working towards the Führer.* – Manchester, 2003.

²⁰ Цитируем неопубликованную рецензию Михаила Костелло, май 2016 г. Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча, июль 2016 г.

²¹ *Лакоба С.* Очерки политической истории Абхазии. – Сухум, 1990.

²² *Аббас-Оелы А.Ш.* Не могу забыть. – М., 2005 (<http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=2388>) (19.05.2017).

²³ Включая Сагария В., Ачугба Т.А., Пачулия В.М. Абхазия. Документы свидетельствуют 1937–1953. – Сухум, 1991.

²⁴ *Куправа А.Е.* Вопросы традиционной культуры Абхазов. – Сухум, 2008.

²⁵ *Марикба И.* Ефрем Эшба. – Сухум, 1997.

²⁶ Ниже приводится рецензия Андрея Савина (июнь 2016 г.), которая была написана под названием «Простых решений нет: о сложности и многомерности Большого террора». Ответ М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча от 07.07.2016 г.

²⁷ См.: *Большевицкий порядок в Грузии. Том 1.* С. 344

²⁸ Там же. С. 337.

²⁹ Рецензия В.А. Шнирельмана на книгу «Большевицкий порядок в Грузии». Т. 1. Большой террор в маленькой кавказской республике / Сост. Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО-XXI, 2015, сентябрь 2016 г. Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча, октябрь 2016 г.

³⁰ *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М.: РОССПЭН, 2010; *Баберовски Й.* Выжженная земля. Сталинское царство насилия. – М.: РОССПЭН, 2014.

³¹ *Гительман Ц.* Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней. – М.: НЛЮ, 2008. С. 159.

³² *Шнирельман В.А.* «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. – М.: НЛЮ, 2011. Т. 1. С. 233–250.

³³ *Ярошевский М.Г.* Сталинизм и судьба советской науки // Ярошевский М.Г. (ред.). Репрессированная наука. – Л.: Наука, 1991. С. 9–33; *Куманев В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. – М.: Наука, 1991.

³⁴ *Баберовски Й.* Выжженная земля. С. 163.

³⁵ *Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историсофии сталинизма. – М.: Вече, 2003. С. 129, 201.

³⁶ См., напр., *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: ИКЦ Академкнига, 2003; *Он же.* Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: НЛЮ, 2006; он же. Purgas und Pureš: Urahnen der Mordwinen und Paradoxa der mordwinischen Identität // Mari und Mordwinen im heutigen Russland: Sprache, Kultur, Identität / Сост. Eugene Khelimsky. – Wiesbaden, 2005. С. 529–563.

ГОЛОСА ИЗ ГЕРМАНИИ

Мне больше не нужно безопасное познание:
Пусть ищущего всегда окружает коварное море
или безжалостные горы!

Фридрих Ницше.

Черновики и наброски 1880–1882 годов

---

1. Контекст против изменения угла зрения

Рецензент¹: С 2009 по 2015 г. Немецкое научно-исследовательское общество (DFG) оказывало поддержку проекту по исследованию Большого террора 1937–1938 гг. в советской республике Грузии. В этом проекте участвовали как немецкие историки, так и историки из Грузии и России. Результаты проекта обобщены в предлагаемом томе. Пусть читателя не отпугивает внушительный объём книги. Собственно текстовая часть составляет меньше половины общего объёма в 600 страниц. Том столь обширен потому, что содержит несколько приложений: интервью с очевидцами (С. 277–316); критические оценки по поводу исследования, вышедшие из-под пера двух грузинских и одного западного историка (С. 317–392); фотографии и таблицы (С. 401–564); библиография, глоссарий, список авторов и указатель (С. 573–604). Марк Юнге, соиздатель тома и автор некоторых статей, входит в число ведущих западных экспертов по истории Большого террора и сталинских массовых репрессий. Едва ли какой-то другой немецкий историк был бы более, чем он, пригоден для того, чтобы координировать и осуществлять проект. Своим исследованием отдельного эпизода Большого террора Юнге и его сотрудники присоединяются к исследовательскому тренду последних лет. Они рассматривают массовые репрессии 1937–1938 гг. в региональном или локальном контексте. В центре исследований не московский центр, а периферия, в данном случае – кавказская республика Грузия.

Как разъясняют во введении Марк Юнге, Оливер Райснер и Бернд Бонвеч, история Большого террора в Грузии была до сих пор едва исследована будь то грузинскими, будь то западными историками. В современной Грузии советское время (1921–1991) считается периодом чужеземного господства и подчинения чужой воле. Грузия рассматривается как жертва советской диктатуры. Юнге, Райснер и Бонвеч подвергают сомнению эту точку зрения. Они обоснованно указывают на то, что именно массовые репрессии 1937–1938 гг. могли быть повсюду осуществлены только с помощью местных партийных органов и органов безопасности. Отсюда возникают два вопроса: были ли грузины во время Большого террора, вероятно, не только жертвами, но также

и палачами? И преследовало ли грузинское партийное руководство при Первом секретаре ЦК Лаврентии Бери, проводя акции чистки собственные цели, отличавшиеся от целей московского центра? Во введении авторы затрагивают не только эти вопросы. Кроме того, они анализируют имеющиеся источники для исследования массовых репрессий в Грузии. Состояние источников отнюдь не идеально: во время гражданской войны 1990-х гг. в стране были уничтожены некоторые важные архивные фонды. Несмотря на это, существует ещё достаточно архивного материала для исследования массовых репрессий. Речь идёт главным образом о протоколах тех (внесудебных) следственных и карательных органов, в компетенции которых и находилось осуществление чисток в Грузии.

Исследовательская группа сконцентрировалась на так называемых массовых операциях 1937–1938 гг., на которые, как известно, приходится большая часть жертв Большого террора. На протяжении десятилетий о массовых операциях не знали, так как они в своё время проводились в тайне, т. е. без показательных процессов и публикаций в советских средствах массовой информации. Только в 1990-е гг. выяснилось, что массовые операции представляли собой важнейшую часть Большого террора.

Под «массовыми операциями» подразумеваются следующие многомесячные акции «чистки»: во-первых, так называемая кулацкая операция (против бывших кулаков и других «антисоветских элементов»); во-вторых, так называемые национальные операции (против иностранцев и национальных меньшинств); в-третьих, милицейские (полицейские) операции против социально маргинализированных и деклассированных групп лиц (уголовные преступники, бездомные, хулиганствующая молодёжь и т. д.). Жертвами этих операций стали с лета 1937-го по осень 1938 гг. несколько сотен тысяч человек. Они были приговорены к смертной казни или к лишению свободы.

На примере исследования массовых операций в Грузии показано, как решение о проведении Большого террора, принятое в Москве, реализовалось на местном уровне. В первой главе (С. 33–39) Юнге кратко разъясняет, как планировались и осуществлялись массовые операции и какие различия существовали между ними. Во второй главе (С. 42–46) Юнге останавливается на источниках, лежащих в основе исследования. Как уже упоминалось, речь идёт о протоколах следственных и карательных органов, на которые возлагалось руководство массовыми операциями («трой-

ка», «двойка»). Имеется почти 300 протоколов, в которых зафиксированы данные о примерно 24 тыс. человек. Только в ходе кулацкой операции в Грузии были арестованы и обвинены приблизительно 21 тыс. чел. Так как протоколы не полностью сохранились, следует исходить из того, что общая численность подвергшихся преследованию и осуждённых может быть гораздо больше 24 тыс.

В главах 3 и 4 (С. 47–84) Юнге подвергает информационный материал количественному и качественному анализу. Персонализированные данные, содержащиеся в дошедших до нас протоколах, были введены в базы данных, чтобы сделать возможной статистическую оценку. Юнге в каждом случае отдельно оценивает данные по кулацким, национальным и милицеским операциям. Как явствует из сохранившихся протоколов и других дополнительно привлечённых источников, в 1937 и 1938 гг. в Грузии были осуждены по меньшей мере 25 340 человек, из них 43 % приговорены к смертной казни, а 57 % к лишению свободы. В 1937 г. население Грузии составляло примерно 3,4 млн чел. Тем самым жертвы репрессий составляют 0,75 % населения. Юнге оценивает данные в соответствии с различными показателями (пол, возраст, уровень образования, социальное положение, социальное происхождение, политическое прошлое). Он приходит к не особенно ошеломляющему заключению, согласно которому в Грузии, подобно и Советскому Союзу в целом, жертвами массовых репрессий становились прежде всего простой народ и «маленькие люди» (рабочие и крестьяне; мелкие служащие; социальные аутсайдеры). По мнению Юнге, три массовые операции – против кулаков и «антисоветских элементов», против иностранцев и национальных меньшинств, против «социально опасных элементов» – служили ясно распознаваемой цели. Должны были оказаться нейтрализованными и исключёнными те группы лиц, которые считались в самом широком смысле политически нелояльными и неблагонадёжными или слыли «нежелательными» по причинам социального свойства. Этот тезис совпадает с нынешним состоянием исследований, посвящённых теме массовых репрессий 1937–1938 гг.

Авторы: *Вопреки распространённому мнению, можно было также статистически или на основании массовых источников подтвердить, что произвольные аресты, как правило, не практиковались. Напротив, можно зафиксировать заметную рациональность².*

Рецензент: Первые главы тома не предлагают тем самым никаких ошеломляющих результатов, а также никакого острого материала для дискуссии. Не примечательна и глава 6, в которой Леван Авалишвили останавливается на отдельных национальных операциях в Грузии. В ходе этих операций, осуществлённых в различное время, в поле зрения НКВД оказались поляки, немцы, греки, иранцы и представители других меньшинств, живших на грузинской земле. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что жертвами национальных операций стали меньше людей, чем можно было ожидать для такой полиэтнической, расположенной на периферии, республики, как Грузия.

Седьмая глава, «Этнос и террор» (С. 157–276) – самая обширная в томе и, бесспорно, самая взрывоопасная. Марк Юнге и три его соавтора задаются вопросом о том, существовала ли в Грузии связь между террором и национальной политикой. На территории Грузии в течение многих веков рядом и вместе друг с другом жили многочисленные этнические группы. Все эти этнические группы подвергались в 1937–1938 гг. преследованиям, правда, как показывают источники, в различном объёме. Откуда бралась различная степень репрессирования? Преследовались ли определённые этносы намеренно и сознательно жёстче, чем другие, и если да, то почему? Кто нёс ответственность за это – московский Центр или местное партийное руководство в Тбилиси? обстоятельное рассмотрение главы в целом увело бы нас слишком далеко.

Здесь представлены только важнейшие тезисы авторов. Юнге и его соавторы представляют точку зрения, согласно которой при преследовании этнических меньшинств были затронуты интересы не только московского Центра (прикрытие границы на южном фланге Советского Союза), но и грузинского партийного руководства вокруг Лаврентия Бери. Определённые этносы – абхазцы, аджарцы, лазы – подвергались серьёзным преследованиям, так как они настаивали на культурной автономии и отказывались от принудительного «включения» в грузинскую нацию. Авторы усматривают тесную связь между террором и национальной политикой в Грузии середины 1930-х гг. Руководство в Тбилиси стремилось к консолидации грузинской нации, причём с помощью использования малых этнических групп, родственных грузинам. Другие, не родственные грузинам этнические группы – армяне, немцы и евреи – стали объектом жёстких преследований, так как они составляли конкуренцию для грузин и были препятствием гегемонии грузин в республике. Грузинское руководство без каких бы

то ни было «но» и «если» использовало начатые Москвой массовые операции, чтобы дисциплинировать или маргинализировать определённые этносы.

Авторы: *Создаётся впечатление, что мы выстраивали аргументацию с подчёркнуто этнических позиций: грузины против абхазов, грузины против немцев, грузины против армян и т. д. Скорее, линия «боевого соприкосновения» проходила в другом месте, а именно между тбилисским центром власти и периферией или этническими меньшинствами. Поэтому мы сознательно, насколько возможно, говорим не о «грузинском центре», а, избегая этнической коннотации, подчёркнуто чётко – о «центральном правительстве в Тбилиси». Оно с помощью террора решало задачу устранения географической, экономической, политической и социальной конкуренции, что, правда, – и на этом мы настаиваем – в Грузии имело сильную этническую составляющую или отчётливо обращалось против этнических меньшинств. Ввиду именно не огульно этнического, а продиктованного формированием нации подхода тбилисского центра нельзя стричь меньшинства под одну гребёнку. Следует внимательно рассмотреть, какой экономический и социальный статус и какое прошлое они имели, где они находились с географической точки зрения и какие контакты они поддерживали друг с другом и с Москвой или с Турцией. Кроме того, определённую роль играли религиозная принадлежность и степень сформированности их нации.*

Политика навязывания дисциплины и маргинализации по отношению к меньшинствам, которую проводил центр власти в Тбилиси, привела, правда, фактически к гегемонии титульной нации, этнических грузин. В результате проведения этой политики сталинизма оказывалось содействие этнизации сознания в Грузии, последствия чего сегодня, в частности, мешают Грузии превратиться в современное европейское государство. Отчасти можно было бы, на наш взгляд, объяснить этим и грубые ошибки в процессе поиска компромисса с Абхазией и Осетией в конце 1980-х – начале 1090-х гг. Грузинские переговорщики вели себя, говоря словами Андрея Сахарова, как представители «малой империи». Перепечатанная здесь риторика Джемала Гамахарии, Александра Даушвили и группы Метревели дают яркое представление об этом духе³. Россия не преминула воспользоваться ошибками.

Во всяком случае, молодое грузинское государство не пошло своевременно на болезненные, но необходимые уступки в отношении своих меньшинств, чтобы, по крайней мере, попытаться обеспечить целостность своей территории или, как минимум, с поднятой головой покинуть переговоры, действительно могущие быть бесперспективными из-за российских интересов.

Рецензент: Это уж слишком! Соответственно резкой оказалась и реакция обоих грузинских историков, Джемала Гамахарии и Александра Даушвили, критические оценки которых, данные тезисам коллектива авторов, включены в том (С. 318–385). Оба историка не участвовали в проекте. Они вынесли уничтожающий приговор исследованию и тезисам, представленным авторами. Гамахария и Даушвили формулируют свою критику в столь агрессивной, оскорбительной и полемической форме, что у читателя перехватывает дыхание. Несколько вполне обоснованных моментов критики теряются в нагромождении оскорблений и нравоучений. Читатель заглядывает в бездну, в которой видит националистическую ограниченность, теоретико-методическую несостоятельность и значительную неосведомлённость в западных исследованиях сталинизма. Гамахария и Даушвили энергично оспаривают утверждение о том, что грузинское руководство в 1937–1938 гг. преследовало собственные цели и репрессировало определённые этносы, чтобы обеспечить гегемонию грузин и консолидировать грузинскую нацию. Террор, по их мнению, исходил только из Москвы и служил лишь интересам Москвы. Много места в обоих материалах занимает спорный вопрос о том, являются ли такие регионы, как Абхазия и Аджария, «органической частью» Грузии или нет. Гамахария и Даушвили приписывают коллективу авторов намерение задним числом оправдать отделение обоих регионов от Грузии. Даушвили полагает, что о «массовых репрессиях» вовсе и говорить не приходится, так как численность жертв была невелика, будь то в абсолютных или относительных цифрах, т. е. с точки зрения доли жертв в населении советской республики. Как утверждается, преследование меньшинств не было столь интенсивным и широкомасштабным, чтобы межэтнические отношения в Грузии ощутимо изменились. Заключительная точка зрения историка Тимоти Блаувельта оказалась существенно более краткою и благожелательной.

Нет необходимости быть грузинским историком-патриотом, чтобы в процессе чтения понять, что многое в исследовании достойно критики, идёт ли речь о формальном или содержательном

отношении. В первую очередь следует возразить против того, что исследование очень обременительно с точки зрения числового материала. Местами чтение – просто-напросто пытка. Требуется величайшая степень внимательности, чтобы в неразберихе абсолютных цифр и процентных выражений не утратить общее представление о ситуации.

Авторы: *С учётом нынешнего состояния исследования сталинизма, которое закоснело в некоторых центральных пунктах, мы сочли необходимым предложить читателю большое, на наш взгляд, количество статистического материала, а также просо-прографический подход. Только таким способом мы сочли себя в состоянии создать дистанцию до определённых позиций при интерпретации Большого террора, как, например, до иерархического соотношения между центром и периферией, которое и по сей день пытались критически рассмотреть только так называемые ревизионисты, до темы произвола или целенаправленности преследований, значения военной опасности и в первую очередь до определения значимости этнического фактора в ходе осуществления репрессий.*

Рецензент: Помимо этого, есть немало оснований и для содержательной критики. Историческая основа ощутима только отчасти. Коллектив авторов представляет свои результаты и тезисы в значительной степени без контекста; у 1937–1938 гг. в изложении нет предыстории. В томе отсутствует вводная глава, в которой рассматриваются все аспекты, значимые для адекватного понимания массовых репрессий в Грузии: политические и социальные отношения в 1930-е гг.; полиэтническая структура населения; явления, сопутствовавшие коллективизации и индустриализации и ставшие результатами этих процессов; господство Лаврентия Берии в качестве Первого секретаря ЦК Коммунистической партии Грузии и его соперничество с партийным руководителем Абхазии Нестором Лакобой; отношения между Тбилиси и Москвой; личный состав и характер работы грузинских органов НКВД; тенденции национальной политики как на общесоюзном уровне, так и в Грузии; сотрудничество центра и регионов при подготовке массовых операций весной/в начале лета 1937 г. Все эти аспекты вовсе не рассматриваются или затрагиваются только мимоходом. Авторы предполагают наличие у читателя обстоятельной предварительной информации о событиях 1937–1938 гг. Массовые операции не включаются в историю репрессивных кампаний со времён коллективизации. Грузинское партийное

руководство вокруг Лаврентия БериИ нигде не обнаруживается в качестве действующего субъекта. Нигде авторы не заглядывают за кулисы. И лица, облечённые политической властью, и палачи неощутимы как индивиды, а исчезают за понятиями вроде «грузинской репрессивной бюрократии» или «бюрократии преследований». Именно потому, что источники из тбилисских властных кругов утрачены или недоступны, авторам пришлось формулировать тезисы достаточно осторожно. С методической точки зрения в высшей степени сомнительно, опираясь на статистические данные, делать вывод о мотивах исторических субъектов.

Авторы: Рецензентка критикует отсутствие контекста в исследовании и предлагает обширную рабочую программу для отсутствующей у нас «вводной главы». Мы, однако, сознательно решились на игнорирование контекста и сразу же совершили изменение перспективы как с содержательной, так и методологической точки зрения. Этот подход мы считаем в данный момент необходимым. Ведь включение «исторических предпосылок» и изложение «предыстории» означает, несмотря на кажущуюся нейтральность этих понятий, всегда также интерпретацию и фиксацию, нередко «цементирование» устоявшегося, привычных интерпретаций. Именно критика Джемала Гамахарии, Александра Даушвили и группы Метревели, превративших понятийное поле «исторический контекст» в настоящий боевой клич, имевший целью дискредитировать нежелательный угол зрения, показывает, как неглубоко требование рецензентки, на первый взгляд вполне справедливое. Постольку якобы индуктивный образ действий, исходивший из источников, казался более адекватным, нежели сильно дедуктивное включение в нарратив, в свою очередь весьма спорный. Постольку ссылки на историческое исходное положение устанавливались только в очень ограниченном объёме, где это представлялось особенно необходимым для понимания источников.

В принципе мы сверх того представляли точку зрения, согласно которой в первую очередь источник диктует, какое пространство и направление должен занимать «контекст». Например, мы рассматривали вопросы коллективизации сельского хозяйства только в рамках прямых воздействий на меньшинства, т. е. описывали, какие возможности предоставлялись тбилисскому центру с полной реструктуризацией экономики земледелия для ослабления меньшинств с помощью целенаправленного распределения ресурсов и увеличения доли титульной нации

в общей численности населения, а также противодействия официальной национальной политики Москвы. В особенности это было продемонстрировано тем, с какими перебоями шёл процесс выделения земли лазам. Берия также выступает только в том случае, если он встречается в источниках; следовательно, в нашем анализе он – сильный человек на заднем плане, который прежде всего в структурном и идеологическом отношении вмешивается в процесс преследований и обращение с меньшинствами. Соотношение между центром и периферией подробно рассматривается в главе «Передача репрессивной власти на периферию», но не как «контекст», а в рамках описания с опорой на источники разделения труда между Москвой и Тбилиси в ходе осуществления массовых репрессий в Грузии.

Один упрёк рецензентки мы не в состоянии полностью отвергнуть. Действительно спорно, можно ли сделать вывод «от статистических данных к мотивам исторических акторов» или, говоря конкретнее, не проблематично ли сделать обратный вывод от фактического осуществления массовых операций к намерениям преступников в Грузии. Правда, в настоящий момент из-за недостатка источников мы не видим другого выхода, как только «привязать лошадь сзади». Насколько это было различимо до сих пор, ни начало, ни осуществление массовых репрессий, ни их окончание не легитимировались и не осмысливались в дискурсивной форме высшим, средним и низшим уровнями преступников из партии и государства.

Рецензент: Тезис, согласно которому грузинское руководство преднамеренно преследовало определённые этносы особенно жёстко, представляет собой чистой воды спекуляцию. Числовой материал не пригоден для того, чтобы послужить опорой столь смелому тезису.

Кратко продемонстрируем сказанное на примере абхазцев (см. табл. 42, с. 524). В Грузии жили в 1937 г. примерно 55 400 абхазцев. По достоверным сведениям, преследованиям были подвергнуты 572 человека; 314 из них были приговорены к смертной казни. Оказалось ли умерщвление 314 человек достаточным, чтобы «затормозить» процесс образования абхазской нации? Согласно авторам, в этом и заключалась цель грузинского руководства. Но кем вообще были эти 314 человек? Были ли все они поборниками идеи абхазской нации (если вообще можно использовать понятие «нация» применительно к этнической группе такой незначительной величины)? Следовало бы понаблюдать за каждым расстре-

лянным абхазцем в отдельности; только тогда и можно будет сказать, оказалось ли умерщвление этих 314 человек тяжёлым ударом по абхазскому народу или скорее нет. Такой индивидуализирующий взгляд на жертвы оказался, однако, невозможен, что объяснялось состоянием источников. Правда, авторы то там, то здесь останавливаются на конкретных случаях, представляют отдельные жертвы, но эти немногочисленные примеры не могут претендовать на репрезентативность.

Авторы: Цифровые данные однозначно позволяют сделать вывод о том, что определённые этносы заметно больше, а другие гораздо меньше подвергались преследованиям по сравнению с этническими грузинами. Причины этих чётких различий мы искали в соответствующем географическом, социальном, экономическом и политическом положении этносов⁴. К тому же мы оценивали данные и по качественным критериям, как то степень репрессирования, социальное происхождение, социальное положение, возраст, партийная принадлежность и т. д., а затем включали в контекст национальной политики на местах в Грузии и московского центра. Дополнительно исследовались типичные примеры жертв. В этом сочетании кроются потенциал и серьёзность наших выводов.

В принципе мы считаем преследования в Грузии как абсолютно, так и по отношению к численности населения важнейшим, весьма значимым событием с далеко идущими общественными последствиями. Это особенно справедливо применительно к абхазам, которые обнаруживают очень высокую степень репрессирования, т. е. преследовались существенно больше, чем в среднем. Наряду с этим исходим из того, что воздействие на широкие слои населения регулируемого государственной бюрократией преследования лиц, каким-либо образом допускаяшим отклонения, очень высоко и сверх того обладает сильным устрашающим воздействием. Так, интервьюируемые нами по прошествии 75 лет со времени событий часто забывали названия и численность колхозов в своей деревне, однако без труда воспроизводили полные имена и должности тех лиц, которые были арестованы – отцов одноклассников или представителей местного духовенства и лиц, занимавших политические посты. Таким образом, точно и последовательно принимался во внимание факт ареста и имена арестованных, и мысли о причинах ареста тревожили интервьюированных до настоящего времени.

В отношении Абхазии остаётся ещё раз подчеркнуть, что здесь поведение, отклоняющееся в количественном и качественном отношении, каралось особенно жёстко, хотя применительно к большинству абхазов речь шла о группах населения с низким социальным статусом. Этим лицам заметно чаще вменялись в вину националистические происки. Это резкое отличие от нашей эмпирической формулы «низкий статус = меньшее преследование, высокий статус = большее преследование» мы объясняем сознательными или несознательными стремлениями повернуть вспять зашедшие далеко вперёд процессы формирования наций и быть в состоянии с меньшими нарушениями превратить возделенную территорию в колонию. Именно ввиду брызганности темы мы применительно к абхамам добивались дополнительных статистических оценок, которые включали многообразные попытки репрессивной бюрократии дискредитировать абхазов, подвергавшихся преследованиям. Кроме того, была увеличена численность рассмотренных отдельных случаев. Исследование каждого отдельного случая на основе следственных дел, чего требует рецензентка, было бы желательно, но оказалось невозможным по указанным причинам.

Рецензент: Бесперспективны и интервью с семью очевидцами из одной грузинской деревни (С. 277–316). Они никак не способствуют лучшему пониманию событий 1937–1938 гг.

Авторы: *С помощью интервью мы пытались показать, что наряду с большим числом прямых жертв существовали и другие группы жертв, а именно – обратить внимание на то обстоятельство, что также сыновьям и дочерям, жёнам и другим близким и дальним родственникам, даже на протяжении нескольких поколений, пришлось бороться с психическими и психологическими последствиями государственного дисциплинирования населения, что особенно тяжело в условиях тесного пространства деревни. Следовательно, наша задача заключалась в том, чтобы обозначить непосредственные индивидуальные и общественные последствия террора для близких родственников и сверх того указать на долгосрочное воздействие.*

Рецензент: Важные вопросы остались в исследовании незамеченными. Как, собственно, отбирались жертвы, когда летом 1937 г. начались репрессивные кампании? Проводился ли отбор целенаправленно или осуществлялся случайно? Какую роль играли при этом картотеки органов безопасности, в которых были учтены люди, неугодные с политической и социальной точки

зрения? Какую роль играли доносы? Почему Большой террор прекратился осенью 1938 г.? Может быть, не осталось больше врагов, которых надлежало уничтожить?

Авторы: Рецензентка ставит здесь основные вопросы, касающиеся исследования сталинизма. С материалом, доступным в Грузии, на них, однако, нельзя ответить. В отличие от других регионов, например, Украины или России, в Грузии, как уже упоминалось, уничтожены материалы по оценке ситуации (сводки) и инструкции, а также и преобладающая часть актов, фиксирующих преследования. Поэтому для данной кавказской республики исследователи во многих областях зависят от статистической оценки. Но по крайней мере в отношении поставленного вопроса о произволе и целенаправленности преследований эти оценки дали приемлемые результаты. Правда, и на основании существенно более полных украинских и российских материалов не просто сделать заключения о том, как в конкретной ситуации выглядел механизм отбора жертв в рамках массовых преследований. Можно сказать, что классические доносы или другая информация, поступавшая в секретную службу и милицию и регистрировавшаяся там (взятие на учёт), как, например, от неформальных сотрудников и агентов, играли подчинённую роль. Важнее были показания свидетелей и «признания» или искусная, характеризовавшаяся манипулированием и пристрастностью, стратегия допросов, к которой прибегали следователи, а также прямое и тесное сотрудничество между секретной службой и милицией и «бенефициарами» преследований в напряжённом политическом контексте поиска ответственных за экономическое, социальное и психологическое убожество 1930-х гг. Даже незначительное отклонение от лояльности наказывалось теперь чрезвычайно жестоко. Свой вклад в быстрое и не отличавшееся особой сложностью «обнаружение врага» внесли также передача репрессивных полномочий от органов юстиции секретной службе и милиции и сопутствовавшие этому упрощение и ускорение следственного производства. В частности, и таким способом открывались возможности для сведения личных счётов.

Авторы уже рассматривали интересный вопрос о том, почему террор был прекращён как раз осенью 1938 г. Их основной тезис заключается в том, что военная опасность, наконец всерьёз воспринятая советским режимом поздней осенью 1938 г., существенно способствовала прекращению кампании преследований⁵. Правда, грузинские документы непригодны для того, чтобы

хоть как-то способствовать такой дискуссии, поскольку начало и окончание кампании полностью было в руках московского центра.

Рецензент: Проведя отбор материала и оценку имевшихся в их распоряжении источников, Марк Юнге и другие историки совершили, вне всякого сомнения, новаторскую работу, которая может, во всяком случае, быть исходным пунктом для дальнейшего исследования массовых репрессий в Грузии. Последнее слово на эту тему никоим образом не сказано. Многие в исследовании проблематично и неудовлетворительно, в первую очередь жёсткая фиксация на цифрах и процентах и склонность авторов, основываясь на предположительно «объективных» данных, делать выводы о предположительно «рациональных» намерениях грузинского руководства. Авторы прельстились суггестивной силой цифр и позволили ей победить себя. В высшей степени раздражает односторонность угла зрения: в то время как преследование многочисленных меньшинств подробно анализируется, именно репрессии против грузин, титульной нации республики, не было подвергнуто обстоятельному исследованию. Около 13 300 грузин пали в 1937–1938 гг. жертвами чисток. Марк Юнге, вероятно, сказал бы об этом: если смотреть на проценты, т. е. на численность жертв относительно величины национальности, абхазцы с 1,03 % должны были заплатить более высокую кровавую дань, чем грузины с 0,67 % казнённых. Поэтому репрессирование абхазцев было «хуже» преследования грузин. Ну и что же толку в этом жонглировании процентами? Что приобретается с его помощью?

Перевод с немецкого: Валерий Брун-Цеховой

2. Квоты против территориализации

Ю. Обертрайх⁶: Предлагаемый том представляет собой существенный вклад в исследование Большого террора в Советском Союзе. Заслуживает благодарности способность устоять перед искушением привлечь в качестве объясняющих категорий антипатии между отдельными большевистскими руководителями, как это неоднократно, но в конечном счёте малоубедительно проис-

ходило со ссылкой на Сталина и другие крупные фигуры московских партийных и государственных структур. Не предпринималась также попытка в эссенциалистской манере приписать закавказским народам какие-либо особенности. Подход, согласно которому Закавказскому региону приписывается определяющая сила как пространству, характеризующемуся специфической культурой насилия, также не используется⁷.

Авторы и составители книги смогли добиться значительных успехов в исследовании сталинизма. В первую очередь они представляют детализированный и тщательно проанализированный материал, который в развёрнутой форме отображает террор в советской республике Грузии. К тому же здесь обнаруживаются важные соображения и приемлемые системы доказательств по двум вопросам исследования. С одной стороны, речь идёт о тезисе, касающемся этнизации террора на протяжении 1937–1938 гг., т. е. о доминировании этнических критериев при выборе жертв террора. Авторы подвергают этот тезис критике. После обстоятельного и содержательного изложения позиций по данному вопросу они на основании использованного ими грузинского материала аргументируют положение, в соответствии с которым значение этнических критериев хотя и чрезвычайно увеличивалось, но, как правило, эти критерии выступали в сочетании с уже и прежде значимыми политическими и социальными критериями, и поэтому их нельзя отделять от всей совокупности различных факторов. Несколько сложный, но вполне очевидный вывод из анализа, предпринятого в настоящем томе, заключается в том, что, с одной стороны, в результате террора имели место грузинизация, укрепление и консолидация титульной нации. Это происходило благодаря сокращению влияния других этнических групп, например посредством депортаций, а также благодаря тому, что республиканское руководство во главе с Лаврентием Берией активно использовало возможности, которые предоставляла политика террора. С другой же стороны, тезис об этнизации террора в конечном итоге отвергается: этническая принадлежность была скорее предлогом для взятия под стражу, нежели причиной этого, и только во взаимодействии с другими категориями оказывалась достаточной для осуждения внесудебными органами или Военной коллегией.

Второй вопрос, о котором даёт представление книга, имеющий существенное значение для исследования сталинизма, это вопрос о взаимодействии руководства в Москве, которое, несо-

мненно, управляло террором, с партийными и государственными инстанциями, органами тайной полиции и юстиции на низшем уровне, в данном случае прежде всего в республиках. В то время как в одной из отраслей исследования фокус концентрируется на Сталине и его окружении и, следовательно, на Москве, согласно аргументации других авторов динамика террора возникала в значительной степени снизу, особенно под действием рвения в процессе выполнения и перевыполнения лимитов на аресты и расстрелы (обычно оно подстегивалось страхом за собственный пост и свою жизнь)⁸. Авторы убедительно аргументируют здесь в разных местах и в скомпонованной форме в заключительной части свою позицию, согласно которой террор следует рассматривать в контексте общей советской политики. Политика же эта осуществлялась в равной степени Москвой и Тбилиси. Такое общее направление главного политического удара в том виде, как его обрисовывают составители книги и как оно сохранялось в неизменности во время террора, было нацелено на окончательное осуществление коллективизации сельского хозяйства, на охрану внешних границ и до некоторой степени также на предотвращение опасности появления «пятых колонн» с учётом грозившей войны, равно как и на продолжение привилегированного содействия титульным национальностям (С. 602). Дело не только в том, что это политическое единомыслие не позволяло возникнуть противоположности между центром и периферией. Сотрудничество в ходе реализации мероприятий террористического характера породило собственную динамику и даже дополнительно укрепило связь между Москвой и Тбилиси. Террор в качестве объединяющих уз между центральным и республиканским правительствами – этот тезис будут, вероятно, обсуждать будущие исследователи.

Авторы не боятся ясно назвать в данной связи ту ответственность грузинского руководства за террор, от которой нельзя отделаться задним числом со ссылкой на приказы из Москвы.

Наряду с этими заслугами следует, однако, указать и на слаботи книги. Первый серьёзный предмет критики касается применяемой авторами концепции национальной политики. В книге неоднократно напоминает о том, что после фазы этнографической регистрации многочисленных народностей Советского Союза в 1920-е гг., которая, видимо, ассоциируется авторами с плюрализмом и отсутствием репрессий, в 1930-е годы последовало скорее явное содействие титульным национальностям, много-

кратно упоминавшееся национально-государственное строительство в советском контексте, вместе с репрессивной активной государственной политикой в отношении этнических меньшинств (с. 222). Это противопоставление якобы нейтральных 20-х «инвазивным» 30-м гг. упускает, правда, из виду, что основные черты *коренизации* оставались в силе с начала 20-х гг. *Коренизация* имела при этом, как известно, два главных направления. Она представляла собой, во-первых, позитивную дискриминацию в отношении местных кадров во всех общественных и политических сферах, которая имела целью засвидетельствовать отказ от угнетательской политики царизма, а также противодействовать на месте нехватке надежных кадров. Во-вторых, следует назвать развитие (титულных) национальностей, их наделение «комплексом» атрибутов, которым надлежало характеризовать нацию, в том числе, наряду с ясно очерченной территорией, прежде всего письменным языком, высокоразвитой литературой, подобающим историческим нарративом с некоторыми видными личностями, оставившими заметный след в истории. Конечно, при этом в 1920-е годы дискуссии на тему, как в каждом случае должны выглядеть данные атрибуты, пока ещё велись в более критическом тоне и более открыто, нежели десятилетием позже. Но уже в этот период определились направления для продолжавшегося позже национально-государственного строительства: *стоит* подумать, к примеру, о начавшемся в 1920-е гг. и завершившемся в 1936 г. разделении больших регионов Закавказья и Центральной Азии на союзные республики с соответствующими долговременными последствиями в виде проведения границ или о стандартизации письменных языков, в том числе украинского, которую практиковал Николай Скрипник. Конечно, данная «конструктивная» сторона национальной политики, которая вследствие процессов демаркации, селекции и стандартизации была вполне эксклюзивной, в 1930-е гг. вновь и вновь перечеркивалась кампаниями репрессий, особенно в 1932–1933 гг., когда в нескольких республиках подверглось преследованиям целое поколение активных проводников *национально-государственного строительства*, которым был без основания вменен в вину «буржуазный национализм», направленный против советской системы. Эти преследования представляли собой горькое поражение для идеи и практики *национально-государственного строительства*, основанного на самоопределении. И всё же принципы *коренизации* остались, на мой взгляд, в неприкосновенности, и тот факт, что

отныне в восточных республиках речь шла, как отметил Терри Мартин, о *silent korenizatsiia* (тихой коренизации), т. е. не особенно афишируемой официально, не противоречит сказанному⁹. Основные положения, согласно которым руководящие посты в партии, экономических структурах, системе образования и других сферах следовало предоставлять представителям местных этносов, а также продолжать развитие национальностей, обладавших определённым статусом, прежде всего титульных национальностей, остались в силе, причём в принципе на все последующие десятилетия вплоть до развала Советского Союза¹⁰.

Большой террор, что касается его воздействия на *коренизацию*, определённо представлял собой явление иного порядка, нежели преследования, имевшие место в начале 1930-х гг. Дело не только в том, что он, будучи массовым террором, больше не ограничивался элитами и мог затронуть целые группы национальностей, но, как представляется, он был менее целенаправленным в том, что касалось политики *национально-государственного строительства* в соответствующих республиках. Так, например, в Узбекистане объектами репрессий стали сразу два поколения политически активных личностей – джадидисты и первое поколение полностью коммунистических местных кадров во главе с Файзуллой Ходжаевым и др.¹¹ Чрезвычайно суровые репрессии, имевшие место во всех республиках, были равноценны ликвидации руководящих органов республик¹². Но они меньше, чем в начале десятилетия, оказались направленными на тех, кто осуществлял содействие собственной национальной культуре и экономике. В свою очередь, террор был тяжёлым ударом по *коренизации* с кадровой точки зрения, но её основные черты сохранили свою силу и на этот раз. В пользу такого утверждения свидетельствует прежде всего продвижение местных кадров на посты, ставшие вакантными в результате террора.

С учётом этого постоянства *коренизации*, на мой взгляд, мало смысла в ясном различении между 20-ми и 30-ми годами в том, что касается содержания советской национальной политики. Более важно задаться вопросом, какое воздействие оказывали на неё волны репрессий и террора. В какой мере формирование грузинской нации в советском контексте было ограничено террором, насколько он препятствовал этому процессу или даже задерживал его? Здесь авторы «Этноса и террора» дают, как в общих чертах было намечено выше, однозначный ответ: как раз напротив, Большой террор оказывал стабилизирующее воздействие на фор-

мирование титульной нации. И наоборот, это означает – и данный важный вывод можно было бы подчеркнуть сильнее – что меньшие по численности национальности в особой степени проиграли от террора, в том числе и в Грузии, карта этнического многообразия Советского Союза изменилась в направлении гомогенизации.

Авторы: *На наш взгляд, следует проводить более значительное различие между пропагандировавшейся политикой и административной практикой. Проведение политики коренизации политическим руководством в Москве никогда не прекращалось официально, оставаясь в силе «в принципе [...]» до краха Советского Союза». При этом в практике этой политики можно констатировать очень отчетливые различия на отдельных этапах, а именно в отношении как её интенсивности, так и качества. Важный пункт заключается при этом в нарастающей дифференциации на два или даже более иерархических уровня, на что в конце концов намекает и рецензентка, говоря, даже если только очень неопределенно, о «национальностях, наделенных определённым статусом, в первую очередь титульных». Таким образом, одна из наших важнейших задач заключается в том, чтобы установить различие между титульными национальностями (в данном случае грузинами), титульными нациями второго ранга, имевшими автономию на территории Грузии (абхазы, осетины, аджарцы) и нетитульными группами и национальностями, пребывающими в диаспоре. Различие между 20-ми и поздними 30-ми годами заключалось в том, что в 1920-е гг. концепция коренизации применялась также, причём сравнительно сильно, по отношению к малым, а также титульным нациям второго ранга, имевшим автономию на территории Грузии, и соответственно нетитульным группам, а с поздних 30-х гг., напротив, была почти полностью ориентирована всего лишь на титульные национальности. В соответствии с этим Мартин констатирует, что тихая коренизация после 1932 г. сильно сократилась, хотя и не была прекращена. Поэтому концентрация на непрерывности концепции представляется слишком односторонней.*

Политика 1920-х гг. равным образом была при этом иерархически организованной, административной, а частично и репрессивной. Идеализация этой фазы не являлась нашим намерением. Наша задача состояла не в том, чтобы утверждать, что репрессий не было, а в том, чтобы указать на перемещение компетенций и акцентов.

Основная проблема подхода, сформированного Терри Мартином, Юрием Слѣзкиным и другими, с которым мы, как представляется, снова сталкиваемся у рецензентки Юлии Обертрайс, заключается в значительном сведении национальной политики к дихотомии между имперским центром и «меньшинствами» без уделения достаточного внимания градации среди меньшинств, сильно иерархизированной в результате расстановки реальных акцентов, а также территориализации и принятии этнического обозначения народа, составляющего большинство населения, в качестве обозначения страны. Такая позиция заявляет о себе, например, уже в названии работы Мартина, если он говорит об «империи позитивной дискриминации» и тем самым проводит параллель со США, где «позитивная дискриминация» означает содействие меньшинствам с помощью квот, облегчения доступа к государственным институтам, правительственным учреждениям, партийным постам и т. д. для определённых расовых и этнических меньшинств, а именно афроамериканцев, выходцев из Латинской Америки и коренных американцев. В США, однако, это содействие не привязано к территориям, как в Грузии или других советских республиках, т. е. оно не ограничивается определёнными территориями, и территорий, на которых, например, выходцы из Латинской Америки обладают преимущественными квотами за счёт других меньшинств. Для сравнения: узбек в Узбекистане мог извлечь выгоду из коренизации, узбек же в Казахстане – нет; напротив, там он даже подвергался особой дискриминации.

Происхождение проблемы заключается, вероятно, в том, что по мере нарастания временного интервала в наблюдении западных исследователей как национальная проблема Советского Союза воспринимались отношения между московским центром с его «русификаторскими тенденциями» и республиками с их усилиями осуществить суверенитет титульных наций в их сфере влияния. Приверженцем этих стремлений к суверенитету титульных наций считался, кстати, до конца властвования Сталина грузин Лаврентий Берия, которому в ходе его процесса в 1953 г. вменялось в вину, в частности, содействие «буржуазному национализму». Классическим примером на последнем этапе существования Советского Союза была замена первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, казаха Динмухамеда Кунаева в декабре 1986 г. совершенно чуждым стране русским Геннадием Колбиным, сделавшим карьеру на Урале. Кунаев на протяжении десятилетий, как это было принято и в других республиках, до-

бился предпочтения представителей титульных наций в кадровой политике, в то время как часть казахов в населении ввиду депортаций и внутренней миграции в СССР составляла всего лишь около 30 %. Они превратились в меньшинство на своей родине – в принципе, это тот же феномен, который имел место в Абхазии. Смещение Кунаева вызвало жестоко усмиренные националистические волнения, ещё и сегодня отмечающиеся как начало независимости Казахстана. Издавна существовавшие в Казахстане и других среднеазиатских и кавказских республиках межэтнические конфликты, существенно обострившиеся из-за этнократических тенденций титульных наций и смягченные в результате вмешательства Москвы, едва ли воспринимались извне в качестве таковых вплоть до перестройки. На переднем плане рассмотрения национальной политики стоял диагноз «политика русификации», направленная против титульных наций и отвергавшаяся ими.

Но в своей работе на тему «этнос и террор» авторы ставили задачу указать на глубинные исторические корни и формы межэтнических конфликтов. В этом смысле сравнение советской национальной политики с концепцией позитивной дискриминации в США мало подходяще.

Более плодотворным представляется сравнение с резервациями «коренных американцев» в США и соответственно коренных народов в Канаде, где привилегии действительно имеют территориальный характер. Эти территориальные преимущественные права никогда, однако, не назывались «позитивной дискриминацией» или хотя бы связывались с ней. Ещё в 1930-е гг. американский штат Миссисипи был населен преимущественно афроамериканцами, но федеральные ведомства в Вашингтоне не провозгласили его афроамериканским государством. Проведение параллелей между США и Советским Союзом, провоцируемое употреблением понятия «позитивная дискриминация», согласно которому СССР представляется преувеличенным случаем американской практики квотирования, мы рассматриваем как в высшей степени проблематичное. Территориализация и ясная иерархизация меньшинств в отношении территорий – особые признаки советской национальной политики, причём проявляющиеся действительно повсюду, несмотря на подчеркнутые нами различия, и затушёвывать их не следует.

Ещё один аспект проблематичной дихотомизации государствообразующая национальность / национальность, составляющая

большинство населения страны, против меньшинств, которого здесь можно только коснуться, это встречающаяся в отношении всех многонациональных государств позиция отождествления или амбивалентности в соположении между крупнейшей национальностью, «легитимирующей существующий государственный порядок», структурным или количественным большинством и наднациональным целым. Это выражается, скажем, в критике Слёзкина в адрес национальной политики, если он воспринимает русский язык как якобы «естественный» язык многонационального государства, не осознавая, что – например, в Грузии – русский не без основания воспринимается в качестве колониального языка. Многоступенчатость национальностей в советском контексте не может быть проигнорирована. Не «коммунальная квартира», как у Слёзкина, а кукла, матрешка, представляется нам подходящей для этого метафорой: в матрешке под названием Советский Союз скрывается (наряду с прочими) кукла «Грузия», в которой, в свою очередь, имеется, например, кукла «Абхазия», где, со своей стороны, также находятся меньшинства, живущие в Абхазии.

Кроме того, мы считаем отделение национальной и репрессивной политики, которое предпринимает рецензентка, нецелесообразным. Наш методический подход заключался, напротив, как раз в том, чтобы посредством агрегирования документов выявить связь между обоими уровнями.

Ю. Обертрайс: Второй достойный внимания предмет критики относится к шести напечатанным интервью с жителями деревни Чашми. Здесь авторы указывают в качестве постановки вопроса на своё намерение пройти по следам обстоятельств репрессий 1930-х гг., покончить с замалчиванием темы и ввести её в контекст общей советской политики, в особенности коллективизации. Но широкомасштабной оценки интервью не последовало; сами составители книги отмечают, что первоначальной целевой установки им достичь не удалось. К сожалению, источники мало информативны, что объясняется как отбором респондентов, так и характером ведения интервью. Обращение к детям или другим членам семьи с вопросами о переживаниях родителей или родственников старшего возраста – это, в принципе, сомнительный способ действий. Очевидно, мало смысла в том, чтобы ставить вопросы о конкретных фактах, как то данных арестов или о чём-то подобном, в таком «обрамлении». Интервьюируемые обоего пола в соответствии с этим часто сталкиваются с завышенными

требованиями и дают краткие, мало информативные ответы. Даже высказывания интервьюируемых по поводу общей ситуации в деревне в значительной части очень шаблонны («Мы жили очень бедно») и в большинстве случаев не позволяют понять, как можно было справиться с повседневностью в условиях насильственной коллективизации и террора. К тому же имеющиеся социальные различия и напряжения в деревне оказываются в интервью скорее скрытыми, чем видимыми. Высказывания, касающиеся взятия под стражу и повседневности террора, также остаются отчасти просто скудными, что и неудивительно, так как опрашиваемые были в то время ещё детьми. Интересно, правда, что респонденты сообщают о длительных процессах в городе, которые затягивались, так как никто не хотел предоставить себя в распоряжение «органов» в качестве свидетеля, несомненно, не столько из солидарности с обвиняемыми, сколько из страха перед возможностью на основании свидетельского показания оказаться самим в жерновах террора. Следовало бы выяснить, о каких процессах шла речь и действительно ли свидетельские показания играли при этом важную роль.

Проведение интервью оставляет, к сожалению, желать лучшего. Все интервью были проведены в течение одного дня, так что (в зависимости от численности интервьюеров) для интервью предоставлялось не особенно много времени, и это тем более сомнительно, что как раз в деревенской среде наверняка целесообразно установить контакт с деревенским обществом спокойно и на протяжении определённого времени.

Во время интервью, и это классическая «ошибка начинающих», спрашивают слишком много и слишком часто, и отчасти ставят слишком конкретные вопросы, которые могут поставить респондентов под давление необходимости вспоминать точнее вместо того, чтобы позволить им предаться потоку воспоминаний¹³. При этом, разумеется, мешала смена тем, часто практиковавшаяся интервьюерами. Выводы, которые авторы делают из мало прозрачной и никоим образом не опирающейся на существующую литературу оценки интервью, заходят ввиду этих слабостей при ведении интервью слишком далеко: здесь обнаруживается, что в деревне, по мнению авторов, происходящее переносилось просто как судьба, произошло приспособление к системе и взаимных обвинений не было.

Более содержательными, чем краткие ответы на краткие вопросы, оказались фрагменты в транскриптах интервью, в которых

рассказываются истории, как, например, на с. 576, где Г.Н. Кокрашвили, у которого брали интервью, начинает историю словами «расскажу один случай» и описывает в ней, как он и его дядя в обычной ситуации повседневной жизни были охарактеризованы как «вредители»; он говорит, что это унижение надолго осталось у него в памяти. История обнаруживается и в интервью с Н.А. Кокрашвили на с. 583, подобным же образом начинавшаяся словами «хочу рассказать одну историю». Здесь респондент вспоминает о 1970-х гг., когда он, будучи председателем сельсовета, проявил строптивость в вопросе расселения аджарцев и не захотел уступить для этого, как было предусмотрено, 200 га. В этой ситуации на него обрушилось с обвинениями доверенное лицо Эдуарда Шеварднадзе, который в ту пору занимал пост первого секретаря ЦК компартии Грузии, утверждая, что Кокрашвили своей негибкостью подобен отцу, которого в своё время за это и расстреляли. На такой выпад Кокрашвили ответил, что лучше бы следовало расстрелять её отца вместо его отца. Здесь очень ясно просматривается длинная тень репрессий и в личных столкновениях. Такие «истории» считаются в устной истории особенно ценными, так как они часто содержат детализированную и компактную информацию, которая, отлившись в форму истории или анекдота, сохранилась в памяти и по прошествии определённого периода¹⁴.

В ходе интервью с детьми и родственниками жертв террора было бы результативнее задать им вопрос о семейных воспоминаниях, которые, правда, здесь отчасти тоже рассматриваются. Как и кто говорит в семье об ужасных, в том числе и травмирующих, переживаниях? Какую роль играют вещи, связанные с воспоминаниями, вроде писем или драгоценностей? Как обходились с отсутствием мёртвого тела? А как обстояло дело с часто долго длившейся неуверенностью, связанной с местонахождением родственника или родственников? Биографически-нарративный подход, в отличие от избранного здесь тематического, мог бы больше рассказать о том, как респонденты обоёго пола и их семьи пережили войну и как продолжалось развитие биографий в послевоенное время, в свою очередь поначалу полное лишений. Это могло бы позволить объяснить, насколько потери, понесенные в результате террора, оказывали отрицательное влияние на шансы индивидуального и семейного развития, но, по возможности, предоставляли и свободу действий для молодых членов семей, которым приходилось теперь выдвигаться на ответственные позиции среди родных и родственников.

Авторы: Действительно, интервью должны были быть подготовлены и проведены более профессионально. Юлия Обертрайс называет здесь существенные недостатки.

Ю. Обертрайс: В заключение остается выразить надежду, что результаты, представленные в предлагаемой книге, на основании исследований подобной интенсивности по другим советским республикам могут быть в ближайшее время классифицированы ещё лучше. Здесь следует подумать прежде всего об Украине, архивы которой недавно стали доступными полностью.

Перевод с немецкого: Валерий Брун-Цеховой

3. Критика соавтора

В. Фойерштайн¹⁵: Моя оценка содержит две части. Первая часть касается проекта, в котором я участвовал, но в некоторых пунктах не мог согласиться. Я отослал свои возражения ещё до сдачи в печать. Они не были приняты, так что теперь следует несколько изменённая и расширенная редакция этих возражений.

Вторая часть – ответ на неумеренные и целенаправленно оскорбительные нападки грузинских рецензентов, прежде всего в отношении той части публикации, в которой я выступал в качестве соавтора. При этом следует указать на многочисленную неправильную информацию и изложения с грузинской стороны. Тем не менее я не всегда разделяю мнение моих коллег.

Я был привлечён к работе над проектом, в частности, потому, что в 2007 г. в рамках публикации «Языковое богатство колхов. Исследования по южно-кавказскому языку и культуре мингрелов и лазов» обстоятельно занимался мингрельской и лазской культурной автономией. К исследовательской работе, результат которой предлагается вниманию читателей, я был привлечён позже. Концептуальный подход и направленность уже были установлены. Редактирование текста возлагалось преимущественно на Марка Юнге и Даниеля Мюллера. К тому же общий текст, написанный всеми четырьмя сотрудниками, был бы нереалистичен.

В течение многих лет я занимаюсь историей, языком и этнологией мингрелов и лазов. Для этого было необходимо масштаб-

ное полевое исследование в Турции и в Грузии. Я обратил внимание и на другие этнические группы.

Неизвестные до сих пор документы в этом проекте, посвящённые этносам Грузии и их судьбе во время Большого террора, в высшей степени интересны и обогащают науку. Особенно это касается этнической группы лазов. С результатами исследований обязательно должны ознакомиться представители этносов, которые сегодня для понимания собственной идентичности обращаются к своей истории. Только академической дискуссии недостаточно.

А грузинской науке стоило бы заняться и однозным прошлым, игнорировавшимся на протяжении длительного времени. Необходимо, чтобы за этой работой последовали дальнейшие исследования. Можно, например, ожидать новых научных результатов по этническим группам Грузии благодаря обширному Архиву Марра в Академии наук в Санкт-Петербурге, а также актам турецкого консульства в Батуми, хранящимся в Анкаре.

«Этнос и террор»

В некоторых центральных пунктах я не могу согласиться с текстом, предложенным коллегами. Выяснение статистической степени репрессий я не считаю убедительным по следующим причинам.

Следственные дела, которые могли бы дать дальнейшее представление об этнической соотнесенности, были в значительной степени уничтожены при пожаре здания КГБ в Тбилиси.

Не следует исключать, что, возможно, имели место соображения или даже предписания касательно количества приговариваемых, не безусловно типичных для этнически ориентированной репрессии.

Авторы: При выборе жертв имело место тесное сотрудничество между периферией и центром. Так, Москва накануне начала массовых преследований призвала края и области указать численность лиц, в отношении которых на местах были необходимы репрессии. 8.07.1937 Грузия передала в Москву число – 2981 человек. В приказе НКВД № 00447 от 30.07.1937, в который в качестве ориентира вписывались все цифры, переданные с периферии, Грузии был щедро выделен Москвой контингент преследования в количестве 5000 человек, который, однако, по инициативе или запросу Грузии в ходе операции неоднократно увеличивался, а именно – в общей сложности более чем в четыре раза, дойдя до

21030 чел¹⁶. Тем самым нельзя автоматически исключать фактор этнической принадлежности.

В. Фойерштайн: Мы не знаем точного географического распространения репрессии. В отдалённых горных регионах аресты были едва осуществимы из-за топографии и климата, например в Сванетии, которая из-за сильных снегопадов часто оказывалась на протяжении полугода отрезанной от внешнего мира. Во время Большого террора проезжих дорог там не было.

Авторы: На основании протоколов «троек» географическое распространение преследований поддаётся реконструированию вплоть до уровня района. Кроме того, в протоколах применительно к каждому лицу указывается место рождения, а часто и род деятельности в данное время. С помощью этих трёх данных и другой индивидуальной информации из протоколов местожительство человека в большинстве случаев поддаётся относительно однозначной локализации, отчасти даже до уровня деревни¹⁷.

В. Фойерштайн: Неизвестно, сколько людей вовремя исчезли из розыскных списков или смогли скрыться в высокогорных регионах Кавказа.

Авторы: Насколько мы знаем, «чёрных списков» не было. Напротив, НКВД отработывал свои реестры и с помощью опросов свидетелей, а также представителей элиты и простых людей на местах раскрывал других «нелояльных» лиц.

В. Фойерштайн: Следует также точно учитывать структуру населения. Лазские поселенцы в Абхазии состояли преимущественно из мужчин молодого и среднего возраста. Людей преклонного возраста было мало. Женщины и дети по сравнению с Лазистаном также представлены недостаточно. Наряду с небольшой группой политических беженцев значительную часть лазов, вероятно, составляли рабочие-мигранты, за которыми ещё не последовали их семьи. Отсюда при статистическом рассмотрении с неизбежностью вытекает более высокая степень репрессий, что, однако, не свидетельствует о более жёстких репрессиях. То же самое преимущественно касается и турок.

Авторы: Мы прилагали усилия, чтобы в значительной степени учитывать и это.

В. Фойерштайн: Численность мингрелов составляла в 1937 г. приблизительно полмиллиона человек. По всей вероятности, благодаря вмешательству Лаврентия Берии, который сам был мингрелом, Большой террор проявился в Мингрелии куда менее

сильно, чем в остальной Грузии. Интересам Берии вряд ли соответствовало принятие на себя роли особенно жестокого палача среди своих земляков. Если бы степень репрессий по отношению к мингрелам была меньше, она должна была бы, если рассматривать статистически, применительно к грузинам, наоборот, возрасти. Так как мингрельское происхождение, как правило, выводится из типичных окончаний фамилий, соответствующее исследование могло бы привести к более точным результатам.

Авторы: *Здесь мы можем только согласиться.*

В. Фойерштайн: Большую роль играл донос как обязанность каждого гражданина. Не следует исключать, что доносчики вознаграждались конфискованным имуществом обвиняемых.

Авторы: *Применительно к массовым преследованиям в Грузии нельзя реконструировать, какую роль играл донос, из-за отсутствия следственных дел. Наши предшествующие исследования по Украине, Алтайскому краю и Тверской области показали, однако, что значение доносов в ходе массовых преследований переоценивается. Можно с уверенностью сказать, что донос не вознаграждался конфискованным имуществом. Скорее, дело вновь и вновь доходило до утаивания конфискованного имущества сотрудниками НКВД.*

В. Фойерштайн: Приговоры за доказанную контрабанду, бандитизм или прочую криминальную деятельность следовало бы вычестить из общей суммы.

Авторы: *Мы не убеждены в «нейтральной» оценке контрабанды, бандитизма или прочей криминальной деятельности. Сочетание причин играло определённую роль и здесь. Кроме того, эти преступления карались не законным судом, компетентным для подобных ситуаций. За них наказывали внесудебные органы, к тому же непропорционально жестоко.*

В. Фойерштайн: Чрезвычайно высокий уровень смертности турецких ходжей объяснялся не этнической принадлежностью, а религией, против которой велась беспощадная борьба. Принадлежность к запрещённой организации дашнаков автоматически подразумевала смертный приговор, причём не играло никакой роли, шла ли речь об армянине или йезиде.

Авторы: *В соответствии со своим подходом мы подчёркивали, что из сочетания приписок возникал особенно высокий уровень преследований по отношению к определённым группам. Репрессии по отношению к представителям религий приобретали при этом в порядке исключения даже геноцидальный характер,*

так как ходжи находились под сплошным подозрением. Едва ли ещё осуществлялись поиски с точки зрения индивидуальной вины – нет, производились широкомасштабные аресты и осуждение всех священнослужителей.

В. Фойерштайн: Искандер Циташи необычно резким образом критиковал грузинский национализм, вновь и вновь обращая внимание на положение лазов. Эта активность человека, не принадлежавшего к лазскому этносу, и его предполагаемая близость к отравленному в декабре 1936 г. абхазскому партийному руководителю Нестору Лакобе обосновывали более сильное репрессирование многочисленных лазов примерно с весны 1938 г. Во времена, предшествовавшие этому моменту, репрессирование происходило скорее «незаметно». Следовало бы учитывать и поведение тех, кто находился «на руководящих уровнях».

Авторы: С этим мы согласны без всяких «но» и «если», однако и сами так же излагали сказанное.

В. Фойерштайн: Не в последнюю очередь обнаруживаются причины личностного свойства. Абхазы были ненавистны Берии. С основоположником мингрельской культурной автономии, Исааком Жванией, Берия намеревался свести счёты с 1925 г. после столкновения в грузинской газете «Комунисти». Это касается и Искандера Циташи, в то время как видные сторонники мингрельской и лазской культурной автономии остались совершенно незатронутыми. Надлежало бы сначала рассмотреть, каково было отношение к отдельным этносам 1-го председателя «тройки», а впоследствии министра юстиции Грузии Гоглидзе как друга Берии.

Следует, таким образом, выяснить и причины личного свойства. Как жилось бы лазскому этносу в условиях Большого террора, откажись Искандер Циташи в своих письмах от повторной резкой критики?

Авторы: Личные мотивы мы не принимали во внимание, так как они труднодоказуемы, во всяком случае на основании имеющейся совокупности источников.

В. Фойерштайн: Отдельные малые этнические группы Грузии и по сей день явно недостаточно изучены исторической наукой. Но чем меньше в количественном отношении такое сообщество, тем сильнее сказываются ошибки в статистике.

Авторы: Критические замечания обнаруживают тенденцию в принципе поставить под сомнение наш подход. Правда, мы, как и прежде, убеждены в его допустимости.

В. Фойерштайн: Таким образом, для установления убедительной степени репрессий следовало бы заблаговременно выяснить многочисленные вопросы. Должна быть составлена своего рода «инвентарная опись» исторических и этнологических фактов и обстоятельств 1937 и 1938 гг. – задача, едва ли поддающаяся решению исследователями.

Представление русскоязычных оригиналов в исключительно грузинском переводе никоим образом не удовлетворяет научным требованиям. Общеизвестный для историка принцип *ad fontes* («к источникам». – *Пер.*) должен иметь силу и применительно к Грузии, которая располагает более 150 годами научной традиции использования русского языка. Ни один историк в Германии не стал бы довольствоваться немецкими переводами, если имеются оригиналы на английском или французском языках. Знание русского языка не только допустимо для каждого грузинского историка, но и входит в набор инструментов, которыми он ежедневно пользуется.

Тот, кто на обложке с копирайтом прочитает имя переводчика Владимира Луарсабишвили, получит наряду с указанием на архив в связи с отдельными документами, гласящими «Оригиналы. Маканаце набечди текста» (Оригинал. Машинописный текст») совершенно неправильную информацию. В действительности надпись должна была бы быть такой: «Картули таргамани. Оригиналы русул энаце. Маканаце набечди текста (Грузинский перевод. Оригинал на русском языке. Машинописный текст). Это имеет силу и для многочисленных пометок в примечаниях, если в документе, например, имелось подчёркивание красными или чёрными чернилами или чёрным карандашом. Что толку читателю в этих указаниях, если он не узнаёт о действительно подчёркнутом русском тексте. Было бы легко издать русские оригиналы в виде копий и в грузинском переводе. Предлагаемым же способом доводится до абсурда дальнейшее научное исследование, опирающееся на источники.

Переводчик был, очевидно, перегружен обстоятельным текстовым документом № 11 (Документеби, с. 45–56) о лазах. В 11 местах мы находим вопросительные знаки [?] в грузинском переводе, хотя при условии более глубокого знания лазского и турецкого языков эти вопросительные знаки оказываются излишними.

Авторы: Мы занимаем менее критическую позицию в вопросе перевода документов на грузинский язык, как того желает Архив Министерства внутренних дел, поскольку документы на языке оригинала в русском издании публикации доступны¹⁸.

В. Фойерштайн: Объёмистый текст о лазах, который Искандер Циташи приложил к своему письму в адрес Димитрова, ответственные редакторы «Документеби» опрометчиво выдали за работу Института языка и мышления им. Н.Я. Марра Академии наук СССР. Это напрашивается и применительно к большей части текста. Правда, указания в тексте на 1934, 1935 и 1936 годы, т. е. на время после смерти Н. Марра, ставят это соотнесение под сомнение. Проект текста мог бы писать также Искандер Циташи, или он редактировал и доработал проект, составленный Институтом им. Марра. Представления Марра и Циташи (ученик Марра) вряд ли могут принципиально различаться.

Из последнего опубликованного учебника лазской культурной автономии «Okitxušeni Supara» 1937 г., ответственным редактором которого был сам Циташи, мы узнаём, что состоялась первая конференция по лазскому языку. Дата не сообщается. Учитывая многолетние занятия Циташи языком и культурой лазов, было бы возможно предположить, что он – автор документа № 11. Разыскания в Архиве Марра в Академии наук в Санкт-Петербурге могли бы, по всей вероятности, разъяснить вопрос об авторе. К сожалению, языковое сравнение текста русских оригиналов исключено из-за имеющегося только грузинского перевода.

В предисловии к «Документеби» (с. 6) следует исправить маленькую ошибку. Документ № 5 относится не к лазам, а к введению в Абхазии газеты на грузинском языке.

Моя критика в адрес этого проекта касается также русского правописания названий народов, для которых с давних пор стали употребительными немецкие формы, т. е. Adscharen, а не Adžaren, Batsen а не Bacbi, Jesiden а не Eziden, Aserbajdschaner а не Azerbajdžaner

Необходимо сделать несколько замечаний по поводу развития Kartveloba (грузинство, от грузинского слова Картли – Грузия. – *Лер.*) в Грузии.

Конечно, условия для грузинства, самосознания, отмеченного националистическим влиянием, не могли быть созданы в обстановке Большого террора. Они были уже к концу XIX ст. разработаны и доведены до сведения общественности грузинскими политиками, учёными, литераторами и священнослужителями. Основанная же в конце декабря 1936 г. Грузинская Советская Социалистическая Республика могла ещё сильнее продолжать реализацию грузинства. Примерно годом позже с ликвидацией мингрельской и лазской культурных автономий «консолидация» стала на шаг ближе.

Но только в условиях Большого террора 1937–1938 гг. политическим противникам угрожало физическое уничтожение. Тысячи жертв пришлось оплакать одной только грузинской интеллигенции. Духовно-культурный урон был огромным. Правда, жестокие убийства, за которыми стоял председатель «тройки» Серго Гоглидзе, ни в коем случае не могли объясняться так называемым грузинством. Это было скорее преступление против собственной нации.

Не прошло и шести лет, как в 1944 г. грузинскими властями была проведена систематическая депортация месхетинцев и хемшинов (см. об этом ниже). Более 91 тыс. человек были самым жестоким способом принуждены покинуть родину. В 1949 г. Берия отдал приказание о депортации лазов из Абхазии. Ещё в 1951 г. отдельные лазские семьи из деревни Сарпи были насильственно переселены в Казахстан. Вернуться они смогли только после смерти Сталина. «Консолидация Грузии» происходила в годы после Большого террора в форме насильственных действий даже по отношению к «представителям грузинской нации», людям «грузинской крови», как грузинская сторона имеет обыкновение называть лазов. Эта тема – табу на протяжении десятилетий. И по сей день в Грузии не вышло ни одной статьи о депортации лазов.

Равным образом и *megrelta sakme*, так называемое мингрельское дело, всё ещё не подвергнуто обстоятельному исследованию. В соответствии с представлениями, производившими впечатление прямо-таки сумасбродных, мингрелам в целом в 1951–1952 гг. было приписано сотрудничество с Турцией и деятельность, направленная против советской власти. Интересно, что эти вымышленные обвинения относились не к «грузинам», жившим в Мингрелии, а к этническому понятию «мингрелы». В результате дискредитации целой этнической группы им дали понять, что в будущем всё же лучше выдавать себя за «чистых» грузин. Последствия *megrelta sakme* очевидны в Мингрелии ещё и сегодня. Признание мингрельского происхождения (*Margali*) и мингрельского языка (*Margaluri Nina*) как родного для многих людей, находящихся в экономической зависимости от грузинского государства, и по сей день не является чем-то само собою разумеющимся.

Большой террор 1937-го и 1938 гг. продолжался в изменённой форме для многих людей в Грузии до 1952 г. Согласно документам по депортациям в 1944 г., директивы по осуществлению этих террористических акций шли не с высшего поста в Москве, как

известно, занятого грузином Сталиным, а от ответственных органов в самой Грузии. Грузинство, которое продолжается и по сей день, следует поэтому рассматривать в более широком контексте.

Националистические сентенции

Можно было ожидать, что среди грузинских учёных раздастся вопль возмущения, ведь глава «Этнос и террор» ставит под сомнение националистические конструкты, существующие уже более 100 лет. Правда, ещё никогда за прошедшие десятилетия изучения исторического, этнического и языкового многообразия Грузии не приходилось слышать от грузинских академиков таких клеветнических заявлений, в которых отсутствует какое бы то ни было понимание реальности. Во время неоднократных посещений университетов им. Джавахишвили и Сулхан-Саба в Тбилиси, университетов в Кутаиси, Батуми и Зугдиди все беседы были проникнуты уважением между людьми и духом товарищества. Кажется, что это коренным образом изменилось.

В число грузинских рецензентов входят Джемал Гамахария, член абхазского эмигрантского правительства в Тбилиси, профессор Александр Даушвили из Института истории и этнологии грузинской Академии наук, а также группа вокруг Роина Метревели, вице-президента грузинской Академии наук. В состав этой группы входят профессора С. Вардосанидзе, В. Гурули, Т. Путкарадзе, М. Табидзе и Л. Джикия из Университета им. Св. Андрея Первозванного, основанного патриархатом. Т. Путкарадзе лично известен мне с конгресса специалистов по истории Грузии в Кутаиси в 2000 г.

Поэтому выбор рецензентов представляется мне в значительной степени непонятным. От члена абхазского эмигрантского правительства в Тбилиси со всей определённой не приходится ожидать научного выступления, свободного от предрассудков. Сказанное имеет силу особенно применительно к тематике, связанной с Абхазией.

Университет им. Св. Андрея Первозванного в Тбилиси, основанный и финансируемый грузинским православным патриархатом во главе с Илией II, следует ультра националистическим представлениям патриарха и членов Синода. Сюда относятся целенаправленное игнорирование и уничижение греко-православного христианства, которое исповедовало население нынешней Западной Грузии примерно до 1000 г., и в то же время возвышенное до чего-то мистического преобразование грузинской право-

славной веры в прошлом. При этом в качестве авторитетного националистически настроенного историка патриархата выступает митрополит Ананиан Джапаридзе. После установления грузинского православия в качестве привилегированной государственной церкви святые возникали без какого-либо исторического обоснования как грибы после дождя. Так, например, обстояло дело с монахинями из Тао-Кларджети, имена которых неизвестны.

Патриарх и члены Синода прибегают временами к не особенно христианскому средству фальсификации, если речь идёт о том, чтобы «облегчить» рехристианизацию (миссионерское служение) аджарцев и лазов. Так, утверждается, что османы установили в разных местах Аджарии, в частности, у реки Аджарисцкали, гильотины, чтобы обезглавливать людей, которые отказывались стать мусульманами. О том, как эти гильотины после своего изобретения незадолго до 1800 г. должны были попасть в Аджарию, зловеще-мрачное видео грузинской православной церкви, которое можно найти в интернете, нам не сообщает. Во всяком случае, «обезглавливать» было больше некого, так как аджарцы уже давно приняли ислам. Но после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда Аджария оказалась под русским, т. е. христианским, управлением, десять тысяч аджарских мусульман переселились в Западную Турцию. Конечно, это никак не признание принадлежности к грузинской нации и грузинскому православию.

Вот ещё нечто невероятное, сообщавшееся о лазах. На месте под названием «Дудиквати» («месте обезглавливания») османы якобы обезглавили 30000 лазов и монахов соседнего монастыря. Эти лазы, якобы оказавшиеся дополнительно под «перекрёстным огнём» католических миссионеров и армянских священнослужителей, пожертвовали своей жизнью как мученики за грузинскую нацию и свою грузинскую православную веру. Для «поминовения» мучеников Лазети была создана икона с древнегрузинской надписью, и один день в православном календаре посвящён этим «святым».

Истина выглядит по-другому. Места под названием «Дудиквати» не существует. В действительности речь идёт о «Мтутиквата», что означает «Bärenaufstieg». Лазы были греко-православными христианами, ориентировавшимися на Византию. Мнимый монастырь – это вымысел, и доступные сегодня турецкие архивы доказывают, что в начале XVII ст. численность лазов не достигла и 30 тыс. человек. Патриархат и резиденция митрополита в Батуми подтвердили получение упомянутых документов, ответа на которые не последовало и по сей день.

Лично я как соавтор главы «Этнос и террор» ни в коем случае не вступил бы в дискуссию с «рецензентами», задача которых заключалась, очевидно, не в научной критике, а в дискредитации авторов. Профессора университета, которые должны были строго придерживаться предписаний патриархата, конечно, не представляют непредвзятую науку.

Стоит также отметить, что и по сей день в Грузии не появилось ни одной публикации по мингрельской и лазской культурной автономии. Эти главы грузинской истории подлежат на протяжении десятилетий строгому табу. Над этим ещё никогда не работали, так что, следовательно, от грузинской стороны не приходится ожидать и знания предмета.

Перевод главы «Этнос и террор» на грузинский язык я бы точно так же отверг, так как о дискуссии по существу не приходилось и думать. Едва ли какой-то грузинский учёный будет ставить под сомнение «Картвелоба», которое на протяжении десятилетий входит в самоосознание грузинского государства и грузинской православной церкви. В ответе рецензентов не просматривается хотя бы в виде намёток готовность критически рассмотреть собственные позиции.

Выбор слов рецензентами Гамахарией, Даушвили и группой вокруг Метревели никоим образом не соответствует приличиям в межличностных отношениях и академическим формам общения. В необычном тексте этого перевода на грузинский язык можно скорее увидеть скрытый призыв – из-за абсурдных обвинений оклеветать западных учёных, если отсутствуют объективные причины. Этот характер грузинских «рецензий» обладает роковой «функцией образа» для молодых учёных, которые не хотят отказаться от своей карьеры. Ведь профессора показывают здесь, как следует обращаться с западным мнением. Умеренные голоса не прозвучали на фоне инсценированного националистического возмущения.

Если этот тон общения послужит примером в рамках картвелологии, то Грузия распрощается с принципами толерантности и уважительности, без которых научное сотрудничество невозможно.

В центре моего ответа должна стоять дискуссия о мингрелах и лазах. Я хотел бы при этом оговориться заранее, что никогда не извлекал выгоду из финансирования фондом Фольксвагена. Все научные экспедиции я оплачивал из собственного кармана и проводил их наряду с моей основной профессиональной деятельностью.

стью во время отпуска. Моё участие в проекте (к которому я примкнул скорее случайно), посвящённом Большому террору в Грузии, имеет чисто благотворительный характер.

Я не представляю также «враждебных политических, имперских интересов» (Гамахария. С. 401), не занимаюсь «разжиганием террора против Грузии и грузин» (Гамахария. С. 405) и не являюсь приверженцем «сепаратистской и кремлёвской идеологии» (Гамахария. С. 403). Напротив, я всегда чувствовал к Грузии глубокую симпатию. В трудные 1990-е годы я прилагал усилия по оказанию гуманитарной помощи. Я поддержал тогда мингрела, находившегося в Тюбингене. Сегодня он – ректор абхазского университета в Тбилиси.

В Грузии я всегда открыто высказывал своё мнение по поводу Абхазии. Я считаю Абхазию частью Грузии. Правда, перспективу я вижу только в рамках максимально возможной автономии, гарантированной на международном уровне, и демократической Грузии, ориентированной на федеративные принципы.

Со всей недвусмысленностью я отвергаю ложное утверждение о том, что работа «Большевистский порядок в Грузии» «продиктована неонацистско-реваншистской идеологией» (Даушвили. С. 453) как неслыханное и наглое. Научный дискурс при столь своеобразном выборе слов больше невозможен.

Грузинская теория заговора

«В 80-х годах XIX века, в ответ на рост национально-освободительного движения в Грузии, Россия ужесточила имперскую политику и в целях разобщения – и тем самым ослабления грузинской нации стала “заботиться” о мегрелах и сванах, создавая для них школьные учебники, переводя богослужебные книги» (Гамахария. С. 379).

В 1864 г. в связи с отменой крепостного права в царской России появились многочисленные сообщения на мингрельском языке, адресованные населению. Для этого пользовались грузинским алфавитом! Преобладающая часть людей в тогдашней Мингрелии не владела грузинским. Но тот, кто, по меньшей мере, знал звучание грузинских букв, обладал возможностью читать распоряжения на родном языке. Я не знаю ни одной публикации на грузинском языке об этих исторических документах, отстоящих от нас на 150 лет. Несомненно, эти тексты написал мингрел.

Мы знаем относящуюся к 1870 году мингрельскую редакцию молитвы «Отче наш», написанную также с использованием гру-

зинского алфавита. Имя автора, Шарвашидзе, указывает на Абхазию. Вероятно, это имя Шарвашия, изменённое на грузинский лад.

Известный грузинский учёный Александр Цагарели, уроженец Имеретии, приложил к своим «Мингрельским этюдам», вышедшим в 1880 г., двадцать притч на мингрельском языке из Евангелий от Матфея и Луки, а именно как «оригинальный труд музы мингрельского народа». В своей работе он получил поддержку князя Мингрелии Николая Дадиани. Переводчиком притч на мингрельский язык был Хоштария, происходивший из духовной знати. Корректуру текстов обеспечил ещё один князь из рода Дадиани – Н.Т. Дадиани из селения Нокалакеви.

Интересны были дальнейшие действия Цагарели, которые производят впечатление прямо-таки современных. К примеру, переведённые притчи в разных местах зачитывались мингрелам, и к слушателям обращались с просьбой об общей оценке и предложениями по улучшению. Сделанные исправления и дополнения Цагарели прилагал к текстам в виде сносок. Грузинская лингвистика и по сей день игнорирует эти переводы на мингрельский язык.

Около 1890 г. в серии «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа» с русской стороны – при поддержке мингрелов – начинается научное занятие Мингрелией: в 1889 г. выходят девятнадцать мингрельских песен с нотами Гроздова, в 1890 г. появляются мингрельские тексты с русским переводом и списком слов, а в 1894-м вниманию читателя предлагаются мингрельские сказки. И то, и другое – работы Петрова. Никто в Грузии не занимается этими публикациями.

Из язвительных комментариев, появившихся в грузинских газетах конца XIX ст., мы узнали о деятельности группы вокруг мингрела Ашортия, так называемых ашортистов. Как утверждается, они планировали содействовать употреблению мингрельского языка в качестве литературного и собирались, вероятно, издавать мингрельскую газету. Изложение целей этой группы, опирающееся на источники, так никогда в Грузии появилось.

На этом месте следует процитировать уникальные рукописи, посвящённые мингрельскому и сванскому языкам, хранящиеся в архиве Института востоковедения в Санкт-Петербурге. Речь идёт об объёмистых словарях, вышедших с 1884 г., в том числе о грузинско-сванско-русском словаре, над которым его создатель, учёный Бессарион Нижаарадзе, работал почти 30 лет. Грузинская сторона не обнаруживает в течение многих лет какого бы то ни было интереса к этим трудам гигантского объёма.

С изучения мингрельского языка вышеперечисленными русскими учёными начинается и теория заговора, продолжающая существовать по сей день. Цель этих преподавателей духовной семинарии в Хони и учительского института в Кутаиси заключалась в действительности в том, чтобы с помощью мингрельского языка, зафиксированного в письменном виде, расколоть Грузию и сделать Мингрелию добычей империалистических вождельцев России. Похоже, профессор Гамахария при этом поддавался фантазии, если он говорит о «школьных учебниках» и «религиозных книгах» для мингрелов и сванов. Пусть он укажет названия.

Один-единственный «псевдоучебник» вышел в 1899 г. с согласия попечителя Кавказского учебного округа – «Мингрельская азбука». Мы не знаем, использовался ли он когда-либо в школах Мингрелии. Объявленная цель этого мингрельского букваря заключалась в том, чтобы облегчить мингрельским детям изучение русского письма. Поэтому для мингрельского языка была избрана обычная тогда русская транслитерация. Предполагается уже существенное националистическое ослепление, чтобы приписывать этому совершенно безвредному учебнику «шпионскую деятельность в пользу царской России» или «сепаратистские тенденции».

Другие книги или иные сочинения по мингрельскому или сванскому языкам совершенно неизвестны. В соответствии с этим население не могло их и отвергнуть. Факт заключается в том, что введение мингрельского языка как языка молитвы обсуждалось в православной церкви, находившейся под господством России. Но грузинские националисты и по сей день не в состоянии представить хотя бы один-единственный документ, из которого могли бы явствовать сепаратистские цели.

В 1918 и 1919 гг. два мингрела потребовали признания мингрельской этнической принадлежности, включения мингрельского языка в число учебных предметов в школах и университетах и создание культурного института, причём внутри грузинского государства. В 1925 г. движение за автономию снова попросило слова, и 15 декабря 1929 г. Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Грузии приняли решение о том, что «мингрельский язык следует вести в общественных делах в Зугдидском районе и в административных органах деревень там, где большинство населения не владеет грузинским и пользуется мингрельским языком как родным». Следовательно, языковая ситуация была точно известна коммунистической партии.

Итак, мы видим, что противоборство вокруг мингрельского языка было процессом, протекавшим внутри Грузии, и раскол грузинской нации только имитировался, чтобы в длительной перспективе воспрепятствовать развитию регионального языка наряду с государственным. В какой степени имело здесь место злоупотребление политикой, нам говорит тот факт, что упрёк в сепаратизме употребляется даже по отношению к западным коллегам. Какой критике был бы сначала подвергнут грузин?

Основатель мингрельской культурной автономии

«Неверную информацию распространяют авторы рецензируемой книги об Исааке Жвани. В труде он представлен лидером «национально-освободительного движения» мегрелов, интеллигентом, который из-за своих взглядов в 1937 г. был арестован и через несколько дней расстрелян. Это ложь. Исаак Жвания был типичным советским большевиком, одним из активных деятелей установления советской власти в Грузии, членом революционного комитета Сухуми, председателем Зугдидского уездного комитета партии, он занимал партийные и государственные должности. Скончался в 1946 году (а не в 1937 году, как утверждают авторы). Его попытки создания мегрельского алфавита и печатания книг и газет на мегрельском языке были встречены крайне негативно местным населением, интеллигентами – выходцами из Мегрелии» (Даушвили. С. 405).

Вся Грузия называла себя в это время большевистской, и многие грузины участвовали в установлении советской власти в Грузии. 8-й том Грузинской энциклопедии в оригинале с краткой статьёй Л. Тоидзе об Исааке Жвани есть среди моих книг. Внимательному читателю бросится в глаза, что эта статья должна быть результатом манипулирования. Там не прочитаешь ни единого слова о касательстве Жвани к мингрельскому языку. Совершенно определённы мы и не должны узнать ничего о его смерти. Вот Тоидзе и фальсифицирует год смерти, указывая 1946-й, не называя дня, месяца и места смерти Жвани. В Мингрелии, напротив, общеизвестно, что Жвания был расстрелян во время Большого террора.

Алфавит, применявшийся во времена существования мингрельской культурной автономии, был грузинским с двумя дополнительными буквами, вертикально отражённой «q» и горизонтально отражённой «i». Ведь грузинский алфавит для мингрельского языка не мог восприниматься местным населением

«крайне отрицательно»! Если академик утверждает, что книги и газеты на мингрельском языке воспринимались населением крайне отрицательно, то напрашивается вывод о том, что он никогда не занимался данными публикациями. До сих пор мне известны более 20 мингрельских периодических изданий и свыше 40 книг и брошюр на мингрельском языке. Но, кажется, никто в Грузии не знает эти документы и не занимается ими.

В мингрельской крестьянской газете, которая выходила в Зугдиди тиражом до 20 тыс. экземпляров, мы находим примерно 2 тыс. статей, подписанных именами авторов из всех деревень региона. В редакции было занято примерно 180 корреспондентов, которых ежегодно приглашали в народный театр Зугдиди. Это была газета высочайшего профессионального уровня, причём следует упомянуть, что в Зугдидском районе не существовало печати на грузинском языке. У газеты была столь хорошая репутация, что даже Тбилисский университет размещал объявления на мингрельском языке.

Какова была ценность печати на мингрельском языке, наглядно доказывает архив «Крестьянской газеты» (Квазакиши Газети), который находится в соседней комнате библиотеки музея Дадиани в Зугдиди. Экземпляры газет и документы того времени лежат там и сям, рассыпанные по всему полу. На высоте в полметра шагают по шаткому бумажному покрытию, чтобы перебраться на другую сторону комнаты. Невообразимый, позорный хаос.

С Георгием Цицишвили я сам разговаривал в Тбилиси. Я знаю и две его публикации, посвящённые мингрельскому движению «Мапалу». Книгами и газетами на мингрельском языке он не занимался. Вот мы и находим в обоих трудах повторяющиеся неправильные данные о том, что публикации на мингрельском языке были прекращены уже в 1935 г. Он не обратил внимания на то обстоятельство, что мингрельская газета «Qazaq̄iṣi Gazeti» в 1935 г. только поменяла имя на «Комунари».

Лазская культурная автономия

«Следует отметить, что Искандер Циташи не очень нравится и самим авторам книги, которые излишне глубоко вникают в детали его биографии [...]. Использование фамилии в грузинской форме явно указывает на сложный, неординарный, карьеристский характер этой личности. Одним словом, перед нами типичный графоман, для которого рассылать письма во всевозможные органы власти и учреждения – в порядке вещей» (Даушвили. С. 419).

Я считаю проявлением недобросовестности наклеивать на человека ярлык «графомана». На протяжении теперь уже 80 лет представители грузинской науки не написали ни одной статьи, посвящённой Циташи и лазской культурной автономии. Эта тематика подлежит строгому табу. Ни один грузинский академик не осмелился бы опубликовать что бы то ни было на данные сюжеты, не рискуя собственной карьерой. Пять школьных учебников на лазском языке после 1937 г. систематически конфисковались грузинской стороной, так что сегодня они обладают большой ценностью раритетов, и даже в Национальной библиотеке в Тбилиси их больше не найдёшь.

То, что человеку, который был сотрудником Университета им. Джавахишвили в Тбилиси, членом Азербайджанской академии наук в Баку, сотрудником Института им. Марра в Ленинграде и других организаций, отказывают в академической квалификации, демонстрирует привычную снисходительную позицию по отношению к замечательной эпохе лазского литературного языка. Гурам Картозия был лучшим знатоком лазского языка в Грузии. На вопрос о том, почему он в своих публикациях ничего не пишет о Циташи и лазской культурной автономии, которые были ему хорошо известны, он всегда смущённо молчал.

Циташи мог быть яркой личностью, как о том свидетельствуют две неопубликованные автобиографии. Судя по его письмам, он отлично знал культурную автономию небольшого народа, за интересы которого выступал всеми силами. Эта активность стоила ему жизни. Что должен был чувствовать перед расстрелом этот человек, которого, вероятно, с помощью пыток принудили ещё и к «признанию» в том, что он был турецким шпионом?

Грузинская сторона на протяжении восьми десятилетий замалчивала лазскую культурную автономию и её основоположника Циташи и занимает определённую позицию только в том случае, если на это было указано с немецкой стороны.

Грузинский язык как родной у мингрелов, лазов и сванов

«Согласно этому “труд”, грузинами не являются: сваны, мегрелы, лазы; соответственно, грузинского языка нет в Мегрелии, Абхазии и Лазистане, хотя грузинский язык на протяжении многих веков является родным языком и в Сванетии, и в Мегрелии, и в Лазистане, и в Абхазии» (Группа Метревели. С. 418).

Грузинский текст рецензии подготовлен группой вокруг Метревели в стиле бывшего профессора кафедры диалектологии Ку-

таисского университета Тариэла Путкарадзе, который перешёл в университет грузинской православной церкви в Тбилиси. Он стяжал среди мингрелов, лазов и сванов очень сомнительную славу, утверждая, что эти грузинские «племена» говорят только на «диалектах» (грузинского языка). Их подлинно родной язык – грузинский.

Древнейшие молитвы мингрелов дохристианским божествам, живые ещё и по сей день, дошли до нас исключительно на мингрельском языке. Равным образом очень старые мингрельские имена и фамилии не имеют параллелей в грузинском языке. Как могли возникнуть бесчисленные мингрельские, лазские и сванские микротопонимы, если родным языком был грузинский? И как возникла возможность того, что мингрелы, лазы и сваны наряду со своим «родным языком, грузинским» могли научиться ещё мингрельскому, лазскому и сванскому?

А что же думали сами мингрелы, лазы и сваны о своём родном языке? В Мингрелии можно было постоянно услышать: «Margaluri nina re, nanaši nina re» («Мингрельский – это язык, это родной язык»). Отнесение представителей этих этносов к числу носителей диалектов они с возмущением отвергают и чувствуют, что их считают дураками грузинские учёные, значительная часть которых не в состоянии понять даже одно-единственное предложение на мингрельском, сванском или лазском языках.

В декларации, которую подписали приблизительно 1000 человек, лазы энергично протестовали на лазском, грузинском, турецком и английском языках против того, чтобы их вовлекали в грузинскую нацию. Они, отмечается в документе, не грузины, а лазский – самостоятельный язык.

А вот и ещё один пункт. Как можно, чтобы мингрельский и лазский языки превосходили грузинский, государственный язык, в лексическом богатстве и по причине гораздо большего числа провербов располагали тончайшими выразительными возможностями, которых не знает грузинский? Если так, то грузинский ни в коем случае не может быть родным языком.

Царство Лазика

«Авторы не знают или умалчивают о том, что Лазикой византийских источников является исторический Эгриси – Западная Грузия» (Гамахария. С. 393).

Говорить применительно ко времени до X столетия о грузинской нации или грузинском государстве неправильно. Это изо-

бретение грузинского национального движения на исходе XIX в. Царство Лазика было многонациональным государством, которое в политическом отношении колебалось между Византией и Персидской империей и, в конце концов, было завоёвано арабами. После этого события, как представляется, лазы, подобно также грузинам и хемшинам, поселились в северо-восточных пограничных областях Византии.

Греческий был государственным языком, религией – греко-православная вера. Грузинский никогда не был литературным языком лазов, что доказывает лексика лазского языка. Здесь мы находим сильные греческие влияния, которые привели и к заимствованию звука «ф», которого в других южно-кавказских языках, кроме лазского, нет.

Уничужение Абхазии

«Историки-сепаратисты не смогут привести ни одного аргумента, объяснявшего бы то, почему малочисленный, не очень трудолюбивый, ничего не сделавший на протяжении целого позднего Средневековья малоцивилизованный народ (который не вёл городского образа жизни, у которого уже почти отсутствовала религиозная жизнь, без образования, художественной литературы – имелся лишь фольклор), получил такую особую привилегию» (Даушвили. С. 442).

Будучи этнологом, я возмущён уничижительной лексикой, которую использует профессор, представляющий ту же специальность; в соответствии с практикой XIX в. он характеризует кавказские народы как малоцивилизованные, не особенно трудолюбивые, чуждые религии и малообразованные. Мы знаем эти абсурдные высказывания также из путевых заметок о грузинском населении регионов Хевсурети, Пшави и Мтиулету, в особенной же степени о «диких лазах».

Конечно, абхазы на протяжении многих столетий активно участвовали в культурной жизни, которая сначала была отмечена воздействием греческого языка и греко-православного христианства. Мы знаем Пицунду на Чёрном море как важный город и религиозный центр. Только к концу X в. абхазы всё более заимствовали грузинский язык и грузинское православие, учитывая роль Византии. Наряду с христианством и введённым позже исламом в Абхазии, как и у мингрелов и грузинских горных племён, дохристианская вера с множеством божеств-защитников и святых мест оставалась живой до самого недавнего прошлого.

Сколь сомнительны представления Даушвили, становится ясно, если применить масштабы его оценки к Сванетии и сванам. Они равным образом формируют небольшой в численном отношении народ, который никогда не жил городской жизнью и у которого распространение образования и литературы в обычном смысле слова имело место ранее в довольно скромных объёмах. Источником для этого являются разыскания известного сванского этнолога Бессариона Нижарадзе, носившего прозвище «Сванетис Гурджи» (грузин из Сванетии), посвящённые состоянию образования в Сванетии. В его родном селе Ушгули в 1870 г. только 25 % мужчин владели грузинским языком; едва ли хоть одна женщина в Сванетии знала тогда грузинский! Так что же – поэтому в Сванетии не было культуры?

Грузинский алфавит для абхазского языка

«Если абхазы являются потомками тех старых абхазов (что так рьяно утверждают историки-сепаратисты), которые в Средневековье использовали грузинский алфавит, почему не должны использовать тот же алфавит в XIX веке, ведь грузинский алфавит лучше отражает абхазский языковой феномен, чем славянская кириллица?» (Даушвили. С. 443).

«Прямым насилием над историей является утверждение о “мегрелизации” православных абхазов в районах, граничащих с Мингрелией – т. е. в Гальском районе» (Даушвили. С. 384).

Грузинский алфавит в Абхазии Средних веков употреблялся не для абхазского, а для грузинского языка. Постольку у абхазского языка нет какой бы то ни было грузинской письменной традиции, и только в XIX в. он стал письменным литературным языком. Ещё дольше употребляли в Абхазии греческий алфавит, что явствует из письменных документов XIII ст.

Утверждение, что грузинский алфавит более пригоден для абхазского языка, чем русский, вызывает серьёзные сомнения. Грузинского алфавита также было недостаточно для абхазского языка, и его приходилось расширять дополнительными знаками. Эти буквы должны были заучивать исключительно абхазские дети на уроках родного языка, так как жившие в Абхазии мингрелы, грузины, русские, армяне и греки едва ли проявляли интерес к школьному преподаванию на абхазском языке.

Как можно было установить ещё в 1992 г., роль «лингва франка», языка межнационального общения, в Абхазии играл русский, а не грузинский. Мингрельские семьи предпочитали посылать

своих детей в русские школы, так что было и по сей день имеется много мингрелов, которые совсем не владеют грузинским или по меньшей мере обладают недостаточными знаниями. Русский алфавит применялся во всех абхазских школах и присутствовал повсюду в общественной жизни. Соответственно абхазским детям было легче изучать с помощью расширенного единого алфавита родной язык и иностранный – русский, чем раздельно, с помощью букв второго, грузинского, алфавита. В принципе абхазский язык можно с помощью дополнительных знаков записывать правильно, используя латинский, кириллический или грузинский алфавит. Решающую роль играет при этом ориентация в сфере языковой политики! Если почитать тогдашнюю прессу, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Абхазии неожиданно декретом был введён грузинский алфавит, чему не предшествовал ни опрос населения, ни даже обсуждение с ним этого вопроса. Об использовании алфавита на основе грузинской графики для абхазского языка было сообщено под сенсационными заголовками на первых полосах тогдашних газет.

Для оценки этнической принадлежности населения Самурзакано не хватает обобщенных научных результатов исследований. Предшествующие исследования по микротопонимии Самурзакано наводят на мысль о том, что здесь постоянно проживает скорее мингрельское, нежели мингрелизированное абхазское население. Интересно, что области Нижней Сванетии и Лечхуми, относившиеся к мингрельской сфере влияния, с языковой точки зрения мингрелизированы не были.

Однако следует учитывать и традиционно многочисленные смешанные браки между мингрелами и абхазами – дети в таких семьях склонялись к двойной идентичности. Архивы музея Дадзиани в Зугдиди, к сожалению, не открытые для научного исследования, могли бы, конечно, дать дальнейшие сведения по истории и этнологии Самурзакано. Кроме того, в архивах Ватикана хранятся сообщения католических миссионеров из Мингрелии.

Из письма Берии от 13 апреля 1937 г. мы узнаём, что, согласно статистике, по состоянию на 1.1.1936 в Абхазии проживает 84 167 «грузин». Абхазский обком партии не располагал тогда ни одним печатным органом на грузинском языке, так что Центральный комитет Коммунистической партии Грузии принял 7 апреля 1937 г. решение об издании ежедневной газеты на грузинском языке тиражом в 10 тыс. экземпляров.

Интересно в этой связи, что в городе Гали (Самурзакано) прежде существовала достойная внимания пресса на грузинском языке:

1) Мшромели Квазаки («Грудящийся крестьянин»), 1931, тираж 2000 экз.

2) Колмеурне («Колхозник»), 1932–1933, тираж 3000–4000 экз.

3) Колмеурнеши ксума («Голос колхозника»), 1932–1933, тираж 2000–4000 экз.

4) Сталинури шарат («По сталинскому пути»), 1936–1937, тираж 3000–4000 экз.

Вышеупомянутое решение об издании в Абхазии ежедневной газеты на грузинском языке совпало во времени с начавшейся грузинизацией печати на мингрельском языке в Зугдиди весной 1937 г. Не приходится сомневаться в том, что введение грузинского алфавита для абхазского языка и прекращение существования печати на мингрельском языке в Самурзакано преследовало цели грузинства.

Армяно-грузинская война 1918 г.

«Сразу же бросается в глаза тенденциозность авторов, когда они говорят о войне между Арменией и Грузией в декабре 1918 года. Нигде не указывается, что в декабре 1918 года войну развязала Армения, что она потерпела поражение, и только англичане спасли её от полной катастрофы» (Гамахария. С. 390).

Государственная библиотека в Берлине располагает двумя новыми работами по этой тематике, соответственно на грузинском и армянском языках. В обеих книгах эта война представлена с разных точек зрения. Отсутствует статья западного исследователя, основывающаяся на архивах Грузии, Армении, Англии и партии Дашнакцутюн¹⁹. Армянская дашнакская республика, имевшая характер однопартийной диктатуры и рассматривавшая применение насилия в качестве легитимного политического средства, через день после вывода последних германских войск из Тбилиси без объявления войны ввела свои войска в области, находившиеся под управлением Грузии. Речь шла при этом о регионах Лори и Джавахетии. В соответствии с грузинским изложением фактов, армянские войска намеревались захватить Тбилиси, чтобы соединиться там с армянским населением. В свою очередь, как утверждает, грузинские войска планировали захват Еревана. Военное столкновение было остановлено английскими вооружёнными силами, и статус Лори как «нейтральной

зоны» подтверждён. Постольку можно в значительной степени согласиться с изложением Гамахарии.

После геноцида 1915 г. и на фоне сильного голода это военное столкновение Армении с Грузией непонятно. Планировавшееся присоединение Джавахетии не удалось. Армяне Тбилиси ощутили в 1919 г. последствия этой войны в результате репрессий. Отношения между армянами и грузинами всё более обострялись, а влияние армян на культурную и экономическую жизнь грузинской столицы снижалось. Следовательно, едва ли можно говорить об армянском успехе в этой войне.

Депортация месхетинцев, хемшинов и лазов

«Мы можем принять попытку авторов доказать этническое содержание проведённых в Грузии репрессий и какие-то тайные замыслы руководства Грузии только в том случае, если будет представлен специальный циркуляр ЦК КП(б) Грузии, ЦИК Грузии, Наркомата внутренних дел Грузии, который указывал бы на специальное внимание карательных органов к этническому фактору» (Даушвили. С. 425).

«Кроме того, они “освободили” Грузию и от другой ответственности – за депортации народов. Местные интересы в этих депортациях, оказывается, играли подчинённую роль» (Гамахария. С. 399).

Обычное предположение, в соответствии с которым депортация месхетинцев, хемшинов и лазов в 1944, 1949 и 1951 гг. была инсценирована «московским руководством», не соответствует действительности. По поводу депортации месхетинцев (турок), курдов и хемшинов в 1944 г. имеется интересная публикация, а именно *Ahıska Türkleri von Kıyas Aslan, Ankara 1995*. Конечно, турецкого перевода русских оригинальных документов, которые автор нашёл в «Юридической газете», № I, Москва 1991, недостаточно. Но они по меньшей мере дают представление о характере депортации. (Aslan, S. 37–46) Ниже приводим краткое изложение этих текстов.

Не прошло ещё и шести лет после окончания Большого террора, как весной 1944 г. Центральный комитет Компартии Грузии и Народный комиссариат Грузии уже запланировали депортацию месхетинцев, курдов и хемшинов в Среднюю Азию и приняли соответствующее решение. Вслед за этим Лаврентий Берия в «совершенно секретном» письме обратился к товарищу Сталину с просьбой согласиться с депортацией 86 000 турок, курдов и хем-

шинов из 16 700 хозяйств в Казахстан, Узбекистан и Киргизию. В то же время 7000 колхозных усадеб из малоземельных областей следовало переселить на покинутую родину депортированных.

В письме от 31 июля 1944 г. Сталин соглашается с просьбой Берии. 40 тыс. депортированных должны были в ноябре 1944 г. поселиться в Казахстан, 30 тыс. – в Узбекистан и 16 тыс. – в Киргизию. Приготовления к депортации следовало завершить к 1 ноября 1944 г., а переселение 32 тыс. человек из 7 тыс. дворов в грузинских деревнях в зоны обитания депортированных – на протяжении трёх месяцев, начиная с ноября 1944 г.

28 ноября 1944 г. Берия отмечает в письме Сталину, Молотову и Маленкову, что подготовка к депортации продолжалась с 20 сентября по 15 ноября 1944 г. С 15 по 18 ноября была проведена депортация в регионах Адыгея, Аспинза, Ахалцихе, Ахалкалаки и Богдановка, а 25–26 ноября 1944 г. в Аджарии. В то же время началось переселение из Грузии в пограничные области. При депортации не было особых происшествий. Берия называет также точное число депортированных: 91 095. Это на 5095 человек больше, чем, собственно говоря, было предусмотрено. Не подлежит никакому сомнению, что из Грузии изгонялись этносы, которые не вписывались в образ грузинства. В этом случае речь шла исключительно о мусульманских этносах, большинство из которых были обвинены в контрабанде, создании организованных бандитских групп, шпионской деятельности и готовности к побегу. Для грузинской стороны эта депортация с переселением 30 тыс. человек имела окончательный характер. Ненадёжные мусульмане не должны были возвращаться, но какие страдания пришлось перенести населению, которое в зимние месяцы – декабре 1944-го и январе и феврале 1945 г. – предполагалось выселить из Картли, всё ещё остаётся неизвестным.

Эта отталкивающая позиция Грузии по отношению к мусульманским этносам сохраняется и сегодня. От того, кто, будучи месхетинцем, хемшином или лазом, стремился к возвращению на старую родину, настоятельно требовали отказа от собственной идентичности. Он должен был заявить о себе в письменной форме как об этническом грузине, причём ему в то же время рекомендовалось перейти в грузинское православное христианство.

Интересно в данной связи, что хемшины, проживающие в Абхазии, жившие часто по соседству с христианами-армянами, в 1944 г. ещё не были депортированы. То же самое касается лазско-го населения в Абхазии и Аджарии. Относительно депортации

лазов в 1949 и 1951 гг. с грузинской стороны всё ещё нет публикаций. Но из сообщений лаза М. Ванлиши мы узнаём, что ответственность за это нес Берия. Поэтому неправильно мнение соавторов о том, что московское руководство было инициатором депортации. Пришло время открыть грузинские архивы, посвящённые этой мрачной главе истории.

Этничность мингрелов, лазов и сванов

В мингрельском горном районе Лакада и захолустных деревнях Сванетии есть ещё, вероятно, очень старые люди, являющиеся одноязычными, т. е. владеющие только мингрельским или сванским языками. Сообщения об одноязычных лазах в Турции встречаются примерно до 1995 г.

В отличие от прежних времён развивалось многоязычие, а с ней и двойная идентичность. Мингрелы, лазы и сваны в Грузии, разумеется, участвуют в культурной жизни и причастны к её формированию. То же самое можно сказать и о лазах в Турции. Следовательно, мингрел в Грузии является мингрелом и грузином, лаз – лазом и грузином, сван – сваном и грузином и, в конце концов, лаз в Турции – лазом и турком. Это справедливо для тех случаев, когда не произошла полная ассимиляция среди грузин или турок. При этом также не играет роли тот факт, какая идентичность находится в данной ситуации доминирует. Решение предоставляется на усмотрение каждого отдельного человека.

Тем не менее имеется существенное различие. Грузин из Тбилиси или Кутаиси не обладает второй мингрельской, лазской или сванской идентичностью, а имеет одну-единственную, грузинскую. Турок из Стамбула или Анкары не располагает наряду с турецкой идентичностью никакой другой. Следует признать, что в современном мире двойная идентичность должна была бы, собственно говоря, обогатить каждое государство.

После длившейся десятилетиями борьбы против языка и культуры меньшинств, которая в период между 1983-м и 1991 г. увенчалась всеобщим запретом на употребление языка, турецкое государство осознало, что от языка и культуры не исходит никакого «сепаратизма». В течение нескольких лет свободно выходят публикации на лазском языке. В школах северо-восточной Турции дети два часа в неделю факультативно изучают лазский, а также получают оценку по этому языку в табеле.

Лазский признан в Турции самостоятельным языком. Усилия, направленные на сохранение этого языка, которому угрожало

вымирание, поддерживались даже депутатами турецкого Национального собрания. Следовательно, о лазском языке и культуре в Турции можно заботиться без возникновения противоречия с государственным языком.

Совершенно по-иному складывается ситуация в Грузии. Национализм, дошедший до одержимости, объявил мингрельский, лазский и сванский языки сначала диалектами существовавшего якобы 2500 лет назад языка «цанури», а сегодня – диалектами грузинского языка. Грузинская языковая политика на протяжении десятилетий ограничивает употребление мингрельского, лазского и сванского языков исключительно устным общением. Говорить по-мингрельски и петь мингрельские песни не запрещалось, но горе мингрелу, которому пришлось бы в голову писать по-мингрельски – стихотворения, рассказы, делать переводы грузинского национального эпоса или даже Священного Писания!

Для того чтобы при любых обстоятельствах воспрепятствовать развитию наряду с грузинским государственным языком также мингрельского, лазского и сванского в качестве региональных языков, прибегали и прибегают к «опробованным средствам». Ведь наглое требование писать и на унаследованном языке, может родиться только в головах «сепаратистов», «изменников родины», «врагов Грузии», «агентов России», «большевиков» и «атеистов». Цитата патриарха грузинской православной церкви Илии II на титульном листе газеты доказывает едва воображимое националистическое ослепление:

«Перевод Библии на сванский и мингрельский языки представляет собой преступление по отношению к грузинской нации».

Сегодня грузинские учёные снова прибегают к тому же порочающему выбору слов даже по отношению к западным коллегам, если догма грузинства каким бы то ни было образом ставится под сомнение.

Только грузинская лингвистика имеет право заниматься мингрельским, лазским и сванским «диалектами», причём исключительно на основе языкового материала, сохранившегося в устной форме. Многочисленные документы на литературных языках, касающиеся мингрельского и лазского, в течение многих десятилетий так непреклонно табуировались и игнорировались, что в данной связи возникла обширная *terra incognita*. Мингрелоязычные книги, журналы и газеты времён культурной автономии были до такой степени вытеснены из общественного, исторического и научного сознания, что никто в Грузии не может компетентно высказаться о мингрельском письменном языке той эпохи.

На протяжении последних двух десятилетий в Турции появились многочисленные книги на лазском языке. Грузинская наука сознательно не хочет принимать их во внимание, так как их нельзя согласовать со «статусом диалекта» лазского языка. По отношению к мингрельским публикациям, вышедшим со времён перестройки, ведут себя не иначе. Ведь не может же быть того, чему нельзя быть! Мы знаем тысячи чисто языковедческих статей о мингрельском, лазском и сванском языках, но нет ни одной, в которой обсуждалось бы стихотворение, опубликованное мингрелом или лазом.

European Centre for Minority Issues (Европейский центр по проблемам меньшинств), представленный бюро в Тбилиси, в течение многих лет добивался решения. Агитация, инициированная руководителем Института диалектологии в Университете Кутаиси, Тариэлом Пуккарадзе, препятствовала до сих пор какому бы то ни было сближению. Надуманная классификация языков как диалектов делает невозможной защиту мингрельского, лазского и сванского как региональных языков. Националистические фанатики в Грузии заинтересованы в гибели южно-кавказских языков, на протяжении тысячелетий принадлежавших к культурному наследию человечества.

В заключение я хотел бы обратить внимание на западных лингвистов, которые по причинам, вероятно, оппортунистического свойства в течение многих лет молчат относительно грузинской языковой политики или даже перенимают её позицию. Этих языковедов не интересует, выжил ли язык, который они изучают. Вымирающие языки используются только для того, чтобы добиваться личного преуспевания, а иногда также и с целью злоупотребления. Вот так и возникают за письменными столами на Западе, очень далеко от мингрельского и лазского языков, вопреки здравому смыслу, безосновательные определения: *unwritten languages*, «бесписьменные языки» или письменные источники «второстепенного значения». С помощью этих высказываний они ускользают от грузинской критики, тем самым облегчая себе дальнейшие исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитируем по опубликованному отзыву анонимного автора, который пишет под псевдонимом *Gusti Daimchen* (Густи Даймхен, персонаж романа Генриха Манна «Верноподданный»), от 21.01.2016. См.: <https://www.ama->

zon.de/Bolschewistische-Ordnung-Georgien-kaukasischen-Veöffentlichungen/dp/311041029X (дата обращения 07.07.2016). Точка зрения М. Юнге, Б. Бонвеча и Д. Мюллера от 07.07.2016.

² О дискуссии исследователей по поводу произвола или рациональности ср. *Junge M. Goal-Oriented Repression vs. Stochastic Repression // Junge M. Stalin's Mass Repression and the Cold War Paradigm. – New York, 2016 (Kindle, electronic books, chapter 2).*

³ См. также: *Hewitt G. The role of scholars in the Abkhazians' loss of trust in the Georgians and how to remedy the situation // The New World Disorder and Caucasia. – Haarlem, Netherlands, 1998. С. 115–125.*

⁴ Детально мы останавливаемся на своём методическом подходе в обсуждении рецензии Андрея Савина. См. главу: «Заклучения из США, Англии, России», пункт 5: «Социальная чистка против этнической чистки» в настоящей книге.

⁵ См. *Junge M. The War Threat and the Beginning and Ending of the Great Terror // Junge M. Stalin's Mass Repression and the Cold War Paradigm. – New York, 2016 (Kindle, electronic books, chapter 1).*

⁶ Отзыв на книгу «Большевицкий порядок в Грузии», февраль 2017 г. Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча, февраль 2017 г.

⁷ См. различные работы Йорга Баберовски, прежде всего «Враг есть везде» и «Красный террор». *Baberowski Jörg. Der Feind ist überall. Stalinismus im Kaukasus. – München, 2003; Baberowski Jörg. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. – München, 2003.*

⁸ Первыми западными историками, работавшими в этом направлении, были, вероятно, Арч Гетти и Габор Т. Риттершпорн. См.: *Plaggenborg Stefan. Die wichtigsten Herangehensweisen an den Stalinismus in der westlichen Forschung // Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte / Сост. Stefan Plaggenborg. – Berlin, 1998. С. 13–33, здесь С. 23–25.*

⁹ *Martin Terry. The affirmative action empire. Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Ithaca u.a., 2001. P. 362, 372–387.*

¹⁰ По словам Терри Мартина, рекрутирование местных кадров выдвинулось в 1930-е гг. на передний план в ущерб содействию нерусским языкам.

¹¹ См.: *Khalid Adeeb. Islam after Communism. Religion and politics in Central Asia. – Berkeley, Los Angeles, London, 2007. P. 77.*

¹² Об этом шла речь уже в новаторской для своего времени работе: *Simon Gerhard. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Von der totalitären Diktatur zur nachstalinischen Gesellschaft. – Baden-Baden, 1986 (Osteuropa und der internationale Kommunismus, Bd. 16). С. 187.*

¹³ *Breckner Roswitha. Von den Zeitzeugen zu den Biographen. Methoden der Erhebung und Auswertung lebensgeschichtlicher Interviews (1994) // Oral History (Basistexte Geschichte, Bd. 8) / Сост. Julia Obertreis. – Stuttgart, 2012. С. 131–151, здесь С. 132. В качестве русскоязычного введения в устную историю: *Лоскутова М.В. Хрестоматия по устной истории. – Санкт-Петербург, 2003.**

¹⁴ *Obertreis Julia. Oral History – Geschichte und Konzeptionen // Oral History. С. 7–28, здесь С. 14.*

¹⁵ Имеет место исключительный случай, когда один из соавторов после сдачи материала в печать критически высказывается о работе других соав-

торов. Однако авторы не хотят содействовать возможным предположениям о недостаточной готовности к сотрудничеству в своей среде и поэтому печатают это высказывание, снабдив его комментариями, так как в комментариях названы причины, по которым не учитываются возражения Вольфганга Фойерштайна. Вторую часть его высказывания, которое обстоятельно рассматривает критику грузинских рецензентов, мы оставляем некомментируемой. Название комментария Фойерштайна – «Критика проекта и вопли из Грузии». Ответы М. Юнге, Д. Мюллера и Б. Бонвеча, июль 2016 г.

¹⁶ См.: Таблицу № 1 «Деятельность тройки при НКВД Грузинской ССР («кулацкая» тройка) с 8 июля 1937 г. по 11 октября 1938 г. Сводная таблица» в книге «Большевистский порядок в Грузии». Том 2. С. 431–433.

¹⁷ См. Таблицу № 4 «Статистика приговоров тройки при НКВД Грузинской ССР («кулацкая» тройка) по регионам и районам с 11 августа 1937 г. по 11 октября 1938 г.» в книге «Большевистский порядок в Грузии». Том 2. С. 444–447.

¹⁸ Документы о Большом терроре в Грузии // Большевистский порядок в Грузии. Том 2: Документы и статистика. – М., 2015. С. 57–430.

¹⁹ *Viranjan V.G.* Gruzino-armjanskaja vojna 1918 g. – Erevan, 2003 (на армянском языке); *Chichxiani A.* Dashnakta nacionalistur-ekspansionisturi ideologia da Somxet-Sakartvelos 1918–1919 clebis omi. – Tbilisi, 2007 (на грузинском языке).

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ

Авалишвили Леван (Levan Avaliṣvili), докторант кафедры гуманитарных наук Тбилисского государственного университета.

Основные публикации: Foreign political propaganda of the USA and the USSR in the beginning of the Cold War // Annual Journal of the Faculty of Modern and Contemporary History of Europe and America. – Tbilisi, 2004. С. 51–59; The Akhmeteli Case. Political repressions in Georgia // The Archival Bulletin. 2008. № 1. С. 37–44 (в соавторстве с Г. Клдиашвили); The «Great Terror» of 1937–1938 in Georgia: Between the Two Reports of Lavrentiy Beria // Caucasus Analytical Digest. 2010. № 22. С. 2–6.

Агрба Ирина (Irina Agrba), к.и.н., доцент Абхазского государственного университета.

Основные публикации: Взаимоотношения Абхазского царства и Византии (конец VIII–X вв.). Дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. – М., 1989. – Сухум, 2011; Абхазо-аланские взаимосвязи в процессе христианизации (первая треть X в.) // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум, 2007; Вопросы истории церкви и христианской культуры Абхазии в трудах З.В. Анчабадзе // Актуальные проблемы истории народов Кавказа. – Сухум, 1996. С. 169–177 и др.

Анчабадзе Георгий (Giorgij Ančabadze), д.и.н., проф., ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии АН Грузии.

Основные публикации: Источниковедческие проблемы военной истории Грузии. – Тбилиси, 1990; Попытки нейтрализации грузино-абхазского конфликта методами народной дипломатии. На основании личного опыта // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе: Материалы грузино-абхазской конференции. – Ирвайн, 1999. С. 17–37; Республика Грузия // Беженцы и вынужденные переселенцы: этнические стереотипы. Опыт социологического анализа. – Владикавказ, 2002. С. 33–51; History of Georgia: A Short Sketch. – Tbilisi, 2005; Mass Terror in the USSR: The Story of One Family // Caucasus Analytical Digest. 01.12.2010. № 22.

Ачугба Теймураз (Tejmuraz Aġugba), д. и. н., проф., академик Академии наук Абхазии.

Основные публикации: О проблемах национального самосознания населения Юго-Восточной Абхазии. – Сухум, 2006; Этнополитические процессы в Абхазии в контексте грузино-абхазского конфликта. – Сухум, 2007; Абхазия на рубеже XX–XXI вв. (соавт.) // Абхазы. – М., 2007 (2-е изд.: – М., 2012); Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. – Сухум, 2010.

Багапш Нури (Nuri Bagapsh), к. г. н.; старший преподаватель кафедры географии Абхазского государственного университета; научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа.

Основные публикации: Модели этнодемографического развития непризнанных международным сообществом государств на постсоветском пространстве // Бюллетень Владикавказского института управления. 2010. № 32. С. 81–127; Абхазия: история становления этноса и государства // География в школе. 2009. № 10. С. 17–23; Карта-приложение «Абхазия: этническая карта по данным переписи 1989 года» // Конфликты в Абхазии и Южной Осетии: документы 1989–2006 гг. / сост. и коммент. Волхонский М.А., Захаров В.А., Силаев Н.Ю. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008 (в соавторстве с А.А. Цуциевым).

Блаувельт Тимоти К. (Timothy Blauvelt), адъюнкт-профессор (associate professor) советских и постсоветских исследований, Государственный университет Ильи. Директор грузинского офиса организации Американских советов по международному образованию (ACTR/ACCELS).

Основные публикации: Abkhazia. Patronage and Power in the Stalin Era // Nationalities Papers. 2007. № 2. 35. С. 203–232; March of the Chekists: Beria's Secret Police Patronage Network and Soviet Crypto-Politics // Communist and Post-Communist Studies. 2011. № 1. 44; Resistance and Accommodation in the Stalinist Periphery. A Peasant Uprising in Abkhazia // Ab Imperio. 2012. № 3. 13. С. 78–108; The 'Mingrelian Question': Institutional Resources and the Limits of Soviet Nationality Policy // Europe-Asia Studies. 2014. № 6. 66. С. 993–1013; Georgia after Stalin: Nationalism and Soviet Power. – London, 2015 (в соавторстве с Jeremy Smith).

Бонвеч Бернд (Bernd Bonwetsch), д. ф. н., проф., поч. доктор Кемеровского и Харьковского ун-тов, 2003–2009 гг. – директор-основатель Германского исторического института в Москве.

Основные публикации: Военный союз и экономические интересы. Россия в экономических планах Англии и Франции в первую мировую войну. – Дюссельдорф, 1972 (на нем. языке); Российская революция 1917 года. Социальная история от падения крепостного права до октябрьского переворота. – Висбаден, 1991 (на нем. языке); Корея – забытая война? Военный конфликт на корейском полуострове 1950–1953 годов в международном контексте. – Мюнхен, 2012 (соавтор и ред. М. Уль) (на нем. языке).

Вардосанидзе Серго (Sergo Vardosanidze), д. и. н., проф., ректор Грузинского университета им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии.

Основные публикации: Раб Божий. Жизненный подвиг Илии II, католикоса-патриарха всея Грузии. – Тбилиси, 2015.

Гамахария Джемал (Džemal Gamacharia), член правительства (Верховного Совета) Абхазии в изгнании в Тбилиси. Председатель комиссии Верховного Совета по вопросам урегулирования конфликта в Абхазии, связям с диаспорой, образования и культуры.

Основные публикации: Абхазия – историческая область Грузии: С древнейших времен до 30-х г. XX века. Историография, док. и материалы, коммент. – Тбилиси, 1997 (соиздатель Б. Гогия); Очерки из истории Грузии: Абхазия с древнейших времен до наших дней. – Тбилиси, 2009.

Гаччиладзе Реваз (Revaz Gačėčiladze), д. г. н., проф., политическая география. Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили.

Основные публикации: The New Georgia: Space, Society, Politics. – London, 1995; Geographical background to a settlement of the conflict in Abkhazia // Georgians and Abkhazians. The Search for a Peace Settlement / B. Coppeters et al. (eds). – Köln, 1998; The Human Factor in the Process of Restoring Confidence between Peoples: A Study of Opinions of Ossetians Living in Georgia // Georgian-South Ossetian Conflict: Researching Peace / Susan Allen Nan (Ed.). – George Mason University, 2011; Sakartvelo msoplio kontekstshi: me-20 da 21-e saukuneebis politikuri cxovrebis dziritadi momentebi [Georgia in the World Context: Highlights of political life in the XX and XXI centuries]. – Tbilisi, 2013.

Гелашвили Нукри (Nukri Gelašvili), ректор Академии Министерства внутренних дел Грузии. Юрист.

Гурули Вахтанг (Vachtang Guruli), д. и. н., проф. Грузинского университета им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии.

Основные публикации: История Грузии. С древнейших времен до наших дней (соавторы М. Вачнадзе и М. Бахтадзе); The Colonial Policy of Russia Towards Abkhazia. The end of the 19th – beginning on the 20th century // The Archival Bulletin. 2009. № 5. С. 78–107 (в соавторстве с О. Тушурашвили).

Даймхен Густ (Gusti Daimchen). Псевдоним: персонаж из повести Г. Манна «Верноподданный».

Даушвили Александр (Alexander Daušvili), д. и. н., заместитель директора по научной части Института истории и этнографии им. И. Джавахишвили АН Грузии (1998–2006), член правления и заместитель председателя правления Международного научного центра христианских исследований при Патриаршестве Грузии (с 2002 г.). Один из основателей и член правления научного центра по изучению и пропаганде истории, этнологии и религии (2006). Основатель и главный редактор альманаха «Клио» (1998–2006). Ответственный редактор журнала «Аналеби», член редколлегии журнала «Логос».

Основные публикации: Тбилиси-1937. Массовые репрессии в промышленных предприятиях Грузии. – Тбилиси, 1997; Международные отношения в Грузии 1921–1985 гг. На примере промышленных предприятий. – Тбилиси, 2000; Повесть о Сосо Джугашвили. Книга I. «Сосело». – Тбилиси, 2000; Повесть о Сосо Джугашвили. Книга II. «Коба». – Тбилиси, 2004; Повесть о Сосо Джугашвили. Книга III. «Грузинское дело». – Тбилиси, 2007; Русский колониализм в Грузии. – Тбилиси, 2008 (соавтор).

Джавахишвили Джана (Дареджан) (Džana Džavachišvili), директор Института адиктологии, сооснователь и соруководитель Программы магистра по психическому здоровью, Государственный университет им. Ильи Чавчавадзе, член совета директоров и ученый секретарь Европейского общества исследования травматического стресса (European Society of Traumatic Stress Studies, ESTSS).

Основные публикации: Soviet Legacy in Contemporary Georgia: A Psychotraumatology Perspective // Identity Studies 5. – Tbilisi,

2014 (in print); Piloting European Drug Addiction Preventive intervention Unplugged Program in Georgia: Formative and Quasi Experimental Study. *Addictology* 14.2. – Prague, 2014; Myth and Conflict in the South Caucasus: Instrumentalization of Conflict in Political Discourse (Editor). – London, 2013. <http://www.international-alert.org/resources/publications/myths-and-conflict-south-caucasus-vol-2-english>; Myth & Conflict in the South Caucasus: Instrumentalization of Conflict in Historical Narratives (Co-editor). – London, 2013. <http://www.international-alert.org/resources/publications/myths-and-conflict-south-caucasus-vol-1-english>

Джикия Леван (Levan Džikia), к. и. н., приглашенный проф. Грузинского университета им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии.

Основные публикации: Августовское восстание 1924 года и кровавый пир под Шорапани // Кавказский узел. 22.02.2012 (<http://pluto9999.livejournal.com/14290.html>).

Джишкарини Давид (Džiškariani David), магистр гуманитарных наук.

Основные публикации: *AlZHIR and order № 00486* // The Archival Bulletin. 2011. № 11. P. 67–74; The Main Phase of Ethnic Deportations from the Georgian SSR during Stalin's Era // The Changing Ethnic Environment in Georgia. Conference volume. *Bazalaeti*, 22–23 June. 2012. P. 165–182.

Дзугаев Коста (Kosta Dzugaeв), к. ф. н., старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З.В. Ванеева, доцент кафедры философии Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова. Заслуженный деятель науки Республики Южная Осетия.

Основные публикации: Южная Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений. – Цхинвал, 2007 (в соавторстве с В.Д. Дзидзоевым); Парадигма самоорганизации: философский, историко-социальный и политологический аспекты. – Цхинвал, 2007; Южная Осетия и прецедент Крыма // Вестник Владикавказского научного центра (ВНЦ). 2014. Т. 14. № 4. С. 46–50. <http://iagir.ru/node/138>; Понятие «окна возможностей» применительно к интеграционно-воссоединительному процессу Осетии (1917–1921 гг.). – Цхинвал, 2016 (в производстве).

Канделаки Дали (Dali Kandelaki), д. и. н., ассоц. проф. Департамента истории России при Научно-преподавательском институте русистики гуманитарного факультета Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили.

Основные публикации: Вопросы взаимоотношений Грузии и России в свете немецких источников. II половина XVIII века – I половина XIX века. – Тбилиси, 2003. (на груз. языке); Сведения европейцев о Кавказе. – Тбилиси, 2009. (на груз. языке); Путешествие по Грузии Генриха Теодора Веле. – Тбилиси, 2010 (на груз. языке; Предисловие – на грузинском и немецком языках).

Кварчелия Лиана (Liana Kvarčelia), к. ф. н., заместитель директора Центра гуманитарных программ, Сухум, Абхазия.

Основные публикации: Georgian policy on Abkhazia: strategy or tactic? – International Alert. – London, 2011 (<http://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/1107Abkhazia.pdf>); Abkhazia's foreign relations. International Alert. – London, 2013 (http://www.international-alert.org/sites/default/files/Caucasus_GeorgiaAbkhazia_RoadTo2020_EN_2013.pdf); Утилизация темы грузино-абхазского конфликта в избирательном процессе в Абхазии. International Alert. – London, 2013 (http://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/Caucasus_2013_Myths_Vol2_RU.pdf); What Happened in Abkhazia. International Alert. – London, 2014 (<http://www.international-alert.org/blog/what-happened-abkhaz,ia-en#sthash.hz9VYXdd.dpbs>).

Клдиашвили Гиоргий (Giorgij Kldiašvili), докторант кафедры гуманитарных наук Тбилисского государственного университета.

Основные публикации: The Akhmeteli Case. Political repressions in Georgia // The Archival Bulletin. 2008. № 1. С. 37–44 (совместно с Л. Авалишвили).

Клингенберг Матнас (Mathias Klingenberg), руководитель Немецкой международной ассоциации народных университетов (DVV–International).

Основные публикации: More Questions Than Answers: Diverse and Complex Challenges for Adult Education in History and Reconciliation Projects // Adult Education in an Interconnected World. Festschrift in Honor of Prof. Heribert Hinzen. International Perspectives in Adult Education 71. – Bonn, 2015; Remember for the Future: History

as a Topic for Adult Education // Strohschen G. Handbook of Blended Shore Education. – Chicago, 2008; Speaking To One Another: Ein Projekt zur Förderung der Erwachsenenbildung als Beitrag zur türkisch-armenischen Aussöhnung // GEMINI (Gemeinsame Initiative der bundeszentralen Träger politischer Jugendbildung im Bundesausschuss Politische Bildung): Der 1. Weltkrieg als Thema der politischen (Jugend)bildung. – Berlin, 2014.

Костелло Михаил (Michael Costello), к.и.н., Университет г. Кент, Великобритания.

Основные публикации: Post-Soviet Nostalgia and Hope // Digest of the Society for Co-operation in Russian and Soviet Studies. 2016. Vol. 2. С. 1–4; Абхазия. Закон. Размышления на тему. – Ростов-на-Дону, 2013 (вместе с Ф. Камкия); Notions of coexistence between custom and law. A current experiment in the emergent state of Abkhazia // Journal of the Anthropological Society of Oxford. 2011. Vol. 2:1. С. 1–37.

Лакоба Станислав (Stanislav Lakoba), д.и.н., проф., Абхазский государственный университет в г. Сухум, главный научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований, приглашенный профессор SRC Hokkaido University (2000, 2004 гг.).

Основные публикации: Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми, 1990; Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? О политике России в Абхазии в постсоветский период. 1991–2000 гг. – Sapporo, 2001; Абхазия после двух империй. XIX–XXI вв. – Sapporo, 2004.

Куромия Хироаки (Hiroaki Kuromiya), д.и.н., проф., Институт истории Университета Индиана, США.

Основные публикации: Conscience on Trial: The Fate of Fourteen Pacifists in Stalin's Ukraine, 1952–1953. – Toronto, 2012; The Voices of the Dead: Stalin's Great Terror in the 1930s. – New Haven/London, 2007; Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s. – Cambridge, 1998.

Майсурадзе Гиоргий (Giorgi Maisuradze), д.и.н., проф., руководитель факультета философии и социологии Университета им. Ильи Чавчавадзе.

Основные публикации: *Gemeinschaft und Gesellschaft* // *Sxeli šok'oladi*. 2009. 50. С. 90–98; *Vom Pantheon zum Pantheon* // *Sxeli šok'oladi*. 2009. 53. С. 88–96; *Čak'et'ili sazogadoeba da misi daražebi* [Закрытое общество и его охранители]. – Tbilisi 2011; *Dak'arguli k'ont'ekst'ebi* [Утраченные контексты]. – Tbilisi, 2012; *Sonniges Georgien. Figuren des Nationalen in Georgien*. – Berlin: Kadamos, 2015.

Ментешавили Иван (Ivan Mentešašvili), д. и. н., проф., Национальный музей Грузии, член Международного наполеоновского общества.

Основные публикации: *История Англии в освещении современной английской историографии* // *Известия Академии наук Грузинской ССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства*. № 1. – Тбилиси, 1988. С. 164–179; *Фолклендские острова. история конфликта*. – Тбилиси, 2005; *Власть и герой. Наполеон Бонапарт*. – Тбилиси, 2014.

Метревели Роин (Roin Metreveli), д. и. н., проф., председатель Национального комитета историков Грузии, вице-президент Национальной академии наук Грузии.

Основные публикации: *Давид Строитель*. – Тбилиси, 1990; *Georgia*. Nashville, Tennessee, 1995; *The Georgian chronicle: Matiane Kartlisa*. – М., 1996; *Кавказская цивилизация в контексте глобализации*. – Стокгольм, 2009; *Некоторые вопросы внешней политики Грузии в средние века: XII век*. – Тбилиси, 2010. *The golden age: Georgia from the 11th century to the first quarter of the 13th century*. – Тбилиси, 2010.

Мюллер Даниель (Daniel Müller), к. и. н., руководитель «Дома для молодых талантов» Университета г. Зиген (Германия).

Основные публикации: *Die Armenier in den Kreisen Džebrail', Šuša und Dževanšir des Gouvernements Elizavetpol' nach den amtlichen «Familienlisten» von 1886* // *Osmanismus, Nationalismus und der Kaukasus. Muslime und Christen, Türken und Armenier im 19. und 20. Jahrhundert* / F. Adanır, B. Bonwetsch. – Wiesbaden, 2005. С. 65–83; *Sowjetische Nationalitätenpolitik in Transkaukasien 1920–1953*. – Berlin, 2008; *Besetzte Kaukasus-Gebiete* // *Handbuch zum Widerstand gegen Nationalsozialismus und Faschismus in Europa 1933/39 bis 1945* / G.R. Ueberschär. – Berlin–New York, 2011. С. 235–241.

Обертрайс Юлия (Julia Obertreis), д. и. н., проф. института истории Университета Эрлангена-Нюрнберга, Германия.

Основные публикации: *Tränen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie 1917–1937.* – Köln/Weimar/Wien, 2004; *Imperial Desert Dreams. Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991.* – Göttingen: V& R unipress, 2017; «Мёртвые» и «культурные» земли. Дискурс учёных и имперская политика в Средней Азии, 1880-е – 1991-е гг. // *Ab imperio.* 2008. № 4. С. 191–231 (в соавторстве с А. Каплуновским).

Папаскири Зураб (Zurab Papaskiri), д. и. н., проф.

Основные публикации: *Абхазия. История без фальсификации.* Издание второе, исправленное и дополненное. – Тбилиси, 2010.

Путкарадзе Тариел (T'ariel Put'k'aradze), д. и. н., проф. Грузинского университета им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии.

Основные публикации: *Tanamedrove kartvelta enobriv-etnik'uri ac'era «msoplios enata reest'ris» michedvit da arsebuli sinamd vile [Языково-этническое описание современных грузин по «Реестру языков мира» (inguarium.iling-ran.ru) и существующая реальность]* // <http://www.scribd.com/doc/14098229/Putkaradze-Msoflios-EnaTa-Reestri-Da-Sakartvelo>; *Some Aspects of the Geopolitical Strategy of Georgia. On Politicization of the Kartvelological Studies* // <http://www.scribd.com/doc/9100139/Tariel-Putkaradze-Some-Aspects-of-the-Geopolitical-Strategy-of-Georgia>.

Райснер Оливер (Oliver Reisner), к. и. н., приглашенный лектор факультета искусств и наук Университета им. Ильи Чавчавадзе.

Основные публикации: *Die Schule der georgischen Nation. Eine sozialhistorische Untersuchung der nationalen Bewegung in Georgien am Beispiel der «Gesellschaft zur Verbreitung der Lese- und Schreibe-kunde unter den Georgiern» (1850–1917).* – Wiesbaden, 2004; *Die Nationalisierung der Religion in der Orthodoxen Apostolischen Kirche Georgiens – Begünstigung oder Hindernis im Demokratisierungsprozess?* // *Religiöse Akteure in Demokratisierungsprozessen. Konstruktiv, destruktiv und obstructiv / J. Leininger.* – Wiesbaden, 2013. С. 149–190 (совместно с Pamela Jawad) *Zur Geschichte des Begriffs eri in der modernen georgischen Historiographie* // *Georgica.* 2012. № 35. С. 62–77; *Die Erforschung Kaukasiens im Zarenreich und der frühen Sowjetunion – Der Wandel von Interessen und Konzepten in den Regionalwissenschaften* // *Russlands imperiale Macht. Integri-*

onsstrategien und ihre Reichweite in transnationaler Perspektive / В. Pietrow-Ennker (Hrsg.). – Wien–Köln–Weimar, 2012. С. 179–208.

Савин Андрей, к. и. н., старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск).

Основные публикации: Этнонизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия. XXI, 2012. № 3. С. 40–61; Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы. Эмиграция и репрессии. Документы и материалы / Сост. и науч. редактор А.И. Савин. – Новосибирск: Посох, 2009; Репрессии в отношении евангельских верующих в ходе «кулацкой» операции НКВД // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М.: РОССПЭН, 2009. С. 303–342; Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. 1919–1938. – Essen: Klartext Verl., 2001 (в соавторстве с Д. Брандесом).

Сулаберидзе Ф. (F. Sulaberidze), заместитель ректора Академии Министерства внутренних дел Грузии.

Табидзе Манана (Manana Tabidze), д. и. н., проф. Грузинского университета им. Св. Андрея Первозванного Патриархии Грузии. Действительный член Нью-Йоркской академии наук.

Основные публикации: Complex Analysis of Linguistic Situation and Linguistic Legislation of Post-war Abkhazia (1993–2012) // <http://sangu.ge/images/mtabiudze.pdf> (соавтор М. Nachkebia).

Тушурашвили Омар (Omar Tušurašvili), полковник полиции, директор Архива МВД Грузии, учредитель журнала «Архивный бюллетень» (The Archival Bulletin) (с 2008 г.).

Основные публикации: Debates about statehood in a troubling time. The history of the Establishment of the South Ossetia, Autonomous District // The Archival Bulletin. 2008. № 3. С. 107–116; Documents and Materials on the History of the Georgian Church (1943–1946) // The Archival Bulletin. 2009. № 4. С. 79–109; The Colonial Policy of Russia Towards Abkhazia. The end of the 19th – beginning on the 20th century // The Archival Bulletin. 2009. № 5. С. 78–107 (все статьи в соавторстве с В. Гурули); Interior and Security Ministers of the 20th Century, Tbilisi 2013 (в соавторстве с

И. Яхуа); *Materiály o okupaci Československa v roce 1968 v archive Ministerstva vnitre Gruzie // Securitas imperii* 24. 2014. P. 180–202 (в соавторстве с В. Луарсабишвили).

Фойерштайн Вольфганг (Wolfgang Feurstein), к. и. н., внештатный преподаватель Восточного семинара (отделение христианского Востока) Университета Тюбинген.

Основные публикации: Lazuri Alfabe. Entwurf eines lazischen Alphabetes. Parpali 1. Schriftenreihe zur lazischen Sprache und Kultur. Gundelfingen, 1984; Mingrelisch, Lazisch, Swanisch. Alte Sprachen und Kulturen der Kolchis vor dem baldigen Untergang // *Caucasian Perspectives* / G. Hewitt (Hrsg.). – Unterschleissheim / München, 1992, S. 285–328; *Der sprachliche Reichtum der Kolchis. Untersuchungen zur südkaukasischen Sprache und Kultur der Mingrelier und Lasen.* – Freudenstadt, 2007.

Хвадагиани Ираклий (Irakli Chvadagiani), историк. Председатель неправительственной организации Sovlap (Soviet Past Search Laboratory – Лаборатория по изучению советского прошлого).

Основные публикации: *Dak'arguli ist'oria. Mexsiereba rep'resirebuli kalebis šesacheb* [Потерянная история: воспоминания о репрессированных женщинах] / A. Margvelašvili, Irakli Chvadagiani, Giorgi Šaišmelašvili, David Gogišvili. – Tbilisi, 2012; *Looking for lost graves. Mass graves of victims of soviet repressions in 1921–1953 years in Tbilisi.* – Tbilisi, 2014.

Читашвили Марин (Marine Čitašvili), доктор психологии, проф. психологии Государственного университета им. Джавахишвили, генеральный директор Национального фонда науки Грузии им. Ш. Руставели.

Ширер Дэвид (David Shearer), д. и. н., проф. факультета истории Университета Делавер, США.

Основные публикации: *Policing Stalin's Socialism: Social Order and Mass Repression in the Soviet Union, 1924–1953.* – New Haven, 2009; *Stalin and the Lubianka: A Documentary History of the Political Police and Security Organs in the Soviet Union, 1922–1953.* – New Haven, 2015; *Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953.* – М., 2014.

Шольмерих Аксель (Axel Schölmerich), д. ф. н., проф. кафедры психологии развития факультета психологии Рурского университета в Германии. Ректор Рурского университета.

Основные публикации: Well-being. Indicators and measurement // Promoting Psychological Well-Being in Children and Families / Сост. В. Kirkcaldy. – Houndmills, UK: Palgrave Macmillan, 2015. С. 123–134 (в соавторстве с А. Agache, В. Leyendecker); Observation of intra- and interpersonal processes // Behavior based assessment: Going beyond self report in the personality, affective, motivation, and social domains / Сост. F. J. R. van de Vijver, T. Ortner. – Göttingen: Hogrefe, 2015. С. 211–220 (в соавторстве с J. Jäkel); Attention functioning in children with prenatal drug exposure // Infant Mental Health Journal. 2016 (в соавторстве с D.A. Jaeger, В. Suchan, D.T. Schneider, N. Gawehn).

Юнге Марк (Marc Junge), д. и. н., сотрудник Института истории Рурского университета в Германии.

Основные публикации: Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. – М., 2008 (в соавторстве с Р. Биннером и Г. Бордюговым); Революционеры на пенсии. Всеобщее общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Советском Союзе. Образование, развитие, ликвидация (1921–1935). – М., 2015; Stalin's Mass Repression and the Cold War Paradigm. – New York: Kienle electronic books, 2016; Чекисты на скамье подсудимых. Сборник статей. – М.: Пробел, 2017 (в соавторстве с Линн Виолой и Джеффри Россманом).

БЛАГОДАРНОСТЬ

Авторы выражают свою глубокую благодарность и искреннюю признательность Фонду Фольксвагена (Volkswagen-Stiftung) за поддержку этой книги. Германский исторический институт в Москве содействовал проекту на всем протяжении его осуществления. Немецкие авторы, несмотря на все проблемы, извлекли пользу из временами острой дискуссии не только благодаря указаниям на объективные неточности и желательным разъяснениям, они уважают всех участников и благодарят их за активность.

В процессе поиска рецензентов в Осетии, Абхазии и Великобритании нам помогли Лира Козаева (председатель Ассоциации женщин Южной Осетии «За демократию и защиту прав человека»), Себастьян Релиц (Институт исследований Восточной и Юго-Восточной Европы Университета Регенсбурга), Лиана Квархелия (Центр гуманитарных программ, г. Сухум, Абхазия), Джордж Хьюитт (Школа восточных и африканских исследований, Лондонский университет). Оливер Райснер помог нам советом в выборе названия книги.

Андрей Савин (Институт истории Российской академии наук, Новосибирск) участвовал в публикации, консультируя по структуре и содержанию. Им выполнен также перевод части текстов с немецкого на русский. С немецкого на русский переводили также Валерий Брун-Цеховой и Даниил Бордюгов. Англоязычные статьи переводили на русский язык Ирина Давидян и Даниил Бордюгов. Перевод с грузинского на русский – Тато Луарсабишвили и Юлия Аделханова. Андрей Савин и Алексей Тепляков устранили из рукописи ряд фактических ошибок и вместе с Еленой Рудь внесли в книгу коррективы.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абашидзе М. – 52
Аббас-Оглы А.Ш. – 428
Авалашвили Л. – 159
Авалишвили Л. – 137, 157, 167, 211,
342, 434, 483, 488
Ага Махмад Хан – 87
Агрба И. – 312, 314, 374, 483
Аделханова Ю. – 201, 495
Аденауэр К. – 247
Акаба Н. – 369
Александр III – 54
Андерсон Б. – 43
Анчабадзе – 75, 127, 251
Анчабадзе Г. – 127, 139, 148, 152, 159,
160, 168, 267, 310, 483
Анчабадзе З. – 234, 251, 260, 269, 278,
284, 300, 301, 370, 371, 373, 483
Анчабадзе Ю.Д. – 296, 372
Апакидзе – 240
Апридонидзе Ш. – 373
Ардзинба В. – 72, 73, 234, 320
Асланишвили А. – 53
Атарбеков Г. – 274
Ататюрк К. – 58
Ахалаи Г. – 108
Ахвlediани Г. – 300, 373
Ахуба К. – 277
Ачугба Т. – 260, 278, 280, 308, 324, 337,
370, 371, 374, 428, 484
Ашхацава С.М. – 134, 282
Аюардан – 313
Аюардан А. – 313
Аюардан Е. – 313
Аюардан И. – 313

Б

- Бабалашвили И.П. – 117
Баберовски Й. – 226, 227, 413, 417, 421,
428, 481
Багаев Г.Р. – 362

- Багапш К. – 334
Багапш М. – 334
Багапш Н. – 323–325, 327–329, 331, 334,
335, 374, 484
Багапш Наури. – 334
Багиров М.Д. – 117, 418
Багратиони – 54
Багратиони В. – 224
Бакрадзе А. – 373
Балибар Э. – 426
Басишвили – 352, 376
Бауман З. – 417
Бауэр О. – 242
Бахаулла – 112
Бахтадзе М. – 486
Бгажба О. – 370
Бгажба Х.С. – 300, 373
Бердзнишвили Н.А. – 141, 233, 239, 285,
306, 371, 374
Берия Л.П. – 11, 18, 20, 51, 53, 54, 59,
61, 67, 69, 70, 91, 93, 101, 117, 125,
135, 140, 195, 196, 209, 216, 235, 261,
265, 267, 275–277, 292, 294, 301, 303,
314, 317, 325, 330, 331, 340, 343, 346,
347, 357, 360, 361, 383, 385, 389, 397,
398, 400, 403, 408, 418, 421, 432, 434,
437–439, 444, 449, 456–458, 461, 474,
476–478
Бикбов А.Т. – 255
Билокинъ С. – 116
Биннер Р. – 378, 427, 492, 494
Бисмарк О. фон – 54, 55, 76
Блаувельт Т. – 53, 137, 193, 194, 196–
198, 217, 226, 275, 398, 402, 403, 436,
484
Блиев М.М. – 376
Бовуар С. де – 184
Бокарев Е.А. – 116
Бонвеч Б. – 13, 116, 118, 127, 130, 136,
138, 145, 151, 152, 158, 159, 162–166,
168, 169, 172–174, 177–179, 181, 183,
186, 190, 205, 248, 249, 369, 370, 374,

375, 378, 381, 383, 385, 388, 426–428,
431, 481, 482, 485, 492
Бордюгов Г.А. – 494
Бордюгов Д.Г. – 110, 160, 172, 183, 199,
201, 427, 495
Бразильяк Р. – 184
Браккер В.А. – 287, 371
Брандес Д. – 492
Брежнев Л.И. – 41, 242
Бриггс – 271
Броссе М. – 284
Брун-Цеховой В. – 178, 230, 248, 278,
308, 312, 323, 337, 369, 387, 405, 411,
426, 443, 454, 495
Бутба М. – 289
Бухарин Н.И. – 69

В

Вайтц Э. – 426
Ванеев В. – 351, 353, 359, 376, 377
Ванеев З.В. – 487
Ванка И. – 190
Ванлиши М. – 306, 478
Вардосанидзе С. – 118, 462, 485
Вачнадзе М. – 486
Введенский А.Н. – 371
Веле Г.Т. – 488
Вильсон В. – 25, 32
Виола Л. – 494
Виттфогель К. – 391
Волхонский М.А. – 484
Восторгов И. – 107
Врангель П.Н. – 202
Высоцкий В.С. – 121, 191, 257, 379

Г

Гаглоев Р.Н. – 362
Гаглойти Ю.С. – 376
Гаглошвили – 352
Гагуа И. – 297
Газарян С. – 275
Галонифонтибус И. – 267
Гамахария Д. – 19, 20, 23–26, 28–38,
40–45, 76, 78, 79, 108, 116, 133, 139,
153, 155, 156, 158, 159, 167, 181, 182,
186, 190, 194, 217, 251, 259, 261, 262,
266, 268, 269, 271–274, 278, 281, 283,
286, 301, 310, 318, 319, 322, 335, 370,
435, 436, 438, 462, 464, 465, 467, 471,
475, 476, 485
Гамкрелидзе Т.В. – 373
Гамсахурдиа З. – 259, 348, 378

Гамсахурдия К. – 119, 290
Гасвиани Г.А. – 373
Гатенов Г.И. – 351
Гачечиладзе Р. – 206, 207, 209, 210,
212–217, 219–221, 223, 224, 226–230,
485
Гванцеладзе Т. – 84, 294, 372
Гвасалия – 134, 282
Гегель Г.В.Ф. – 64, 65
Гегечкори Е. – 271
Гелашвили Н. – 125, 143, 144, 146–148,
157, 168, 172, 177, 182, 190, 486
Генлейн К. – 72–74, 320
Геншер Г.-Д – 46
Гербер Ю. – 242
Гигинейшвили И. – 119
Гительман Ц. – 418, 428
Гитлер А. – 73, 74, 135, 406
Глонти – 356
Глонти А. – 373
Гогешашидзе Я. – 243, 268, 269
Гогия Г. – 78, 485
Гомартели И. – 289
Гордадзе Т. – 332, 374
Грациози А. – 391
Гроздов – 466
Гуажба Р.Х. – 371
Гулиа Д. – 269, 284, 484
Гурко-Кряжин В.А. – 269, 370
Гурули В. – 118, 130, 134, 136, 159, 167,
182, 282, 462, 486, 492

Д

Давидян И. – 178, 387, 405, 411, 495
Давлианидзе С.С. – 70
Дадзиани – 54
Дадзиани М. – 108
Дадзиани Н. – 466
Дадзиани Н.Т. – 466
Дадзиани Ц. – 52, 469, 474
Даймхен Г. – 13, 480, 486
Дамения Е.К. – 71
Данилов С. – 261, 292, 370, 372
Даушвили А. – 46, 51–54, 58, 61, 63, 65,
66, 69, 70, 72, 74–76, 78–80, 82–88,
90–93, 95, 96, 108, 116, 117, 134, 145,
148, 155, 156, 159, 167, 186, 194, 217,
278, 281–283, 294, 301, 310, 311, 315,
316, 319–322, 435, 436, 438, 462, 464,
465, 468, 469, 472, 473, 476, 486
Делба М.К. – 326, 372, 374
Деникин А.И. – 270

Детьен М. – 247
 Джавахишвили Д. – 190, 248, 486
 Джавахишвили Дж. – 183
 Джавахишвили И. – 107, 118, 139, 141, 233, 239–244, 252, 284, 286, 371, 462, 485, 486, 488, 493
 Джавахишвили М. – 46, 47, 62, 162, 236, 239, 470
 Джанашиа С. – 141, 233, 236, 239
 Джанашиа С.Н. – 284, 306, 374
 Джапаридзе А. – 463
 Джапаридзе М. – 117
 Джапаридзе О.М. – 284
 Джатиев А.М. – 359, 360
 Джергения Д. – 277
 Джибладзе Г.Н. – 268, 370
 Джикия Л. – 118, 132, 167, 462, 487
 Джинджихашвили – 362
 Джиоев М. – 378
 Джиоев Н.З. – 377
 Джиоев Т.З. – 362
 Джишкариани Д. – 142, 145, 159, 162, 168, 487
 Джонсон Д. – 249
 Джонуа Б.Г. – 372
 Джорджадзе А. – 242
 Джугели В. – 376
 Джуха И. – 44, 97, 99, 100, 106, 108, 110, 118, 200, 212, 275, 279, 317, 319, 343, 388
 Дзержинский Ф.Э. – 206
 Дзидзария Г. – 234, 251, 284, 297, 370, 372
 Дзидзоев В. – 350, 358, 368, 374, 376, 377, 487
 Дзугаев К. – 337, 348, 353, 358, 362, 366, 375–377, 487
 Димитров Г. – 58, 59, 460
 Дугин А.Г. – 17, 175, 181
 Дьяконов И.М. – 284

Е

Евтушенко Е.А. – 72
 Ежов Н.И. – 18, 36, 69, 94, 207, 427

Ж

Жвания И. – 53, 108, 347, 398, 458, 468
 Жириновский В.В. – 17, 175, 181
 Жордания Н. – 18, 262, 270, 271, 354, 370
 Жордания О.К. – 252, 253

З

Заделова А.С. – 361
 Закареишвили П. – 378
 Заруски Ю. – 390, 391
 Захаров В.А. – 484
 Зиновьев Г.Е. – 49

И

Ибрагимбеги Х.М. – 374
 Изабелла I Кастильская – 55
 Илизаров Б.С. – 421, 428
 Илия П. – 462, 479, 485
 Илле – 67, 68
 Инал-ипа К. – 277, 371
 Инал-ипа Ш.Д. – 284
 Ингороква П. – 236, 267, 284, 299–301, 318, 373
 Иоаниди Н.Н. – 373
 Ираклий П. – 51

К

Каденбах Б. – 190
 Какурия Ш. – 117
 Камкия Ф. – 489
 Канашвили Г. – 251
 Канделаки Д. – 142, 156, 157, 159, 162, 167, 488
 Каплуновский А. – 491
 Каркапашвили Г. – 307
 Каухчишвили С. – 300, 373
 Кацадзе А. – 374
 Качарава – 240
 Квархелия Л. – 495
 Кварчелия Л. – 234, 308, 310, 374, 410, 488
 Кварчия В.Е. – 373
 Кереселидзе Л. – 111
 Кершоу Я. – 404
 Киквидзе А. – 239
 Кикодзе – 356
 Кинг М.Л. – 89
 Киров С.М. – 67
 Кишмария М. – 277
 Клдидашвили Г. – 136, 138, 149, 150, 156, 157, 159, 167, 316, 340, 390, 392–394, 396, 483, 488
 Клингенберг М. – 147, 158, 178, 180, 182, 190, 488
 Клогг Р. – 278

Книпенберг – 67, 68
 Кобидзе Д. – 300, 373
 Козаева В.Р. – 377
 Козаева Л. – 495
 Кокрашвили Г.Н. – 453
 Колбин Г. – 449
 Конквест Р. – 392, 409, 410
 Коранашвили Г. – 242
 Коряков Ю. – 109
 Косвен М.О. – 284
 Костелло М. – 260, 405, 406, 410, 428, 489
 Котетишвили В. – 63, 289, 371
 Кравцова Е.И. – 378
 Круль В. – 190
 Кудрявцев К.Д. – 371
 Кузнецов А.А. – 372
 Куманев В.А. – 428
 Кунаев Д. – 449, 450
 Куправа А. – 251, 260, 278, 372, 408, 428
 Куромия Х. – 381, 383, 384, 386, 426, 489

Л

Лавров Л.И. – 284
 Лагидзе И. – 111
 Ладария В. – 277
 Лакоба В. – 277
 Лакоба М. – 277
 Лакоба Н. – 30, 58, 60, 61, 70, 73, 134, 196, 235, 236, 260, 261, 274–277, 292, 298, 310, 314, 327, 343, 347, 370, 437, 458
 Лакоба С. – 234, 251, 259–263, 267, 276, 278, 296, 369, 370, 372, 428, 489
 Лакоба Ш. – 276
 Лалиева Ю. – 352
 Латышев В.В. – 284
 Лашаури М. – 252, 253
 Лежава Г.И. – 117
 Лежава Г.П. – 330, 371–374
 Лемкин Р. – 293
 Ленин В.И. – 18, 202, 206, 239, 242
 Ломоури Н. – 373
 Ломтатидзе К.В. – 119, 284, 300, 373
 Лордкипанидзе М. – 78
 Лордкипанидзе М.Д. – 373
 Лоскутова М.В. – 481
 Луарсабишвили В. – 459, 492
 Луарсабишвили Вл. – 111
 Луарсабишвили Т. – 45, 97, 110, 116, 158, 172, 182, 495

М

Мазнишвили Г.И. – 78
 Мазовер М. – 413
 Майсурадзе Г. – 199, 201, 249, 489
 Макалатия П. – 373
 Маленков Г.М. – 477
 Мамардашвили М. – 230
 Мамулия С. – 276, 277
 Манн Г. – 13, 480
 Маргания – 127
 Маргания Д. – 290
 Марикба И. – 408, 428
 Мария Федоровна – 54
 Маркова О.П. – 252
 Маркс К. – 49, 239, 242
 Марр Н. – 108, 118, 284, 326, 455, 460, 470
 Мартенс Т. – 47
 Мартин А. – 271
 Мартин Т. – 61, 81, 193, 248, 412, 447–449, 481
 Мартини – 241, 254
 Маршания – 127
 Марьухба И.Р. – 372
 Махарадзе Ф. – 59, 61
 Мачавариани К.Д. – 289, 371
 Мгеладзе А. – 196, 297, 298, 314, 321, 372
 Мейсон Дж. – 338
 Меликишвили Г.А. – 284
 Менабде – 241
 Ментешашвили А. – 269
 Ментешашвили И. – 201–204, 206, 249, 490
 Меркель А. – 135
 Мерчуле Г. – 373
 Месхия Е. – 52
 Метревели Р. – 97–106, 108–110, 118, 194, 217, 278, 282, 283, 301, 315, 321, 435, 438, 462, 464, 470, 490
 Мжаванадзе В. – 242, 254
 Микеладзе Е. – 62, 93
 Минц И.И. – 151
 Митрофанов А.В. – 17, 175, 181
 Митчелл М. – 55
 Могилевский С. – 274
 Мозохин О.Б. – 117
 Молотов В.М. – 18, 477
 Мухелишвили Д. – 78, 116
 Мухелишвили Н.И. – 239
 Мюллер Д. – 44, 97, 99, 100, 106, 108, 110, 113, 116, 118, 120, 127, 137, 145,

152, 186, 200, 212, 248, 249, 272, 275,
279, 317, 319, 333, 343, 369, 370, 374,
375, 388, 397, 398, 401, 426–428, 454,
481, 482, 490

Мясников А. – 274

Н

Надареишвили Т. – 17

Нан С. – 338

Натадзе Н. – 243, 356

Натмеладзе М. – 117

Неймарк Н. – 47, 152

Нижарадзе Б. – 466, 473

Николадзе Н. – 242

Николай II – 77

Николай I – 354

Ницше Ф. – 429

Нодия Г. – 243, 244, 260

Нуцубидзе Ш. – 47

О

Обертрайс Ю. – 443, 449, 451, 454, 490

Окложбио И.Д. – 51

Орахелашвили М. – 49, 93, 116

Орджоникидзе С. – 273, 359, 376

Оруэлл Д. – 250

П

Пайчадзе Д. – 242

Панкратова А.М. – 239

Папаскири З. – 78, 133, 134, 159, 167,
273, 275, 276, 282, 330, 331, 335, 370,
491

Папаскири И.Г. – 327

Парнаваз – 52, 320

Пачулия В.М. – 324, 371, 373, 374, 428

Пётр I – 233

Петров – 466

Плиев А.А. – 351

Приле – 67

Просс К. – 185

Путин В.В. – 384

Путкарадзе Т. – 118, 462, 471, 480,
491

Р

Райснер О. – 138, 144, 145, 152, 153,
156, 158, 162, 164, 205, 230, 249, 251,
431, 491, 495

Раковский Х. – 274

Рамишвили И. – 270

Рамишвили Н. – 270

Рапава А.Н. – 117

Релиц С. – 495

Робакидзе А.И. – 284

Россман Д. – 494

Рудь Е. – 495

Румянцев С. – 251

Руставели Ш. – 128, 129, 151, 159, 168, 493

Рыков А.И. – 69

С

Саакашвили М. – 9, 238, 245

Савин А. – 45, 97, 116, 162, 172, 206,
411, 416, 428, 481, 492, 495

Сагария Б. – 260, 278, 324, 370, 371,
374, 428

Саджая А.Н. – 361

Саламов Н.М. – 377

Самосудов В.М. – 369, 378

Самсонадзе М. – 116

Санакоев В.А. – 359

Сахаров А.Д. – 133, 435

Сахокия Т. – 119

Свердлов Я.М. – 206

Сейсян П. – 277

Сидамонидзе – 241

Силаев Н.Ю. – 484

Симон Г. – 222, 365

Слайдер Д. – 261, 294

Слезкин Ю.Л. – 193, 449, 451

Смирнов В.А. – 369

Смирнов И. – 274

Смирнов Н.Г. – 117

Смирнова Я.С. – 284, 327, 374

Солженицын А.И. – 369

Сологубов-Скобелев Ю.М. – 138, 342

Соселия Г. – 300, 373

Сталин И.В. – 11, 18, 20, 49, 53, 59, 61,
67, 93, 108, 119, 135, 152, 195, 196,
206–210, 217, 230, 235, 238, 239, 242,
261, 265, 266, 273–275, 292, 294, 298,
306, 307, 311, 314, 320, 322, 325, 332,
338, 340, 344, 356, 359, 360, 372, 378,
383, 391, 392, 398, 406, 407, 410, 417,
422, 427, 428, 444, 445, 449, 461, 462,
476, 477

Сулаберидзе Ф. – 123, 492

Суни Р. – 193

Сургуладзе А. – 240

Т

Табидзе М. – 118

Табидзе Т. – 62, 93, 462, 492

Такоев С. – 360, 377
 Тамар – 354
 Тандилава А. – 119
 Тепляков А. – 495
 Тернон Ив. – 372
 Тибилев А.А. – 487
 Тишков В. – 339
 Тоидзе Л. – 468
 Тотадзе А. – 268
 Трапш М.М. – 284
 Троцкий Л.Д. – 206, 274, 275, 370, 406,
 407, 409, 410
 Туркия С. – 277
 Тускадзе И.Н. – 326
 Тушурашвили О. – 116, 120, 123, 125,
 127–130, 134, 138, 142–144, 149, 153,
 155–157, 160, 162, 163, 168, 172–174,
 177, 182, 190, 215, 486, 492

У

Уль М. – 485
 Уокер – 270
 Услар П.К. – 284

Ф

Фадеев А.В. – 284
 Фердинанд II Арагонский – 55
 Фишер Р. – 338
 Флаш К. – 7, 15
 Фойерштайн В. – 44, 97, 99, 100, 106,
 108, 110, 118, 200, 212, 275, 279, 317,
 319, 343, 388, 454, 456–460, 482,
 493
 Фон-Дервиз Н.В. – 289, 371
 Франко Ф. – 73, 332
 Фрей – 67

Х

Хаккер Й. – 190
 Хаустов В. – 390
 Хашба А.К. – 290, 371
 Хвадагани И. – 146, 168, 493
 Хелая А. – 107
 Химшиашвили С. – 51
 Хирикба В.А. – 234
 Хирш Ф. – 193
 Хизр Н.У. – 232
 Хлевнюк О.В. – 391, 427, 428
 Ходжаев Ф. – 447
 Хольм А. – 246, 247

Хомерики М. – 46, 47
 Хоршиш Ф. – 47
 Хоштария-Броссе Е. – 78
 Хрущёв Н.С. – 18, 130, 372, 409
 Хубаев В.З. – 362
 Хундадзе Т. – 251
 Хундадзе С. – 119
 Хьюитт Д. – 495

Ц

Цагарели А. – 466
 Цагурия М.К. – 70
 Царзон С.-Д. – 354, 376
 Цвижба Л.И. – 371
 Ценгуашвили К. – 117
 Церетели Г. – 119
 Церетели М. – 242, 356
 Циташи И. – 58–61, 72, 108, 119, 347,
 458, 460, 469, 470
 Цихелашвили К. – 378
 Цицишвили Г. – 46, 47, 53, 469
 Цулукидзе – 126
 Цуциев А.А. – 484
 Цховребов Ю. – 363, 376, 377

Ч

Чабиева Е.З. – 362
 Чавчавадзе И. – 11, 107, 182, 486, 489,
 491
 Чалмаз М. – 277
 Чанба С. – 270
 Чанба Х. – 277
 Чарая П. – 119
 Чачба М. – 285
 Челеби Э. – 285, 371
 Чикобава А.С. – 284
 Чиковани Н. – 236
 Читашвили М. – 128, 134, 141, 159, 493
 Читая Г.С. – 284
 Читишвили М. – 168
 Чочиев А. – 72, 320
 Чумбуридзе З. – 373
 Чурсин Г.Ф. – 284
 Чхаидзе – 126
 Чхиквишвили В. – 270–272

Ш

Шакрыл Е.П. – 372
 Шакрыл К.С. – 297, 372
 Шакрыл Т.П. – 372
 Шамба С.М. – 17, 100
 Шанидзе А.Г. – 372

Шапиро И.И. – 342
 Шарвашидзе – 466
 Шатиришвили З. – 245
 Шеварднадзе Э. – 187, 241, 242, 244, 453
 Шервашидзе – 75, 127
 Шиллер Ф. – 278
 Шинкуба Б.В. – 297, 372
 Ширер Д. – 387, 390, 392, 394–398, 400–
 405, 427, 493
 Шнирельман В.А. – 417, 423–426, 428
 Шольмерих А. – 177, 190, 493
 Шрейдер М.П. – 378
 Штайнмайер Ф.-В. – 9

Э

Эбжноту С. – 277
 Эзугбая М.К. – 290
 Энгелов А. – 277
 Энгельс Ф. – 48, 49, 239, 242
 Эшба Е.А. – 70, 73, 408, 428

Ю

Юнге М. – 13, 44, 97, 99, 100, 106, 108,
 110, 113, 116, 118, 120, 123, 125–128,
 136, 137, 142, 143, 145, 146, 148–150,
 153, 155–159, 161–166, 168, 169, 172–
 174, 176–181, 183, 186, 189, 190, 199,
 200, 205, 212, 248, 249, 272, 275, 279,
 317, 319, 339, 340, 343, 357, 368–370,
 374, 375, 378, 381, 387, 388, 390–394,
 396–399, 401, 404, 405, 414, 426–428,
 431–434, 443, 454, 481, 482, 492, 494

Я

Ягода Г.Г. – 18
 Ямсков А.Н. – 375
 Яновский К. – 107, 118
 Ярошевский М.Г. – 428
 Яхуа И. – 492

ИЗДАНИЯ АИРО В 2012–2017 гг.

2012

- Чермен Касаев.* Мой край, мои земляки / Предисловие и составление А.Ч. Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 184 с.
- Норман Неймарк.* Геноциды Сталина. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 176 с.; (Серия «АИРО – Первая публикация в России»).
- Юрий Штридтер.* Мгновения. Из сталинской Советской России в «Великогерманский рейх» Гитлера. Воспоминания о детстве и юности (1926–1945). С послесловием Карла Аймермахера / Перевод В.А. Брун-Цехового. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2012. – 480 с.
- В.В. Агеносов.* Избранные труды и воспоминания. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 704 с. + 72 с. илл.
- Г.А. Бордюгов.* Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 176 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- В.Э. Молодяков.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 656 с. + 16 с. илл. (Серия «АИРО – Монография»).
- Власть и общество в истории России. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 208 с.
- А.Г. Ложкин.* Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР: историко-правовые аспекты новейших исследований / А.Г. Ложкин. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 416 с. – (АИРО – Монография).
- Синто: память культуры и живая вера. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 236 с.
- Г.М. Семенцев.* Донцы. Из истории донского казачества. – М.: АИРО-XXI, 2012 г. – 180 с.
- Н.В. Кравчук.* Загадка Чернобыльской катастрофы. (Опыт независимого исследования). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 104 с.
- А.Д. Цыганок.* Военные под Российским флагом: русский взгляд. 1991–1993 / Предисловие С.А. Филатова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 432 с.
- А.А. Куреньшев.* Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 404 с.
- Т.А. Филиппова.* «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века / Предисловие В.И. Шеремета. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 384 с. – (АИРО – Монография).
- А.Н. Соломатин.* Основы подготовки журналистов для работы в районах военных действий и экстремальных ситуациях. Программа курса лекций.

- Курс апробирован на Отделении журналистики Филологического факультета РУДН в 2011–2012 гг. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 32 с.
- А.Д. Цыганок.* Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд / Предисловие М.А. Гареева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 448 с.
- Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2012–224 с.
- А.В. Макутчев.* «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Япония 2012. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2012. – 450 с.
- Эльгена Васильевна Молодякова. К 75-летию со дня рождения. Биобиблиографический указатель. Под ред. Г.А. Бордюгова и И.Л. Тимониной. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 120 с. + 8 с. илл.
- С.С. Михайлов.* Погост Николо-Шатур: История мешчёрского прихода. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. – 104 с.: ил. Б. тир. (Б-ка альм. «Мещёра-край»).
- Мещёра-край: альм. по истории и культуре Мещерского края / Ред.-сост. С.С. Михайлов; Независимая ассоц. исследователей Зап. Мещёры «Гуслиц. перекрёсток». – М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. Вып. 2. – 214 с.
- В.Г. Шаповал.* История сел Дунилово и Горицы. От неолита до современности. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 208 с. ил. – (Серия «АИРО – Российская провинция»).
- 90 лет СССР. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 268 с.
- Федор Крюков.* Православный мир старой России. – М.: АИРО–XXI. 2012. – 200 с.
- Федор Крюков.* Картинки школьной жизни старой России. – М.: АИРО–XXI. 2012. – 328 с.
- Светлана Лурье.* Imperium (Империя – ценностный и этнопсихологический подход). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 272 с. – (АИРО – Монография»).
- Федор Крюков.* Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисловие и составление А.Г. Макарова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 362 с.
- Алексей фон Лампе* – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сборник документов. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 536 с. – («АИРО – первая публикация»).

2013

- Две родины Стивена Коэна. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 224 с. + ил.
- Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 700 с.
- Невольник чести. Путь и судьба Владимира Полютова / Сост.: Т.Б. Григер канд. ист. н., доц., Н.В. Полютова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 152 с. + 52 с. ил.
- “...Ведь не безнадежность перед нами”. Переписка Николая Бухарина и Надежды Лукиной. 1911–1914, 1922 годы. Предисл. – Стивен Коэн; всту-

- пит. статья – Ж. Артамонова; составление и комментарии – Ж. Артамонова, Е. Суббота. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 320 с. + 4 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2013. Ежегодник. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 412 с.
- Федор Крюков. На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 548 с.
- Япония в Азии: параметры сотрудничества / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI, 2013 – 312 с.
- Между каноунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 1520 с.
- Фридрих Фирсов. 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2013. – 480 с. + 32 с. илл.
- Л.Н. Суворова. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком / Л.Н. Суворова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 304 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- А.Ю. Каратеев. Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 368 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- С.Н. Чекин. Старый Буян, Самара, Печорлаг. Повествование врача Трудникова. Составитель и автор предисловия Л.С. Чекин. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 296 с. + 8 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- М.И. Мельтохов. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 216 с. – (Серия «АИРО – Монография»).
- Валерий Брюсов. В эту минуту истории. Политические комментарии. 1902–1924 / Составление, вступительная статья В.Э. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 312 с. + 4 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Л.А. Посадская. Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 184 с.
- Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 384 с.
- Д.В. Стрельцов. Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 280 с.
- В.Я. Гросул. Общественное мнение в России XIX века. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 560 с.
- Идущий впереди. К 90-летию Гейдара Алиева. – М.: Вестник Кавказа; АИРО-XXI, 2013. – 368 с.
- Современное медиапространство Азербайджана. Под ред. Г. Бордюгова. Предисл. А. Рагимова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 416 с. + 36 с. илл.
- Мещёра-край: Альм. по истории и культуре Мещерского края / Гл. ред. С.С. Михайлов. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2013. Вып. 3. 320 с. – (АИРО – Рос. провинция).

2014

- М.Н. Мосейкина. У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века. Том 1 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией

- Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 392 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-236-0.
- 3.С. Бочарова. Феномен зарубежной России 1920-х годов. Том 2 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 408 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-238-4.
- 3.С. Бочарова. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. Том 3 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 336 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-240-7.
- А.В. Антошин. На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг. Том 4 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-242-1.
- А.В. Антошин. От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг. Том 5 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-244-5.
- Г.А. Бордюгов, А.Ч. Касаев. Русский мир и Россия: формирование нового типа отношений. 1986–2000 гг. Том 6 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 352 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-246-9.
- В.В. Агеносов Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 736 с.; илл. – ISBN 978-5-91022-230-8. – ISBN 978-5-90670-527-3.
- Л.В. Совинский. В зеркале времени. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 592 с. + 32 с. илл.
- Война и мир в новой и новейшей истории России. (К 100-летию начала Первой мировой войны). Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 252 с.
- Всё остается людям. Анатолий Котеленец: к 100-летию со дня рождения / Составители: Е.А. Котеленец, Т.А. Котеленец, О.Б. Беляков. М.: АИРО-XXI, 2014. – 112 с. + 28 с. илл.
- В.Я. Гросул. Труды по теории истории. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 548 с.
- Татьяна Филиппова, Пётр Баратов. «Враги России». Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. – (Серия «АИРО – монография») – М.: АИРО-XXI, 2014. – 272 с. + 88 с. илл.
- Юлия Сидур – Карл Аймермахер. «Время новых надежд...». Переписка 1986–1992 / Обработка текста Владимира Воловникова. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 512 с., илл. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») / Под ред. Г.А. Бордюгова).
- Торгово-промышленные палаты и биржевые комитеты России в годы Первой мировой войны / Предисл. С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2014. – 432 с. (с иллюстрациями).
- Владимир Александрович Нежежин. Биобиблиографический указатель. Сост.: Е.С. и М.С. Сапрыкины. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 128 с.

- И.Б. Белова.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. – (Серия «АИРО – монография») – М.: АИРО-XXI, 2014. – 432 с. + 16 с. илл.
- Н.Г. Смирнов.* Рапава, Багиров и другие. Антисталинские процессы 1950-х гг. / Рукопись подготовлена к печати С.Н. Смирновым. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 368 с. + 12 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / Под ред. Г.А. Бордюгова).
- Г.А. Бордюгов. Биобиблиография. Сост. А. Макаров, О. Пруцкова, С. Щербина. Предисл. Дм. Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 192 с. + 16 с. ил.
- Юрий Штрудтер.* Плутовской роман в России: к истории русского романа до Гоголя. Перевод с немецкого Валерия Брун-Цехового и Даниила Бордюгова – (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова) – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 416 с.
- Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плева до В.Ф. Джунковского. Сборник документов / Вступительная статья, составление и комментарии – Е.И. Щербакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 352 с. – (Серия «АИРО – первая публикация» / Под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2014. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2014. – 340 с.
- Японское общество: изменяющееся и неизменное / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2014. – 300 с.
- «Запад как враг»: реанимация исторического мифа или новая реальность? Материалы Семинара 22 октября 2014 г. / Под редакцией Карла Аймермахера и Геннадия Бордюгова – М.: АИРО-XXI, 2014. – 128 с., илл.
- От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты. Сборник статей и материалов / Под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО-XXI. 2014. – 624 с. + 44 с. илл.

2015

- Русский мир и русское образование в условиях глобализации культуры. Перечитывая философско-педагогическую антропологию Е.П. Белозерцева. К 75-летию профессора Е.П. Белозерцева. Монография / Под ред. И.Е. Булатникова, А.В. Репринцева. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 368 с. + 40 с. ил.
- Фрезинский Борис.* Троицкий. Каменев. Бухарин. Избранные страницы жизни, работы и судьбы. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 384 с.
- Национальный вопрос в истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 320 с.
- А.А. Баев.* Отлучение от науки. Академик Александр Александрович Баев. Архивно-следственные документы 1937–1954 гг. и многое другое. (Серия «АИРО – Первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с. : ил.
- Юлия Нельская-Сидур.* «Время, когда не пишут дневников и писем...» Хроника одного подвала. Дневники 1968–1973 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Владимира Воловникова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2015. – 1080 с.

- Г.А. Куренков.* От конспирации к секретности. Защита партийно-государственной тайны в РКП (б)–ВКП (б). 1918–1941 гг. (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО–XXI, 2015. – 252 с.
- Всесоюзная торговая палата. 1939–1945 гг. / Под редакцией Президента ТПП РФ С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; АИРО–XXI, 2015. – 504 с. (с иллюстрациями).
- Великой Победе – 70 лет. Сб. ст. – М.: АИРО–XXI. 2015. – 320 с.
- А.В. Долгоятов.* Эти тихие уездные города. О социально-экономическом развитии малых городов Московской губернии во второй половине XIX – начале XX века. (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО–XXI, 2015. – 232 с.
- Любите край Кумылженский, что нам судьбою дан. Книга вторая. Серия «АИРО – Российская провинция». – М.: АИРО–XXI, 2015. – 528 с.
- В.А. Сомов.* Первое советское поколение: испытание войной. – М.: АИРО–XXI, 2015. – 176 с. + илл. – (АИРО – Монография).
- В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец.* Государственная пропаганда и информационные войны. Учебное пособие. – М.: АИРО–XXI, 2015. – 400 с.: ил.
- О.Ю. Голечкова.* Бюрократ его величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX – начале XX века / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО–XXI, 2015. – 192 с. – (Серия «АИРО – Первая монография») под ред. Г.А. Бордюгова).
- Победа-70: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2015. – 624 с. с иллюстрациями.
- Б.В. Соколов.* Моя книга о Владимире Сорокине. – М.: АИРО–XXI, 2015. – 336 с.
- И.Н. Гребенкин.* Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. – М.: АИРО–XXI, 2015. – 528 с. + илл. – (АИРО – Монография).
- Н.А. Четырина.* «Для науки кукольного мастерства»: художественные промыслы в документах ратуши Сергиевского посада (1796–1864 гг.). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО–XXI, 2015. – 304 с.
- Е.В. Суровцева.* Баден под Веной и его окрестности. Историко-культурологический путеводитель с приложением воспоминаний барона Ф.Ф. Торнау. – М.: АИРО–XXI, 2015. – 248 с.
- Олег Кантес.* «Воинственная» наука: проработка прошлого диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века – (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова) – М.: АИРО–XXI, 2015. – 352 с.
- Марк Юнге.* Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. – М.: АИРО–XXI, 2015. – 640 с.
- Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО–XXI, 2015. – 640 с.
- Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 2: Документы и статистика; составители Марк Юнге, Бернд Бонвеч. – М.: АИРО–XXI, 2015. – 656 с.

- О.Г. Герасимова.* «Оттепель», «заморозки» и студенты Московского университета / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 608 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2015. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2015. – 352 с.
- Япония: консервативный поворот. / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2015. – 288 с.
- Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиной в четверть века / под редакцией проф. Д.В. Стрельцова. – М., АИРО-XXI. 2015 – 448 с.
- Федор Крюков.* На Дону. В родных местах. М.: «АИРО-XXI». 2016 г. – 384 с.
- От «Кровавого воскресенья» к третьеиюньской монархии. Материалы научно-практической конференции. – М.: АИРО-XXI. 2015. – 220 с.
- «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов / Под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI. 2015. – 856 с. + 20 с. илл.

2016

- Научно-педагогические школы России в контексте Русского мира и образования. Коллективная монография / Под ред. Е.П. Белозерцева. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 592 с. – ISBN 978-5-91022-342-8.
- Неизвестный Примаков. Документы. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. – 560 с.
- Неизвестный Примаков. Воспоминания. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета»; АИРО-XXI, 2016. – 488 с.; цв. илл.
- The unknown Primakov. Memoirs. – Moscow: Publishing house TPP RF; Publishing house Rossiyskaya gazeta; АИРО-XXI, 2016. – 464 p.; with ill., in color.
- Н.И. Дедков, Г.А. Бордюгов, Е.И. Щербакова и др.* История для экономистов. Интегрированный учебный комплекс для студентов экономических специальностей вузов Российской Федерации / Под общей редакцией А.Д. Некипелова и С.Н. Катырина. Том первый. М.: АИРО-XXI, 2016, – 928 с.
- Ю.Е. Бычков.* Ощущение своего времени. Страницы одной не рядовой биографии. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 304 с. Илл.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 1: Анатомия ближневосточного конфликта. Восток после краха колониальной системы. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 656 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 2: История одного сговора: ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х годов. Война, которой могло не быть. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 608 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 3: Годы в большой политике. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 592 с.

- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 4: Восемь месяцев плюс... Мир после 11 сентября. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 544 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 5: Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 608 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 6: Минное поле политики. Мир без России? – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 800 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 7: Мысли вслух. Россия: надежды и тревоги. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 416 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 8: Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 320 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 9: Избранные доклады, выступления, интервью и эссе. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 592 с.
- Е.М. Примаков.* Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 10: Биобиблиография Е.М. Примакова. – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. – 336 с.; цв. илл.
- А.В. Венков.* «Дело Сенина» или операция «Трест» на Верхнем Дону. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 196 с.
- А.Д. Цыганок.* Война в Сирии и ее последствия для Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии: русский взгляд. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 400 с.
- Нечаев И.А.* «Я знаю, что время не ждет у порога...». Стихи. Письма. Воспоминания / Серия «АИРО – первая публикация» под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2016, – 184 с.
- Время декана. К 80-летию Тамары Ивановны Карповой. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 320 с.
- О.А. Чагадаева.* «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы) / Послесловие – Александр Шевырев. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- С.С. Войтиков.* Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 432 с.
- В.Л. Кириллов.* Революционный терроризм, которого не было: Тайное общество «Сморгонская академия» в русском революционном движении 1860-х гг. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Пётр Черёмушкин.* Ярузельский: испытание Россией. – М.: АИРО–XXI, 2016. – 288 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- А.Д. Цыганок.* Донбасс: неоконченная война. Гражданская война на Украине (2014–2016): русский взгляд – М.: АИРО–XXI, 2016. – 680 с.
- Идеология и политика в истории России. Сб. ст. – М.: АИРО–XXI. 2016. – 192 с.
- Япония 2016. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2016. – 404 с.

2017

- Б.В. Соколов.* Цена войны. Людские потери России/СССР в XX–XXI вв. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 576 с.
- А.М. Рыбаков.* Искусство принятия экономических решений. Доклады, статьи и интервью / Сост. и ред. Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 424 с.
- Образовательная деятельность и историко-культурное наследие Отчего края. Коллективная монография / Под ред. Е.П. Белозерцева. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 352 с.
- Е. Н. Шталь.* Литературные Хибины: энциклопедический справочник. 1835–2015. – М.: «АИРО-XXI». 2017. – 1056 с.
- Е.А. Котеленец.* Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 256 с. – (АИРО – Монография).
- Международный форум «Примаковские чтения». Сборник материалов. 2016. – М.: АИРО-XXI, 2017. – 176 с. + 12 с. илл.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

ГРУЗИЯ В ПУТИ

Тени сталинизма

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ISBN 591022366-6

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
тел. +7 (917) 547-84-24
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
Заказ книг: <http://www.airo-xxi.ru/lavka>
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 21.06.2017
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 32,0
Тираж 350 экз. Зак.